

Давид Мотадель

Ислам
в политике
нацистской
Германии
(1939–1945)

Annotation

На решающем этапе Второй мировой войны немецкие войска вели боевые действия в таких далеких друг от друга регионах, как Сахара и Кавказ, на территориях, населенных преимущественно мусульманами. Нацисты считали ислам важной силой, союзником в борьбе с общими врагами: Британской империей, Советским Союзом и евреями.

Книга представляет собой первое всестороннее описание попыток Берлина мобилизовать исламский мир.

Основываясь на архивных изысканиях, проведенных на трех континентах, историк Давид Мотадель показывает, как немецкие власти пытались представить Третий рейх покровителем ислама. Он рассматривает политику и пропаганду Берлина в зонах боевых действий, населенных мусульманами, и обширную работу, которую вели власти по привлечению и идеологической обработке десятков тысяч добровольцев, сражавшихся в вермахте и СС.

В книге показывается, как немецкие войска в Северной Африке, на Балканах и Восточном фронте взаимодействовали с мусульманским населением, включая исламизированных цыган и евреев. Благодаря взвешенной аргументации в сочетании с мастерским знанием деталей эта книга помогает понять, как сильно Вторая мировая война повлияла на мусульман по всему миру. Работа Мотаделя предлагает новый взгляд на религиозную политику во время самого кровопролитного конфликта XX столетия.

-
- [Давид Мотадель](#)
 -
 - [Слова признательности](#)
 - [Введение](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 -
 - [Реакция союзников на заигрывание немцев с исламом](#)
 - [Германские солдаты и ислам на североафриканском театре боевых действий](#)

- 4
 -
 - Ислам и война на Кавказе
 - Ислам и оккупация в Крыму
 - Ислам и гражданская администрация в рейхскомиссариате Остланд
 - Реалии войны и реакция советской власти
- 5
 -
 - Турне муфтия
 - Религиозная пропаганда
 - Отношения немецких властей с религиозными деятелями и организациями
 - Насилие и разрушенные надежды
- 6
 -
 - Мусульмане в вермахте
 - Мусульмане в СС
- 7
 -
 - Религия и комплектование личным составом
 - Религиозные ритуалы и военная дисциплина
 - Военные имамы
 - Школы имамов
- 8
 -
 - Политработники и религиозная пропаганда
 - Ислам, военные журналы и печатная пропаганда
 - Дискриминация и пределы верности
 - Поражение
- Заключение
- notes
 - 1
 - 2
 - 3
 - 4
 - 5

- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)

- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)

- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)
- [85](#)
- [86](#)
- [87](#)
- [88](#)
- [89](#)
- [90](#)
- [91](#)
- [92](#)
- [93](#)
- [94](#)
- [95](#)
- [96](#)
- [97](#)
- [98](#)
- [99](#)
- [100](#)
- [101](#)
- [102](#)
- [103](#)
- [104](#)
- [105](#)
- [106](#)
- [107](#)
- [108](#)
- [109](#)
- [110](#)
- [111](#)
- [112](#)
- [113](#)
- [114](#)
- [115](#)
- [116](#)

- [117](#)
- [118](#)
- [119](#)
- [120](#)
- [121](#)
- [122](#)
- [123](#)
- [124](#)
- [125](#)
- [126](#)
- [127](#)
- [128](#)
- [129](#)
- [130](#)
- [131](#)
- [132](#)
- [133](#)
- [134](#)
- [135](#)
- [136](#)
- [137](#)
- [138](#)
- [139](#)
- [140](#)
- [141](#)
- [142](#)
- [143](#)
- [144](#)
- [145](#)
- [146](#)
- [147](#)
- [148](#)
- [149](#)
- [150](#)
- [151](#)
- [152](#)
- [153](#)

- [154](#)
- [155](#)
- [156](#)
- [157](#)
- [158](#)
- [159](#)
- [160](#)
- [161](#)
- [162](#)
- [163](#)
- [164](#)
- [165](#)
- [166](#)
- [167](#)
- [168](#)
- [169](#)
- [170](#)
- [171](#)
- [172](#)
- [173](#)
- [174](#)
- [175](#)
- [176](#)
- [177](#)
- [178](#)
- [179](#)
- [180](#)
- [181](#)
- [182](#)
- [183](#)
- [184](#)
- [185](#)
- [186](#)
- [187](#)
- [188](#)
- [189](#)
- [190](#)

- [191](#)
- [192](#)
- [193](#)
- [194](#)
- [195](#)
- [196](#)
- [197](#)
- [198](#)
- [199](#)
- [200](#)
- [201](#)
- [202](#)
- [203](#)
- [204](#)
- [205](#)
- [206](#)
- [207](#)
- [208](#)
- [209](#)
- [210](#)
- [211](#)
- [212](#)
- [213](#)
- [214](#)
- [215](#)
- [216](#)
- [217](#)
- [218](#)
- [219](#)
- [220](#)
- [221](#)
- [222](#)
- [223](#)
- [224](#)
- [225](#)
- [226](#)
- [227](#)

- [228](#)
- [229](#)
- [230](#)
- [231](#)
- [232](#)
- [233](#)
- [234](#)
- [235](#)
- [236](#)
- [237](#)
- [238](#)
- [239](#)
- [240](#)
- [241](#)
- [242](#)
- [243](#)
- [244](#)
- [245](#)
- [246](#)
- [247](#)
- [248](#)
- [249](#)
- [250](#)
- [251](#)
- [252](#)
- [253](#)
- [254](#)
- [255](#)
- [256](#)
- [257](#)
- [258](#)
- [259](#)
- [260](#)
- [261](#)
- [262](#)
- [263](#)
- [264](#)

- [265](#)
- [266](#)
- [267](#)
- [268](#)
- [269](#)
- [270](#)
- [271](#)
- [272](#)
- [273](#)
- [274](#)
- [275](#)
- [276](#)
- [277](#)
- [278](#)
- [279](#)
- [280](#)
- [281](#)
- [282](#)
- [283](#)
- [284](#)
- [285](#)
- [286](#)
- [287](#)
- [288](#)
- [289](#)
- [290](#)
- [291](#)
- [292](#)
- [293](#)
- [294](#)
- [295](#)
- [296](#)
- [297](#)
- [298](#)
- [299](#)
- [300](#)
- [301](#)

- [302](#)
- [303](#)
- [304](#)
- [305](#)
- [306](#)
- [307](#)
- [308](#)
- [309](#)
- [310](#)
- [311](#)
- [312](#)
- [313](#)
- [314](#)
- [315](#)
- [316](#)
- [317](#)
- [318](#)
- [319](#)
- [320](#)
- [321](#)
- [322](#)
- [323](#)
- [324](#)
- [325](#)
- [326](#)
- [327](#)
- [328](#)
- [329](#)
- [330](#)
- [331](#)
- [332](#)
- [333](#)
- [334](#)
- [335](#)
- [336](#)
- [337](#)
- [338](#)

- [339](#)
- [340](#)
- [341](#)
- [342](#)
- [343](#)
- [344](#)
- [345](#)
- [346](#)
- [347](#)
- [348](#)
- [349](#)
- [350](#)
- [351](#)
- [352](#)
- [353](#)
- [354](#)
- [355](#)
- [356](#)
- [357](#)
- [358](#)
- [359](#)
- [360](#)
- [361](#)
- [362](#)
- [363](#)
- [364](#)
- [365](#)
- [366](#)
- [367](#)
- [368](#)
- [369](#)
- [370](#)
- [371](#)
- [372](#)
- [373](#)
- [374](#)
- [375](#)

- [376](#)
- [377](#)
- [378](#)
- [379](#)
- [380](#)
- [381](#)
- [382](#)
- [383](#)
- [384](#)
- [385](#)
- [386](#)
- [387](#)
- [388](#)
- [389](#)
- [390](#)
- [391](#)
- [392](#)
- [393](#)
- [394](#)
- [395](#)
- [396](#)
- [397](#)
- [398](#)
- [399](#)
- [400](#)
- [401](#)
- [402](#)
- [403](#)
- [404](#)
- [405](#)
- [406](#)
- [407](#)
- [408](#)
- [409](#)
- [410](#)
- [411](#)
- [412](#)

- [413](#)
- [414](#)
- [415](#)
- [416](#)
- [417](#)
- [418](#)
- [419](#)
- [420](#)
- [421](#)
- [422](#)
- [423](#)
- [424](#)
- [425](#)
- [426](#)
- [427](#)
- [428](#)
- [429](#)
- [430](#)
- [431](#)
- [432](#)
- [433](#)
- [434](#)
- [435](#)
- [436](#)
- [437](#)
- [438](#)
- [439](#)
- [440](#)
- [441](#)
- [442](#)
- [443](#)
- [444](#)
- [445](#)
- [446](#)
- [447](#)
- [448](#)
- [449](#)

- [450](#)
- [451](#)
- [452](#)
- [453](#)
- [454](#)
- [455](#)
- [456](#)
- [457](#)
- [458](#)
- [459](#)
- [460](#)
- [461](#)
- [462](#)
- [463](#)
- [464](#)
- [465](#)
- [466](#)
- [467](#)
- [468](#)
- [469](#)
- [470](#)
- [471](#)
- [472](#)
- [473](#)
- [474](#)
- [475](#)
- [476](#)
- [477](#)
- [478](#)
- [479](#)
- [480](#)
- [481](#)
- [482](#)
- [483](#)
- [484](#)
- [485](#)
- [486](#)

- [487](#)
- [488](#)
- [489](#)
- [490](#)
- [491](#)
- [492](#)
- [493](#)
- [494](#)
- [495](#)
- [496](#)
- [497](#)
- [498](#)
- [499](#)
- [500](#)
- [501](#)
- [502](#)
- [503](#)
- [504](#)
- [505](#)
- [506](#)
- [507](#)
- [508](#)
- [509](#)
- [510](#)
- [511](#)
- [512](#)
- [513](#)
- [514](#)
- [515](#)
- [516](#)
- [517](#)
- [518](#)
- [519](#)
- [520](#)
- [521](#)
- [522](#)
- [523](#)

- [524](#)
- [525](#)
- [526](#)
- [527](#)
- [528](#)
- [529](#)
- [530](#)
- [531](#)
- [532](#)
- [533](#)
- [534](#)
- [535](#)
- [536](#)
- [537](#)
- [538](#)
- [539](#)
- [540](#)
- [541](#)
- [542](#)
- [543](#)
- [544](#)
- [545](#)
- [546](#)
- [547](#)
- [548](#)
- [549](#)
- [550](#)
- [551](#)
- [552](#)
- [553](#)
- [554](#)
- [555](#)
- [556](#)
- [557](#)
- [558](#)
- [559](#)
- [560](#)

- [561](#)
- [562](#)
- [563](#)
- [564](#)
- [565](#)
- [566](#)
- [567](#)
- [568](#)
- [569](#)
- [570](#)
- [571](#)
- [572](#)
- [573](#)
- [574](#)
- [575](#)
- [576](#)
- [577](#)
- [578](#)
- [579](#)
- [580](#)
- [581](#)
- [582](#)
- [583](#)
- [584](#)
- [585](#)
- [586](#)
- [587](#)
- [588](#)
- [589](#)
- [590](#)
- [591](#)
- [592](#)
- [593](#)
- [594](#)
- [595](#)
- [596](#)
- [597](#)

- [598](#)
- [599](#)
- [600](#)
- [601](#)
- [602](#)
- [603](#)
- [604](#)
- [605](#)
- [606](#)
- [607](#)
- [608](#)
- [609](#)
- [610](#)
- [611](#)
- [612](#)
- [613](#)
- [614](#)
- [615](#)
- [616](#)
- [617](#)
- [618](#)
- [619](#)
- [620](#)
- [621](#)
- [622](#)
- [623](#)
- [624](#)
- [625](#)
- [626](#)
- [627](#)
- [628](#)
- [629](#)
- [630](#)
- [631](#)
- [632](#)
- [633](#)
- [634](#)

- [635](#)
- [636](#)
- [637](#)
- [638](#)
- [639](#)
- [640](#)
- [641](#)
- [642](#)
- [643](#)
- [644](#)
- [645](#)
- [646](#)
- [647](#)
- [648](#)
- [649](#)
- [650](#)
- [651](#)
- [652](#)
- [653](#)
- [654](#)
- [655](#)
- [656](#)
- [657](#)
- [658](#)
- [659](#)
- [660](#)
- [661](#)
- [662](#)
- [663](#)
- [664](#)
- [665](#)
- [666](#)
- [667](#)
- [668](#)
- [669](#)
- [670](#)
- [671](#)

- [672](#)
- [673](#)
- [674](#)
- [675](#)
- [676](#)
- [677](#)
- [678](#)
- [679](#)
- [680](#)
- [681](#)
- [682](#)
- [683](#)
- [684](#)
- [685](#)
- [686](#)
- [687](#)
- [688](#)
- [689](#)
- [690](#)
- [691](#)
- [692](#)
- [693](#)
- [694](#)
- [695](#)
- [696](#)
- [697](#)
- [698](#)
- [699](#)
- [700](#)
- [701](#)
- [702](#)
- [703](#)
- [704](#)
- [705](#)
- [706](#)
- [707](#)
- [708](#)

- [709](#)
- [710](#)
- [711](#)
- [712](#)
- [713](#)
- [714](#)
- [715](#)
- [716](#)
- [717](#)
- [718](#)
- [719](#)
- [720](#)
- [721](#)
- [722](#)
- [723](#)
- [724](#)
- [725](#)
- [726](#)
- [727](#)
- [728](#)
- [729](#)
- [730](#)
- [731](#)
- [732](#)
- [733](#)
- [734](#)
- [735](#)
- [736](#)
- [737](#)
- [738](#)
- [739](#)
- [740](#)
- [741](#)
- [742](#)
- [743](#)
- [744](#)
- [745](#)

- [746](#)
- [747](#)
- [748](#)
- [749](#)
- [750](#)
- [751](#)
- [752](#)
- [753](#)
- [754](#)
- [755](#)
- [756](#)
- [757](#)
- [758](#)
- [759](#)
- [760](#)
- [761](#)
- [762](#)
- [763](#)
- [764](#)
- [765](#)
- [766](#)
- [767](#)
- [768](#)
- [769](#)
- [770](#)
- [771](#)
- [772](#)
- [773](#)
- [774](#)
- [775](#)
- [776](#)
- [777](#)
- [778](#)
- [779](#)
- [780](#)
- [781](#)
- [782](#)

- [783](#)
- [784](#)
- [785](#)
- [786](#)
- [787](#)
- [788](#)
- [789](#)
- [790](#)
- [791](#)
- [792](#)
- [793](#)
- [794](#)
- [795](#)
- [796](#)
- [797](#)
- [798](#)
- [799](#)
- [800](#)
- [801](#)
- [802](#)
- [803](#)
- [804](#)
- [805](#)
- [806](#)
- [807](#)
- [808](#)
- [809](#)
- [810](#)
- [811](#)
- [812](#)
- [813](#)
- [814](#)
- [815](#)
- [816](#)
- [817](#)
- [818](#)
- [819](#)

- [820](#)
- [821](#)
- [822](#)
- [823](#)
- [824](#)
- [825](#)
- [826](#)
- [827](#)
- [828](#)
- [829](#)
- [830](#)
- [831](#)
- [832](#)
- [833](#)
- [834](#)
- [835](#)
- [836](#)
- [837](#)
- [838](#)
- [839](#)
- [840](#)
- [841](#)
- [842](#)
- [843](#)
- [844](#)
- [845](#)
- [846](#)
- [847](#)
- [848](#)
- [849](#)
- [850](#)
- [851](#)
- [852](#)
- [853](#)
- [854](#)
- [855](#)
- [856](#)

- [857](#)
- [858](#)
- [859](#)
- [860](#)
- [861](#)
- [862](#)
- [863](#)
- [864](#)
- [865](#)
- [866](#)
- [867](#)
- [868](#)
- [869](#)
- [870](#)
- [871](#)
- [872](#)
- [873](#)
- [874](#)
- [875](#)
- [876](#)
- [877](#)
- [878](#)
- [879](#)
- [880](#)
- [881](#)
- [882](#)
- [883](#)
- [884](#)
- [885](#)
- [886](#)
- [887](#)
- [888](#)
- [889](#)
- [890](#)
- [891](#)
- [892](#)
- [893](#)

- [894](#)
- [895](#)
- [896](#)
- [897](#)
- [898](#)
- [899](#)
- [900](#)
- [901](#)
- [902](#)
- [903](#)
- [904](#)
- [905](#)
- [906](#)
- [907](#)
- [908](#)
- [909](#)
- [910](#)
- [911](#)
- [912](#)
- [913](#)
- [914](#)
- [915](#)
- [916](#)
- [917](#)
- [918](#)
- [919](#)
- [920](#)
- [921](#)
- [922](#)
- [923](#)
- [924](#)
- [925](#)
- [926](#)
- [927](#)
- [928](#)
- [929](#)
- [930](#)

- [931](#)
- [932](#)
- [933](#)
- [934](#)
- [935](#)
- [936](#)
- [937](#)
- [938](#)
- [939](#)
- [940](#)
- [941](#)
- [942](#)
- [943](#)
- [944](#)
- [945](#)
- [946](#)
- [947](#)
- [948](#)
- [949](#)
- [950](#)
- [951](#)
- [952](#)
- [953](#)
- [954](#)
- [955](#)
- [956](#)
- [957](#)
- [958](#)
- [959](#)
- [960](#)
- [961](#)
- [962](#)
- [963](#)
- [964](#)
- [965](#)
- [966](#)
- [967](#)

- [968](#)
- [969](#)
- [970](#)
- [971](#)
- [972](#)
- [973](#)
- [974](#)
- [975](#)
- [976](#)
- [977](#)
- [978](#)
- [979](#)
- [980](#)
- [981](#)
- [982](#)
- [983](#)
- [984](#)
- [985](#)
- [986](#)
- [987](#)
- [988](#)
- [989](#)
- [990](#)
- [991](#)
- [992](#)
- [993](#)
- [994](#)
- [995](#)
- [996](#)
- [997](#)
- [998](#)
- [999](#)
- [1000](#)
- [1001](#)
- [1002](#)
- [1003](#)
- [1004](#)

- [1005](#)
- [1006](#)
- [1007](#)
- [1008](#)
- [1009](#)
- [1010](#)
- [1011](#)
- [1012](#)
- [1013](#)
- [1014](#)
- [1015](#)
- [1016](#)
- [1017](#)
- [1018](#)
- [1019](#)
- [1020](#)
- [1021](#)
- [1022](#)
- [1023](#)
- [1024](#)
- [1025](#)
- [1026](#)
- [1027](#)
- [1028](#)
- [1029](#)
- [1030](#)
- [1031](#)
- [1032](#)
- [1033](#)
- [1034](#)
- [1035](#)
- [1036](#)
- [1037](#)
- [1038](#)
- [1039](#)
- [1040](#)
- [1041](#)

- [1042](#)
- [1043](#)
- [1044](#)
- [1045](#)
- [1046](#)
- [1047](#)
- [1048](#)
- [1049](#)
- [1050](#)
- [1051](#)
- [1052](#)
- [1053](#)
- [1054](#)
- [1055](#)
- [1056](#)
- [1057](#)
- [1058](#)
- [1059](#)
- [1060](#)
- [1061](#)
- [1062](#)
- [1063](#)
- [1064](#)
- [1065](#)
- [1066](#)
- [1067](#)
- [1068](#)
- [1069](#)
- [1070](#)
- [1071](#)
- [1072](#)
- [1073](#)
- [1074](#)
- [1075](#)
- [1076](#)
- [1077](#)
- [1078](#)

- [1079](#)
- [1080](#)
- [1081](#)
- [1082](#)
- [1083](#)
- [1084](#)
- [1085](#)
- [1086](#)
- [1087](#)
- [1088](#)
- [1089](#)
- [1090](#)
- [1091](#)
- [1092](#)
- [1093](#)
- [1094](#)
- [1095](#)
- [1096](#)
- [1097](#)
- [1098](#)
- [1099](#)
- [1100](#)
- [1101](#)
- [1102](#)
- [1103](#)
- [1104](#)
- [1105](#)
- [1106](#)
- [1107](#)
- [1108](#)
- [1109](#)
- [1110](#)
- [1111](#)
- [1112](#)
- [1113](#)
- [1114](#)
- [1115](#)

- [1116](#)
- [1117](#)
- [1118](#)
- [1119](#)
- [1120](#)
- [1121](#)
- [1122](#)
- [1123](#)
- [1124](#)
- [1125](#)
- [1126](#)
- [1127](#)
- [1128](#)
- [1129](#)
- [1130](#)
- [1131](#)
- [1132](#)
- [1133](#)
- [1134](#)
- [1135](#)
- [1136](#)
- [1137](#)
- [1138](#)
- [1139](#)
- [1140](#)
- [1141](#)
- [1142](#)
- [1143](#)
- [1144](#)
- [1145](#)
- [1146](#)
- [1147](#)
- [1148](#)
- [1149](#)
- [1150](#)
- [1151](#)
- [1152](#)

- [1153](#)
- [1154](#)
- [1155](#)
- [1156](#)
- [1157](#)
- [1158](#)
- [1159](#)
- [1160](#)
- [1161](#)
- [1162](#)
- [1163](#)
- [1164](#)
- [1165](#)
- [1166](#)
- [1167](#)
- [1168](#)
- [1169](#)
- [1170](#)
- [1171](#)
- [1172](#)
- [1173](#)
- [1174](#)
- [1175](#)
- [1176](#)
- [1177](#)
- [1178](#)
- [1179](#)
- [1180](#)
- [1181](#)
- [1182](#)
- [1183](#)
- [1184](#)
- [1185](#)
- [1186](#)
- [1187](#)
- [1188](#)
- [1189](#)

- [1190](#)
- [1191](#)
- [1192](#)
- [1193](#)
- [1194](#)
- [1195](#)
- [1196](#)
- [1197](#)
- [1198](#)
- [1199](#)
- [1200](#)
- [1201](#)
- [1202](#)
- [1203](#)
- [1204](#)
- [1205](#)
- [1206](#)
- [1207](#)
- [1208](#)
- [1209](#)
- [1210](#)
- [1211](#)
- [1212](#)
- [1213](#)
- [1214](#)
- [1215](#)
- [1216](#)
- [1217](#)
- [1218](#)
- [1219](#)
- [1220](#)
- [1221](#)
- [1222](#)
- [1223](#)
- [1224](#)
- [1225](#)
- [1226](#)

- [1227](#)
- [1228](#)
- [1229](#)
- [1230](#)
- [1231](#)
- [1232](#)
- [1233](#)
- [1234](#)
- [1235](#)
- [1236](#)
- [1237](#)
- [1238](#)
- [1239](#)
- [1240](#)
- [1241](#)
- [1242](#)
- [1243](#)
- [1244](#)
- [1245](#)
- [1246](#)
- [1247](#)
- [1248](#)
- [1249](#)
- [1250](#)
- [1251](#)
- [1252](#)
- [1253](#)
- [1254](#)
- [1255](#)
- [1256](#)
- [1257](#)
- [1258](#)
- [1259](#)
- [1260](#)
- [1261](#)
- [1262](#)
- [1263](#)

- [1264](#)
- [1265](#)
- [1266](#)
- [1267](#)
- [1268](#)
- [1269](#)
- [1270](#)
- [1271](#)
- [1272](#)
- [1273](#)
- [1274](#)
- [1275](#)
- [1276](#)
- [1277](#)
- [1278](#)
- [1279](#)
- [1280](#)
- [1281](#)
- [1282](#)
- [1283](#)
- [1284](#)
- [1285](#)
- [1286](#)
- [1287](#)
- [1288](#)
- [1289](#)
- [1290](#)
- [1291](#)
- [1292](#)
- [1293](#)
- [1294](#)
- [1295](#)
- [1296](#)
- [1297](#)
- [1298](#)
- [1299](#)
- [1300](#)

- [1301](#)
- [1302](#)
- [1303](#)
- [1304](#)
- [1305](#)
- [1306](#)
- [1307](#)
- [1308](#)
- [1309](#)
- [1310](#)
- [1311](#)
- [1312](#)
- [1313](#)
- [1314](#)
- [1315](#)
- [1316](#)
- [1317](#)
- [1318](#)
- [1319](#)
- [1320](#)
- [1321](#)
- [1322](#)
- [1323](#)
- [1324](#)
- [1325](#)
- [1326](#)
- [1327](#)
- [1328](#)
- [1329](#)
- [1330](#)
- [1331](#)
- [1332](#)
- [1333](#)
- [1334](#)
- [1335](#)
- [1336](#)
- [1337](#)

- [1338](#)
- [1339](#)
- [1340](#)
- [1341](#)
- [1342](#)
- [1343](#)
- [1344](#)
- [1345](#)
- [1346](#)
- [1347](#)
- [1348](#)
- [1349](#)
- [1350](#)
- [1351](#)
- [1352](#)
- [1353](#)
- [1354](#)
- [1355](#)
- [1356](#)
- [1357](#)
- [1358](#)
- [1359](#)
- [1360](#)
- [1361](#)
- [1362](#)
- [1363](#)
- [1364](#)
- [1365](#)
- [1366](#)
- [1367](#)
- [1368](#)
- [1369](#)
- [1370](#)
- [1371](#)
- [1372](#)
- [1373](#)
- [1374](#)

- [1375](#)
- [1376](#)
- [1377](#)
- [1378](#)
- [1379](#)
- [1380](#)
- [1381](#)
- [1382](#)
- [1383](#)
- [1384](#)
- [1385](#)
- [1386](#)
- [1387](#)
- [1388](#)
- [1389](#)
- [1390](#)
- [1391](#)
- [1392](#)
- [1393](#)
- [1394](#)
- [1395](#)
- [1396](#)
- [1397](#)
- [1398](#)
- [1399](#)
- [1400](#)
- [1401](#)
- [1402](#)
- [1403](#)
- [1404](#)
- [1405](#)
- [1406](#)
- [1407](#)
- [1408](#)
- [1409](#)
- [1410](#)
- [1411](#)

- [1412](#)
- [1413](#)
- [1414](#)
- [1415](#)
- [1416](#)
- [1417](#)
- [1418](#)
- [1419](#)
- [1420](#)
- [1421](#)
- [1422](#)
- [1423](#)
- [1424](#)
- [1425](#)
- [1426](#)
- [1427](#)
- [1428](#)
- [1429](#)
- [1430](#)
- [1431](#)
- [1432](#)
- [1433](#)
- [1434](#)
- [1435](#)
- [1436](#)
- [1437](#)
- [1438](#)
- [1439](#)
- [1440](#)
- [1441](#)
- [1442](#)
- [1443](#)
- [1444](#)
- [1445](#)
- [1446](#)
- [1447](#)
- [1448](#)

- [1449](#)
- [1450](#)
- [1451](#)
- [1452](#)
- [1453](#)
- [1454](#)
- [1455](#)
- [1456](#)
- [1457](#)
- [1458](#)
- [1459](#)
- [1460](#)
- [1461](#)
- [1462](#)
- [1463](#)
- [1464](#)
- [1465](#)
- [1466](#)
- [1467](#)
- [1468](#)
- [1469](#)
- [1470](#)
- [1471](#)
- [1472](#)
- [1473](#)
- [1474](#)
- [1475](#)
- [1476](#)
- [1477](#)
- [1478](#)
- [1479](#)
- [1480](#)
- [1481](#)
- [1482](#)
- [1483](#)
- [1484](#)
- [1485](#)

- [1486](#)
- [1487](#)
- [1488](#)
- [1489](#)
- [1490](#)
- [1491](#)
- [1492](#)
- [1493](#)
- [1494](#)
- [1495](#)
- [1496](#)
- [1497](#)
- [1498](#)
- [1499](#)
- [1500](#)
- [1501](#)
- [1502](#)
- [1503](#)
- [1504](#)
- [1505](#)
- [1506](#)
- [1507](#)
- [1508](#)
- [1509](#)
- [1510](#)
- [1511](#)
- [1512](#)
- [1513](#)
- [1514](#)
- [1515](#)
- [1516](#)
- [1517](#)
- [1518](#)
- [1519](#)
- [1520](#)
- [1521](#)
- [1522](#)

- [1523](#)
- [1524](#)
- [1525](#)
- [1526](#)
- [1527](#)
- [1528](#)
- [1529](#)
- [1530](#)
- [1531](#)
- [1532](#)
- [1533](#)
- [1534](#)
- [1535](#)
- [1536](#)
- [1537](#)
- [1538](#)
- [1539](#)
- [1540](#)
- [1541](#)
- [1542](#)
- [1543](#)
- [1544](#)
- [1545](#)
- [1546](#)
- [1547](#)
- [1548](#)
- [1549](#)
- [1550](#)
- [1551](#)
- [1552](#)
- [1553](#)
- [1554](#)
- [1555](#)
- [1556](#)
- [1557](#)
- [1558](#)
- [1559](#)

- [1560](#)

Давид Мотадель

Ислам в политике нацистской Германии (1939–1945)

Слова признательности

Эта книга создавалась почти десятилетие, и всё это время бесчисленное множество людей предлагало мне помощь и направляло мою работу. Я особенно обязан сэру Ричарду Дж. Эвансу, который постоянно меня ободрял и поддерживал советами. Его усилия сыграли ключевую роль в формировании замысла этой книги. Эванс был неиссякаемым источником знаний – не только о нацистском режиме и Второй мировой войне, но и о ремесле историка в целом. Я бесконечно благодарен Хушангу Э. Чехаби, обладателю огромных знаний о странах исламского мира – он прочел рукопись с присущим ему вниманием к деталям и был для меня постоянным источником вдохновения. Также я бы хотел выразить благодарность Джемилю Айдыну, Иво Банацу, Роберту Д. Крюзу, Тиму Харперу, сэру Ноэлу Малькольму, Александру Моррисону, Майклу А. Рейнольдсу и Николасу Штаргардту – все они уделили свое время чтению рукописи книги, целиком или частями, и сделали важные замечания.

Работая над этим трудом, я имел честь быть частью интеллектуального сообщества Кембриджа: сначала в Пемброк-колледже (в годы моего студенчества), а потом, уже как исследователь, в колледже Гонвилл и Киз. Кембридж предоставляет уникальную среду для того, чтобы учиться, думать и читать, и я извлек огромную пользу из разговоров и обмена мыслями с выдающимися учеными, в том числе Дэвидом Абулафией, Кристофером Кларком, Майклом Фришем, Бьянкой Гауденци, Брэдли Хартом, Стефаном Иригом, Хубертусом Яном, Алоисом Мадершпахером, Тоби Матисеном, Марком Миллером, Томом Нойхаузом, Лизой Нимейер, Джейкобом Норрисом, Валентиной Пульяно, Джеймсом Л. В. Рослингтоном, Кристофером Н. Б. Россом, Тоби Симпсоном, Муратом Шивильюглу, Джоном Слайтом, Астрид Свенсон и Мехметом Йерчилем.

За те годы, что я провел за своим исследованием, я побывал во многих местах и всюду встречал людей, предлагавших мне помощь. Впервые я задумался о создании подобной книги во Фрайбургском университете, где мне посчастливилось учиться в студенческие годы под руководством двух выдающихся ученых – Ульриха Херберта и Вилли Оберкромме (я благодарен им обоим за постоянный интерес к

моей работе). В Гарварде, где я был приглашенным научным сотрудником, меня поддерживали Дэвид Блэкборн, Нил Фергюсон и Эмма Ротшильд. Мое пребывание в Йеле, где я провел потрясающий год в качестве научного сотрудника, было радостным и продуктивным во многом благодаря Аббасу Аманату, Джону Л. Гэддису и Полу Кеннеди. В Берлине я пользовался гостеприимством и поддержкой Ульрики Фрейтаг и Гудрун Кремер. Наконец, я бы хотел поблагодарить нескольких коллег за советы, которые получал от них на разных этапах своей работы – это Нир Ариэлли, Пол Беттс, Ксавье Бугарель, Мориц Дойчман, Норман Домейер, Детлев Хеллфайер, Бастиан Хербст, Даниэль Ютте, Анна Олейник, Олексий Попов, Дагмар Ридель, Бинг Ронг и Умар Райад. Многие другие ученые также содействовали созданию этой книги и ее улучшению, и я горячо благодарю всех, кого не назвал по имени.

Книга основывается на материалах, созданных на самых разных языках, и я бы не смог написать ее без содействия переводчиков. Я благодарю Розалию Гарипову, Весну Новаковиц, Реву Панидху и Харита бин Рамли за помощь в переводе с татарского, боснийского, албанского и арабского соответственно. Выражаю также свою признательность Филиппу Стиклеру, подготовившему карту.

Мне оказали содействие множество библиотекарей и сотрудников архивов со всего мира. Особенно я признателен Сандре Буркхардт, Суэле Чучи, Дженни Гор, Снежане Грегич, Мартину Крёгеру, Алме Леке, Соне Мартинович, Лутцу Мёзеру, Эрвину Оберлендеру, Фатиме Казихе, Томасу Рипперу, Габриеле Тейхманн, Яну Варсишеку и Элисон Заммер – за помощь в поиске документов, книг и статей. Библиотека Кембриджского университета, библиотека Уайденера (Гарвард), Мемориальная библиотека Стерлинга (Йель) и Берлинская государственная библиотека открыли мне доступ к своим сокровищам, и я бы хотел выразить особую благодарность сотрудникам этих учреждений.

Работа над этой книгой стала возможной благодаря щедрым грантам от Кембриджского траста семьи Гейтс, Исследовательского совета по искусствам и гуманитарным наукам (Великобритания), Фонда Смита Ричардсона, Фонда сэра Джона Пламба, Королевского исторического общества, Немецкого исторического общества, Немецкого исторического института в Вашингтоне, Центра истории и

экономики (Кембридж и Гарвард), Исторического факультета Кембриджского университета, Пемброк-колледжа, колледжа Гонвилл и Киз.

Я хотел бы горячо поблагодарить сотрудников Издательства Института Гайдара, и особенно издателя Валерия Анашвили, который с самого начала проникся энтузиазмом по поводу этой книги и обеспечил ее быстрый выход в свет. Я также бесконечно благодарен переводчику Артему Космарскому, прекрасному специалисту по современной истории, за великолепно выполненную им работу. Наконец, я признателен Саре Челфент, Джеймсу Пуллену и Эндрю Вайли (литературное агентство Вайли), которые оказали мне огромное содействие при решении организационных вопросов, связанных с переводом книги на русский язык.

Но более всего я обязан своей семье: моя жена Рэйчел Г. Хоффман, блистательный ученый, прочла рукопись много раз и поддерживала меня своим чувством юмора (и заботой) в самые трудные периоды жизни; родители, Сабина и Ирадж Мотадель, своей любовью и бесконечной верой в мое профессиональное призвание сделали для меня больше, чем можно описать словами; бабушка Доротея Дорн всегда поддерживала мой дух своей мудростью и остроумием. Им я посвящаю эту книгу.

Введение

ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА затронула значительную часть исламского мира. Около 150 миллионов мусульман от Северной Африки до Юго-Восточной Азии жили под британским и французским владычеством, а более чем 20 миллионами управлял Советский Союз. В разгар войны, когда Япония вторглась на мусульманские земли в Юго-Восточной Азии, а немецкие войска захватывали территории на Балканах, в Северной Африке, в Крыму и на Кавказе и приближались к Ближнему Востоку и Средней Азии, державы Оси, как и их противники, в полной мере оценили политическую и стратегическую важность ислама.

Именно в то время, в 1941–1942 годах, Берлин начал продвигать союз с мусульманским миром против предполагаемых общих врагов Третьего рейха и ислама – в первую очередь, Британской империи, Советского Союза и евреев. Во всех зонах боевых действий, где был распространен ислам, немцы изображали себя друзьями мусульман и защитниками их веры. Тогда же они начали набирать десятки тысяч мусульман в вермахт и СС. Большинство рекрутов поступало из Советского Союза, однако часть солдат завербовали на Балканах и, в небольших количествах, на Ближнем Востоке. Реализуя свою программу, немецкие власти основали несколько исламских учреждений – например, Центральный исламский институт в Берлине (*Islamisches Zentralinstitut*), открытый в 1942 году,– и задействовали множество религиозных лидеров со всего мира. Среди самых известных можно назвать литовского муфтия Якуба Шинкевича, который считал гитлеровский «новый порядок» фундаментом укрепления и возрождения ислама в Восточной Европе и Центральной Азии, боснийца Мухамеда Панджу, лидера улемов (исламских богословов) Сараево и союзника немцев на Балканах, и, наконец, легендарного муфтия Иерусалима Амина аль-Хусейни, призывавшего правоверных от Марокко до Малакки к джихаду против союзников. Активные попытки политизировать ислам и втянуть мусульман в мировую войну на стороне немцев предпринимались на трех континентах сразу.

Для Берлина мусульмане приобрели особую значимость в двух контекстах, причем оба были связаны с переломом в ходе Второй мировой войны, имевшим место в 1941–1942 годах. В плане географии европейский конфликт все больше превращался в глобальный, и районы с мусульманским населением становились зонами боевых действий. В 1942 году немецкие солдаты оккупировали Нормандские острова на западе и немалую часть Кавказа на востоке; они стояли в Скандинавии и в пустыне Сахара. Одновременно рейх столкнулся с большими мусульманскими общностями на Кавказе и в Крыму, в Магрибе и на Балканах. Бесчисленные минареты возвышались на оккупированных Гитлером территориях. Германия контролировала крупные мусульманские города – Тунис, Сараево, Бахчисарай. Почти все из немногих территорий за пределами Европы, оккупированных немцами, были заселены мусульманами, и даже в Европе на Балканах Берлин все более упрочивал контроль над исламскими землями. Не менее важным было то, что гитлеровский режим ожидал присоединения еще более масштабного исламского «пояса», лежащего между азиатскими и европейскими театрами военных действий. Необходимость заручиться поддержкой мусульман на этих землях становилась все более актуальной, поскольку этот «пояс» на некоторое время показался решающим полем битвы.

Со стратегической точки зрения попытки Германии мобилизовать мусульман проистекали не из какого-то долгосрочного плана, но, наоборот, спонтанно диктовались ходом войны – прежде всего, тем обстоятельством, что удача начала изменять державам Оси. Интерес к исламу стоит воспринимать в качестве одного из элементов общего поворота к стратегическому прагматизму и логике тотальной мобилизации^[1]. Еще в конце 1941 года в Берлине верили в скорую победу, а политика немцев ориентировалась на будущее, наиболее яркое видение которого было представлено в «Генеральном плане Ост»^[2]. Эта позиция начала меняться в конце 1941 года, после поражения в битве за Москву и вступления Америки в войну: немцы начали понимать, что стратегия блицкрига потерпела неудачу, а война продолжится еще долго. К концу следующего года фиаско в Сталинграде и под Эль-Аламейном, а также активизация партизан на оккупированных территориях закрепили изменение немецкой стратегии. В политике Берлина теперь преобладали краткосрочные цели и неотложные

потребности, обусловленные войной. Различные фракции нацистской верхушки стремились создавать более крупные военные коалиции, демонстрируя откровенный и небывалый прагматизм. Идеологические барьеры стали менее прочными, а расовые нормы неожиданно смягчились. По мере того как росли военные потери и массовый дефицит рабочей силы, вермахт и СС начали привлекать добровольцев со всех оккупированных территорий. Берлин начал формировать европейский союз против большевизма. Даже в странах, которые наиболее пострадали от оккупации, – в частности, в Польше и СССР, – немцы пытались заручиться поддержкой общеевропейской борьбы с большевиками. Еще одной чертой этого прагматичного поворота стала кампания против империализма. Нацисты спонсировали различные антиколониальные группы и их лидеров – например, в Индии, Ираке, Палестине – и пытались поднять антиимпериалистические восстания по всему миру. Все эти инициативы были продиктованы требованиями войны, а не идеологическими соображениями. Усилия Берлина по сплочению исламского мира можно рассматривать как важный аспект этого сдвига к стратегическому прагматизму и тотальной мобилизации.

Причем Германия обхаживала мусульман не только для того, чтобы эффективнее контролировать и стабилизировать прифронтовые территории. Не менее важной для нее задачей было разжигание смуты во вражеском тылу, в первую очередь на неустойчивых мусульманских окраинах Советского Союза, а также в британских (и позже французских) колониях в Африке, на Ближнем Востоке и в Восточной Азии. Наконец, пропагандистские усилия были нацелены и на мобилизацию мусульман в армию рейха. Чтобы завоевать умы и сердца правоверных, власти Германии пытались самыми разнообразными способами использовать ислам. Религиозная политика и пропаганда применялись для усиления социального и политического контроля на оккупированных территориях и в зонах боевых действий, для вербовки мусульман в вермахт и СС, а также для мобилизации последователей ислама на вражеских территориях и в армиях. Немцам помогали исламские учреждения и религиозные авторитеты. Пропаганда рейха основывалась на политизированных религиозных императивах и риторике, священных текстах и исламской символике, которые использовались для того, чтобы обосновать участие мусульман в войне с религиозных позиций. И хотя эта политика, как и многие другие

германские мероприятия военного времени, изобиловала импровизациями, в целом она оставалась вполне последовательной.

Курс Берлина в отношении мусульман отражал определенный набор допущений, идей и представлений об исламе, которые разделялись немецкими чиновниками. Они часто сводили мусульман к их вероисповеданию, вне зависимости от того, насколько благочестивыми были те или иные группы или какой была их версия ислама. Термины «ислам» (*Islam* или *Mohammedanertum*) и «мусульмане» (*Muslim*, *Moslem*, *Mohammedaner*, или *Muselmane*) применялись в официальных документах в качестве бюрократических категорий. Хотя власти Германии в принципе признавали разнообразие и сложность мусульманского мира, на практике они часто руководствовались эссенциалистским^[3] представлением об исламе как о сущности, обладающей четкими и неизменными характеристиками. Важнее всего для немцев были представление об исламе как о политической силе и идея глобального исламского единства: немецкие официальные лица постоянно исходили из того, что в «мусульманском мире» религия и политика тесно переплетены. Ислам рассматривался ими как политическая и даже воинственная сила.

Что еще более важно, в Берлине полагали, что ислам можно использовать как орудие для достижения политических и военных целей самой Германии. В исламе видели понятный и последовательный религиозный кодекс, который пригоден для применения в определенных целях. Предписания веры, которым, как считалось, следуют мусульмане, представлялись идеальной основой для легитимации власти и авторитета. Поэтому использование религии в пропаганде и политике, направленных на мусульман, казалось идеальным способом контроля и мобилизации. Более того, официальные лица в Берлине были склонны представлять мусульманский мир (*Muslimische Welt*, *Moslemische Welt*, *Mohammedanische Welt* или *Weltmuselmanentum*) как единообразное территориальное и политическое целое. Эта концепция непосредственно повлияла на географический охват политики рейха, что ярко проявилось в понятии «мировой ислам» (*Weltislam*, *Weltmuselmanentum* или *All-Islam*), к которому регулярно обращались немецкие функционеры. Неудивительно, что такие идеи и концепции

неоднократно «ломались» при столкновении с реалиями практической жизни^[4].

В этой книге рассказывается о том, как власти Германии – прежде всего, вермахт и СС, но также Министерство иностранных дел (*Auswärtiges Amt*), Министерство народного просвещения и пропаганды (*Reichsministerium für Volksaufklärung und Propaganda*) и Министерство оккупированных восточных территорий (*Reichsministerium für die besetzten Ostgebiete*)^[5] – «работали» с исламом, пытаясь выстроить союз с мусульманами на завоеванных территориях и в других странах. В ней исследуется вопрос о том, как ислам практически применялся в зонах боевых действий, а также в процессе призыва и набора добровольцев в армию. Также в ней рассматриваются основные политические трактовки ислама, которыми руководствовались гражданские и военные чиновники рейха как в столице, так и на фронтах.

Повествование не фокусируется на каком-то одном регионе: в нем затрагиваются все земли «исламского пояса», протянувшегося от пустыни Сахара через Балканский полуостров к пограничным территориям Советского Союза и дальше на восток^[6]. На деле немецкие чиновники сталкивались с различными проявлениями ислама, включая суфийские движения в Магрибе, ортодоксальные практики городских улемов на Балканах и неортодоксальные формы на южных окраинах СССР. На местах взаимодействие Германии с исламом порой было сложным, затрагивая, например, немецкую политику в отношении цыган-мусульман и обращенных в ислам евреев. Разумеется, основное внимание в этой книге уделяется именно германской политике; данная работа отнюдь не является ни социальной историей мусульманской жизни времен Второй мировой войны, ни отчетом о реакции мусульман на действия нацистов. Но при этом в ней, разумеется, затрагиваются судьбы мусульман, которые непосредственно участвовали в реализации политики рейха – и которые обычно преследовали свои собственные цели.

Всестороннее исследование политики Германии в отношении ислама в годы Второй мировой войны еще не написано. Как правило, анализируя отношения нацистской Германии с мусульманским миром, историки сосредотачиваются на географических, национальных и этнических, а не на религиозных, категориях. Многочисленные работы

были написаны о политике Третьего рейха в Северной Африке, на Ближнем Востоке, на Балканах, в Крыму и на Кавказе^[7]. Более того, среди исследований о действиях Германии на Ближнем Востоке стоит упомянуть и биографии муфтия Иерусалима^[8]. Некоторые работы касаются роли ислама частично: таковы, например, книги об арабском мире и аль-Хусейни^[9]. Хотя моя книга опирается на эти региональные и биографические исследования, в ее фокусе – особая роль религии в политике Берлина по отношению к мусульманскому миру. Географические рамки анализа простираются от Северной Африки до Ближнего Востока и от Балкан до окраин СССР. В моей работе впервые представлена всеобъемлющая картина политического курса нацистской Германии в отношении ислама – картина, которую не сможет изобразить никакое исследование отдельных стран или регионов (например, работы о политике рейха на Ближнем Востоке или на Балканах) или отдельной человеческой жизни (например, биографии муфтия Иерусалима). В книге предпринимается попытка вписать ислам в политико-стратегическую карту Второй мировой войны.

Она также вносит вклад в историческое изучение религиозной политики Берлина во Второй мировой войне. Взаимодействию рейха с христианскими группами – католиками, протестантами или православными – посвящено немало исследований; в еще большем числе работ изучается его кровавая политика по отношению к евреям. Однако мусульманами, одной из наиболее многочисленных конфессиональных групп в некоторых зонах военных действий, ученые удивительным образом пренебрегают.

Между тем гитлеровская Германия была не единственной державой, которая стремилась использовать ислам для мобилизации мусульманского мира. Япония и Италия, ее партнеры по Оси, предпринимая аналогичные усилия, к середине войны столкнулись с конкуренцией со стороны не только британцев, но и США и СССР. Все эти страны обещали поддерживать ислам и защищать правоверных. Это явление можно назвать «мусульманским моментом войны». Еще в 1937 году дуче распорядился, чтобы на торжественной церемонии в Триполи ему преподнесли драгоценный «Меч ислама» (который на самом деле изготовили в Италии): тем самым Муссолини символически продвигал себя в качестве покровителя мусульманского мира^[10]. Италия, объявил дуче, будет уважать «закон Пророка». «Муссолини ездит по Африке и

тем самым оказывает почтение исламу,— писал Геббельс в дневнике.— Очень умный и хитрый ход, Париж и Лондон сразу же заподозрили неладное»^[11]. Использование Италией ислама достигло апогея во время войны, когда пропагандисты по всему мусульманскому миру славили дуче как «защитника ислама».

Еще более масштабную и целостную попытку превратить исламскую веру в политическое оружие предприняла Япония, стремившаяся поднять азиатских мусульман против Великобритании, Нидерландов, Китая и СССР^[12]. Хотя, как и в итальянском случае, этот курс зародился еще в конце 1930-х годов — «Исламская лига великой Японии» (*Дай Ниппон Кайкио Киокай*) и Токийская мечеть начали действовать в 1938-м,— особую интенсивность политическая и пропагандистская работа японцев с исламом обрела после вторжения их войск в Голландскую Ост-Индию весной 1942 года. Мусульманские эмиссары на японском жалованье заставляли местных исламских лидеров и общины помогать армии и флоту Страны восходящего солнца. Желая придать исламский характер оккупационному режиму, военные власти пытались кооптировать местных улемов, которые возмущались деспотизмом голландцев. Японские чиновники начали выдавать имамам подготовленные тексты, чтобы те включали их в пятничные проповеди, и побуждали правоверных произносить молитвы за императора и победу Японии в войне. Оккупанты также принудили различные группы вступить в религиозный представительный орган — «Совет индонезийских мусульман» (*Маджлис Шура Муслимин Индонезия*, или *Масджуми*). В начале апреля 1943 года улемы и другие официальные лица с Суматры и из Малайи были вызваны на конференцию в Сингапур, на которой японцы объявили мусульманам Юго-Восточной Азии, что Токио является истинным защитником их веры. Улемы покинули собрание, публично выразив свое удовлетворение тем, как Япония служит делу защиты ислама, и заявив о своей поддержке войны. Вторая подобная конференция была созвана в декабре 1944 года в Куала-Кангсаре на Малайском полуострове. В тот же период татарин Абдурашид Ибрагимов (Абд аль-Рашид Ибрагим), имам Токийской мечети и «уважаемый патриарх мусульманского мира», проповедовал джихад меча из японской столицы. «Путь Японии в войне, которая идет в большой Восточной Азии, священен, а ее

действия сопоставимы с войной, которую вел против неверных пророк Мухаммад», – заявлял Ибрагимов летом 1942 года^[13].

Для антифашистской коалиции ислам представлялся и потенциальной угрозой, и мощным инструментом политической борьбы. Уинстон Черчилль, который осознал политическое значение ислама, еще молодым офицером неся службу на северо-западной границе^[14] в Индии и сражаясь против мятежников-махдистов^[15] в Судане, очень серьезно относился к антиимпериализму правоверных^[16]. В начале 1942 года он подчеркивал, что Британия «ни в коем случае не должна допустить разрыва с мусульманами», которые представляют мощную силу в империи и важный элемент в британской армии – особенно в Индии^[17]. Мнение премьер-министра разделяли многие официальные лица страны^[18]. Вскоре после объявления войны Лондон запустил большую программу по укреплению связей между империей и исламским миром. В 1941 году была открыта мечеть в Ист-Энде, а затем военный кабинет Черчилля принял решение построить в Риджентс-парке центральную мечеть Лондона – чтобы продемонстрировать уважение к исламу^[19]. Вашингтон в то время тоже начал осознавать значимость ислама. Уже в ноябре 1940 года крупная общенациональная газета с тревогой вопрошала: «Кого поддержат мусульмане во время европейской войны?»^[20]. Как только американские войска прибыли на мусульманские территории, политические и пропагандистские службы начали учитывать религиозный фактор. В 1943 году Управление стратегических служб США^[21] распространяло листовки, призывавшие к джихаду против войск Роммеля в Северной Африке^[22]. Военное министерство США обучало солдат тому, как правильно взаимодействовать с мусульманами, и готовило инструкции, рассказывающие армии об основах ислама. Даже Сталин, который безжалостно подавлял ислам в межвоенные годы, изменил свою линию. В 1942 году в Советском Союзе было учреждено четыре мусульманских совета – духовные управления^[23]. Строились новые мечети, проводились мусульманские съезды, открыто поддерживались исламские религиозные практики – включая даже хадж в Мекку, запрещенный в довоенный период. Выступая в Уфе от имени Центрального духовного управления мусульман, Габдрахман Расулев, «красный муфтий» Сталина, произнес серию пропагандистских речей, призывая мусульман Советского Союза

подняться против нацистских агрессоров и молиться о победе Красной Армии. Это был прямой ответ на кампанию Германии по мобилизации мусульман на южных окраинах Советского Союза. В целом религиозная пропаганда союзников была направлена не только на то, чтобы противостоять попыткам держав Оси спровоцировать беспорядки на подчиненных им мусульманских территориях (и в сопредельных странах), но и на мобилизацию собственных подданных-мусульман.

Исламская политика во время Второй мировой войны может рассматриваться в контексте более широкой истории инициатив западных держав по разыгрыванию исламской карты в политических и военных целях. В имперскую эпоху европейские государства регулярно применяли религиозную политику и пропаганду для подстрекательства мусульманских подданных других колониальных держав. Во время Крымской войны британцы, французы и турки пытались поднять против России мусульман Крымского полуострова и Кавказа^[24]. Одним из наиболее значительных примеров использования ислама в политической и военной стратегии стали попытки Центральных держав посеять в ходе Первой мировой войны революционное возмущение среди правоверных, живущих под властью Антанты^[25]. Осенью 1914 года власти Германии и Османской империи добились от стамбульского шейх-уль-ислама – высшего религиозного авторитета Османской империи – провозглашения панисламского джихада. Его прокламация призывала правоверных к войне против держав Антанты, причем ее распространили по всему миру, переведя на арабский, персидский, урду и татарский. В ходе войны Берлин и Стамбул активно старались, как выразился Вильгельм II, подтолкнуть «весь магометанский мир к дикому бунту» против Британской, Российской и Французской империй^[26]. Германские и османские власти использовали для этого панисламистские лозунги и сети влияния в Северной Африке, на Ближнем Востоке, в России и в Индии. Британцы, французы и русские отвечали разработкой собственной религиозной политики и развертыванием своей пропаганды^[27]. Ислам воспринимался как мощная политическая сила, которая способна повлиять на ход войны. «Всякий раз за панисламизмом стояла (или реализовывалась параллельно с ним) империалистическая политика какой-то европейской державы, чьи цели и интересы на данный момент, как

представлялось, совпадали с устремлениями мусульман в целом или какого-то исламского владыки в частности», – писал американский ученый Дуайт Э. Ли в 1942 году^[28]. За проектами обоих воюющих блоков во Второй мировой войне последовала поддержка, которую Запад оказывал исламским антикоммунистическим движениям в период холодной войны – линия, которая привела к содействию моджахедам в Афганистане, где Вашингтон распространял не только «Стингеры», но и экземпляры Корана^[29].

Ученые уже проявили определенный интерес к истории взаимоотношений великих держав с исламом. Тем не менее пока наиболее исследованным сюжетом остается германо-османская кампания по мобилизации мусульман во время Первой мировой войны^[30]. Причем она не просто признается значимой вехой военными историками^[31] – исламоведы тоже считают ее важнейшим событием в современной политической истории ислама^[32]. Вторая мировая война в указанном отношении привлекла меньше внимания^[33]. Историки-исламоведы, занимающиеся ею, склонны принижать значение этого конфликта. «В годы Второй мировой войны ислам как таковой вообще не был задействован, хотя отдельные мусульмане и группы мусульман сражались по обе стороны фронта», – писал Яков Ландау, автор влиятельного исследования, посвященного панисламизму^[34]. Однако, как будет видно из нижеследующих глав, в 1941–1945 годах взаимодействие Берлина с исламом было по крайней мере столь же активным и глубоким, как и в 1914–1918 годах. Более того, в отличие от Первой мировой войны, немцы с конца 1941 года набрали в ряды своих армий тысячи правоверных. Фактически мобилизация мусульман во время обеих мировых войн составила важную часть политической истории исламского мира в первой половине XX века.

На более общем уровне настоящее исследование рассматривает взаимосвязь между религией и властью, в частности роль религии как инструмента мировой политики и военного конфликта. Моя работа способствует пониманию тех способов, посредством которых правительства используют религию для упрочения своего политического влияния и ведения войн. Попытки мобилизовать религиозные общности были составной частью политики великих держав на протяжении XIX и XX веков. Подобные общности – популяции, определяемые по религиозной принадлежности –

неизменно рассматривались в качестве политической силы, которую можно использовать в своих интересах. Государственные деятели и должностные лица крупных держав часто выступали покровителями конкретных религиозных групп для того, чтобы оказывать на них политическое влияние и по возможности провоцировать беспорядки, конфликты и восстания на территориях, которыми управляют соперники или враги, а также чтобы завоевывать и умиротворять оккупированные территории. Царская Россия называла себя защитницей православных в Европе и на Ближнем Востоке. Франция времен империи утверждала, что она является покровительницей христианства на Ближнем Востоке, Османская держава претендовала на роль патрона мирового ислама, а крупные европейские государства регулярно настаивали на том, что они стремятся защищать еврейские меньшинства или исламское население за пределами их собственных границ. Для завоевания лояльности религиозных групп и сплочения их под политическими знаменами разрабатывались различные религиозные и пропагандистские стратегии, манипулирующие религиозными чувствами. Интересно, что все они опирались на один и тот же набор допущений. Религия обычно рассматривалась как источник власти, который способен узаконить участие в конфликте и даже оправдать насилие. Главным маркером человеческих сообществ определялась именно религиозная идентичность. Предполагалось, что все члены подобных групп благочестивы и руководствуются догматами своей веры. В целом религиозные общности считались объектами, которые можно использовать в геополитических интересах. По сути, религиозная политика становилась политикой международных отношений и конфликтов.

Но ученые уделяли этому явлению меньше внимания, чем можно было бы ожидать. Сейчас, когда в истории международных отношений наблюдается повышенный интерес к негосударственным акторам, специалисты все более активно изучают политическое использование обособленных групп в условиях конфликта и войны, а также политические программы и мероприятия, предназначенные для больших сегментов населения^[35]. Однако и сегодня они в основном продолжают писать о группах, определяемых этнической или национальной принадлежностью^[36]. В процессе подобных исследований было продемонстрировано, что иногда целые этнические

группы – особенно те, чья верность власти была под вопросом, – считались политически и стратегически значимыми. Также историки обращались к способам воздействия великих держав на эти группы, выясняя, как действия государств создают межэтнические противоречия и конфликты. Гораздо менее изучено использование религиозных групп в условиях соперничества великих держав – за исключением исламской мобилизации во время Первой мировой^[37]. Из-за этого наши знания о фактическом применении религиозной политики и пропаганды по-прежнему скудны. И в этом плане история кампаний, мобилизующих мусульман, особенно исламской стратегии Германии в годы Второй мировой войны, просто идеально подходит для изучения религиозной политики в условиях конфликтов и войн, а также способствует лучшему пониманию религии как фактора международных отношений и военных противостояний.

В нижеследующих главах я рассмотрю механизмы, с помощью которых власти рейха занимались осмыслением и использованием религии в политических и стратегических целях. В книге описываются стратегии и мероприятия, взаимодействие властей с религиозными учреждениями и авторитетами, их отношение к религиозным обычаям, а также религиозная пропаганда с ее установками, риторикой и символикой. Вопрос о роли ислама в германской политике и пропаганде обсуждается в трех частях книги: в части I рассматриваются стратегические и идеологические дебаты общего характера, которые проходили в Берлине; в части II анализируются германская политика и пропаганда в мусульманских областях, в частности на Восточном фронте, на Балканах, в Северной Африке и на Ближнем Востоке; в части III изучается военная мобилизация мусульман на оккупированных территориях.

Книга опирается на источники на немецком, английском, французском, боснийском (сербохорватском), албанском, арабском, персидском и татарском языках из более чем тридцати различных местных и национальных архивов в четырнадцати странах, включая собрания в Берлине, Фрайбурге, Кобленце, Франкфурте, Мюнхене, Штутгарте, Кельне, Бонне, Лейпциге, Вене, Вашингтоне, Лондоне, Париже, Москве, Варшаве, Праге, Риге, Симферополе, Загребе, Сараево, Тиране и Тегеране. Работа по восстановлению истории взаимодействия Германии с исламом часто была мучительной. Это

связано не только с тем, что документы по этой теме разбросаны по разным архивам и библиотекам. В различных архивах, где я работал, специальной рубрики «Ислам» обычно не существовало. Соответственно, очень много времени уходило на то, чтобы просмотреть бесчисленные папки, где могла содержаться какая-то информация об исламских сюжетах. Нередко подсказки в отдельных источниках, хранящихся в этих папках, казались случайными и не могли быть оценены без понимания их связи с общей стратегией Германии. Тем не менее постепенно вырисовывались контуры всей картины: становилось понятно, что Берлин вел серьезную и нередко блистательно скоординированную политику по использованию ислама для достижения победы в войне.

1

Истоки

ДВАДЦАТЬ ПЯТОГО ИЮЛЯ 1940 года, после падения Франции и в начале битвы за Британию, отставной дипломат Макс фон Оппенгейм направил министерству иностранных дел Германии семистраничный меморандум, касающийся подготовки восстаний на исламских территориях противника^[38]. Настало время, пояснял он, для разработки всеобъемлющей стратегии, которая позволила бы мобилизовать мусульманский мир против Британской империи. В сотрудничестве с влиятельными религиозными деятелями, такими как панисламист Шакиб Арслан и муфтий Иерусалима Амин аль-Хусейни, немецким офицерам предстояло спровоцировать беспорядки во всем мусульманском «коридоре» из Египта в Индию. Восьмидесятилетний Оппенгейм знал, о чем говорит. Немногие люди повлияли на политику кайзеровской Германии в отношении ислама столь же основательно, как он.

Юрист по образованию, свободно владеющий несколькими ближневосточными языками, Оппенгейм много путешествовал по Африке и Ближнему Востоку. В 1896 году он был принят на работу в дипломатическое ведомство и двенадцать лет провел в Каире, где следил за политической динамикой мусульманского мира. Во время мятежа Махди в Судане он впервые столкнулся с исламом как политической силой. Оппенгейм обсуждал вопросы ислама с молодым Шакибом Арсланом^[39] и видными реформаторами веры – такими, как Мухаммад Абдо^[40]. С османским султаном Абдул-Хамидом II он обменивался мыслями о панисламизме, который Порты пыталась использовать для укрепления своих позиций как внутри империи, так и за ее пределами. Вильгельм II лично читал политические донесения Оппенгейма о мусульманском мире.

Политика Германской империи по отношению к исламу

С конца XIX века немецкие дипломаты, политики и колониальные чиновники все чаще имели дело с исламом. Кайзеровская Германия управляла значительным мусульманским населением в своих колониях – в Того и, что более важно, в Камеруне и Германской Восточной Африке. В этих владениях немцы с самого начала стремились использовать религию в качестве инструмента управления^[41]. Если мусульманские лидеры подчинялись колонизаторам, то местные исламские структуры оставались в неприкосновенности. Шариатские суды работали, вакуфам^[42] не мешали, медресе были открыты, а религиозные праздники признавались нерабочими днями.

Немецкие официальные лица управляли при помощи мусульманских посредников и сановников, которые, в свою очередь, придавали легитимность колониальному режиму. В глазах немецких колониальных чиновников, часто малочисленных, изолированных, всеми силами стремящихся обеспечить порядок и предотвратить восстания, эта политика непрямого управления казалась весьма эффективной. Только с конца 1900-х годов они кое-где начали ужесточать контроль над исламскими территориями и жестко противодействовать религиозным лидерам, не желающим сотрудничать с ними. Немецкие войска сражались с махдистами на севере Камеруна в 1907 году и подавляли беспорядки, вызванные так называемыми мекканскими посланиями, в Того в 1906-м и в Германской Восточной Африке в 1908-м^[43]. Однако в целом эти конфликты не изменили политику Германии, которая продолжала использовать ислам для усиления колониального контроля над подвластными народами (фото 1.1).

Вовлеченность Германии в дела мусульманского мира все чаще заставляла государственных чиновников и экспертов обсуждать ислам в политическом ключе^[44]. Принципы политики в отношении ислама, или *Islampolitik*, широко дебатировались в колониальных и правительственных кругах. В повестке колониальных конгрессов вопросы, касающиеся ислама и отношения к мусульманам на захваченных европейцами территориях, регулярно оказывались среди первоочередных. Важную роль в этих дискуссиях играли эксперты-востоковеды. Если раньше они интересовались в основном классическим исламом, то теперь их занимали исследование

современного мусульманского мира и обсуждение имперской стратегии
в отношении ислама.

ФОТО 1.1. Полицейские-мусульмане в фесках.

Немецкая колония Камерун, 1891 (источник: Bildarchiv Preußischer Kulturbesitz, Berlin, ВРК)

Такие ученые, как Карл Генрих Беккер, который преподавал в недавно созданном Колониальном институте (*Deutsches Kolonialinstitut*) в Гамбурге, Мартин Хартман и Дидрих Вестерман, преподававшие в Берлине, поставили свои знания на службу империи. После 1900 года Имперский департамент по делам колоний (*Reichskolonialamt*) поддерживал их исследования, посвященные исламу в колониях. Ученые должны были накапливать знания как о распространении и влиянии этой религии, так и о потенциальной угрозе, которую она может представлять для немецкой власти – а также о связях мусульман, находящихся в германском подданстве, с другими частями исламского мира. Три крупнейших исследования были начаты Беккером в 1908 году^[45], Хартманом в 1911 году^[46] и Вестерманом в 1913 году^[47], хотя только Вестерман опубликовал свои результаты. Важным форумом для профессиональных дискуссий об исламе и колониальной политике стало Германское общество изучения ислама (*Deutsche Gesellschaft für Islamkunde*) с его периодическим изданием *Die Welt des Islams* («Мир ислама»), основанным в 1912 году. За два года до этого в Колониальном институте в Гамбурге был учрежден журнал *Der Islam* («Ислам»), ставший еще одной площадкой для обсуждения современного ислама и политики.

Большинство экспертов поддерживали использование религиозных структур немецкими колониальными чиновниками. В отличие от туземных анимистических религий, которые считались дикими, ислам рассматривали как цивилизованное вероисповедание, управляемое определенным набором правил, норм и догм, которые можно изучать и использовать. Самым известным сторонником активной эксплуатации ислама в колониальной политике считался Беккер^[48]. Эта религия, по его словам, не угрожала власти колонизаторов, но могла и должна была применяться для укрепления господства цивилизованных империй, а также для обеспечения мира, стабильности и порядка.

Беккер полагал, что «исламская опасность» исчезнет после внедрения правильной колониальной политики. Мусульманские учреждения, странствующие проповедники и паломники должны находиться под строгим контролем, в то время как исламскому праву,

медресе и вакуфам нужно обеспечить официальное признание. Беккер сильно повлиял на выработку стратегии в Берлине. Его взгляды поддерживали другие ученые, в том числе Дидрих Вестерман^[49]. Лишь меньшинство экспертов, и особенно Мартин Хартман, выступало против любого взаимодействия с исламом в колониях^[50]. Хартман считал мусульманскую религию угрозой, которую нужно контролировать. Указывая на воинственность, религиозный фанатизм, махдизм и опасность священной войны, он предостерегал колониальных чиновников от опоры на институты и авторитеты ислама. Однако, как правило, критика немецкой колониальной политики в отношении ислама не выходила за пределы церковных кругов. Христианские миссионеры видели в исламе угрозу своему делу (и колониальному режиму), регулярно обвиняя немецких администраторов в том, что те потворствуют мусульманской экспансии и питают мусульманам^[51]. Впрочем, на практике миссионерский активизм не имел особых последствий.

В отличие от своих британских, французских или российских коллег, немецкие колониальные чиновники не рассматривали исламский антиимпериализм и панисламизм как угрозу^[52]. В Берлине ислам в основном считали источником новых возможностей, а не опасностей – в контексте не только колониальной, но и глобальной политики (*Weltpolitik*) Вильгельма II. Это стало очевидным во время ближневосточного турне кайзера осенью 1898 года, когда он, посетив усыпальницу Саладина в Дамаске, в пламенной речи объявил себя «другом» «300 миллионов магометан» мира^[53].

Среди вдохновителей этого проекта был и Оппенгейм, который к тому времени стал одним из самых неутомимых пропагандистов политического потенциала панисламизма. Немецкие официальные лица хорошо понимали, что призрак мусульманского восстания и всеисламской мобилизации бродит по правительственным коридорам Лондона, Парижа и Санкт-Петербурга^[54]. Действительно, во многих антиколониальных движениях ислам играл важную роль в организации сопротивления захватнической политике европейцев, его легитимации и обосновании необходимой для него сплоченности^[55]. «Заигрывание» немцев с исламом достигло кульминации в попытках Берлина мобилизовать мусульман во время Первой мировой войны.

Мобилизация мусульман во время Первой мировой войны

11 ноября 1914 года османский шейх-уль-ислам Ургюплю Хайри выпустил пять фетв (религиозных постановлений), призывающих мусульман по всему миру начать священную войну против держав Антанты и обещающих статус мучеников тем, кто погибнет за веру^[56]. Три дня спустя аналогичный документ был зачитан от имени султана Мехмеда V, «повелителя правоверных» (*амир аль-муминин*), толпе, собравшейся у мечети Фатих в Стамбуле. Позже на официально организованном шествии множество людей с флагами и транспарантами двинулись по улицам османской столицы, приветствуя объявление джихада. Тексты фетв были составлены традиционным для этого богословско-правового жанра образом: каждый документ включал гипотетический вопрос шейх-уль-исламу и его ответ. Прокламация была адресована не только подданным султана, но и мусульманам, проживающим под властью Антанты – ее перевели на арабский, персидский, урду и татарский. В течение последующих месяцев другие османские улемы, в том числе влиятельные шиитские муджтахиды (богословы) Наджафа и Кербелы, также издали постановления, агитирующие за священную войну^[57]. Имамы по всей империи говорили о джихаде в своих пятничных проповедях.

Фетвы шейх-уль-ислама опирались на необычную концепцию джихада. На протяжении исламской истории значение этого термина всегда было крайне разнообразным, простираясь от интеллектуальной рефлексии до военного конфликта с неверными^[58]. Существовала влиятельная традиция, разделяющая «малый джихад» (*аль-джихад аль-асгар*) – борьбу с оружием в руках против неверных, и «великий джихад» (*аль-джихад аль-акбар*) – борьбу верующего с самим собой, со своими пороками. Что любопытно, стамбульские фетвы не следовали этой интерпретации, объявив войны с врагами султана «великим джихадом».

Более того, по сравнению с прежними объявлениями священной войны, султанский указ был теологически нетрадиционным (хотя и не беспрецедентным), поскольку он призывал к избирательному джихаду, направленному только против британцев, французов, черногорцев, сербов и русских, но не против христианских союзников Османской империи – Германии и Австро-Венгрии. Таким образом, это не была

религиозная война в классическом смысле, противопоставляющая «правоверных» и «неверных». Поскольку только Великобритания, Франция, Россия, Сербия и Черногория вступили в противостояние с исламским халифатом, именно их предлагалось считать врагами ислама. В фетвах заявлялось, что долг всех мусульман, остающихся подданными этих держав, требует вести джихад против своих господ – а участие в боевых действиях против союзников халифа (османского султана), напротив, объявлялось великим грехом.

Хотя провозглашение священной войны можно считать элементом османской политики панисламизма, которую Порта вела со времен Абдул-Хамида II ради поддержания единства своей разнородной империи и завоевания поддержки за рубежом, немецкие офицеры и исламоведы были непосредственно вовлечены в разработку плана джихада^[59]. Фактически именно немцы подтолкнули османов провозгласить священную войну в 1914 году^[60]. В Берлине эта схема обсуждалась довольно давно. Еще в разгар июльского кризиса, предшествовавшего объявлению войны, Вильгельм II произнес свою знаменитую реплику о «воспламенении» исламского мира. Гельмут фон Мольтке, начальник Генерального штаба, формально подтвердил идею в своем августовском меморандуме, приказав «пробудить исламский фанатизм» на мусульманских территориях противников Германии.

В октябре 1914 года, когда турки еще не вступили в войну, Макс фон Оппенгейм разработал 136-страничный стратегический документ под названием «Меморандум о революционизировании исламских территорий наших врагов» (*Denkschrift betreffend die Revolutionierung der islamischen Gebiete unserer Feinde*). После того как будет заключен военный союз между немцами и османами, говорилось в документе, в мусульманских районах колоний и окраинных территорий враждебных держав нужно будет спровоцировать беспорядки^[61]. Внутренние районы противников надлежит дестабилизировать – чтобы оттянуть на подавление беспорядков войска с фронта. «Призыв к священной войне» должен прозвучать незамедлительно после того, как Турция вступит в войну, – настаивал Оппенгейм. Ученый называл ислам «важнейшим оружием», которое может стать «решающим для успеха в войне». Кроме того, Оппенгейм сделал ряд конкретных предложений. Религиозное восстание следует спровоцировать в Индии, подкрепив его контрабандным немецким вооружением; Кавказ нужно сделать очагом

мусульманского бунта; Египет необходимо завоевать; военнопленных-мусульман из колониальных частей Антанты надо обхаживать и мобилизовать на войну против бывших господ. Время для «восстания ислама» созрело, – утверждал ученый.

Как и до войны, немецкие ученые и эксперты сыграли значительную роль в инструментализации ислама. Эрнст Йекк, молодой немецкий политолог, интересующийся Турцией (в 1948 году он станет одним из основателей Института Ближнего Востока при Колумбийском университете), уже в августе 1914 года изложил сценарий, в котором объявление джихада османами мобилизует силы «панислама» – как ожидалось, они с «разрушительной ненавистью» обратятся против британского и французского владычества «от Индии до Марокко»^[62]. Хартман тоже писал аналогичные тексты во время войны, агитируя за использование ислама в стратегических целях^[63]. Осенью 1914 года, после начала конфликта, но до того, как Османская империя вступила в войну, Карл Генрих Беккер, тогда профессор в Бонне, опубликовал брошюру *Deutschland und der Islam* («Германия и ислам»)^[64]. Ислам – это ахиллесова пята России, Англии и Франции, объяснял Беккер. В течение многих десятилетий Берлин считал эту религию «фактором международной политики». Благодаря своим довоенным усилиям кайзеровская Германия стала другом ислама, и теперь Берлин должен воспользоваться этим статусом. Союз с Константинополем невозможен без ислама, который в ходе войны может стать «обстоятельством наибольшего значения»^[65]. Хотя использование религиозных чувств в политических целях не предрешит исход конфликта, оно будет в значительной мере способствовать военным усилиям. Известнейший голландский исламовед Христиан Снук-Хюргронье, негодуя, обвинил своих немецких коллег, в первую очередь Беккера и Хартмана, в раздувании религиозной ненависти^[66]. В статье, опубликованной в 1915 году, он утверждал, что именно немцы продвигали идею «зарядить» войну религией. Снук-Хюргронье ссылаясь на бесчисленные заявления немецких ученых о политическом значении ислама и критиковал их за то, что они позорят свою профессию. Однако на Беккера это не произвело особого впечатления. Религия есть легитимный инструмент глобальной политики, – утверждал он в одной из статей^[67]. В начальные годы Первой мировой Германию накрыла настоящая исламомания. Пресса изобиловала

заметками о священной войне; исламоведы читали публичные лекции о союзе с мусульманским миром; выходили многочисленные книги и брошюры на тему джихада^[68].

Центром исламской кампании стало так называемое Бюро информации по Востоку (*Nachrichtenstelle für den Orient*), разведывательная структура, работавшая под эгидой министерства иностранных дел и Верховного командования. Сначала его возглавил Макс фон Оппенгейм, после его перевода в Стамбул – дипломат Карл Шабингер фон Шовинген, а затем востоковед Ойген Миттвох^[69]. Там работало множество ученых, дипломатов, офицеров и мусульман-коллаборационистов – среди последних известный тунисский муфтий Салих аль-Шариф ат-Туниси, египетский проповедник Абдулазиз Шавиш и именитый татарский панисламист Абдурашид Ибрагимов. Все они организовывали и координировали нацеленные на мусульманские территории от Северной Африки до Британской Индии пропагандистские кампании. Ключевым элементом этой пропаганды выступала религия, а главными темами – священная война и мученичество за веру. Бюро также отвечало за мусульманских военнопленных, которых надо было уговаривать перейти на сторону Центральных держав.

Зимой 1914–1915 годов немцы организовали в Вюнсдорфе и Цоссене, к югу от Берлина, специальные лагеря для военнопленных-мусульман^[70]. Там содержалось несколько тысяч солдат из Африки, Индии и Российской империи. С самого начала немцы стремились завоевать расположение пленных. Чтобы продемонстрировать свое уважение к исламу, они предоставили мусульманам различные уступки и особые религиозные права. Верующим разрешалось выполнять ежедневные молитвы, отмечать религиозные праздники, осуществлять ритуальный забой животных и погребать усопших в соответствии с исламскими обрядами. В лагере Вюнсдорф немцы даже построили мечеть, спроектированную по образу иерусалимской мечети Омара – это был первый исламский молельный дом в Германии. Большое внимание уделялось пропаганде и политической индоктринации. *Nachrichtenstelle für den Orient* распространяло среди заключенных несколько пропагандистских изданий, прежде всего, «Аль-Джихад»: этот листок издавался на арабском, русском и татарском языках. Грамотные пленные должны были зачитывать его своим неграмотным

товарищам^[71]. Также в лагерях работали имамы, которые отправляли культ и вели политическую пропаганду. Самым известным среди них был татарин Алимджан Идрис (или Идриси)^[72]. Он изучал богословие и философию в Бухаре, Стамбуле, Лозанне и Льеже; до поступления на немецкую службу в 1916 году он работал на османское военное министерство. В Вюнсдорфе и Цоссене Идрис быстро прославился благодаря своим пламенным речам и проповедям. Даже осенью 1918 года, перед самым концом войны, обращаясь к военнопленным по случаю праздника Курбан-байрам, он говорил, что «самые священные» части мусульманского мира страдают «под английским и французским игом». Идрис называл войну «громким сигналом, который должен пробудить» правоверных^[73]. Несколько сот военнопленных из этих лагерей отправились в Стамбул и вступили в османскую армию; впрочем, их оказалось гораздо меньше, чем ожидали немецкие власти.

По всему миру посольства и консульства Германии распространяли панисламистскую пропаганду. Агитаторы на жалованьи рассказывали об объявлении джихада в мечетях и на базарах. Берлин также организовывал специальные миссии для подстрекательства к восстаниям в мусульманском тылу империй Антанты^[74]. В первые месяцы войны на Аравийский полуостров был отправлен ряд немецких экспедиций – с целью завоевать поддержку бедуинов и вести пропаганду среди паломников. Отмечались также попытки агитировать против англо-египетского правления в Судане^[75]. Дипломат Курт Прюфер, который до войны служил в германском консульстве в Каире и стал протеже Оппенгейма, пытался из Леванта собирать разведданные и готовить восстание в Британском Египте^[76]. В Киренаике немецкие эмиссары стремились убедить воинов суфийского ордена Сену-сия напасть на Египет^[77]. Сенуситы организовали мощное сопротивление западным колонизаторам в предыдущее десятилетие, призывая к джихаду против французских войск в Южной Сахаре и сражаясь с итальянцами, вторгшимися в Триполитанию в 1911 году. После длительных переговоров с шейхом Ахмадом Шарифом ас-Сенуси, получившим щедрые подарки, орден наконец взялся за оружие и атаковал западные районы Египта – однако после первых успехов его продвижение было остановлено британской армией.

Попытки вооружать и подстрекать мусульман во Французской Северной Африке, а также в Британской и Французской Западной

Африке имели определенный успех, но в целом не представляли серьезной угрозы для империй Антанты^[78]. В начале 1915 года миссия под руководством майора Фридриха Клейна отправилась на юг Ирака, чтобы встретиться с шиитскими муджтахидами из священных городов Кербела и Наджаф^[79]. Хотя ведущие шиитские богословы уже поддержали османские фетвы в конце 1914 года, после долгих переговоров и щедрых подношений немцы убедили пятерых улемов написать еще один призыв к священной войне. За ними также последовали некоторые иранские богословы^[80].

Группы немецких агентов, самую известную из которых возглавлял консул Вильгельм Вассмус, действовали и в Иране. Они пытались настроить персов против военного присутствия России и Великобритании в стране^[81]. Однако наиболее важные немецкие миссии в исламском мире стремились раздуть пламя восстания в Афганистане – чтобы оно перекинулось потом на мусульманское пограничье Британской Индии, на так называемую северо-западную границу. Этот проект вели Оскар Риттер фон Нидермайер, баварский офицер-артиллерист, географ и востоковед, до войны путешествовавший по Ирану и Индии, а также Вернер Отто фон Хентиг, дипломат, ранее служивший в Пекине, Константинополе и Тегеране^[82]. Хотя Нидермайер и фон Хентиг возглавляли конкурирующие миссии, они объединились в Тегеране и сообща выдвинулись в Афганистан – поднимать афганцев и индийцев против британского владычества. Ближе к концу войны, когда германские войска заняли южные окраины развалившейся Российской империи, чиновники и пропагандисты начали работать с мусульманами Кавказа и Крыма^[83]. Это оказалась конечной точкой дорогостоящей кампании по продвижению кайзеровской Германии в качестве покровителя ислама^[84].

В целом попытки немцев и турок использовать ислам в военных целях провалились. Тем не менее в Лондоне, Париже и Санкт-Петербурге власти были встревожены. В мусульманских колониях им приходилось держать крупные гарнизоны, войска которых могли бы сражаться в окопах европейских фронтов. И все же Берлин и Константинополь в конечном итоге не сумели спровоцировать в исламском мире масштабные бунты. Предположение о том, что «ислам» может помочь в организации крупного восстания, оказалось

ошибочным. Влияние панисламизма подверглось преувеличению: мусульманский мир оказался слишком неоднородным. Что еще более важно, немецко-османская кампания не вызывала доверия к себе: было слишком очевидно, что мусульман поднимают ради стратегических целей центральных держав, а не по настоящему зову веры. Наконец, правящему в Османской империи младотурецкому триумvirату не хватало религиозной легитимности. Власть халифа, османского султана, теоретически считавшегося лидером всех суннитов мира, оказалась ограниченной – вопреки надеждам берлинских чиновников, далеко не все правоверные подчинились его авторитету.

Более того, державы Антанты эффективно организовали религиозную контркампанию. Например, французы распространяли фетвы верных им улемов, в которых отрицалось право османского султана призывать к джихаду и объявлять поддержку Тройственного союза священным долгом мусульманина^[85]. Одновременно Париж выпускал различные исламские памфлеты, трактаты и журналы, продвигающие образ Франции как «мусульманской державы» (*puissance musulmane*). Религиозные лидеры активно участвовали в мобилизации правоверных для борьбы на европейских фронтах. Британцы тоже ответили на призыв Константинополя к джихаду своей собственной религиозной пропагандой^[86]. Исламские богословы по всей Британской империи призывали мусульман поддержать Антанту. Влиятельные панисламисты, такие как Рашид Рида, осудили джихад как беспринципное и эгоистичное предприятие, обвинив младотурок в святотатстве. Под влиянием колониальной администрации некоторые улемы Британской Индии выпустили фетвы против султанской декларации священной войны^[87]. Даже лидер суданских махдистов Абдурахман аль-Махди, сын легендарного бунтаря 1880-х годов, сотрудничал с англичанами и призывал верующих сражаться против османов^[88]. Власти Российской империи также подключили религиозных деятелей к тому, чтобы те осудили германо-османскую кампанию джихада^[89]. Вскоре после обнародования османских фетв один из высших богословов, муфтий Оренбурга, призвал правоверных на борьбу с врагами своей империи. Отправившись в путешествие по стране после начала войны в 1914 году, царь посетил ряд мечетей, показывая себя истинным защитником ислама. В итоге многие

мусульмане сохранили верность державам Антанты, а сотни тысяч солдат-мусульман сражались в их колониальных армиях.

Более того, успех антитурецкого Арабского восстания позволил Лондону добиться того, в чем центральные державы потерпели неудачу: поднять успешный бунт в тылу врага. Британцы не только вели агитацию, но и обещали арабам независимое государство^[90]. Когда шариф Мекки Хусейн и его сыновья Фейсал и Абдалла перешли на сторону англичан в 1916 году, осадили турецкие гарнизоны и захватили порты на Аравийском полуострове, стало очевидно, что немецко-османская пропаганда потерпела поражение. Кроме того, измена хранителей Каабы еще более ослабила религиозный авторитет Османского халифата. Само Арабское восстание изначально носило религиозный характер. Идеологи шарифа оправдывали бунт против Стамбула, обвиняя османов в порче ислама и предательстве правоверных – об этом, например, писала спонсировавшаяся британцами газета Хусейна «Аль-Кибла». В глазах восставших младотурки были «безбожными предателями веры и общечеловеческого долга», «предателями духа времени и высших интересов ислама», выражаясь словами Т. Э. Лоуренса^[91]. Британцы подумывали даже о провозглашении Арабского халифата со столицей в Мекке – в отличие от османского халифа, шариф Хусейн мог считать себя прямым потомком пророка Мухаммада, поскольку происходил из племени курейшитов. Становилось очевидно, что исламская пропаганда может быть обращена и против центральных держав.

После окончания войны, как полагали многие, исламу было суждено утратить свое политическое значение. Мобилизационные планы панисламистов провалились. В 1924 году халифат был формально упразднен. В некоторых странах, прежде всего, в Турции при Кемале Ататюрке, Персии при Реза-шахе Пехлеви и Албании при премьер-министре (а затем короле) Зогу, новые политические элиты стремились реализовать светские модернизационные проекты. Однако все эти тенденции не стоит переоценивать. На деле межвоенные годы вполне можно считать периодом глобального исламского возрождения. За упразднением халифата в новой Турции последовали беспорядки по всему миру. Британскую Индию сотрясло движение за возрождение халифата^[92]. Когда поддержанный Лондоном Хусейн попытался объявить себя халифом в 1924 году, его разгромили фанатичные

ваххабиты эмира Ибн Сауда^[93]. Светские правители Анкары, Тегерана и Тираны столкнулись с ожесточенным сопротивлением своей политике со стороны благочестивых подданных^[94]. Король Аманулла, модернизатор Афганистана, все 1920-е годы сражался с исламской оппозицией, что в итоге стоило ему трона^[95]. Во многих частях мусульманского мира ислам стал идейной основой новых политических массовых организаций. В Египте движение «Братьев-мусульман», основанное школьным учителем Хасаном аль-Банной в 1928 году, в течение нескольких лет стало массовым, послужив примером для политических групп от Западной Африки до Юго-Восточной Азии^[96]. Всеисламские конгрессы были проведены в Мекке и Каире (оба в 1926 году), Иерусалиме (1931) и Женеве (1935) – там формировался исламский интернационал ученых, интеллектуалов и политических лидеров^[97]. По мере того как становилось ясно, что великие державы не собираются предоставлять мусульманам на Ближнем Востоке, в Африке и Азии право на самоопределение, возрождался исламский антиимпериализм, развивавшийся наряду со светскими антиколониальными движениями^[98].

В течение 1920–1930-х годов британские, французские, голландские, итальянские и советские власти сталкивались с местными группами сопротивления в своих мусульманских владениях – те призывали к джихаду против ига иностранцев^[99]. Призрак исламского мятежа на северо-западной границе Индии отразился даже в знаменитых голливудских фильмах, например в «Жизни бенгальского улана» (1935), с впечатляющими сценами молящихся и сражающихся масс мусульман. Это был, по-видимому, любимый фильм Гитлера – фюрер и его свита не раз просматривали его в личном кинотеатре в Бергхофе^[100].

Межвоенные дискуссии и геополитика ислама

На протяжении межвоенного периода ислам оставался в повестке дня немецкого чиновничества^[101]. В то время, особенно в 1930-е годы, эксперты публиковали множество статей и книг о роли ислама в международной политике и мировом порядке, тем самым создавая дискурс, который работал и в годы Второй мировой войны. По-

видимому, самым важным центром таких дискуссий стал Институт геополитики, основанный в Мюнхене Карлом Эрнстом Хаусхофером, где ученые обсуждали роль ислама в грядущем мироустройстве^[102]. В журнале института (*Zeitschrift für Geopolitik*) часто печатались статьи о значении халифата, политике европейских империй в отношении ислама и возрождении панисламизма. Эксперты института всерьез считали религию мощной силой в международных делах и писали о «геополитике религии» (*Religions-Geopolitik*)^[103]. Сам Хаусхофер живо интересовался исламским миром, испытывая слабость к явлениям с приставкой «пан-» – паназиатским, панъевропейским, панисламским^[104].

В этих дискуссиях постоянно повторялась тема отсутствия в исламе политического и религиозного центра после упразднения халифата. В ноябре 1938 года писавший для *Zeitschrift für Geopolitik* Ханс Рабль ставил вопрос об институте халифата в геополитической перспективе^[105]. Даже лишившись после Первой мировой войны своего центра, значение которого было переоценено, ислам, как заявлял этот автор, сумел сберечь свою «энергетику» и политический потенциал. Обсуждая последствия этого факта для европейских держав, Рабль уверял читателей в сохранении политического антагонизма между исламом и колониальными империями англичан и французов. Одновременно он позитивно отзывался о «необычайно разумном и внимательном отношении к мусульманской вере», которое демонстрировал Муссолини, поясняя, что благодаря этому в «широких кругах мусульман» дуче считается «покровителем ислама»^[106].

Спустя два месяца после начала Второй мировой войны политолог Ганс Линдеман дал исчерпывающий обзор геополитики ислама^[107]. В своей статье «Ислам восстает и атакует» он утверждал, что эта религия обеспечивает тесную связь между странами и континентами, а это делает ее важным игроком мировой политики^[108]. Линдеман рассмотрел исламские движения по всему миру и их влияние на стратегию европейских держав^[109]. Он упомянул политику дружбы с исламом Японии и Италии, в которой видел эффективный инструмент для подрыва Французской и Британской империй^[110]. Два года спустя, в 1941 году, Линдеман подробно изложил те же идеи в своей книге «Ислам восстает, обороняется и атакует» (*Der Islam im Aufbruch, in Abwehr und Angriff*)^[111]. Ислам, уверял эксперт, – ахиллесова пята

союзников. Германии и Италии, напротив, нечего бояться этой религии. Однако даже для них выбор правильного курса по отношению к мусульманам и умение не задевать их религиозные чувства остаются предметами первостепенной важности»^[112]. Эти аргументы были весьма популярны в экспертном сообществе.

В марте-апреле 1942 года, когда немецкие танки шли к Каиру и приближались к южным окраинам Советского Союза, журнал опубликовал статью в двух частях под названием «Британская политика в отношении ислама», в которой обсуждалась ситуация в Индии, на Ближнем Востоке и, конспективно, в Африке^[113]. Автор опирался на идею панисламской солидарности и представлял ислам в качестве политической силы^[114]. По его словам, мобилизация мусульман во время Первой мировой войны потерпела неудачу только потому, что правящая верхушка Османской империи сама давно отвернулась от ислама^[115]. Мусульманский мир, утверждал автор, остается противником Британской империи, поскольку политика Лондона в отношении мусульман, особенно в Палестине, укрепила «антианглийские настроения»^[116]. Отношения Британской империи и ислама в разных регионах мира нередко обсуждались в статьях военного времени. Некоторые материалы касались британской политики «разделяй и властвуй» в отношении индусов и мусульман в Индии^[117]. Другие рассказывали об антибританском исламском мятеже на северо-западной границе^[118]. В 1940 году эксперт по геополитике Вальтер Лейфер опубликовал обзор политики Великобритании в арабском мире, в очередной раз назвав ислам влиятельной политической силой^[119]. По его мнению, османская мобилизация мусульман во время Первой мировой войны потерпела неудачу только из-за политического соперничества между турками и арабами за «лидерство в исламе»^[120].

До войны статьи в *Zeitschrift für Geopolitik*, посвященные роли великих держав в разных частях мусульманского мира, уже подчеркивали политическое значение этой религии, а также панисламизма, и обращали внимание на неразрешимость антагонизма между исламом и европейскими империями. В статье, посвященной взаимодействию французов с исламом, говорилось: «Важнейшая проблема колониальной политики – это отношения между Францией и исламом»^[121]. Аналогичным образом в следующем году автор

материала об империализме в Голландской Ост-Индии утверждал, что «взаимоотношения с исламом» относятся к «наиболее важным проблемам голландской колониальной политики»^[122]. Тогда же вновь обсуждался курс Великобритании на «закрепление разграничения между индусами и мусульманами» в Индии^[123]. В 1936 году Генрих Эк, эксперт по восточноевропейским делам, называл «религиозный вопрос» «ключом к пониманию» отношений народов Центральной Азии с советской властью^[124]. «Осознавая, что открытый конфликт с исламом вызовет жесткое противодействие азиатов, советское правительство применяет более тонкие инструменты», – утверждал Эк. Однако тут же он отмечал, что попытки Москвы контролировать ислам провалились: «Ключевой фактор, который определит судьбу не только Центральной Азии, но и всего Востока, – панисламизм»^[125].

Опубликованные в *Zeitschrift für Geopolitik* статьи представляли собой часть более обширной дискуссии об исламе и мировой политике. Ганс Линдеман особенно рекомендовал две книги – «Всеислам! Глобальная сила завтрашнего дня?» (*All-Islam! Weltmacht von morgen?*) Пауля Шмица (1937) и «Ислам у ворот» (*Der Islam vor den Toren*) Томаса Райхардта (1939). В последнем труде, опубликованном всего за несколько месяцев до начала Второй мировой войны, утверждалось, что ислам снова превратился в политическую силу глобального масштаба^[126]. Отвергая распространенное мнение о том, что национализм в конечном итоге заменит религию, Райхардт писал: «Религия как элемент частной жизни – декадентская идея Запада, которую Восток никогда не постигнет и тем более не примет!»^[127]. Райхардт всесторонне исследовал политическую стратегию великих держав относительно ислама и исламского антиимпериализма^[128]. Он обсудил действия Нидерландов в Индонезии, политику США на Филиппинах и поведение французов в Африке. Британия, утверждал он, начала подавлять мусульманскую веру^[129]. «Таким образом, отношение англичан к исламу в конце концов приведет к тому же результату, к какому пришли французы: к ненависти, раздорам и восстанию в их мусульманских владениях»^[130]. Религиозная политика либеральных империй вызывает отторжение среди мусульман: «Когда ислам смотрит на Запад, он видит в демократии, парламентаризме, капитализме, индивидуализме, безудержной механизации и слепой вере в прогресс все, что им отвергается»^[131]. Райхардт также писал о

подавлении религиозных учреждений, разрушении мечетей и преследовании верующих в СССР, заключив, что «ислам видит в большевизме своего главного врага»^[132]. Напротив, Япония и Италия мудро включали уважение к исламу в свою стратегию^[133]. По мнению эксперта, Германии, как и другим «авторитарным и тотальным государствам», «не надо опасаться исламского подъема»^[134]. Об отношениях между Германией и этой религией подробно рассказывалось в заключительной главе, в написании которой принял участие египетский врач и панисламист Заки Али^[135]. Именно он вновь напоминал о политике Второго рейха в отношении ислама, дамасской речи Вильгельма II и колониальном проекте Германии^[136]. «Уважение к исламу, его религиозной культуре, институтам и святыням было для нас основным ориентиром», – утверждал этот автор, переходя к обсуждению идеологической близости между нацизмом и исламом^[137].

Шмиц, как и Райхардт, подчеркивал в своей книге глобальную значимость ислама^[138]. Пользуясь для описания будущего геополитической терминологией, Шмиц предпочитал говорить не об общеисламском едином государстве, а, скорее, о блоке мусульманских наций^[139]. Скрепляемая религией, такая коалиция стала бы «мировой силой завтрашнего дня»^[140]. Хотя Шмиц был не ученым, а журналистом, работавшим в различных мусульманских странах (на момент выхода книги он был египетским корреспондентом *Völkischer Beobachter*, официального печатного органа НСДАП), «Всеислам» позитивно оценили в академических кругах. На книгу ссылались не только эксперты-геополитики, но и исламоведы. В 1942 году, когда Германия начала взаимодействовать с исламом на фронтах войны, *Der Islam* опубликовал хвалебную рецензию на труд Шмица^[141]. Учитывая «неоспоримое значение» исламских стран и «безусловно растущий интерес» к этой религии «среди широких кругов в Германии», книга представляется весьма актуальной, – писал рецензент Рихард Хартман^[142]. Позже этот берлинский профессор исламоведения, к концу войны консультировавший СС, поддержал идею Шмица о сосуществовании ислама и национализма в своей монографии «Исламская религия» (*Die Religion des Islam*) 1944 года^[143].

В 1930–1940-е годы мусульманскими сюжетами интересовалось множество чиновников и экспертов за пределами круга любителей

геополитики. Знаменитый *Zeitschrift für Politik*, который издавала Высшая немецкая политическая школа в Берлине, также был важным форумом по вопросам ислама^[144]. В начале 1938 года, еще до того, как исламом заинтересовались в *Zeitschrift für Geopolitik*, в *Zeitschrift für Politik* уже обратили внимание на новый «полус ислама», который обнаружили в Мекке, покоренной Ибн Саудом^[145]. После Первой мировой войны ислам вырос во «влиятельную политическую силу», – сообщалось в журнале^[146]. В течение всего межвоенного периода *Zeitschrift für Politik* также занимался проблемой исламского антиколониализма в европейских империях, публикуя статьи о сопротивлении мусульман французам, голландцам и англичанам^[147]. В некоторых статьях рассматривался джихад Первой мировой войны, причем там разбирались не только попытки Германии поднять мусульман на восстания, но и контрмеры, принятые Антантой^[148]. В 1941 году, когда немцы перенесли войну в Магриб, *Zeitschrift für Politik* подробно проанализировал джихад 1914 года: авторы даже утверждали, что он не был полностью провальным начинанием, но, напротив, вполне мог достичь успеха^[149]. В годы войны журнал также опубликовал ряд работ, посвященных мусульманам на немецкой службе, прежде всего муфтию Иерусалима^[150]. Даже журналы военной тематики проявляли интерес к исламским вопросам. Например, в 1942 году *Militärwissenschaftliche Rundschau* заверяло своих читателей в том, что ислам «необычайно важен», «находится на подъеме» и далек от «окостенения и распада»; через «чувство мусульманской солидарности» он образует крепкие, глобальные политические связи^[151].

Важной темой дискуссии стала роль ислама в мусульманских регионах СССР. Главным сторонником идеи о том, что ислам является самым сильным противовесом советской власти, оказался молодой эксперт, тюрколог и исламовед Йоханнес Бенцинг, позже ставший одним из самых влиятельных востоковедов послевоенной Германии. Он впервые выдвинул эту идею в 1937 году в статье о большевизме, тюркских народах Советского Союза и исламе, опубликованной в журнале *Osteuropa*^[152]. Бенцинг подробно рассказал о подавлении Кремлем религиозных учреждений в мусульманских регионах и о напаках на «улемов, мечети, обычаи и ритуалы»^[153]. Он утверждал, что борьба советской власти с исламом была более жестокой, чем

подавление православного христианства, поскольку ислам «намного опаснее» для нее^[154]. Мусульманское сопротивление политике Москвы мотивировано религией, а «основным проводником» этого сопротивления выступает «духовенство (муллы)»^[155]. Бенцинг продвигал свои идеи и во время войны, в конечном счете став консультантом СС по вопросам мобилизации советских мусульман^[156]. Взгляды этого ученого разделял его старший коллега и соперник Герхард фон Менде, тюрколог из Риги, который читал лекции о восточнотюркских народах в Берлине, а в годы войны работал в Имперском министерстве оккупированных восточных территорий. В книге «Национальная борьба тюркских народов России» (*Der nationale Kampf der Russlandtürken*), опубликованной в 1936 году, Менде описывал рост национализма среди тюркского населения России, которых в немецкой традиции с конца XIX века называли восточными тюрками (*Osttürken*). Исследователь подробно рассказывал о роли ислама в сопротивлении тюрков государственному аппарату^[157].

Хотя Менде считал, что в XX веке ислам ослабел в политическом плане, религия, по его мнению, остается неотъемлемой частью формирующегося национального самосознания восточных тюрков; более того, по его словам, с недавних пор мусульманство сделалось помехой для советского режима. Известный исламовед Готхард Йешке, рецензировавший книгу Менде на страницах журнала *Die Welt des Islams*, был в полном восторге от нее: он подчеркивал «исключительное значение ислама в борьбе за выживание народа»^[158]. Религия, резюмировал он, предлагает тюркским народам надежный бастион против «большевистской политики дезинтеграции»^[159]. Два года спустя Йешке, берлинский профессор, в годы Первой мировой работавший в Бюро информации по Востоку, а затем находившийся на дипломатической службе в Турции и на Кавказе, представил публике свои собственные мысли о коммунизме и исламе – на страницах *Die Welt des Islam*^[160]. «Любой, кто знаком, хотя бы поверхностно, с религией пророка Мухаммада и учением еврея Карла Маркса, нашедшим свое омерзительное воплощение в трудах Ленина и Сталина, знает, какая доктринальная пропасть разделяет эти явления», – провозгласил Йешке.

И снова более всего широкому распространению этих идей способствовал Пауль Шмиц. В 1938 году в печально известной серии

«Большевизм» (*Bolschewismus*) центрального издательства НСДАП «Франц Эйер Ферлаг» вышла его книга «Москва и исламский мир» (*Moskau und die islamische Welt*)^[161]. Она подробно рассказывала о подавлении ислама советской властью и обвиняла Москву в «политическом и религиозном изнасиловании» мусульманского населения^[162]. Заявляя о «неэффективности» советского давления, Шмиц настаивал на том, что религия остается не только «жизненным фундаментом» для большинства мусульман, но и наиболее сильным средством антисоветского сопротивления^[163]. В заключительной части книги Шмиц касался политических последствий этой ситуации для Германии: «Под руководством Адольфа Гитлера мы, немцы, поняли роль большевизма и разоблачили его перед всем человечеством. Мы также знаем о значимости исламского мира в борьбе с Коминтерном. Именно отсюда проистекают узы дружбы, которые связывают нас с исламскими народами»^[164]. Йоханнес Бенцинг, который написал рецензию на эту книгу в *Die Welt des Islams*, рекомендовал ее как «хорошее введение в тему»^[165]. Дискуссия продолжалась и в военные годы. Сразу после вторжения в Советский Союз летом 1941 года Карл Крюгер, берлинский профессор и эксперт по восточным вопросам, опубликовал статью о мусульманах СССР в «Издании немецкого союза Востока» (*Organ des deutschen Orient Vereins*). Он утверждал, что ислам в Центральной Азии способен сыграть значительную роль в войне и даже дал конкретные идеи для пропагандистских лозунгов^[166].

Наконец, стоит отметить, что в дискуссиях об исламской политике приняли участие и эксперты по Юго-Восточной Европе. Это произошло после того, как немецкие войска вошли на мусульманские территории Балкан. Среди таких специалистов стоит назвать Франца Роннебергера, главу «ведомства Роннебергера» в Вене – разведывательно-аналитического центра министерства иностранных дел, занимавшегося Юго-Восточной Европой. Осенью 1942 года Роннебергер опубликовал на первой полосе *Völkischer Beobachter* большую статью о значении ислама в регионе^[167]. По сравнению с миллионами мусульман за пределами Европы два миллиона балканских мусульман, конечно, кажутся незначительной величиной. «Однако оценивать роль европейских мусульман лишь по их численности означало бы упустить самое главное,– писал автор.– Дело в том, что все происходящее с мусульманами на Балканах тщательно фиксируется и оценивается в

остальных частях магометанского мира [*Mohammedanertum*]. Столь же верно и обратное: европейские мусульмане проявляют огромный интерес к судьбе своих братьев по вере, особенно на Ближнем Востоке и в Северной Африке». Далее Роннебергер заявлял, что политику Германии по отношению к балканскому исламу нужно выстраивать, имея в виду отношения рейха с исламским миром в целом. Не только мусульмане Советского Союза, ведущие «отчаянную борьбу против большевизма», но и «весь мусульманский мир» готов подняться и сражаться на стороне держав Оси, – уверял читателей эксперт. Летом 1943 года исследовательский журнал *Volkstum im Südosten*, освещавший балканскую тематику и выходивший под редакцией Роннебергера и его коллег, опубликовал статью под названием «О проблеме магометан в Боснии и Герцеговине», в которой более подробно рассматривалась исламская политика в регионе, а мусульманское население называлось союзником нацистской Германии^[168].

При всей своей сложности и текучести немецкий дискурс об исламе и политике характеризовался некоторыми повторяющимися нарративами и позициями. «Ислам» понимался в нем эссенциалистски, как онтологическая сущность – причем политическая по своей природе. Более того, в дискуссиях отразилось территориальное понимание «ислама», где религия и география сливались, а «ислам», точнее, «исламский мир», виделся как географическая единица, простирающаяся от Северной Африки до Восточной Азии. Накануне Второй мировой войны немецкие эксперты в основном принимали как политическую значимость ислама, так и его глобальный охват, что зачастую фиксировалось в терминах «мировой ислам» (*Weltislam*) или «панислам» (*All-Islam* или *Pan-Islam*) – притом что в своих оценках политического веса панисламизма специалисты могли расходиться. Одной из наиболее обсуждаемых тем была неудачная мобилизация мусульман в Первую мировую войну. Примечательно, что почти ни один эксперт не усматривал в этом доказательства политической слабости ислама. Ученые предпочитали писать об отсутствии подлинной легитимности у младотурок с их светской идеологией и об очевидно нерелигиозных причинах объявления джихада. Эксперты также проявляли интерес к упразднению халифата и проблеме отсутствия центра в исламе, обсуждали вопросы глобальной религиозной власти и политического влияния. Некоторые искали новые

центры, на роль которых предлагались Каир или Мекка; другие же считали, что халифат вообще не имеет отношения к политическому могуществу ислама. Часто всплывала тема о якобы неразрешимом противоречии между религиозной и национальной идентичностью, причем большинство авторов не верили в такую несовместимость^[169]. Наконец, все авторы затрагивали политику великих держав по отношению к исламу, соглашаясь с тем, что религиозные чувства мусульман угнетаются Британской, Французской, Нидерландской и Советской империями; подход Италии и Японии к исламу, напротив, считался разумным. Причем, что бы авторы ни писали о самой Германии, в исламе они видели важный для нее политический шанс. Лишь немногие эксперты считали ислам «слабым» и «сонным», а еще меньше было тех, кто видел в нем угрозу^[170].

Иностранные наблюдатели были убеждены в практических последствиях всех этих исследовательских изысканий. Анализируя военные и пропагандистские мероприятия Германии в Северной Африке и на Ближнем Востоке, Роберт Бейкер, британский эксперт по внешней политике, обращал внимание на влияние «генерала и доктора Карла Рудольфа фон Хаусхофера», последователи которого «постарались применить его геополитические формулы на Ближнем Востоке»^[171].

Бейкер подробно представил своим англосаксонским читателям отдельные статьи об исламе, опубликованные в *Zeitschrift für Geopolitik*, включая статью Рабля «О халифате», текст Линдемана «Ислам на марше» и материалы ежемесячной рубрики «Индия и Ближний Восток», которую на протяжении многих лет вел сам Хаусхофер^[172]. Немцы, по его словам, приступили к «очевидному поиску расового или религиозного движения, которое может быть использовано для уничтожения британской власти на Ближнем Востоке»^[173]. Исламу же, утверждал Бейкер, суждено сыграть ключевую роль в этом начинании:

Война привела к изменению геополитического отношения к пан-исламу. И снова здесь сыграли свою роль требования нацистской пропаганды – из-за надежды побудить мусульманский мир к джихаду, священной войне против Великобритании и Франции. До войны панислам рассматривался геополитиками лишь как интересная

фантазия, которую нельзя было воплотить в жизнь из-за расовых, языковых и идеологических различий, а также потому, что [панисламистское] движение было политически вялым и не имело опоры в виде государства^[174].

Труды экспертов, по мнению Бейкера, были непосредственно связаны с усилиями германской политики: «Эти тексты, как и немецкая радиопропаганда на арабском языке, поощряли оспаривание исламом британской „тирании“ <...> Геополитики выкопали эффективный материал, пригодный для обработки арабов и мусульман посредством радиопропаганды доктора Геббельса на арабском и других языках»^[175]. Тем не менее Бейкер указывал и на то, что конкретных уступок исламу нацисты и их союзники предпочитают не делать: «Все три державы Оси проявили большой интерес к панисламу как к оружию против англичан, но, насколько нам известно, они дают фанатикам лишь туманные обещания»^[176]. В некотором смысле такая критика немецких экспертов по исламу напоминает обвинения со стороны Снука-Хюргронье, прозвучавшие в годы Первой мировой войны.

О воздействии геополитики, в частности теории «жизненного пространства на востоке», на нацистских стратегов и лично Гитлера хорошо известно^[177]. Исследования на тему ислама внимательно изучались в берлинских министерствах и ведомствах, в военное время имевших отношение к мусульманскому миру^[178]. Оказывали ли эти тексты какое-либо влияние, как на том настаивал Бейкер,— трудно сказать. Тем не менее понятия, выраженные в этих академических дискуссиях, были в значительной степени отражены в решениях, принятых нацистским режимом,— когда мусульманский мир попал в поле его внимания.

2

В Берлине пробил «час ислама»

МЕМОРАНДУМ Макса фон Оппенгейма 1940 года, во многом представлявший собой адаптированный вариант его плана 1914 года, не вызвал особой реакции в министерстве иностранных дел^[179]. Статс-секретарь Теодор Август Хабихт сообщил Оппенгейму, что поднятые им вопросы «уже внимательно рассматриваются в министерстве»^[180]. На самом же деле до того момента немецкие чиновники проявляли мало интереса к Ближнему Востоку и еще меньше к остальным регионам мусульманского мира. Ни внешнеполитические проекты Гитлера, которые он разработал до 1933 года, ни стратегии 1930-х годов не требовали обращения к исламской проблеме. Планы Гитлера были нацелены на Восточную Европу. За европейскими границами, в том числе на мусульманских территориях, Берлин признавал имперские интересы Италии, Испании и Великобритании – ведь эти страны Гитлер хотел видеть союзниками Германии.

С началом войны и, что более важно, после военных неудач Италии в Северной Африке и на Балканах в начале 1941 года, эта позиция изменилась. Когда в 1940 году немцы столкнулись с мусульманскими частями французской армии, официальные лица вермахта и министерства иностранных дел предприняли первые попытки использовать ислам в пропагандистских целях, но эти усилия были относительно бессистемными и случайными. Только в 1941 году, когда немецкие войска вступили в сражения в Северной Африке, продвигаясь к Ближнему Востоку, берлинские политики начали более системно рассматривать стратегическую роль ислама. Сотрудники Восточного департамента политического отдела министерства иностранных дел первыми стали принимать во внимание религию при разработке политического курса в отношении мусульманских регионов.

*Министерство иностранных дел и выработка исламской политики
Германии*

Летом и осенью 1941 года сотрудники МИДа обсуждали политическое значение мусульманского мира и использование ислама для достижения победы в войне. Об инструментализации ислама в интересах рейха впервые было заявлено дипломатом Эберхардом фон Шторером в меморандуме от 18 ноября 1941 года^[181]. Утверждая, что ход войны скоро повысит значимость мусульманского мира, он предложил разработать «обширную исламскую программу», фиксирующую «общее отношение Третьего рейха к исламу». Шторер рекомендовал создать комитет экспертов-исламоведов для разработки такой программы. Будучи убежденным в том, что национал-социалистическая идеология согласуется со «многими исламскими принципами», дипломат писал: «В исламе фюрер уже занимает видную позицию благодаря своей борьбе с иудаизмом». В конце концов, эта религия «близка национал-социализму» тем, что она отвергает идею «духовенства». Имамы играют «роль учителей и судей, но не священников», – объяснял меморандум. Шторер прекрасно понимал, что предлагаемая им программа сможет опереться на традиционную «политику дружбы с исламом которая проводилась до и во время Первой мировой войны». Соответственно, он выдвинул кандидатуру Вернера Отто фон Хентига (который не только активно подстрекал пуштунов к бунту против англичан в 1915–1917 годах, но и руководил Восточной секцией до 1939 года), чтобы тот организовал комитет экспертов. Момент настал, утверждал Шторер. По его словам, после поражения Франции Германия добилась «господствующей позиции» в Северной Африке и завоевала симпатии мусульман региона благодаря тому, что сражается с Великобританией, «угнетателем обширных исламских территорий»^[182].

Сам Шторер долгое время находился на дипломатической службе в Каире, а с 1941 года возглавил немецкое посольство в Мадриде. Меморандум он написал, находясь в отпуске в Берлине, где обсуждал этот круг вопросов с друзьями – например, с Пьером Шрумф-Пьерроном, офицером абвера (военной разведки и контрразведки), который ранее работал в Каире в качестве агента^[183]. В мае 1941 года Шрумф-Пьеррон также направил в министерство иностранных дел меморандум об использовании религии в Северной Африке и на Ближнем Востоке^[184]. Рейх, полагал агент, должен быть готов перестроить регион и убедить мусульманское население в том, что не

отдаст его презренным итальянцам. Чтобы завоевать поддержку мусульман, меморандум рекомендовал при организации немецкой пропаганды и выработке политической линии активнее опираться на исламскую веру. Такой курс был бы особенно полезным на арабских территориях, поскольку «араб-мусульманин» остается «де-факто фанатиком». Шрумф-Пьеррон также намекал на предполагаемую близость между нацизмом и исламом, на основе которой можно было бы выстроить союз. «Структура ислама, между прочим, имеет много общего с национал-социализмом: наверху авторитет, внизу „демократия“», – утверждал агент. Кроме того, добавлял он, Гитлером восхищаются во всем мусульманском мире. «Он победил Францию и к настоящему времени неявно уже проводит происламскую и антиеврейскую политику в Северной Африке», – писал Шрумф-Пьеррон. К остальным территориям Ближнего Востока, по его словам, следовало бы относиться точно так же.

Сначала на Вильгельмштрассе^[185] не могли прийти к единому мнению о том, что станет лучшей основой для стратегического союза с мусульманским миром – религия или национализм (арабский, туранский, тюркский, берберский или иранский). В конце концов, дипломаты все еще помнили о провальных попытках использовать ислам во время Первой мировой войны. Подобно академическим обсуждениям, дискуссии между дипломатами часто вращались вокруг предполагаемой дихотомии «нации» и «религии». Уже в марте 1941 года глава политического отдела министерства иностранных дел Эрнст Верман отметил в своем меморандуме, посвященном арабскому миру, что «исламская идея („священная война“») в нынешней ситуации кажется «неприменимой»^[186]. «Арабскость и ислам не пересекаются», – пояснял он. Арабы Северной Африки и Ближнего Востока, которых предстоит сделать союзниками Оси, будут сражаться «не за религиозные, а за политические цели». Однако даже Верман не мог полностью отрицать роль религии. По его словам, «исламский вопрос требует тактичности». Хотя в последовавшие несколько месяцев спор так и не был разрешен, Верман постепенно перестал возражать против пропаганды с опорой на ислам.

В начале 1942 года сотрудники политического отдела собрались вместе, чтобы детально обсудить, следует ли в мусульманском мире помимо «национальной» (например, арабской или индийской)

пропаганды распространять еще и «общеисламскую» пропаганду^[187]. Хотя руководящие принципы, выработанные в ходе этих дебатов, гласили, что следует избегать «общеисламской пропаганды религиозного толка» и «лозунгов типа „священной войны“», в них подчеркивалось, что религия не должна оставаться неиспользованной. «Желательным представляется взвешенное обращение к исламской идее в пропагандистских посланиях, адресованных арабским странам и мусульманам Советского Союза»^[188]. Дискуссии по этому вопросу продолжались в течение нескольких месяцев, и опасения постепенно рассеивались. Весной 1942 года Верман доложил своему начальнику, статс-секретарю Эрнсту фон Вайцзеккеру, о том, что «исламский вопрос» теперь «тщательно изучен» в политическом отделе «как с политической, так и с пропагандистской стороны». «Таким образом, религиозные принципы ислама используются активнее, особенно в пропаганде среди мусульман Советского Союза и арабских стран»^[189]. Только в Индии «исламская пропаганда на данный момент не признается полезной», продолжал Верман, поскольку немецкие официальные лица пытаются избежать выбора одной из сторон в конфликте между мусульманами и индусами^[190]. Действительно, на практике сотрудники миинистерства иностранных дел все чаще обращали внимание на ислам, разрабатывая политику в отношении мусульманского мира. Вильгельмштрассе организовала мощную кампанию печатной и радиопропаганды в Северной Африке и на Ближнем Востоке – а через какое-то время и в Индии. Эта кампания опиралась не только на националистическую, но и на религиозную риторику, призывая к союзу между Германией и мусульманами (см. часть II).

Кампанию в основном координировала Восточная секция политического отдела^[191]. Именно она отвечала за Северную Африку, Ближний Восток и Индию, а руководил ею кадровый дипломат Вильгельм Мельхерс, ранее занимавший посты в Аддис-Абебе, Тегеране и Хайфе. Одной из самых заметных фигур Восточной секции был Фриц Гробба, востоковед, который во время Первой мировой войны перевез батальон добровольцев-мусульман, завербованных в лагерях Вюнсдорф и Цоссен, на территорию Османской империи, а затем сам сражался в Палестине. «Хитроумный и элегантный доктор Гробба», как выразился автор журнала *Foreign Affairs*, служил послом

Германии в Ираке в межвоенный период, а затем стал отвечать в МИДе за арабские страны (в том числе и за пропаганду)^[192]. Еще одним сотрудником на этом фронте был престарелый Курт Прюфер, помогавший османам вести разведку в Сирии, Палестине и Египте во время Первой мировой войны^[193]. Между летом 1941-го и концом 1942 года министерство иностранных дел запустило отдельную исламскую программу, включавшую работу с религиозными деятелями и учреждение Центрального исламского института в Берлине.

Самым видным религиозным деятелем из тех, что работали с МИДом, был Амин аль-Хусейни, франтоватый муфтий Иерусалима. Он происходил из аристократического рода, родился на рубеже веков и успел недолгое время поучиться в университете аль-Азхар и школе мусульманского реформатора Рашида Риды, прежде чем поступить на службу офицером в османскую армию в начале Первой мировой войны^[194]. В подмандатной Палестине аль-Хусейни быстро поднимался по ступеням власти, причем несмотря на то, что у него было много врагов – прежде всего, из влиятельного рода аль-Нашашиби, долгое время соперничавшего с родом аль-Хусейни. В 1921 году британцы назначили его муфтием Иерусалима, наградив специально изобретенным титулом «великий муфтий» (*аль-муфти аль-акбар*). Через год его сделали еще и президентом Верховного мусульманского совета Палестины и Генерального комитета по вакуфам. Однако англичане не предполагали, что аль-Хусейни, яростный антисемит, вскоре станет «мотором» антибританской оппозиции в Палестине и противником еврейской иммиграции^[195]. Осенью 1937 года муфтия наконец заставили уехать в Ливан, оттуда он попал в Ирак, а затем, после провала прогерманского переворота в этой стране, в Тегеран. Осенью 1941 года, когда союзники оккупировали Иран, аль-Хусейни сбежал через территорию Турции в Италию. 6 ноября 1941 года немецкий самолет доставил его в Берлин^[196]. 28 ноября, в присутствии Риббентропа, Гроб-бы и двух немецких переводчиков, в новой рейхсканцелярии состоялась встреча аль-Хусейни с Гитлером (фото 2.1)^[197]. В своих воспоминаниях муфтий, желая показать себя великим государственным деятелем, подробно описывает роскошь церемонии:

Я не думал, что мой прием в знаменитой рейхсканцелярии станет официальным, ожидая лишь личной

встречи с фюрером. Но не успел я выйти на широкую площадь перед входом в это величественное здание, как меня поразили звуки военного оркестра и вид почетного караула из двухсот немецких солдат, выстроившихся на площади. Сопровождающие из министерства иностранных дел пригласили меня осмотреть почетный караул, что я и сделал. Затем мы вошли в канцелярию и проследовали через ее длинные колоннады и впечатляющие порталы, пока не добрались до большого зала приемов. Там меня приветствовал глава протокольной службы, через некоторое время прошедший вместе со мной в кабинет фюрера. Гитлер тепло поприветствовал меня. У него было веселое лицо, выразительные глаза и радостный вид»^[198].

ФОТО 2.1. Амин аль-Хусейни и Гитлер в новой рейхсканцелярии.

Берлин, 28 ноября 1941 года (источник: Федеральный архив Германии в Кобленце, изображение 146–1987–004–09А, Hoffmann)

Беседа муфтия и фюрера ограничилась обменом любезностями и выражением уверенности в том, что они сражаются с одними и теми же врагами – англичанами, евреями и большевиками^[199]. Когда аль-Хусейни попросил Гитлера дать письменные гарантии независимости арабских территорий и особенно Палестины, диктатор уклонился от этой проблемы. После повторной просьбы аль-Хусейни Гитлер ответил ему, что на нынешней стадии боевых действий решать такие вопросы было бы преждевременно, но заверил муфтия в своей готовности вести «бескомпромиссную борьбу с евреями», в том числе и проживающими на арабских землях. Еще в одной просьбе о встрече с Гитлером (в 1943 году) аль-Хусейни было отказано^[200].

Муфтий поселился в Берлине и несколько лет пытался влиять на политику Германии в отношении мусульманского мира. Вскоре он получил печальную известность из-за своих интриг против соперников, прежде всего против бывшего премьер-министра Ирака Рашида Али аль-Гайлани, который также перебрался в Берлин после поражения стран Оси в Ираке^[201]. Гроб-ба, отвечавший за арабских коллаборационистов, поддерживал аль-Гайлани. Чтобы положить конец конфликту, курировать аль-Хусейни в итоге было поручено дипломату и бригаденфюреру СС Эрвину Эттелю, бывшему послу в Тегеране^[202]. В последующие месяцы Эттель и муфтий (при поддержке Прюфера) успешно интриговали против Гроббы и аль-Гайлани. В конце 1942 года Гроббу заставили уйти из МИДа, а иракский политик потерял свое влияние.

Деятельность аль-Хусейни в Берлине широко освещена в научной литературе, прежде всего в биографиях, написанных Иосифом Шехтманом, Клаусом Генсике и Дженни Лебель^[203]. Тем не менее биографические работы, как правило, переоценивают влияние муфтия в Германии. На самом деле оно было крайне ограниченным. Его план добиться конкретных уступок и обеспечить гарантии независимости арабам и палестинцам – главная задача! – реализован не был^[204]. Его предложения были успешными лишь в той мере, в какой они совпадали с интересами рейха. Самым ярким примером можно назвать его попытки помешать выезду евреев из стран-сателлитов Германии в Юго-

Восточной Европе в Палестину^[205]. Вместо того чтобы ставить муфтия в центр повествования, более разумным представляется рассматривать его лишь в качестве одного из элементов общей политики Германии, направленной на исламский мир. Немецкие чиновники использовали аль-Хусейни как пропагандистскую фигуру, когда обстоятельства того требовали. В конце концов, его услуги хорошо оплачивались. Муфтий получал ежемесячное жалование не менее 90 тысяч рейхсмарок. Кроме того, ему и его свите было предоставлено несколько резиденций^[206].

Министерство иностранных дел использовало муфтия в основном для ведения пропаганды в арабском и мусульманском мире. Хотя аль-Хусейни изначально позиционировал себя как арабский националист, а не как исламский лидер, Берлин все больше интересовался его ролью религиозного деятеля^[207]. В октябре 1942 года, накануне своего увольнения, Гробба отметил, что муфтий «до сих пор пользовался особым доверием немецких политиков и военных из-за религиозных одеяний, которые он носил»^[208]. В то же время Эттель заверял Риббентропа, что муфтия можно привлекать к немецкой пропаганде не только в Северной Африке и на Ближнем Востоке, «но и за пределами этих регионов, среди всех исламских народов, вплоть до Индонезийского архипелага»^[209]. Такая позиция, конечно же, чрезвычайно переоценивала реальный религиозный и политический авторитет аль-Хусейни.

Среди менее известных, хотя и столь же интересных, мусульманских деятелей, работавших в министерстве иностранных дел, можно назвать имама Алимджана Идриса^[210]. Он работал в лагерях военнопленных-мусульман в Вюнсдорфе и Цоссене во время Первой мировой войны, а затем прусское военное министерство до 1921 года держало его для присмотра за бывшими мусульманскими заключенными. Через год Идриса направили в Советский Союз с тем, чтобы он агитировал студентов из Центральной Азии учиться в Германии – но вскоре его арестовали мнительные советские спецслужбы. Спустя несколько месяцев он был освобожден с помощью немцев и вернулся в Берлин. В 1933 году Восточная секция политического отдела министерства иностранных дел наняла Идриса в качестве советника. У него, кажется, не было особых идеологических возражений против работы на нацистский режим.

В 1933 году «Аль-Манар», панисламистский журнал Рашида Риды, опубликовал письмо Идриса, в котором имам поносил евреев как продажный, презренный и отвратительный народ, а также спрашивал мнения Риды о противоречивых аятах Корана, посвященных евреям^[211]. После начала войны в 1939 году Идрис работал в Восточной секции отдела радиопропаганды на иностранных территориях, которым руководили одновременно министерство иностранных дел и геббельсовское министерство пропаганды. Идрис участвовал в работе секции до конца войны, сначала на арабоязычных программах, а потом в вещании на тюркских языках. Вермахт и СС также заинтересовались его услугами (об этом см. ниже). Идрис, родившийся в Средней Азии, говорил на нескольких тюркских языках, в том числе на турецком, узбекском и киргизском, а также на русском, персидском, арабском, французском и немецком. Министерство иностранных дел даже поручило ему подготовить персидский перевод «Майн кампф». Для обеспечения своей пропагандистской работы министерство иностранных дел использовало и других мусульманских добровольцев. Среди них можно упомянуть арабов Абдальхалима аль-Наггара и Мухаммеда Сафти, которые также руководили «исламским» учреждением МИДа – Центральным исламским институтом, который стал центром немецкой пропаганды среди мусульман.

Центральный исламский институт был торжественно открыт 18 декабря 1942 года в здании церемоний люфтваффе (*Haus der Flieger*), по адресу Принц-Альбрехтштрассе, 5, в самом сердце Берлина^[212]. Дата была выбрана в соответствии с религиозным календарем: мусульманский мир праздновал Курбан-байрам. Было приглашено 200 гостей^[213]. Опираясь на религиозный контекст, немцы использовали торжественное открытие для продвижения своей политической программы и пропаганды дружбы с исламом. Инаугурационную речь произнес аль-Хусейни, облекший свое политическое послание в оболочку религиозной риторики: «Во имя Аллаха Всевышнего я открываю этот исламский институт», – начал он, после чего последовало богословское, хотя и весьма политизированное, размышление о значении Курбан-байрама, «праздника жертвоприношения»^[214]. Этот день, утверждал аль-Хусейни, «однозначно говорит о долге самопожертвования и высочайшей верности». Затем муфтий призвал мусульман принять необходимость

жертвования собой ради победы, а также поразмышлял о значении войны для мусульман. «Эта война, развязанная мировым еврейством, предлагает мусульманам наилучшую возможность освободиться от преследований и угнетения, если, конечно, они воспользуются этим шансом должным образом», – заявил муфтий. «Новой такой возможности не представится еще очень долго». Большая часть речи состояла из насыщенных религиозной риторикой потоков ненависти, направленных на предполагаемых общих врагов Германии и ислама:

Среди злейших врагов мусульман, которые с древних времен выказывали им недоброжелательность и повсеместно проявляли по отношению к ним вероломство и хитрость, первыми идут евреи и их приспешники... Священный Коран и история жизни Пророка полны свидетельств еврейской бесхарактерности, их злонамеренного, лживого и предательского поведения. Этого вполне достаточно, чтобы предупредить мусульман о постоянной угрозе с их стороны, которая сохранится до конца времен. Какими евреи были при жизни великого Пророка, такими они и остались на протяжении веков: коварными и полными ненависти к мусульманам, проявляющими эти чувства всегда, когда у них появляется такая возможность.

Американцы и англичане вторглись в мусульманские земли в Северной Африке, метал громы и молнии аль-Хусейни. В частности, Англия «не довольствуется тем, что прибрала к рукам мусульман Индии»: «Подавляя Египет, Палестину и другие страны, она сделала преследование мусульман еще более повсеместным и принесла ужасы войны во многие исламские страны» – например, оккупировав Ирак, Иран и Сирию. На Балканах англичане снабжают деньгами и оружием коммунистов, чтобы те могли «мучить мусульманских мужчин, женщин и детей в Боснии». Аль-Хусейни также затронул тему ислама в Советском Союзе: «Кроме евреев, американцев и англичан, есть еще и большевики, также одержимые непримиримой враждой к исламу. Они угнетают и преследуют 40 миллионов мусульман в своей империи. Они уничтожают их религиозные и национальные учреждения, попирают их свободы и права, силой ликвидируют их общественные институты и благотворительные организации». Наконец, муфтий призвал к

глобальному мусульманскому сопротивлению, сделав это в форме религиозного предписания: «Мусульманин, который боится кого-то еще, кроме Аллаха, или уступает своим врагам и добровольно отдает свою судьбу в их руки,— больше не мусульманин». Всё мероприятие в ручном режиме контролировалось министерством иностранных дел^[215]. Речь была одобрена лично Риббентропом. Ее передавали по радио на Северную Африку и Ближний Восток. В Германии этому событию также уделялось значительное внимание. Партийный орган *Völkischer Beobachter* опубликовал статью под названием «Эта война может принести свободу исламу!» и напечатал большой репортаж о праздновании Курбан-байрама, исламском идеале самопожертвования, речи муфтия и открытии института^[216]. Аналогичным образом *Deutsche Allgemeine Zeitung* опубликовала статью об «освободительной борьбе ислама»^[217]. Одна из берлинских газет дала репортаж под названием «Представитель 400 миллионов верующих обличает», а другая напечатала фотографии аль-Хусейни, «произносящего обвинительную речь против угнетателей ислама»^[218].

На самом же деле вновь открытый институт был основан еще в 1927 году под именем Исламского института, а создали его активисты мусульманской общины Берлина^[219]. Мусульманское меньшинство столицы на протяжении межвоенного периода росло, а его жизнь вращалась вокруг мечети в районе Вильмерсдорф, открытой в 1928 году, и некоторых других организаций^[220]. В сентябре 1941 года после нескольких лет бездействия члены общины под руководством суданского журналиста Камаледдина Галаля, учившегося в аль-Азхаре, предприняли попытку заново открыть институт – и нашли поддержку в министерстве иностранных дел. Институт был восстановлен летом 1942 года. Хотя официально им руководили члены мусульманской общины Берлина, фактически учреждение контролировалось режимом. Церемония инаугурации, организованная под эгидой министерства иностранных дел, была чисто политическим мероприятием и дала четкое представление о реальной вовлеченности нацистского государства в мусульманские дела. Кураторами этого проекта в министерстве иностранных дел выступали Вильгельм Мельхерс и Курт Прюфер^[221]. Финансами института также занимались на Вильгельмштрассе^[222].

Мусульмане, которые официально руководили институтом, тоже были тесно связаны с министерством иностранных дел. Помимо генерального секретаря Галаля, и председатель Абдельхалим аль-Наггар (позднее его заменил Хасан Абу аль-Сууд), и директор Мухаммед Сафти работали в отделе радиопропаганды министерства иностранных дел. Чтобы подчеркнуть панисламский характер учреждения, МИД также включил в состав руководящего совета института сирийцев, палестинцев, турок и афганцев^[223]. Располагался институт на Клопштокштрассе (район Целендорф), в помещении, предоставленном СС^[224].

Другие государственные структуры и расширение «исламской политики» Германии

По мере того как война продолжалась, а немецкие армии входили в мусульманские районы Балкан и Советского Союза, включая Крым и Кавказ, другие структуры рейха тоже начали выработать собственную политику в отношении ислама, опираясь, впрочем, на уже созданные учреждения и структуры.

Министерство иностранных дел, которое с началом войны все чаще оказывалось на второстепенных ролях, почти не влияло на мусульманские регионы советского востока и Балкан, но оставалось ведущим учреждением, отвечающим за Северную Африку и Ближний Восток. В этих регионах МИД занимался пропагандой до самого конца войны. Благодаря своим давним контактам с миром ислама ведомство с Вильгельмштрассе задавало общий тон политики, включавшей среди прочего и использование мусульманских религиозных и политических деятелей, подобных аль-Хусейни или Идрису.

Попытки министерства иностранных дел воздействовать на ход событий на оккупированных территориях Польши и СССР провалились. Фридрих Вернер граф фон дер Шуленбург, глава «Русского комитета» МИДа, был почти лишен рычагов влияния^[225]. Сотрудником комитета, ответственным за мусульманские районы Советского Союза, выступал Вернер Отто фон Хентиг, которому помогал Алимджан Идрис^[226]. Позанимавшись в первые годы войны различными вопросами, касающимися Ближнего Востока, Хентиг

позже возглавил работу с тюрками-мусульманами Советского Союза, а с осени 1941-го и до лета 1942 года также служил представителем министерства иностранных дел в Крыму. Хентиг выступал за формирование мусульманского блока против Москвы. В конце 1941 года он подготовил подробный план политической мобилизации мусульман в Советском Союзе, предложив распространять пропаганду через радиопередачи, брошюры и эмиссаров^[227]. Будучи убежденным в силе панисламской солидарности, Хентиг часто говорил об «эффекте разрастания»: политика в отношении мусульман на восточных территориях, по его мнению, должна была повлиять на весь исламский мир. Наконец, дипломат связывал споры о мусульманах СССР с более общей политикой Германии в отношении ислама^[228]. «Отношение к ним нельзя отделить от отношения ко всем остальным мусульманским народам», для выражения которого Германия выработала «четкие лозунги», – писал Хентиг в своем меморандуме в начале 1942 года^[229]. Однако в целом, как уже говорилось, этот дипломат и его коллеги с Вильгельмштрассе мало влияли на политику на Восточном фронте. Ненужными оказались и общие политические схемы будущего нового порядка на Востоке, обсуждавшиеся в министерстве иностранных дел. Так, некоторые сподвижники Шуленбурга выступали за независимость Крыма, а на Кавказе, по их мнению, следовало образовать группу марионеточных государств, с которыми министерство иностранных дел могло бы наладить дипломатические отношения. Шуленбург даже провел в отеле «Адлон» дорогостоящую конференцию с участием примерно четырех десятков кавказских политэмигрантов, чтобы обсудить послевоенное устройство Кавказа и Закавказья. В министерстве оккупированных восточных территорий, возглавляемом Альфредом Розенбергом, к подобным инициативам МИДа относились с нескрываемым подозрением. В конце концов, летом 1942 года Розенберг убедил Гитлера официально заявить о том, что Вильгельмштрассе не обладает полномочиями работать на оккупированной территории СССР^[230].

Впрочем, министерство Розенберга и само не имело ощутимых рычагов влияния на мусульманские районы Восточного фронта, включая Крым и Кавказ^[231]. В рамках этого органа соперничали несколько группировок, имевших разное представление о роли этих районов в будущем немецком порядке. Первоначальные планы

предполагали германизацию всего Крыма и создание на Кавказе отдельного рейхкомиссариата. По мере ухудшения военного положения рейха другая группа предложила обратиться за поддержкой к нерусским этническим меньшинствам, побуждая их развалить Советский Союз. Среди подобных меньшинств видное место отводилось крымским татарам и народам Кавказа, хотя сам Розенберг выступал за «кавказский блок», возглавляемый Грузией, а не мусульманами. Реализуя эту задачу, министерство оккупированных восточных территорий собрало группу нерусских эмигрантов из Советского Союза и основало с их помощью «национальные комитеты». Главной движущей силой этой политики был Герхард фон Менде, который летом 1941 года оставил научное поприще и перешел на работу в политический отдел министерства Розенберга, где его сферой ответственности стал Кавказ. Менде беспокоило то, что апелляция к универсалистским идеям пантюркизма и панисламизма противоречит стратегии демонтажа Советского Союза на небольшие и легко контролируемые фрагменты. Исламскую солидарность необходимо сдерживать, предупреждал Менде. «Исламский мир – единое целое. Действия немцев по отношению к мусульманам восточных территорий не должны были наносить ущерб восприятию Германии прочими исламскими народами», – пояснял Менде одному историку после войны^[232]. Другие группировки в министерстве более спокойно относились к утилитарному использованию ислама. В меморандуме политического отдела, подготовленном осенью 1941 года, подчеркивалось значение ислама для войны и утверждалось, что статус «защитника ислама» обещает Третьему рейху «большие политические успехи»^[233]. В конечном счете министерство оккупированных восточных территорий не выработало никакой специальной линии в отношении ислама. Ислам принимали во внимание только в рамках общих схем религиозной политики министерства, которая рассматривала религию как один из аспектов национальной культуры и поддерживала ее лишь в плане «раскалывания» территории противника на национальные сегменты. Все эти схемы, подобно планам МИДа, не нашли применения в мусульманских регионах восточных территорий; их использовали лишь в отношении татарского меньшинства в Прибалтике (рейхскомиссариат Остланд) (см. часть II). Крым же, как и Кавказ, на период оккупации был подчинен военным.

Именно вермахт направлял политику рейха в мусульманских районах Восточного фронта^[234]. Армия уделяла мусульманам много внимания. Спустя пять месяцев после вторжения в СССР, в ноябре 1941 года, в докладе вермахта «Распространение ислама среди военнопленных» оценивалась степень религиозности красноармейцев-мусульман, оказавшихся в немецком плену. На основе этих данных делались выводы о роли ислама в Советском Союзе в целом^[235]. Отмечая, что политика Москвы оттолкнула некоторых мусульман от их веры, авторы доклада тем не менее утверждали, что в сельских частях страны сохранились сильные религиозные настроения, питаемые «типичным для ислама фанатизмом». Ислам, заключали авторы доклада, – слабое место Советского Союза. «Следовательно, задача рейха состоит в том, чтобы поддержать любые усилия по укреплению ислама». Такая политика представит Германию «защитником мусульманства»^[236]. В целом же «возрождение ислама» будет иметь позитивный политический эффект. Аналогичные суждения через несколько месяцев, в мае 1942 года, вынесла и военная разведка вермахта, подготовившая меморандум «СССР и ислам»^[237]. В этом документе утверждалось, что «в Советской России коммунистическая пропаганда не смогла ослабить ислам». Соответственно, мусульманские религиозные чувства и тесно связанный с ними племенной национализм необходимо «эксплуатировать». В материале был представлен подробный анализ советской политики в отношении ислама после Октябрьской революции, причем как на собственных мусульманских территориях СССР, так и в остальном мире. Мусульмане оказались оплотом противодействия коммунизму, потому что «магометанская религия полностью противоположна философскому мировоззрению большевизма» с его атеистическими догмами^[238]. В течение 1942 года, когда армия изо всех сил пыталась укрепиться в Крыму, а немецкие войска вышли на Кавказ, идея использования ислама против Москвы обретала все большую популярность среди высших чинов вермахта. В прифронтовых мусульманских районах, как кавказских, так и крымских, оккупационная администрация вела активную политику религиозных уступок и религиозной пропаганды – чтобы привлечь местных коллаборационистов и умиротворить эти территории. На всем мусульманском пограничье юга СССР командование вермахта

продвигало образ Третьего рейха как освободителя правоверных от большевистского ига (см. часть II).

Более того, вермахт приступил к вербовке тысяч мусульманских военнопленных в так называемые восточные легионы (*Ostlegionen*). Создание этих подразделений было одобрено лично Гитлером. Руководили процессом саксонский ветеран войны Ральф фон Хайгендорф и востоковед Оскар Риттер фон Нидермайер (соперничавший с Хентигом со времен джихада Первой мировой)^[239]. В межвоенный период Нидермайер сначала работал военным атташе в немецком посольстве в Москве, а позже преподавал военные науки в Берлине. Став видным экспертом по вопросам Советского Союза, ислама и геополитики, он в 1941 году вернулся на службу в вермахт. Учитывая столь богатый опыт, командование посчитало его особенно пригодным для работы с советскими мусульманами, переходящими в немецкую армию^[240]. Кроме того, Алимджан Идрис, числясь на службе в МИДе, теперь также регулярно привлекался военными к сотрудничеству (муфтием руководство вермахта интересовалось меньше)^[241]. В некоторых ситуациях, касающихся набора добровольцев и пропаганды в их подразделениях, армейское командование взаимодействовало с министерством оккупированных восточных территорий. Солдатам были созданы все условия для удовлетворения религиозных потребностей; кроме того, была запущена масштабная пропагандистская кампания, призванная политически повлиять на новобранцев-мусульман (см. часть III).

Наконец, с начала 1943 года мусульманскими делами заинтересовались СС. Их участие в исламской политике началось на Балканах, где немцы в тот период стали действовать более активно. Затем эсэсовцы обратили внимание и на мусульман Советского Союза. В итоге именно СС больше, чем другие структуры рейха, пытались использовать ислам для победы в войне. Руководствуясь концепцией воинственной природы ислама, высшие должностные лица СС – прежде всего Генрих Гиммлер, начальник Главного управления имперской безопасности Эрнст Кальтенбруннер, его начальник внешней разведки Вальтер Шелленберг, а также генерал и руководитель Главного управления, отвечавшего за формирование и организацию войск СС, надменный шваб Готтлоб Бергер – были убеждены в преимуществах, которые можно извлечь из эксплуатации

мусульманской веры.^[242] Однако вовлеченность СС неизбежно приводила к конфликтам с другими структурами рейха: на Балканах – с министерством иностранных дел, на Восточном фронте – с министерством оккупированных восточных территорий.

На Балканах СС проводили радикально промусульманскую политику, а также запустили пропагандистскую кампанию, встретившую сопротивление со стороны министерства иностранных дел (см. часть II)^[243]. Тогда же Главное управление СС (структура Бергера) начало формировать мусульманские подразделения, привлекая новобранцев из Боснии, Герцеговины и Албании. Эти отряды имели ярко выраженный религиозный характер (см. часть III).

С конца 1943 года СС распространили эту линию и на мусульман Советского Союза^[244]. Главное управление теперь пыталось использовать ислам и идеологию туранизма (пантюркизма) для того, чтобы поднять мусульманских подданных Сталина против коммунистического режима. Краеугольным камнем этой кампании стали новые подразделения мусульман СССР, включенные в состав СС. За воплощение этого проекта отвечал гауптштурмфюрер Райнер Ольша, подчинявшийся штандартенфюреру Эриху Шпарману, руководителю отдела комплектования (секция добровольцев) управленческой группы D Главного управления СС^[245]. Ольша, тридцатилетний карьерист, оказался одним из наиболее перспективных нацистских экспертов по Центральной Азии. Он также возглавлял исследовательскую группу СС по Туркестану (*Arbeitsgemeinschaft Turkestan*)^[246].

Наиболее полное описание схемы мобилизации мусульман Советского Союза Ольша представил в меморандуме от 24 апреля 1944 года^[247]. По его мнению, только непрофессионализм и недостаточно эффективная работа МИДа и министерства оккупированных восточных территорий с этническими меньшинствами СССР заставили СС вмешаться в это дело. Вместо того чтобы раскалывать тюркские группы, как это делал вермахт в своих восточных легионах, мусульман, «самое сильное неславянское и нехристианское меньшинство» Советского Союза, необходимо превратить в сплоченный блок, который можно было бы использовать против Москвы. Ислам, «по природе враждебный русскому и христианскому [миру]», как выразился Ольша, – идеальная сила для подрыва сталинского государства. Хотя угнетение со стороны советской власти ослабило религиозные чувства,

ислам по-прежнему способен сыграть значительную роль в политических стратегиях Германии на Восточном фронте. Фактически Ольша призывал к «укреплению ислама» среди мусульман Советского Союза, чтобы «создать дополнительный детонатор для разрушения советского врага». Однако, поскольку «всеисламская идея» в СССР была не такой сильной, как в арабском мире, ее нужно было осторожно «пробудить». Через месяц Ольша изложил эту мысль в другом докладе, вновь призвав к эксплуатации «почти 30 миллионов этнических тюрков-мусульман Советского Союза»^[248]. В частях СС, набранных из советских мусульман, нужно всячески поддерживать религиозность солдат («общую веру»),– писал Ольша. По его словам, возрождение ислама означает укрепление антибольшевистских сил^[249]. Вскоре СС на деле начали использовать восточномусульманские части. Солдатам там обеспечили все условия для религиозной жизни; среди них также вели активную политическую пропаганду. В 1944 году в Дрездене была открыта «школа мулл» для обучения полевых имамов; ее руководителем СС назначили Алимджана Идриса (см. часть III). Для поддержки этой политики СС также привлекли специалистов по советскому исламу, в первую очередь Йоханнеса Бенцинга. Ольша, конечно же, хорошо знал о том, что эта программа исламской мобилизации имела прецеденты в политике кайзеровской Германии. После войны он говорил допрашивавшим его следователям, что в Первую мировую мусульманские пленные были на особом положении и для них строили мечети, а во время Второй мировой имела место аналогичная ситуация^[250].

Со временем, ближе к концу войны, СС попытались превратить мобилизацию мусульман Балкан и советских территорий в полноценную кампанию панисламской мобилизации, обращаясь к правоверным всего мира. В ходе допроса на Нюрнбергском процессе Мельхерс говорил, что политика СС все больше и больше «была направлена на мобилизацию и вооружение всех готовых на это магометан»^[251]. «На самом деле Главное управление СС в то время активно заигрывало с идеями панисламизма»,– объяснял позже Ольша^[252]. Действительно, Главное управление СС набирало мусульман в Прибалтике, строило планы по созданию арабских частей и армии из индийских мусульман, подумывало о призыве мусульман Болгарии и даже начало присматриваться к правоверным из Восточной

Африки. Меморандумы управления теперь пестрели названиями типа «Мобилизация ислама»^[253]. Все эти части и, в более общем плане, все политические задачи в отношении мусульманских районов от Северной Африки до Туркестана и Индии должны были перейти в ведение особого отдела во главе с Ольшей^[254]. Хотя в течение 1944 года этот отдел неоднократно перестраивался и никогда не работал в полном объеме, он включал особое «исламское бюро», от которого требовалось обеспечить последовательную политику по отношению ко всем мусульманским группам (см. часть III)^[255].

«Перехват» мусульманского направления, произведенный СС, можно проиллюстрировать на примере муфтия Иерусалима, которого всё больше использовало именно это ведомство, в то время как министерство иностранных дел считало его всё менее важным. В начале 1943 года надзор над муфтием был передан от Эттеля к Прюферу, потом к Мельхерсу, а затем и к Хентигу, который не питал энтузиазма к своему подопечному. Во время допроса в Нюрнберге Мельхерс подчеркивал свои плохие отношения с муфтием^[256]. Риббентроп, объяснял Мельхерс, постепенно потерял интерес к арабскому коллаборационисту. Муфтий же, все шире вовлекаемый в дела СС, почти не сообщал министерству иностранных дел о своей деятельности. Для СС, занятых прежде всего Балканами и Советским Союзом, муфтий представлял себя лидером всех мусульман.

В целом вовлеченность Германии в мусульманские дела во время Второй мировой войны шла не по заранее намеченному плану. Она развивалась по мере разрастания конфликта, постепенно затрагивая все больше и больше прифронтовых районов, а также структур рейха. В определенной степени эта стратегия основывалась на политических и геополитических традициях прежних исламских «проектов» Германии, особенно времен Первой мировой. Действительно, при внимательном изучении обнаруживается значительная преемственность на уровне как кадров, так и идей. Немало офицеров, которые занимались политикой Германии по мобилизации мусульман в Первую мировую войну, были задействованы снова. Наиболее ярким примером можно назвать пожилого Оппенгейма. В министерстве иностранных дел такие опытные сотрудники, как Фриц Гробба, Курт Прюфер и Вернер Отто фон Хентиг снова работали над исламскими проблемами, а некоторые из них, особенно Хентиг и Прюфер, поддерживали тесный контакт со

своим бывшим наставником Оппенгеймом^[257]. После войны Оппенгейм писал, что Восточная секция в министерстве иностранных дел неоднократно обращалась к нему за советом, и утверждал, что он сохранил «прекрасные отношения» со своими старыми протекже, даже с Мельхерсом^[258]. Вермахт использовал также и Оскара Риттера фон Нидермайера. Алимджан Идрис, который собирал правоверных в лагерях Вюнсдорф и Цоссен во время Первой мировой войны, потом работал в министерстве иностранных дел, а затем в вермахте и СС.

Гораздо сложнее показать, что именно нацистские чиновники черпали из резервуара идей об исламе и политике, который был создан в имперский период^[259]. Тем не менее можно сделать некоторые общие замечания на эту тему. Уже в эпоху Второго рейха немецкие официальные лица и эксперты воспринимали ислам в качестве политического инструмента. Они видели в исламской идее сущность, которую можно использовать не только для социального и политического контроля над колониями, но и для активной мобилизации – именно эта концепция влияла на германскую политику во время Первой мировой войны. Идея ислама как политической силы не исчезла после 1918 года. В межвоенный период, особенно в 1930-е годы, многие эксперты обсуждали те же сюжеты, отмечая, что ислам, несмотря на неудачный опыт агитации среди мусульман в 1914 году, остается мощной силой международной политики – и слабым звеном Британской, Французской и Советской империй. Важную роль в формулировке такой позиции сыграли не только геополитические мыслители школы Хаусхофера, но и эксперты по региональным исследованиям, такие как Герхард фон Менде и Йоханнес Бенцинг.

Преимущество использования исламских, а не этнических или националистических лозунгов, заключалось в том, что с их помощью Берлин мог обходить стороной деликатные вопросы предоставления различным национальным группам государственной независимости. Стремясь не вмешиваться в итальянские, испанские, а затем и французские (речь идет о режиме Виши) интересы в Северной Африке и на Ближнем Востоке, не желая оспаривать суверенитет Хорватии в Боснии и Герцеговине, а также пытаясь не давать обещаний о будущем политическом статусе национальных меньшинств Советского Союза, германский режим уклонялся от подобных вопросов. Более того, религия казалась полезным политическим и пропагандистским

инструментом для обращения к этнически, лингвистически и социально разрозненным сообществам. Причем четкую политическую и пропагандистскую кампанию было гораздо легче адресовать «мусульманам вообще», а не отдельным этническим и национальным группам – берберам и арабам Северной Африки, нерусским меньшинствам Кавказа, Крыма и Центральной Азии, народам Боснии, Герцеговины и Албании и т. д. Наконец, в контексте сложных отношений между нацистской расовой теорией и восточными народами использование религиозных лозунгов в конечном счете позволило немцам избежать этнических категорий.

Проблема идеологии

Выстраивание союза с исламским миром в первую очередь было обусловлено практическими интересами и стратегическими проблемами, а не идеологией. Тем не менее именно готовность прагматично подойти к расовому вопросу, а также отсутствие антиисламских настроений среди руководства режима сделали возможным продвижение такого альянса. В конце концов, Третий рейх был идеологическим государством, а Вторая мировая война стала идеологическим конфликтом, битвой мировоззрений (*Weltanschauungskrieg*). Идеология имела значение.

Наибольшие сложности для политики рейха в отношении мусульманского мира создавал расизм. Гитлер писал о расовой неполноценности неевропейских народов, в частности арабов и индусов, еще в «Майн кампф». Восхваляя идею европейской имперской гегемонии, он высмеивал антиимперские движения как «коалицию калек» (*Koalition von Krüppeln*), которая из-за ее «расовой неполноценности» никогда не сможет стать союзником немецкого народа^[260]. Главный идеолог Гитлера, Альфред Розенберг, в своем труде «Миф XX века» откровенно приветствовал подчинение исламского мира европейским империям^[261]. Однако вскоре после захвата власти нацисты показали себя более прагматичными.

По причинам дипломатического характера нацистский Берлин с самого начала пытался избежать сколько-нибудь явной расовой дискриминации нееврейских народов Ближнего Востока. Фактически

турки, иранцы и арабы были выведены из-под действия нацистских расовых ограничений – после того, как введение Нюрнбергских расовых законов (Закона о защите германской крови и германской чести и Закона о гражданстве рейха) в 1935 году вызвало напряженность в отношениях с Турцией, Ираном и Египтом^[262]. По просьбе турецкого посольства, которое было обеспокоено правовой дискриминацией турок и немецких граждан турецкого происхождения, Вильгельмштрассе в начале 1936 года настоятельно призывало другие учреждения рейха принять четкое решение о расовой принадлежности турок^[263]. Не желая портить отношения с Турцией, министерство иностранных дел, министерство внутренних дел, министерство пропаганды и управление расовой политики НСДАП (*Rassenpolitisches Amt der NSDAP*) согласились послать Анкаре четкий сигнал^[264]. Хотя в Нюрнбергских законах упоминались «евреи» и лица «немецкой или родственной крови», на деле в этих категориях немцы и «близкие» к ним народы противопоставлялись «евреям и другим иностранцам». В официальном комментарии к законам указывалось, что народы Европы и потомки европейцев в неевропейском мире, которые оставались расово чистыми, тоже могут считаться «родственными» немцам. Во внутренних циркулярах рейха появились разъяснения, согласно которым Турция признавалась частью Европы, в то время как другие страны Ближнего Востока (Египет или Иран, например) объявлялись «неевропейскими».

«Утечка» информации об этом в зарубежную прессу вызвала дипломатический скандал. 14 июня 1936 года *Le Temps* сообщила, что Берлин решил освободить турок от Нюрнбергских законов, в то время как иранцы, египтяне и иракцы были оставлены в статусе «неарийцев»^[265]. Через день статьи об этом появились в *La Bourse égyptienne* и в турецкой газете *République*, что вызвало бурю возмущения среди иранских и египетских чиновников^[266]. Немецкое министерство иностранных дел сразу же выпустило пресс-релиз, в котором говорилось, что информация в прессе не соответствует действительности. Более того, заявил МИД, необоснованность этих утверждений очевидна, так как в Нюрнбергских законах вообще не упоминается термин «арийский»^[267].

Египетского и иранского послов в Берлине, которые настаивали на том, что их народы «родственны» немцам, успокоили и уверили, что

сообщения в прессе были необоснованными и что Нюрнбергские законы нацелены только на евреев^[268]. Тем не менее сложный вопрос о том, являются ли арабы и иранцы «родственными» немцам, оставался открытым. И если посол Египта просто просил подтвердить, что действие расовых законов Германии не распространяется на египтян, то иранский посол настаивал на открытом признании того, что иранцы расово близки немцам^[269]. В конце концов иранский монарх Реза-шах годом ранее распорядился, чтобы его страну на международном уровне впредь называли Ираном, а не Персией. Название «Иран» этимологически близко слову «арий» и означает, собственно, «землю ариев»; официальные лица Ирана не скрывали, что считают этот термин полезным, с учетом того, что «некоторые страны гордятся тем, что они арийские»^[270]. Чтобы обсудить этот вопрос, представители всех основных министерств собрались в МИДе 1 июля 1936 года^[271]. Вальтер Гросс, глава управления расовой политики НСДАП, дал понять, что ни о каком официальном заявлении на тему расовых отношений не может быть и речи. Тем не менее было решено проинформировать послов о том, что расовые законы не нацелены на иностранных граждан (неевреев) и что к иранским и египетским гражданам эти акты относятся так же, как и к гражданам других европейских (и неевропейских) стран: немецкое законодательство признавало браки между мужчинами-иностранцами (нееврейцами) и немецкими женщинами (нееврейками) и допускало браки между женщинами-иностранками (нееврейками) и немецкими мужчинами (нееврейцами) – после проверки женщины на расовую чистоту. Вопрос о немецких гражданах с арабскими или иранскими корнями старательно обходили стороной. Египтяне согласились с таким положением дел^[272]. Тегеран тоже казался удовлетворенным после того, как Гросс заверил посла на встрече в Берлине, что расовые законы Германии не будут применяться к иранцам (хотя и уклонился от каких-либо окончательных заявлений по вопросу о расовой близости двух народов)^[273]. Через год Гросс в служебной записке подтвердил: хотя он и не желал ограничивать расовое законодательство только евреями, немецкие власти должны действовать прагматично, если речь идет о внешнеполитических интересах^[274]. Короче говоря, нацистский режим оказался весьма гибким, когда речь шла о расовой политике и отношениях с турками, арабами и иранцами.

В то время как отказ от дискриминации по расовому признаку в отношении персов и турок еще можно было подкрепить какой-нибудь теорией, случай арабов был более сложным: большинство идеологов расового вопроса видело в них «семитов»^[275]. Официальные лица нацистского режима хорошо знали, что термин этот очень проблематичен, поскольку он нацелен на группы, которые они не хотели оскорблять. Уже в 1935 году министерство пропаганды дало указание прессе избегать терминов «антисемитский» и «антисемитизм», предложив вместо них использовать слова «антиеврейский» и «антиеврейство», поскольку рейх борется только против евреев, а не семитов в целом^[276]. Когда арабский мир во время войны сделался частью стратегических планов Берлина, а немецкие чиновники еще более озаботились тем, чтобы не оскорблять чувства арабов, гонения на «сомнительные» термины стали еще более жесткими. В начале 1942 года Отдел антисемитских мероприятий (*Antisemitische Aktion*) в министерстве пропаганды был переименован в Отдел антиеврейских мероприятий (*Antjüische Aktion*)^[277]. Позднее в том же году Геббельс подтвердил свои указания прессе: избегать терминов «семитизм» и «антисемитизм» в пропагандистских материалах^[278]. Во время войны министерство иностранных дел, Бюро Розенберга (*Amt Rosenberg*) и СС издавали директивы, подтверждающие эти распоряжения^[279]. В конечном итоге даже управление расовой политики НСДАП поддержало отказ от «антисемитизма». В открытом письме Рашиду Али аль-Гайлани, которое было опубликовано в нацистской газете *Weltkampf* в конце 1944 года, Вальтер Гросс настаивал на том, что евреев нужно «четко отличать» от народов Ближнего Востока^[280]; именно поэтому термин «антисемитизм» следует заменить на «антииудаизм». Текст завершился следующими словами: «Национал-социалистическая расовая теория на самом деле признает арабов полноценной расой, которая помнит о своей славной и героической истории»^[281]. На суде в Иерусалиме в 1961 году Адольф Эйхман повторил эту мысль, объясняя, что термин «антисемитизм» был сочтен «неправильным» и заменялся на «антииудаизм», поскольку под категорию «семиты» попадали и арабы^[282].

Когда ухудшающееся положение на фронтах заставило Германию приступить к вербовке мусульман с Балкан и из Советского Союза, в

этих регионах также были смягчены расовые ограничения. В 1943 году, когда немцы вступили в Боснию и Герцеговину, СС объявили балканских мусульман частью «расово ценных народов Европы»^[283]. Фактически они стали первой не относящейся к немцам этнической группой, представителям которой было разрешено вступать в ряды войск СС (см. часть III). Генерал Эдмунд Гляйзе фон Хорстенау, полномочный представитель вермахта в Хорватии, в шутку называл новых союзников «мусульгерманцами» (*Muselgermanen*)^[284].

Берлин придерживался аналогичного подхода и к тюркским народам Советского Союза, которые также подвергались вербовке^[285]. Хотя неславянские меньшинства восточных территорий обычно считались расово превосходящими славян, эти различия первоначально не играли никакой роли на практике. По иронии судьбы именно советские «азиаты» (народы Кавказа и Центральной Азии) сыграли ключевую роль в печально известной пропагандистской кампании, в которой советские граждане изображались «недочеловеками» – более важную, чем русские или украинцы. В национал-социалистической пропаганде термин «татарский», первоначально обозначавший все восточнотюркские народы, имел самый оскорбительный смысл. Но немцы и тут изменили свою манеру выражаться. В марте 1942 года министерство оккупированных восточных территорий издало инструкцию о термине «татары» (*Tataren*), которого теперь следовало избегать^[286]. Вместо него нужно было использовать такие обозначения, как «идель-уральские народы» (*Idel-Uraler*), «крымские тюрки» (*Krimtürken*) и «азербайджанцы» (*Aserbeidschaner*). Несколько месяцев спустя министерство пропаганды приказало прессе воздерживаться от нападок на эти группы^[287]. В статье в *Zeitschrift für Politik* фон Хентиг даже заявил, что термин «татарин» – не оскорбительный, но почетный^[288]. Немецкая пропаганда, нацеленная на восточных тюрков-мусульман, которые сражались в армиях Гитлера, изо всех сил старалась подчеркнуть уважение к ним. Так, статья, опубликованная в военном листке, распространяемом среди добровольцев с Северного Кавказа, объясняла, что все племена Северного Кавказа образуют единое народное (*völkisch*) целое и принадлежат к индогерманской расе^[289]. Цитируя Гросса, другая статья утверждала, что «германская расовая теория... не направлена против других народов», за исключением евреев^[290]. Однако расового смешения между немцами и

восточными тюрками рекомендовалось избегать – на благо обоих народов. Немецким офицерам было дано указание разъяснять представителям «тюркских народов», что они «расово ценны», но их «кровоток» отличается от немецкого и потому смешивание будет иметь негативные последствия для обеих групп^[291]. В 1944 году, когда все больше добровольцев из числа восточных тюрков дислоцировались на территории рейха, войсковая инструкция указывала: немецким солдатам надлежит следить за тем, чтобы «добровольцы относились к немецким женщинам с уважением и необходимой сдержанностью». Не желая отказываться от расовой доктрины, власти рейха вынуждены были искать баланс между идеологией и военной необходимостью. Однако на практике мусульмане, причем не только с восточных территорий, но также с Ближнего Востока и Балкан, часто становились жертвами расовой дискриминации (см. части II и III).

Расовый вопрос представлял собой явное препятствие для целостной политики Германии в отношении мусульман, однако с религией ситуация была иной. Ислам часто описывался в традиционных европейских расовых теориях как религия (арабских) семитов или даже как низшая «семитская религия». Эту точку зрения впервые озвучил выдающийся французский ориенталист и специалист по расовым вопросам Эрнест Ренан в своей печально известной лекции «Ислам и наука», которую он прочел в Сорбонне в 1883 году^[292]. Однако представление об исламе как «семитской религии» (то есть расистский взгляд на религию) не играло заметной роли в размышлениях фашистских чиновников и идеологов об исламе. Фактически многие из них, включая Гитлера, различали расу и религию, когда речь заходила о мусульманах.

Немало представителей нацистской элиты выражали свою симпатию исламу. Пожалуй, больше всех мусульманской верой и сходством между национал-социализмом и исламом был очарован Гиммлер. Обсудив в феврале 1943 года в Берлине вопрос о создании мусульманской дивизии СС на Балканах с Гиммлером и Гитлером, Эдмунд Гляйзе фон Хорстенау отметил, что Гиммлер выражал презрение к христианству, одновременно говоря, что считает ислам «весьма достойным уважения»^[293]. Гитлер также сделал похожее замечание. Несколько месяцев спустя, по словам Хорстенау, Гиммлер вернулся к тому же сюжету: «Мы опять говорили о мусульманском

вопросе, и он снова поднял тему героического характера мусульманской религии, выразив свое презрение к христианству и особенно к католицизму»^[294]. Наиболее точно отношение Гиммлера к исламу описывается в бесславных мемуарах его врача Феликса Керстена^[295]. Доктор Керстен написал целую главу об «энтузиазме по поводу ислама» у Гиммлера, которая почему-то была исключена из английского перевода^[296]. Как следует из этого текста, Гиммлер, убежденный, что Мухаммад был одним из величайших людей в истории, собирал книги об исламе и биографии пророка^[297]. 2 декабря 1942 года он сказал Керстену, что хочет посетить исламские страны после окончания войны, чтобы продолжить свои изыскания^[298]. По словам врача, Гиммлер видел в исламе религию мужчин и воинов. В конце 1942 года рейсхфюрер говорил:

Мухаммад знал, что большинство людей ужасно трусливы и глупы. Вот почему он обещал каждому воину, который будет мужественно сражаться и погибнет в битве, двух *[sic]* красавиц... Такой язык солдат понимает. Когда он верит, что его будут приветствовать таким образом после смерти, он готов отдать свою жизнь; он будет с радостью сражаться и не испугается смерти. Вы можете называть это примитивным и смеяться над этим... Но такая позиция основана на более глубокой мудрости. Религия должна говорить на языке мужчины»^[299].

Гиммлер, порвавший с католической церковью в 1936 году, регулярно сравнивал свое представление об исламе с христианством, и особенно с католицизмом. Христианство ничего не обещает солдатам, павшим в бою,— сетовал он. Никакой награды за храбрость: «И теперь сравните это, господин Керстен, с религией магометан, религией народных солдат»^[300]. Гиммлер считал ислам практической верой, которая предоставляла верующим руководство для повседневной жизни: «Посмотрите, насколько разумна эта религия»^[301]. Рейсхфюрер также делился с Керстеном своими взглядами на историю ислама. Он сожалел о том, что армии турок-мусульман не смогли покорить Европу в XVII веке:

Предположим, что турки, в войсках которых сражались и европейцы (причем занимая высокие посты), в 1683 году не отступили бы, а захватили Вену и всю Европу. Если бы мусульмане одержали победу в то время и ислам победоносно прошел по Европе, христианские церкви были бы полностью деполитизированы, ибо турки отличались религиозной терпимостью, они позволяли каждой вере существовать, если она не вмешивается в политику – а иначе ей конец»^[302].

Керстен позднее утверждал, что он «кое-чему научился» из рассуждений Гимmlера «о магометанстве»^[303]. К концу войны, осенью 1944 года, его вызвали в Хохвальд, полевую штаб-квартиру Гимmlера в Восточной Пруссии. Финляндия только что объявила войну Германии, а рейхсфюрер был прикован к постели желудочными коликами. Войдя в спальню Гимmlера, Керстен увидел, что тот «лежал в постели, страдая от сильной боли, а на тумбочке рядом лежал Коран»^[304]. По словам Керстена, Гимmlер познакомился с Кораном благодаря Рудольфу Гессу^[305].

Неудивительно, что Гимmlер особенно хотел поделиться своими идеями об исламе с великим муфтием^[306]. В своих мемуарах аль-Хусейни отмечал, что большая часть его разговоров с Гимmlером вращалась вокруг исламского и арабского мира. Аль-Хусейни был особенно покорен рассуждениями рейхсфюрера о европейских религиозных войнах:

Среди уникальных высказываний Гимmlера, которые я услышал во время одного из визитов, было замечание, вынесенное им из изучения истории Германии. Он заявил, что прошлые религиозные войны между католиками и протестантами, с которыми столкнулся немецкий народ темного Средневековья (Столетняя и другие войны), сократили население Германии с 35 до 5 миллионов. Храбрые и воинственные немцы больше всех проиграли в этих войнах. Затем он сказал: «Тогда было две возможности, для нас и для Европы в целом, спастись от этой бойни, но мы упустили обе. Первый шанс появился, когда арабы вторглись с Запада (из Андалусии), а второй – когда османы вторглись с Востока. К

сожалению, немецкий народ сыграл большую роль в разгроме этих двух нашествий, что лишило Европу духовного света и цивилизации ислама»^[307].

Вспоминая об этих исторических экскурсах после войны, аль-Хусейни не скрывал, что «интеллект, утонченность ума и широкая эрудиция» Гиммлера произвели на него большое впечатление^[308].

Взгляды Гиммлера на ислам и историю разделял и Готтлоб Бергер, его правая рука в войсках СС, также веривший в близкое сходство между германской и исламской культурами. Эрих фон дем Бах (Зелевски), один из офицеров СС, излагал американским следователям в Нюрнберге представления Бергера об исламе, которые руководитель Главного управления озвучил во время войны, на встрече с Гиммлером и аль-Хусейни:

Бергер разработал новую историческую теорию. Он говорил, что Германии было бы лучше, и старая германская *Kultur* не погибла бы, если бы тогда в Вене Бог помог бы не европейцам, то есть немцам, а мусульманам, или магометанам, потому что, если бы они добились победы под Веной, тогда еврейское христианство не смогло бы распространиться по всей Европе, и у нас действительно была бы германская культура, а не еврейская^[309].

Нам неизвестно, насколько правдив рассказ аль-Хусейни и кто у кого позаимствовал умозаключения относительно кампании 1683 года – Гиммлер у Бергера или наоборот. Как бы то ни было, позитивное отношение Бергера к исламу неоднократно проявлялось в его директивах при организации мусульманских подразделений (см. часть III).

Наконец, сам Гитлер не меньше своих соратников был увлечен исламом. В «Майн кампф» он отмечал быстрое «продвижение» «магометанской веры» в Африке и Азии, по сравнению с которым христианские миссионеры «могут похвастаться лишь очень скромными успехами»^[310]. Вместе с тем, однако, он пренебрежительно добавлял, что «священная война» в Египте вскоре закончится под пулями британских пулеметов^[311].

После войны Ильза, сестра Евы Браун, вспоминала, что Гитлер часто обсуждал исламскую религию с ней и Евой^[312]. В своих застольных беседах фюрер неоднократно сравнивал ислам с христианством, принижая последнее – особенно католичество. По контрасту с исламом, верой, по Гитлеру, сильной и практичной, христианство изображалось им мягкой, искусственной, слабой религией страдания^[313]. В то время как ислам был религией для жизни здесь и сейчас, объяснял Гитлер своему ближнему кругу, христианство – это религия будущего царства, которое по сравнению с раем, обещанным исламом, представлялось в высшей степени непривлекательным.

Для Гитлера религия была средством практического поддержания человеческой жизни на Земле, а не самоцелью. «Заповеди, предписывающие людям мыться, избегать определенных напитков, поститься в назначенные сроки, делать физические упражнения, вставать на рассвете, забираться на верхушку минарета, изобрели умные люди», – заметил он в октябре 1941 года в присутствии Гимmlера^[314]. «Проповедь мужества в бою также самоочевидна. Заметьте, кстати, что в итоге мусульманину [*sic*] обещают рай, полный гурий, где вино течет ручьями, – настоящий земной рай», – восторгался Гитлер. Христианство, напротив, не обещало ничего сопоставимого: «Христиане довольствуются тем, что после смерти им разрешено петть аллилуйя!»^[315].

Два месяца спустя он выразился в том же ключе: «Я могу представить, что люди восторженно относятся к раю Магомета [*sic*], но не к вялому раю христиан!»^[316]. Гитлер также сравнивал ислам с другими азиатскими религиями, которыми он восхищался. «Как и в исламе, в японской государственной религии нет никакого терроризма, а наоборот, обещание счастья», – заявил он 4 апреля 1942 года^[317]. Напротив, христианство «универсализировало» «терроризм религии», что, в глазах Гитлера, стало результатом засилья «еврейской догмы». Несколькими месяцами позже фюрер в очередной раз поносил католическую церковь, которую, по его словам, немцам навязали «еврейской грязью и поповской болтовней». Гнев Гитлера теперь вызвало то, что христианство как будто неотступно преследовало немцев, «в то время как в других частях земного шара религиозные учения Конфуция, Будды и Мухаммада предлагали несравненно более

широкую основу для религиозного мирозерцания»^[318]. Громя приверженность «доказанной неправде», присущую христианской церкви, он снова обратился к исламу^[319]: «Наши знания о Творце не сильно расширяются, когда кто-то предъявляет нам сухую копию человека в качестве своего представления о Божестве. В этом отношении по крайней мере мусульманин более просвещен, ибо он говорит: человек не удостоился возможности сформировать представление об Аллахе». Развивая тему, Гитлер размышлял об истории ислама. Мусульманский период Пиренейского полуострова он назвал «самой культурной, самой интеллектуальной и во всех отношениях самой лучшей и счастливой эпохой в истории Испании», за которой «последовала полоса [религиозных] гонений с ее беспримерными зверствами»^[320].

Ранее фюрер уже высказывал эту точку зрения. После войны Альберт Шпеер вспоминал, что Гитлер был очень впечатлен интерпретацией истории, которую он узнал от некоторых выдающихся мусульман. Слово Шпееру:

Когда магометане в VIII веке попытались проникнуть за пределы Франции в Центральную Европу, рассказали [Гитлеру] посетители, их отбросили назад в битве при Туре^[321]. Если бы арабы выиграли ту битву, мир бы сегодня был мусульманским, ибо религия ислама уповает на распространение веры мечом и подчинение ей всех народов. Германские народы стали бы наследниками этой религии. Такая вера идеально подходит германскому темпераменту. Гитлер сказал, что завоеватели-арабы из-за своей расовой неполноценности в конечном итоге не смогли бы противостоять суровому климату и природным условиям страны. Они не могли удержать в узде более энергичных местных жителей, так что в конечном итоге во главе этой мусульманской империи оказались бы не арабы, а исламизированные немцы^[322].

Здесь Гитлер различает ислам и «расу» его последователей. Воспринимая ислам в качестве высшей религии, ее арабских приверженцев он описывал как низшую «расу». Однако Гитлер не

считал ислам «семитской» религией, отделяя веру от «расы». Несмотря на все свое увлечение исламом как религиозной системой, к «расе» его последователей он относился как к редко подмечаемой, но серьезной проблеме. Он завершил свое историческое рассуждение об исламском завоевании Европы следующей репликой: «Понимаете, наше несчастье в том, что мы получили неправильную религию... Магометанская вера гораздо более подходит нам, чем христианство. И почему нашей религией стало учение Христа с его кротостью и дряблостью?»^[323].

Адъютант Гитлера, Николас фон Белов, также вспоминал в своих мемуарах, что Гитлер был впечатлен мыслью, согласно которой победа Карла Мартелла над арабами в 732 году способствовала распаду Европы. Именно Ага-хан III^[324], выпускник Итона и тогдашний председатель Лиги Наций, в октябре 1937 года посетивший Гитлера в Оберзальцберге, увлек фюрера идеей того, что «ислам мог сохранить единство Европы»^[325]. Белов пишет: «Гитлер увидел, что его собственные взгляды на историю подтверждает Ага-хан. Он часто проявлял симпатию к исламу». Два года спустя, летом 1939 года, Гитлер обсудил тот же вопрос с послем Саудовской Аравии Халидом аль-Худом аль-Каргани на приеме в Бергхофе. Вернер Отто фон Хентиг, присутствовавший на встрече, сообщил: «Обсуждалась мысль, брошенная Халидом аль-Худом: что стало бы с Европой, если бы Карл Мартелл не победил сарацин, а вместо этого вселил бы в них германский дух и, вдохновленный германской динамичностью, изменил бы ислам на свой манер?». «Фюрер назвал этот ход мыслей весьма заманчивым», – отметил Хентиг^[326]. Родилась ли данная идея в голове аль-Худа (как утверждал Хентиг) или Гитлер заимствовал ее двумя годами ранее от Ага-хана (как пишет Белов), а затем снова обсудил ее с арабским послем – это остается под вопросом. В любом случае Гитлер был заинтригован такой исторической гипотезой. Специальный представитель министерства иностранных дел на Балканах Герман Нойбахер также отметил в своей автобиографии, что «Гитлер проявлял большую симпатию к исламу» и высказывал следующее убеждение: «Если бы немцы стали мусульманами, они достигли бы в истории большего»^[327]. По словам Нойбахера, Гитлер описывал ислам как «религию мужчин» (*Männerreligion*). Восприятие ислама сквозь призму гендерных категорий, представление о том, что эта религия сильная, мужественная, боевая, неоднократно высказывали как Гиммлер, так и

Гитлер. Генри Пиккер, сотрудник юридической службы в главной ставке фюрера, делавший там записи застольных разговоров, вспоминал, что Гитлер часто хвалил «установки» «солдат ислама»^[328].

Наши знания о том, какие представления об исламе были распространены среди нацистской элиты, в основном взяты из мемуаров и послевоенных свидетельств, которые, конечно же, следует воспринимать с осторожностью. Тем не менее из этих текстов возникает удивительно целостная картина идеологических представлений об исламе, бытующих в высших эшелонах власти рейха. Причем восхищение исламом ни в коем случае не ограничивалось разговорами нацистских бонз за закрытыми дверями: аналогичные взгляды высказываются также в ряде книг и статей, опубликованных в Германии в 1930-х и 1940-х годах.

Важнейшей фигурой, продвигавшей идеологическую интерпретацию ислама в Германии, был нацистский пропагандист Иоганн фон Леерс, который обосновывал мысль об исторической враждебности между исламом и иудаизмом. Коран, утверждал он в статье, появившейся на страницах пропагандистского журнала *Die Judenfrage* в конце 1942 года, описывал евреев как сатанинское отродье^[329]. Исламский мир держал евреев в подчиненном положении, тогда как в Европе им позволили эмансипироваться. Именно ислам не дал арабам подчиниться иудаизму. Исламская борьба с «еврейской проблемой» началась уже во времена пророка Мухаммада^[330]. «Одним из несомненных результатов враждебности Мухаммада по отношению к евреям стало то, что восточное еврейство было полностью парализовано исламом,— заявлял Леерс.— Если бы остальной мир принял аналогичный подход, у нас сейчас не было бы никакого еврейского вопроса»^[331]. Евреи, разъяренные отношением к ним на мусульманских землях, стали самыми яростными заговорщиками против ислама — именно они подогревали христианскую полемику против мусульман. «Таким образом, и крестовые походы были в немалой степени подготовлены этой еврейской агитацией». Наконец, Леерс высоко оценил «бессмертный вклад исламской религии» в оборону от иудаизма. «Ислам,— заключал он,— открыл для многих народов путь к высшей культуре и дал своим приверженцам образование и благородный человеческий облик. Это до сих пор делает мусульманина, который серьезно относится к своей вере, одним из

самых достойных явлений в нашем хаотическом мире»^[332]. В другой статье Леерс снова предостерегал от «христианских нападков» на ислам: «Для благочестивого мусульманина, безусловно, еврей является врагом – в отличие от обычного неверующего, который может быть обращен в ислам или, не будучи мусульманином, способен оставаться достойным человеком. Еврей есть predetermined [судьбой] враг, который уже хотел уничтожить плоды трудов Пророка»^[333]. После войны Леерс обосновался в Египте, где принял ислам и получил имя Омар Амин фон Леерс. Еще одним нацистским пропагандистом, распространявшим подобные идеи, была Эльза Марквардсен-Кампховенер, публицистка и писательница. Она выросла в Стамбуле, но после Первой мировой переехала в Германию, где много писала на исламские сюжеты. В разгар войны Марквардсен-Кампховенер опубликовала в журнале *Wir und die Welt* статью «Ислам и ее основатель», предложив антиеврейскую интерпретацию жизни Пророка^[334]. Во времена Мухаммада евреи впервые проявили враждебность к мусульманам, «которая существует поныне и будет существовать до тех пор, пока есть мусульмане», – объясняла она^[335].

В годы войны в немецких газетах печаталось множество статей с похожими идеями^[336]. Министерство пропаганды неоднократно давало прессе указания продвигать позитивный образ ислама. Даже до войны Геббельс предупреждал редакции газет и журналов о том, что любая критика ислама «нежелательна»^[337]. Призывая журналистов отдавать должное «исламскому миру как культурному фактору», министерство пропаганды осенью 1942 года поручило печатным СМИ отбросить негативные представления об этой религии, которые на протяжении веков распространялись христианскими богословами – и вместо этого содействовать сближению с исламским миром (который описывался как антибольшевистский и антиеврейский)^[338]. О сходстве между евреями и мусульманами (например, в запрете есть свинину и обряде обрезания) рекомендовалось не упоминать. Через несколько месяцев пришла новая инструкция: журналы должны писать о «США как о врагах ислама»^[339]. В начале 1943 года вышла аналогичная директива: надо подчеркивать враждебность Америки и Британии по отношению к мусульманской религии^[340]. Весной того же года министерство поручило немецким журналистам сообщать о «гонениях на магометан со стороны Советов»^[341]. Примеры репрессий против мусульман и их

веры на окраинах СССР и оккупированных территориях должны были использоваться в качестве повода для рассуждений о Советском Союзе как о враге ислама в целом. Причиной враждебности «советских евреев» к исламу объявлялось то, что мусульмане, по сравнению с другими меньшинствами в Советском Союзе, оказали самое сильное сопротивление большевизму. Впрочем, инструкции министерства пропаганды имели ограниченное влияние, поскольку далеко не все пропагандисты и партийные идеологи следовали официальной линии по исламскому вопросу. Например, известный нацистский журналист Гельмут Зюндерман в конце 1944 года опубликовал в *Völkischer Beobachter* статью, где сравнил ислам с большевизмом. Сотрудники СС встревожились, написали жалобу (напирая на то, что журналист оскорбил читателей-мусульман) и потребовали более строгой цензуры^[342].

Идеологические интерпретации исламской истории, перекликающиеся с представлениями элиты, идеологов и пропагандистов режима, встречаются (хотя в более утонченной форме) и в академических трудах, вышедших после 1933 года, – особенно в работах немецких ориенталистов^[343]. В публичной лекции об исламском искусстве, прочитанной в 1934 году в Берлине, уважаемый востоковед Эрнст Кюнель развивал теорию близости между культурой северных народов и исламом^[344]. Из-за сходства культур, рассказывал Кюнель своей аудитории, норманны проявили большую симпатию к исламскому искусству и исламской культуре после завоевания Сицилии. Ислам более соответствовал «нордической природе» (*nordisches Menschen-tum*) завоевателей, чем культура «франкского мира», которую они всегда воспринимали как нечто чуждое^[345]. Кюнель был отнюдь не единственным востоковедом, проводящим такие связи. В своих «Заметках о современном исламе» выдающийся ориенталист Ганс Генрих Шедер также предположил, что между германскими народами и мусульманами существует определенная близость^[346]. Шедер подчеркивал враждебность пророка Мухаммада к евреям – как и его коллега Франц Ташнер из Мюнстерского университета^[347]. Иоганн Фюк, профессор востоковедения из Франкфуртского университета, изобразил Мухаммада сильным и умным лидером, а ислам – оплотом «народного духа» (*völkisch*), препятствовавшим «проникновению иноземных элементов»

(*Überfremdung*)^[348]. Похожие идеи можно найти в трудах теоретика расы Фердинанда Клауса. Соратник и соперник Ганса Ф. К. Гюнтера, Клаус был одним из главных идеологов расизма: его книга «Раса и душа» (*Rasse und Seele*) стала одной из самых влиятельных работ в этой области. В своих книгах он настаивал на явной близости между «нордической расой» и исламом^[349]. К концу войны Клаус также писал отчеты для Главного управления СС о «точках соприкосновения» между «освободительной борьбой ислама» и войной, которую вела Германия. Клаус предлагал пропагандировать «общность в мировоззрении» между национал-социализмом и Кораном^[350]. В тексте «Подготовка операции для привлечения исламских народов» он размышлял о вековой дружбе между немцами и мусульманами и указывал на «идеологическую близость... национал-социализма... и исламских верований»^[351]. Однако попытки Клауса участвовать в выработке политической линии рейха в отношении мусульман не увенчались успехом; он, впрочем, остался большим поклонником ислама и после войны перешел в эту веру.

Наконец, все основные геополитики, затрагивавшие тему ислама (в первую очередь Шмиц, Линдеман и Райхардт) тоже отстаивали идейную близость между нацизмом и исламом. Шмиц прямо упоминал антиеврейские цитаты из Корана^[352]. Линдеман заявлял, что «ислам и национал-социализм обнаруживают многочисленные параллели и аналогии». Он упоминал нацистский принцип лидерства (*Führerprinzip*), который, по его мнению, совпадал с идеей халифата (халиф, по Линдеману, был «фюрером правоверных»), безусловную верность мусульман и нацистов их борьбе и, наконец, приверженность дисциплине^[353]. Обосновывая свои тезисы, Линдеман приводил примеры из Корана и жизни пророка Мухаммада^[354]. Томас Райхардт, со своей стороны, охарактеризовал ислам как «авторитарную и тотальную» политическую силу^[355]. Ислам описывался им как «главный враг» «демократических держав» и «большевизма»^[356]. Борясь с негативным восприятием ислама, которое, по его мнению, распространялось церковью, Райхардт характеризовал ислам как современное и революционное учение^[357]. Теоретик панисламизма Заки Али подробно развивал подобные идеи в последней главе своей книги^[358]. По его словам, после Первой мировой войны ислам, подобно Германии при Гитлере, пережил процесс радикального обновления.

Нацизм и ислам объединяла ненависть к большевизму, а халиф был не чем иным, как «фюрером правоверных» (Заки Али использовал это выражение еще до Линдемана)^[359]. «Как и в национал-социализме, в исламе идеальное государство выражается в *Führerprinzip*, так как ислам не знает никаких династий», – утверждал Заки Али.

Аналогичные взгляды в Германии высказывали и другие мусульманские авторы. Примечательна в этом отношении книга «Ислам, иудейство, большевизм» (*Islam, Judentum, Bolschewismus*), опубликованная в 1938 году Мухаммедом Сабри^[360]. Для него Коран и мусульманская вера представлялись лучшим заслоном против большевизма: «Глубокая связь между мусульманами и их религией безусловно гарантирует, что большевизм никогда не сможет закрепиться в исламских странах»^[361]. Более того, Сабри подчеркивал, что иудаизм был заклятым врагом ислама с древних времен^[362]. Опираясь на убежденность нацистов в существовании связей между иудаизмом и большевизмом, он объяснял: «Иудейский менталитет создал большевизм, и большевизм – носитель еврейского менталитета. Он придуман евреями и возглавляется евреями – вот почему большевизм выступает естественным врагом ислама»^[363]. Сабри пытался обосновывать свои идеи цитатами из Корана, других религиозных текстов и ссылками на жизнь Мухаммада. Книга была издана Высшей немецкой политической школой в серии *Ideen und Gestalt des Nationalsozialismus*, посвященной идеологическому воспитанию немцев. В том же духе была написана брошюра об исламе и национал-социализме, принадлежавшая перу мусульманского писателя, который жил в оккупированном немцами Париже^[364]. В 1940 году немецкие цензоры обдумывали публикацию текста под названием «Пророк Мухаммад и евреи» (*Der Prophet Mohamed und die Juden*), написанного сирийским писателем Зеки Кирамом, который служил в османской армии и переехал в Берлин во время Первой мировой войны^[365]. Зеки Кирам учился у Рашида Риды и был достаточно известным мусульманским публицистом; какое-то время он работал переводчиком в министерстве иностранных дел. В итоге, однако, его рукопись отвергли из-за «фактических ошибок»^[366]. В 1942 году он сделал еще одну попытку и представил в издательство *SS Ahnenerbe* рукопись «Нордическая вера в Бога, ислам и дух времени» (*Nordischer Gottglaube, Islam und Geist der Zeit*)^[367]. Однако этот проект также не

удался. СС согласились со взглядами Кирама на ислам и его яростными нападениями на католическую церковь, но были оскорблены его идеей о том, что христианская вера якобы связана с нордической расовой природой немецкого народа. Немецкая биография муфтия, написанная арабским публицистом Мансуром аль-Дином Ахмадом, встретила больше одобрения со стороны немецких властей. В конце 1942 года министерство иностранных дел направило рукопись книги в министерство пропаганды, заявив, что публикация не вызовет проблем^[368]. Министерство пропаганды было готово напечатать ее тиражом в 10 тысяч экземпляров, вдвое превышавшим обычную норму военного времени. Но, хотя издание книги было одобрено властями, она, кажется, так и не вышла. Однако в 1943 году в Берлине издали биографию муфтия на немецком языке, написанную Куртом Фишером-Ветом^[369]. Она содержала обычные восхваления мусульманской веры и провозглашала «возрождение исламской мощи»^[370].

В сентябре 1943 года НСДАП прямо заявила, что принимает в свои ряды «последователей ислама»^[371]. В циркуляре, подписанном лично Мартином Борманом, подчеркивалось, что, поскольку партия принимала христиан в качестве членов, нет причин исключать мусульман. Это решение юридически оформляло отсутствие у нацистского руководства идеологических подозрений относительно ислама.

3

Ислам и война в Северной Африке и на Ближнем Востоке

УТРОМ 11 февраля 1941 года немецкие войска высадились на побережье около Триполи в управляемой итальянцами Ливии. В течение нескольких месяцев они успешно наступали в направлении Каира и Суэцкого канала. Одновременно Берлин начал в регионе мощную и насыщенную религиозной тематикой пропагандистскую кампанию, изображающую Германию в качестве защитника правоверных.

Население большей части Северной Африки и Ближнего Востока в то время находилось под прямым или косвенным управлением колониальных империй. В XIX веке, когда Османская империя распадалась, европейские державы взяли под свой контроль Северную Африку и после окончательного краха государства османов стали управлять огромными ближневосточными территориями. Накануне Второй мировой войны фашистская Италия держала Ливию в тисках жестокого колониального режима. Франция управляла Алжиром и двумя протекторатами, Тунисом и Марокко (за исключением северной прибрежной полосы испанского Марокко). Она же контролировала подмандатную Сирию и Ливан. Великобритания владела Египтом, Палестиной, Трансиорданией, Ираком и другими территориями, создав обширную, хотя и неофициальную, империю на Ближнем Востоке^[372]. В то же время организованная сионистами массовая миграция евреев в находившуюся под британским контролем Палестину рассматривалась местными жителями как проявление европейской колонизации, что оборачивалось бунтами и беспорядками. Самым заметным в этом ряду стало Арабское восстание 1936–1939 годов.

С первых же дней власти европейских империй сталкивались с различными формами сопротивления. Антиколониальный национализм укреплялся, особенно среди городских элит. Одной из наиболее устойчивых и популярных сил антиимперской мобилизации выступала религия. Антиколониализм и ислам тесно переплетались друг с другом:

религиозные лидеры возглавляли движения против европейских империй и использовали мусульманскую риторику, чтобы объединить верующих. Ярче всего этот феномен проявлял себя в Северной Африке, где почти каждое крупное антиколониальное восстание с XIX века сопровождалось призывом к вооруженному джихаду^[373]. Британской империи часто приходилось подавлять выступления мусульман; самым знаменитым из них стало движение махдистов в Судане. За французскими завоеваниями в Северной Африке последовало множество подобных бунтов, в том числе восстание эмира Абд аль-Кадира и ордена кадирия. На рубеже XIX–XX веков французы оказались втянутыми в колониальную войну против воинов Мухаммеда ибн Али ас-Сенуси и его исламского ордена в Южной Сахаре. Позже те же сенуситы начнут священную войну против завоевания Италией ливийской Киренаики. Итальянцы подавляли сопротивление ордена с большой жестокостью, отметив окончательный разгром сенуситов публичным повешением их престарелого шейха Умара аль-Мухтара в 1931 году^[374].

Гитлер изначально не планировал вторгаться в Северную Африку или ввязываться в ближневосточные дела; он всегда считал, что власть колониальных империй над этими землями – правильна и справедлива. В течение 1930-х годов Берлин мало интересовался союзом с мусульманами региона. Ярким примером отсутствия интереса к арабским вопросам было соглашение Хаавара (соглашение о трансфере), которое Берлин подписал с Еврейским агентством летом 1933 года. Договор определял условия выезда немецких евреев в Палестину и вызвал серьезные подозрения среди мусульман региона и за его пределами^[375]. В целом Берлин относил Ближний Восток к итальянской, испанской, французской и британской сферам интересов. После разгрома Франции Гитлер даже позволил режиму Виши сохранить французские владения в Магрибе и Машрике^[376], вместе с остальными частями ее колониальной империи. Знаменитая «Арабская прокламация» (*Arabienerklärung*) 1940 года лишь говорила о немецких «дружеских чувствах к арабам», не более того^[377].

Именно ситуация на фронтах втянула Германию в ближневосточные дела^[378]. В конце 1940 года итальянские войска под командованием генерала Родольфо Грациани, сражавшиеся в Северной Африке с англичанами, были вынуждены перейти к обороне. Чтобы

предотвратить военную катастрофу и разгром итальянцев, Гитлер направил в начале 1941 года в Ливию Африканский корпус Роммеля. В течение следующих двух лет немецкие войска воевали в Тунисе, Ливийской пустыне и на западной окраине Египта. В Египте они наступали до июля 1942 года, пока не дошли до Эль-Аламейна, небольшой железнодорожной станции в пустыне, находившейся всего в 150 милях от Каира. После поражения, нанесенного им там Восьмой армией Бернарда Монтгомери в начале ноября 1942 года, немцы быстро отступили. В том же месяце англо-американские войска высадились в Алжире и Марокко (операция «Факел»), чтобы поддержать Монтгомери и добить остатки танковой армии Роммеля. В январе 1943 года немцы отступили в Тунис, а 13 мая 1943 года генерал-полковник Ханс-Юрген фон Арним, который за несколько месяцев до того сменил Роммеля на посту главнокомандующего сил Оси в Северной Африке, капитулировал в Тунисе.

Участие в боевых действиях в Магрибе изменило стратегическое мышление рейха и взгляды Берлина на ближневосточный регион^[379]. После вторжения в Советский Союз летом 1941 года германское командование разработало планы наступления из Северной Африки на Ближний Восток, чтобы там объединиться с войсками, идущими с Кавказа. Практически сразу в сферу военных интересов немцев попал Иран^[380]. Уже летом 1941 года Берлин был втянут в закончившийся позже неудачей государственный переворот Рашида Али аль-Гайлани в Ираке, отправив в Багдад специальную миссию под командованием генерала Гельмута Фельми^[381]. Аль-Хусейни, в то время находившийся в Ираке, в передачах на государственном радио призывал к «священной войне» против Великобритании^[382]. Англичане использовали свои военные ресурсы по максимуму и сорвали переворот. В те же месяцы подразделения Великобритании и «Свободной Франции» оккупировали Сирию и Ливан, находившиеся под управлением режима Виши, а англо-американские и советские войска вторглись в Иран. Они считали регион важным не только из-за его нефтяных месторождений, но и из-за геополитического положения.

Когда Германия проявила интерес к ближневосточному региону, местное население, особенно проживавшее в тылу союзников, стало восприниматься ею как стратегически значимое. В Магрибе, где армия зависела от растянутых линий снабжения, Берлин не мог позволить

себе вступать в конфликты с местными мусульманами, проживающими вдоль прибрежных дорог. Но еще более важным казалось то, что прогермански настроенное население за линией фронта союзников могло ослабить позиции противника.

Пытаясь перетянуть на свою сторону последователей ислама, Берлин развернул массовую пропагандистскую кампанию в Северной Африке и на Ближнем Востоке. Памфлеты и радиопередачи должны были обеспечить поддержку мусульман в тылу немецких войск, усилить пораженческие настроения и побудить людей поднимать восстания в тылу союзников в Египте и других местах. Чиновники Уайтхолла^[383] «испытывают огромный страх перед мусульманами – этот факт является исключительно важным для нас, и мы будем постоянно использовать его в нашей пропаганде, направленной на Аравию», – отметил Геббельс в своем дневнике 8 августа 1942 года^[384]. К тому времени, кстати, нацистская пропаганда, нацеленная на Северную Африку и Ближний Восток, уже стала достаточно интенсивной. Агенты стран Оси раздавали листовки, в которых, как писал автор *Foreign Affairs*, содержалось «их „евангелие“ для паломников, идущих в святые места и возвращавшихся обратно»^[385]. Берлин распространял истории о якобы имевших место нападениях союзников на ислам и их «неправильном поведении, особенно в отношении мечетей и святых мест».

Фактически немецкая пропаганда в регионе продвигала политизированную версию ислама, представляя Германию как друга мусульман, а союзников рисуя их врагами. Берлин использовал исламскую риторику, терминологию и образы, обращаясь к религиозным доктринам и концепциям и интерпретируя их так, чтобы манипулировать мусульманами в политических и военных целях. Священные тексты (Коран) и предписания веры (джихад) политизировались с целью разжигания религиозного насилия против «общих врагов» ислама и нацизма, в первую очередь Британской империи, Соединенных Штатов, большевизма и еврейства. Помимо инвектив в адрес предполагаемых общих врагов, частыми топосами немецкой пропаганды выступали отсылки к ценностям, которые якобы сближали нацизм и ислам – идеалам порядка, лидерства и силы.

Среди первых мусульман, подвергшихся в годы Второй мировой войны немецкой пропагандистской обработке, оказались солдаты из колоний, сражавшиеся во французской армии в битве за Францию^[386]. Используя брошюры и громкоговорители, немцы призывали мусульманские части перейти на их сторону. Большая часть этой пропаганды основывалась на религиозной риторике, лозунгах и образах. Например, в начале 1940 года армейские пропагандисты сбрасывали за линией фронта листовки, напечатанные зеленой краской (цвет пророка Мухаммада) и написанные на французском и арабском языках. Адресатом этих посланий были «мусульмане» из Северной Африки^[387]. Чтобы «достучаться» до простых солдат, арабский текст листовок печатали не на литературном языке, а на дариже (магрибский диалект арабского). Одна из листовок, выполненная в форме флага и украшенная изображением серебряной сабли, убеждала правоверных не защищать «врагов ислама» и призывала их дезертировать: «Переходите к немцам, они никогда не причиняли вреда мусульманам» (фото 3.1). Другая листовка, примерно с тем же сообщением, гласила: «Настоящий мусульманин никогда не сражается за врагов ислама, которые захватили твои мечети и превратили их в церкви, а сегодня посылают тебя умирать, чтобы спасти жизнь христиан» (фото 3.2). Обе листовки заставляли вспомнить недавнее прошлое антиколониального сопротивления в Северной Африке, отсылая к джихаду Абд аль-Карима в марокканском Рифе, лидеру алжирского сопротивления Халиду ибн Хашиму (Амиру Халиду), внуку Абд аль-Кадира, и антиколониальному движению в Тунисе. В вермахте и министерстве иностранных дел спорадические дискуссии о пропаганде для мусульманских солдат во французских войсках и о продвижении Третьего рейха в качестве «друга магометан» начались в конце 1939 года^[388]. Одним из первых было выдвинуто предложение изготовить небольшие амулеты в форме «руки Фатимы» (хамса)^[389].

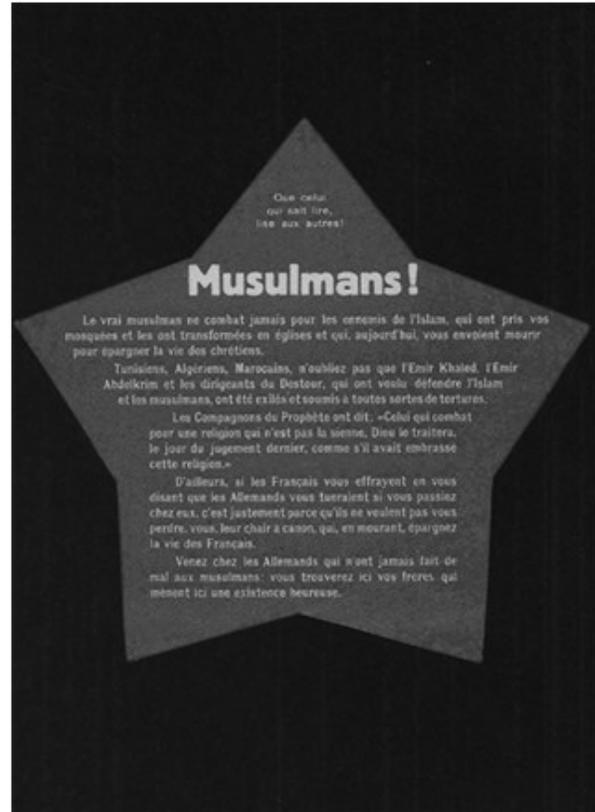

ФОТО 3.1. Немецкая пропагандистская брошюра, 1940 (источник: Федеральный архив Германии во Фрайбурге, ВА-МА)

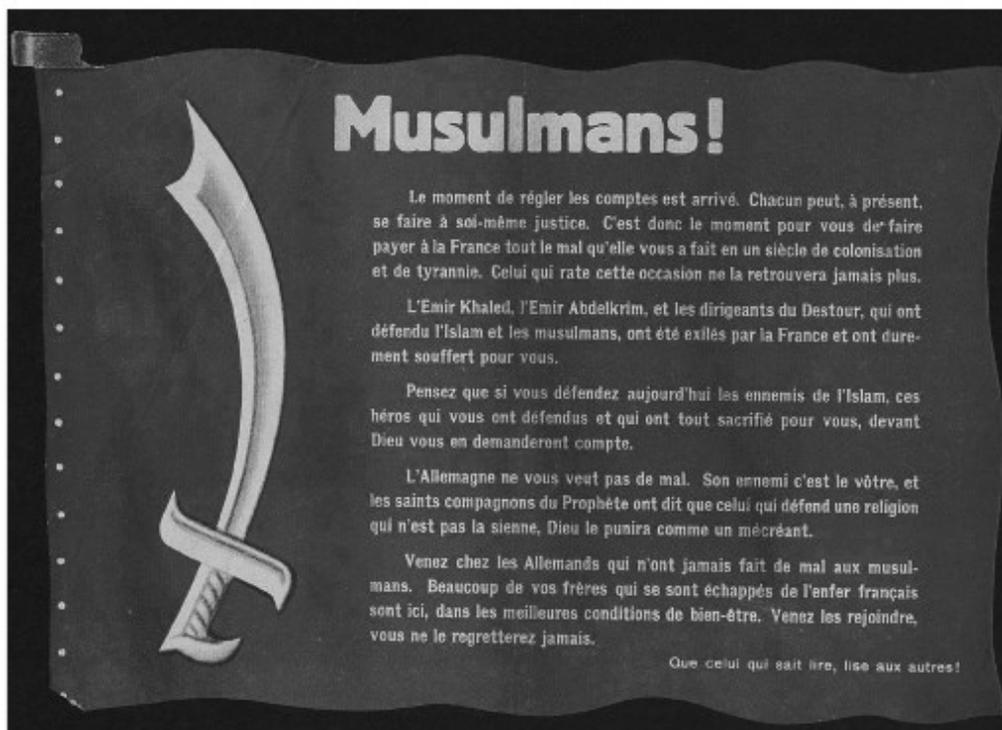

ФОТО 3.2. Немецкая пропагандистская листовка, 1940 (источник: Федеральный архив Германии во Фрайбурге, ВА-МА)

К захваченным в плен солдатам-мусульманам – их число во время битвы за Францию выросло почти до 90 000 – власти рейха относились с осторожностью^[390]. После того как в 1941 году немецкие войска вмешались в кампанию в Северной Африке, отношение к таким военнопленным обрело политическое значение. Как и в Первую мировую войну, официальные лица рейха стремились продемонстрировать свое уважение к исламу, предоставляя мусульманам различные привилегии. 12 мая 1941 года руководство вермахта приказало терпимо относиться к религиозным обрядам военнопленных^[391]. Директивы о захоронении французских военнопленных в начале 1942 года предписывали ставить на могилы мусульман вместо креста деревянные таблички с изображением фески^[392]. Ссылаясь на «требования исламской политики» (*islampolitische Gründe*), армейское руководство затем потребовало уважать исламские пищевые нормы и вместо свинины кормить пленных говядиной или бараниной^[393]. В лагере военнопленных под Берлином была построена мечеть в магрибском стиле^[394]. Небольшие мечети и молитвенные комнаты были организованы также в других лагерях. Имамы (часто в этой роли выступали обычные заключенные, способные читать Коран) привлекались для отправления религиозного культа и ведения пропагандистской работы, обосновывающей коллаборационизм с религиозной точки зрения^[395]. «Обработывая» военнопленных, немцы также раздавали им листовки и брошюры^[396]. Цель их мероприятий заключалась не только в том, чтобы привлечь пленных в качестве будущих проводников, информаторов и пропагандистов в Магрибе; руководство вермахта считало нужным создавать позитивный образ Германии, который иностранные солдаты увезут с собой, отправляясь в родные места. И в самом деле – когда немцы начали военные действия в Северной Африке, многих военнопленных-мусульман освободили. Тем не менее в целом узники оказались менее восприимчивыми к немецкой пропаганде, чем надеялись берлинские чиновники. Кроме того, в реальности многие военнопленные-мусульмане подвергались жестокому обращению со стороны немецких охранников^[397]. С особой свирепостью стража относилась к чернокожим мусульманам из тропической Африки; сотни этих солдат были расстреляны в самом начале войны^[398].

Огромный интерес к судьбе североафриканских военнопленных проявляли религиозные деятели Парижской соборной мечети. Ее построило французское правительство после Первой мировой войны, чтобы выразить свою благодарность за участие мусульман в военных действиях. Мечетью, расположенной на левом берегу Сены, в пятом округе французской столицы, в то время руководил харизматичный алжирский богослов Си Каддур Бенгабрит, сыгравший важную роль во французской пропаганде в 1914–1918 годах^[399]. Вскоре после разгрома Франции Бенгабрит вступил в контакт с немцами (фото 3.3). Беспокоясь о положении мусульман в лагерях военнопленных и добиваясь для них особых условий, в начале 1941 года он обращался к сотрудникам посольства Германии в Париже^[400]. Бенгабрит даже советовал отправить в эти лагеря несколько североафриканских имамов, уверяя немцев, что он лично берет на себя ответственность за их лояльность. Он также предложил свои услуги по улаживанию религиозных дел военнопленных и объявил о готовности выступить в пропагандистских радиопередачах службы арабского вещания Германии. Немцы, естественно, не очень хотели открывать свои лагеря неизвестным магрибским имамам^[401]. Тем не менее они стремились поддерживать хорошие отношения с мечетью. Парижская соборная мечеть была одним из важнейших центров ислама в оккупированной нацистами Западной Европе: она не только обслуживала мусульманскую общину Франции, которая во время войны превысила 100 000 человек, но и обеспечивала тесные связи с Магрибом. Немецкие чиновники в Париже поддержали Си Каддура Бенгабрита и попытались использовать его мечеть для ведения пропаганды^[402]. Бенгабрит, со своей стороны, хотел улучшить условия жизни общины и для этого выстраивал дружественные отношения с властями. Однако немецкие официальные лица внимательно следили за мечетью, подозревая, что ее сотрудники предоставляют евреям сертификаты, удостоверяющие их принадлежность к исламской религии^[403]. После войны утверждалось, что мечеть спасла сотни евреев, но до сих пор не было найдено никаких архивных свидетельств, подтверждающих этот факт.

ФОТО 3.3. Си Каддур Бенгабрит, имам Парижской соборной мечети, приветствует представителей вермахта (источник: архив мемориала Шоа, Париж)

В 1940 году Берлин также предпринял первые попытки повлиять на мусульман во французских колониях, используя как радио, так и печатную пропаганду. Pamфлет, подготовленный министерством иностранных дел и распространявшийся во французской Северной Африке весной 1940 года, призывал мусульман обратить оружие против своих имперских повелителей, а в его тексте переплеталась антиколониальная и религиозная риторика^[404]. Война там изображалась как священная возможность восстать против колониального гнета («Бог дал вам шанс, который вы не должны упускать!»). Далее текст развивался в более радикальном русле: заявлялось, что антиколониальное сопротивление – «долг веры», а тем, кто не выполняет его, грозит «кара божья»^[405]. Брошюра изобиловала ссылками на якобы ведущиеся французскими властями репрессии против ислама: Францию обвиняли в подавлении шариата, запрещении

коранического образования в школах, нападках на мечети и поощрении миссионерской работы. Соответственно, борьба с колониальным режимом изображалась как долг перед Аллахом. «Бог пошлет вам помощь, если вы будете верны вашей борьбе», – говорилось в листовке. Тех, кто возьмется за оружие против Франции, обещали признать мучениками: «Врата рая будут открыты для вас, и счастлив тот, кто выберет эту судьбу». Министерство иностранных дел выпустило 10 000 экземпляров брошюры, отправив их через немецкое посольство в Мадриде в Марокко^[406]. Эта история хорошо показывает стиль и направление, которым германская пропаганда среди мусульман следовала в дальнейшем. Однако, поскольку общая политическая линия Германии в отношении исламского мира еще не была ясна, ранние попытки работать с французскими мусульманами оставались невнятными и ситуативными. Более организованная кампания по мобилизации ислама началась только после включения немцев в североафриканскую кампанию весной 1941 года.

Ислам и печатная пропаганда на североафриканском фронте

Наступление танковой группы «Африка» в Магрибе сопровождалось мощной пропагандистской кампанией. Немецкие самолеты тоннами сбрасывали брошюры, открытки и листовки над линией фронта и в тылу британской армии. Эти усилия были подготовлены министерством иностранных дел в сотрудничестве с вермахтом. На месте кампанию координировал немецкий дипломат Константин Александр фон Нейрат – сын рейхспротектора Богемии и Моравии и бывшего министра иностранных дел Германии Константина фон Нейрата. С мая 1941 года Нейрат-младший служил офицером по связям с министерством иностранных дел в армии Роммеля^[407].

Хотя печатные материалы затрагивали самые разные темы, от восхваления технологического, экономического и военного превосходства нацистского режима до антиколониального национализма, значительное число текстов касалось религиозной тематики. Одна из брошюр, выпущенных осенью 1941 года, когда немецкие войска продвигались к Египту, начиналась с цитаты из восьмой суры Корана (*аль-Анфаль*, или «Трофеи»)^[408]: «О те, которые

уверовали! Когда вы встретитесь с неверующими на поле битвы, то не поворачивайтесь к ним спиной! Те, которые в такой день повернутся спиной к неверующим, кроме тех, кто разворачивается для боя или для присоединения с отрядом, навлекут на себя гнев Аллаха. Их пристанищем будет Геенна. Как же скверно это место прибытия!» (8:16)^[409]. Последующий текст помещал эти отрывки в политический контекст войны, изображая граждан СССР неверующими, а англичан их добровольными пособниками. Далее в брошюре подробно рассказывалось о страданиях «миллионов людей» под «сатанинским игом» Сталина; авторы предупреждали о планах Москвы по поводу всего мусульманского мира. «Только Германия может спасти мир, и только она спасет вас и вашу религию от порабощения под зловещим красным знаменем». Снова отсылая к авторитету Корана, брошюра заканчивалась цитатой из сорок восьмой суры (*аль-Фатх*, или «Победа»): «Он знал то, чего вы не знали, и предопределил перед этим близкую победу» (48:27). Британское контрнаступление в конце 1941 года не позволило Роммелю совершить последний бросок к Каиру^[410]. Немцев отбросили на западную границу Киренаики, и их следующее наступление на восток началось лишь в 1942 году. Этот второй натиск, развернувшийся весной, сопровождался еще более интенсивной пропагандистской кампанией. Когда немецкие войска шли на Каир, министерство иностранных дел и вермахт начали готовить брошюры для египетского населения. 8 апреля 1942 года командование Африканского корпуса официально отправило запрос на пропагандистскую кампанию в Египте, который месяц спустя поддержал Нейрат. 25 июня 1942 года, когда немцы пересекли ливийско-египетскую границу, Нейрат снова напомнил Берлину о просьбе Роммеля^[411]. Министерство иностранных дел проинформировало Нейрата о том, что напечатано 1,1 миллиона новых брошюр, в том числе 100 000 копий текста «Зеленое знамя мусульман»^[412]. Спустя три дня первая партия (450 000 брошюр) была отправлена в Киренаику для распространения в Египте^[413]. Остаток был отправлен несколькими днями позже. Вскоре был напечатан еще 1 миллион брошюр, причем сразу же готовился дополнительный тираж^[414]. 30 июня 1942 года четыре самолета доставили в Северную Африку не менее 1,3 миллиона печатных материалов, в том числе 6 000 открыток с «рукой Фатимы» и 1000 открыток, посвященных приему

палестинского муфтия в Берлине^[415]. 2 июля 1942 года было отправлено еще 2 миллиона листовок, в том числе 100 000 копий «Зеленого знамени мусульман» и 6 000 открыток с «рукой Фатимы»^[416]. 12 июля 1942 года прибыло еще 760 000 пропагандистских листовок, в том числе 200 000 экземпляров только что отпечатанного «Призыва великого муфтия»^[417]. Приток материалов продолжался все лето. В списке распространяемых среди арабов пропагандистских материалов присутствовали 300 000 экземпляров брошюры «О, Египет!»^[418]. Она обещала освободить египтян от ига Британской империи и сулила правоверным поддержку со стороны Аллаха: «Бог восстановит справедливость в Египте и уничтожит неправедных британцев, их империю – этого неправедного и жестокого преступника»^[419]. К концу августа министерство иностранных дел выпустило 10 миллионов пропагандистских брошюр на арабском языке, из которых более 8 миллионов были распространены среди населения^[420].

После начала операции «Факел» в брошюрах все чаще встречались нападки на Соединенные Штаты. Например, в январе 1943 года министерство иностранных дел выпустило на арабском брошюру «Ислам и демократии», осуждающую и Лондон, и Вашингтон^[421]. В брошюре говорилось: «Англичане, американцы, евреи и их приспешники являются величайшими врагами арабов и ислама!»^[422]. Еще одна листовка, с изображением «руки Фатимы», начиналась с антиеврейского стиха Корана: «Ты непременно найдешь самыми лютыми врагами верующих иудеев и многобожников» (5:82 [85]) и продолжала в том же духе: «Иудеи и ростовщики, они забирают у правоверных их собственность и потому должны быть наказаны. Американцы и англичане, которые вторглись в Магриб – друзья евреев; Рузвельт и Черчилль едят из рук евреев. Любой, кто против евреев, также должен выступать против американцев и англичан»^[423]. Антиеврейское содержание пятой суры (*аль-Маида*, или «Трапеза») обсуждалось в немецких публикациях с конца 1930-х годов, особенно во «Всеисламе» Пауля Шмица и «Исламе, иудействе, большевизме» Мухаммеда Сабри.

Когда армия Роммеля, вытесненная из ливийской и египетской пустыни, наконец отступила в Тунис, немецкие пропагандисты продолжали свою работу там. На месте их усилия координировал

Рудольф Ран, консул Германии в Тунисе и, следовательно, наиболее высокопоставленное гражданское лицо рейха в Северной Африке. В инструкциях, адресованных пропагандистам, четко указывалось: обещать арабам национальную независимость нельзя, однако религиозные сюжеты необходимо использовать для представления держав Оси как «друзей магометан» и для осуждения «англо-американских угнетателей», «безбожного большевизма», который не только «угнетает верующих и разрушает мечети» в Советском Союзе, но также подавляет мусульман в «других магометанских странах», а также «еврейства», которое «изгнало мусульман из Палестины и святых мест»^[424]. Среди пропагандистских материалов, распространяемых в Тунисе, была небольшая брошюра «Германия и ислам» (*Альмания валь-ислам*), со множеством иллюстраций и небольшим количеством текста. В ней пропагандировалась дружба Германии с исламом^[425]. В целом в Тунисе распространили не менее 6 миллионов брошюр^[426].

Основным перевалочным пунктом для распространения немецких печатных материалов в западной части Северной Африки стало нейтральное испанское Марокко. Министерство иностранных дел и разведка вермахта располагали там двумя пропагандистскими офисами – одним в столичном Тетуане, а другим в портовом Танжере. Международная зона Танжер с населением менее 100 000 человек находилась под управлением нескольких европейских колониальных держав, пока не была оккупирована Испанией летом 1940 года. Она превратилась в передовую зону пропагандистской войны между державами Оси и союзниками в Магрибе^[427]. Летом 1942 года сотрудник танжерского бюро, расположенного в генеральном консульстве Германии, сообщал о высоком спросе на немецкие публикации, которые распространялись среди местных властей^[428]. Основные лозунги этой кампании звучали так: «Англия – враг ислама!» и «Германия выигрывает войну – этого хочет Бог!». По случаю Курбан-байрама 1942 года танжерское бюро раздало 10 000 экземпляров брошюры, в которой провозглашалось:

О друзья-мусульмане! Мы поздравляем вас с праздником жертвоприношения и желаем вам покровительства и благословения Божьего! Вы знаете, что за всю вашу историю у вас всегда был только один великий друг: Германия! Вы

знаете, что ваши враги, евреи, англичане и американцы, также являются врагами Германии и что ваша надежда на лучшее будущее для арабских народов также остается надеждой и целью Германии! Слава вам и милость Божья да прибудет с вами!^[429]

Весной 1943 года немцы, на позиции которых активно вели наступление союзники, распространяли в Марокко прокламации, требующие срочно объявить джихад. В их текстах проводились параллели между текущим конфликтом и войнами, которые вел Пророк^[430]. После рассказа о великих битвах при Ухуде и Бадре^[431] там говорилось, что воины Мухаммада не потеряли мужества и выдержали испытание, ниспосланное им Аллахом. Вторая мировая война, «впервые за столетия» – это «новое испытание»: «остерегайтесь, братья, оказаться среди тех, кто лишь выжидает и не хочет видеть правильный путь, как те, кто презирал Пророка Божьего – да пребудет с ним слава и милосердие Божье – в трудные дни». Теперь каждому надо выбирать между «путями Бога и традиции» и «позором большевизма» – между «верой» и «порабощением евреями». Брошюра пестрела длинными цитатами из Корана. Среди них, конечно же, были стихи из третьей суры (*Аль Имран*, или «Семейство Имрана»), посвященной битвам при Ухуде и Бадре. Даже после того, как немецкие войска покинули Северную Африку, агенты рейха продолжали сеять среди мусульман Марокко слухи о том, что их будут принуждать перейти в христианство, если страны Оси проиграют войну^[432]. Союзники оказывали сильное давление на испанские власти, требуя закрыть генеральное консульство Германии в Танжере, и летом 1944 года Франко наконец был вынужден уступить.

Некоторые пропагандистские памфлеты, выпущенные в Берлине, наиболее активно распространялись в каких-то особых регионах Северной Африки. Так, министерство иностранных дел направляло тысячи экземпляров брошюры «Борьба магометан» как в испанское Марокко, так и в Тунис^[433]. Фотографии муфтия Иерусалима, напечатанные на плакатах и открытках, его стихи, написанные на амулетах, и брошюры с его пропагандистской речью, зачитанной на открытии Центрального исламского института, также высылались для распространения, причем не только в Тунис и Танжер, но иногда и в

другие места, в том числе в Анкару, Афины, Софию, Бухарест и Загреб^[434].

Со временем Вильгельмштрассе начала готовить для Северной Африки иную пропагандистскую продукцию. Например, в регионе распространялись особые кубики сахара: каждый кусок был завернут в бумагу, на которой на арабском языке было написано что-то благочестивое и политически грамотное – например: «С Божьей помощью победа Германии несомненна»^[435]. Официальные лица в Берлине также обсуждали производство небольших чайных пакетиков, прикрепляемых к амулетам или листовкам; впрочем, нам не известно, удалось ли воплотить в жизнь этот план^[436]. Распространялись также пропагандистские амулеты – в министерских документах их описывали как «талисманы со свастикой и благословением или проклятием», – а также ароматизированная бумага с цитатами из Корана и изъявлениями дружбы^[437]. Апеллируя к органам вкуса, обоняния и зрения, эти объекты сочетали элементы материальной культуры, религии и политической пропаганды.

Наконец, немецкие памфлеты предназначались также и для Ближнего Востока – Сирии, Ливана, Палестины и других стран. В «Нью-Йорк таймс» на раннем этапе войны сообщалось о нацистских пропагандистах на Ближнем Востоке, которые изображали Гитлера «защитником ислама»^[438]. По всей видимости, именно они распространяли в Леванте песню с такими словами: «Больше нет мистера, больше нет месье // Уходите, убирайтесь отсюда // Мы хотим Аллаха на небесах и Гитлера на земле»^[439].

Немецкая печатная пропаганда для арабского мира включала издание книг и журналов, в первую очередь журнала *Барид аш-Шарк* («Восточный пост»), выходившего под редакцией Камаледдина Галаля из Центрального исламского института в Берлине и финансируемого министерством пропаганды^[440]. За годы войны опубликовали и распространили (особенно среди населения Северной Африки и мусульманских военнопленных) пятьдесят пять выпусков этого журнала. Статьи в *Барид аш-Шарк*, где велась обычная антибританская, антикоммунистическая и антиеврейская пропаганда, затрагивали и религиозную тематику^[441]. Журнал также опубликовал несколько выступлений членов нацистской элиты, речей аль-Хусейни (включая его призывы к джихаду) и по случаю хаджа 1944 года главы

аль-Азхара, пожилого Мухаммеда Мустафы аль-Мараги (хотя тот был известен своими пробританскими симпатиями). В числе авторов были ливанский панисламист Шакиб Арслан, а также Абдурашид Ибрагимов, который после службы в Германии во время Первой мировой войны стал имамом Токийской мечети. Их материалы придавали журналу отчетливо панисламистскую направленность. Иоганн фон Леерс писал о таких сюжетах, как страдания мусульман в Индии и антагонизм между коммунизмом и исламом.

Что касается СС, то они сыграли лишь небольшую роль в пропагандистских проектах Германии, направленных на Ближний Восток и Северную Африку. Пожалуй, самым важным примером такого участия была попытка офицеров СС изобразить Гитлера как религиозную фигуру. Шторер уже упоминал в своем меморандуме, что в Коране содержится «ряд сур, которые каждый исламовед может легко интерпретировать как пророческие слова, указывающие на появление фюрера»^[442]. 14 мая 1943 года, спустя два месяца после поражения немецкой армии в Северной Африке, Гиммлер приказал Главному управлению имперской безопасности (РСХА) «выяснить, какие отрывки из Корана предоставляют мусульманам основания полагать, что появление фюрера уже было предсказано в Коране и что он уполномочен завершить дело Пророка»^[443]. Спустя почти четыре месяца глава РСХА Эрнст Кальтенбруннер сообщил, что в Коране нет подходящих фрагментов, но зато мусульмане в некоторых регионах придерживаются мессианских верований, которые говорят о «возвращении „света пророка“», что позволяет «связать их с фюрером»^[444]. Во втором письме на ту же тему Кальтенбруннер указывал на идею «Махди», которая, по его словам, была центральной для «исламской эсхатологии»: «Махди должен прийти в конце времен для защиты веры и обеспечить победу справедливости»^[445]. Действительно, мессианские ожидания были популярны среди как шиитов, так и суннитов на протяжении веков. Можно вспомнить и о восстаниях махдистов, беспокоивших колониальные империи с конца XIX века^[446]. Эксперты Кальтенбруннера, скорее всего, знали об этом. С другой стороны, глава личного штаба Гиммлера Рудольф Брандт привлек к изучению данной тематики Главное управление СС, а также общество «Аненербе», от которых, впрочем, не было особой пользы^[447]. Очень скоро Готтлоб Бергер сообщил, что его эксперты по

исламу ничего полезного не обнаружили^[448]. Глава «Аненербе» Вольфрам Зиверс обратился за помощью к знаменитому индологу Вальтеру Вюсту, ректору Мюнхенского университета, но тот представил практически бесполезный отчет^[449]. Однако сотрудники РСХА тем временем добились определенных успехов. 6 декабря 1943 года Кальтенбруннер направил Гиммлеру еще один отчет, содержащий некоторые практические результаты: эксперты исследовательского отдела «Восток» РСХА обнаружили, что «фюрера» нельзя изображать «ни Пророком, ни Махди», но его можно представлять как «Ису (Иисуса), возвращение которого в конце времен предсказано в Коране и который, подобно святому Георгию, победит царя евреев, великана Даджжала»^[450]. Главное управление РСХА подготовило соответствующую пропагандистскую брошюру на арабском языке. Изображая Даджжала как еврея-врага, она гласила:

Нам сказано, что Даджжаль появится в конце дней; это чудовище, которое обманет и предаст народ. Наступит время великого притеснения правоверных. Знаменитый арабский [sic] историк Абу Джафар Мухаммед ибн Джарир ат-Табари сказал, что Даджжаль будет великаном и еврейским царем и править он будет всем миром. Мухаммед ибн Исмаил Абу Абдаллах аль-Джафай аль-Бухари писал, что Дадджаль будет толстым, с кудрявыми волосами. / О арабы, вы видите, что пришло время Даджжала? Узнаете ли вы его, толстого, курчавого еврея, кто обманывает весь мир, чтобы управлять им, и кто крадет землю арабов? Воистину, он – чудовище, а его союзники – дьяволы! Нас учили, что царство Даджжала не будет продолжаться долго. Абдаллах ибн Умар аль-Байдави указывал, что Бог пошлет своего слугу, который сразит Даджжала своим копьем и разрушит его дворцы. / О арабы, знаете ли вы раба Божия? Он уже пришел в мир и обратил свое копьё против Даджжала и его союзников, глубоко уязвив их. Он убьет Даджжала, как написано, уничтожит его дворцы и бросит его приспешников в ад^[451].

Хотя Махди, Даджжаль и Иса были известными фигурами исламской эсхатологии, интерпретация этих персонажей в тексте РСХА

оказалась весьма новаторской. Гиммлер немедленно одобрил текст и приказал напечатать брошюру^[452]. Министерство пропаганды выпустило ее тиражом миллион экземпляров^[453]. Сегодня идея этой брошюры может показаться абсурдной, но, как уже упоминалось, восстание махдистов оказалось серьезной разрушительной силой для европейских империй в предыдущие десятилетия, а мессианские настроения всегда особенно сильны во время войны.

Популяризация идей и личности Гитлера в качестве исламских была не новой. Еще в 1938 году Вернер Отто фон Хентиг потребовал от некоего исламоведа и специалиста по Корану помочь с переводом «Майн кампф» на арабский язык^[454]. Перевод надлежало выполнить в исламском духе, оформив его в возвышенном кораническом стиле, который «понимается и ценится во всем исламском мире». Политические идеи Гитлера нужно было наполнить религиозным смыслом. «Если проект окажется успешным, то арабский перевод книги фюрера упадет на благодатную почву и вызовет резонанс от Марокко до Индии», – писал Хентиг. Ученый предложил немецким эмиссарам в Мекке подарить первые экземпляры перевода мусульманским лидерам во время хаджа. На Вильгельмштрассе предпринимали несколько попыток перевести «Майн кампф» на арабский язык, а к 1930-м годам отдельные фрагменты книги распространялись в Северной Африке и на Ближнем Востоке, но весь текст до конца войны так и не был переведен^[455]. Самой выдающейся фигурой, официально уполномоченной переводить эту книгу в 1930-е годы, был Шакиб Арслан, но он так и не представил текст^[456].

В целом немецкие брошюры, распространяемые среди народов Северной Африки и Ближнего Востока, касались разнообразных предметов, начиная от восхваления немецкой военной мощи и заканчивая нападками на врагов рейха. Примечательно, что в этих печатных материалах центральное место занимали именно отсылки к исламу. Опираясь на религиозные тексты – такие, как стихи Корана – и используя язык благочестия, пропагандисты стремились привлечь авторитет ислама для поддержки своих воинственных политических посланий. Однако основным препятствием на пути немецкой печатной пропаганды оставалась неграмотность населения Северной Африки и Ближнего Востока – причем даже с учетом того, что умеющие читать часто зачитывали листовки соседям, а их послания распространялись

из уст в уста. Сама материальность листовки или брошюры была призвана снять это препятствие. Форма и иллюстрации, использование зеленого цвета, изображения «руки Фатимы», а иногда вкуса и запаха – любые средства воздействия на неграмотную аудиторию были хороши. Кроме того, оставался и еще один эффективный метод преодоления неграмотности – радиопередачи.

Ислам и радиопропаганда в Северной Африке и на Ближнем Востоке

Пропаганда с помощью радио, распространяющего призывы к религиозным восстаниям, оказалась важнее, чем использование журналов и брошюр. Фашистская Италия открыла арабскую службу на Radio Bari уже в 1934 году^[457]. В 1939 году, за несколько месяцев до начала войны, Берлин наконец также начал транслировать короткие программы на Магриб и Ближний Восток. Эти усилия значительно активизировались после того, как Гитлер отправил войска в Северную Африку, а немецкие радиостанции в конечном итоге начали транслировать ежедневные пропагандистские передачи даже на Мекку и Медину. «Радио Оси бомбардирует ислам» – под таким заголовком вышла статья в «Нью-Йорк таймс» во время войны в Магрибе. Ее автор предупреждал о попытках нацистов «удобрить всходы недовольства, которые традиционно прорастают в исламском мире»^[458].

Главный передатчик немецкой пропаганды на Северную Африку и Ближний Восток располагался в Цеезене, небольшом городке к югу от Берлина^[459]. К Олимпиаде 1936 года в городе установили один из самых мощных коротковолновых передатчиков в мире, и во время войны он стал центром нацистской пропаганды. С 1939 года Цеезен вещал на литературном арабском языке каждый день, вскоре добавив еще программы на магрибском диалекте, а также передачи для турок, иранцев и индийцев. Фактически «Восточный отдел» радиостанции, под руководством журналиста Густава Бофингера, имел абсолютный приоритет над остальными службами зарубежного вещания в Цеезене^[460]. В нем работали около восьмидесяти сотрудников, включая машинисток, переводчиков и дикторов. По мере эскалации конфликта и вторжения в Северную Африку немцы начали использовать

радиостанции в оккупированной Европе, транслируя передачи на магрибском диалекте и берберском языке из Парижа (Radio Paris-Mondial), а затем на стандартном арабском языке из Афин (Radio Athens). Radio Berlin вещало до самого конца войны, и закрыли его только в апреле 1945 года. Программу вещания координировали несколько структур: министерство пропаганды, представленное отделом радиовещания с собственным экспертом по Ближнему Востоку Леопольдом Итцем фон Мильденштейном; министерство иностранных дел; и пропагандистский отдел верховного командования вермахта. Главная ответственность за содержательное наполнение пропаганды для Северной Африки и Ближнего Востока лежала на министерстве иностранных дел, в частности на радиополитическом отделе, который возглавлял старый партиец Герд Рюле и его юный заместитель Курт Георг Кизингер (в будущем – федеральный канцлер ФРГ); Восточным отделом там руководил Курт Мунцель. Также была задействована Восточная секция политического отдела МИДа (отдел Эрнста Вермана). Темы радиопередач в целом вырабатывались на еженедельных заседаниях так называемых страновых комитетов, состоявших из экспертов разных отделов министерства иностранных дел – Фриц Гробба, например, долгое время руководил «арабским комитетом». Среди сотрудников-мусульман можно назвать Алимджана Идриса, который работал как на арабское, так и на турецкое вещание^[461].

Немцы привлекли к этой деятельности немало ярких личностей. Так, главным диктором службы вещания Radio Berlin на литературном арабском языке работал иракский журналист Юнус Бахри^[462]. Бахри (тогда ему было под сорок) прибыл в столицу Германии в начале 1939 года и сразу же начал работать в Цеезене. «Берлин вряд ли мог найти более подходящего кандидата на роль основного проводника радиопропаганды, – сообщалось в докладе британской разведки. – Этот человек известен своим грязным языком и склонностью к интригам, это лжец и возмутитель спокойствия, причем, и это самое главное, – он готов служить всем, кто заплатит хорошую цену»^[463]. Бахри был пламенным борцом против колониализма. Он много лет путешествовал по исламскому миру, занимался политической публицистикой в Голландской Ост-Индии, а затем поселился в Ираке, где издавал газету и работал диктором на государственном радио. Резкий голос,

агрессивные речи и склонность говорить на повышенных тонах – всё это вскоре сделало его эфиры «фирменным знаком» арабской службы. Пожилой Макс фон Оппенгейм, которому Бахри представили в Берлине во время войны, позже написал: «Он был полудиким человеком, довольно ярким, с хорошим голосом для радио. Он очень любил окружать себя молодыми немецкими девушками – больше, чем другие арабы в Берлине. Вспыльчивый и буйный, он постоянно измывался над своими коллегами, раздавая им пощечины»^[464].

Хотя Бахри был наиболее известным арабским диктором Radio Berlin, немцы использовали и других ведущих, причем со всех регионов арабского мира. Среди них был религиозный деятель – марокканский богослов, мыслитель панисламистского толка и активист антиколониального движения Такиаддин аль-Хилали (после войны он достиг всемирной славы как переводчик Корана на английский язык)^[465]. Аль-Хилали учился у Рашида Риды, а потом переехал на учебу в Германию, где в итоге и перешел работать на Radio Berlin по рекомендации Рихарда Хартмана и других востоковедов. Он тоже вскоре стал одним из самых известных арабских пропагандистов радиоэфира.

Хотя немцы сами определяли содержание программ, дикторы-арабы имели некоторую свободу действий. Вскоре после первых эфиров эксперт МИДа по Ближнему Востоку жаловался, что некоторые ведущие-мусульмане, «прежде всего иракский диктор Юнус Бахри», придают программам «личный оттенок», что «не всегда в наших интересах»^[466]. Немцы сами предоставляли пропагандистские тексты и тщательно контролировали как переводчиков, так и дикторов, но Бахри нередко удавалось вернуть в сценарии собственные идеи. «Не секрет, что диктор Юнус Бахри регулярно меняет тексты, которые ему дают», – возмущался чиновник. Поскольку эти изменения обычно оказывались незначительными, Алимджан Идрис, проверявший записанные радиопередачи до их выхода в эфир, предпочитал не вмешиваться в процесс. Более того, фаза модуляции – период до начала официальной программы, когда настраивали длину волны, – предоставляла дикторам еще один шанс для самоуправления. Хотя по правилам в то время они должны были отвечать на письма слушателей, Юнус Бахри часто использовал эту паузу для выражения собственного мнения^[467]. По мемуарам Бахри может сложиться впечатление, что он почти самолично

руководил радиостанцией: он называет себя «ведущим руководителем немецкого иностранного радиовещания» и принижает, например, Идриса, «туркестанского муджтахида» [богослова], называя его «дежурным переводчиком» своей службы^[468].

Вещание на литературном арабском языке немцы считали особенно важным, так как оно покрывало аудиторию не только на Ближнем Востоке, но и во многих районах Магриба. Сценарии программ предоставляют историку богатый источник информации о содержании нацистской пропаганды, направленной на Северную Африку и Ближний Восток^[469]. Поскольку общий обзор программ уже написан, ниже я сосредоточусь на отдельных случаях – чтобы подчеркнуть то значение, которое религиозные лозунги, терминология и риторика имели для этих передач^[470].

Программа цезенского радио на литературном арабском отличалась от вещания других работающих в регионе радиостанций своим резким тоном и сенсационностью. Эфиры всегда начинались с зачитывания стихов Корана (эту идею первоначально выдвинул Алимджан Идрис)^[471]. Пропагандисты министерства иностранных дел стремились использовать для этого записи Корана из исламских стран, полагая, что они будут более убедительными, нежели сделанные в рейхе. После оккупации Туниса МИД почти сразу же обзавелся записями Корана, подготовленными местными имамами^[472].

Как и в печатной пропаганде, религия использовалась в радиопередачах для того, чтобы изобразить Британскую империю, Соединенные Штаты, большевизм и еврейство врагами ислама. Как представляется, чаще всего повторялись призывы противостоять британскому владычеству. 29 июля 1942 года, когда танки Роммеля продвигались к Каиру, немецкие радиопередачи наставляли: «Когда британцы упорствуют в своих злых делах и притеснениях, долг мусульман – призывать имя Аллаха, чтобы сражаться с ними»^[473]. Арабская служба Radio Berlin делала все возможное, чтобы ни один мусульманин не забыл об этих «злых делах», постоянно рассказывая, как британцы угнетают правоверных по всему миру. Она оплакивала казнь «мученика» в Палестине – «героя, который своей борьбой за свободу напоминает нам о сподвижниках Пророка»^[474]. Радио распространяло истории о якобы происходящих в Индии репрессиях против мусульман и заявляло, что «главные враги ислама –

британцы»^[475]. Оно рассказывало о подавлении исламских религиозных движений в Египте, утверждая, что англичане «сеют безнравственность» в мусульманских странах и несут ответственность за «преступное притеснение ислама»^[476]. Среди наиболее частых тем радиопередач можно также назвать неуважение англичан к мечетям и святым местам. Зимой 1942 года немцы сообщили, что англичане, из-за своего страха перед концентрацией множества мусульман в одном месте, мешали египетским и индийским паломникам совершить хадж^[477].

Цеезен также опровергал обвинения британского радио в том, что немецкие подводные лодки готовы топить корабли с паломниками. По случаю следующего сезона хаджа, в сентябре 1943 года, Великобританию обвинили в том, что она не позволяет палестинским и индийским паломникам покидать свои страны^[478]. Месяц спустя Radio Berlin объявляло: «Голлисты, эти шарлатаны, которым англичане дали власть в Сирии, приняли решение запретить паломничество и по суше, и по морю»^[479]. Таким образом, слушателям внушалось, что «Свободная Франция» ничем не отличается от британцев в своей «ненависти не только к мусульманам, но и к исламской религии».

Основными выгодоприобретателями от британских (и вообще европейских) атак на ислам, были, по мнению дикторов Цеезена, евреи. Чем ближе войска Роммеля подходили к Каиру, тем более яростной становилась антиеврейская пропаганда. В начале июля 1942 года, когда Роммель пересек египетскую границу, арабский ведущий утверждал, что евреи бегут из страны: «Еще раз благодарим Бога за очищение Египта от этих ядовитых рептилий»^[480]. В тот же месяц, когда итальянско-немецкая танковая армия приближалась к центру Египта, Radio Berlin вещало: «Евреи планируют обесчестить ваших женщин, убить ваших детей и уничтожить вас. Согласно мусульманской религии, защита вашей жизни – это долг, который может быть исполнен только путем уничтожения евреев»^[481]. Ведущий откровенно призывал к насилию: «Убивайте евреев, пока они не убили вас». Radio Berlin продолжало транслировать такого рода антисемитские тирады до самого конца вещания в 1945 году. Возможно, самым ярким примером такой риторики стала печально известная речь аль-Хусейни, произнесенная 1 марта 1944 года. Он буквально задыхался от ярости: «Убивайте евреев, где бы вы их ни находили, из любви к Богу, истории

и религии»^[482]. Важно отметить, что Radio Berlin не только раздувало страхи по поводу еврейской колонизации Палестины, но выходило далеко за пределы этой темы, используя обычные нацистские нарративы, стереотипы и теории заговора на еврейскую тему; в конечном счете радио призывало их уничтожать. Немецкая пропаганда добилась слияния ислама с антиеврейской пропагандой до уровня, ранее неведомого в современном мусульманском мире.

Антиамериканская пропаганда на радио в целом была менее «религиозной». Лишь изредка ведущие ссылались на ислам – как правило, чтобы изобразить американцев отсталыми в моральном и культурном отношении. Арабская служба обвиняла американцев в том, что эти «рабы денежного мешка» эксплуатируют других и чужды морали. Утверждалось, что «усилия американцев разобьются о твердую скалу – скалу ислама»^[483].

Наконец, арабская служба Цеезена использовала ислам в антисоветской агитации. Накануне битвы при Эль-Аламейне, когда немецкие танки наступали на Северном Кавказе, диктор заявил: «Мы должны бороться с большевизмом, как мы сражались с евреями и империалистами»^[484]. После отступления вермахта с Кавказа, несколько месяцев спустя, Берлин рассказывал ужасные истории о преследованиях кавказских мусульман в Советском Союзе: «В святых для мусульман местах, в мечетях и религиозных школах, где имамы выполняли свои обязанности, их вешали или расстреливали на глазах учеников и родственников». Более того, истории о репрессиях Сталина против мусульман и уничтожении ислама в Советском Союзе передавались в эфир каждые несколько недель. В конце 1943 года, предупреждая о советском проникновении в Северную Африку и на Ближний Восток, Radio Berlin уверяло слушателей: Сталин понял, что ислам является «мощной преградой» для его планов, поскольку большевистские и исламские принципы «диаметрально противоположны»^[485]. Даже в августе 1944 года ведущие все еще заявляли, что Москва «уничтожает мечети», «сжигает Коран» и «запрещает мусульманам исповедовать свою религию» – «большевизм противоречит исламу»^[486].

Немцев же радиопропаганда описывала – по контрасту – как наиболее надежных защитников мусульманской веры. За «Арабской прокламацией» от 5 декабря 1940 года вскоре последовало более

подробное заявление о дружбе Германии с арабским миром и исламом; в нем подчеркивалась традиция немецких научных исследований Корана и исламской истории, а также пиетет Германии перед мусульманами. «Немецкие ученые проявляют особый интерес к фигуре Пророка и его жизни», – похвалялся диктор^[487]. В радиопередачах также упоминались принципы, якобы объединяющие ислам и нацизм. 22 мая 1943 года в передаче «Ислам и национал-социализм» подчеркивался идеал порядка, который якобы присущ как Корану, так и доктрине национал-социализма – наряду с безусловной «любовью к силе»^[488]. Все более важную роль играли передачи о жизни мусульман под немецкой оккупацией в разных регионах, в частности на Балканах и на оккупированных восточных территориях.

Использование Германией ислама в радиопропаганде для арабского мира выходило за рамки простого противопоставления друзей и врагов ислама. Radio Berlin также передавало обычные программы на тему религии, так называемые еженедельные беседы о религии (*religiöser Wochentalk*). Политика там обсуждалась только между строк или вообще не затрагивалась. В своей служебной записке Герд Рюле объяснял, что такие передачи в первую очередь направлены на то, чтобы заинтересовать мусульман немецким радио. Впрочем, добавлял он, передачи затрагивали религиозную тематику еще и для того, чтобы подчеркнуть необходимость сопротивления владычеству иностранных держав^[489]. «Еженедельные беседы о религии» обычно начинались с призыва к слушателям: «О магометане!» или «О слуги Аллаха!» – эти лозунги повторялись в каждом эфире. Вообще, передачи были призваны давать мусульманам моральные наставления, учить их решать этические вопросы и следовать религиозным ценностям. Они изобиловали ссылками на Коран, жизнь пророка Мухаммада и раннюю исламскую историю и фактически были выстроены в жанре проповеди. Беседы о «благочестии», «правдивости», «правильном обращении со слугами, рабами и животными», «правдивости и силе веры», «паломничестве» наставляли мусульманских слушателей в набожности, призывали вернуться к традициям времен пророка Мухаммада и следовать идее общины правоверных^[490]. Многие из этих дикторских текстов предполагали, что мусульмане стали слабыми, потому что отклонились от истинного пути ислама, и только религиозное возрождение помогло бы им снова стать могущественными. Другим

повторяющимся мотивом было утверждение о том, что враги ислама сознательно держат мусульман необразованными и суеверными. В передаче «Знания и образование» ведущий сокрушался по поводу того, что многие мусульмане недостаточно знакомы со своей верой, и обличал тех, кто сознательно оставляет их необразованными, чтобы лучше подавлять их и управлять ими^[491]. Лишь немногие сценарии этих религиозных передач пережили войну и хранятся сегодня в немецких архивах – в США записей почти не велось. Тем не менее официальные лица в Вашингтоне хорошо знали о них. «Как обычно, одна из передач Radio Berlin на арабском прямо-таки сочилась религиозными песнопениями, отрывками из Корана и сладкими, елейными речами», – так весной 1942 года ехидничал в своем отчете^[492] офицер-разведчик из Управления военной информации США^[493].

Наконец, Берлин по максимуму использовал события религиозного календаря. Передачи, транслируемые по случаю мусульманских праздников, сочетали размышления о торжествах с риторикой войны. Уже в январе 1941 года радиожурналисты поздравили верующих с Курбан-байрамом, не забыв поделиться размышлениями об идеале «жертвенности» в борьбе с врагом, воздать уважение «мужественности и героизму», а также силе религии как оружия против неприятеля: «Воистину, Бог с верующими»^[494]. На следующий исламский Новый год (он приурочен к датам переселения, или хиджры, пророка Мухаммада из Мекки в Медину), арабская служба Radio Berlin не только передала поздравления, но и выразила надежду на ниспровержение колониальных угнетателей, ссылаясь на восьмую суру Корана: «Победа может быть только от Бога» (8:10). Одна из примечательных в этом контексте программ вышла в эфир в связи с празднованием мавлида (дня рождения пророка Мухаммада) в марте 1944 года. В нее был включен рассказ о берлинской мечети. Американский офицер, занимавшийся мониторингом немецкого радио, описал передачу следующим образом:

Диктор сказал, что празднование в этом году отличается от прошлогоднего – на нем лежит печать горя и скорби, поскольку недавно варварскими налетами союзников была уничтожена мечеть. Союзники мало заботятся о неприкосновенности религиозных памятников – они просто

скоты. Мечеть бомбили 13 февраля. Затем диктор анонсировал короткую пьесу, изображающую события того памятного дня. После небольшой паузы мы услышали шейха мечети, зачитывающего аяты Корана низким и спокойным голосом. Фрагменты, которые он читал, представляли собой обращение к Аллаху с просьбой защитить жизнь мусульман и благосостояние ислама. На заднем плане ревели самолеты, время от времени раздавались звуки падающих бомб и взрывов, но на протяжении всего налета шейх продолжал читать Коран тем же спокойным голосом. Затем вновь заговорил диктор, сообщив, что на следующий день после бомбежки шейх мечети стоял на холоде и ветру, однако все равно читал Коран. Снова раздался голос шейха, декламировавшего: «Бог велик, Аллах велик!» и зачитавшего еще несколько аятов спокойным тоном. Затем снова появился диктор и сказал, что голос шейха – это голос истины, рассказывающий исламскому миру о том, что враги ислама не откажутся от своих усилий до тех пор, пока ислам не рухнет. Диктор добавил, что мавлид празднуется на развалинах, но тем не менее мусульмане собрались, чтобы поздравить друг друга, и в эфире были слышны их голоса^[495].

В целом, как и в печатной пропаганде, немецкому радио ислам предоставлял язык, метафоры и призывы, которые использовались пропагандистами в политических интересах. Нацистские агитаторы работали с религиозными понятиями, а также концепциями и ссылками на священные тексты. Антибританская, антибольшевистская и антиеврейская агитация часто сопровождалась цитатами из Корана. Иногда даже нерелигиозные термины трактовались на языке веры: например, понятие «пикирующий бомбардировщик» (*Stuka*, сокращенно от *Sturzkampfflugzeug*) было переведено на арабский как «самолет, который, подобно орлу Пророка, слетает с неба и уничтожает врага на земле»^[496]. Более того, радиопропаганда на литературном арабском постоянно использовала панисламистские темы – в частности, в рассказах об исламе в СССР, Индии и Германии. Одновременно радио продвигало идею глобальной войны ислама, которую тот якобы ведет плечом к плечу со странами Оси.

Программы Radio Berlin на магрибском диалекте арабского (дариже) отличались той же религиозно-политической направленностью, хотя и имели североафриканскую региональную специфику. То же самое относится к арабским программам Radio Athens и Radio Paris-Mondial. Так, парижское радио рассказывало о жизни мусульман в оккупированной Франции. Например, в начале 1943 года там вышла документальная передача, подготовленная главным диктором парижской службы вещания на арабском – Мухаммадом Бузидом, марокканцем из Рифа. Передача повествовала о рабочих-мусульманах на атлантическом побережье, восторгающихся Гитлером^[497].

Хотя власти Германии считали, что программы на арабском языке имеют первостепенное значение для Северной Африки и Ближнего Востока, они также увеличили число передач на турецком, персидском и урду. Интересно, однако, что в передачах на турецком исламские сюжеты использовались крайне редко^[498]. Когда, в самом начале войны, в Берлине попытались задействовать религиозную тематику в пропагандистских передачах, турецкая пресса мгновенно отреагировала на это хлесткой критикой. Турки подчеркивали, что религия никогда не должна применяться в политической пропаганде, а робкие попытки немцев делать это они высмеивали как признак их нечистоплотности; вспомнили даже о неудачных планах Вильгельма II использовать ислам^[499]. Франц фон Папен, посол Германии в Анкаре, предупреждал, что «призыв к религиозным чувствам», если и привлекателен, то лишь для «низших классов»; однако даже низы общества вряд ли воспримут религиозную пропаганду, исходящую из «культурного центра Запада»^[500]. Тем не менее через год немецкие официальные лица задумались о создании пиратской радиостанции, которая ругала бы светскость, секуляризм и подавление ислама в Турции^[501]. Впрочем, Турция, официально светская страна, для немецких экспертов по Востоку оставалась особым случаем – как и в довоенных дискуссиях.

Напротив, персидская служба, укомплектованная такими одиозными пропагандистами, как главный диктор Шах-Бахран Шахрух, оппозиционер Незамеддин Ахави и Давуд Моншизаде (после войны последний создаст в Иране Национал-социалистическую рабочую партию), все больше и больше использовала религиозную риторику.

После оккупации Ирана летом 1941 года немецкая пропаганда постоянно обвиняла союзников в осквернении культовых зданий и оскорблении чувств верующих. Среди стандартных пропагандистских лозунгов можно упомянуть обвинение «англо-советских войск» в том, что они «надругались над мечетями в Иране»^[502]. Когда летом 1942 года немцы шли по южным районам Советского Союза, приближаясь к иранской границе, пропагандисты получили новые инструкции. В дополнение к обычным лозунгам они должны были осуждать британскую и советскую «политику угнетения» в «других магометанских странах»^[503]. Radio Berlin обвиняло Вашингтон в организации «миссионерской деятельности» в Иране, Лондон – в том, что он вмешивается не только в «политические», но и в «религиозные» вопросы, а Москву – в общей «враждебности по отношению к религии»^[504].

Особенно популярным источником вдохновения для немецкой пропаганды на фарси выступали мессианские настроения шиитов. Еще в феврале 1941 года Эрвин Эттель, тогда занимавший пост посланника в Тегеране, сделал конкретные предложения в этом отношении. Из иранской столицы он сообщил, что многочисленные шиитские «духовные лица» говорят с народом «о древних пророчествах и снах, толкуя их в том смысле, что двенадцатый имам^[505] был послан в мир Аллахом в облике Адольфа Гитлера»^[506]. Эттель предложил поддержать эти тенденции и сделать упор на «борьбу Мухаммада против евреев в прошлом, а фюрера – в наше время. Уравнивание англичан с евреями позволило бы вести среди иранских шиитов чрезвычайно эффективную антианглийскую пропаганду». Эттель предложил использовать знаменитый аят Корана (5:82/85, см. выше) наряду с цитатой из «Майн кампф» («Поэтому сегодня я верю, что действую в соответствии с волей Всемогущего Творца: защищая себя от евреев, я борюсь за дело Господне»), чтобы доказать, что мусульмане и нацисты преследуют «одни и те же цели в борьбе». Ответственный за пропаганду сотрудник посольства Германии в Тегеране собрал материалы по этому вопросу. Немецкие пропагандисты должны были затрагивать мессианские сюжеты в своих радиопередачах, а в случае позитивной реакции развивать их в печатных материалах. Тем не менее Эттель призывал к осторожности, поскольку «грубая пропаганда может оскорбить чувства верующих». Местные каналы казались наиболее

подходящими для распространения пропагандистских сообщений. Эттель особенно подчеркивал политическую роль духовенства в Иране, обращая внимание на наличие у него эффективной информационно-пропагандистской сети с центрами в Мешхеде и Куме, которую немецким пропагандистам следовало использовать^[507]. Коллеги Эттеля вполне разделяли его взгляды. Оценивая немецкую пропаганду в Иране, Ганс Александр Винклер, работавший атташе по культуре в немецком посольстве в Тегеране до вторжения союзников, в начале 1942 года писал, что наиболее перспективными темами пропаганды в этой стране должны выступать религиозные верования и чаяния персов, в частности ожидавшееся ими возвращение двенадцатого имама^[508]. Винклер утверждал, что среди сельского населения и городской интеллигенции приход к власти Адольфа Гитлера нередко связывают с возвращением Махди. Даже само шиитское духовенство, по словам дипломата, культивировало подобные идеи. Учитывая «склонность простого иранца к религиозному фанатизму», Винклер видел в таких убеждениях «мощную силу», которую могла бы использовать немецкая пропаганда – в идеале привязывая сюда и антисемитизм. Немецкая пропаганда действительно представляла Гитлера как спасителя, посланного Богом^[509]. Вскоре даже новый шах Ирана Мохаммед Реза Пехлеви публично выразил обеспокоенность по поводу радиопередач Оси, изображающих немецкого диктатора как религиозную фигуру и защитника ислама^[510].

Особой деликатности требовала пропаганда, нацеленная на мусульман Британской Индии – области, также входившей в сферу ответственности «Восточного отдела» радио. Цеезен готовил три ежедневные программы для Индии, в том числе *Azad Muslim* («Свободные мусульмане») на языке урду. Тем не менее в 1943 году немцы вещали на Индию только пятнадцать минут в день. Вместо обращения к отдельным религиозным группам индийская служба обычно обвиняла Англию в разжигании религиозной ненависти^[511]. Поскольку Субхас Чандра Бос, главный индийский союзник Гитлера, официально проводил политику единства между индусами и мусульманами, Radio Berlin не могло проповедовать индийцам джихад. Однако по ходу войны даже в случае Индии немецкая пропаганда все чаще взывала к исламу. Одним из наиболее заметных примеров стало выступление муфтия, переведенное на урду и выданное в эфир в

воскресенье, 23 августа 1942 года. Аль-Хусейни обращался к мусульманам, осуждал враждебность Лондона к исламу во всем мире и призывал сопротивляться британскому владычеству^[512]. Лондон быстро отреагировал на это в своем арабском вещании, заверив слушателей в верности индийских мусульман делу союзников^[513]. Спустя месяц индийская служба итальянского радио передала в эфир обращение легендарного вождя пуштунов Мирзы Али-хана (известного как «факир из Ипи»), поднявшего мощное восстание против британцев в Вазиристане в 1936–1939 годах. Мирза Али-хан поддержал выступление аль-Хусейни и объявил, что враги Оси – это враги ислама и Индии^[514]. Однако на самом деле текст прокламации Мирзы Али-хана был написан не в горах северного Вазиристана, а в кабинетах итальянской пропагандистской службы в Риме^[515].

Немцы, впрочем, действительно поддерживали связь с Мирзой Али-ханом и его последователями на Северо-Западной границе, которая с XIX века оставалась для Британской Индии очагом напряженности^[516]. В 1920–1940-е годы Али-хан стал самым известным руководителем бунтующих племен; как и многие его предшественники, он был не просто политическим лидером, но и религиозным деятелем, призывавшим к джихаду против империалистов. Чтобы усмирять повстанцев и предотвращать нападения на свои военные и гражданские объекты, британцы держали в регионе крупный контингент индийской армии. Немцы внимательно изучали ситуацию на северо-западной границе. В докладе на пятьдесят две страницы, написанном в 1941 году, подчеркивалось стратегическое значение не только суннитского большинства, «неистовых врагов англичан», но и их «религиозного фанатизма»^[517]. Примерно в это же время Берлин совместно с Римом начал оказывать систематическую поддержку Мирзе Али-хану, снабжая его деньгами, оружием и боеприпасами^[518]. Немецкие документы свидетельствуют, что поставки были организованы с помощью миссии рейха в Кабуле. Руководил ею опытный дипломат Ганс Пильгер, широко привлекавший местных связных. Донесения британской разведки показывают, с каким опасением в Лондоне относились к этим контактам^[519]. Судя по документам власти Афганистана пытались задерживать немецкие грузы, пересекающие линию Дюранда (границу между Афганистаном и Пакистаном)^[520]. По ходу войны англичане все жестче блокировали

поставки, пока в 1942 году их поток вообще не иссяк. Осенью 1942 года Али-хан обратился к аль-Хусейни и аль-Гайлани с письмом, где обещал и дальше бороться с англичанами, несмотря на дефицит оружия и боеприпасов^[521] – письмо передал в Кабул один из его эмиссаров. Для немецкой публики он был «героем-освободителем Вазиристана»^[522].

За исключением повстанцев с северо-западной границы, большинство мусульманского населения Индии сохраняло спокойствие. Всеиндийская мусульманская лига, которая в годы войны превратилась в самую массовую исламскую организацию, оказалась лояльной Великобритании. Ее руководитель Мухаммед Али Джинна умело пользовался ситуацией, убеждая метрополию согласиться на раздел Индии, но всегда оставался верен британцам^[523]. В различных индийских провинциях лидеры мусульман призывали к войне против стран Оси^[524]. Впрочем, спектр мнений индийских мусульман не ограничивался Лигой. Некоторые деятели демонстрировали откровенную враждебность к англичанам – как, например, часть членов «Джамийат аль-улама», организации ведущих индийских улемов. Возглавлял ее Кифайатулла Дихлави, неофициальный муфтий Индии, открыто высказывающийся против британского империализма и неоднократно попадавший под арест. Немцы даже подумывали выйти на личный контакт с ним^[525].

Реакция мусульман на заигрывания немцев с исламом

Эффективность германской радиопропаганды и уровень ее восприятия населением трудно оценить. В большинстве районов Северной Африки и Ближнего Востока не существовало отлаженных механизмов мониторинга общественного мнения. Отчеты спецслужб тоже не давали четкой картины. Власти стран антигитлеровской коалиции были склонны полагать, что население поддерживает их, а чиновники стран Оси придерживались противоположной точки зрения: и те и другие зависели от информации доверенных лиц, а также от их личной заинтересованности в демонстрации успехов своей пропаганды. Тексты же мусульманских авторов обычно отражали настроения узких сегментов общества.

Разумеется, пропаганда немцев сталкивалась со множеством трудностей. Во-первых, это были проблемы технического характера. Печатной пропаганде мешала неграмотность; однако и прослушивание радиопередач ограничивалось рядом факторов. Лишь немногие в Северной Африке и на Ближнем Востоке владели приемниками. Согласно исследованию, проведенному в 1941 году Управлением военной информации США, наибольшее количество коротковолновых приемников – 55 тысяч – фиксировалось в Египте, в то время как в Саудовской Аравии было зарегистрировано всего 26 штук^[526]. Многие из них, если не большинство, принадлежали европейцам. В Киренаике, одной из важнейших прифронтовых территорий, у мусульманского населения, по данным Нейрата, вообще не было приемников^[527]. Впрочем, радиотрансляции были доступны в общественных местах – в лавках, на площадях и в кофейнях, где собирался народ. Немцы отлично понимали важность репродукторов, расположенных в публичном пространстве: еще во время своего пребывания в Багдаде Фриц Гробба пытался подкупать владельцев кофейен, чтобы те настраивали свои приемники на волну немецкого радио^[528]. Тем не менее радиопропаганда в арабском мире не могла обрести такую же большую аудиторию, как в Европе. Даже те немногие, у кого имелся регулярный доступ к радио, часто сталкивались с технологическими проблемами – прежде всего, с перебоями в энергоснабжении и недостаточно широким диапазоном приема. Кроме того, союзники, управлявшие большей частью региона, ввели строгую цензуру, особенно в общественных местах, и старались глушить немецкие передачи.

В содержательном плане нацистская пропаганда также столкнулась с серьезными затруднениями. Во-первых, агрессивный тон, вульгарный язык и пронизанная насилием тематика программ были рассчитаны главным образом на необразованные слои населения. Воздействие подобных передач на образованные элиты (а именно им принадлежало большинство приемников) и даже на публику в кофейнях, по всей видимости, было куда слабее. Размышляя о «грубом языке немецких программ», Майлс Лэмпсон (позже лорд Киллэрн), посол Великобритании в Египте, отмечал: «Возможно, такой язык и нравится более примитивным слушателям, однако следует надеяться на то, что он не достигает своей цели среди более утонченных жителей Востока,

которые весьма ценят приличия»^[529]. Один египетский дипломат рассказывал своему английскому коллеге, что ужасные истории о поведении британских войск в мусульманских странах – «рассказы о пьяных оргиях, изнасилованиях, убийствах» – часто звучали настолько вызывающе, что его жена требовала выключить радио, потому что ей становилось дурно^[530]. Берлинский эфир «дает именно то, что нужно экстремистам для обработки фанатиков [среди населения]», но «в умеренных слоях общества его высмеивают», – сообщал британский представитель в Сирии^[531]. А его коллега в одной из стран Персидского залива отмечал, что местных мусульман «забавляет способность Юниса Бахри мгновенно взвинчивать себя»^[532]. Во-вторых, немецкая пропаганда, как в печати, так и на радио, избегала щекотливого вопроса независимости от колониального владычества. Уважая имперские интересы Италии, вишистской Франции и франкистской Испании в Северной Африке и на Ближнем Востоке, берлинские власти вынуждены были признать, что эти союзы негативно сказываются на их поддержке в мусульманской среде. В-третьих, откровенная эксплуатация религиозной тематики – суровое благочестие, продвигаемое немецкой пропагандой, – оскорбляло многих верующих^[533]. В-четвертых, немецкая пропаганда столкнулась с проблемами достоверности и, следовательно, доверия, поскольку даже самые наивные слушатели знали, что она служит определенным политическим интересам. Наконец – и это, возможно, самое главное, – немцы не обладали гегемонией в обработке общественного мнения. Политически преобладая в регионе, союзники организовали широкую кампанию по борьбе с немецкой пропагандой, о чем будет сказано ниже.

В целом немецкой пропаганде не удалось поднять население против союзников в Северной Африке и на Ближнем Востоке. Более того, солдаты-мусульмане, служившие в войсках антигитлеровской коалиции, дезертировали в очень малых количествах^[534]. Даже те, кто всерьез воспринял призывы Берлина к джихаду, едва ли были готовы поднять бунт или даже провести диверсию без поставок оружия и конкретной помощи от немцев. Исследования на тему восприятия нацизма в разных регионах Северной Африки и Ближнего Востока свидетельствуют о том, что его воздействие не следует переоценивать^[535]. Конечно, в публичной сфере высказывались самые

разные мнения – от восхищения и симпатии к нацизму до озабоченности и презрения; это отражало разнообразие местных сообществ. Однако каких бы взглядов ни придерживались люди, подавляющее большинство никак не реагировало на призывы Берлина к религиозному насилию и бунтам. Удивительным кажется и то, что исламские лозунги немецкой пропаганды не получили большого резонанса даже в религиозных кругах и среди ведущих улемов.

По некоторым данным, среди слушателей Radio Berlin в Иране был молодой мулла Рухолла Мусави, живший в священном для шиитов городе Кум^[536]. Каждый вечер Мусави, у которого был радиоприемник британского производства, принимал у себя дома многочисленных мулл и семинаристов, желавших послушать передачи персидской службы Цеезена. Но сам мулла Мусави, который позже стал известен во всем мире как аятолла Хомейни, кажется, не был поклонником немецких программ. В 1942 году он опубликовал трактат *Кашф аль-асрар* («Раскрытие тайн») – фактически свой первый политический манифест. Там он не только выступал против антирелигиозных действий шахского государства, призывая устроить власть по принципам ислама, но и яростно обвинял более репрессивные режимы: в частности, Мусави осудил «гитлеровскую идеологию» (*марам-и гитлери*) как «самый ядовитый и отвратительный продукт человеческого разума»^[537]. Правда, другие шиитские богословы, особенно молодые, были настроены более прогермански. Наибольшей известностью среди них пользовался ярый противник западного империализма аятолла Аболь-Касем Кашани, отец которого, аятолла Мостафа Кашани, погиб в бою с британскими войсками на юге Ирака в джихаде времен Первой мировой войны. В 1943 году Кашани-младший был арестован британцами по обвинению в сотрудничестве с нацистами^[538]. Однако в целом консервативно настроенные иранские улемы держались в стороне от политики и не выходили за пределы богословских учебных заведений^[539]. Известные священнослужители, такие как аятолла Сейид Хосейн Боружерди, который вскоре после войны стал единственным *марджа-ат таклидом* – главным духовным авторитетом в шиитском исламе, – проповедовали политический квиетизм^[540]. За пределами Ирана шиитские богословы также в основном проявляли осмотрительность. Улемы Наджафа и Кербелы, в отличие от времен Первой мировой войны, не поддержали Германию^[541]. В начале 1940

года Амин аль-Хусейни, тогда еще находившийся в Багдаде, попытался убедить некоторых шиитских лидеров южного Ирака поддержать его джихад. Он обратился к уважаемым муджтахидам Абдулькариму аль-Джазаири и Мухаммеду Кашифу аль-Гите, которые сыграли важную роль в иракской политике в межвоенные годы^[542]. В то время как аль-Джазаири встретил палестинского муфтия прохладно, Кашиф аль-Гита воспринял его предложения более позитивно, издав фетву с призывом к священной войне против Британской империи (о чем Юнус Бахри объявил 13 февраля 1940 года на волнах Radio Berlin). Особых последствий, впрочем, это не имело^[543]. За годы войны не разразилось ни одного крупного восстания шиитов. Нацисты могли похвастаться в лучшем случае граффити: в начале 1942 года немецкий дипломат докладывал, что в Бейруте и Дамаске на стенах домов появились лозунги «Гитлер – преемник Али», и сделали их шииты (или, возможно, агенты рейха)^[544].

В Машрике (восток Средиземноморья) немецкая пропаганда вызывала смешанные чувства. На окраинах арабского мира, в районе Персидского залива, Мухаммед аль-Касими, будущий эмир Шарджи (ОАЭ), так вспоминал пропагандистскую войну в своих мемуарах: «Новости немецкого радио, которые зачитывал острый на язык иракский диктор Юнус Бахри, приводили в ярость сторонников союзников, а новости ближневосточной службы BBC, озвученные сирийским диктором Муниром Шаммой, выводили из себя сторонников держав Оси. Из окон, выходящих на площадь перед фортом, мы, дети, наблюдали за драками между двумя лагерями»^[545]. По словам аль-Касими, пропаганда военного времени разделила радиослушателей: «Половина поддерживала союзников, а другая половина – державы Оси». Такое разнообразие мнений наблюдалось во многих местах. Однако выдающиеся улемы и религиозные авторитеты в большинстве случаев хранили молчание – за несколькими примечательными исключениями. Например, после вторжения союзников в вишистский Левант в 1941 году влиятельный муфтий Ливана Шейх Мухаммед Тауфик Халид открыто встал на сторону союзников^[546].

В Египте, ближе к североафриканскому фронту, отношение населения к нацистской пропаганде также было неоднозначным. Анвар Садат, в то время молодой офицер, позже рассказывал о прогерманских симпатиях жителей военного Каира. «Египтяне в целом были

настроены против британцев и, естественно, симпатизировали их врагам <...> Они устраивали демонстрации на улицах, скандируя лозунги вроде „Роммель, вперед!“, так как в поражении британцев они видели единственный способ выгнать англичан из страны»^[547]. Садат входил в состав подпольной революционной группы молодых офицеров, которая готовила вооруженное восстание во время войны и даже сотрудничала с немецкими агентами. Из-за этих контактов в 1942 году Сада-та арестовали. Однако британские отчеты дают более нюансированную оценку настроений населения, указывая на то, что политические взгляды людей не были статичными, но постоянно менялись в течение военных лет. Первое наступление Роммеля в Киренаике весной 1941 года «основательно напугало египетскую общественность», телеграфировал из Каира Майлс Лэмпсон^[548]. Даже немецкие пропагандисты знали об отсутствии в то время прогерманских чувств в стране^[549]. Однако во время второго наступления Роммеля, совпавшего с англо-египетским правительственным кризисом 4 февраля 1942 года и мощными антибританскими студенческими протестами, ситуация стала иной. Демонстрации на улицах Каира часто сопровождались скандированием прогерманских лозунгов^[550]. По словам Лэмпсона, египтяне в те дни кричали «Да здравствует Роммель», а сами немцы с радостью сообщали из Каира, что слышали крики «Хайль Роммель!»^[551]. Однако, когда Роммель летом 1942 года, развив успешное наступление, фактически пересек египетскую границу и реально угрожал захватом страны, настроения людей опять изменились. Лэмпсон теперь фиксировал «отсутствие враждебности [к британцам] среди египетского населения»^[552]. «Некоторые элементы, которые из ненависти к Британии восторгались немцами на расстоянии, теперь, похоже, серьезно встревожены приближением немецкой угрозы», – телеграфировал он в Уайт-холл^[553]. Когда наступление Роммеля было остановлено, он повторно подчеркнул: «Стремительное продвижение войск Оси на восток <...> основательно напугало Египет», хотя «настроение египтян, особенно мусульман» все же оставалось «на редкость спокойным»^[554]. В разгар битвы при Эль-Аламейне он резюмировал: «Появление врага у ворот Египта вызвало общее осознание того, какой неприятной будет оккупация странами Оси – это поняли даже элементы, до сих пор скандально известные своими

антибританскими настроениями. В результате маятник общественных симпатий качнулся в нашу сторону»^[555]. Наступление, последовавшее сразу за победой Монтгомери также, по словам Лэмпсона, приветствовалось большинством египтян: «Наша оккупация Триполи вызвала всеобщее восхищение – Египет теперь был избавлен от угрозы вторжения», – телеграфировал посол в начале 1943 года^[556].

Призыв Германии к джихаду почти не нашел отклика среди религиозных групп и организаций Египта. Исламский истеблишмент воздерживался от политических заявлений. Шейх Абдулмаджид Салим, влиятельный муфтий Египта в годы войны, был одним из главных сторонников политического нейтралитета страны^[557]. Его еще более влиятельный соперник Мухаммед Мустафа аль-Мараги, реформистски настроенный ректор аль-Азхара (цитадели традиционалистских улемов), следовал аналогичной политической линии. Аль-Мараги учился у Мухаммеда Абдо, затем стал главным кадием (судьей) Судана и председателем Верховного шариатского суда в Каире, и мог похвастаться тесными связями с королевским двором^[558]. В британском докладе 1941 года его называли «выдающейся фигурой среди египетских священнослужителей»^[559]. Хотя аль-Мараги настойчиво выступал за нейтралитет исламского мира в войне, это не мешало ему быть верным партнером Британской империи. Газета «Дейли телеграф» даже называла его одним из самых доверенных союзников короны: «Было бы неверным, как могут предположить неосведомленные в этом вопросе люди, считать, что антибританские настроения процветают больше всего в консервативных исламских кругах», – объясняла газета, называя аль-Мараги «одной из самых ясных голов и сильных характеров в Египте, остающихся заодно с Британской империей по большинству вопросов»^[560]. Что же касается политической деятельности студентов аль-Азхара – многие из них были более радикальными и прогерманскими в своих взглядах, чем их ректор, – то она находилась под пристальным надзором властей.

Тем не менее, хотя традиционные улемы сохраняли спокойствие, популярные движения исламского возрождения, например «Братья-мусульмане» с их пылкой ненавистью к британскому империализму, оказались более восприимчивыми к предложениям врагов их врага^[561]. В 1930-х годах немецкая дипмиссия в Каире даже оказывала им финансовую помощь^[562]. Во время войны некоторые фракции

«Братьев-мусульман», ставших крупнейшей исламской организацией Египта, выражали определенную симпатию нацистам. По данным египетской полиции, некоторые «братья» раздавали подрывные листовки, когда войска Роммеля прорывались к Каиру^[563]. «Ихваны, конечно, были полны энтузиазма по поводу продвижения врага к Эль-Аламейну, звучали прогерманские речи», – сообщалось в отчете британской разведки^[564]. Власти встревожились, взяв организацию под жесткий контроль. Ее газеты были временно запрещены, ряд филиалов закрыт, собрания проходили под надзором, а несколько ведущих «братьев» в провинциях подверглись аресту. Дом Хасана аль-Банна обыскала служба безопасности, интересовавшаяся революционными брошюрами, а сам учитель и его правая рука Ахмад ас-Суккари были ненадолго взяты под стражу. В конце концов аль-Банна открыто заявил о своей верности властям^[565]. Однако британцы всё равно опасались исламских беспорядков и сохраняли бдительность. Даже в 1944 году, после окончательного разгрома немцев в Северной Африке, в докладе разведки «Братья-мусульмане» характеризовались как «потенциальная опасность, которую нельзя сбрасывать со счетов»^[566].

В Магрибе призывы немцев поднимать восстания под знаменем веры также воспринимались неоднозначно. На главном фронте кампании, в пустынях Киренаики, Константин фон Нейрат наблюдал среди мусульман самое разнообразное отношение к нацистам, от дружелюбия до откровенной враждебности^[567]. Но, натерпевшись от жестокого ига итальянцев, большинство мусульман в этом регионе все-таки было настроено против Муссолини и его немецких союзников^[568]. Религиозные движения часто шли в авангарде антиколониальной борьбы – первым из них был орден сенуситов, самая мощная религиозная и политическая сила в регионе. Во время Первой мировой войны сенуситы сражались на стороне немцев, но теперь перешли на другую сторону. Лидер ордена, Мухаммед Идрис ас-Сенуси, сменивший своего старшего родственника Ахмада аш-Шарифа ас-Сенуси после поражения в Первой мировой войне, теперь из египетского изгнания призывал своих последователей с оружием в руках помогать союзникам^[569]. Сенуситы даже сражались вместе с британской армией против войск Оси, чтобы гарантировать себе создание сенуситского эмирата после завершения войны. Как только союзники изгнали солдат Роммеля и свергли итальянскую

администрацию, во многих районах Киренаики возродилась сеть сенуситских завий (суфийских обителей), на основе которых образовались новые религиозные и административные центры. В освобожденной Триполитании религиозные авторитеты также быстро встали на сторону союзников. В начале 1943 года муфтий Триполи выступил с публичным заявлением, восхвалявшим Черчилля и Великобританию^[570]. В североафриканской фронтовой зоне мало кто воспринял немцев в роли освободителей ислама.

Призывы Берлина к религиозному насилию в отношении евреев также вызвали неоднозначную реакцию среди мусульман Северной Африки и Ближнего Востока. Безусловно, в годы войны антиссионистские и даже антиеврейские сентименты были на подъеме, а немецкая пропаганда всячески их раздувала. Однако на местном уровне отношения между еврейскими и мусульманскими общинами оставались в зависимости от конкретных социальных и политических условий достаточно сложными и не поддавались однозначным обобщениям. Так или иначе, во время войны не произошло почти никаких крупных антиеврейских бунтов. Самым значительным можно назвать погром в Ираке, так называемый *фархуд*, когда после неудачного прогерманского переворота аль-Гайлани в 1941 году толпа мусульман обрушила свой гнев на еврейские дома и магазины, убив 179 человек^[571].

У немецких войск в прифронтовых районах Северной Африки не было времени для систематического истребления еврейского населения. Однако власти Италии и вишистской Франции принимали разного рода меры, направленные против евреев^[572]. Реакция мусульманского населения на эти акции была разнообразной: от сотрудничества и стремления извлечь выгоду до безразличия или иногда даже сочувствия. Были и случаи солидарности мусульман со своими соседями-евреями. Озабоченный антисемитскими законами правительства Виши султан Марокко Мухаммед V открыто помогал своим еврейским подданным^[573]. Он также отказался считать перешедших в ислам евреев (хотя таких было немного) евреями, отрицая расовое (нерелигиозное) определение еврейскости. В Алжире часть исламской элиты также открыто выразила солидарность с еврейским населением^[574]. Известный богослов шейх Тайиб аль-Укби даже выпустил ряд документов, запрещающих нападать на евреев.

Тунисские беи тоже проявили определенную солидарность со своим еврейским меньшинством^[575]. В Ливии мусульмане не нападали на своих соседей-евреев во время войны^[576]. В Египте мусульманское население также воздерживалось от участия в каких-либо крупных актах насилия до 1945 года, несмотря на то что в годы войны усилилась антисюнистская агитация, нередко полная откровенной антисемитской риторики^[577].

В целом сложно сделать окончательные выводы о результативности немецкой религиозной пропаганды в регионе. Но приведенные здесь факты указывают на то, что она оказалась намного менее успешной, чем надеялись в Берлине. Будущим исследователям предстоит найти остальные кусочки этой мозаики, внимательно рассматривая ситуацию на местах.

Следует также отметить, что мусульмане Северной Африки, Ближнего Востока и других исламских регионов массово сражались в армиях союзников. Многие тысячи мусульман воевали под командованием британцев^[578] – более того, они составляли самую большую религиозную группу британской индийской армии, которая выросла до более чем 2 миллионов человек и стала самой массовой добровольческой армией Второй мировой войны. По всему исламскому миру мусульмане служили империи. В Палестине около 9000 мусульман были набраны в подразделения британской армии – с помощью главного соперника аль-Хусейни Фахри аль-Нашашиби. Мусульмане также верно служили британским командирам в легендарном Арабском легионе Трансиордании, который использовали в разных частях Ближнего Востока. В Северной Африке из ливийских сенуситов сформировали Сенуситские арабские вооруженные силы (позже они стали называться Ливийские арабские вооруженные силы). В то же время тысячи мусульман сражались в рядах Свободных французских сил. Только во французской Северной Африке не менее 233 000 человек пошли добровольцами на борьбу с нацистской Германией – 134 000 алжирцев, 73 000 марокканцев и 26 000 тунисцев. В итоге они приняли участие в освобождении Европы от нацизма^[579]

Несмотря на эти факты, союзники очень серьезно относились к немецкой пропаганде. «Учитывая позицию Египта в магометанском мире, невозможно сказать, насколько масштабными могут стать последствия любых беспорядков, начинающихся в долине Нила»,–

предупреждал журнал *Foreign Affairs* в июле 1941 года^[580]. Пропагандисты Британии, США и «Свободной Франции» пытались ответить на действия немцев своими исламскими программами, вступив с нацистами в пропагандистскую войну по поводу того, каким должно быть политическое значение ислама в глобальном конфликте.

Реакция союзников на заигрывание немцев с исламом

Вскоре после высадки войск Роммеля в Северной Африке газета *Frankfurter Zeitung* сокрушалась, что Лондон прилагает «огромные усилия», чтобы настроить исламский мир против нацистской Германии. Газета обвиняла «британскую пропаганду» в использовании Корана для доказательства «идеологической близости между исламом и демократией»^[581]. Действительно, в Уайтхолле еще накануне войны начались дискуссии о политической и пропагандистской роли ислама^[582]. Используя те же методы, что и немцы, британские пропагандисты широко привлекали авторитет ислама для продвижения своей политической повестки.

Лондон управлял некоторыми из самых мощных радиостанций региона (или как минимум контролировал их), противодействуя нацистским «выбросам ненависти»^[583]. Арабская служба BBC, коротковолновая станция которой находилась в Дэвентри, быстро отреагировала на чтение Корана и отсылки к нему, звучавшие на Radio Berlin. Стюарт Пероун (чиновник, ответственный за арабские программы) писал накануне войны: «В тот вечер, когда начались передачи из Берлина, я, прослушав первую программу, немедленно предпринял меры, направленные на увеличение количества имеющихся у нас записей Корана»^[584]. Опираясь на возможности своей глобальной империи, британские чиновники могли позволить себе нанять лучших чтецов – кари – в мире. Особенно часто они обращались за помощью к знаменитым кари Государственного радио Египта, вещание которого контролировал Лондон^[585]. По ходу войны масштабы рецитации Корана расширялись, и со временем их стали передавать в начале каждого выпуска новостей на арабском. Ислам также часто фигурировал и в самой программе новостей.

Одновременно британские пропагандисты засыпали Северную Африку печатной продукцией, тоже соединявшей ислам и политику^[586]. Нападки на немецкий режим регулярно включали обвинение в атеизме. Брошюра 1941 года предупреждала мусульман о «безбожных» немцах, которые стремятся «уничтожить религию в

мире», поскольку она есть «единственный оплот, противостоящий их тирании»^[587]. «По приказу Гитлера, – сообщала брошюра, – германские самолеты будут теперь бомбить мечети, завии, гробницы и другие святыни». В брошюре также содержались отсылки к Корану, а именно аяту 114 (108) второй суры – повествующему о том, как Аллах накажет тех, кто стремится уничтожить священные места ислама. В других материалах немецких пропагандистов обвиняли в корыстной эксплуатации религии. Одна из распространяемых в 1941 году листовок клеймила Берлин за «осквернение мусульманской веры» и «обман» правоверных^[588]. Цитируя отрывки из хадиса^[589] на тему правды, автор текста изобличал лживые измышления, распространяемые нацистской пропагандой. В другой листовке цитаты из Корана, осуждающие супружескую измену, были напечатаны рядом с официальными рекомендациями властей Германии, желавших восполнить убыль населения, зачинать и рожать детей при любой возможности^[590]. «Такого рода пропаганда всегда хорошо работает в местах, где магометанская религия принимается всерьез», – так прокомментировал текст листовки лондонский чиновник^[591]. В большинстве печатных материалов Гитлеру давали кличку «ханзир» (свинья), имеющую очевидный религиозный подтекст.

Кроме того, Лондон выпускал брошюры и листовки, представляющие Великобританию в качестве защитника ислама и религии в целом. В листовке, распространенной в 1941 году, утверждалось, что Великобритания возьмет верх потому, что «англичане верят в Бога и Божьи заповеди» и «не могут быть побеждены таким врагом, как Гитлер, который не верит в Бога и не ведает никакой религии»^[592]. Год спустя британцы доставили на североафриканский фронт брошюру с изображением хамсы, под которым была помещена арабская буква «нун» как символ победы, а рядом надпись: «Победа Британии неизбежна»^[593]. Лондонские пропагандисты, как и их немецкие коллеги, также использовали религиозный календарь, выбирая конкретные исламские праздники для подготовки брошюр, в которых поздравления «приправлялись» политической агитацией. Важнейшим событием исламского календаря для британской пропаганды было ежегодное паломничество в Мекку. В годы войны Лондон всячески содействовал паломникам и по максимуму использовал свою помощь в пропагандистских целях^[594]. В

конце 1941 года, когда хадж заканчивался, союзники распространяли открытки, в которых восхвалялись усилия Великобритании, позволявшие мусульманам империи безопасно добираться до Хиджаза и защититься от агрессии Гитлера^[595]. В следующем сезоне правоверных уверяли, что даже в военное время империя готова предоставить паломникам корабли и защитить их на пути в Аравию^[596]. Зримо представляя связи Британии с исламом, создатели брошюры разместили в ней красочные фотографии Вокингской мечети под Лондоном, ковер с нарисованной на нем Каабой и судно с паломниками. В том же году лояльным лидерам исламского мира подарили роскошно изданную брошюру на тему хаджа, украшенную глянцевыми иллюстрациями и аятами Корана^[597].

Помимо этих брошюр, Лондон издавал несколько военных журналов на арабском языке, в том числе *Ахбар аль-усбуа* («Новости недели»), *Ахбар аль-харб* («Новости войны») и *аль-Мустами аль-араби* («Арабский слушатель»), где обсуждались проблемы ислама. В первом номере «Новостей недели», вышедшем 1 мая 1942 года, заявлялось, что вскоре мусульмане объявят джихад против диктатур Оси и их союзников^[598]. «Арабский слушатель» публиковал статьи по таким темам, как расхождения между национал-социализмом и исламом или приписываемое нацистам угнетение мусульман в оккупированной Польше^[599].

Сподвижников Берлина из числа мусульман британская пропаганда обычно игнорировала, особенно Амина аль-Хусейни. Гарольд Макмайкл, верховный комиссар Палестины, с самого начала советовал воздерживаться от прямых нападок на муфтия. «Единственная разумная стратегия – избегать упоминания Хадж-Амина», – советовал Макмайкл, поскольку «наши нападки только улучшат его репутацию»^[600]. Британские власти в подмандатной Палестине лишили аль-Хусейни всех его светских званий и должностей, но оставили за ним титул великого муфтия – чтобы не создать впечатления, будто Англия вмешивается в религиозные дела мусульман^[601].

Для противостояния немецкой пропаганде Лондон использовал своих собственных религиозных деятелей. Наиболее важную роль на североафриканском фронте играли руководители ордена сенусия, прежде всего сам Мухаммед Идрис ас-Сенуси, хотя и не только он. 19

декабря 1942 года британская армия даже организовала грандиозное празднование Курбан-байрама в портовом городе Бенгази, чтобы отметить это событие вместе с воинами ордена^[602]. На торжестве присутствовал командир сенуситов Рида аль-Махди ас-Сенуси. В Каире и Александрии британцы создали добровольческую пропагандистскую группу из религиозных лидеров – все они окончили аль-Азхар^[603]. По всей империи британские власти призывали исламское духовенство включиться в агитацию за то, чтобы правоверные помогли союзникам в ведении войны.

Наконец, Вашингтон также уделял внимание пропаганде среди мусульман. Когда англо-американские войска высадились в Алжире и Марокко и начали операцию «Факел», агенты Управления стратегических служб (УСС) разбрасывали на местности религиозные брошюры, обращавшиеся к населению на арабском языке: «Хвала единственному Богу! Во имя Бога, Всемилостивого, Милосердного, о Мусульмане! Американские Святые Воины прибыли, чтобы вести великий Джихад Свободы!»^[604]. Брошюра была написана двумя секретными агентами США, Карлтоном Куном и Гордоном Х. Брауном, сотрудниками Управления стратегических служб, работавшими в Атласских горах Марокко. Текст готовился по просьбе начальника УСС генерал-майора Уильяма Дж. Донована. По словам Куна, они показали английский вариант этого обращения местному арабу, который начал читать его вслух, на манер праведника, читающего Коран. Пораженные лиризмом, отличавшим эту декламацию, американцы решили использовать не свою версию текста, а ту, которая основывалась на исполнении араба. Он был подписан «Рузвельт». Пропагандистское радиовещание США также использовало религию. Во время Рамадана 1943 года «Голос Америки» на арабском языке транслировал речь мусульманского богослова из Соединенных Штатов, который рассказал, что в Детройте работают несколько мечетей, еще одна есть в Бруклине и одна в Чикаго^[605]. Месяц спустя в отчете Управления военной информации отмечалось: «Сейчас у нас запущены религиозные программы, приуроченные к основным мусульманским праздникам»^[606]. В документе также говорилось: «Мы считаем, что чтение Корана каждую пятницу – это, вероятно, слишком часто», поскольку «немцы настолько злоупотребляют рецитацией Корана, что это стало отличительным признаком пропаганды стран Оси». Однако к

1944 году и Вашингтон транслировал чтения Корана несколько раз в день^[607].

Наряду с религией пропагандисты союзников старались подчеркивать расистскую идеологию нацистской Германии, ее веру в неполноценность других народов, особенно за пределами Европы, и ее представление об арабах как о «сеμίтах»^[608]. Французы, в частности, начали использовать этот подход достаточно рано. Власти Франции, следившие за действиями Германии в мусульманском мире с самого начала войны, организовывали различные контрмеры^[609]. Накануне войны они распространяли в Магрибе антигерманскую брошюру «Расизм и ислам» (*Le racisme et l'Islam*), в которой подчеркивалась несовместимость ислама и национал-социализма^[610]. Высокоставленные французские чиновники, посещая религиозные праздники в начале 1940 года, продвигали Третью республику в качестве защитника ислама и клеймили исламскую пропаганду Берлина как обреченную на провал – как и в 1914 году^[611]. Власти «Свободной Франции» продолжили эту политику. Когда администрацию Виши изгнали из Северной Африки, Шарль де Голль заявил в эфире: «Франция была и остается искренним и проверенным другом мусульман»^[612]. Даже советская пропаганда в Северной Африке и на Ближнем Востоке опиралась на исламскую тематику: СССР использовал радиопередачи и печатную продукцию, а также отправлял доверенных богословов на Ближний Восток для рекламы Сталина в качестве друга правоверных^[613].

Немцы делали всё от них зависящее для дискредитации всей этой пропагандистской работы. В июле 1942 года берлинская служба радиовещания на литературном арабском языке осудила открытие мечети в лондонском Риджентс-парке как дешевую пропаганду и «попытку британцев обмануть мусульманский народ». Далее утверждалось, что «мусульмане никогда не забудут свое унижение» Британской империей^[614]. В передаче на религиозную тему, транслируемой BBC, радио нашло откровенную ересь. «Британцы издеваются над вашим Кораном, – заявил диктор из Цеезена^[615]. – Разве вы допустите, чтобы святая книга стала объектом их насмешек?». BBC именовалась «радиостанцией неверных». Лондон «долгие годы» осквернял «традиции ислама», – объявил диктор. «Британцы никогда не отклонятся от своей политики, которую давно выработали и

посредством которой надеются сокрушить ислам». С некоторой безысходностью Radio Berlin обращалось к своей арабской аудитории:

Мы спрашиваем – где все эти люди, которые называли себя защитниками ислама? Где улемы и шейхи? Где те, кто устраивал демонстрации на улицах Алеппо и Дамаска в защиту своей религии? Где мученики Каира? Где храбрецы Багдада? Где герои Дамаска, которые утверждали, что они защитники своей религии, своих традиций и своего Корана?^[616]

Германские солдаты и ислам на североафриканском театре боевых действий

Попытки Германии использовать религию для приближения своей победы в Северной Африке в основном ограничивались печатной и радишной пропагандой. Непосредственное вмешательство в религиозную жизнь местного населения, имевшее место, например, на оккупированных восточных территориях или отчасти на Балканах, здесь случалось крайне редко. Дело в том, что Германии так и не удалось закрепиться в районах Северной Африки и создать там военную или гражданскую администрацию. Официально Берлин признавал первостепенность интересов Италии, вишистской Франции и Испании в Магрибе и ограничивал свою роль в регионе чисто военными задачами. Муссолини продолжал управлять Ливией, а Тунис оставался под контролем Виши в лице генерального резидента Жан-Пьера Эстева и, формально, тунисского бея. Только в конце кампании, в ноябре 1942 года, когда немецко-итальянские войска отступили в столицу, немцы частично взяли управление страной в свои руки (это произошло одновременно с оккупацией Гитлером вишистской Франции) – хотя и тогда немецкое командование зависело от французской администрации^[617]. Между осенью 1942-го и весной 1943 года около 2,5 миллионов тунисских мусульман жили под нацистской оккупацией (примерно в тот же период военная администрация рейха управляла горцами Кавказа). Немцы, надо сказать, были сконцентрированы в городе Тунисе, где в то время проживало примерно 400 000 человек.

Несмотря на минимальную вовлеченность в управление местными мусульманами, вермахт находился в постоянном контакте с населением прибрежных районов Северной Африки с марта 1941 по апрель 1943 года – в Тунисе, Ливии и, ненадолго, в западном Египте (фото 3.4). Армейское командование прилагало значительные усилия, чтобы не оттолкнуть от себя мусульман. В конце концов, немецкая пропаганда для Северной Африки и Ближнего Востока последовательно продвигала образ Третьего рейха как друга ислама и армия стремилась поддерживать его на местах. Разделяя убеждение в стратегическом

значении религии, командование пыталось приучить солдат уважать религиозные чувства мусульманского населения.

Еще в 1941 году объединенное командование вермахта распространило среди солдат, сражающихся в Северной Африке, 64-страничный военный справочник «Ислам» (*Der Islam*) – чтобы обучить их правильно вести себя по отношению к мусульманам (фото 3.5). Книга не только содержала практические инструкции относительно того, что можно и чего нельзя делать при контактах с мусульманами, но и давала краткий обзор истории и традиций исламской культуры^[618]. Заявленная задача брошюры заключалась в том, чтобы предотвратить поступки, которые в мусульманской среде были бы восприняты как обидные или оскорбительные. Автор текста предостерегал, что нехватка знаний или неправильные представления об исламе могут привести немецких солдат к «неприятной, затруднительной, а при определенных обстоятельствах даже опасной ситуации»^[619]. Чтобы избежать конфликтов на религиозной почве, брошюра ставила целью помочь солдатам вермахта постичь «образ мысли и образ действия благочестивого мусульманина»^[620]. Говоря о «мусульманине» исключительно в единственном числе, брошюра обещала стать инструментом разгадки мусульманской души.

ФОТО 3.4. Немецкие офицеры в компании местных мусульманских лидеров. Киренаика, сентябрь 1942 г. (источник: Ullstein)

Основная часть текста была посвящена краткому обзору истории ислама и информировала читателей об основных учениях, школах, обрядах, праздниках и обычаях мусульман. В конце этой части приводились 19 указаний общего порядка, которым солдатам рекомендовалось следовать в полевых условиях^[621]. Основным принципом выступало уважение: из-за неправильного отношения к мусульманам «все возможности общения и сотрудничества сразу же сокращаются, а то и пропадают вовсе»^[622]. И наоборот, утверждалось в брошюре, «понимание веры мусульманина и уважение к ней – лучший ключ к душе его»^[623]. Соответственно, брошюра призывала немецкого солдата проявлять «безоговорочное уважение» к исламу^[624].

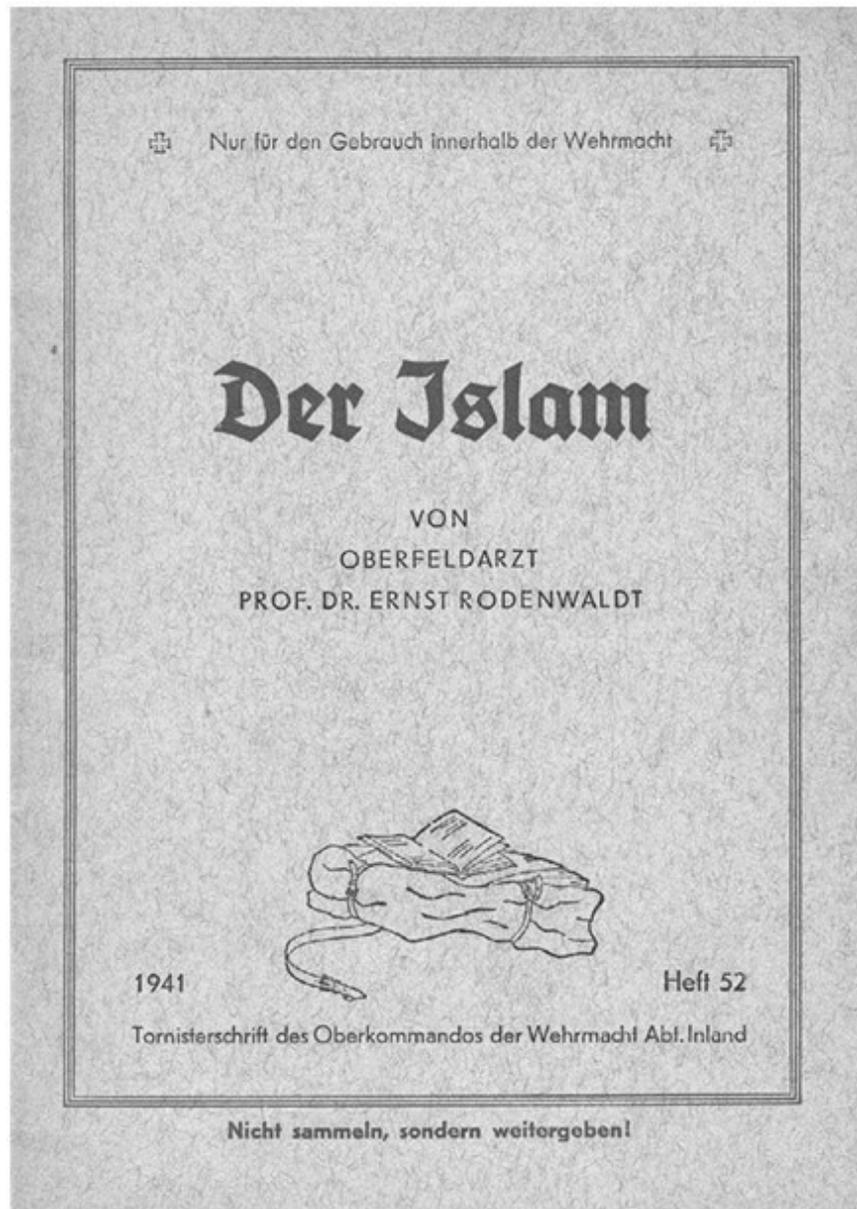

ФОТО 3.5. Справочник «Ислам» (ВА–МА)

Список практических инструкций включал конкретные советы. «Если вы хотите поговорить с мусульманином об исламе, исходите из равенства его религии с вашей», – сообщалось солдатам, как будто идеологии превосходства немцев над остальными народами не существовало^[625]. Приводились конкретные примеры того, как использовать религию в своих интересах. Особенно ценными кадрами считались хаджи (те, кто совершил паломничество в Мекку) – к ним следовало «относиться с особым почтением»^[626].

Большое внимание уделялось святым местам – мечетям, гробницам святых и кладбищам, – с которыми солдаты могли соприкоснуться в Северной Африке^[627]. К мечетям, писал автор брошюры, следует относиться с предельной осторожностью, даже во время боевых действий. Военные нужды и уважение к религии иногда могли входить в конфликт друг с другом: «Если посещение мечети требует выполнения определенных условий (снять обувь и оставить оружие на входе), ваше самоуважение требует, чтобы вы отказались от посещения»^[628]. Аналогичным образом брошюра стремилась уравновесить внимательность к религиозным объектам с военными нуждами: «Избегайте по возможности строительства оборонительных сооружений, в ходе которого есть риск разорить мусульманскую гробницу»^[629].

Что примечательно, солдат призывали уважать религиозные ритуалы, прежде всего молитвы мусульман^[630]. Их также инструктировали на тему пищевых запретов в исламе. Например, говорили авторы, предлагать алкоголь мусульманину «неправильно и бестактно»^[631]. «Никогда не обязывайте человека употреблять пищу или напитки, которые ему запрещены религиозным законом (свинина, вино). Не обманывайте его ни при каких обстоятельствах в отношении происхождения пищи, которую вы ему предлагаете»^[632]. Солдатам также сообщали, что мусульмане, как и евреи, обрезаны (*хитан*). «В мусульманской стране считается почетным, если семья приглашает кого-то принять участие в праздновании обрезания одного из детей». Любое такое приглашение даст понять, что в приглашенном видят «друга ислама»^[633].

Наконец, солдат отдельно предупреждали о гендерных ролях в мусульманской среде. В пунктах 13–15 инструкций подробно регламентируется гендерное взаимодействие. Даже в боевой обстановке солдаты должны были учитывать эти нормы в своем поведении: «Если вам нужно собрать информацию в доме мусульманина, сначала позвоните или постучите, потом повернитесь спиной к двери, чтобы не видеть женщину, которая может вам ответить» и «никогда не спрашивайте у мусульманина о его жене или других взрослых членах семьи»^[634].

В целом брошюра исходила из того, что мусульмане руководствуются согласованной системой религиозных убеждений и

практик, которые можно изучить и практически использовать. Примечательно, что автор текста, Эрнст Роденвальдт, был не исламоведом, а врачом, специалистом по малярии и руководителем института тропической медицины в Военно-медицинской академии в Берлине^[635]. Позднее, во время битвы за Италию в 1943 году, он лично отвечал за затопление Понтинских болот и их повторное заражение малярийными комарами, в результате чего около 100 000 итальянцев заболели – а многие из них и погибли.

При написании брошюры Роденвальдт опирался на исследования эпохи кайзеровской Германии, работы немецких востоковедов Мартина Хартмана (*Der Islam*, 1910) и Трауготта Манна (*Der Islam einst und jetzt*, 1914), голландских исламоведов Христиана Снука-Хюргронье (*Mekka*, 1888–1889) и Теодора Виллема Яна Йейнболла (*Handbuch des islamischen Gesetzes*, 1919) и даже (еврейского) габсбургского востоковеда Игнаца Гольдциера (*Mohammedanische Studien*, 1889–1890)^[636]. Таким образом, брошюра основывалась на исламоведческой традиции, которая ранее служила ценным ресурсом для колониальных офицеров. Сам Роденвальдт имел некоторый опыт личного взаимодействия с исламом: во время Первой мировой войны он служил в Османской империи, а затем работал в Голландской Ост-Индии.

Немецкая армия распространяла аналогичные брошюры по другим вопросам, стремясь информировать войска о местных условиях; один текст, например, был разработан специально для Туниса. Другой, получивший название «Мухаммад и ислам» (*Muhammed und der Islam*) предназначался для обучения пилотов, служивших в Северной Африке^[637]. Войска часто инструктировали посредством листовок и материалов, опубликованных в *Die Oase* (официальная фронтовая газета вермахта), а затем в *Die Karawane* (газета для частей, размещенных в Тунисе)^[638]. Брали ли немецкие солдаты все эти печатные материалы с собой на фронт, в жар Сахары, остается неизвестным. Однако усилия, на которые военное командование шло, распространяя подобные инструкции и походные справочники, говорят о том, что ислам считался достойным внимания с военной точки зрения. Американцы признали успехи в обучении вермахта: «Немецких солдат научили многим тонкостям арабского этикета; им дан строгий приказ не вызывать недовольства арабского населения»^[639].

Поскольку мусульманское население Ливии и западного Египта никогда не находилось под непосредственным управлением Германии, офицеры вермахта лишь эпизодически касались религиозных дел. В некоторых случаях они советовались с шейхами местных суфийских орденов – считалось, что те обладают политическим влиянием в прифронтовых районах^[640]. В Тунисе, где немцы более тесно сотрудничали с мусульманским населением, они пытались поддерживать хорошие отношения с городскими улемами и другими религиозными деятелями. Некоторых даже привлекали в качестве пропагандистов, например известных богословов тунисской мечети аз-Зайтуна (и университета при ней)^[641]. Позже нескольких богословов-коллаборационистов эвакуировали вместе с войсками вермахта. В конце 1942 года официальные лица в Берлине даже задумывались о том, чтобы направить муфтия Иерусалима в пропагандистское турне по Тунису, но из-за нестабильной ситуации на фронте эти планы в конечном итоге не реализовались^[642].

Немецкие попытки эксплуатировать религиозную тему в Тунисе особенно ярко проявляли себя во время праздников. Оккупация Туниса совпала с Курбан-байрамом или, как его еще называют в Магрибе, 'Ид аль-Кабиром – 19 декабря 1942 года; в тот же день, кстати, британцы организовали свой праздник в Бенгази. Разумеется, немцы не упустили возможности политизировать торжественный день. Ханс-Юрген фон Арним, командующий 5-й танковой армией, и Рудольф Ран, политический комиссар армии, посетили тунисского бея Мухаммада VII аль-Мунсефа с официальным визитом, чтобы выказать свое уважение к исламу. Их кортеж из четырех больших автомобилей проехал «с церемониальной скоростью в 25 километров в час», докладывал Ран, по главной улице города (Парижскому проспекту), а затем свернул в сторону прибрежного городка Хамман Лиф, где проживал тунисский правитель из династии Хусейнидов^[643]. Перед Зимним дворцом сотни людей встретили кортеж восторженными криками. Гвардия бея также приветствовала гостей. Беседуя с беем, немцы пообещали, что следующий Курбан-байрам состоится уже в мирное время. Арним подчеркнул, что пытается по максимуму уберечь население от неприятностей войны. Однако публичная демонстрация симпатий Германии к исламу оказалась важнее, чем все эти разговоры. Ран в восторге телеграфировал в Берлин, призывая по максимуму

разрекламировать «торжественный прием» на праздновании «'Ид аль-Кабира» и «ликование населения»^[644]. В пропагандистской газете *Signal* напечатали целую серию фотографий с приема^[645]. Обвинив бея в коллаборационизме, союзники позже отправили его в изгнание.

Внимание, которое немцы уделяли уважительному отношению к исламу, было вызвано прежде всего тактическими соображениями. Однако боевые действия задавали определенные ограничения. Население Северной Африки сильно страдало от войны. Конфликт привел к массовым разрушениям, особенно в прибрежных районах Киренаики: деревни и города бомбили, мечети и священные места разрушали (фото 3.6). Население на передовой страдало от дефицита продовольствия и воды. Более того, отношение немцев к мусульманам на передовой часто не соответствовало стандартам, установленным в учебниках, или принципам, о которых кричала пропаганда. Об этом известно из отчетов, поступавших из прифронтовых районов. Авторы документов жалуются на «довольно бестактное» поведение немецких войск по отношению к мирному населению и их неспособность понять мусульман и их «религиозную и культурную среду», которая должна рассматриваться как «значимый фактор» в военных действиях^[646].

Хорошее представление об отношении обычных немецких солдат к мусульманам Магриба дает меморандум от марта 1942 года, написанный Ахмедом Бийу. Этот человек был выходцем из Северной Африки, жил во Франции, работал на немцев и своим меморандумом пытался привлечь внимание к проблемам, с которыми североафриканские военнопленные ежедневно сталкивались, общаясь с охранниками вермахта^[647]. Мусульмане понимали, что «настоящие мысли и чувства немцев, похоже, противоречат заявлениям и радиопередачам германских правительственных учреждений». «Везде, – утверждал Бийу, – нас называют „цветными“ или даже „черными“; почти каждый немецкий солдат дает нам понять, что считает нас одной из самых презренных рас мира. Нередко можно услышать даже такие выражения, как „еврей“, „ниггер“, „черные мерзавцы“ и т. д.». Говоря о религии, Бийу жаловался, что магометан отталкивает употребление алкоголя немецкими солдатами в лагерях. Чтобы подкрепить свой тезис, Бийу ссылаясь на общую политику Германии в отношении ислама: если Берлин по-прежнему хочет придерживаться своего

«манифеста о дружбе с исламом», обнародованного ранее, важно гарантировать, чтобы немецкие офицеры уважали мусульман при личном контакте^[648]. Вермахт воспринял меморандум со всей серьезностью^[649]. Такие жалобы не кажутся неожиданными, учитывая тот факт, что североафриканские мусульмане (наряду с жителями тропической Африки) регулярно выступали объектом ненависти со стороны правой пропаганды в Германии с момента оккупации Францией Рейнской области в 1923 году^[650]. В своих воспоминаниях писатель Клаус Манн ярко описал эту немецкую пропаганду, указав на «ужасающие карикатуры и подписи к ним», посвященные «цветным войскам» в Рейнской и Рурской оккупационных зонах: «Особенно четко помню леденящий душу рассказ о том, как один мавр изнасиловал не только десятки девственниц и детей, но, на пике разврата, и красивую кобылу, единственное и заветное сокровище честного племени рейнских крестьян»^[651]. Такого рода негативные стереотипы вернулись в немецкую пропаганду на ранних стадиях войны с Францией в 1940 году. И хотя довольно скоро эти образы перестали тиражировать, они, безусловно, оказали воздействие на немецких солдат, как в Европе, так и в Северной Африке^[652].

ФОТО 3.6. Разрушенная мечеть. Северная Африка, 1942 (источник: ВРК)

Весной 1943 года войска Германии покинули Северную Африку – но пропагандистская война продолжалась.

4

Ислам и война на Восточном фронте

КОГДА германские танки переправились через Дон и вышли к Кавказу летом 1942 года, власти СССР ощутили тревогу по поводу южных мусульманских рубежей. Константин Уманский, сотрудник Наркомата иностранных дел и бывший советский посол в Вашингтоне, напомнил корреспонденту ВВС Александру Верту об истории мусульман в этом регионе:

Должен сказать, что я немного беспокоюсь о Кавказе. <...> Татары в Крыму в значительной степени ненадежны, <...> мы им никогда не нравились. Хорошо известно, что во время Крымской войны они с радостью выступали «коллораборационистами», как мы сказали бы сейчас, поддерживая англичан и французов. И, самое главное, существуют религиозные факторы, которыми немцы не преминули воспользоваться. Я также не доверяю кавказским горцам. Как и крымские татары, они мусульмане и до сих пор помнят русское завоевание Кавказа, которое закончилось не так давно – в 1863 году^[653].

И в самом деле, мусульманское население Крыма и Кавказа в целом считалось неблагонадежным. Ислам, по сути, был ключевым маркером оппозиции и сопротивления центральной власти с момента экспансии Московского царства в мусульманские районы Поволжья и Урала в XVI веке, аннексии Крыма и Кавказа царизмом в XVIII и XIX столетиях, а также продвижения России в Среднюю Азию в XIX веке^[654]. Несмотря на то что российское правительство приняло множество мер, направленных на использование ислама для укрепления своего господства в Крыму и на Кавказе – как это делалось и на других мусульманских территориях, – эти регионы считались потенциальными очагами мятежей. В течение XIX века общины горцев-мусульман участвовали в жестокой партизанской борьбе с русскими войсками на Северном Кавказе^[655]. Их священную войну, или *газават*, возглавляли религиозные лидеры, три легендарных имама: Гази-Мухаммад, Гамзат-бек и самый знаменитый среди них – Шамиль, «лев Чечни». Имамы не только организовали сопротивление царизму в горах Дагестана и Чечни, но также провозгласили имамат,

насильственно переселяя мусульманские общины, которые отказывались жить по исламскому праву и присоединяться к священной войне против русских оккупантов. Десятки тысяч царских солдат погибли в борьбе с мятежниками; число смертей среди мусульман было еще выше. На своих форпостах в южных районах империи российские официальные лица испытывали неизбывную тревогу по поводу «мусульманского фанатизма».

Захват власти большевиками усугубил ситуацию. После непродолжительного периода сдержанности по отношению к мусульманам (в том числе терпимости к мечетям, медресе и исламским фондам и даже к попыткам большевиков-мусульман, таких как Мирсаид Султан-Галиев, продвигать «советский ислам») были приняты законы 1929 года, нацеленные на подавление религии как таковой^[656]. При Сталине мусульманские регионы страдали не только от принудительной коллективизации, но и от беспрецедентных преследований на религиозной почве. Советская власть видела в исламе угрозу новому социальному и политическому порядку на мусульманском пограничье. Ее пропаганда изображала ислам как пережиток феодального и отсталого общества. Издание большинства исламских книг и периодических изданий было прекращено. Вакуфную собственность экспроприировали. Исламские законы запретили, а религиозные суды лишили влияния, по крайней мере формально. Москва использовала любые средства, чтобы минимизировать влияние улемов на население. Муллы считались столпами традиционного общества, агентами антисоветского сопротивления, они часто обвинялись в участии в контрреволюционных заговорах, спланированных иностранными спецслужбами^[657]. Некоторые прошли через показательные процессы, причем многие из таковых были казнены. Одновременно советская власть атаковала мечети и медресе. В 1930-х годах пресловутый «Союз воинствующих безбожников» обрушил на мусульманские территории агрессивную атеистическую пропаганду, что вновь разожгло старые обиды на центральную власть. Атеисты захватывали мечети, рисовали советские лозунги на их стенах и поднимали красные флаги на минаретах^[658]. В некоторых районах официальные лица отправляли в мечети военные оркестры или прогоняли через сакральные двери свиней. К началу немецкого вторжения 1941 года от большинства из 20 тысяч мечетей, которые

существовали на мусульманских территориях в 1917-м, не осталось почти ничего: они были либо снесены, либо превращены в светские школы, публичные библиотеки, клубы и рестораны.

Тем не менее все эти попытки истребить религиозные структуры и настроения в мусульманских районах потерпели неудачу. Ислам продолжал играть решающую роль в организации общественной и политической жизни^[659]. Во многих районах Северного Кавказа мусульмане по-прежнему разрешали споры с помощью нелегальных шариатских судов, часто замаскированных под «комиссии по примирению». Сохраняли свое значение и медресе, где дети обучались летом во время официальных школьных каникул. В государственных школах советские учителя жаловались, что дети-мусульмане отказываются брать в руки учебники, которые они считали атеистическими. Кампания Москвы против чадры и против религиозных праздников также оказалась в целом провальной. Азербайджанские шииты во время священного месяца мухаррам продолжали устраивать религиозные мистерии (*тазия*) и проводить публичные самобичевания, калеча себя тупыми кинжалами и цепями во время процессий траурного дня Ашура^[660]. Если местные власти в священные дни организовывали уличные торжества с веселой музыкой, то это постоянно оборачивалось крупными беспорядками с участием тысяч людей. Антирелигиозные провокации вообще встречали яростное сопротивление. Когда советская власть организовала свиноводческое хозяйство в чеченском ауле Дарго, местные жители в течение нескольких часов вырезали все стадо. Подобные конфликты часто имели локальное измерение: они разворачивались между ревностными верующими и местными партийными кадрами. Народные бунты и партизанские вылазки не прекращались на Северном Кавказе на протяжении всего межвоенного периода^[661]. Многие из этих акций возглавляли религиозные лидеры, особенно шейхи суфийских орденов (запрещенных, но все равно влиятельных), которые часто объявляли священную войну Москве и сочетали религиозные лозунги с призывами к независимости. В глазах многих мусульман большевизм был просто еще одной формой империалистического доминирования русских.

Таким образом, Константин Уманский, оглядываясь назад, имел все основания для беспокойства. Тогда, летом 1942 года, Кремль

опасался волны исламских восстаний на своих южных окраинах, которая в конечном итоге могла перекинуться на обширные пространства Центральной Азии. Более 20 миллионов мусульман Советского Союза, составлявшие около 15 % его населения, грозили превратиться в опасную политическую силу. Когда Германия осенью 1941 года оккупировала Крым, четверть миллиона татар-суннитов оказались под властью нацистов. В начале августа 1942 года вермахт вторгся в населенные мусульманами области Северного Кавказа – прежде всего, в долины Карачаево-Черкесии и Кабардино-Балкарии. К октябрю немецкие войска были уже на границах Чечено-Ингушской АССР, хотя к Грозному они так и не пробились. За линией фронта, особенно в Чечено-Ингушетии и, в меньшей степени, в Карачаево-Черкесии и Кабардино-Балкарии, вспыхнули антисоветские восстания, для подавления которых пришлось привлечь значительные силы Красной армии^[662]. Во главе решительных и эффективных повстанческих групп зачастую стояли религиозные лидеры – прежде всего последователи кадирийского шейха Курейша Белхороева, которые продержались в горах Ингушетии и Восточной Осетии до 1947 года. Как на Кавказе, так и в Крыму большинство мусульман с энтузиазмом приветствовало конец ненавистной советской власти и принимало немецкие войска с доброжелательностью и надеждой. «Освободители!», – скандировали местные жители, встречая солдат вермахта. В Крыму мусульмане послали немецкому командованию фрукты и ткани для «Адольфа-эфенди»^[663]. На Кавказе немецкие солдаты тоже были поражены теплым приемом, который им оказало местное население^[664]. В разведывательном отчете СД о положении на Кавказе отмечалось: если русское и украинское население реагирует на смену власти сдержанно, то горцы-мусульмане карачаевских районов восторженно принимают немцев^[665].

Опасения Уманского по поводу эксплуатации ислама немцами также оказались обоснованными^[666]. В Германии пресса постоянно ссылалась на давнюю традицию антироссийского сопротивления на Кавказе и джихад имама Шамиля, которого *Deutsche Allgemeine Zeitung* превозносила как «проповедника религиозной войны и истребления русских»^[667]. На местах немецкие военные власти не упускали возможности представить себя в качестве освободителей мусульман. Стремясь стабилизировать положение в тылу и

умиротворить население, немцы активно шли на уступки в области религии, использовали пропаганду, политизировали исламские обычаи и праздники, пытались привлечь к своему правлению религиозные институции. Как на Кавказе, так и в Крыму использование религиозного вопроса стало ключевой характеристикой оккупационной и пропагандистской политики Германии. Как и прочие попытки немцев привлекать ислам для своих нужд, такого рода мероприятия диктовались нуждами войны.

В долгосрочных планах Берлина по освоению восточных территорий мусульманскому населению отводилась небольшая роль^[668]. Крым предстояло заселить немецкими колонистами и переименовать в Готенланд; более того, гитлеровский план по германизации полуострова предполагал депортацию всего местного населения. На Кавказе ситуация была иной. Этот регион был захвачен в первую очередь ради доступа к нефтяным месторождениям Майкопа, Грозного и Баку, а также для прорыва на Ближний Восток. Поскольку Кавказ не рассматривался в качестве объекта немецкой колонизации, его место в будущем «новом порядке» оставалось неопределенным. Планы по учреждению гражданской администрации разрабатывались для обеих территорий, однако Генеральный комиссариат Крыма, которым должен был управлять старый партиец из Австрии Альфред Фрауенфельд, так и не был создан: новоявленному гауляйтеру отдали только пять районов на севере – их армия уступила. Строго говоря, эти районы лежали за пределами самого Крымского полуострова, и поэтому Фрауенфельда подчинили его заклятому врагу Эриху Коху, главе рейхскомиссариата Украина. На Кавказе Розенберг также планировал создать рейхскомиссариат, подобный Остланду и Украине. Еще 16 июля 1941 года Гитлер дал согласие на кандидатуру протеже Розенберга Арно Шикеданца в качестве будущего руководителя этой структуры, однако тот так и не получил обещанного поста. Планы бюрократов и экспертов из Берлина создать в упомянутых районах гражданскую администрацию не были реализованы. Столь же неуместными в реальной обстановке оккупационного режима оказались смелые проекты некоторых отделов министерства оккупированных восточных территорий (людей Менде) и министерства иностранных дел (людей Шуленбурга и их протеже среди эмигрантских кругов в Берлине) по созданию национальных советов. Шуленбург даже привлек

к этой работе внука имама Шамиля, Саида Шамиля. «Его имя уже олицетворяет программу освобождения Северного Кавказа от власти большевиков», – с воодушевлением писал дипломат, добавляя, что Шамиль «хорошо известен во всем магометанском мире»^[669]. Это не помогло. Поскольку Кавказ и Крым оставались прифронтовыми районами, весь период немецкой оккупации ими управляли военные власти.

Столкнувшись с ухудшением ситуации на фронтах в 1941–1942 годах, руководство вермахта решило действовать в Крыму и на Кавказе более прагматично, чем на других оккупированных восточных территориях^[670]. На Кавказе, с его протяженной и неустойчивой линией фронта, проходившей по гористой местности, главная цель немцев заключалась в поддержании стабильности тыла. Но и в Крыму, стратегически уязвимом регионе на Черном море, расположенном в непосредственной близости от фронта, военные тоже старались защитить тыл. Иначе говоря, сама военная обстановка вынуждала немецких командиров искать коллаборантов.

В глазах немцев естественными союзниками в обоих случаях оказывались мусульмане^[671]. В отличие от русских и украинцев, крымские татары и кавказские горцы представлялись искренними противниками советского государства. Более того, в расовой иерархии эти группы располагались выше славян. Далее, мусульманская вера крымских татар и большинства кавказских горцев тоже играла важную роль. История исламского сопротивления в этих областях была хорошо известна; это позволяло считать ислам антибольшевистским по своей сути. И, наконец, местное население представало неотъемлемой частью исламского мира, а немецкая политика на местах неизменно рассматривалась как элемент более масштабной исламской кампании Германии.

Попытки вермахта использовать ислам в этих областях стали составляющей более общей политики в отношении религии: мусульманам, православным и католикам командование давало определенные послабления, в надежде поддержать этим спокойствие в тылу южного фронта^[672]. Учитывая магистральное направление германской восточной политики, диапазон уступок, на которые военные хотели и могли пойти, был довольно узок. Экономические реформы и ликвидация колхозной системы, ранее обещанные немецкой

пропагандой, были приостановлены хозяйственными структурами рейха, занимавшимися продовольственным снабжением армии. О национальной независимости, на которую часто претендовали нерусские меньшинства, не могло быть и речи. В результате немцам наиболее легко давались уступки в сфере религии: они обходились дешево и их можно было реализовать прямо на местах. Нацистская пропаганда продвигала религию как часть местных традиций, подавленных советской властью, избегая при этом деликатного вопроса о национальной независимости. Военная администрация надеялась, что послабления в сфере религии и культуры укрепят трудовую мораль, будут стимулировать сотрудничество с оккупационными властями и отвлекут от нежелательной политической активности. Сравнивая отношение имперских структур к исламу в различных районах немецкой оккупации на Востоке, историки отмечают, что религиозный вопрос приобрел особую значимость именно в Крыму – прежде всего, в мусульманских частях полуострова^[673]. Аналогичной была и кавказская ситуация. Действительно, попытки Германии позиционировать себя как освободителя ислама наиболее ярко проявились в мусульманских регионах Северного Кавказа.

Ислам и война на Кавказе

Летом 1942 года части вермахта вступили на советский Кавказ^[674]. Однако немцы не смогли удержать широкий и неустойчивый фронт и вскоре перешли к обороне. Долины Северного Кавказа рейх контролировал только до середины января 1943 года. Во время оккупации ими управляла группа армий «А», которую сначала возглавлял генерал-фельдмаршал Вильгельм Лист, а с ноября 1942 года (после короткого промежутка, когда ею командовал лично Гитлер) – генерал Эвальд фон Клейст. «Генеральным комиссаром по делам Кавказа» в группе армий «А» был назначен генерал Эрнст-Август Кёстринг, пожилой офицер, служивший в Османской империи во время Первой мировой войны, а в 1932 году сменивший Нидермайера на должности военного атташе немецкого посольства в Москве. Его помощником стал опытный дипломат (а также лейтенант армии) Ганс-Генрих Херварт фон Биттенфельд. Эти офицеры вермахта были настроены более прагматично, чем их коллеги на других восточных территориях. Хотя кавказский отдел Восточного министерства, возглавляемый Герхардом фон Менде, обладал лишь консультативными полномочиями, он направил в ставку группы армий «А» своего офицера связи, которым стал Отто Бройтигам. Тот прибыл в ставропольский штаб Клейста в конце ноября 1942 года^[675].

На местах армейское руководство соглашалось с тем, что полная терпимость немецких войск к религиозным обычаям играет ключевую роль в умиротворении горного Кавказа. В меморандумах, представляемых командованию вермахта, Теодор Оберлендер, известный специалист по Восточной Европе и офицер военной разведки, воевавший на Кавказском фронте, подчеркивал, что на Северном Кавказе вермахт столкнется с «благочестивыми мусульманами» и что отношение к ним будет иметь геополитические последствия: «То, как мы ведем себя с ними, имеет особое значение для будущей позиции ислама в отношении великой Германии»^[676]. Эти меморандумы читали многие офицеры. Лист и его штаб в целом соглашались с тезисами Оберлендера. Когда немецкие солдаты вышли на кавказские перевалы, Лист издал приказ, согласно которому им предписывалось рассматривать мирное население как союзников, с

терпимостью относиться к местным верованиям и обычаям, а также уважать «честь женщин Кавказа»^[677]. Несколько недель спустя была распространена инструкция командования, требующая от военнослужащих уважения к исламской вере^[678]. «Религию, религиозные обычаи и обряды кавказцев должно уважать, их не следует высмеивать, даже если они кажутся вам странными», – наставляла солдат специально подготовленная листовка. Приняв управление войсками, Клейст продолжил политику Листа. Еще в декабре 1942 года, согласно армейскому докладу, Клейст призвал командиров осознавать последствия своих решений на местах для всего исламского ареала: «Среди германских войск группа армий „А“ продвинулась дальше всех. Мы стоим у ворот исламского мира. То, что мы делаем и как мы себя ведем, дойдет до Ирака, до Индии, вплоть до границ Китая. Мы должны постоянно осознавать долгосрочный эффект нашего действия и бездействия»^[679]. На встрече с официальными лицами Восточного министерства и вермахта представитель Клейста Херварт фон Биттенфельд подчеркивал, что прагматичная политика оккупации в мусульманских долинах Кавказа имеет решающее значение для «получения необходимого политического эффекта в отношении исламского мира»^[680]. Восточное министерство следовало линии вермахта^[681]. Бройтигаму было поручено избегать обещаний национальной независимости и вместо этого подчеркивать важность борьбы против большевизма и уважение Германии к «[религиозным] конфессиям, особенно исламу»^[682]. Менде со своего рабочего места в кавказском отделе Министерства оккупированных восточных территорий тоже обращал внимание на важность религиозных прав, пищевых ограничений, праздников, похоронных обрядов и, наконец, поведения в отношении женщин-мусульманок^[683]. Со стороны СС не было никаких возражений. В разведывательном докладе СД отмечалось, что немецкие командиры на местах согласны с тем, что для умиротворения Северного Кавказа нужно эксплуатировать «враждебность населения к России» и его «укорененность в магометанстве»^[684].

Почти сразу немцы открыли опечатанные большевиками мечети, что стало видимым признаком утверждения нового порядка. Был издан приказ, согласно которому даже те культовые сооружения, которые были закрыты советской властью и использовались в нечестивых

целях, немецким войскам запрещалось занимать для своих нужд – их предписывалось передавать местному населению^[685]. Из Черкесска немецкие офицеры сообщали о том, что в городе старые мечети не только восстанавливали, но и оснащали новыми минаретами^[686]. В религиозно неоднородных районах северных предгорий Кавказа тоже открывались мечети – наиболее заметно это было в Майкопе, бывшей столице Адыгейской автономной области^[687]. «Мечети повсеместно возрождаются или перестраиваются, – писал с фронта Эренфрид Шютте, командир подразделения Оберлендера. – Они и сами по себе лучше, и посещают их чаще, чем несколько церквей, которые тоже открылись»^[688]. Германская армия также одобрила возвращение исламского образования в учебные программы начальной школы^[689]. Ислам стал исключением в данном отношении: лишь на поздних этапах военной кампании аналогичную уступку сделали немусульманам^[690]. В первые недели битвы за Кавказ Восточное министерство советовало «вернуть верующим медресе, которые были экспропрированы советской властью»^[691]. Наконец, под занавес непродолжительного периода оккупации командование группы армий «А» приказало сделать в мусульманских районах Кавказа выходным днем не воскресенье, а пятницу – день коллективной молитвы (джума)^[692].

Возвращение ислама нередко обставлялось офицерами вермахта с особой торжественностью. Например, балкарцам после занятия их территории символически вручали Коран^[693]. Пропагандируя религиозные уступки и продвигая Германию как друга ислама, армия распространяла также соответствующие брошюры^[694]. В тексте одной из них восхвалялся «союз с великим германским рейхом Адольфа Гитлера» и осуждались «зверства большевиков», угнетавших «свободу и веру». Читателей уверяли в том, что, хотя у немцев иная религия, Третий рейх намерен уважать все веры и готов «обеспечить свободу вероисповедания на будущее»^[695]. В другой брошюре продвигалась идея мусульманской общины, границы которой не ограничивались Кавказом: «Мусульмане Крыма, после 25 лет снова обретшие свободу молиться в мечетях, десятками тысяч сражаются в немецкой форме против большевизма и партизанских банд»^[696].

По всему Северному Кавказу немцы вскоре увидели в религии один из важнейших инструментов политической войны. Как отмечал в

ежемесячном докладе в ноябре 1942 года армейский офицер из городской комендатуры Черкесска, влияние поблажек в религиозной сфере невозможно переоценить^[697]. «Несмотря на подавление советской властью всех вероисповеданий,— писал с удовлетворением немец,— часть магометанской молодежи по-прежнему связана с исламом и открыта его влиянию, в то время как русская молодежь полностью отчуждена от православного христианства». В общем докладе о положении в регионе за октябрь и ноябрь 1942 года аналогичным образом отмечалось, что в «магометанских районах очень заметно участие молодежи в религиозной практике»^[698]. А в декабре того же года разведка СД подчеркивала, что горцы-мусульмане «с благодарностью» воспримут новую «свободу религии»^[699].

В конечном итоге именно возвращение религиозных праздников и торжеств стало самой значительной уступкой немцев местному населению. Оккупация горных районов Кавказа совпала с двумя главными праздниками: Ураза-байрамом, завершением священного месяца Рамадан в октябре и, через семьдесят дней, Курбан-байрамом, праздником паломничества. Эти празднества были превращены в пышные церемонии освобождения, символически отмечавшие смену власти. В этом отношении особенно выделялось празднование Ураза-байрама в Кисловодске, городе карачаевцев, и Курбан-байрама в Нальчике, на территории кабардинцев^[700].

В воскресенье, 11 октября 1942 года, делегация, состоящая из генералов фон Кёстринга, Гомбурга, Рике, фон Рока и фон Грейфенберга, сельскохозяйственного эксперта Отто Шиллера, заместителя Геринга в Управлении по четырехлетнему плану Пола Кёрнера и других высокопоставленных немецких чиновников, посетила Кисловодск, занятый два месяца назад^[701]. Этот город, окруженный горами Карачая, с царских времен был популярным курортом, а к войне его застроили современными советскими санаториями. С раннего утра на улицах чувствовалось необычайное оживление. Главная дорога на въезде в город была украшена флагом со свастикой и зеленым знаменем пророка Мухаммада с мусульманским полумесяцем. У входа в городское управление огромная гирлянда украшала портрет Гитлера. В конце магистрали установили гигантскую картину, изображавшую карачаевских конников со знаменами освобождения. На улицы вышло множество карачаевцев, балкарцев, кабардинцев и представителей

других местных народов. Город хорошо подготовился к мусульманскому празднику.

Во всех горных районах Карачая верующие тоже ждали этого события. При советской власти они не могли почитать святой день открыто. Теперь, впервые за четверть века, мусульманам снова разрешили отмечать религиозные праздники. Отчаянно желая умиротворить тыл и осознавая влияние этой уступки на настроения населения, военная администрация приказала максимально терпимо отнестись к приближающемуся Ураза-байраму^[702]. Празднование обнажило разницу между советской и немецкой властью. Командование вермахта не упустило возможности представить Германию как освободителя горских народов: праздник наполнили не только религиозным, но и политическим смыслом.

Наиболее ярко это проявилось в Кисловодске (фото 4.1). С самого начала немцы манипулировали смысловой нагрузкой праздника в собственных стратегических интересах. Ураза-байрам стал политическим событием: смена власти была преподнесена как религиозное торжество – «байрам освобождения», как выразился Отто Шиллер. Этот специалист по земледелию, бывший сотрудник германского посольства в Москве, ныне назначенный ответственным за реформу сельского хозяйства на Кавказе, написал подробный шестистраничный отчет о празднике для Восточного министерства^[703].

Убранство улиц Кисловодска отражало не только исламскую, но и нацистскую иконографию. За почетной трибуной для руководителей мусульманской общины, религиозных функционеров и представителей вермахта установили огромный раскрытый Коран из папье-маше, где арабской графикой были начертаны два благочестивых изречения. На правой странице – *шахада*, исповедание веры: *ла илаха илла Аллах / Мухаммадан расул Аллах* («нет бога, кроме Аллаха / Мухаммад Пророк его»). На левой странице – популярный и часто цитируемый 13-й аят 61-й суры: *Наср мин Аллах / ва фатх кариб* («помощь от Аллаха и быстрая победа»)^[704]. Если первый лозунг демонстрировал вновь обретенную свободу религии, то второй в контексте войны свидетельствовал о готовности горцев сражаться вместе с немецкой армией против большевистского врага. Над Кораном был прибит огромный деревянный орел рейха со свастикой. С обеих сторон

трибуну увешивали флаги: зеленые знамена ислама, с небольшим полумесяцем, и флаги со свастикой.

ФОТО 4.1. Ураза-байрам в Кисловодске. Парад, 11 октября 1942 г. (источник: Ullstein)

Демонстрация арабской графики в публичном пространстве сама по себе была примечательной. Арабский алфавит, состоявший из священных букв Корана, обеспечивал одну из немногих форм связи между мусульманами СССР, пока коммунистические власти не заменили его принудительно на латинский, а затем и на кириллический, обвиняя противников этих нововведений в религиозном фанатизме^[705]. В некоторых исламских регионах СССР советские пропагандисты публично сжигали книги, напечатанные на арабском. Отмена арабской графики вызвала бурное возмущение среди мусульман. В 1920-е годы оставшиеся муллы Кавказа и Крыма даже призывали к голодовкам в знак протеста против этой политики. Таким образом, буквы Корана, изготовленного из папье-маше, сами по себе выступали знаменательным символом конца советской власти.

Первая, церемониальная, часть торжества состоялась на холме за пределами города. Центральное место в ней отводилось ритуалам молитвы и поминовения. «Они совершают благочестивые молитвы на склоне холма за городом, кланяясь на юг в сторону Мекки», – сообщал немецкий военный корреспондент. – Кади руководит их молитвой, и они хором повторяют его слова». На деле возглавлял молящихся имам Рамадан, один из высших религиозных авторитетов среди карачаевцев, хотя на церемонии присутствовал и кади Ибрагим, исламский судья этого района^[706]. Карачаевцы, длинными рядами, развернутыми в сторону Мекки, стояли на коленях на своих молитвенных ковриках, вслушиваясь в арабские слова. Вторая часть торжеств была откровенно политической. Мусульмане под началом Рамадана неоднократно хвалили и благодарили Аллаха за освобождение, которое принесли Гитлер, «великий вождь немецкого народа», и вермахт. В эмоциональной речи Рамадан упомянул о страданиях горцев-мусульман и мусульман-карачаевцев, которые пали в борьбе против большевизма. Бог послал Гитлера и его армию в качестве освободителей, и каждый карачаевец, по словам Рамадана, «в мечети или семье», преисполнен благодарности и готов упоминать «фюрера, германский народ и его храбрых солдат» в ежедневных молитвах.

Немецким офицерам на этом празднике была отведена ключевая роль. Кёстринга носили на руках и подбрасывали в воздух, в знак признательности и восхищения. Пользуясь моментом, он произнес пропагандистскую речь на русском языке, восхвалив освобождение от

советского ига, поблагодарив карачаевцев за доверие и отметив узы, связывающие их с рейхом. Кроме того, Кёстринг объявил об отмене колхозной системы (позже так и не состоявшейся) и мобилизации отряда добровольцев-карачаевцев, готовых сражаться в рядах вермахта. Его речь также опиралась на исторический нарратив о сопротивлении мусульман Кавказа. Кёстринг был весьма доволен своим выступлением. Вспоминая «впечатляющий праздник» после завершения войны, он писал: «Успех был поразительным, радость – неопишуемой»^[707]. Его помощник Херварт фон Биттенфельд позже отмечал, что Кёстринга принимали как «принца»^[708].

Торжества достигли своей кульминации, когда мусульмане дали торжественную клятву в своей решимости сражаться на фронте вместе с германским вермахтом. Военный альянс был подтвержден парадом всадников-карачаевцев с двумя флагами – со свастикой, и зеленым исламским. Нацистская и религиозная символика вновь переплелись. Еще до завершения официальной части мероприятия подобный парад был организован и перед «кладбищем героев» в центре города, в память о погибших в восстании против Москвы. Затем последовал ужин в городском управлении, с танцами и «молитвой шейха Шамиля», вновь напомнившей о местной истории джихада.

Такие празднества стали частью информационной войны, которую вел вермахт. Состав немецкой делегации дает хорошее представление о том, сколь важное значение немецкое военное руководство придавало религиозным торжествам. В этом оно было не одиноко: понимая политическую подоплеку религиозных праздников, Красная армия пыталась не дать отметить Рамадан-байрам (другое название Ураза-байрама). Накануне советские самолеты сбросили листовки, требуя от населения не приходить на торжество и угрожая закончить его градом бомб. В итоге, правда, красные летчики сбросили только одну бомбу, которая упала далеко от центра города и не смогла вызвать панику.

На Кавказе прошла целая серия подобных религиозных праздников, организованных как церемонии освобождения. Вторым по размаху стал Курбан-байрам 18 декабря 1942 года, который отмечали сунниты – балкарцы и кабардинцы – в Нальчике, прежней столице Кабардино-Балкарской АССР. Немцы заняли город менее чем за два месяца до этого^[709]. Поскольку речь шла о важнейшем событии, отмечаемом в разгар хаджа, его отметили своим присутствием

представители вермахта, желавшие повторить успех кисловодской церемонии и использовать идеальную возможность для демонстрации связи между вермахтом и местным населением, Германией и исламом.

Мусульманская общественность Нальчика под руководством городского головы Селима Зедова, бывшего советского служащего – он принял управление после ухода советских войск, и немцы быстро одобрили его кандидатуру, – за много дней начали подготовку к мероприятию, где должны были участвовать официальные лица рейха^[710]. 17 декабря 1942 года конвой, в котором находились генерал-майор Вильгельм Штубенраух, командир по тылу 1-й танковой армии, Отто Бройтигам, Теодор Оберлендер и другие высокие чины, включая двух генералов и нескольких офицеров отдела пропаганды вермахта, отправился в сторону Нальчика по обледенелым и покрытым туманом дорогам Карачая. На следующее утро гости собрались в большом кинозале Нальчика для празднования Курбан-байрама. Основой мероприятия стала религиозная церемония. На сцене местный кади, кабардинец Ханюков, руководил молитвой. Немцы сидели в первых рядах. «Стоя на коленях и наклонившись вперед, около полусотни видных кабардинцев творили молитвы. Движения священнослужителей были торжественными и выдержанными, а сам религиозный обряд производился с величавой серьезностью», – вспоминал потом Бройтигам в своих мемуарах^[711]. «На нас это произвело большое впечатление», – добавлял он. Оберлендер был того же мнения: в письме жене он отметил, что «магометанская служба очень впечатлила»^[712]. Во время торжеств генерал-майор Вильгельм Штубенраух, представлявший Клейста, и Отто Бройтигам вышли вперед и во всеуслышание воздали хвалу союзу мусульман и рейха. Согласно официальному сообщению Бройтигама для Восточного министерства, около 400 мусульман отреагировали на это восторгом и аплодисментами. Представители мусульман поблагодарили немцев за свое освобождение и за предоставленную им возможность снова праздновать Курбан-байрам; они торжественно поклялись в непоколебимой преданности Адольфу Гитлеру. Также они преподнесли немцам подарки, в том числе ковры, одежду и коней для Гитлера, Кейтеля и Клейста. Представители вермахта в ответ дарили не только трофейное оружие, зажигалки и часы, но и миниатюрные издания Корана, что подтверждало уважение Германии к исламу. Торжества

продолжались до позднего вечера. Поскольку празднование Курбан-байрама длится четыре дня, немецкая делегация не упустила возможность посетить другой населенный пункт той же местности. На следующий день кортеж отправился в горную деревушку Гунделен, балкарский центр на склонах Эльбруса. Здесь тоже произносились речи и проводились консультации с местными старейшинами^[713].

Празднества в Нальчике и Кисловодске стали своеобразной презентацией власти немцев на Кавказе. В обоих случаях в прессе рейха публиковались подробные репортажи. «Об этом торжестве было много разговоров», – вспоминал Бройтигам после войны^[714].

Планы по созданию мусульманских организаций и религиозной администрации, как и намерения бюрократизировать ислам на Кавказе по крымскому образцу, не реализовались из-за краткосрочности оккупации. Немецкие части здесь вскоре были изолированы, поскольку Сталинградская битва пресекла их снабжение. Одновременно находившиеся на юге советские войска, благодаря военному гению генерала Ивана Тюленева, восстановили силы и начали продвигаться вперед. В конце декабря 1942 года Гитлер одобрил отвод своих армий с кавказских гор, чтобы избежать их полного уничтожения. 4 января 1943 года, спустя две недели после празднования Курбан-байрама, Нальчик был отвоеван Красной армией, а через несколько дней Кабардино-Балкарию покинули последние немецкие танки. И хотя немецкая оккупация Кавказа продлилась недолго, она стала, пожалуй, самой энергичной попыткой Берлина позиционировать себя как защитника ислама на Восточном фронте. В Крыму же, напротив, немцы работали с исламом более продолжительно, продуманно и согласованно.

Ислам и оккупация в Крыму

Осенью 1941 года немецкие и румынские войска под командованием генерала Эриха фон Манштейна вторглись в Крым^[715]. В сентябре они достигли Перекопского перешейка и вскоре завоевали весь полуостров, за исключением Керчи, которая пала после тяжелых боев в мае 1942 года, и Севастополя, одной из сильнейших крепостей в мире, которую взяли штурмом после долгой осады в июле 1942 года. Вермахт при содействии СС (особенно айнзацгруппы D, которую возглавлял Отто Олендорф, а с июля 1942 года – Вальтер Биркамп) почти два с половиной года жестоко и хищнически управлял Крымом – до начала мая 1944 года, когда последние немецкие части на полуострове сдались Красной армии. Примерно 250 000 татар-суннитов, которых немцы надеялись привлечь на свою сторону в качестве коллаборационистов, составляли почти 25 % населения полуострова. Они в основном проживали в горных районах, а также в таких крупных городах, как Бахчисарай, Ялта и Симферополь (до XVIII века последний был известен как Акмесджит, от *Ак Месджид*, «Белая мечеть»)^[716].

Стремясь завоевать поддержку мусульман, немецкое командование вскоре начало предоставлять им множество религиозных прав и поблажек. Сразу после вторжения Манштейн приказал солдатам с уважением относиться к исламу. В своем печально известном приказе от 20 ноября 1941 года, предписывающим «уничтожить раз и навсегда <...> еврейско-большевистскую систему» и ставшим одним из ключевых документов, за который генералу пришлось отвечать на Нюрнбергском процессе, Манштейн призывал войска хорошо обращаться с мусульманским населением, привлекая его к сотрудничеству: «Необходимо требовать уважения к религиозным обычаям, особенно к обычаям магометанских татар»^[717]. В терминах «мусульманские татары» и «магометанские татары» нет ничего необычного, так как немцы часто идентифицировали татар не только этнически, но и по религиозному признаку. Два месяца спустя в инструкции для военных объяснялось, что татары – набожные мусульмане и что ислам должно уважать^[718]. Курс на благоприятствование татарам, проводимый Манштейном, поддерживал

Вернер Отто фон Хентиг, к тому времени ставший офицером связи между МИДом и 11-й армией^[719]. Хентиг был страстным сторонником поощрения крымских татар и ислама в целом. В письме, которое он отправил военно-полевой почтой своему старому наставнику Макс фон Оппенгейму в конце 1941 года, Хентиг хвастался тем, что армия в Крыму уделяет «самое пристальное внимание <...> мусульманской проблеме»^[720]. Весной 1942 года он предупреждал о том, что немецкая политика в отношении крымских мусульман повлияет на позиции Германии во всем исламском мире: на Кавказе, в Турции, арабских землях, Иране и даже Индии^[721]. Манштейн был убежден, что предельно уважительное отношение к религиозным практикам – ключ к обеспечению сотрудничества со стороны татар. Свою мысль он разъяснил в интервью корреспонденту *National-Zeitung* в августе 1942 года: «Сегодня татары приветствуют освобождение от Москвы, прежде всего потому, что сбрасывание оков позволило им свободно исповедовать исламскую веру»^[722].

Действительно, военная администрация Крыма отмечала, что религиозная жизнь «особенно активно» развивается среди мусульманского населения^[723]. Согласно наблюдениям немецкого офицера, сделанным в марте 1942 года, даже молодое поколение, которое при советской власти теряло интерес к вере, вновь следует религиозным обычаям и установлениям. «Татары – магометане и вообще относятся к своей религии серьезно, избегая, впрочем, фанатизма»^[724]. Год спустя в официальном докладе отмечалось, что, «в отличие от православных христиан, среди татар участие молодежи в религиозной жизни возрастает, особенно в деревнях»^[725].

Заняв Крым, немцы вскоре вернули религиозные праздники как еженедельного, так и годового цикла. 30 марта 1943 года командующий войсками вермахта в Крыму официально распорядился считать пятницу выходным днем для мусульман^[726]. А с 14 августа 1943 года по приказу командования особые дни отдыха предоставлялись мусульманскому населению на все большие исламские праздники. По всему полуострову 19 марта отмечали Мавлид, 1 октября – окончание Рамадана, 8 декабря – Курбан-байрам, а 28 декабря – исламский Новый год^[727]. В Симферополе немцы готовили Рамадан с особым размахом, так как в нем приняли участие добровольцы-мусульмане, которые сражались в германской армии. Религиозные ритуалы и праздники

постоянно политизировались; фактически само их «возвращение» было политическим жестом. Отчеты немцев свидетельствуют о благодарственных молитвах и призывах к Аллаху, в которых упоминались вермахт и Гитлер^[728]. По крайней мере в одном случае был организован праздник, который включал не только молитвы и публичные заверения в верности оккупационным властям, но и массовый обряд обрезания: «Необходимо подчеркнуть, что обрезание 50 детей было разрешено СД по соображениям политической целесообразности», – сообщал офицер вермахта^[729]. В некоторых районах мусульманские лидеры даже начали собирать деньги для Гитлера^[730].

Наверное, самое значительное изменение в религиозной жизни мусульман касалось восстановления и возобновления деятельности мечетей и молитвенных домов, закрытых при советской власти^[731]. «С минаретов татарских сел муллы снова призывали верующих на молитву», – вспоминал после войны Херварт фон Биттенфельд^[732]. В Берлине Геббельс с удовлетворением записал в своем дневнике 30 января 1942 года: «После того как татарам снова позволили возглашать религиозные песнопения со своих минаретов», они оставили свои изначальные опасения относительно вермахта. «Стоит подчеркнуть, насколько важной здесь оказалась разумная эксплуатация религиозного вопроса»^[733]. К марту 1943 года на полуострове вновь открылись пятьдесят мечетей^[734]. Некоторые источники называют более значительные цифры, указывая, что только в 1943 году были восстановлены 150 мечетей, а также открыты 100 временных молитвенных домов, которыми управляли в общей сложности 400 мусульманских священнослужителей^[735]. Разрешая или даже поддерживая восстановление мечетей, немецкие чиновники однозначно политизировали значение этих зданий. Практически сразу минареты и мечети стали использоваться в немецкой военной пропаганде.

Как и на Кавказе, военная администрация ввела религиозное образование в учебную программу светских татарских школ^[736]. Одновременно планировалось возродить и медресе; так, обсуждался крупный проект по реставрации грандиозного бахчисарайского медресе, которое практически полностью разрушили при большевиках^[737]. В Евпатории привели в порядок и восстановили 600-летнее городское медресе, которое при Советах использовалось как

склад. При условии правильной организации и пристального надзора немецкая администрация не считала религиозное образование источником опасности: напротив, в нем видели не особо затратную льготу мусульманам, а также эффективный заслон против большевистской пропаганды.

Немцы контролировали восстановление религиозной инфраструктуры, включая возрождение мечетей и медресе, и следили за этим процессом с помощью сложной административной системы – религиозных отделов так называемых мусульманских комитетов (*mohammedanisches Komitee*), которые были организованы в крупных городах Крыма^[738]. Вермахт представлял эти *Müsülman Komiteleri* (так их называли татары) в качестве наследников «мусульманских комитетов» времен Гражданской войны и немецкой оккупации Крыма в 1918 году^[739]. Поскольку военные строго пресекали любую политическую активность, комитеты занимались преимущественно вопросами религии и культуры. В итоге именно религиозный совет, господствующая часть каждого мусульманского комитета, стал главной опорой немецкого правления и политической пропаганды.

Довольно скоро работа комитетов была централизована в рамках главного мусульманского комитета, основанного в Симферополе 3 января 1942 года (он также известен как Симферопольский мусульманский комитет)^[740]. При царе Симферополь был центром ислама в Крыму; именно здесь находилась резиденция крымского муфтия. Возглавил комитет Джемиль Абдурешидов (в конце 1942 и начале 1943 года его временно замещал Эреджеп Курсаидов)^[741]. Наиболее важной структурой комитета был религиозный отдел (*Religionsdezernat* или *Krimreligionsdezernat*), который стал центральным органом религиозной власти для крымских мусульман, находившихся под управлением Германии. Во главе отдела стоял мусульманский деятель Алимсеит Джамилев. Отдел направлял и координировал как деятельность местных комитетов, так и вообще жизнь мусульман на полуострове.

Религиозный отдел Симферопольского комитета курировал все планы строительства и реставрации мечетей, открытия новых медресе и возвращения религиозного обучения в светские школы^[742]. Более того, предполагалось, что он будет контролировать внутреннюю жизнь этих учреждений. Хотя имамов и учителей избирало местное

мусульманское население, религиозный отдел центрального комитета должен был проверять, насколько они соответствуют должности, а также выступал последней инстанцией, их утверждавшей. Кроме того, отдел обладал полномочиями обучать имамов и давать советы по организации их работы. Наконец, он должен был предоставлять единые учебные планы для религиозных курсов и медресе.

В конце 1942 года немцы ужесточили систему, встроив местные мусульманские комитеты в более четкую институциональную структуру^[743]. В качестве ее опорных центров на местах были созданы советы при мечетях (*Moscheen-Rat*). Появление таких органов гарантировало, что общины верующих будут функционировать под неусыпным контролем властей. Свои уставы советы при мечетях получали из Симферополя; кроме того, они были обязаны предоставлять туда отчеты о своей работе. Институционализация ислама через «церковные» структуры не стала чем-то новым для Крыма: в период Российской империи имелся прецедент того, что Роберт Эмс выразительно назвал «церковью для ислама»^[744]. Теперь аналогичные структуры не только продвигались нацистской пропагандой в качестве символов религиозного освобождения, но и использовались немецкими властями в административных и военных интересах. В уставе Симферопольского комитета четко прописывалось, что он обязан представлять мусульман, а также «активно поддерживать интересы германского вермахта, германской гражданской администрации и германской полиции»^[745]. Хентиг отмечал, что Симферопольский комитет полностью находится в распоряжении оккупационных властей^[746]. Немцы использовали комитетскую систему главным образом в двух целях – как инструмент власти и контроля и как средство пропаганды и военной мобилизации.

В качестве инструмента власти и контроля советы и их централизованные структуры применялись для надзора над мусульманами и регулирования их жизни. Центральный Симферопольский комитет подчинили полиции безопасности СС (*Sicherheitspolizei*, зипо) и СД^[747]. Ему также приходилось составлять для них отчеты о своей работе^[748]. На практике СС довольно часто вмешивались в дела комитета и даже смещали религиозных деятелей и имамов, считавшихся неблагонадежными. Немцы особенно пристально следили за тем, чтобы советы не попали под влияние татарских

сепаратистов. Действительно, члены татарской националистической организации «Милли Фирка» (Национальная партия), стремящейся создать в Крыму независимое мусульманское государство, пытались использовать мусульманские комитеты в качестве прикрытия. В конце 1942 года несколько мусульманских комитетов провели встречу для обсуждения вопроса о создании татарского органа власти^[749]. Координатором этой акции стал Ахмед Озенбашлы, врач, который после немецкого вторжения начал играть ведущую роль в Симферопольском комитете. Однако немцы держали ситуацию под контролем: они пресекли деятельность Озенбашлы, а затем ограничили полномочия и влияние всего Симферопольского комитета.

В качестве инструмента пропаганды и мобилизации комитеты и, прежде всего, их религиозные отделы, активно использовались военной администрацией. Само их существование наделяло сотрудничество с немцами религиозной санкцией. Согласно уставу, Симферопольский комитет должен был использовать с целью пропаганды «любые вопросы культурной жизни»^[750]. Комитету поручили вести пропагандистскую работу среди мусульманского населения, мобилизуя его на борьбу с партизанами (фото 4.2). Во время церемонии открытия Симферопольского мусульманского комитета председательствующий имам пояснял, что ислам требует, чтобы мусульмане присоединились к немцам^[751]. В последующие месяцы центральный комитет участвовал в мощной исламской кампании пропаганды и мобилизации^[752]. В частности, комитеты организовывали проповеди для добровольцев-мусульман в вермахте и СС. «Религиозная антибольшевистская пропаганда», как ее именовали, велась в мусульманских городах и деревнях по всему Крыму^[753]. В сельской местности некоторые нанятые для этой цели имамы распространяли немецкую пропаганду посредством проповедей.

ФОТО 4.2. Крымские татары в германской форме перед Большой ханской мечетью. Бахчисарай, 1943 (источник: ВРК)

Главным пропагандистским орудием Симферопольского комитета выступала его газета *Azat Kirim* («Свободный Крым») ^[754], выходившая с начала 1942 года под редакцией мусульманского интеллектуала

Мустафы Куртиева. Собравшийся под его началом небольшой коллектив журналистов работал в доме номер 14 по улице Пушкина в Симферополе. *Azat Kirim* выходила два раза в неделю и пользовалась большой популярностью среди крымских мусульман. В 1943 году тираж газеты доходил до 10 000 экземпляров – и, по некоторым оценкам, спрос на нее превышал предложение как минимум в четыре раза. Содержание газеты контролировалось и цензурировалось отделом пропаганды немецкого военного командования в Симферополе. Мусульманский комитет исходил из того, что газета должна укреплять преданность татар немцам и вермахту, мобилизовать мусульман в ряды германских войск и содействовать борьбе с евреями, масонами и коммунистами^[755]. Издание поддерживало восстановление «прав магометан Крыма», которые подавлялись «большевистско-еврейско-русской властью». Редакторы также хорошо понимали, что их пропагандистские усилия следует рассматривать как часть более широкой германской кампании панисламской мобилизации – и даже просили Берлин регулярно информировать их о немецких публикациях на турецком, арабском, персидском и других «восточных» языках, чтобы согласовывать свою пропаганду с глобальной немецкой линией. В начале 1943 года Куртиев предложил учредить обще-мусульманский печатный орган, предназначенный для распространения если не по всему мусульманскому миру, то по крайней мере среди всех мусульман оккупированных восточных территорий^[756]. «Мировые события и исторически беспрецедентная война, охватившая значительную часть мусульманского мира, требуют широкой агитации в пользу германо-мусульманской дружбы», – утверждал журналист. Редакция Куртиева интересовалась и другими разновидностями печатной пропаганды. Так, в начале января 1943 года она запросила экземпляры «Майн кампф», отметив, что «магометане Крыма сильно заинтересованы в классической работе фюрера»^[757].

Номера *Azat Kirim*, которые сейчас можно найти в Государственном архиве Республики Крым в Симферополе, показывают, что реализуемая газетой пропаганда, наряду с бесконечными тирадами против коммунистов и евреев, включала многочисленные материалы по вопросам религии. В одной из статей, преисполненной ликования по поводу освобождения ислама от «большевистско-еврейского гнета», сообщалось об участии Германии в

ремонте мечетей, в частности в восстановлении феодосийской мечети XVII века Муфти-Джами, которую при царе превратили в церковь^[758]. В других материалах критиковался советский атеизм. Например, автор одной из статей утверждал, что только у дикарей нет религии: «Бог, Пророк, религия и вера принадлежат людям высокой цивилизации»^[759]. Попытки большевиков «уничтожить» цивилизацию крымских мусульман окончились неудачей: «Великий Аллах не позволил этому случиться», – настаивала газета. – По его воле Адольф Гитлер спас нас от этих угнетателей». Большинство текстов исламской тематики были посвящены религиозным праздникам. Например, во время Курбан-байрама 1942 года *Azat Kirim* печатала не только общие размышления о цели жертвоприношения^[760], а еще и сообщения о торжествах, которые проходили на полуострове^[761]. В большинстве статей религиозная тематика переплеталась с политической. «Великая германская нация, а также ее союзники, великий итальянский и японский народы, уважают этот самый важный религиозный праздник мусульман и помогают отмечать его»^[762], – заявлял один из авторов. В газете освещалось даже торжественное открытие муфтием Иерусалима Центрального исламского института в Берлине, состоявшееся на Курбан-байрам 1942 года^[763]. *Azat Kirim* регулярно пела дифирамбы «славному муфтию», который «поднял знамя джихада против англосаксонских государств»^[764].

Немало показательных статей о религии касалось практических вопросов. Например, в одном материале поднималась большая тема о том, что многим мусульманам в Крыму финансовое положение просто не позволяет принести жертву на Курбан-байрам^[765]. В другой статье освещались споры по поводу виноделия, которое некоторые крымские муллы объявили запретным (*харам*) – несмотря на то, что оно играло важную роль в экономике некоторых татарских деревень. Со ссылкой на священные тексты журналист утверждал, что ислам запрещает только употребление, но не производство или продажу вина^[766]. Наконец, многочисленные материалы были посвящены новой религиозной администрации. Статьи не просто сообщали о новых уставах и предписаниях мусульманских комитетов^[767], но и включали подробные отчеты о деятельности Симферопольского комитета, рассказывали о возрождении мечетей, возвращении религиозных праздников, восстановлении религиозного образования и открытии

бесплатных столовых^[768]. Наиболее противоречивым был вопрос о назначении новых мулл. Авторы часто не только высказывали свое мнение о роли и обязанностях религиозных деятелей, но и критиковали назначение тех, кого считали несоответствующими должности^[769]. В целом статьи в *Azat Kirim* дают представление не только о роли и функциях религии в пропаганде в оккупированном Крыму, но и об ограниченности немецких усилий по возрождению ислама на полуострове. Помимо газеты, Симферопольский комитет со временем начал участвовать в радиопропаганде, направленной на крымских мусульман^[770].

Хотя религиозную пропаганду в Крыму организовывали мусульманские комитеты, она, конечно же, полностью соответствовала общим германским установкам. Уже в первом временном руководстве по ведению пропагандистской работы среди татар, которое Восточное министерство распространило в конце 1941 года, подчеркивалась роль религии. «Самое важное для них – свободная религиозная практика», – объясняли авторы руководства, предлагая такой лозунг: «Германский рейх дружески и доброжелательно относится ко всем магометанам. Поэтому не верьте большевистской пропаганде, по словам которой вас следует репрессировать и расстреливать только потому, что вы мусульмане»^[771]. Немцы спорадически и сами занимались пропагандой, например раздавая миниатюрные копии Корана с прилагаемыми к ним специальными увеличительными стеклами^[772]. Такие наборы были обычными сувенирами, которые мусульмане привозили из Мекки в 1930-х и 1940-х годах. В докладе СС отмечалось, что особые религиозные подарки также вручались отдельным уважаемым имамам^[773].

На протяжении всего периода оккупации мусульманские лидеры подавали отчеты и доклады немецким властям. Часто их обращения принимали форму петиций, что дает представление о практических пределах, ограничивавших замыслы Германии по возрождению ислама в Крыму. Материалы, подготовленные Симферопольским мусульманским комитетом, показывают, что жизнь правоверных нередко отличалась от той, какую пыталась изобразить немецкая пропаганда. Германские официальные лица на местах не всегда сотрудничали с представителями мусульман^[774]. Например, в 1942 году евпаторийский комитет основал медресе на 130 студентов, а немецкая

комендатура закрыла его всего через две недели. Мусульмане Евпатории тогда подали жалобу (через Симферопольский комитет), подчеркнув «необходимость давать детям религиозное образование и бороться с безбожием, которое осталось от большевистской власти»^[775]. Такого рода конфликты были особенно распространены в тех областях, где немцы укомплектовывали местную администрацию русскими коллаборационистами. Помимо трений между мусульманами и местными властями, Крым столкнулся с общей нехваткой персонала для мечетей и школ^[776]. В какой-то момент Симферопольский комитет попросил прислать в Крым священнослужителей из Румынии, одновременно предлагая отправлять молодых крымских имамов на обучение в румынские и боснийские медресе. На полуострове наблюдался острый дефицит религиозных книг^[777]. В 1943 году немецкие власти дали согласие на ввоз экземпляров Корана и других религиозных изданий для крымских медресе из-за границы^[778]. В целом ходатайства показывают, что представители мусульман часто пытались использовать немецкий оккупационный режим в своих интересах. Однако их главные просьбы, касающиеся восстановления двух основных традиционных структур – вакуфа и муфтията, – не получили поддержки немцев.

Религиозная система, одобренная немецкой администрацией и включавшая мечети, медресе, мусульманские комитеты и их персонал, была дорогостоящей. Сначала возрождение религиозных учреждений и устройство на работу священнослужителей финансировались в основном за счет пожертвований населения^[779]. Согласно исламской традиции, такие расходы покрываются особыми религиозными фондами – вакуфами, – которые управляют собственностью общины, в том числе недвижимостью и землей^[780]. Институт вакуфа опирается на шариат и издавна играет важную роль в жизни мусульманских общин по всему миру. Доходы от пожертвований и экономической деятельности используются для выплаты содержания мусульманскому духовенству, учителям и студентам-богословам, а также для финансирования мечетей, религиозной собственности и благотворительных проектов. Крымский вакуф был официально признан в царской России и обладал баснословными богатствами, включая здания и земельные угодья по всему полуострову. Царское правительство объявило вакуфную собственность неотчуждаемой

императорским указом от 1829 года, который отдал ее под опеку крымского муфтията. Через два года был обнародован еще один указ, подтвердивший, что вакуф – главный источник средств для мечетей, медресе и духовенства. Советская власть отменила вакуф и конфисковала все его имущество.

С приходом немцев вопрос о вакуфе был поднят довольно скоро. 13 декабря 1942 года религиозный отдел Симферопольского мусульманского комитета, возглавлявшийся Алимсеитом Джамилевым, направил немецкому командованию соответствующий меморандум^[781]. Поблагодарив «славный германский вермахт» за то, что он «освободил» крымских мусульман и восстановил на полуострове религиозную жизнь, авторы текста подробно остановились на «великой и трудной задаче» возрождения исламских институтов в Крыму, требующей огромных расходов. Поскольку возрождение невозможно без существенных финансовых ресурсов, говорили они, срочно необходима реституция – по крайней мере части вакуфной собственности, например заброшенных и обветшавших зданий. Сам Симферопольский комитет хотел разместить свой религиозный отдел в одном из бывших вакуфных домов. В этом здании некогда располагался крымский муфтият, но потом советские чиновники превратили его в жилой дом^[782].

Хотя формального и повсеместного восстановления вакуфа не произошло, немецкие власти тем не менее были готовы решать этот вопрос в частном порядке. С открытием мечетей и религиозных школ бывшую вакуфную собственность де-факто возвращали мусульманским общинам во многих районах полуострова. Кроме того, временные уставы местных общин, которые были приняты зимой 1942–1943 годов, однозначно указывали вакуфную собственность в качестве источника их дохода^[783].

Согласно уставам, местные советы мечетей должны были управлять всей вакуфной землей, мечетями, служебными зданиями и жилыми домами духовенства и обслуживающего персонала. Им также разрешалось собирать благотворительные пожертвования (*закят*) и использовать их для оплаты труда имамов, финансирования мечетей, религиозного образования и благотворительных проектов. Центральный религиозный отдел Симферопольского мусульманского комитета финансировался из вакуфных фондов, получая доход от

ресторанов и других деловых предприятий. Согласно отчету СС, подготовленному весной 1943 года, в фонд ежемесячно поступали 10 000 рублей и благотворительные пожертвования на неизвестную сумму^[784]. Однако остается неясным, относился ли термин «вакуф» только к новым пожертвованиям или к традиционной вакуфной собственности тоже. В целом же немецкие экономические структуры были готовы поддержать мусульманское население полуострова и при распределении сельскохозяйственных земель^[785].

Вопрос вакуфа был тесно связан с проблемой восстановления должности муфтия, который традиционно руководил религиозной жизнью в Крыму. В Российской империи крымский муфтият имел большое значение для мусульман даже за пределами полуострова. В имперскую эпоху один муфтий работал в Уфе, а другой в Симферополе; кроме того, для мусульман Кавказа были назначены суннитский муфтий и шиитский шейхуль-ислам, резиденции которых находились в Тифлисе. Крымский муфтият в Симферополе, в состав которого входили муфтий, его заместитель, кади аль-аскар (военный судья) и шесть кади, отвечал за проповеди и молитвы, браки и разводы, право наследования, управление мечетями и медресе и, самое главное, за вакуф. Религиозный отдел Симферопольского мусульманского комитета, поощряемый вермахтом, по своим функциям напоминал муфтият, хотя символически он был менее значимым и более ограниченным во влиянии. Вскоре Симферопольский комитет предложил немцам восстановить крымский муфтият. В меморандуме от 13 декабря 1942 года Джамилев связал вопрос о восстановлении вакуфа с проблемой муфтията^[786]. Одновременно Симферопольский мусульманский комитет пообещал, что назначение муфтия окажет пропагандистское воздействие не только на «мусульман России», но и «на весь мусульманский мир»^[787]. В другой ситуации мусульманские лидеры агитировали за учреждение муфтията на том основании, что моральное возрождение татар возможно только через религию^[788].

Немцы отлично понимали, что восстановление должности крымского муфтия создаст новую и мощную политическую фигуру. Опасаясь политической активности среди татар, армейское начальство видело в избрании высшего мусульманского священнослужителя немалый риск. В Берлине мольбы о восстановлении муфтията сначала пропускали мимо ушей. Но потом обострявшаяся конкуренция стран

Оси и антигитлеровских держав за то, чтобы представить себя в качестве друзей ислама, заставила немцев скорректировать позиции. В октябре 1943 года, когда советское правительство, в рамках смягчения антирелигиозной политики, открыло муфтият в Ташкенте [Духовное управление мусульман Средней Азии и Казахстана.– Прим. пер.], Восточное министерство наконец выдвинуло предложение о создании крымского муфтията^[789]. В ноябре Рихард Корнельсен, сотрудник политического управления министерства оккупированных восточных территорий (управление тогда возглавлял Готтлоб Бергер), написал по этому вопросу меморандум, в котором говорилось:

Чтобы эффективно противостоять большевизму, который, как показывают последние события, также стремится завоевать влияние в исламском мире, крайне важно активно использовать все имеющиеся в нашем распоряжении средства противодействия. Следует немедленно объявить избрание ташкентского муфтия недействительным и разоблачить Сталина на том основании, что антирелигиозный еврейский большевизм не имеет морального права – учитывая то, как он обращается с мусульманами Советского Союза, – представляться другом или покровителем ислама; кроме того, нужно заявить, что этот муфтий лишь марионетка в руках Москвы, а нынешняя сталинская политика в отношении ислама является лишь продолжением фарса, начатого в 1917 году^[790].

Предложенный Корнельсеном проект муфтията выходил далеко за пределы Крыма – дела полуострова вписывались в более широкий контекст ислама в Советском Союзе. Обоснованием проекта выступало не умиротворение Крыма, а использование ислама на всех фронтах войны. По мнению Корнельсена, наиболее эффективным ответом стал бы съезд уважаемых мусульман, представляющих Крым, Кавказ, Туркестан и Волго-Уральский регион. На нем чиновник рекомендовал торжественно утвердить в должности крымскотатарского муфтия, который будет избран заранее. Конгресс следует провести в Берлине, максимально использовав его в пропагандистских целях. В качестве гостей предполагалось пригласить представителей мусульман с территорий за пределами Советского Союза. Бергер отреагировал на проект одной из своих печально известных пометок на полях: «Согласовано»^[791]. Виза Бергера, который сохранил за собой пост

начальника Главного управления СС, могла быть истолкована как одобрение со стороны СС.

План учреждения крымского муфтията был в скором времени представлен вермахту. В своем меморандуме Восточное министерство утверждало, что этот институт укрепит позиции Германии на полуострове, а это больше всего волновало армейское командование в Крыму. В документе подчеркивалась также заинтересованность Германии в том, чтобы «иметь на посту муфтия благонадежного человека», которого можно использовать «для воздействия на татарское население»^[792]. Более того, муфтию предстояло противостоять сталинской пропаганде: «Избрание крымскотатарского муфтия может впоследствии стать отправной точкой для пропагандистской борьбы со сталинской политикой в отношении ислама». В конечном итоге проект отсылал к идее масштабной панисламской мобилизации, объясняя, что «выборы муфтия будут иметь огромное политическое и пропагандистское значение, влияя как на Советский Союз, так и на Ближний Восток». Отталкиваясь от хорошо известной симпатии Гитлера к мобилизации мусульман, авторы меморандума также упоминали о «желании фюрера идти навстречу магометанским народам». Меморандум фактически не оставлял места для возражений. Его заключительная часть включала некоторые практические советы. Чтобы не усложнять процесс, вопрос о вакуфе предлагалось не увязывать с учреждением муфтията. Правом избирать муфтия следует наделить только руководителей мусульманских комитетов, глав религиозных советов и всех членов религиозного отдела Симферопольского комитета. Вермахту необходимо контролировать этот процесс. Восточное министерство даже подобрало подходящего кандидата на пост муфтия: это был Ахмед Озенбашлы.

Однако кандидатура Озенбашлы оказывалась практически непроходной^[793]. Этот беззастенчивый карьерист был на первых ролях во время потрясений революции и гражданской войны, а затем, при советской власти, работал на различных ответственных постах. Однако вскоре он впал в немилость начальства и провел некоторое время в тюрьме и лагере. Когда немцы вторглись в Советский Союз, он работал врачом недалеко от Харькова. Стремясь сделать карьеру в освобожденном от советской власти Крыму, он перебрался в Симферополь и скоро стал весьма влиятельной фигурой в центральном

мусульманском комитете. Впрочем, его планы были куда более амбициозными. Хотя Озенбашлы и не получил религиозного образования, он стал претендовать на пост муфтия, активно воплощая свой план. Однако военные власти Крыма следили за его деятельностью с нарастающим подозрением. В конце концов попытки Озенбашлы расширить область полномочий мусульманских комитетов, включив туда политические вопросы, разозлили СД. Опасаясь ареста, этот деятель сбежал из Крыма в начале октября 1943 года и направился в Одессу, откуда с помощью румынской тайной полиции уехал в Бухарест. И хотя побег не помешал чиновникам Восточного министерства вновь упомянуть его имя, военная администрация теперь испытывала куда меньше энтузиазма по поводу как этой конкретной кандидатуры, так и всего плана в целом.

Вермахт опасался, что муфтият станет очагом политической деятельности, и поэтому весьма резко отреагировал на проект Восточного министерства. «Создание регионального правительства на магометанской основе и образование великого муфтията в Крыму не рассматривается. Никаких планов в этом направлении не строится, поскольку они означали бы разрыв с проводимой до сих пор политикой», – писали военные^[794]. Вермахт опасался неконтролируемой политической деятельности, отметив, что «в последнее время татары обнаруживают крайнюю неустойчивость». В военных кругах предложение Восточного министерства вызвало тревогу, заставив в авральном режиме обсуждать ситуацию^[795]. Армейские офицеры на местах мало доверяли подобным схемам, особенно принимая во внимание «ненадежность Озенбашлы и его товарищей»^[796].

СС не придерживались четкой позиции по этому вопросу. Возможно, не подозревая об одобрении муфтията со стороны Бергера, некоторые представители СС в Крыму также высказывали свои опасения. «Вопрос муфтията в настоящее время отошел на задний план», – сообщалось в отчете СС от 2 февраля 1944 года. В ряду более насущных проблем в том же документе указывались масштабная эвакуация татар с контролируемой партизанами территории в крымских предгорьях, а также их массовый призыв в немецкую армию^[797]. Тем не менее в некоторых структурах СС вопрос о муфтияте продолжали обсуждать. 5 марта 1944 года гауптштурмфюрер СС Штекер, отвечавший в СД за крымскотатарские вопросы, в сопровождении

офицеров СС из отдела пропаганды посетил Вальтера Шумана, городского комиссара Симферополя, чтобы обсудить идею крымского муфтията^[798]. Однако Шуман высказал сомнения по поводу этого плана. У вермахта были более насущные проблемы, поскольку Красная армия вернулась на полуостров, а немцы отступали.

Сотрудники СС обсуждали вопрос о муфтияте до конца войны. После того как Крым был отвоеван Красной армией, рьяные сторонники исламской мобилизации в главном управлении СС начали обдумывать проект единого муфтията для всех восточных тюрков. Теперь этот вопрос рассматривался исключительно с точки зрения исламской мобилизации и пропаганды, со ссылками на моральный дух мусульман-добровольцев в немецких войсках. Райнер Ольша даже советовался по этому поводу с Рихардом Хартманом^[799]. Хартман же предупредил СС, что учреждение единого муфтията для всех мусульман-суннитов Советского Союза предоставит огромную власть одному человеку, а также указал на то, что подходящего кандидата на эту должность нет.

В Восточном министерстве вопрос муфтията оставался на повестке дня и после отступления немцев из Крыма; здесь тоже о муфтияте рассуждали как о структуре, опекающей не только крымчан, но и всех мусульман Востока. Летом 1944 года Бергер приказал Герхарду фон Менде обсудить эту тему с аль-Хусейни. Главной темой этого разговора стала обеспокоенность по поводу советского муфтията в частности и усиление московской пропаганды во всем исламском мире в целом. Менде сообщал: «Чтобы успешно противостоять большевистской пропаганде (и учреждению муфтията в Ташкенте), великий муфтий приветствовал бы установление муфтията с немецкой стороны – в порядке эксперимента»^[800]. Создание такой структуры для крымских татар предполагалось увязать с обращением ко всем мусульманам Советского Союза, подтверждая происламскую позицию Третьего рейха. В данном контексте снова называлась фамилия Озенбашлы. Фактически Менде уже связался с ним и попросил как можно скорее приехать в Берлин. Однако Озенбашлы не высказал никакого интереса к этому предложению. Татарский агент, отправленный Восточным министерством и гестапо в Румынию в июне 1944 года, сообщил, что Озенбашлы был готов приехать в Германию только в том случае, если его точно назначат муфтием^[801]. Он

разочаровался в немцах, больше не верил в победу Германии и надеялся, что англичане скоро высадятся в Румынии. Вскоре после оккупации страны советскими частями Озенбашлы арестовали.

Тем не менее политическое управление Восточного министерства продолжало обсуждать этот вопрос и даже разработало указ об учреждении восточного муфтията^[802]. Осенью 1944 года управление изложило эти планы в своем информационном бюллетене: «В настоящий момент ведутся переговоры о создании муфтията. Этот проект, если говорить о его воздействии, имеет первостепенное значение»^[803]. Даже в марте 1945 года, когда Красная армия наступала на Берлин, глава татарского отдела министерства граф Леон Стамати продолжал отстаивать идею «крымского великого муфтия», который, «в традициях прошлого», будет одновременно «высшим муфтием для всех магометан Советского Союза»^[804]. Несколько дней спустя Алимджан Идрис также написал отчет на тему учреждения муфтията. Его отношение было более критичным. Большинство мусульманских военнопленных, с которыми он встречался, были равнодушны к муфтияту, их больше заботила национальная независимость, чем религиозное руководство. Они предпочитали союз мусульманских народов единой исламской империи,— объяснял Идрис. При этом он понимал, что уступки в религиозной сфере могут стать лучшей альтернативой национальному суверенитету. Если после войны тюркские народы Востока не объединят политически или не предоставят им национальной независимости, то их следует организовать «под эгидой единой религиозной организации»,— писал он, подчеркивая, что «в таком случае лидера этой организации нужно будет избрать из числа ее собственных исламских ученых»^[805]. Такое отношение к вопросу о муфтияте выпадало из генеральной линии Восточного министерства, которое обычно более критично относилось к использованию ислама на оккупированных территориях. Впрочем, через два месяца война закончилась.

Ислам и гражданская администрация в рейхскомиссариате Остланд

Берлин не всегда был столь осторожен в вопросе об учреждении муфтията. Фактически на активные усилия по возрождению этой структуры крымских мусульман изначально вдохновило разрешение, которое татары-мусульмане Вильнюса получили в рейхскомиссариате Остланд, возглавляемом Генрихом Лозе^[806]. Татарские меньшинства в Польше, Литве, Латвии, Эстонии и Белоруссии были среди первых мусульман Востока, с которыми столкнулись немцы^[807]. Большая их часть проживала на территории Остланда. Татары-мусульмане из Крыма, Поволжья и Кавказа селились на этих землях с XIV века, пользуясь покровительством Великого княжества Литовского, в состав которого входили современная Польша, Литва и Белоруссия. В последующие столетия они пользовались особыми правами и свободой вероисповедания, создав уникальную мусульманскую культуру – ее следы можно видеть в живописных деревянных мечетях Крушинян и Богоников^[808]. После вторжения СССР в Польшу и Литву в 1939 и 1940 годах многие татары-мусульмане (особенно из Литвы и Белоруссии) были сосланы в Сибирь. Ислам подвергался преследованиям: мечети разрушали, превращали в склады или использовали для других целей, как мечеть Каунаса, из которой сделали библиотеку. Американские и британские авторы того времени были убеждены, что репрессии в отношении ислама продолжаются и при немцах^[809]. Однако в реальности все обстояло сложнее. Как и на других оккупированных восточных территориях, нацистский режим пытался показать, что Германия – подлинный освободитель ислама.

В отличие от Крыма и Кавказа, жизнь мусульман в Остланде в основном контролировало министерство оккупированных восточных территорий^[810]. Ислам не имел особого статуса и регулировался этим ведомством наряду с другими религиями. В мае 1942 года, например, в базовых инструкциях Розенберга на тему религии, предназначенных для гражданской администрации в Остланде и Украине, подчеркивалось, что среди дозволенных религиозных групп и организаций находилось и «магометанское население»^[811]. Год спустя

он информировал оккупационную гражданскую администрацию, а также государственные, партийные и военные органы, о датах исламских религиозных праздников, во время которых трудящиеся мусульмане на всех оккупированных территориях были освобождены от работы^[812]. Розенберг специально упомянул о праздновании Мавлида, Ураза-байрама и Курбан-байрама, которые отмечались соответственно 19 марта, 1 октября и 8 декабря того же года. Наконец, Розенберг поручил местным властям в мусульманских районах подумать над тем, чтобы «после консультации с ведущими магометанскими духовными лицами» сделать праздником исламский Новый год, приходящийся на 28 декабря 1943 года. В тех случаях, когда военно-экономическая ситуация не позволяла выделить такие дни отдыха, Розенберг советовал местным офицерам сообщать об ограничениях празднований через посредников – то есть через «ведущих магометанских клириков».

На практике многие мусульмане Остланда приветствовали эту политику. По крайней мере такое впечатление создалось у Вернера Отто фон Хентига^[813]. Известный политический деятель, бежавший из советского Крыма, Мустафа Эдиге Кырымал, посетив Остланд примерно в те же месяцы, докладывал Восточному министерству, что мусульмане «благодарны» Третьему рейху за «освобождение от большевистского ада»^[814]. Они вновь открыли мечети и могут пользоваться полной свободой вероисповедания. Как Хентиг, так и Кырымал отмечали: мусульманам покровительствуют немецкие власти, что позволяет многим из них работать в гражданской администрации и местных полицейских частях.

В Риге местный мулла Шакир Эрисс (в 1920-е годы он был хозяином турецкого кафе, пока его не избрали городским имамом) заверил немецкие власти в своей «величайшей признательности» за то, что ему дано «разрешение снова читать публичные проповеди, которые многие магометане не могли посещать в течение 25 лет коммунистического режима»^[815]. Советская эпоха стала «кульминацией» долгой истории антимусульманских репрессий со стороны российского государства, объяснял Эрисс, добавляя, что «коммунизм относился к священным принципам ислама с полнейшим презрением». Однако, по его утверждению, мусульманскую культуру сохранили в семьях. Власти рейхскомиссариата называли Эрисса

«настроенным абсолютно прогермански»^[816]. Его также сделали имамом многочисленных военнопленных-мусульман, которые были сосредоточены в Латвии и работали в трудовых подразделениях в Риге, Динабурге (Даугавпилсе) и Вендене (Цесисе)^[817]. В конечном итоге Эрисс даже предложил создать в вермахте мусульманские части – «магометанские подразделения, воюющие под зелеными знаменами, но под управлением немецких офицеров». Имам, по всей видимости, не подозревал, что вербовка мусульман в армию рейха уже началась^[818]. Но, как бы сильно Эрисс ни стремился сотрудничать с оккупационными властями, масштабы его деятельности были ограничены рижским регионом. Более значимую роль в исламских делах в Остланде (и за его пределами) сыграл коллега Эрисса в Вильнюсе.

В начале 1942 года немцы, а именно Теодор Адриан фон Рентельн, подчиненный Розенберга и жестокий генеральный комиссар Литвы, официально поддержал кандидатуру Якуба Шинкевича на пост муфтия Литвы (фото 4.3)^[819]. Так называемый литовский муфтият расположился в Вильнюсе, где проживало большинство литовских татар. В скором времени Шинкевич попытался распространить свое влияние на другие районы рейхскомиссариата: в немецких документах его довольно скоро стали именовать муфтием Остланда^[820]. Шинкевич не оставлял никаких сомнений в своей безусловной верности гитлеровской Германии. «Мы твердо убеждены, что Бог поможет Германии искоренить большевизм и установить новый порядок во всей России, ибо это единственная возможность для наших магометанских братьев освободиться от русского ига», – писал он своему старому знакомому Алимджану Идрису в Берлин^[821]. Шинкевичу тогда было около пятидесяти лет, у него не было гражданства, зато были давние связи с Германией: он защищал диссертацию в Берлине^[822]. Доверяло ему и польское правительство: в межвоенный период он занимал должность муфтия Польши^[823]. После Первой мировой войны власти Польши основали в Вильнюсе муфтият для татар-мусульман всего региона, которые ранее, в эпоху Российской империи, формально подчинялись крымскому муфтияту. В межвоенный период под началом Шинкевича находились семнадцать мечетей и три молитвенных дома, расположенных на территории Польши. Муфтий был очень активным деятелем, публиковал молитвенники, наставления для имамов, работы

по исламской теологии на арабском и польском. Он бегло говорил на нескольких ближневосточных языках и посетил Хиджаз, Палестину, Сирию, Турцию, Болгарию и Боснию. В Каире его принимал египетский король Фуад. Он общался с лидерами исламского мира, вроде аль-Хусейни и Шакиба Арслана, и представлял свою общину на панисламских конгрессах в 1920-е и 1930-е годы.

ФОТО 4.3. Муфтий Якуб Сулейман Шинкевич в своем кабинете (источник: НАС)

Якуб Шинкевич приходился дядей Эдиге Шинкевичу, более известному как Эдиге Кырымал (отец последнего был литовцем)^[824]. По словам Кырымала, Шинкевича очень уважали крымские татары. Действительно, татарские меньшинства в Прибалтике, Беларуси и Польше традиционно поддерживали тесные связи с татарами-мусульманами Крыма. Таким образом, неудивительно, что дискуссия о создании крымского муфтията в 1942 году активизировалась под влиянием новостей об учреждении аналогичного учреждения в

рейхскомиссариате Ост-ланд^[825]. В этой связи глава администрации вермахта в Крыму сетовал на то, что вопросы о муфтияте в Вильнюсе и в Симферополе не решаются согласованно. Он критиковал политику Восточного министерства в Остланде: по его словам, гражданская и военная администрация не смогли объединить усилия в обсуждении столь важной политической проблемы^[826]. Имея в виду связи между общинами, Корнельсен, со своей стороны, размышлял об эвакуации крымских татар в Литву: «Стоит рассмотреть вопрос о возможном перемещении части крымских татар в Остланд (район Вильнюса)»^[827].

На практике муфтият в Остланде должен был повлиять и на небольшую (не более 7000 человек) общину мусульман, проживавших в Польше военного времени – ведь польское мусульманское население всегда составляло единое целое с мусульманами Литвы. По некоторым сведениям, Шинкевич также выступал в роли муфтия мусульман генерал-губернаторства^[828]. В Варшаве немцы поставили прогерманского имама, у которого не было польско-татарских корней; он сменил прежнего варшавского имама Али Вороновича, получившего образование в аль-Азхаре. Во время вторжения Германии и СССР в Польшу Воронович находился с визитом в восточной части страны, где был арестован Красной армией, а затем сослан. Хотя мусульман в генерал-губернаторстве было немного, немцы хорошо понимали их политическую значимость. Так, Берлин с опаской следил за пропагандой союзников в Сирии: та изображала войска Оси осквернителями польских мечетей и сообщала, что мусульмане Польши стали объектом особого жестокого обращения, так как немецкие войска приравнивали их к евреям^[829].

Реалии войны и реакция советской власти

Пропагандистские сообщения союзников о том, что немцы в Польше не видят разницы между мусульманами и евреями, нельзя считать полным вымыслом. Немецкие солдаты, воспитанные в духе расовой догмы и постоянно «подогреваемые» нацистской пропагандой, которая поносила азиатские народы Советского Союза, объявляя их представителей «недочеловеками», не были готовы к встрече с мусульманами на восточных территориях. В первые месяцы операции «Барбаросса» в прифронтовых районах многих мусульман, особенно военнопленных, уничтожили отряды СС: считалось, что обрезание доказывает их еврейское происхождение^[830]. Летом 1941 года на совещании с участием высоких чинов вермахта, СД и Восточного министерства под председательством генерала Германа Рейнеке полковник Эрвин фон Лахузен (он представлял абвер), вступил в яростную перепалку с начальником гестапо Генрихом Мюллером по поводу именно этих казней. В частности, был поднят вопрос об отборе сотен мусульман (вероятно, крымских татар), которых «подвергли особому обращению», приняв их за евреев. Мюллер спокойно признал, что его подчиненные допустили определенные ошибки. По его словам, сам он впервые слышит, что мусульман также подвергают обрезанию. 12 сентября 1941 года Рейнхард Гейдрих разослал директиву, где требовал от айнзацгрупп СС большей внимательности: «обрезание» и «еврейская внешность» тюрков-мусульман, говорил он, не являются достаточными «доказательствами еврейского происхождения»^[831]. Мусульман не следовало путать с евреями. Накануне летней кампании в мае 1942 года Восточное министерство издало директиву об идентификации «евреев» на оккупированных восточных территориях, уточнив, что только на западе России обрезание следует рассматривать как маркер еврейства^[832]. «В тех районах, где присутствуют мусульмане, мы не можем определять еврейское происхождение человека только по обрезанию», – говорилось в документе. На мусульманских территориях необходимо учитывать другие характеристики, такие как имя, происхождение и этнический облик.

Однако на южных окраинах Советского Союза немецкие расстрельные команды по-прежнему испытывали трудности в

различении мусульман и евреев. Когда айнзацгруппа D начала истреблять еврейское население Кавказа и Крыма, она столкнулась с особым положением трех еврейских общин, которые долгое время жили среди мусульман: караимов и крымчаков в Крыму, а также иудеев-татов (известных как «горские евреи») на Северном Кавказе^[833]. В Крыму сотрудников СС привели в замешательство тюркоязычные караимы и крымчаки. После встречи с Олендорфом в Симферополе в декабре 1941 года два офицера вермахта, старший советник военной администрации Фриц Доннер и майор Эрнст Зейферт, сообщили, что для них было неожиданностью узнать о том, что «значительная часть евреев в Крыму исповедует магометанство» и что «есть ближневосточные расовые группы несемитского происхождения, которые странным образом приняли еврейскую веру»^[834]. Действительно, караимы и крымчаки (обе группы, по сути, исповедовали иудаизм) привели немцев в серьезное замешательство. В итоге караимов классифицировали как этнических тюрков и пощадили, тогда как крымчаков сочли этническими евреями и уничтожили. По мнению Вальтера Гросса, главы управления расовой политики НСДАП, караимов оставили в живых из-за их тесных отношений с татарами-мусульманами, союзниками немцев^[835]. Несколько сотен караимов даже были завербованы в крымскотатарские добровольческие части^[836]. На Кавказе таты-иудеи обратились с ходатайством в Нальчикский комитет^[837], который оперативно обсудил их вопрос с армейским руководством. Оберфюрер СС Вальтер Биркамп, к тому времени ставший начальником айнзацгруппы D, рассказал Бройтигаму об удивительном гостеприимстве, которое ему оказали «горские евреи», когда он лично посетил их под Нальчиком^[838]. Биркамп выяснил что, за исключением религии, у них нет ничего общего с евреями. Наоборот, он констатировал явное влияние на них ислама, так как таты практиковали полигамию. Биркамп приказал не трогать этот народ, а вместо термина «горные евреи» предписал называть их «татами»^[839].

Когда немцы начали прочесывать оккупированные территории Советского Союза в поисках цыган, они вскоре столкнулись с мусульманами^[840] – в Крыму таких представителей народа рома было большинство^[841]. На протяжении столетий они вливались в татарский этнос, и теперь татары продемонстрировали поразительную солидарность со своими единоверцами. Мусульманские комитеты

вскоре после своего учреждения направили немцам прошения, призывая защитить цыган-мусульман. В статье, напечатанной 27 марта 1942 года в *Azat Kirim*, объяснялось, что эта группа отличается от «обычных цыган» своим «языком, ритуалами и поведением», а этнически она связана с «иранскими племенами»^[842]. Пользуясь поддержкой татар, многие цыгане пытались выдавать себя за членов этого этноса, чтобы избежать депортации и смерти. Ислам также использовался для достижения этой цели. Характерный пример – облава на цыган в Симферополе в декабре 1941 года, когда арестованные пытались с помощью религиозных символов доказать немцам, что их задержали по ошибке. Свидетель событий записал в своем дневнике:

Цыгане во множестве прибывали на подводах к зданию Талмуд-Торы. <...> Они зачем-то высоко выставили зеленый флаг, символ магометанства, а во главе своей процессии посадили муллу. Цыгане старались уверить немцев, что они не цыгане, некоторые выдавали себя за татар, другие за туркмен, но их протестам не вняли – и всех отправили под охрану в большое здание^[843].

В конечном итоге многие рома-мусульмане были убиты. Тем не менее, поскольку немцам было трудно отличить цыган-мусульман от татар, около 30 % выжили; как и в случае с караимами, часть их даже была завербована в татарские вспомогательные части. Когда в ходе суда над айнцагруппами Олендорфа спросили о преследовании цыган в Крыму, тот объяснил, что отбор был затруднен, поскольку многие рома и крымские татары исповедовали одну и ту же религию: «В этом и заключалась трудность: некоторые, если не все, цыгане были мусульманами, а мы придавали большое значение тому, чтобы не иметь проблем с татарами. Таким образом, эту задачу решали сотрудники, хорошо знающие местность и людей»^[844].

Среди мусульман Кавказа и Крыма первоначальные надежды на лучшее отношение к себе, которые немцы всячески поощряли, угасли довольно скоро. Многие мусульмане постепенно понимали, что немцы были просто завоевателями, которые используют их в качестве орудия для реализации собственных планов. Несмотря на все усилия Германии по предоставлению уступок в религиозной сфере и постановке ярких зрелищ, призванных привлечь мусульман Кавказа и Крыма, в повседневной жизни часто преобладали жестокие реалии войны. Так,

румынские войска с самого начала не проявляли никакого уважения к исламу. С кавказского фронта немецкие офицеры сообщали в штаб группы армий «А» о «неблагоприятных последствиях поведения румынских союзников» по отношению к мусульманам^[845]. Генерал-квартирмейстер Эдуард Вагнер, набрасывая план своего разговора с Гитлером в Берлине, писал о своих встречах с румынскими солдатами на Кавказе как о «наихудшем опыте», упоминая о «грабежах и насилиях», которые неминуемо вызовут «самую острую реакцию» среди мусульман^[846]. Румынская администрация в своей крымской оккупационной зоне благоволила православному населению в ущерб мусульманам. Армейские православные священники, которые пришли вместе с румынскими частями, даже пытались вмешиваться в религиозную жизнь Крыма^[847]. Однако обеспокоенные немцы, стремившиеся проводить собственную политическую линию, пресекли нежелательную деятельность военного духовенства собственных союзников.

И все-таки за время оккупации власти рейха постепенно охладели к мусульманскому населению Крыма^[848]. Ближе к концу войны немцев все больше тревожило просачивание партизан в татарские поселения – и они реагировали на это очень жестко. По словам Кырымала, с декабря 1943-го по январь 1944 года люфтваффе сбросили зажигательные бомбы на более чем сто горных деревень в южных и внутренних районах Крыма^[849]. В начале 1944 года некоторые крымскотатарские деревни были полностью снесены. Мародерство, насилие и дискриминация распространились и на мусульманские районы. Ситуация на Кавказе была ненамного лучше^[850]. Снабжение армии здесь осуществлялось с перебоями, и немецкие солдаты часто не выполняли приказы о реквизициях и оплате продуктов питания. В домах престарелых, больницах, детских домах и санаториях, в том числе в Кисловодске, больных и инвалидов подвергали жестокому обращению и даже убивали, чтобы экономить еду. Из-за своей паранойи по поводу действий партизан немцы за непродолжительный период оккупации убили сотни (или, по некоторым оценкам, тысячи) гражданских лиц^[851]. Разрушения на Северном Кавказе были чудовищными.

Реакция Советского Союза на исламскую кампанию Германии на Ближнем Востоке была двоякой. С одной стороны политика Кремля в

отношении ислама изменилась – был сделан ряд уступок в области религии, а пропаганда начала обращаться к религиозным чувствам советских мусульман^[852]. В конце концов в Красной армии сражались десятки тысяч мусульман, многие из них – из Крыма и с Кавказа^[853]. Сразу после немецкого вторжения Габдрахман Расулев, назначенный Кремлем на пост муфтия Уфы, призвал мусульман Советского Союза «встать на защиту своей родины, молиться в мечетях о победе Красной армии и благословить свои сыновей, которые сражаются за правое дело»^[854]. Гитлер задался целью «искоренить мусульманскую веру», – предупреждал муфтий. Несколько недель спустя Расулев заявил, что «массы мусульман поднялись» на борьбу с немецкими захватчиками^[855]. По его словам, «исламской цивилизации, которая присутствует повсюду в мире, сегодня угрожает уничтожение со стороны немецко-фашистских банд – если только мусульмане всего мира не примут вызов и не будут бороться». В сентябре 1941 года он призвал советских мусульман «защищать нашу страну во имя религии»: «В мечетях и в личных молитвах обращайтесь к Аллаху, чтобы Он помог победить врага Красной армии»^[856]. Пятидесятидвухлетний Расулев, сын известного религиозного деятеля и представитель уважаемой башкирской семьи, стал наиболее значительным сталинским пропагандистом в мусульманских районах Советского Союза и за его пределами. 15 мая 1942 года его полномочия как главы всех советских мусульман были подтверждены на съезде мусульманского духовенства в Уфе. Религиозные деятели воспользовались этим случаем, чтобы рассказать миру о зверствах Германии в отношении мусульман Крыма. Немцев обвинили в «разрушении мечетей», «ликвидации священных символов», «запрете публичных молитв» и «попрании национальных и религиозных обычаев всеми возможными способами»^[857]. Постепенно Москва создала обширную структуру религиозного контроля над своими подданными-мусульманами, основу которой составили так называемые духовные управления. Первым стало Центральное духовное управление в Уфе, которым руководил Расулев. В октябре 1943 года на съезде (курултае) улемов в Ташкенте было учреждено суннитское Духовное управление мусульман Средней Азии и Казахстана, а возглавил его уважаемый восьмидесятипятилетний узбекский муфтий Эшон Бабахан^[858]. Год спустя Кремль учредил Духовное управление

мусульман Северного Кавказа во главе с муфтием Хизри Гебековым, которое располагалось в Буйнакске. Для шиитов Азербайджана также было создано свое духовное управление, работавшее в Баку. Его руководителя на съезде в мае 1944 года избрали сами богословы – им стал Ахунд Ага Ализаде, обучавшийся шиитскому богословию в 1890-х годах в Кербеле и Наджафе. Съезд шиитов направил верноподданническое послание Сталину, назвав его «Посланным Богом мудрым руководителем советского правительства»^[859]. «Да осветит Аллах победный путь наших бойцов и да поможет им навсегда очистить землю от фашистской нечисти!»,- заявили делегаты. Ирония судьбы заключалась в том, что и Расулаев, и Гебеков, и Бабахан, и Ализаде успели побывать в тюрьме или в ссылке (а иногда и там, и там) до того, как Сталин решил использовать их ради своей победы в войне.

Отчаянно стремясь добиться тотальной военной мобилизации, советская пропаганда обращалась к религиозным чувствам мусульман и призывала к джихаду против немецких захватчиков. Сталина восхваляли как покровителя ислама. Немцев, напротив, обличали как самых безжалостных врагов мусульман и их веры. Уфимское управление Расулева распространяло брошюры на узбекском, туркменском, таджикском и персидском языках, где правоверным приказывалось, по выражению Корана, «убивать врага, где бы вы ни нашли его»^[860]. 31 октября 1942 года, когда битва за Кавказ достигла кульминации, вся вторая страница «Правды» была напечатана на узбекском языке (напротив был дан русский перевод): «Вот судьба мусульманских народов Крыма и Кавказа; их мирные деревни сжигают и грабят немцы»^[861]. Советская пропаганда в итоге даже обратилась к памяти о священной войне, которую вел имам Шамиль. Как сообщалось в советских газетах, мусульмане Дагестана пожертвовали 25 миллионов рублей на создание танковой колонны под названием «Шамиль»^[862]. Во вновь открывшихся мечетях по всему СССР имамы обязаны были начинать проповеди с утвержденной властями формулировки: «Советская власть ниспослана Аллахом. Поэтому каждый, кто восстает против советской власти, восстает против Аллаха и Мухаммада, Пророка его»^[863].

Впрочем, политика Кремля в отношении исламского населения имела и свою оборотную сторону. Сталин жестоко ответил на то, что, по его мнению, было откровенным сотрудничеством мусульман Крыма

и Кавказа с врагом. Во время войны советская пропаганда изображала крымских татар жертвами предателей, которые ввели этот народ в заблуждение, и обещала полное прощение, если они перейдут на сторону советской власти. Призывали пропагандисты и сражаться с мусульманами-коллорационистами^[864]. В последние недели немецкой оккупации на исламских территориях вспыхнула паника. Многие мусульмане в Крыму и на Кавказе решили бежать с немецкими колоннами. Кавказцы шли за отступающей немецкой армией, терпя лишения. Десятки тысяч человек, сообщало американское OSS, покинули Кавказ вместе с немцами^[865]. В Крыму лидеры татарской общины пытались уговорить власти рейха эвакуировать хотя бы самых известных коллаборантов-мусульман^[866]. Они даже обратились за помощью к аль-Хусейни в Берлине. Обращаясь к палестинцу как к «религиозному лидеру мусульманского мира, который марширует вместе с Германией», они предупреждали о надвигающемся физическом уничтожении крымских мусульман^[867]. Но бессильный муфтий был не в том положении, чтобы помочь им. Немцев же заботило исключительно спасение собственных войск. В итоге лишь небольшому количеству мусульман, в том числе членам Симферопольского мусульманского комитета, включая его бывшего главу Эреджепа Курсаидова и начальника религиозного отдела Алимсеита Джамилова, удалось покинуть полуостров на самолете или на корабле^[868]. Попавшие в Германию крымские мусульмане при посредничестве аль-Хусейни обратились к немцам с просьбой поселить их в одном регионе, чтобы они могли жить сообща и воспитывать своих детей в исламском духе^[869].

После отступления немцев с Кавказа и из Крыма Сталин депортировал тех мусульман, кого он счел предателями – наряду с поволжскими немцами-христианами и калмыками-буддистами^[870]. 17 и 18 мая 1944 года все мусульманское татарское население Крыма было насильственно отправлено в Среднюю Азию и Казахстан. После возвращения советских войск многие крымские мусульмане, которых посчитали коллаборационистами, были казнены НКВД. В мусульманских кварталах Симферополя тела висели на телефонных столбах и деревьях. На Кавказе советские власти обвинили карачаевцев, балкарцев, чеченцев и ингушей в государственной измене. В случае балкарцев празднование Курбан-байрама выступало едва ли

не главным доказательством их вины^[871]. В ноябре 1943 года все карачаевцы были депортированы в Среднюю Азию и Казахстан, а в начале марта 1944 года балкарцев переселили в Казахстан и Киргизию. Несмотря на то что Чечено-Ингушетия никогда не была полностью оккупирована немцами, разрозненные антисоветские выступления в этом регионе тоже вызвали гнев Кремля. Чеченцев и ингушей депортировали в конце февраля 1944 года. Прощаясь со своими домами, кто-то шептал слова молитвы: *Ла ила-ха илла Аллах* («Нет бога, кроме Аллаха»)^[872].

Ислам и битва за Балканы

ПРОДВИГАЯСЬ по территории Королевства Югославия весной 1941 года, немецкие войска были удивлены восторженным приемом, который им оказывала значительная часть мусульманского населения. Антон Босси Федриготти, офицер связи министерства иностранных дел во 2-й армии Максимилиана фон Вейхса, писал, что солдаты были поражены приветственными криками ликующих мусульман. Впрочем, дипломат не замедлил пояснить: это вполне естественная реакция, поскольку мусульмане всегда были самыми непримиримыми противниками православных сербов, доминирующих в королевстве^[873]. В Сараево, отметил Федриготти, исламские лидеры призвали своих последователей украсить улицы флагами, чтобы выразить радость по поводу немецкого вторжения^[874]. На следующий день после оккупации города толпа мусульман одобрительно аплодировала, когда немцы снимали мемориальную доску, посвященную убийству эрцгерцога Франца Фердинанда. Позже местные жители участвовали в немецком военном параде, который прошел вдоль берегов Милячки^[875]. «Настрой мусульманского населения в тот день демонстрировал, что и здесь, вдали от Германии, фюрера неслыханно обожают», – писал Федриготти. Несколько дней спустя, по случаю дня рождения Гитлера, руководители мусульманской общины организовали массовые митинги и праздничные молитвы в мечетях, пригласив туда представителей военной администрации^[876]. Безусловно, к отчетам немцев об энтузиазме мусульманского населения следует относиться с осторожностью: гитлеровцы записывали только то, что видели, а мусульмане, недовольные агрессией стран Оси, тогда молчали или выражали свое беспокойство в частных беседах. Но, хотя однозначно оценить отношение мусульман к захвату Югославии довольно трудно, большинство из них все же не испытывало особой привязанности к поверженному королевству (фото. 5.1).

ФОТО 5.1. Немецкие солдаты и мусульмане в Сараево после разгрома Югославии, 1941 (источник: архив Исторического музея Боснии и Герцеговины, Сараево)

Мусульмане этого региона на протяжении большей части своей истории пользовались особыми правами и определенной автономией религиозной жизни, сначала при османском правлении, затем, с 1878 года, при габсбургской монархии, а после 1918 года – в Югославии. Однако королевство довольно скоро показало себя менее терпимым, нежели его имперские предшественники^[877]. Хотя мусульмане под руководством Мехмеда Спахо, председателя могущественной Югославской мусульманской организации (*Jugoslovenska Muslimanska Organizacija*), в основном сохранили свою религиозную автономию в межвоенный период, большинство из них чувствовало себя ущемленными гегемонией православных сербов (те же чувства испытывали многие хорваты-католики). Поэтому в 1941 году многие из них приветствовали падение Югославии.

Сначала немцы почти не предпринимали попыток работать с мусульманским населением Балкан^[878]. При разделе Югославии весной 1941 года Гитлер, собственно говоря, не собирался заниматься мусульманскими территориями. Немецкие войска оккупировали только Сербию, а мусульманские районы попали под власть итальянцев (Черногория, в том числе Новипазарский санджак), болгар (Македония) и, прежде всего, нового хорватского государства усташей (Босния и Герцеговина). Именно под властью последнего оказалось большинство мусульман бывшего королевства. И только эскалация войны в конце 1942 года в итоге заставила немцев вступить в политические отношения с мусульманами региона.

ФОТО 5.2. Немецкие солдаты говорят с мусульманками в Сараево (источник: Ullstein)

Как выяснилось довольно скоро, отношение режима усташей (с их фашистским проектом католической Хорватии) к мусульманским

подданным оказалось далеким от уважительного. И все же убивая евреев и преследуя православных сербов, Анте Павелич, поглавник (лидер) Независимого государства Хорватия, пытался делать миролюбивые жесты в адрес мусульманского населения, по крайней мере формально. При нем ислам стал второй государственной религией, а мусульмане официально объявлялись «цветом хорватского народа»^[879]. Режим также привлек к сотрудничеству ряд исламских лидеров, наиболее заметным из которых, вероятно, был Исмет Муфтич, муфтий Загреба, который стал энергичным сторонником новой державы. Хорватские власти как минимум на словах поддерживали шариатские суды (*šeriat* на боснийском), медресе и вакуф (*vakuf* на боснийском). В центре Загреба новое правительство даже открыло колоссальную Мечеть Поглавника (*Poglavnikova Džamija*). Вскоре, однако, мусульманское население Хорватии попало под перекрестный огонь ожесточенной гражданской войны.

С начала 1942 года Балканы охватил острый конфликт между хорватским режимом, партизанами-коммунистами и православными сербами-четниками^[880]. Партизаны, которыми руководил бывший унтер-офицер габсбургской армии и революционер-большевик Иосип Броз (более известный как Тито), воевали как с усташскими частями, так и с формированиями четников. Последние, во главе с Драголюбом (Дражей) Михайловичем, боролись за восстановление сербской монархии и за «Великую Сербию», сражаясь не только против солдат усташей и ополченцев католических деревень, но и против партизан Тито. На мусульманское население постоянно нападали все три стороны. Усташский режим привлекал мусульманские подразделения для борьбы с партизанами Тито и ополченцами-четниками, а также для сохранения контроля над сербскими (православными) территориями. Вскоре партизаны и четники начали мстить мусульманам, разоряя их селения. Особенно жестокие расправы четники чинили против мусульман восточной и южной Боснии, а также некоторых районов Герцеговины, где власть усташей всегда была неустойчивой. Люди Михайловича сжигали целые деревни. Они внушали ужас тем, что перерезали горло своим жертвам. Число пострадавших мусульман, по некоторым оценкам, дошло до десятков тысяч. Несмотря на теплые слова Павелича об исламе, усташские власти в целом мало что делали для предотвращения этих массовых убийств. Хуже того, в тех районах,

где лидеры мусульман договаривались с четниками и партизанскими командирами о перемирии, части усташей-католиков подвергали мусульман репрессиям. Отчеты германских военных указывали на нарастающие противоречия между мусульманами и хорватским государством^[881]. По этой причине постоянно росло число исламских лидеров Боснии и Герцеговины, просивших о независимости. Попытки организовать мусульманское ополчение для самообороны в целом оказались неудачными. Доведенные до крайности, знатные представители мусульманского сообщества обратились к немцам. В меморандуме от 1 ноября 1942 года, адресованном Гитлеру, они просили о мусульманской автономии в Боснии и Герцеговине под протекторатом Германии^[882]. Плакая бедственное положение мусульманского населения, они бранили католическую церковь, четников-православных и партизан-коммунистов, изъявляя свою «любовь и верность» Гитлеру^[883]. Примечательно, что для усиления своих позиций мусульмане пытались использовать панисламистские аргументы, подчеркивая, что боснийцы – неотъемлемая часть «300 миллионов мусульман» мира и что они идут в одном строю с державами Оси против «иудейства, масонства, большевизма и английских эксплуататоров». Они также упомянули о других «угнетаемых исламских народах», лидеры которых обратились за защитой к германскому режиму^[884].

Немцы оказались перед дилеммой. Берлин признал государство усташей и его власть над мусульманскими территориями Боснии и Герцеговины. Ранее Гитлер ограничился отправкой в Загреб только дипломатических и военных представителей – Эдмунда Глейзе фон Хорстенау, австрийского нациста и опытного генерала, ставшего военным атташе, а также обергруппенфюрера СА Зигфрида Каше, назначенного послом. Последний не очень симпатизировал мусульманам и до самого конца поддерживал усташский режим. Хотя Каше верил в политическое значение ислама и неоднократно предупреждал о глобальных последствиях политики Германии в отношении мусульман Юго-Восточной Европы («реакции исламского мира», по его выражению), он прекрасно понимал, что его собственное политическое влияние как немецкого посла в Хорватии будет зависеть, прежде всего, от стабильности режима усташей^[885].

Однако положение вещей менялось^[886]. С осени 1942 года, когда ситуация в некоторых районах хорватского государства, особенно в Боснии и Герцеговине, начала выходить из-под контроля, немецкие войска все чаще появлялись на мусульманских территориях. Все районы войсковых операций были подчинены командованию вермахта, что заставило Павелича де факто отказаться от суверенитета над частью страны. В конце 1942 года Глейзе фон Хорстенау был вынужден разделить полномочия с генералом Рудольфом Лютерсом, который стал «командующим немецкими войсками в Хорватии». В начале 1943 года началось крупное наступление против повстанцев в центральной части Хорватии, Боснии и Герцеговине. Вскоре в регионе начали действовать и войска СС. В конце марта 1943 года Гиммлер отправил в Загреб бригаденфюрера Константина Каммерхофера, назначив его своим уполномоченным в Хорватии. Каммерхофер был невысокого мнения и об устахах, и о немецком посланнике Каше. Игнорируя все возражения, он немедленно передал часть северной Хорватии непосредственно под власть СС. Представители вермахта, понимая, что СС будут действовать эффективнее, чем слабеющие части усташей, согласились с этой инициативой. Каше все больше оттесняли и изолировали. К концу 1943 года влияние СС сделалось еще более значительным. С весны до осени 1944 года эсэсовцы фактически самостоятельно управляли мусульманскими территориями между Савой, Дриной, Спречой и Босной.

В отличие от министерства иностранных дел и немецкого посольства, авторитет усташей заботил СС гораздо меньше – в мусульманах же они видели полезных союзников. В своих отчетах и служебных записках военные постоянно упоминали о якобы прогерманских настроениях балканских мусульман и влиянии последних на «большой» мусульманский мир. Именно исламский универсализм, писал Лютерс весной 1943 года, вызывал ярость четников. «Наднациональное и религиозно обусловленное поведение особенно злит серба, обуреваемого национальной гордостью»^[887]. Инструктируя немецких солдат, действующих в Боснии, их командир подчеркивал не только прогерманские чувства мусульман, но и то, что «950 тысяч мусульман» Боснии и Герцеговины «очень хорошо знают, что они представляют перед великим германским рейхом и странами Оси около полумиллиарда магометан мира [sic]»^[888]. Поддержка

мусульманского населения со стороны немцев, следовательно, будет оказывать пропагандистское воздействие на «иные магометанские [sic] страны». Подобные взгляды разделяли и сотрудники разведки СС, а также немецкие официальные лица на местах^[889]. Исходя именно из этих соображений – из наличия прогерманских настроений среди балканских мусульман и значимости этой группы в «большом» исламском мире – вермахт и СС с 1943 года, умиротворяя регион, приступили к налаживанию сотрудничества с местными исламскими сообществами.

Вскоре после активизации немецких военных на Балканах вермахт и СС распространили ту же ориентированную на мусульман линию на регионы, оккупированные итальянцами. В начале 1943 года немецкие войска втянулись в боевые действия в Санджаке – мусульманском горном районе, лежащем между Черногорией и Сербией. Формально Санджак находился под властью итальянцев, которые, несмотря на эскалацию гражданской войны в бывшей Югославии, закрывали глаза на расправы четников с мусульманским населением. Немецкое армейское командование немедленно приказало солдатам считать союзниками только мусульман, одновременно поощряя их жесткое обращение с остальным населением^[890]. Осенью 1943 года, когда Италия перешла на сторону союзников и вывела свои войска с Балкан, Санджак официально заняли немцы. Более того, мусульманская Албания и Косово, которые находились под итальянским владычеством с 1939 года, теперь также попали под контроль немцев, установивших там марионеточный режим^[891]. В Эпире, на северо-западе Греции (эта территория граничила с Албанией и управлялась Италией) германские военные искали сотрудничества с албанским меньшинством (чамами): их мусульманское ополчение помогало немцам усмирять регион^[892]. Действия немцев на этих территориях контролировал Герман Нойбахер, полномочный представитель Гитлера в Юго-Восточной Европе, отвечавший за Албанию, Черногорию, Сербию и Грецию и решительно поддерживавший союз с мусульманами на Балканах.

Как обычно, Гитлер полностью одобрил «заигрывание» немцев с мусульманами. Нойбахер, регулярно обсуждавший ситуацию в регионе с фюрером в его ставке, после войны вспоминал, что Гитлер твердо поддержал «позитивную мусульманскую политику» (*positive Muselmanenpolitik*), проводимую на местах^[893]. По мнению Нойбахера,

на взгляды Гитлера относительно мусульман на Балканах также повлияли соображения о панисламских последствиях немецкой политики. Обсуждая «политическое значение балканского ислама для Ближнего Востока», Нойбахер попытался объяснить Гитлеру эту связь максимально наглядно: «Когда вы избиваете мусульманина в Санджаке, возмущается каирский студент!». Этот аргумент нашел отклик у фюрера: по-видимому, он был настолько впечатлен фразой Нойбахера, что вскоре сам ее использовал. Спустя годы после войны Нойбахер снова высказал ту же позицию, утверждая, что за судьбой балканских мусульман внимательно следили правоверные по всему исламскому миру^[894].

Действительно, при стратегическом картографировании региона религия выступала основным критерием обособления мусульманского населения^[895]. Такой подход в значительной степени диктовался ситуацией на местах. На Балканах именно религия, а не этнос или язык, выступала основным маркером разграничения общин друг от друга. Между единоверцами, будь то католики, православные, иудеи или мусульмане, складывались наиболее прочные связи. Конечно, ни одно из местных религиозных сообществ не было однородным, а границы между ними зачастую оказывались проницаемыми, однако именно они формировали социальный и политический ландшафт во всем регионе. Даже в эпоху разрушающихся империй и укрепляющихся национальных государств большинство приверженцев ислама, как в городских центрах, так и в сельской местности, по-прежнему считали себя в первую очередь «мусульманами». Хотя некоторые из них принимали новую национальную идентичность (например, «хорватскую» или даже «сербскую»), а многие подчеркивали свою региональную («боснийскую» или «герцеговинскую») или городскую («сараевскую» или «загребскую») идентичность, верность религии оставалась решающей. Более того, религия имела политическое значение: религиозные лидеры и институты пользовались серьезным влиянием. В столкновениях Второй мировой войны политико-конфессиональные различия вышли на поверхность наиболее радикальным образом, а немцы с готовностью поощряли и использовали их в своих политических и военных целях.

По сути, религия стала решающим фактором немецкой политики в регионе. Стремясь заручиться поддержкой мусульман, командование

немецкой армии и, что более важно, СС, приложили значительные усилия для развертывания религиозно насыщенной пропаганды и взаимодействия с местными лидерами, включая представителей духовенства. Более того, немецкие официальные лица рассматривали политику в отношении ислама на Балканах в контексте кампании по мобилизации мусульман в других частях мира. Ниже на примерах Санджака, а также Боснии и Герцеговины, будет показано, как именно немецкие официальные лица продвигали Третий рейх в качестве защитника ислама на Балканах. Этот курс был взят весной 1943 года, когда началось формирование мусульманской дивизии СС (о ней рассказывается в последней части книги), а муфтий Иерусалима был отправлен в большое пропагандистское турне по Балканам.

Турне муфтия

В конце марта – начале апреля 1943 года СС послали Амина аль-Хусейни, все больше втягивавшегося в пропагандистскую и консультационную работу на эту организацию, в поездку по мусульманским территориям усташского государства^[896]. Это зрелищное мероприятие, тщательно срежиссированное главным управлением СС, ознаменовало начало кампании Германии по завоеванию поддержки местных мусульман и мобилизации мужского населения в немецкую армию. Роль аль-Хусейни, как исламского деятеля, заключалась в том, чтобы придать религиозную легитимность военным усилиям Германии. Он должен был вести агитацию в пользу рейха и налаживать контакты с местными мусульманскими лидерами, священнослужителями и военачальниками. Берлин, таким образом, придерживался концепции, согласно которой муфтий – аналог папы Римского для мусульман, слово которого авторитетно для правоверных всего мира. Сам аль-Хусейни тоже разделял этот взгляд. Привлечение палестинского религиозного лидера не только отражало идею глобальной исламской солидарности, но и подчеркивало религиозный характер усилий Германии по завоеванию мусульманской поддержки на Балканах.

Стремясь набить себе цену, аль-Хусейни в разговоре с Готтлобом Бергером похвалялся своим огромным влиянием во всем мусульманском мире^[897]. Судьба мусульман Юго-Восточной Европы, утверждал он, давно вызывает у него особый интерес. Действительно, посещая в 1942 году Рим, муфтий Иерусалима принял делегацию исламских деятелей во главе с муфтием Мостара Омером Джабичем, сторонником создания мусульманского государства на Балканах^[898]. Ранее большая делегация из Югославии участвовала в мусульманском конгрессе в Иерусалиме, состоявшемся в 1931 году, и некоторые ее члены уже тогда наладили связи с аль-Хусейни^[899]. Среди многих балканских мусульман арабский муфтий пользовался заметным авторитетом. В августе 1942 года *Osvit*, крупная мусульманская газета Сараево, опубликовала интервью с аль-Хусейни, которое вызвало интерес как в Хорватии, так и среди немецких чиновников^[900]. По

словом издания, муфтий стал лидером и защитником миллионов угнетенных мусульман. Аль-Хусейни подтвердил дружеское отношение Гитлера и Германии к исламу и заявил, что мусульманский мир твердо стоит на стороне Германии, Японии и их союзников. Борьба с Британской империей будет вестись до ее полного разгрома, то же самое касается и России, которая на протяжении веков была врагом ислама. Ислам выступает естественным антагонистом коммунистической доктрины, – настаивал аль-Хусейни. «Недавно фюрер заверил меня, что Германия с пристальным вниманием следит за борьбой исламского мира против его угнетателей и не намерена поработать или подавлять ни одну исламскую страну», – говорилось в интервью^[901]. Победа Оси станет победой исламских народов. Осенью того же года *Völkischer Beobachter* сообщила, что аль-Хусейни пожертвовал 15000 лир мусульманам Балкан^[902].

Офицеры Главного управления СС распланировали турне до малейших деталей и задолго до поездки начали готовить к ней муфтия^[903]. Конечно, аль-Хусейни предстояло сыграть исключительно представительскую роль. Бергер заверил муфтия, что поддерживает его не «только по причинам практического характера», но и «от всего сердца». При этом, однако, высокопоставленный офицер не скрывал своих практических целей, добавив, что СС «не будут верить обещаниям», а «потребуют доказательств» с мест. 30 марта 1943 года самолет «Юнкерс-52» Курта Макса Франца Далюге, главы полиции порядка (*Ordnungspolizei*), пересек Альпы^[904]. На борту находился муфтий и несколько офицеров СС. Наиболее важными из них были штурмбанфюрер СС Шульте и унтерштурмфюрер Ремпель (Главное управление СС), а также гауптштурмфюрер Херман (РСХА). Кроме того, муфтия сопровождали два офицера гестапо и вооруженный пистолетом снайпер^[905]. Турне заняло две недели. После посещения Загреба (1–2 апреля), группа вылетела в Баня-Луку (3–4 апреля), а оттуда в Сараево (5–9 апреля), после чего вернулась в Загреб (10–11 апреля)^[906].

Во время своих поездок муфтий встречался с представителями усташей, в том числе с Павеличем, а также с немецкими и итальянскими чиновниками. Однако более значимыми были его переговоры с местными улемами в Загребе, Баня-Луке и Сараево: эти встречи подчеркивали религиозный характер поездки^[907]. В Сараево

муфтий принял мусульманских лидеров и священнослужителей из всех районов Боснии и Герцеговины, из Тузлы и Мостара, а также делегации из Санджака и Албании. Особенно аль-Хусейни поразили пятничная молитва в огромной мечети Гази Хусрев-бега в Сараево и последующая встреча с религиозной элитой города. Много лет спустя в своих мемуарах муфтий вспоминал теплый прием, который ему оказали^[908]. «Для боснийских магометан муфтий в первую очередь значим как мусульманин», – отмечал немецкий дипломат^[909]. – Верующие приняли его как истинного мусульманина; его почитали как потомка пророка; друзья по богословским штудиям в Каире и по паломничеству в Мекку приветствовали его». От лица держав Оси аль-Хусейни засвидетельствовал солидарность с судьбой мусульман на Балканах, подчеркнув, как заметили немцы, «свое глубокое отвращение» к зверствам, которые в отношении мечетей и других религиозных учреждений творятся партизанами, «финансируемыми Москвой и Лондоном»^[910].

На протяжении всего турне муфтий широко использовал религиозную риторику. Речи, проповеди и призывы он зачитывал на арабском языке, а местные специалисты переводили их. При посещении мечети Гази Хусрев-бега аль-Хусейни произнес такую эмоциональную речь о страданиях правоверных, что часть присутствующих разрыдалась^[911]. Сетую на положение мусульман на Балканах, он заверял верующих, что только внутреннее убежище ислама позволит им справиться с тяготами жизни. Проповедь аль-Хусейни включала призывы сражаться на стороне стран Оси. Мобилизовав весь свой религиозный авторитет, муфтий в ходе поездки постоянно предостерегал, что сомнение в победе Оси – это грех. Он использовал не только религиозный язык, но и панисламскую риторику. Немцы с удовлетворением отметили, что аль-Хусейни постоянно акцентировал общность борьбы мусульман в Хорватии и других частях исламского мира, включая Палестину, Сирию или Египет, где их угнетают «антиисламские силы» – будь то «московские поджигатели», «английские тираны» или «американские эксплуататоры»^[912]. Прессе муфтий заявил, что в исламском мире за ситуацией на Балканах следят «с большим интересом и серьезной озабоченностью»^[913]. «Гнев мусульман по поводу бесчинств, творимых сербскими бандами и их пособниками», по его словам, «велик и горек». По данным

американской разведки, аль-Хусейни осудил союзников за массовые убийства мусульман на Балканах. «Мусульмане, – заявил аль-Хусейни, – обвиняют Англию в поддержке большевистских орд – хотя она якобы поддерживает ислам»^[914]. Именно такие рассуждения немцы и хотели услышать от аль-Хусейни. Неудивительно, что в свой итоговый доклад начальству муфтий включил следующие строки: «Ислам борется с большевизмом, и мусульмане ничуть не сомневаются, что их судьба связана с судьбой Германии и Оси, а главной угрозой для них выступают сербы, коммунисты и союзники»^[915].

В СС поездку восприняли с энтузиазмом. «Визит великого муфтия стал успехом во всех смыслах: в политическом плане его приняли необычайно благожелательно и позитивно, и это будет способствовать восстановлению порядка в регионе», – докладывал Бергер^[916]. Выделяя религиозный аспект турне, эсэсовец писал: «В ходе визита в очередной раз было доказано, что великий муфтий великолепно информирован и располагает колоссальным престижем во всем магометанском мире». Поддерживая ошибочное мнение о всеобщем авторитете муфтия среди мусульман и о возможности добиться с его помощью еще более масштабной поддержки в исламских регионах, Бергер даже предложил организовать аналогичные турне на Восточный фронт: «Великий муфтий также готов отправиться к крымским татарам, то есть к магометанам оккупированных восточных территорий, и использовать все свои силы для привлечения их на сторону Германии».

На протяжении всей пропагандистской кампании вермахт также оказывал большую помощь. «Немецкие генералы сослужили СС исключительную политическую и военную службу», сделав турне муфтия возможным, – докладывал Бергер Гитлеру^[917]. Спустя месяц после поездки, в мае 1943 года, Лютерс с воодушевлением писал: «Правильные отношения с мусульманами стали для Германии пропагандистским оружием первого порядка»^[918].

Однако у попыток СС и вермахта использовать ислам на Балканах было много противников. СС, хорошо осведомленные о политических аспектах турне, столкнулись с сильным противодействием со стороны итальянских властей и усташского режима – и те и другие стремились сохранить свои сферы влияния. Как только самолет муфтия приземлился в Загребе, итальянцы начали плести всевозможные интриги, чтобы сорвать визит. В своих мемуарах аль-Хусейни

вспоминал, что после его прибытия в хорватскую столицу из Рима вылетел высокопоставленный итальянский дипломат, перед которым ставилась задача не дать муфтию посетить Боснию. Аль-Хусейни также предупредили, что власти не смогут гарантировать его безопасность, если он захочет поехать в охваченные войной районы^[919]. После того как муфтий вернулся в Берлин, итальянцы, по сообщению Эрнста Вермана, призвали немцев «уважать хорватские и исламские интересы Италии» и впредь гарантировать реализацию любых контактов между муфтием и балканскими мусульманами только через итальянские каналы^[920]. Но СС не обратили ни малейшего внимания на эти просьбы. Таким же безуспешным было и вмешательство усташей. Хорватское правительство отреагировало на турне «с явным пренебрежением», – отметил Бергер^[921]. Однако, самодовольно сообщал высокопоставленный эсэсовец Гиммлеру, начальство усташей очень быстро «скорректировало» свое отношение к визиту после того, как он, Бергер, лично предъявил претензии хорватскому послу в Берлине. Тем не менее усташа пытались контролировать аль-Хусейни на протяжении всего пребывания в Хорватии. На пути из Загреба в Сараево муфтия сопровождали два представителя хорватского правительства^[922]. Эти чиновники пытались изолировать его от мусульманских лидеров, не сотрудничавших с режимом. Впрочем, офицер СС Карл фон Кремплер, бывший австро-венгерский чиновник, в годы войны занимавшийся вербовкой мусульман на Балканах, обошел усташские структуры и организовал конфиденциальные встречи с исламскими духовными лицами, а также с лидерами сепаратистов^[923]. Конечно, на официальном уровне немцы пытались скрыть наличие тренировок с руководством усташей. Например, *Deutsche Allgemeine Zeitung* ограничилась сообщением о том, что муфтий находится в Боснии «по приглашению хорватского правительства»^[924].

СС также столкнулись с сопротивлением – внутри рейха. Каше и министерство иностранных дел были против поездки. С их точки зрения, обхаживание мусульман угрожало дальнейшим ослаблением режима усташей. Когда муфтий посетил резиденцию Каше в Загребе, посланник не принял его, передав лишь свою визитку^[925]. Каше в ярости жаловался в МИД, что турне муфтия породило среди мусульманского населения разговоры о том, что Берлин готов поддержать создание исламского государства в регионе^[926]. В целом

новый курс СС и вермахта в отношении ислама на Балканах, который проявился в поездке муфтия и развертывании мусульманской дивизии СС, в министерстве иностранных дел восприняли как попытку «укрепить магометанские позиции» в Юго-Восточной Европе; по крайней мере именно так выразился дипломат Ганс Александр Винклер, в тот момент находившийся в Берлине^[927]. Сразу после турне муфтия Винклер посетил Загреб и Сараево, а затем написал восьмистраничный меморандум о политике Германии в отношении ислама на Балканах, где выразил серьезную озабоченность ее новым направлением^[928]. Взгляды Винклера на балканский ислам отличались от его позиции по поводу ислама в Иране, о котором он писал годом раньше: религиозная ситуация в Юго-Восточной Европе была особенной, как полагал дипломат. Из документа видно, что Винклер понимает, почему военные сочли мусульман, которые «полностью за Германию и до сих пор помнят дни империи Габсбургов», идеальными союзниками. СС должны оценить их «расовый материал, воинскую традицию и антикатолический дух», – отмечал чиновник. Однако одновременно он высказал свои опасения относительно излишнего покровительства, оказываемого балканским мусульманам. Во-первых, он предупредил, что поддержка «автономистского магометанства» (*autonomistisches Mohammedanertum*) в регионе подорвет режим усташей. Турне муфтия придало стимул «самоуверенности магометан», а развертывание в регионе мусульманской дивизии СС приведет к укреплению «религиозной идеи», оказывающей «разрушительное» воздействие на усташское государство. Во-вторых, Винклер выразил озабоченность по поводу «панисламской, неевропейской ориентации» мусульманских коллаборационистов на Балканах. В отличие от СС, панисламизм для Винклера был источником рисков, а не возможностей. И турне аль-Хусейни усилило эти риски: «Муфтий рассматривает ситуацию в мире с сугубо магометанской точки зрения, которая для нас абсолютно чужда», а намечаемая им перспектива остается полностью «антиевропейской»^[929]. Винклер, классический востоковед и высококлассный специалист по Египту, начал работать в министерстве иностранных дел только с 1939 года, служил в Тегеране до 1941 года, а затем выступал в роли представителя МИДа в Африканском корпусе. Летом 1942 года он был ранен, после чего вернулся в восточный отдел министерства в Берлине^[930]. Его меморандум выражал относительно

необычные взгляды на ислам; в нем отразились классические европейские представления об этой религии и Западе – и они не совсем вписывались в прагматичные и рациональные выкладки офицеров СС (Бергер) или военных (Лютерс), убежденных в пользе ислама для их стремления выиграть войну. Но предостережения Винклера почти не возымели эффекта. Ни он, ни Каше, ни МИД больше ни оказывали серьезного влияния на политику Германии на Балканах, где СС и вермахт приступили к реализации собственного исламского курса.

ФОТО 5.3. Германские солдаты и женщина-мусульманка в Мостаре, 1944 (источник: Ullstein)

На обратном пути аль-Хусейни остановился на несколько дней в Вене, где встретился с представителями местных мусульман. При муфтии постоянно находился рейхсштатгальтер Бальдур фон Ширах и высокопоставленные функционеры СС, показывавшие ему местные достопримечательности и обсуждавшие с ним мировую политику^[931]. Небольшое сообщество венских мусульман получило во время войны

официальное признание, став Исламской общиной Вены (*Islamitische Gemeinschaft zu Wien*), возглавляемой неким Салихом Хаджикаличем, профессором исламского богословия из Боснии^[932]. Австрийские мусульмане, большинство из которых составляли выходцы из Боснии и Герцеговины, получали все более ощутимую поддержку от нацистских властей, которые отводили им важную роль в германской политике и на Балканах, и в «большом» исламском мире. Аналогичная ситуация сложилась в другом бывшем регионе империи Габсбургов – протекторате Богемия и Моравия, где в годы войны немецкие власти тоже укрепили институциональные основы местной исламской общины^[933].

За балканским турне муфтия последовало не только создание мусульманской дивизии СС, но и мощная религиозно окрашенная пропагандистская кампания, целью которой было привлечение гражданского мусульманского населения на сторону гитлеровского «нового порядка» (фото 5.3).

Религиозная пропаганда

Считаясь с настроениями усташей, до весны 1943 года немцы старались не использовать ислам в своей пропаганде на Балканах. «От пропагандистского воздействия на мусульманское население воздерживались, так как этого не хотела хорватская сторона», – сообщалось в отчете управления пропаганды «Юго-Восток» летом 1942 года^[934]. «Всего лишь» 10 000 экземпляров «небольшой иллюстрированной брошюры на хорватском языке» под названием *Život Muslimana u Njemačkoj* («Жизнь мусульман в Германии») было напечатано для распространения в Западной Боснии, где немецкие подразделения снова вступили в боевые действия. В это 27-страничное издание^[935] были включены многочисленные фотографии, запечатлевшие жизнь мусульман в Третьем рейхе, в том числе и снимки берлинской мечети, а также короткие тексты о людях со всех уголков мусульманского мира, работавших в Германии. Брошюра стала первым заметным элементом религиозной пропаганды Германии, развернутой в мусульманских районах Балкан.

Пропагандистская кампания набирала обороты по мере того, как немецкие солдаты все шире втягивались в боевые действия в регионе. В мусульманских городах и деревнях распространялись брошюры и памфлеты; на улицах и площадях, а также в поездах, расклеивались пропагандистские плакаты. В этих материалах англичане, американцы и евреи изображались как враги ислама – кукловоды «балканского театра», дергающие за ниточки за кулисами и несущие ответственность за беды местных мусульман. В других памфлетах, подготовленных под конкретные тактические задачи, ненавистниками ислама представлялись партизаны Тито и четники. В любом случае, как и во всех пропагандистских кампаниях, адресованных мусульманскому миру в целом, немцы постоянно взывали к религиозным чувствам.

Во-первых, немецкая пропаганда соединяла ислам с ненавистью к евреям. Одним из наиболее заметных примеров такого рода религиозно мотивированной антиеврейской пропаганды, которой подвергались мусульмане Балкан, стала брошюра *Islam i Židovstvo* («Ислам и иудейство»)^[936]. В ней отстаивалась идея вековой вражды между мусульманами и евреями, начиная с конфликта между пророком

Мухаммадом и еврейской общиной Хайбара^[937]. На 21 февраля 1943 года немецкие пропагандисты распространили среди мусульман 10 000 экземпляров этой публикации: половину текстов раздали сотрудники отряда пропаганды «Хорватия» из Баня-Луки, а остальные экземпляры – представитель той же службы в Сараево.

Несмотря на антиеврейские мотивы, главной мишенью немецкой пропаганды, нацеленной на мусульманское население, оставался британский и советский империализм. Брошюра, которую раздавали летом 1943 года, сообщала мусульманам о том, что преступники, которые принесли на Балканы «страдания и смерть, кровь и слезы» – это, конечно же, «лондонские и московские агитаторы». Только победа стран Оси «гарантирует конец всех врагов ислама». Обложка этой публикации была украшена флагом с изображением полумесяца и звезды. 5 июня 15000 экземпляров были распространены снискавшей зловещую славу 1-й горной дивизией генерала Вальтера Штетнера^[938]. Самолеты Люфтваффе разбросали еще 35000 экземпляров в районах Конджича, Благая, Горажде, Рогатицы, Фойницы, Високо, Травника и Маглая 7 июня 1943 года. Текст брошюры заканчивался простой мыслью: «У ислама один враг: Англия. У ислама один друг: Германия. Мусульмане, ваше место в этой битве predetermined!»^[939]. Как правило, в листовках говорилось обо всех союзных державах вкуче: текст изобличал «опасность английского, американского и советского империализма»^[940] или предупреждал о заговорах против ислама, которые плетут в «Лондоне и Москве»^[941]. Но все-таки чаще других упоминался Советский Союз или, более обобщенно, большевизм, который изображался в качестве атеистического врага ислама. В брошюре, адресованной «мусульманам Боснии и Герцеговины», звучало предостережение: «Красная волна с востока угрожает проглотить все народы и религиозные общины на Балканах!»^[942]. В ней заявлялось, что «братья по вере» в Советском Союзе уже «растоптаны» Кремлем. Только взявшись за оружие вместе с немцами, мусульмане смогут избежать «полной гибели от рук неистовых Советов», уже погубивших «сотни тысяч мусульман в СССР». Еще более цветистые выражения использовались в другой брошюре, в которой фигурировал образ зеленого знамени пророка Мухаммада. Здесь задавались риторические вопросы: «Суждено ли плану Сталина осуществиться? Станет ли зеленый флаг Пророка красным от мусульманской

крови?»^[943]. В тексте рассказывалось об истреблении мусульман партизанами Тито в районе Чаплины. «Кровопийца Сталин разрешил своему приспешнику Тито проливать кровь мусульман и в других местах», – добавляли авторы. Брошюру иллюстрировала картинка, изображавшая мечеть с водруженным над ее минаретом знаменем – судя по всему зеленым. На переднем плане был размещен миниатюрный Сталин и выдуманная цитата: «Я позабочусь о том, чтобы *это* знамя тоже стало красным. И если понадобится, мы выкрасим его мусульманской кровью».

На более «заземленном» уровне нацеленная на мусульман немецкая пропаганда атаковала партизан-коммунистов и четников. Немцы призывали мусульман, сражавшихся в рядах этих формирований, переходить на свою сторону. Например, в брошюре, адресованной «бойцам боснийских и мусульманских партизанских бригад», утверждалось, что Тито дал своим солдатам несбыточные обещания и сейчас они вынуждены отступать, страдая от голода и холода^[944]. Мусульманам предлагалось уйти к немцам – пока не поздно. В другой брошюре говорилось о зверствах, совершенных партизанами; в частности упоминались «353 убитых мусульманина» из-под Власеницы и давался подробный двухстраничный «отчет», повествовавший о жестокости партизан-коммунистов и их решимости уничтожить всех мусульман^[945]. В этих текстах часто звучали религиозные мотивы. Брошюру, призывавшую мусульман из партизанских отрядов дезертировать к немцам, предваряла цитата: «Артиллерия, по мечети – огонь!»^[946]. Такими, якобы, были слова командиров Тито во время штурма города Велика-Кладуша. Развалины местной мечети, пояснялось в брошюре, до сих пор напоминают о «коммунистических зверствах». Используя религиозную риторику, авторы брошюры призывали тех, «кто верит в Аллаха, обратить оружие против коммунистов». В брошюре, адресованной «воинам-мусульманам», у последних вопрошали, почему Тито высмеивает их веру и обычаи, а также оскорбляет мусульманских женщин^[947]. Ответ был заготовлен заранее: «Потому что человеческие и религиозные мысли, обычаи и традиции несовместимы с коммунистическими идеями» и «потому что люди истинной веры всегда будут чумой для безбожного большевизма!». В верхней части обложки изобразили мечеть, с полумесяцем на крыше и минаретом. Объектом подобной

пропаганды становились и мусульмане, сражавшиеся в рядах четников (таковых, впрочем, было немного). Например, брошюра, целевой аудиторией которой выступали «братья-мусульмане», полемизировала с мусульманской пропагандой четников, утверждая, что на деле войска Михайловича истребляют «всё исламское или хорватское»^[948]. «Мусульмане очень хорошо знают, кто их враг», – говорилось в брошюре.

Во многих подобных текстах видную роль играли религиозные образы и иллюстрации, особенно с мечетями и минаретами. Преимущество визуальной пропаганды заключалось в том, что она воздействовала и на неграмотных. Помимо иллюстрированных брошюр, немцы также распространяли пропагандистские плакаты с изображением мечетей^[949]. Один из них, в частности, демонстрировал, как Рузвельт сбрасывает бомбы на Мостар – город представляла панорама крыш и минаретов.

Отношения немецких властей с религиозными деятелями и организациями

В отличие от Кавказа и Крыма, на Балканах немецкие власти нашли исламские учреждения и сети поддержки целыми и невредимыми. До 1943 года контакты немцев с религиозными лидерами, улемами и их учреждениями были редкими. Чиновники немецкого министерства иностранных дел общались почти исключительно с мусульманскими представителями усташского государства, сталкиваясь при этом с проблемой отсутствия среди них сильного лидера. Две самые важные мусульманские группировки режима усташей возглавляли вице-премьер Джафер Куленович и Хакия Хаджич, «босс» Боснии и Герцеговины при Павеличе^[950]. Куленович, опытный политик, был министром в Королевстве Югославия, а после смерти Мехмеда Спахо в 1939 году стал президентом Югославской мусульманской организации. По словам немецкого дипломата, он в первую очередь опирался на религиозные лозунги и только во вторую очередь – на хорватский национализм. Тем не менее многие мусульмане все равно называли его марионеткой усташей. У Хакии Хаджича, который продвигал, скорее, хорватский национализм, чем религию, и пропагандировал хорватские националистические, а не религиозные, лозунги, сторонников было не очень много (в основном их составляли представители интеллигенции)^[951]. Еще один немецкий чиновник немецкой дипломатической миссии в Загребе также отмечал в марте 1943 года, что среди мусульман «нет личности», которую можно было бы считать общепринятым лидером^[952]. «Решение мусульманского вопроса – это, прежде всего, решение проблемы руководства», – констатировал он. Мусульмане, служащие режиму усташей, почти не пользовались авторитетом среди мусульманского населения. Более ясной казалась ситуация с религиозными деятелями, которые, как считали немцы, обладали естественной властью и влиянием на народ.

Степень институционализации религиозных структур на Балканах была высокой, а принципы их деятельности были понятными: в силу этого они казались вполне пригодными для использования. Правоверные Боснии и Герцеговины были организованы в так

называемую Исламскую религиозную общину под руководством высшего религиозного лидера, реис-уль-улема (*Reis-ul-Ulema* на боснийском языке, глава улемов)^[953]. Этому деятелю помогал улема-меджлис (*Ulema-Medžlis*, совет улемов), верховный совет исламской общины, куда входили сам реис-уль-улема и четыре других видных духовных лица. Улема-меджлис курировал вакуфы, медресе, шариатские суды, а также присматривал за работой местных имамов, улемов и хаджи (*hodža*). Такую административную структуру еще в 1882 году ввели габсбургские бюрократы, стремившиеся разорвать религиозные связи между боснийцами и Османской империей и пытавшиеся контролировать балканский ислам. Эта модель управления сохранялась и в Королевстве Югославия, а потом и в государстве усташей. Стремясь представить себя в качестве защитников ислама, немцы не предпринимали явных попыток вмешиваться в вопросы религиозного управления. Тем не менее по мере вовлечения в дела мусульманских районов Балкан с начала 1943 года, немецкие чиновники всё чаще работали с религиозными лидерами. В итоге СС даже привлекли важного члена улема-меджлиса для решения своих политических и военных задач.

Когда Германия напала на Югославию, должность реиса-уль-улема занимал Фехим Спахо, бывший председатель Высшего шариатского суда в Сараево и брат Мехмеда Спахо. Хотя реис-уль-улема сначала с энтузиазмом поддержал режим усташей, надеясь, что тот позволит решить его собственные задачи – прежде всего, запретить азартные игры, проституцию и смешанные браки, а мусульманок обязать носить хиджаб, – он скоро потерял веру в Павелича^[954]. У Салиха Сафета Башича, неофициально занявшего место Спахо после смерти последнего в начале 1942 года, тоже сложились непростые отношения с усташами^[955]. Желая защитить собственную общину, оба лидера стремились выстроить с немцами хорошие отношения. Так, Спахо налаживал контакты с немецкими чиновниками еще за несколько месяцев до вторжения на Балканы, а потом, в годы войны, информировал их о преступлениях, совершаемых в отношении мусульман^[956]. Другие члены улема-меджлиса пошли еще дальше. Когда в 1942–1943 годах положение мусульман ухудшилось, многие из них воодушевились идеей мусульманской автономии под защитой Берлина. Их надежды поддерживались визитом муфтия, созданием

мусульманской дивизии СС и мощной религиозной пропагандой немцев.

Фехима Спахо и Салиха Башича, взгляды которых считались слишком «прогрессивными», критиковали более фундаменталистски настроенные члены улема-меджлиса, прежде всего Мехмед Ханджич, получивший образование в аль-Азхаре. Ханджич был ведущим идеологом исламского возрождения и симпатизировал панисламизму^[957]. Он преподавал в сараевском медресе и служил главным библиотекарем грандиозного книгохранилища Гази Хусревбега^[958]. Также Ханджич возглавлял общество улемов *El-Hidaje* («Истинный путь»), ставившее своей целью возрождение древнего исламского благочестия^[959]. В молодежной организации *El-Hidaje*, которая называлась *Mladi Muslimani* («Молодые мусульмане»), состояло немало его последователей и среди них – Алия Изетбегович, в 1990 году ставший первым президентом Боснии и Герцеговины. Ханджич и его сторонники скоро разочаровались во власти усташей и начали продвигать планы автономии и искать помощи со стороны Германии. Во время турне аль-Хусейни Ханджич встретился с муфтием в Сараево, организовал для него банкет в городском управлении, а затем опубликовал посвященную визиту статью в *El-Hidaje*, официальном печатном органе общества^[960]. Проводя в Сараево переговоры с сотрудниками немецкого посольства в середине апреля 1943 года, Ханджич призывал немцев вести более активную политику^[961]. Он обвинил усташей в страданиях и гибели мусульман. Хорватский режим, утверждал Ханджич, принял ту же политику в отношении мусульман, которую сербы реализовали в югославском королевстве – политику уничтожения.

Мусульмане в правительстве Павелича не были настоящими представителями народа, их купили, – говорил немцам Ханджич. Хотя улем с восторгом отнесся к формированию мусульманской дивизии СС, он дал понять, что этого недостаточно. Единственным решением ему виделось независимое мусульманское государство под протекцией Гитлера. Ханджич даже предложил план перемещения населения по религиозному признаку – с целью создания «очищенных» мусульманских районов. Мусульманское население находится под глубоким впечатлением оттого, что германские солдаты погибают в боях с врагами ислама/ Визит муфтия тоже послал правильные

сигналы. По заверениям Ханджича, нет никакого сомнения в том, что мусульмане – естественные союзники Третьего рейха. Он хорошо знал, что немцам хотелось бы услышать. Убеждая гитлеровцев в том, что их религиозная пропаганда легла на благодатную почву, он продвигал свою собственную повестку, включающую, прежде всего, укрепление сил самообороны, а также учреждение (де-факто и, по возможности, де-юре) автономии от усташей.

Ханджич был не единственным улемом, искавшим более тесного союза с немцами. Али Аганович, уважаемый член улема-меджлиса, неоднократно встречавшийся с немецкими официальными лицами, отстаивал сходную линию^[962]. Хотя этот деятель до самого краха режима публично выражал усташам свою преданность, он также быстро потерял веру в Павелича и начал оказывать давление на немцев, призывая их более активно вмешиваться в дела мусульманских Балкан^[963]. Весной 1943 года Аганович заверял должностных лиц из немецкой миссии в Загребе, что религиозной автономии мусульман можно достичь только путем политической независимости^[964]. Подчеркивая значимость балканских мусульман в «большом» исламском мире, он также обсуждал проблемы панисламской политики и возрождение халифата: титул халифа, по его убеждению, следовало отдать муфтию Иерусалима. Сама идея, кстати, была не нова. В конце 1942 года британскую разведку встревожила хорватская пресса, где обсуждалась идея восстановления халифата под началом аль-Хусейни^[965]. Но если Ханджич и Аганович просили о союзе с Третьим рейхом за закрытыми дверями, то другие улемы открыто встали на службу немецким властям.

Наиболее значимым коллаборационистом из улема-меджлиса был Мухамед Панджа, ведущий религиозный деятель и член *El-Hidaje*^[966]. Он происходил из известного сараевского рода религиозных лидеров и получил образование в самых престижных исламских учреждениях страны. Панджа всегда держался на некотором расстоянии от усташского режима, а потом начал открыто выступать за мусульманскую автономию под защитой Германии. Крайне прогерманская позиция сделала Панджу идеальным помощником для вермахта и СС. Эсэсовцы сразу же привлекли его к вербовке добровольцев-мусульман: в эту миссию он вложил весь свой духовный авторитет (об этом будет рассказано в последней части книги). Помимо

мобилизационной кампании, немцы также использовали Панджу в качестве посредника в своих усилиях по умиротворению мусульманских районов.

Важную роль в этом отношении сыграла социально-религиозная организация *Merhamet*, также известная как *Muslimansko Dobrotvorno Društvo Merhamet* («Мусульманское благотворительное общество Мерхамет»). Общество располагалось в Сараево, а возглавлял его сам Панджа^[967]. Оно стало основным поставщиком гуманитарной помощи в годы войны, открывая бесплатные столовые, детские дома и лагеря беженцев. Со временем организация начала все более активно участвовать в политической жизни. Для немцев общество *Merhamet* оказалось ценным партнером, и они считали важным сохранять с ним хорошие отношения. Когда, например, руководство *Merhamet* попросило вернуть мусульманского сироту, которого приняла немецкая семья, перевезя ребенка в Германию и окрестив его по католическому обряду, нацистские власти быстро вмешались, вернули малыша назад и передали его мусульманской семье из Сараево^[968]. Военные власти на местах вскоре признали *Merhamet* самым важным органом, представляющим мусульман Боснии и Герцеговины. Организация неоднократно вела переговоры о поставках продовольствия с областным руководителем СС и полиции в Сараево, оберфюрером СС Вернером Фроммом^[969]. Когда Берлин в начале 1944 года создал специальный фонд помощи (о нем речь пойдет ниже), Бергер предложил распределять одежду для беженцев-мусульман именно через *Merhamet*^[970]. Гиммлер был только рад использовать местные мусульманские структуры и поддержал это предложение^[971].

СС видели в *Merhamet* надежного партнера. Однако немцы не до конца контролировали организацию, а она преследовала собственные интересы. В сентябре 1943 года второй секретарь организации Мехмед Токич (одновременно бывший осведомителем СС) угрожал немецким офицерам открытым восстанием против хорватского государства^[972]. Мусульмане, заявлял Токич, презирают режим усташей, а жить хотят под немецким протекторатом, как во времена Австро-Венгрии. Бергер попытался разрядить ситуацию, отвергая угрозы со стороны «мусульманского руководства» и предупреждая, что подобный мятеж лишь ухудшит положение мусульман^[973]. Лидеры *Merhamet* вскоре

разочаровались в немцах. В итоге даже Мухамед Панджа потерял надежду на Третий рейх. Он ушел в леса, основал *Muslimanski Oslobodilački Pokret* («Движение освобождения мусульман») и призвал к вооруженной самообороне и автономии для последователей ислама^[974]. Обращаясь к своим «братьям-мусульманам» в пропагандистской брошюре, Панджа теперь объявил войну усташам и четникам^[975]. «Все, чему мы служим,— это благосостояние исламской общины и нашего отечества»,— провозглашал он. В присущей ему религиозно-риторической манере Панджа призывал мусульман сражаться за свое выживание «с верой в Аллаха и его помощь, храбро и бестрепетно». Хотя некоторые эсэсовские круги в Берлине были обеспокоены таким развитием событий, Кремплер, неоднократно общавшийся с Панджой в местных условиях, настаивал на том, что этот деятель по-прежнему настроен прогермански^[976]. Гитлер, чья вера в мусульман оставалась непоколебимой, оправдал бегство Панджи тем, что мусульманам нужно себя защищать^[977]. Позже Панджа вступил в контакт с партизанами Тито, был взят в плен немецкими войсками в Восточной Боснии и передан усташским властям. Он был не единственным исламским лидером, кого немцы глубоко разочаровали.

Насилие и разрушенные надежды

Обещания, которые мусульманам давали немцы, жаждущие показать себя защитниками ислама, резко контрастировали с реалиями войны. На практике немцы просто были не в состоянии восстановить мир и порядок в мусульманских районах. Сотрудничество мусульманских лидеров с оккупантами подпитывало ненависть к первым со стороны партизан-коммунистов и четников^[978]. Хотя немцы обещали, что единственной задачей мусульманской дивизии СС останется защита и умиротворение мусульманских районов Боснии и Герцеговины, Гиммлер отправил ее на боевую подготовку во Францию, а затем и в Германию. Оставшееся без защиты мусульманское население подвергалось акциям возмездия. Осенью 1943 года партизаны Тито начали крупное наступление в Боснии, в ходе которого погибли тысячи гражданских лиц. Десятки тысяч вскоре покинули родные места (фото 5.4). Особенно часто партизаны нападали на родственников добровольцев-мусульман. В своих отчетах с мест офицеры СС сообщали, что беженцы сотнями прятались на складах, в амбарах, конюшнях и подвалах^[979]. У многих не было теплой одежды, они страдали от недоедания. За развитием событий на Балканах внимательно следили по всему исламскому миру. После того, как о бедственной ситуации сообщили в египетской прессе, Наххас-паша^[980] пожертвовал беженцам крупную сумму. 11 января 1944 года высший руководитель СС и полиции в Хорватии Константин Каммерхофер, обеспокоенный, по-видимому, не только локальными проблемами, но и их последствиями для «большого» мусульманского мира, писал Гиммлеру:

В результате партизанской борьбы в Хорватии в настоящее время около 230 000 человек стали беженцами, из них около 210 000 – из Боснии. Положение этих людей – наихудшее из того, что можно себе представить. В настоящее время никто не в состоянии описать трагедии, которые происходят среди этих масс. <...> Большинство беженцев составляют мусульмане... С учетом того, что мусульмане воюют в 13-й боснийско-герцеговинской добровольческой горной дивизии СС, а исламская проблема имеет общемировой аспект [*Weltmuselmanen-Problem*], упомянутой ситуации необходимо уделить

особое внимание. Если вы сочтете это возможным, рейхсфюрер, стоило бы обеспечить беженцам предоставление той помощи, в которой они так нуждаются^[981].

Гиммлер согласился с этими аргументами. По случаю Курбан-байрама осенью 1943 года СС уже собирали деньги для мусульман Боснии. Через некоторое время Гиммлер приказал организовать второй фонд помощи^[982] – тогда собрали больше 120 000 рейхсмарок^[983]. Сам рейхсфюрер прибавил к этой сумме 100 000 рейхсмарок из собственных фондов^[984]. В январе 1944 года Бергер доложил о том, что всего собрано 225 000 рейхсмарок^[985]. Деньги пошли главным образом на одежду, которую раздавали нуждающимся^[986]. Однако все эти проекты были лишь каплей в море. Фактически эсэсовцы сначала сами поставили мусульманское население под удар, а потом оставили его без военной защиты.

ФОТО 5.4. Мусульманки возвращаются в свою деревню, разрушенную в горах Боснии (источник: Ullstein)

Наконец, в конце февраля 1944 года СС отправили дивизию «Ханджар» обратно на Балканы. На короткое время ситуация для мусульман – по крайней мере в некоторых областях – улучшилась. Мусульмане ответили на это благодарностью. Так, например, 20 апреля 1944 года, согласно донесению Кремплера, молитвы за Гитлера прошли во всех городах Санджака^[987]. Делегация местных мусульман направила фюреру верноподданническую телеграмму:

Мусульмане Санджака, которые плечом к плечу с храбрыми немецкими солдатами сражаются с бандитами, сегодня отмечают ваш день рождения и возносят горячие молитвы всемогущему Аллаху о вашем долголетии и счастье, в глубокой и непоколебимой вере в окончательную победу германского народа и в спасение нас, мусульман^[988].

Гитлер поблагодарил мусульман и сообщил им, что был «очень рад» этому посланию^[989]. Далее последовали похожие проявления верности. В июле 1944 года мусульмане Санджака послали фюреру грамофонную запись с благодарственной и хвалебной молитвой за Гитлера – на арабском языке^[990]. Получив ее в Берлине, Рудольф Брандт передал запись в отдел пропаганды СС, чтобы ей воспользовались либо сами СС, либо геббельсовское министерство пропаганды^[991].

Весной 1944 года северная и восточная Босния фактически попали под контроль СС и мусульманской дивизии Гиммлера (фото 5.5). Печально известное эсэсовское «Руководство по обеспечению общественного спокойствия в Боснии» дает хорошее представление о том, какой оккупационный режим планировалось установить в этой области и какую поддержку ему должна была оказывать религия^[992]. В городах и деревнях офицерам СС предписывалось найти надежных местных лидеров, которые выступали бы посредниками между местным населением и немцами. Каждую пятницу, в день джума-намаза (общей молитвы), эти посредники должны были зачитывать вслух еженедельные пропагандистские лозунги СС. Школы предлагалось подчинить доверенным местным жителям, «учителям, имамам, подходящим женщинам», но – «никакой интеллигенции». Что еще более важно, план предусматривал массовое переселение по религиозному признаку с целью создания городов и деревень с

однородным исламским населением. «Нашей целью, при любых обстоятельствах, является создание общин, состоящих из людей одного и того же вероисповедания», – говорилось в документе. Более того, в инструкции одобрялась война на уничтожение против партизан и других враждебных групп, а также агрессивное подчинение гражданского населения. «Главное – уничтожить врага», – однозначно заявлялось в плане, требующем от командиров СС «жесткости». В своем дневнике Геббельс признал, что Гиммлер «остановил террор против магометанского населения»^[993]. Однако в итоге власть СС над регионом оказалась слишком скоротечной, а работа немецкой бюрократии слишком хаотичной, чтобы эти схемы полностью воплотились в жизнь. Тем не менее солдаты мусульманской дивизии успели снискать зловещую славу из-за своей исключительной жестокости – они наводили страх и ужас.

ФОТО 5.5. Германские танки в мусульманской деревне. Босния, 1944 (источник: Ullstein)

В какой-то степени переселения, предусмотренные инструкциями СС, отражали требования некоторых исламских автономистов. Но, хотя Гиммлер тешил себя мыслью создать в будущем военный протекторат, или заново выстроить «военную границу» (*Wehrgrenze*),

существовавшую в эпоху Габсбургов, СС находились не в том положении, чтобы удовлетворить надежды мусульман-автономистов Боснии и Герцеговины^[994]. Аналогичным образом, когда в последние месяцы войны Бедри Педжани, видный албанский политик-мусульманин, обратился к муфтию Иерусалима за помощью в создании мусульманского государства на Балканах, которое объединило бы Косово (очищенное от православных сербов), Санджак, Боснию и Герцеговину с Албанией, немцы быстро сорвали эти замыслы^[995]. Лидеры мусульман должны были понять, что о немедленной независимости их территорий не могло быть и речи.

По мере того как положение Германии на фронтах становилось все более тяжелым, многие мусульмане теряли надежду на победу стран Оси. В июле 1944 года в докладе вермахта отношение мусульманского населения к немцам характеризовалось как неустойчивое – теперь их считали «в высшей степени ненадежными»^[996]. В последние месяцы войны многие из них, не рассчитывая на помощь Германии, искали альтернативы. Множились группы самообороны, подобные Движению мусульманского освобождения Панджи^[997]. Молодые мусульмане, сообщалось в отчете немецкой армии в июне 1944 года, организуются в подразделения местной самообороны^[998]. Это было правдой: различные ополчения, самым заметным из которых были *Zeleni Kader* («Зеленые кадры») прогерманского военачальника Нешада Топчича, привлекали все больше мужчин-мусульман. Пользуясь поддержкой религиозных лидеров (таких, как Мехмед Ханджич), они не только защищали мусульманские деревни, но и совершали зверские набеги на православные поселения. Попытки четников набирать мусульман в свои ряды, как и следовало ожидать, имели лишь ограниченный успех^[999]. С другой стороны, партизаны Тито казались жизнеспособной альтернативой как немцам, так и мусульманским боевикам. Зимой 1943–1944 годов, когда положение на фронтах ухудшилось, в их ряды вливалось всё больше мусульман. «Мусульмане в Боснии, которые когда-то приветствовали нас с таким энтузиазмом, полностью отвернулись от нас и массово пошли к партизанам», – отмечал Хорстенау^[1000]. «Усташские преступники втянули множество мусульман в немецкую бойню и кровавую гражданскую войну, а четники Дражи Михайловича совершили неслыханные преступления против мусульманского населения. Теперь мусульманам ясно, что

только участие в народно-освободительной борьбе спасет их от полного уничтожения» – с такой воодушевляющей речью партизанский командир и идеолог Милован Джилас обратился тогда к своим товарищам^[1001]. Первый отряд партизан-мусульман был сформирован еще летом 1941 года, а маршал Тито охотно повторял клише московской религиозной пропаганды, согласно которым коммунизм представлял единственной надеждой ислама. В брошюре *Muslimani u Sovjetskom Savezu: Religija u Sovjetskom Savezu* («Мусульмане в Советском Союзе: религия в Советском Союзе»), которая распространялась партизанскими пропагандистами осенью 1944 года, сталинское государство изображалось раем для благочестивых верующих^[1002].

С мусульманами, которые подозревались в предательстве, немцы обращались с чудовищной жестокостью^[1003]. Во время карательных акций против мусульманских деревень и сел, жители которых обвинялись в пособничестве партизанам, немецкие войска казнили даже женщин и детей. Нападениям подвергались и мечети. В конце 1944 года немецкие войска ворвались в здание *El-Hidaje* в Сараево, чтобы найти улики против нескольких «Молодых мусульман», подозреваемых в работе на противника. Несмотря на все официальные усилия по продвижению Германии в качестве защитника балканского ислама, низшие чины на местах часто не испытывали никакого уважения к мусульманам и их религии. Когда солдат вермахта Эгберт Корбахер прибыл в сербский город Ниш, он сделал в дневнике глумливую запись: «В Нише начинается Восток. Это не преувеличение: грязь, его главное свойство, настолько убедительна, что не надо даже мечетей и минаретов». Впрочем, добавлял он, «дело не в том, насколько нечистоплотны албанцы – главное, что тут нет евреев»^[1004].

Геноцид евреев и цыган на Балканах сразу же затронул и мусульманскую общину. В течение нескольких месяцев после разгрома Югославии многие евреи пытались избежать репрессий, переходя в ислам^[1005]. В одном только Сараево не менее 20% еврейского населения, по некоторым оценкам, перешли в ислам или католичество в период с апреля по октябрь 1941 года. Встревоженные усташские власти осенью того же года вмешались в этот процесс, официально запретив переходы в иные вероисповедания. Новообращенные, впрочем, в любом случае не были застрахованы от преследований,

поскольку в глазах усташских бюрократов еврейство оставалось расовой, а не религиозной категорией. Даже рейс-уль-улема Фехим Спахо поддерживал эту официальную линию, публично заявив в конце 1941 года, что переход в другую веру не влияет на расу и что еврейские «новые мусульмане» с расовой точки зрения по-прежнему остаются евреями. С другой стороны, Спахо прилагал значительные усилия, чтобы как-то помочь еврейским новообращенным, призывая усташские власти защитить их и увещевая улемов дать им убежище. Некоторым евреям, принявшим ислам, действительно удавалось спастись, а кто-то ради этого действительно переодевался в мусульманские одежды^[1006]. Отношение мусульман к преследованию необращенного еврейского населения не было однозначным. Как и везде, кто-то сотрудничал с нацистами и наживался на бедах евреев, а кто-то сочувствовал жертвам и, в некоторых случаях, проявлял солидарность с ними. Вскоре после падения Сараево Федриготти заметил, что «десятки магометан» разобрали медную крышу Большой сефардской синагоги, чтобы продать металл на базаре^[1007]. *Merhamet* принял на себя руководство большой текстильной фабрикой, которая была экспроприрована у еврея и вскоре стала основным поставщиком для немецкой армии^[1008]. Другие люди, напротив, помогали гонимым. Дервиш Коркут, мусульманин и хранитель книг в городском музее, не только спрятал легендарную Сараевскую Агаду (украшенную прекрасными иллюстрациями рукопись XIV века) от немецких чиновников, которые пытались конфисковать ее, но и приютил молодую еврейскую девушку, которая потом смогла уйти к партизанам^[1009]. Мусульманский бизнесмен Мустафа Хардага из Сараево прятал целую еврейскую семью. Албанские мусульмане тоже прославились тем, что спасли многих своих соотечественников-евреев^[1010]. Немцы же, со своей стороны, были уверены, что их антиеврейская пропаганда, насыщенная религиозными образами, в мусульманских районах пала на плодородную почву.

Наконец, мусульман на Балканах напрямую затронули преследования цыган – многие цыгане принадлежали к исламской вере. Стремясь интегрировать мусульман в хорватское государство, усташаи сделали для преимущественно оседлых «белых цыган» – мусульманского сообщества, проживавшего в Боснии и Герцеговине, – исключение, избавив их от гонений и депортаций^[1011].

Покровительство властей, оказанное «белым цыганам», спровоцировало волну переходов цыган-христиан в ислам. Однако, как и в случае с новообращенными евреями, подобные переходы быстро были ограничены хорватским министерством внутренних дел. На протяжении всей войны улема-меджлис проявлял озабоченность по поводу безопасности цыган-мусульман и неоднократно жаловался загребским властям на аресты «белых цыган». По просьбе Фехима Спахо правительство усташей вмешивалось даже в дела оккупированной Сербии, призывая немецкие власти и там не преследовать мусульман как цыган^[1012]. В Македонии и Албании, где большинство рома были мусульманами, их религиозная принадлежность тоже давала им некоторую защиту, хотя болгарская оккупационная администрация в Македонии не слишком уважала ислам^[1013]. В отличие от официальных лиц Хорватии и Германии, болгарские оккупанты даже не пытались заигрывать с мусульманами^[1014]; вскоре после оккупации Скопье болгарские власти заняли здание, в котором размещались исламские чиновники (а также медресе), и конфисковали вакуфные фонды, оставив сотрудников религиозной администрации без жалованья. Мужчины-мусульмане в фесках и женщины-мусульманки в парандже подвергались оскорблениям на улицах. В конце концов в ситуацию вмешался Фехим Спахо. Поскольку реис-уль-улема, находясь в Сараево, руководил двумя религиозными центрами – в самом Сараево и в Скопье, – он, чувствуя ответственность за македонских мусульман, попросил усташские власти оповестить немцев об этих происшествиях. Министерство иностранных дел Хорватии действительно связалось с немецкой дипломатической миссией в Загребе и попросило воздействовать на Софию в защиту мусульман Скопье. Неизвестно, однако, возымело ли это обращение действие. В целом же преследование как цыган-мусульман, так и перешедших в ислам евреев, показало масштабы и пределы влияния исламской администрации, функционировавшей под властью стран Оси.

После войны мусульман по всем Балканам активно преследовали как пособников нацистов. Тем не менее коммунистический режим в Югославии первоначально воздерживался от прямых нападок на ислам^[1015]. Казнили только самых одиозных исламских коллаборационистов – вроде Исмета Муфтича, загребского муфтия при

Павеличе. Другие религиозные лидеры, такие как Салих Башич, остались на своих постах. Мухамеда Панджу и Али Агановича приговорили к длительному тюремному заключению (Мехмед Ханджич умер в 1944 году). Мечеть Поглавника закрыли, а ее минареты взорвали. Но, укрепив свои позиции, новые балканские правители начали более сурово преследовать ислам; кульминацией стала легендарная кампания против паранджи, которую развернул Женский антифашистский фронт Тито. В только что образованной Народной Республике Албания Энвер Ходжа начал настолько ожесточенную атаку на религиозные учреждения, что по размаху ее можно было сопоставить со сталинскими репрессиями против религии 1920–1930-х годов^[1016]. Проживавших в Эпире греческих чамов обвинили в предательстве. На них нападали ополченцы-националисты Народной республиканской греческой лиги Наполеона Зерваса, убившие многих мусульман, грабившие и сжигавшие их деревни, а оставшихся в живых изгонявшие в Албанию^[1017]. Иначе говоря, за попытками стран Оси заигрывать с мусульманами во время войны последовали акции возмездия в отношении обвиняемых в коллаборационизме, а потом и долгие годы репрессий против ислама по всей Юго-Восточной Европе.

6

Мобилизация мусульман

ОДИННАДЦАТОГО января 1944 года в казармах на учебном полигоне Нойхаммер в Силезии Генрих Гиммлер приветствовал группу мусульманских командиров из Боснии. «Для меня абсолютно ясно, что нет ничего отделяющего мусульман Европы и всего мира от нас, немцев, – объявил он. – У нас общие цели. Нет более прочной основы для сотрудничества, чем общие цели и общие идеалы. В течение двухсот лет Германия не испытывала ни малейшего конфликта с исламом»^[1018]. По словам рейхсфюрера, германский народ и его лидеры оставались друзьями ислама все последние столетия не только по прагматическим причинам, но и по убеждению. Бог – «для вас это Аллах, но это одно и то же» – послал фюрера, который освободит сначала Европу, а затем и весь мир, от евреев. Глава СС перечислил и общих врагов – «большевиков, Англию и Америку, постоянно находящихся под еврейским контролем». Речь Гиммлера была адресована десяткам тысяч новобранцев-мусульман, рекрутированных в части вермахта и СС. Большинство из них составляли выходцы с территорий Советского Союза, хотя многих завербовали на Балканах, а кое-кого (таковых было мало) – на Ближнем Востоке. Новобранцам говорили, что, во имя ислама, они должны освободить свои страны от чужеземной власти. Это была одна из величайших кампаний по мобилизации мусульман, проводившихся по инициативе немусульманской державы. По своему масштабу она многократно превосходила аналогичные мероприятия рейхсвера во время Первой мировой войны.

Развертывание мусульманских подразделений стало одним из признаков обновления немецкой политики комплектования войск^[1019]. С конца 1941 года и до завершения войны сотни тысяч добровольцев (не являвшихся немцами) со всех оккупированных территорий зачислялись в германские армии. Привлечение нового контингента происходило не в силу какого-то долгосрочного плана, но из-за перехода к более прагматичному и краткосрочному планированию, обусловленному провалом операции «Барбаросса» и гитлеровской

стратегии блицкрига в конце 1941 года. Сдвиг ускорился после поражений под Сталинградом и Эль-Аламейном, а также подъема партизанских движений по всему континенту. Осенью 1941 года, после неудачи «Барбароссы», немецкое военное командование столкнулось с острой нехваткой личного состава. К концу ноября потери немцев составляли 743 112 человек убитыми, ранеными и пропавшими без вести^[1020]; то есть они лишились почти четверти военнослужащих, сражавшихся на Восточном фронте. Стало ясно, что немецкие солдаты сами по себе не способны выиграть войну. Вермахт начал пополнять свои ряды за счет военнопленных и гражданских лиц с оккупированных восточных территорий с конца 1941 года^[1021]. Азербайджанцы, турки Средней Азии, калмыки, украинцы, грузины, армяне и некоторые другие народы воевали в составе так называемых восточных войск (*Osttruppen*) вермахта. Вдохновителем этого проекта выступил прагматичный Клаус фон Штауффенберг. В конце 1942 года новые части были поставлены под начало генерала Гейнца Гельмиха, назначенного инспектором восточных войск (*General der Osttruppen*). В январе 1944 года эту должность переименовали; на обновленном посту «инспектора добровольческих соединений» (*General der Freiwilligenverbände*) Гельмиха сменил Эрнст Кёстринг. Последнего задействовали в военной мобилизации в качестве «инспектора тюркских отрядов» – это произошло после того, как Красная армия в начале 1943 года отбила Кавказ. Восточные войска быстро росли. К середине 1943 года в их частях сражалось более 300 000 новобранцев^[1022]. Еще через год это число удвоилось. Подавляющее большинство в восточных войсках составляли неславянские меньшинства с южных окраин советской империи (турки Средней Азии, поволжские татары, народы Северного Кавказа, азербайджанцы, грузины и армяне). С начала 1942 года их подразделения были организованы в шесть так называемых восточных легионов. Большинство из них комплектовалось мусульманами. Помимо восточных легионов, под началом инспектора восточных войск сражался Калмыцкий кавалерийский корпус и несколько менее крупных национальных соединений, в том числе эстонские, литовские, латвийские, финские, украинские, белорусские и казацкие отряды. В конце 1944 года Гитлер согласился зачислять в свои войска даже русских: из них комплектовалась «Русская освободительная армия»

Андрея Власова. Вермахт также экспериментировал с небольшими добровольческими соединениями за пределами восточных территорий, прежде всего с арабскими частями и Индийским легионом «Азад Хинд» Субхаса Чандры Боса^[1023].

Формирование негерманских дивизий СС также было результатом неожиданного для немцев развития ситуации на фронтах^[1024]. Изначально Гиммлер создавал первые три немецких дивизии войск СС – «Лейбштандарт Адольф Гитлер», «Рейх» и «Мертвая голова» – с целью обзавестись независимыми от вермахта вооруженными силами. Однако войска СС изначально были крайне немногочисленными по сравнению с вермахтом, а привлекать туда добровольцев-немцев становилось все труднее. С конца 1940 года Гиммлер вербовал в эсэсовские части жителей Северной и Западной Европы, начиная с Норвегии и стран Бенилюкса. После Сталинграда эти усилия стали более интенсивными. Для противодействия партизанам на Балканах была создана дивизия «Принц Ойген», состоявшая из этнических немцев. В войска СС начали зачислять солдат из Латвии и Эстонии, а потом и из других мест. К концу войны, когда Гитлер снял запрет на образование негерманских частей СС, эти войска росли особенно быстро. Среди негерманских добровольческих подразделений, создаваемых эсэсовцами, были крымские, тюркские и кавказские части на Востоке, а также албанская и боснийская дивизии на Балканах. Во многих из них преобладали мусульмане. В итоге почти полмиллиона солдат, включенных в состав девятнадцати из тридцати восьми дивизий СС, были завербованы за пределами Германии^[1025].

Большинство новобранцев присоединялись к СС по материальным причинам. Для военнопленных существенным стимулом была возможность получать жалованье и улучшенное питание. В частности, для оказавшихся в плену солдат Красной армии сражаться за немцев казалось более привлекательной перспективой, чем оставаться в ужасающих условиях лагерей^[1026]. Другие новобранцы, например с Балкан и из Крыма, надеялись защитить свои семьи и деревни от партизан и бандитов. Идеология и политические мотивы также играли свою роль. Национализм, религиозная ненависть и антибольшевизм привели в ряды немецкой армии многих. Такие добровольцы верили, что под флагом со свастикой они помогут борьбе против большевизма (или британского империализма), а также освобождению своих стран

от иноземцев. Немцы, со своей стороны, делали все возможное, чтобы усилить потенциальную идеологическую мотивацию своих иностранных помощников средствами пропаганды.

Хотя негерманские части создавались прежде всего для сбережения немецкой крови и ликвидации чудовищного дефицита личного состава в армиях Третьего рейха, руководство вермахта и СС осознавало и пропагандистскую ценность этих отрядов – они должны были влиять на моральный дух как армий противника, так и его тыла. Привлечение мусульман в данном контексте играло особо важную роль, так как выступало частью общей исламской стратегии Германии. Когда эти части развернулись на боевых позициях, немецкое руководство начало продвигать их как элемент более масштабной кампании по мобилизации ислама – как это сделал Гиммлер в своей речи в Нойхаммере.

Мусульмане в вермахте

Гитлер скептически относился к привлечению в ряды своей армии представителей других народов и особенно добровольцев из Советского Союза. Впрочем, если зачисление на военную службу славян – русских, украинцев и белорусов – вызывало у него максимальное неприятие, то мусульман, напротив, он считал единственными по-настоящему надежными солдатами и поддерживал их вербовку безоговорочно. 12 декабря 1942 года, обсуждая нерусских добровольцев с востока в своей ставке «Волчье логово», Гитлер призвал военное командование проявлять крайнюю осторожность при организации кавказских формирований в вермахте – он считал это опасным предприятием. «Не уверен, ведь грузины не магометанский народ... На данный момент я считаю формирование батальонов из чисто кавказских народов весьма рискованным делом, но при этом не вижу никакой опасности в создании чисто магометанских частей... Несмотря на все заверения со стороны Розенберга и военных, армянам я тоже не верю... Надежными считаю только чистых мусульман»^[1027]. Гитлер недвусмысленно ставил мусульман выше не только армян, но и грузин, которым покровительствовал Розенберг. «На одних лишь мусульман можно полагаться, – заявил Гитлер. – Все остальные способны принести проблемы»^[1028]. У безоговорочного доверия Гитлера к мусульманам было несколько причин. Помимо положительной оценки ислама с идеологической точки зрения, определенную роль в этом мог сыграть его опыт участия в Первой мировой войне. Более того, Гитлера мог впечатлить коллаборационизм мусульман на Северном Кавказе и татар в Крыму.

Командование вермахта разделяло мнение Гитлера о мусульманах востока. Привлечение мусульман регулярно обосновывали не только нехваткой людей и пропагандистской ценностью исламских подразделений, но и религией – немцы полагали, что ислам делает солдат сильнее. Положительное отношение к добровольцам из мусульман отразилось в структуре соединений: в конечном итоге среди советских новобранцев вермахта мусульмане составили самую большую религиозную группу.

Вермахт начал набирать добровольцев-мусульман на востоке еще до того, как были созданы специальные восточные войска^[1029]. Кризисная ситуация конца 1941 года заставила фронтовых командующих по собственной инициативе искать кол-лаборантов среди местного населения, а также прочесывать лагеря военнопленных в поисках добровольцев для вспомогательных служб – так называемых *Hilfswillige* (сокращенно *Hiwis*, или «хиви»). Множество советских дезертиров, военнопленных и волонтеров из местного населения записывались часовыми, подносчиками боеприпасов, переводчиками, водителями, поварами и слугами; некоторые же сражались плечом к плечу с немецкими солдатами еще до зимы 1941 года. Среди первых вспомогательных боевых частей были и первые мусульманские подразделения Третьего рейха. В октябре 1941 года вермахт создал кавказское соединение под командованием Теодора Оберлендера (батальон особого назначения «Бергманн») и тюркское соединение под началом эксцентричного авантюриста Андреаса Майера-Мадера, который много путешествовал по Средней Азии и служил военным советником Чан Кайши^[1030]. Месяц спустя армейское руководство приказало сформировать при 444-й охранной дивизии вермахта два батальона – из кавказцев и среднеазиатов. Как и подразделение Майера-Мадера, они сражались с партизанами в южной Украине. Батальон Оберлендера, пройдя подготовку в Силезии и Верхней Баварии, продвигался вместе с вермахтом на Кавказ. Немцы были удовлетворены тем, как мусульмане показали себя в боях, и мусульманские части сохранили свое доминирующее положение, когда вермахт начал более систематически привлекать нерусских добровольцев в восточные легионы.

Приказ о формировании этих частей объединенное командование издало 22 декабря 1941 года, получив санкцию Гитлера^[1031]. Первые два легиона, Туркестанский (*Turkestanische Legion*) и Кавказско-магометанский, созданные 13 января 1942 года, состояли почти полностью из мусульман. За ними в феврале 1942 года последовали Армянский (*Armenische Legion*) и Грузинский (*Georgische Legion*), а в апреле и сентябре Северокавказский (*Nordkaukasische Legion*) и Волжско-татарский (*Volga-Tatarische Legion*) легионы. В итоге четыре из шести сформированных на Востоке легионов были полностью или преимущественно исламскими: Туркестанский, Кавказско-

магометанский (позже переименованный в Азербайджанский), Северокавказский и Волжско-татарский^[1032]. Армянский и Грузинский относились к немусульманским легионам, которым Гитлер не доверял. Командные и штабные кадры (*Rahmen- und Stammpersonal*) этих подразделений комплектовались из немцев. Было создано два организационных штаба (*Organisationsstäbe*), отвечающих за боевую и идеологическую подготовку боевых батальонов, входящих в легионы. Первый – так называемый Штаб подготовки восточных легионов (*Aufstellungsstab der Ostlegionen*), позже переименованный в Штаб командования восточными легионами (*Kommando der Ostlegionen*). Располагался он в Генерал-губернаторстве, на военном полигоне в Рембертове, а потом, с лета 1942 года, в Радоме. Организовывал штаб главным образом Ральф фон Хайгендорф, саксонец, ветеран Первой мировой войны (он руководил штабом с 1942 до начала 1944 года). Впрочем, Штаб командования восточными легионами отвечал только за новобранцев, вербуемых в зоне ответственности армейских групп «Север» и «Центр». Добровольцы, набираемые под контролем группы армий «Юг», проходили подготовку отдельно, сначала на Украине, потом в Силезии, на базе 162-й (туркестанской) пехотной дивизии. Руководил последней Оскар фон Нидермайер, которого в 1944 году сменил Ральф фон Хайгендорф. К 1943 году организационные штабы создали и отправили на фронт не менее 79 пехотных батальонов^[1033]. 54 из них были полностью или в основном мусульманскими. Одновременно продолжали подготовку и другие батальоны. В итоге, по некоторым оценкам, в рядах вермахта сражались 35000–40000 поволжских татар (Волжско-татарский легион), 110000–180000 мусульман из Средней Азии (Туркестанский легион), а также 110000 солдат с Кавказа, мусульман и христиан (Северокавказский, Азербайджанский, Армянский и Грузинский легионы)^[1034]. Среди кавказских добровольцев насчитывалось по меньшей мере 28000 мусульман с Северного Кавказа и от 25000 до 38000 мусульман из Азербайджана. Они были вооружены противотанковыми ружьями, гранатометами, пулеметами, а также автоматическим оружием и сражались на различных участках Восточного фронта и прифронтовых территорий. В Сталинграде было задействовано три мусульманских батальона, а другие воевали в горах Кавказа. В конечном счете мусульманские полевые батальоны восточных легионов были

задействованы по всему европейскому континенту. На Балканах их привлекали для борьбы с партизанами Тито, а во Франции и Италии они бились с союзниками. В 1945 году в обороне Берлина участвовало в общей сложности 6 батальонов. На последнем этапе войны 162-я Туркестанская пехотная дивизия, которую преобразовали из учебного подразделения в полноценное соединение и куда вошли некоторые из последних обученных там батальонов, участвовала в боях с партизанами в Словении и с американскими войсками в Северной Италии. К концу войны десятки тысяч новобранцев из восточных легионов пали в боях^[1035]. Помимо боевых частей, тысячи мусульман привлекли в трудовые и строительные части, а также части снабжения. С 1943 года даже непригодных к военной службе пленных мусульман призывали в четыре трудовых тюркских батальона и один запасной рабочий батальон^[1036].

Некоторые вспомогательные мусульманские подразделения сражались вне восточных легионов, в составе регулярных подразделений вермахта. Крупнейшие из таких формирований были созданы в Крыму, где в начале 1942 года 11-я армия Манштейна начала сама вербовать мусульман^[1037]. После захвата полуострова немцами часть крымских татар добровольно пошла на военную службу. Один из лидеров старой мусульманской элиты в письме Гитлеру выражал «великую благодарность за освобождение крымских татар (магометан)», которые пострадали «под кровавой властью иудео-коммунистов», и предлагал военную помощь. «Ради скорейшего уничтожения партизанских групп в Крыму мы, хорошо знающие пути и тропы крымских лесов, искренне просим вас учредить под командованием немцев регулярные [крымскотатарские] военные части»^[1038]. Месяц спустя 11-я армия начала прием новобранцев. Именно «предложение со стороны ведущих представителей татар и магометан», отметил Кейтель в начале 1942 года, побудило вермахт обратиться к Гитлеру за разрешением начать вербовку добровольцев среди крымских мусульман^[1039]. На протяжении войны крымские татары сражались в исключительно исламских подразделениях, входивших в состав 11-й армии. В целом в немецких частях на полуострове состояли до 20000 татар^[1040]. Командование было поражено дисциплиной и боеспособностью этих отрядов. «Их вклад в борьбу с партизанами невозможно переоценить», – отмечалось в

армейском докладе в марте 1942 года^[1041]. Татарские части защищали от партизан дороги, связывающие побережье с внутренними районами полуострова, а также обеспечивали безопасность уязвимых горных троп. Кроме того, вскоре они обзавелись мрачной репутацией из-за необычайной жестокости, которую проявляли во время операций против партизан. В Крымских горах татарские отряды, сжигая партизанские базы, в массовом порядке убивали гражданское население. Немецкое командование, на которое эффективность татарских батальонов произвела большое впечатление, после эвакуации Крыма в 1944 году перебросило их в Румынию.

Гораздо менее успешными оказались попытки вермахта сформировать арабские части – несмотря на массивную пропагандистскую кампанию, которую немцы вели в Северной Африке и на Ближнем Востоке. В июле 1941 года объединенное командование вермахта создало так называемый Особый штаб Фельми (*Sonderstab Felmy*)^[1042]. Руководил им ветеран Первой мировой войны Гельмут Фельми, а одной из главных задач штаба стала вербовка и подготовка арабских добровольцев для вермахта в так называемом Немецко-арабском учебном дивизионе (*Deutsch-Arabische-Lehrabteilung*), созданном в конце 1941 года. В состав отряда входили как немецкие части, так и представители мусульманских стран. Подразделение было призвано вести боевые действия в арабском мире после победы немцев на Кавказе^[1043]. Новобранцы-мусульмане из Немецко-арабского учебного дивизиона должны были стать основой будущего «Арабского легиона», который добровольцы уже величали «Арабским корпусом свободы» (*аль-Муффраза аль-Арабийя аль-Хурра*). Вопреки ожиданиям, реализовать проект оказалось нелегко: у «Особого штаба Фельми» возникли серьезные проблемы с привлечением арабов. К концу мая 1942 года набрали только 130 человек и только 50 были еще на подходе^[1044]. Среди прочего, деятельности немцев помешало решение Анкары запретить арабам, сражавшимся за аль-Гайлани в Ираке, проезд в Германию по турецкой территории^[1045]. В конечном итоге большинство добровольцев завербовали в лагерях военнопленных, а часть рекрутов набрали из арабских студентов, обучавшихся в немецких университетах. Первоначально подразделение размещалось на мысе Сунион, на южной оконечности Аттики, где солдаты ждали переброски на Ближний Восток. Арабы-новобранцы часто

конфликтовали друг с другом. В своих мемуарах аль-Хусейни утверждал, что Фельми, пытаясь разрешать их споры, время от времени обращался к нему за советом. «Генерал жаловался на проблемы, создаваемые арабскими студентами <...> и на ссоры, которые постоянно вспыхивали между ними», – вспоминал муфтий, признавая, что, «к сожалению», такова была «чистая правда и горькая реальность»^[1046]. Однако аль-Хусейни не обмолвился о том, что Фельми был особенно обеспокоен влиянием на солдат тех интриг, которые плел сам муфтий, конфликтуя с аль-Гайлани. В августе 1942 года, когда немецкие войска, наконец, начали свое продвижение по Кавказу, а прорыв на Ближний Восток казался неизбежным, «Особый штаб Фельми» и его боевые части перевели в Сталино (Донецк) на Украине^[1047]. Арабская составляющая выросла до 800 человек, сгруппированных в четыре роты. Предполагалось, что после захвата гор Кавказа они будут с севера поддерживать вторжение на Ближний Восток. Но до этого дело не дошло. Пока 5200 немецких солдат «Особого штаба Фельми» сражались на Кавказе, неся тяжелые потери, мусульмане – одна арабская рота из Палестины, Сирии и Ирака, а также три роты из Туниса, Алжира и Марокко, оставались в учебном лагере на расстоянии нескольких сот километров от линии фронта^[1048].

В ноябре 1942 года руководство вермахта решило перебросить четыре мусульманские роты «Особого штаба Фельми» через Италию в Северную Африку, где им предстояло сражаться в составе армии Роммеля^[1049]. По прибытии в Тунис они присоединились к арабским добровольцам, которых завербовали в магрибской зоне боевых действий^[1050]. По словам Рана, к февралю 1943 года под командованием Германии в Северной Африке находилось не менее 2400 арабов^[1051], в том числе солдаты вишистской «Африканской фаланги» (*Phalange Africaine*)^[1052]. Новобранцы должны были сформировать три боевых батальона: «Тунис» (*Tunesien*), «Алжир» (*Algerien*) и «Марокко» (*Marokko*), хотя только «Алжир» находился в боеспособном состоянии^[1053]. Арабы «Особого штаба Фельми» образовали только резервное подразделение и никогда не использовались в бою. Арабы-добровольцы из батальона «Алжир» оказались ненадежными^[1054]. После нескольких безуспешных попыток использовать их на фронте, сопровождавшихся дезертирством и переходом на сторону противника, командование приняло решение

преобразовать арабские части из боевых в трудовые. По сравнению с другими мусульманскими подразделениями арабские добровольческие формирования оказались абсолютно небоеспособными: это был полностью неудачный проект.

Мусульмане в СС

СС также завербовали в свои ряды тысячи мусульман. Фактически Гиммлер разделял взгляды Гитлера на мусульманских солдат. 2 марта 1943 года, после встречи с рейхсфюрером, генерал Эдмунд Глейзе фон Хорстенау писал об энтузиазме Гиммлера по поводу создания мусульманской дивизии СС в Боснии:

Гиммлер, безусловно, одобрил робко высказанное мною мнение о том, что в боснийской дивизии обычную культурную политику СС хорошо дополнит [учреждение должностей] военных муфтиев. От христианства он отмахнулся из-за мягкости этой религии. Надежды боснийцев на магометанский рай следует поощрять любой ценой, так как это гарантирует героизм, говорил он. <...> Гиммлер выразил сожаление по поводу распада австро-венгерской военной границы, он снова и снова говорил о великолепных боснийцах и их фесках»^[1055].

В последующие месяцы Гиммлер неоднократно высказывался в том же духе. Даже в марте 1945 года он продолжал восхвалять «бесстрашных магометан» из войск СС^[1056]. Как и офицеры вермахта, он и его подчиненные из Главного управления СС учитывали глобальное пропагандистское воздействие, которое производили солдаты-мусульмане, носящие немецкую форму. Уповая на панисламское единство, Готтлоб Бергер как-то трактовал использование мусульманских подразделений в Юго-Восточной Европе как попытку «достучаться до мусульман всего мира, так как это 350 миллионов человек, имеющих решающее значение в борьбе с Британской империей»^[1057]. Аналогичным образом во внутреннем отчете СС подчеркивалось, что боснийская дивизия должна показать «всему магометанскому миру», что Третий рейх готов противостоять «общим врагам национал-социализма и ислама»^[1058].

Первыми, с кем вербовщики из СС начали работать, стали мусульмане Балкан. С начала 1943 года участвовавшие партизанские вылазки вынуждали немцев, и без того ослабевших после поражений на Восточном фронте и в Северной Африке, направлять в регион все больше солдат. Крупнейшее в этой части Европы мусульманское подразделение СС формировалось в Боснии. С февраля 1943 года Гиммлер набрал тысячи мусульман в 13-ю горную дивизию войск СС

(13. *Waffen-Gebirgs-Division der SS*), которую впоследствии переименовали в «Ханджар» (*Handschar*)^[1059]. Создание новой части с энтузиазмом поддержали ведущие мусульманские автономисты, которые в своем меморандуме от 1 ноября 1942 года уже предлагали создать добровольческое подразделение под началом Германии^[1060]. Развертывание «Ханджара» шло под эгидой хорватской дивизии СС «Принц Ойген», набранной из этнических немцев, и ее командира-холерика, группенфюрера Артура Флепса. Новая дивизия в значительной степени состояла из солдат грозного мусульманского ополчения майора Мухамеда Хаджиэфендича, которое усташские власти создали в Северо-Восточной Боснии в 1941 году^[1061]. Главным немецким вербовщиком в Боснии стал Карл фон Кремплер (он вырос в Сербии и Турции и свободно говорил на боснийском языке). Хотя большинство мусульман, по-видимому, одобряли создание этого подразделения, добровольцев поначалу оказалось меньше, чем ожидалось. Однако со временем вербовщики смогли привлечь около 20 000 волонтеров^[1062].

Усташа следили за развитием событий с нескрываемым подозрением. Их исходные попытки контролировать проект не удались. СС вежливо, но твердо отказались удовлетворить просьбу Загреба о включении слова «усташская» в название дивизии^[1063]. В итоге немцы заверили Павелича, что около 15% личного состава «Ханджара» будут из католиков и что его чиновников привлекают к процессу вербовки^[1064]. На самом же деле боснийцы воспринимали дивизию как сугубо «магометанское дело», по выражению Винклера^[1065]. Представителя Павелича и офицера связи Алию Шуляка, мусульманина, печально известного своей агрессивной пропагандой в пользу усташей, быстро оттеснили на второй план офицеры-вербовщики из окружения Кремплера^[1066]. Чтобы вступить в новую часть СС, многие мусульмане даже дезертировали из хорватской армии. Хотя Павелич понимал, что у него связаны руки, хорватский режим не упускал ни одной возможности помешать созданию мусульманского подразделения. В апреле Флепс жаловался в Берлин, что хорватское правительство «использует все возможные средства, чтобы препятствовать комплектованию [дивизии] или по крайней мере значительно замедлять его»^[1067]. Руководитель РСХА Эрнст Кальтенбруннер докладывал и о других похожих жалобах^[1068]. В некоторых случаях хорваты ночью

приходили к добровольцам–мусульманам, которые уже записались в ряды СС, вытаскивали их из постелей и отправляли в казармы хорватской армии^[1069]. Разъяренный Гиммлер приказал своему представителю в Хорватии пресечь эту практику и обыскать как казармы, так и концентрационные лагеря Стара-Градишка и Ясеновац. Рейхсфюрер заявил, что у него имеются «определенные и точные сведения» о молодых людях, которых «увезли в концлагеря просто потому, что они записались к нам». Виновных Гиммлер предложил самих отправить в лагеря или казнить.

Стремясь избежать дальнейшего саботажа со стороны хорватов, СС перевели «Ханджар» на юг Франции, где дивизия проходила обучение под командованием ветерана Первой мировой войны оберфюрера СС Карла-Густава Зауберцвейга. Немецкие официальные лица на Балканах, в первую очередь фон Хорстенау, выразили озабоченность по поводу переброски дивизии с фронта в критический момент войны. Гиммлер, впрочем, не придавал значения подобным возражениям. Но вскоре, однако, выяснилось, что озабоченность офицеров на Балканах была не напрасной. Летом 1943 года, когда Тито начал крупное наступление в Боснии, первыми жертвами партизан стали родственники мусульманских добровольцев. Слухи об этом скоро дошли до их сыновей и мужей, оказавшихся во Франции. Те узнали, что их семьи остались абсолютно уязвимыми и лишенными серьезной защиты. Боснийские добровольцы были потрясены случившимся, тем более что немцы ранее обещали использовать их на родине, для защиты своих домов. Многие из них разочаровались в немцах, в рядах дивизии росло недовольство. В ночь на 17 сентября группа солдат взбунтовалась и застрелила офицера^[1070]. Хотя немцев застали врасплох, они быстро подавили бунт, убив 15 мятежников. Зачинщиков арестовали и расстреляли на глазах у товарищей. Бергер возложил вину за случившееся не на мусульман, а на католиков дивизии – их было около 2800 человек^[1071]. Через некоторое время Гитлер высказал похожее мнение, подчеркнув, что только мусульмане дивизии оказались достойными доверия^[1072]. Вскоре «Ханджар» перевели на силезский учебный полигон в Нойхаммер, где часть дважды инспектировал Гиммлер – там, кстати, он и произнес свою вдохновляющую речь. Отправили туда и аль-Хусейни. Наконец, в конце февраля 1944 года мусульман вернули на Балканы. «Наш фюрер, Адольф Гитлер, сдержал

свое обещание. Наступает новое время. Мы идем!», – объявлялось в пропагандистской брошюре, которую распространяли тогда в Боснии^[1073]. Другая провозглашала: «И вот мы здесь!» – готовые сражаться с «врагами родины»^[1074]. Гитлер и Гиммлер лично одобрили текст этих брошюр^[1075]. «Ханджар» использовали главным образом для борьбы с партизанами на боснийском северо-востоке. Дивизия завоевала зловещую репутацию из-за крайней жестокости и чрезмерного применения силы^[1076]. Британский офицер связи при 3-м корпусе партизан Тито, говоря о зверствах, которые творила дивизия, отмечал: «Она хорошо себя ведет на мусульманской территории, но в населенных сербами районах беспощадно истребляет все гражданское население, невзирая на пол или возраст»^[1077]. После войны офицер этой дивизии в ярких красках описал преступления, которые совершали ее солдаты: «Одну женщину убили, ее сердце вырвали, пронесли по округе, а потом бросили в канаву»^[1078]. Герман Фегелейн, офицер связи Гиммлера при ставке Гитлера, сообщил фюреру о «подвигах» дивизии «Ханджар» на военном совещании 6 апреля 1944 года, добавив, что мусульманское подразделение сеет страх на Балканах: «Они убивают только ножами. Один боец был ранен, ему перевязали руку, но он все равно прикончил 17 врагов левой рукой. Иногда они вырезают сердца своих противников»^[1079]. Гитлера это не заинтересовало. «Мне абсолютно всё равно» (*Das ist Wurst*), – сказал он и перешел к другим вопросам повестки дня. Несколько месяцев спустя в докладной записке вермахта отмечалось: «Мусульмане очень хорошо себя показали, поэтому их необходимо активно поддерживать и усиливать с помощью военных и гражданских структур»^[1080].

Впрочем, вскоре стало ясно, что на Балканах требуется больше помощи от местных. Испытывая отчаянный дефицит личного состава, немецкие вербовщики начали работать с албанскими мусульманами. В начале 1944 года Гитлер одобрил создание мусульманского подразделения из албанцев – 21-й горной дивизии войск СС (*21. Waffen-Gebirgsdivision der SS*), получившей название «Скандербег»^[1081]. Формировалась она в Косово, на территориях между Печем, Приштиной и Призреном, а действовать должна была в северной Албании и на окраинах Черногории. В дивизию набирали местных жителей, военнопленных и солдат-албанцев, ранее попавших в «Ханджар». Привлечение гражданских лиц, как свидетельствуют

документы из Центрального государственного архива Албании, проводилось в тесном сотрудничестве с учреждениями марионеточного албанского государства, прежде всего министерством обороны^[1082]. Кейтель приказал освободить албанских военнопленных «мусульманского вероисповедания», чтобы увеличить численность подразделения^[1083]. Однако костяк новой части составил албанский контингент из дивизии «Ханджар»^[1084]. Гиммлер ожидал от подразделения «большой отдачи», так как албанцы, сражавшиеся в боснийском подразделении СС, оказались очень мотивированными и дисциплинированными^[1085]. На практике, однако, новое подразделение страдало от дефицита техники и оружия, а также от нехватки немецкого персонала для обучения новобранцев. За лето и осень 1944 года был подготовлен и брошен против партизан лишь один батальон. «Изо дня в день, из ночи в ночь, отряды „Скандербег“ шли в горы, чтобы прикрывать фланги отступающих частей», – отмечал немецкий солдат в Призрене^[1086]. «Они вселяли ужас в партизан»^[1087]. В конечном счете батальон стал непосредственным соучастником преступлений нацистов. В июле 1944 года командир «Скандербег» Август Шмидхубер доложил, что его люди приняли меры по борьбе с «евреями, коммунистами и интеллектуальными сторонниками коммунистов»^[1088]. Между 28 мая и 5 июля албанцы захватили «в общей сложности 510 евреев, коммунистов, бандитских пособников и политически неблагонадежных». Дивизия «Скандербег» также участвовала в показательных казнях через повешение, следовавших за актами саботажа^[1089]. Впрочем, из-за боевых потерь и дезертирства ее численность постоянно сокращалась. Не менее проблематичным стало формирование и третьего мусульманского подразделения войск СС на Балканах – боснийской 23-й горной дивизии войск СС (23. *Waffen-Gebirgsdivision der SS*), известной как «Кама»^[1090]. Она была учреждена в июне 1944 года с привлечением как гражданских новобранцев-мусульман, так и нескольких отрядов из дивизии «Ханджар». Но повальное дезертирство набранных в нее солдат вынудило СС распустить подразделение в конце октября 1944 года, всего через пять месяцев после его создания.

Что касается оккупированных восточных территорий, то там СС поначалу весьма осторожно подходили к вербовке мусульман. Первыми к их систематическому привлечению приступили полиция безопасности

и СД. В начале 1942 года, опираясь на соглашение с 11-й армией, Отто Олендорф использовал крымских татар в своей айнзацгруппе D. Вскоре 1632 добровольцев-мусульман сражались в рядах четырнадцати так называемых татарских отрядов самообороны (*Tatarenselbstschutzkompanien*), входивших в состав этой айнзацгруппы и разбросанных по всему Крымскому полуострову^[1091]. В отчете СС, посвященном деятельности добровольцев, татар хвалили за то, что они «непримиримы к большевикам, евреям и цыганам»^[1092]. Вилли Зейберт, правая рука Олендорфа, вскоре отметил, что они «доказали свою огромную ценность» в борьбе с партизанами^[1093]. Со временем офицеры СС разработали план создания еще одной мусульманской дивизии на Востоке. Вальтер Шелленберг, начальник внешней разведки СД, обсуждал этот вопрос в РСХА еще в 1941 году, но потом отказался от реализации проекта из-за нехватки персонала и ресурсов^[1094]. Осенью 1943 года эту идею воскресили и начали обсуждать Шелленберг и Бергер^[1095]. 14 октября 1943-го Шелленберг направил Бергеру меморандум о создании «магометанского легиона войск СС», состоящего из мусульман Советского Союза^[1096]. Как говорилось в документе, «политико-идеологической основой» этого подразделения должен стать «исключительно ислам». Исходя из того что создание дивизии, как предполагалось, получит политический и военный резонанс во всем исламском мире, Шелленберг кратко изложил свою конечную цель в одном предложении: «Речь идет о формировании магометанских частей, позволяющих революционизировать и привлечь на нашу сторону весь исламский мир». Бергер был в восторге; он рекомендовал своему начальству в лице Гимmlера реализовать этот план. Использование дивизии из восточных мусульман, по его словам, было «политическим вопросом исключительной важности и масштабности»: благодаря этому шагу «еще одна часть магометанского мира будет привлечена» на сторону Германии в войне, которую та ведет^[1097]. Создание подобной дивизии продемонстрировало бы «наше серьезное отношение к дружбе с магометанским миром», – заключил эсэсовец.

Месяц спустя Гимmlер начал набирать советских мусульман в Восточномусульманскую дивизию СС (*Ostmuselmanische SS-Division*), само название которой подчеркивало религиозный базис этой воинской части^[1098]. Вермахт согласился передать СС два своих тюркских

батальона (450-й и I/94-й), которым предстояло послужить основой новой дивизии^[1099]. Андреаса Майера-Мадера, который по-прежнему отвечал за свое мусульманское подразделение (теперь это был 450-й тюркский батальон в составе Туркестанского легиона), перевели в СС на должность командира нового соединения^[1100]. Его кандидатура казалась особенно удачной: офицер утверждал, что является знатоком мусульманства и готов сам перейти в ислам^[1101]. Однако Восточномусульманская дивизия СС так никогда и не применялась в полную силу. Власть Майера-Мадера ограничивалась так называемым 1-м Восточномусульманским полком СС (*1. Ostmuselmanische SS-Regiment*), сформированным из двух батальонов вермахта. В начале 1944 года там числилось лишь 800 человек^[1102]. Весной 1944 года Фриц Заукель, гитлеровский генеральный уполномоченный по использованию рабочей силы, освободил от трудовой повинности всех тюркских рабочих, согласных сражаться в новом подразделении СС^[1103]. Вербовщики СС также набирали мусульман в лагерях военнопленных^[1104]. Так, с помощью Йозефа Тербовена, рейхскомиссара Норвегии, СС проверили норвежские лагеря для военнопленных и нашли там несколько сот мусульман^[1105]. Однако командование вермахта все упорнее сопротивлялось попыткам СС забирать новобранцев из своих мусульманских легионов, видя в эсэсовцах своих конкурентов на востоке^[1106]. Майера-Мадера, который столкнулся с противодействием в своей собственной части, вскоре сняли с должности (позже он был убит при загадочных обстоятельствах). Его преемники быстро сменяли друг друга: в марте-апреле подразделением руководил гауптман Гейнц Биллиг, садист, а в апреле-июне нацист-карьерист, гауптштурмфюрер Эмиль Херман^[1107]. 1-й Восточномусульманский полк СС сначала сражался с партизанами в районе Минска, а затем был отправлен в Польшу, где помогал печально известному зондерполку Дирлевангера^[1108] подавлять Варшавское восстание (там же, кстати, действовала и одна из частей Азербайджанского легиона вермахта)^[1109].

Между тем руководство СС продолжало заниматься созданием дивизии из мусульман востока – теперь она называлась Восточнотюркское соединение СС (*Osttürkische Waffenverband der SS*)^[1110]. Ответственность за вербовку тюркских мусульман нес Райнер

Ольша из Службы по делам восточных добровольцев Главного управления СС. Прежде всего, для будущей части требовался командир, хорошо представляющий себе мусульманский мир. Поначалу были предложены две кандидатуры: немецкий офицер, который служил в Османской армии во время Первой мировой войны, и бывший офицер колониальных частей голландской армии^[1111]. Однако в начале лета 1944 года Бергер нашел более подходящего человека – опытного военного, тесно знакомого с «тюркско-исламским миром»^[1112]. Согласно приказу Гимmlера, новым командиром Восточнотюркского соединения СС стал пятидесятидевятiletний Вильгельм Хинтерзац, более известный как Гарун аль-Рашид-бей – армейский офицер из Бранденбурга, во время Первой мировой войны перешедший в ислам и служивший вместе с Энвером-паша в турецком генеральном штабе^[1113]. Тогда же он встретил и Отто Лимана фон Сандерса, перед которым испытывал высочайший пиетет^[1114]. Кампания по мобилизации ислама, запущенная немцами в годы Первой мировой войны, сильно повлияла на Хинтерзаца – как, впрочем, и на многих других немецких офицеров. После 1918 года он работал с бывшими мусульманскими военнопленными из лагеря Вюнсдорф, а в 1930-е помогал итальянской разведке в Абиссинии. В своем резюме он утверждал, что «доверие туземцев-магометан [sic] было главным инструментом его работы»^[1115]. Гарун аль-Рашид-бей был «всегда готов» поразить Англию, «самого опасного врага Германии», в ахиллесову пяту, которой ему представлялся ислам^[1116]. Этот человек состоял в браке и имел двоих детей, по базовой профессии он был высоко квалифицированным инженером и никак не относился к типовым искателем приключений. С исламом и исламской политикой Гарун аль-Рашид-бей связался волей случая. Рекламируя свои «исламские связи», описывая свою «принадлежность к исламу», а также похваляясь доверием, которое он вызывал у мусульман, он произвел впечатление на офицеров СС^[1117]. До своего назначения командиром части он работал с муфтием Иерусалима в качестве офицера связи РСХА^[1118].

Восточнотюркское соединение СС под началом Гаруна аль-Рашида должно было вобрать в себя всех добровольцев из числа мусульман восточных территорий. Его основой стал 1-й Восточномусульманский полк СС^[1119], который реорганизовали сначала в три, а затем в четыре

батальона – крымский, туркестанский, волжскотатарский и азербайджанский. Наиболее именитым добровольцем аль-Рашида был принц Мансур Дауд, дальний родственник короля Египта Фарука, самим присутствием которого подчеркивались панисламские черты подразделения^[1120]. К декабрю 1944 года в Восточнотюркское соединение СС приняли 3000 мусульман; в начале 1945 года это число выросло до 8500 человек^[1121]. В конечном счете из соединения не удалось сформировать полноценный корпус, однако эсэсовцы все-таки мобилизовали значительно больше мусульман, чем было в 1-м Восточномусульманском полку. В конце концов СС начали привлекать всех мусульман восточных территорий, до которых только могли дотянуться. Летом 1944 года, например, 800 бывших членов татарских отрядов самообороны СС, которых эвакуировали из Крыма в Румынию, были завербованы в Татарскую горную бригаду войск СС (*Tatarische Waffen-Gebirgs-Brigade der SS*). Они сражались в Венгрии, вооруженные только карабинами, а потом их включили в состав соединения аль-Рашида^[1122]. В поисках мусульманского «пушечного мяса» вербовщики из СС прочесывали даже рейхскомиссариат Остланд. В марте 1944 года Главное управление СС связалось с Салихом Хаджикаличем, главой исламской общины Вены, по поводу вильнюсских мусульман, и в результате этих переговоров эсэсовцы вышли на муфтия Шинкевича, с которым вопрос о местных правоверных обсуждался уже непосредственно^[1123]. Даже в самом конце войны, в ноябре 1944 года, командование СС в Данциге докладывало своему Главному управлению о «переводе мусульманских полицейских в войска СС» – речь шла о двух солдатах-мусульманах, завербованных в Остланде^[1124]. В конце 1944 года Гиммлер решил скомплектовать из мусульман восточных территорий два полка новоиспеченного Кавказского соединения СС (*Kaukasischer Waffenverband der SS*)^[1125]. Оно насчитывало от 1000 до 2000 бойцов и было разделено на четыре части, из которых две – северокавказская и азербайджанская – должны были стать полностью или в основном мусульманскими. Туда же входили и две другие части, армянская и грузинская, однако азербайджанцы Восточнотюркского соединения СС попросили не смешивать их с христианами в рядах нового корпуса, а оставить в чисто исламском подразделении аль-Рашида. Это прошение было удовлетворено^[1126]. По мере того как война подходила к концу, процесс вербовки становился все более

хаотичным, а моральный дух войск падал. В конце декабря 1944 года на границе Венгрии и Словакии взбунтовались солдаты Туркестанского полка под командованием Гуляма Алимова^[1127]. Алимов вместе с 400–500 подчиненными арестовал всех немецких офицеров и даже казнил некоторых из них, прежде чем уйти в лес, к словацким партизанам. Однако в январе 1945 года многие его перебежчики вернулись к немцам, а с партизанами остались только 250–300 человек. В последние месяцы войны это соединение сражалось в Северной Италии, где в итоге сдалось американской армии.

С самого начала сотрудники Главного управления СС видели в массовой мобилизации мусульман советского востока элемент большой исламской кампании, целью которой было поднять все исламское население СССР против Москвы. Особенно горячим сторонником этой политики оказался Эмиль Херман. Этот опытный эсэсовец отвечал за военную и политическую организацию частей СС из мусульман восточных территорий, после чего недолго руководил 1-м Восточномусульманским полком СС. После войны Ольша пояснял, что Херман с помощью ислама надеялся ускорить собственное карьерное продвижение, стремясь возглавить службу по исламским делам, создание которой было запланировано в Главном управлении СС^[1128]. Еще 14 декабря 1943 года в общем меморандуме на тему создания восточных частей СС Херман призывал «привести ислам в движение» (*der Islam in Bewegung gebracht werden*)^[1129]. Хотя документ был посвящен покоренным к тому времени мусульманским народам в перспективе их использования «в борьбе против вражеских держав», основное внимание в нем уделялось мусульманам восточных территорий. По сравнению с арабами, выражаемая ими неприязнь к иностранцам, основанная на религиозности, была гораздо сильнее, – писал Херман. Бергер оставил на полях документа лаконичную пометку: «Да, согласен!»^[1130]. Пятью днями ранее, на встрече с Гердом Шульте, офицером Главного управления СС, которому было поручено курировать создание мусульманской дивизии, Майер-Мадер предположил, что СС должны стать защитником тюркских народов Востока. Шульте поправил его, подчеркнув, что нужно говорить о «покровительстве над всеми мусульманами»^[1131]. Майер-Мадер сделал выводы. В специальном докладе он изложил идею подразделения, которое организовывалось бы строго на исламской основе и

предназначалось бы для мусульман из всех регионов Советского Союза^[1132]. Одновременно Майер-Мадер упоминал о влиянии подобного подразделения на «большой» исламский мир и рассматривал его применение с точки зрения общего курса Германии в отношении ислама. «Наши враги хорошо знают, что интересы ислама и Германии параллельны», – утверждал офицер, называя мусульман и немцев «самыми естественными союзниками». 4 января 1944 года Майер-Мадер, вместе с Гейнцем Биллигом (последний в то время возглавлял штаб новой части в Берлине), снова встретился с Шульте: разговор шел о будущих задачах нового подразделения. По мнению собеседников, «краткосрочной целью» этой инициативы должно было стать формирование «ударного антибольшевистского отряда», а «долгосрочными целями» назывались «освобождение Туркестана» и «активизация мусульман»^[1133]. Именно этот ошибочный взгляд на ислам как на инструмент, который можно произвольно «активировать», преобладал в умах офицеров СС к концу войны. В последние ее месяцы энергичным сторонником исламской мобилизации стал и новый командующий соединением Гарун аль-Рашид, который описывал свой корпус как «платформу для нагнетания фанатизма» среди мусульман восточных территорий^[1134].

Усилия СС по мобилизации мусульман все чаще встречали противодействие со стороны вермахта и Восточного министерства. Вермахт опасался развала своих мусульманских легионов. Но более решительные возражения против эсэсовской политики, направленной на исламскую и пантуранскую мобилизацию восточных мусульман, исходили от Менде и сотрудников Восточного министерства. Когда СС в конце 1943 года начали организовывать свои первые восточномусульманские подразделения, тюркский политэмигрант Вели Каюм-хан, протеже Менде, забеспокоился о том, что Восточное министерство теряет влияние, и заявил протест по поводу того, что «СС преследуют „панисламские“ цели»^[1135]. СС оперативно блокировали усилия Каюм-хана^[1136]. В феврале 1944 года в дело вмешался сам Менде: он написал для Бергера длинный отчет о новой линии СС (Бергер к тому времени также взял под контроль политический отдел Восточного министерства)^[1137].

Политика СС по отношению к мусульманам Советского Союза была встроена в более широкий контекст. В последние месяцы войны

мобилизация мусульман, проживавших на восточных территориях, стала частью полномасштабной панисламской кампании СС. «Мобилизация ислама» – именно так назывался меморандум, который амбициозный Эмиль Херман написал в конце февраля 1944 года^[1138]. Он предлагал ни много ни мало как специальную операцию с целью «взбудоражить весь исламский мир» (*dass der gesamte Islam in Bewegung gerät*). Херман набросал контуры гигантского панисламского мобилизационного проекта, ориентированного на все страны, находящиеся в пределах досягаемости СС:

Предполагается, что через рейхсфюрера будет реализован приказ фюрера, согласно которому все пригодные к военной службе мусульмане в подконтрольных нам странах Европы должны будут явиться на сборные пункты. Приказ должен касаться магометан, занятых гражданской службой, несущих трудовую повинность, военнопленных и так далее. Призыв магометан в Испании, Франции, Италии, Греции, Румынии, Болгарии, Албании и Хорватии следует проводить при сотрудничестве немецкого министерства иностранных дел с зарубежными правительствами. <...> Этой мобилизационной кампании должна предшествовать агитация со стороны великого муфтия, проводимая посредством выступлений по радио, а также в прессе и в брошюрах. 13-я боснийская горная дивизия войск СС, а также [дивизии] из албанцев и мусульман восточных территорий, которые в настоящий момент развертываются, послужат серьезным инструментом пропаганды. <...> Что касается крымских татар, то следует собрать мулл (в Одессе или самом Крыму) и позволить великому муфтию лично поговорить с ними. Можно подумать о включении в Арабский легион мусульман из Испании, Франции, Италии и Греции. В Румынии очень немного магометан, поэтому создание здесь отдельной части представляется нереалистичным. В Болгарии, напротив, можно сформировать отдельный легион из мусульман-помаков. В этой стране проживают около 450 000 мусульман-помаков, которых угнетает болгарское правительство. При развертывании новых мусульманских соединений следует учитывать, что на офицерские должности целесообразно назначать магометан или немцев, но ни в коем случае не представителей других религий^[1139].

Этот план так и не воплотился в жизнь, хотя в последний год войны СС предприняли значительные (и в основном безуспешные)

попытки мобилизовать или «активизировать», как выражались Бергер и другие офицеры СС, мусульман повсюду, где это было возможно, – не только на восточных территориях и в Прибалтике, но и в Африке, в Южной Азии и на Ближнем Востоке. Осенью 1943 года Гиммлер предложил Бергеру рассмотреть возможность включения индийских мусульман в «Ханджар». Согласно ответу, представленному Бергером рейхсфюреру, предпринятое им «тщательное изучение вопроса» показало, что интеграция этой категории в боснийское подразделение невозможна, так как индийские мусульмане будут ощущать себя прежде всего индийцами и лишь потом мусульманами^[1140]. Он также советовал отказаться от применения «индийского мусульманского соединения» (*Indischer Moslemverband*) на Восточном фронте, поскольку его бойцы могут сбежать оттуда в Индию^[1141]. Данный план также остался на бумаге. Вскоре после этого Бергер выдвинул еще одну идею. В декабре 1943 года, посоветовавшись с муфтием, он предложил Гиммлеру завербовать мусульман из Восточной Африки, находившихся в заключении во Франции: «Эти магометане хотели бы сражаться против англичан и американцев в Италии»^[1142]. Бергер выразил желание обсудить этот вопрос с Абецем, послом Германии в Париже. Но и в этом направлении ничего не было сделано. В конечном итоге вербовка арабов со стороны СС, как и аналогичные усилия вермахта, не увенчалась успехом. Во Франции под эгидой СД в начале 1944 года была сформирована «Североафриканская бригада» (*Brigade Nord-Africaine*) – соединение примерно из 180 алжирцев, которое действовало под началом печального известного парижского гестаповца Анри Лафона и алжирского националиста Мухаммеда аль-Махди, известного как «СС–Мухаммед»^[1143]. Соединение боролось с партизанами в Центральной Франции, но, поскольку военная ситуация для немцев неуклонно ухудшалась, оно просуществовало лишь несколько месяцев. План создания «арабско-исламской армии» (*Arabisch-Islamische Armee*) для войск СС, предложенный аль-Хусейни летом 1944 года, оказался совершенно нереалистичным^[1144]. СС сообщали, что для включения в такую армию были доступны всего 300 арабов, хотя Бергер по-прежнему был убежден, что в будущем удастся привлечь гораздо больше добровольцев^[1145]. И на этот раз идея не воплотилась в жизнь. Даже планы относительно небольшого арабского пехотного полка оказались неосуществимыми^[1146].

По мере того как СС все более отчаянно и повсеместно пытались вербовать всех мусульман, пригодных к службе, даже концентрационные лагеря начали проверять на предмет потенциальных новобранцев^[1147]. Весной 1944 года Гиммлер приказал Бергеру связаться с начальником Главного административно-хозяйственного управления СС (*SS-Wirtschafts- und Verwaltungshauptamt*) Освальдом Полем, отвечавшим за организацию концентрационных лагерей, чтобы обсудить вербовку мусульманских заключенных для войск СС^[1148]. Секретарь-референт Гиммлера Рудольф Брандт даже послал Бергеру подробный список таких заключенных, составленный чиновниками Поля^[1149]. Документ назывался «Учет заключенных исламской веры» (*Aufstellung über die Häftlinge islamitischen Glaubens*); в нем были перечислены все мусульмане и мусульманки, содержащиеся в лагерях Аушвиц (I–III), Бухенвальд, Дахау, Флоссенбюрг, Гросс-Розен, Маутхаузен, Нацвейлер, Нойенгамме, Равенсбрюк, Заксенхаузен, Штуттгоф и Берген-Бельзен. Всего было зарегистрировано 1130 мужчин и 19 женщин. Большинство из них были из Восточной и Юго-Восточной Европы и, предположительно, попали в лагеря в качестве политических заключенных. Тем не менее список был неполным, поскольку некоторые группы, например мусульманские заключенные из арабских стран, в него не попали^[1150]. Главное управление СС оперативно отреагировало на появление списка: оно запустило бюрократический процесс, продлившийся полгода и затронувший РСХА, Главное административно-хозяйственное управление и личный штаб Гиммлера. В конце концов 16 ноября 1944 года Ольша сообщил Бергеру, что в РСХА, несмотря на неоднократные просьбы, еще не определились, годятся ли некоторые из мусульман, содержащиеся в концентрационных лагерях, для призыва в немецкие войска^[1151]. Бергер информировал Гиммлера о возникших проблемах и посоветовал прекратить вербовку заключенных^[1152]. Согласно данным начальника Главного управления СС, часть боснийских мусульман к тому времени уже освободили по просьбе усташского правительства, а оставшиеся мусульмане, которые попали в лагеря «из-за различных правонарушений» едва ли могли бы стать хорошими солдатами. Гиммлер больше не развивал эту тему.

В целом если внимательно посмотреть на негерманские соединения в составе вермахта и СС, то без труда можно убедиться, что

мусульмане играли там весьма важную роль. Хотя вермахт первым начал привлекать мусульман и мобилизовал гораздо больше солдат, нежели Гиммлер, к концу войны СС сделались более сильным игроком в деле военной мобилизации приверженцев ислама. При формировании воинских частей и армейское, и эсэсовское командование считало религиозную идентичность солдат важным фактором. Рассуждая об этих соединениях, главные функционеры рейха – прежде всего, Гитлер, Гиммлер и Бергер – постоянно пользовались религиозными, а не национальными или этническими, категориями. Как и в остальных случаях мобилизации иноязычных народов, вербовка мусульман производилась главным образом ради восполнения дефицита личного состава. Однако в ситуации с мусульманами заметную роль играли также военно-пропагандистские соображения и представления о высоких боевых качествах правоверных. В результате вермахт и СС рекрутировали мусульман в больших количествах. Как будет показано в следующих главах, эти завербованные становились объектами особого религиозного и пропагандистского попечения.

Ислам и политика в армии

ДВАДЦАТЬ ВОСЬМОГО января 1944 года, когда мусульманские части вермахта и СС сражались на всех фронтах, Гиммлер выступил на съезде функционеров Расово-политического управления НСДАП, на котором также присутствовал Геббельс^[1153]. С гордостью рассказывая о европейских новобранцах в войсках СС, рейхсфюрер вдруг начал говорить о своей боснийской дивизии: «В лице этой мусульманско-боснийской дивизии СС наконец-то развернуло соединение, абсолютно религиозное по своей природе». Антиклерикальные партийные идеологи, должно быть, затаили дыхание, услышав подобные слова, – но Гиммлер, похоже, ожидал такую реакцию. «Вы правильно поняли: тотально религиозное и исключительно мусульманское соединение», – подтвердил он. У каждого батальона имеется свой имам, и он, Гиммлер, «с разрешения фюрера» даже восстановил старые привилегии, которыми боснийцы пользовались при Габсбургах: «Благочестивые мусульмане [дивизии] получают пищу, которую требует их религия и полностью свободны в следовании своим религиозным практикам, обычаям и обрядам». Затем, воздав хвалу религиозному характеру дивизии, Гиммлер раскрыл свое личное отношение к особым условиям, созданным для новобранцев-мусульман: «Я ничего не имею против ислама, потому что он воспитывает людей в этом подразделении в нужном мне духе и обещает им рай после того, как они погибнут в бою. Практическая и привлекательная религия для солдат!». Речь Гиммлера встретили бурными, продолжительными аплодисментами.

Высказываемое за закрытыми дверями и среди товарищей по партии, мнение Гиммлера об исламе оказывалось более прагматичным и менее идеалистическим, чем можно было заключить из его речи перед мусульманскими добровольцами в Силезии. Выступление рейхсфюрера в партийной аудитории демонстрировало, что его представления о солдатах-мусульманах диктовались скорее доводами рассудка, нежели идеологическим пылом. Оно также показало, что Гиммлер, создавая мусульманскую дивизию, осознавал значимость

ислама и был убежден, что ислам укрепляет военную дисциплину и боевой дух.

В вермахте и СС многие разделяли эту точку зрения. После того как мусульманские подразделения были сформированы, важно было поддерживать моральный дух солдат. Считалось, что исламские религиозные чувства будут способствовать укреплению воинской дисциплины и готовности сражаться. Немецкие официальные лица воспринимали ислам как агрессивную религию и считали, что он будет мотивировать солдат в бою. Считалось, что ислам сделает войну справедливой и законной в глазах мусульман. Более того, представление о принципиальной несовместимости ислама и большевизма и, в некоторых случаях, идея конфликта между исламом и иудаизмом, превращали веру в идеальную опору для мусульманских подразделений. Ислам – а именно его ритуалы, законы и священнослужители – казался потенциальным инструментом укрепления дисциплины и порядка в частях. Кроме того, ислам, как казалось, обеспечивает прочные связи между солдатами и офицерами, укрепляет сплоченность личного состава. Корпоративный дух в германских мусульманских частях мог опираться на чувство как религиозной, так и полковой солидарности.

В результате вермахт и СС не только терпели религиозные практики в мусульманских подразделениях, но и активно поддерживали и использовали их. Европейские военные структуры и практики (строевые и тактические занятия, командная вертикаль) сливались с религиозными обычаями и нормами мусульман. Этот феномен хорошо известен по истории европейских колониальных армий, в первую очередь сипайских полков в Британской Индии^[1154]. Считалось, что эффективность соединения в целом обусловлена тем, насколько прочно военная организация связана с религиозными убеждениями солдат.

Религия и комплектование личным составом

Побуждая мусульманских военнопленных и гражданских лиц вступать в ряды германской армии, власти рейха с самого начала привлекали к решению этой задачи религиозных деятелей, от улемов на оккупированных восточных территориях и Балканах до известных мусульман-коллаборационистов в Берлине. Некоторые религиозные деятели охотно переводили призывы записаться добровольцем на религиозный язык, тем самым придавая процессу вербовки религиозную и моральную легитимность.

Одним из ранних примеров использования местных улемов в рекрутировании добровольцев стало формирование ополчения, которым занималась 11-я армия Манштейна в Крыму. Заседание мусульманского комитета в Симферополе, состоявшееся 3 января 1942 года, стало вехой, которая обозначила начало вербовки крымских татар^[1155]. Среди немецких участников встречи были офицеры айнзацгруппы D, включая Олендорфа, который представлял немецкое командование. Мероприятие носило ярко выраженный религиозный характер: в нем присутствовала обрядовая составляющая, реализуемая местным имамом. Изложив общий план борьбы с большевизмом, известный мулла из Симферополя обратился к своим землякам-татарам, объяснив, что их вера предписывает им принять участие в священной битве плечом к плечу с немцами и что уничтожение советской власти вернет им свободу вероисповедания. «Для нас большая честь сражаться под руководством Адольфа Гитлера, величайшего фюрера немецкого народа», – добавил председатель комитета. Довольный Олендорф поблагодарил татар, в свою очередь сообщив им о том, что он говорил со своими подчиненными и что они тоже признают необходимость совместной борьбы с безбожниками. Затем на глазах Олендорфа и его свиты мусульмане отметили начало своей борьбы молитвой. Все присутствовавшие татары торжественно встали и повторили слова муллы, молясь за «достижение быстрой победы и за долгую жизнь фюрера Адольфа Гитлера»^[1156]. После еще двух молитв – за германский народ и его армию, а также за немецких солдат, павших в бою, – собрание закончилось. Неделю спустя Симферопольский комитет расширил перечень своих целей, добавив, что он «считает

своим священным долгом участие совместно с германской армией в освобождении мусульман Советского Союза»^[1157].

Подобные церемонии проходили и в других мусульманских районах, где вермахт и СС занимались вербовкой новобранцев. Наиболее активно улемов использовали в Боснии. Фактически эсэсовцы передали местным религиозным организациям полномочия по набору добровольцев-мусульман. Официальная брошюра, посвященная вербовке солдат в «Ханджар», призывала мусульман записываться в войска в местных религиозных центрах, что полностью отстраняло усташские власти от этого процесса^[1158]. По всему балканскому региону религиозные лидеры и имамы с энтузиазмом принялись за вербовку^[1159]. Одной из самых важных фигур в этом деле стал Мухамед Панджа^[1160]. Хасан Байрактаревич, военный имам «Ханджара», описывал его как «истинного инициатора, величайшего пропагандиста и агитатора, неутомимого борца за создание и пополнение дивизии»^[1161]. По словам имама, именно Панджа убедил «мусульманское духовное руководство» поддержать создание новой дивизии Гимmlера; оно, в свою очередь, развернуло «мощнейшую пропаганду» и предоставило имамам для ведения этой работы. В итоге успех в привлечении новобранцев в значительной степени был обеспечен именно религиозными учреждениями и лицами – прежде всего, самим Панджой. По словам Байрактаревича, «хорошо известно, что всё рекомендуемое Панджой есть истинно исламское и патриотическое [дело]». В некоторых городах новобранцы, прежде чем явиться на призывной пункт дивизии, должны были сначала увидеться с Панджой, который словесно готовил их к предстоящей миссии^[1162]. При этом Бергер стремился целиком и полностью отдать вербовку в руки имамов^[1163]. Позже Зауберцвейг также использовал военных имамов своей дивизии для привлечения добровольцев. Например, в ноябре 1943 года он направил Байрактаревича и двух других имамов «Ханджара» в Боснию и Герцеговину для вербовки пополнения^[1164]. Как позже докладывали имамы командованию, с первого же дня они находились в «постоянном контакте» с местным мусульманским руководством^[1165]. Авторы отчета СС отмечали, что исламское духовенство внесло «значительный вклад» в формирование дивизии^[1166]. При этом эсэсовское командование на Балканах пыталось поддерживать своих вербовщиков, санкционируя расклейку плакатов с

религиозной символикой, на которых, в частности, изображалось зеленое знамя пророка Мухаммада^[1167].

На восточных территориях в вербовке военнопленных-мусульман принимал участие Якуб Шинкевич, новоназначенный муфтий Остланда^[1168], который посвящал рекрутов в бойцы в ходе специальной религиозной церемонии^[1169]. В начале 1944 года, обращаясь к прибалтийским новобранцам, он подчеркивал, что «мусульмане, по причинам политическим и религиозным, никогда не станут союзниками большевизма – идеологии безбожия». К мобилизации мусульманских добровольцев привлекались и исламские коллаборационисты, работавшие в немецкой столице. В начале 1942 года объединенное военное командование вермахта поручило Алимджану Идрису курировать вербовку и принесение присяги несколькими тысячами мусульман-военнопленных, которые содержались в лагере на территории Генерал-губернаторства^[1170]. Учитывая, что Идрис работал с пленными в годы Первой мировой войны, он казался фигурой, особенно подходящей для такой задачи. Получив указание, Идрис сразу же отправился в лагерь, где раздавал не только сигареты, но и исламскую литературу вместе с листовками. Интересно, что его визит вызвал определенную озабоченность среди чиновников Восточного министерства^[1171]. В соответствии с полученными инструкциями Идрис обсуждал с новобранцами-мусульманами религиозные и политические вопросы, представляя перед ними в качестве, прежде всего, исламского священнослужителя.

На Балканах Гиммлер и Бергер привлекли к комплектованию дивизии «Ханджар» муфтия Иерусалима. Его упоминавшееся выше турне весны 1943 года предпринималось не только ради укрепления доверия среди мусульманского населения, но и для рекламы новой дивизии, а также для придания религиозной санкции эсэсовской вербовочной работе на Балканах. Здесь, как и на Востоке, СС, привлекая мусульман, широко использовали панисламские аргументы. Мобилизационная брошюра, призывавшая «всех мусульман» записываться в только что созданное Восточномусульманское соединение СС, не оставляла никаких сомнений в том, что Германия и весь мусульманский мир сражаются на одной стороне^[1172]. «Наши общие враги, – заявляли эсэсовские авторы, – заинтересованы в том, чтобы истребить во время войны как можно больше мусульман»: это

позволило бы им эффективнее грабить и эксплуатировать мусульманские страны. Читателю напоминали, что большинство исламского населения мира, «232 миллиона мусульман», по-прежнему вынуждено страдать «под иноземным игом англичан, американцев, французов и русских». Лишь в случае немецкой победы, говорилось в тексте, мусульмане смогут обрести независимость: «Если Германия потерпит поражение, последняя надежда мусульман стать свободными также померкнет».

Использование священнослужителей и пропагандистская поддержка придавали вербовочной кампании религиозную легитимность. Тем не менее вопрос о том, была ли борьба за ислам и свободу вероисповедания решающим фактором, убеждавшим последователей ислама вступать в ряды немецкой армии, остается дискуссионным. Разумеется, некоторые новобранцы воодушевлялись религиозной ненавистью и идеологическим рвением, с восприимчивостью относясь к лозунгам исламских авторитетов, привлеченных Берлином. Однако в целом мусульмане, вступающие в добровольческие части, руководствовались вполне мирскими мотивами. Солдаты Красной Армии, завербованные в лагерях для военнопленных, в основном преследовали материальные интересы. Денежное довольствие и армейский паек были явно предпочтительнее лагерных страданий от голода, холода и болезней. Многие просто надеялись, что немецкая форма поможет им пережить войну. В конце 1942 года пропагандистский отдел вермахта распространил среди добровольцев анкеты, предназначенные для выяснения того, что заставило их пойти на фронт. Наиболее часто в ответах указывалось желание избежать ужасных лагерных условий. Важную роль играли также антибольшевизм и ненависть к советскому государству^[1173]. Там, где вермахт и СС набирали людей среди мусульманского гражданского населения,— в частности, в Крыму и на Балканах,— добровольцы надеялись использовать немецкое оружие для защиты своих семей. Историки подчеркивают, что в привлечении крымских мусульман в немецкие формирования «ключевую роль» сыграло обретение жителями Крыма религиозной свободы^[1174]. Тем не менее и в Крыму многие новобранцы воспринимали военную службу как возможность обезопасить себя от бандитов и партизан и упрочить положение своих родственников. Аналогичным образом на Балканах добровольцы-

мусульмане рассчитывали уберечь свои деревни от четников, партизан и усташских частей. После того как первые усилия по мобилизации не привели здесь к ожидаемому приросту добровольцев, в некоторых районах немцы начали привлекать мусульман силой. Например, в Травнике, расположенном в Центральной Боснии, был случай, когда мусульманских новобранцев забрали в «Ханджар» прямо во время молитвы: вербовщики вошли в мечеть и насильно увели мужчин, которые, по их мнению, годились для военной службы^[1175]. Впрочем, уже на следующее утро некоторые из этих «новобранцев» убежали в леса.

Религиозные ритуалы и военная дисциплина

Все солдаты-мусульмане, зачисленные в немецкую армию, пользовались особыми религиозными правами. В какой-то степени прецедентом для этой политики стали уступки, предоставленные взятым в плен мусульманским солдатам французской армии^[1176]. В 1942 году вермахт первым распространил в войсках конкретные указания в отношении новобранцев-мусульман. Немецкому военному персоналу, работающему с мусульманами в тюркских лагерях и батальонах, предписывалось «удовлетворять религиозные потребности» легионеров^[1177]. «Опыт показал, что забота о религии, осуществляемая в интересах дисциплины, способна повысить общий моральный дух магометан», – сообщали солдатам. Чуть позже оперативный штаб 162-й тюркской пехотной дивизии Нидермейера распространил циркуляр о религиозных практиках в мусульманских батальонах^[1178]. Этот документ регламентировал организационные аспекты религиозной жизни, включая ежедневные молитвы, праздники, погребальные обряды, требования к пище, использование военных имамов и функционирование религиозно-военной иерархии. В своем приказе Нидермайер отмечал, что уважение к религии выступает основой для обучения и подготовки легионеров^[1179]. Второй оперативный штаб под управлением Ральфа фон Хайгендорфа тоже издавал аналогичные распоряжения. Позже Нидермайер в образовательных целях даже раздал немецким офицерам 600 экземпляров брошюры Роденвальда «Ислам»^[1180]. Когда в начале 1943 года войска СС начали формировать собственные мусульманские подразделения на Балканах, они приняли ту же стратегию. В мобилизационном приказе, касающемся дивизии «Ханджар», Гиммлер требовал предоставить боснякам «старые права, которыми они обладали в австрийской армии», включая свободное отправление религиозных обрядов и ношение фески^[1181]. Позднее такими же религиозными правами были наделены и мусульмане Восточнотюркского соединения СС^[1182].

И вермахт, и СС гарантировали солдатам-мусульманам соблюдение не только ежедневной религиозной обрядности, но и праздничных дат

религиозного календаря. В августе 1942 года Нидермайер издал инструкции, освобождавшие мусульман от военной службы во время ежедневной молитвы^[1183]. По пятницам их служба заканчивалась в четыре часа дня. Оперативный штаб Хайгендорфа рекомендовал немецкому личному составу проявлять уважение к мусульманам, которые «согласно традициям публично совершают намаз». Солдатам предлагалось «не смотреть на них с любопытством, ибо молитва есть священнодействие», и «воздерживаться от любого вмешательства в ритуал»^[1184]. Кроме того, немецким военнослужащим категорически запрещалось фотографировать мусульман во время молитвы.

Религиозные праздники и священные дни ислама также уважались в войсках. Следование сакральному календарю позволяло нацистским властям использовать религиозные ритуалы для распространения политических идей. Немецкие пропагандистские материалы, подготавливаемые для мусульманских легионов, рисуют яркую картину религиозных празднований в мусульманских частях вермахта. Например, в 1943 году они сообщали об Ураза-байраме в лагере отдыха легионеров, который посетили Герхард фон Менде и Гейнц Унглаубе из Восточного министерства^[1185]. В другой статье рассказывалось о состоявшемся в то же время празднестве в кавказском подразделении, расквартированном на территории рейха: «Здесь, в Германии, выходцы с Северного Кавказа имеют возможность беспрепятственно проводить свои торжества. В Советской России такое было невозможно. Это в очередной раз показывает, насколько сильно расположение немцев к мусульманским народам»^[1186]. Даже осенью 1944 года, когда война уже докатилась до немецких рубежей, пропаганда для легионов продолжала повествовать о праздновании Ураза-байрама в частях, воюющих в самой Германии. В конце того же года, за несколько месяцев до падения Третьего рейха, немцы организовали пышный Курбан-байрам для легиона «Идель-Урал», размещенного в Дрездене, Даргибелле и Бреслау (Вроцлаве). Тогда же азербайджанцы отметили Курбан-байрам в богемском курортном городке Карлсбад и в берлинском районе Шёнеберг^[1187].

СС использовали ежедневные религиозные практики и даты исламского календаря еще более активно. Каждое подразделение «Ханджара» ежедневно совершало молитвы, проходившие под попечением военных имамов. По пятницам мусульманским солдатам-

эсэсовцам предоставлялся перерыв с десяти утра до двух дня – на обед, омовение и пятничную молитву (джума-намаз)^[1188]. Последняя включала намаз (или саят) – коллективную молитву и предшествующую ей хутбу (проповедь, включавшую комментарии к текущим событиям). По традиции хутба в мусульманских обществах выполняла определенную политическую функцию, и немцы не преминули воспользоваться этим^[1189]. Более того, сам акт джума-намаза усиливал чувство общности, а также укреплял порядок и дисциплину в подразделениях. Действительно, на пропагандистских фотографиях этого ритуала запечатлены стройные ряды мусульман и их имама, которые молитвенно стоят на коленях, обратившись лицом к Мекке (фото 7.1 и 7.2). Похожие снимки делались и во время празднования Рамадана на плацу Нойхаммера осенью 1943 года. Немецкое командование охотно эксплуатировало это мероприятие. Политизируя сакральное действо, Зауберцвейг выступил перед солдатами с речью, в которой связал размышления о религиозном событии с призывом к оружию: «Сегодняшний праздник будет для нас поводом для размышлений, торжества веры и целеустремленности, источником радости и силы, призывом к единству и одновременно боевым кличем,– провозгласил офицер.– Мы хотим стать лучшими солдатами нашего фюрера!»^[1190]. Затем к войскам обратился дивизионный имам. «Речи командира дивизии, а также дивизионного имама произвели глубокое впечатление на солдат»,– позже писал в мемуарах Звонимир Бернвальд, немецкий переводчик, служивший в «Ханджаре»^[1191]. Директивы СС формально регулировали проведение основных религиозных событий и праздников, среди которых были Мавлид, священный месяц Рамадан, Ураза-байрам и Курбан-байрам^[1192]. Наконец, эсэсовское командование пыталось соблюдать религиозные даты и в формированиях восточных мусульман, хотя из-за ситуации на фронте они были менее регламентированы, чем на Балканах. Осенью 1944 года, например, весь 1-й Восточномусульманский полк СС по указанию Бергера был на время отведен с передовой, чтобы позволить солдатам отпраздновать завершение Рамадана^[1193].

ФОТО 7.1. Молитва новобранцев-мусульман дивизии СС «Ханджар». Учебный полигон Нойхаммер, Силезия, 1943 (источник: ВАК, изображение 146–1977–136–03А, Mielke)

ФОТО 7.2. Молитва новобранцев-мусульман дивизии СС «Ханджар». Учебный полигон Нойхаммер, Силезия, 1943 (источник: ВАК, изображение 146–1977–137–20, Falkowski)

Немецкое командование также принимало во внимание исламские пищевые запреты. В своем распоряжении от 1942 года Нидермайер гарантировал, что вермахт будет уважать пищевые обыкновения своих солдат, в частности неприятие ими свинины^[1194]. В СС диетические потребности мусульман удовлетворялись с еще большим рвением. Гиммлер, лично участвовавший в решении этого вопроса, в июле 1943 года приказал Бергеру выяснить, «чего именно ислам требует от своих солдат в отношении провизии», отметив, что он лично готов гарантировать соблюдение религиозных требований^[1195]. Несколько дней спустя Бергер сообщил Гиммлеру, что солдаты должны воздерживаться от свинины и алкоголя^[1196]. Рейхсфюрер отреагировал незамедлительно, сделав следующее указание: «Все мусульмане в войсках СС и полиции имеют, согласно их религиозным верованиям,

особое право не получать в пищу свинину или содержащие свинину колбасные изделия, а также не пить алкоголь. Сопоставимая альтернатива должна быть гарантирована в каждом случае»^[1197]. СС даже открыли курсы мусульманской кухни под Грацем, в Южной Австрии^[1198]. Как подчеркивал Гиммлер, целью этих поблажек было укрепление морального духа мусульман, хотя они имели и пропагандистское значение.

Сами рекруты-мусульмане не всегда разделяли озабоченность немцев по поводу исламских пищевых запретов. Большинство правоверных с восточных территорий, например, употребляли алкоголь; это отражено в архивных документах. Зато балканские мусульмане, напротив, отличались строгостью привычек. «Они больше боялись пустой консервной банки из-под свинины, чем ручной гранаты», – писал после войны о мусульманах дивизии «Скандербег» немецкий солдат^[1199].

В конце концов Берлин даже снял запрет на ритуальный убой скота^[1200] – практику, которая была запрещена (за исключением случаев убийства смертельно раненных зверей) по закону «О защите животных» (*Reichstierschutzgesetz*) от 21 апреля 1933 года, продиктованному немецким антисемитизмом^[1201]. Во время битвы за Францию в 1940 году имперская пропаганда еще использовала ужасные фотографии, где режущие скот военнопленные-мусульмане выглядели кровожадными дикарями^[1202]. Но уже в 1943 году Хайгендорф рекомендовал немецкому персоналу Восточных легионов терпимо относиться к ритуальному забиванию скота^[1203]. Хотя, согласно его пояснениям, «у магометан свой взгляд на забой крупного рогатого скота, который кажется немцам отвратительным», немецким офицерам все же предлагалось «избегать преждевременных, несправедливых и резких суждений» на этот счет. Наконец, 6 февраля 1944 года объединенное командование вермахта приказало генералу Кёстрингу, возглавлявшему добровольческие соединения, полностью приостановить действие закона «О защите животных» применительно ко всем солдатам-мусульманам в германской армии:

Религиозная забота о мусульманах в вермахте является важной составляющей антибольшевистской антипропаганды [*sic*]. Магометанские празднества требуют ритуального убоя жертвенных животных. Важно не оскорблять магометанские подразделения

применением закона, который принимался в то время, когда нельзя было предвидеть появления магометанских частей в вермахте. Соответственно, магометанским частям, действующим в немецкой армии, разрешается убивать животных согласно их обычаям и установлениям^[1204].

Прежде чем издать это распоряжение, вермахт запросил одобрения со стороны Гимmlера. Сотрудник штаба рейхсфюрера дал следующий ответ: «До сих пор считалось само собой разумеющимся, что никто не вмешивается в религиозные обычаи и установления магометанских частей СС и поэтому ритуальный убой был в них также с легкостью разрешен»^[1205]. Действительно, эсэсовское командование относилось к ритуальному забою скота с полной терпимостью, хотя подобная практика и вызывала некоторое смущение на низовых уровнях. В январе 1944 года, например, печально известный Вильгельм Коппе, высший руководитель СС и полиции в Генерал-губернаторстве, направил в Главное управление СС запрос по поводу предоставления мусульманам права на ритуальный убой животных. С одной стороны, высокопоставленный эсэсовец признавал, что мусульмане пользуются «широкой свободой вероисповедания» и что убой «является священным деянием для магометан»^[1206], однако, с другой стороны, его тревожило, что «ритуальный убой не может быть оправдан с точки зрения национал-социализма»^[1207]. Главное управление СС немедленно прислало ответ, дав однозначные инструкции: «Нет никаких тактических, политических или военных оснований, препятствующих ритуальному убою скота в тюркских частях, тем более намерений превратить магометан в национал-социалистов [у властей рейха] не имеется»^[1208].

Как и в случае с пищей, немцы принимали во внимание исламские традиции – по крайней мере как они их себе представляли – в одежде, включая униформу и эмблемы. Когда вермахт ввел специальную символику для восточных легионов, знаки отличия мусульманских частей отражали религиозную иконографию. Ярким примером этого стали нарукавные нашивки Туркестанского легиона, украшенные надписью «Аллах с нами» (*Biz Alla Bilen*) и изображением известной самаркандской мечети^[1209]. На нашивках и знаменах «Ханджара» была изображена короткая сабля-ятаган, которую боснийцы связывали с эпохой османского и австрийского правления и которая дала дивизии ее

название^[1210]. Ханджар располагался над свастикой: сочетание нацистской и исламской символики отражало союз двух сил. Позже эмблемы «Ханджара» были также нашиты на воротники мундиров Восточнотюркского соединения СС^[1211]. Флаги и эмблемы различных подразделений были полностью или частично окрашены в зеленый цвет.

На Балканах эсэсовцы пошли еще дальше, разработав для своих новобранцев-мусульман специальные головные уборы. Отличительным знаком солдат «Ханджара» стала феска – серая для полевой формы и красная для парадной^[1212]. Феска, позволявшая лбу касаться земли во время молитвы, стала отличительным вещественным символом ислама в XIX веке^[1213]. В течение столетия она распространилась по всему мусульманскому миру, и к концу века даже индийские мусульмане начали носить феску, демонстрируя панисламскую солидарность с османским халифатом. В религиозно разрозненных балканских обществах головной убор стал четким маркером конфессиональных границ. Этим вопросом Гиммлер также занимался лично, участвуя в разработке каждого элемента обмундирования мусульманской дивизии. Изучив черновые проекты, он потребовал внести изменения, сославшись на то, что форма и цвет боснийских фесок слишком напоминают марокканские^[1214]. Гиммлер приказал «перекрасить и немного обрезать эти фески», поскольку, по его словам, «внешние признаки чрезвычайно важны для консолидации дивизии». В итоге фески были украшены нацистским орлом и эсэсовским черепом со скрещенными костями, что опять-таки символизировало союз между Третьим рейхом и исламом.

Кроме того, с самого начала немцы пытались встроить в организационные установления собственной армии исламские погребальные практики и обряды. В инструкции, изданной летом 1942 года, Нидермайер регламентировал похороны солдат-мусульман в тюркских частях: лицо и ноги надлежало завертывать в белую ткань, а главному военному имаму предписывалось накрывать гроб куском белой материи (позже – флагом легиона)^[1215]. Вскоре аналогичные инструкции подготовил и штаб восточных легионов под руководством Хайгендорфа^[1216]. Могилы следовало ориентировать на Мекку. Даже могильные плиты и камни регламентировались с учетом исламской иконографии. Мусульманские надгробия изготавливались в виде плиты

(а не креста), на которой были вырезаны исламские символы, обычно полумесяц и звезда. В соответствии с исламским ритуалом церемонию похорон тех, кто пал за гитлеровский «новый порядок», проводили военные имамы. СС в своих частях следовали той же практике.

Военные имамы

Важнейшим аспектом усилий Берлина по укреплению исламской веры в своих мусульманских подразделениях стало использование военных имамов. Официальная функция этих «мулл», как их обычно называли немцы, заключалась в том, чтобы обеспечивать духовное попечение над бойцами и призывать их к молитве. На практике военные имамы должны были поддерживать контроль, дисциплину и порядок в частях, а также придавать войне религиозную легитимность и побуждать солдат-мусульман сражаться.

В легионах вермахта должность военного имама была введена летом 1942 года. Командование оперативного штаба 162-й тюркской дивизии вскоре решило учредить религиозную вертикаль, соответствующую иерархии командования. Ее составили: «дивизионный мулла» (*Divisionsmulla*), прикрепленный к штабу; «легионные муллы» (*Legionsmulla*), контролировавшие религиозные практики в четырех мусульманских легионах; и «батальонные муллы» (*Battalionsmulla*, называвшиеся также *Regimentsmulla*), которые действовали в отдельных батальонах^[1217]. Дивизионным муллой и советником командования 162-й дивизии по религиозным вопросам стал главный мулла (*Obermulla*) Джумабаев. В Азербайджанский легион муллой назначили имама Пашаева, а в Туркестанском легионе ту же должность занял мулла Иноятов. Легионным муллам было предписано подбирать кандидатов в батальонные муллы. Легионный и дивизионный мулла получили воинское звание командира роты (*Kompanieführer*). Батальонные муллы назначались командирами взводов (*Zugführer*). Дивизионные и батальонные муллы должны были носить тюрбаны, демонстрируя свой религиозный авторитет. Установление формализованной иерархии предполагало такой уровень религиозной институционализации, который не имел прецедентов в мусульманском мире – ничего подобного в XX веке не знали даже шииты. Фактически вермахт вводил в ислам клерикальную систему, которая имела больше сходства с христианскими церковными структурами, нежели с исламскими принципами религиозной организации. В новоявленной системе немецкие (точнее, европейские) военные правила, иерархии и структуры сплавлялись с исламскими

религиозными установлениями, образуя гибридную, организованную по-военному религию. Религиозная иерархия напрямую соответствовала уровням военной организации: духовные звания зависели от прикрепления их носителей к дивизиям, легионам и батальонам. Сходным образом воинские звания мулл зависели от размеров частей, в которых они служили. Сочетание духовной должности и воинского звания наделяло их религиозно-воинской властью.

В мае 1943 года СС приняли аналогичную линию на Балканах и ввели различные ранги для имамов в «Ханджаре»^[1218]. Как и в вермахте, в СС была создана сложная бюрократическая система, подробно регламентировавшая сферу ответственности имамов, их военный статус и обязанности. Зауберцвейг выпустил «Служебную инструкцию для имамов» (*Dienstansweisung für Imame*), подробно разъясняющую духовным лицам, как позиционировать себя в подразделениях и как выполнять должностные функции, которые, прежде всего, включали «духовное попечение» над солдатами и их «идеологическое воспитание»^[1219]. Более того, Зауберцвейг издал приказ, который регулировал воинский статус имамов по отношению к солдатам и немецким офицерам^[1220]. В полках и батальонах имамы относились к офицерам командного состава. Ведущие имамы носили пистолет, а в бою – пистолет-пулемет^[1221]. Все имамы были подчинены так называемому дивизионному имаму, который располагался в штаб-квартире дивизии и работал непосредственно с Зауберцвейгом. Эту должность сначала занимал штурмбанфюрер СС Абдулла Мухасилович, который ранее служил в югославской армии и был самым опытным имамом среди новобранцев «Ханджара»^[1222]. Его заместителем был имам Хусейн Дзёзо, уважаемый религиозный лидер, который учился в университете аль-Азхар в 1930-х годах, а при немцах получил звание гауптштурмфюрера СС^[1223]. Ближе к концу войны Мухасиловича заменил молодой оберштурмфюрер СС Халим Малкоч (затем его произвели в гауптштурмфюреры). Малкоч, также служивший в югославской армии, был батальонным имамом 13-го горного саперного батальона «Ханджара» (*SS-Gebirgs-Pionier-Bataillons 13*)^[1224]. Муфтий Иерусалима вспоминал в своих мемуарах, что при вербовке первых военных имамов для «Ханджара» СС снова обратились за помощью в религиозные учреждения Боснии и

непосредственно к Мухамеду Пандже, которого назначили ответственным за отбор молодых имамов, в основном выпускников престижного медресе Гази Хусрев-бега в Сараево и университета аль-Азхар^[1225].

Позже эсэсовцы учредили систему военных имамов и в своих восточномусульманских подразделениях^[1226]. Главным имамом 1-го Восточномусульманского полка СС стал некто Имам Камалов^[1227]. В августе 1944 года шли переговоры о назначении «главного имама» всего Восточнотюркского соединения СС, в которых участвовали аль-Хусейни и Гарун аль-Рашид. В составленный в ходе дискуссий короткий список вошли три кандидата^[1228]. Первым был Алимджан Идрис, несмотря на всю его занятость пропагандистской работой в министерстве иностранных дел и министерстве пропаганды. Кандидатом номер два стал крымский татарин, бежавший в Румынию, — его имя не сохранилось. Последним в списке оказался мулла Абдулгани Осман, мусульманин, который некоторое время отвечал за татарских военнопленных (по приказу Восточного министерства), а также писал на религиозные темы для пропагандистского листка Волжско-татарского легиона^[1229]. Как и Идрис, с которым он находился в сложных личных отношениях, Осман жил в Германии со времен Первой мировой войны. Хотя аль-Рашид предпочел бы Абдулгани Османа, первым предложение заняться этой работой получил все-таки крымский татарин^[1230]. Спустя какое-то время «главным имамом» соединения стал узбек Нуреддин Намангани, имевший звание унтерштурмфюрера СС^[1231]. Немцы освободили Намангани из тюрьмы НКВД в Минске в 1941 году, и до перевода в СС он служил имамом в соединении Майера-Мадера. Абдулгани Осман, не получивший этот пост, продолжал вербовать военнопленных, но уже для СС.

Главной задачей имамов в вермахте и СС было поддержание дисциплины и боевого духа. Религиозный авторитет военных имамов часто использовали при разрешении правовых споров или наложении дисциплинарных взысканий. Священнослужители должны были обеспечивать приговорам религиозную состоятельность и легитимность. В своих общих указаниях на тему военного судопроизводства в магометанских частях от 15 мая 1943 года Хайгендорф рекомендовал консультироваться с муллами по «всем сложным случаям, касающимся уголовного права», причем это

предлагалось делать до вынесения какого-либо решения^[1232]. Хорошо осознавая свои новые религиозные права, солдаты-мусульмане иногда пытались использовать религиозные аргументы, чтобы избежать наказания за тот или иной проступок. Например, в мае 1943 года мусульманский легионер, жульничавший со своей расчетной книжкой, поклялся на Коране и своем знамени, что невиновен^[1233]. Когда, чуть позже, его вина все же была доказана, разъяренный Хайгендорф отметил, что «легионер, ради обоснования своей лжи, не остановился перед тем, чтобы надругаться над самым священным мусульманским символом». Впрочем, контроль над военным судопроизводством оставался в руках немцев, которые не всегда охотно соглашались с приговорами, основанными на исламских законах. Однажды офицер-мусульманин казнил турецкого новобранца, уличив его в преступлении, предусмотренном параграфом 175 Уголовного кодекса Германии, который запрещал гомосексуализм и сексуальные контакты с животными. (Вероятно, в данном случае имело место именно второе, поскольку, согласно отчету, был расстрелян только один человек.) Офицер утверждал, что «мусульманская вера и традиционный закон» требовали именно такого сурового наказания^[1234]. Немцы посоветовались и с батальонным имамом, который утвердил смертный приговор. Однако армейское управление (*Heeresfeldjustizabteilung*) отказалось признавать вынесенное решение; с точки зрения этого ведомства, офицер произвел самосуд. В СС, как и в вермахте, тоже предпринимали попытки сочетать исламское и германское военное судопроизводство. В мае 1944 года в Главном управлении СС было подготовлено предписание, согласно которому солдат-мусульман Восточнотюркского соединения СС должны были судить, «по крайней мере формально», их собственные судьи – это называлось «судопроизводством в соответствии с исламом»^[1235]. Но в «Ханджаре» Зауберцвейг не стал заходить столь далеко: он ограничился приказом о том, чтобы имамы беседовали с правонарушителями-мусульманами с целью «повлиять на них морально»^[1236].

Со временем контролирующие функции имамов укреплялись. Имам Малкоч сыграл главную роль в подавлении бунта в Вильфранше-де-Руэрг осенью 1943 года, убедив новобранцев-мусульман направить оружие против его зачинщиков^[1237], а главный имам Восточнотюркского соединения СС Нуреддин Намангани вел для

немцев допросы мятежников Алимова после подавления декабрьского бунта 1944 года^[1238]. Кстати, позже аль-Рашид сообщал о том, что это подразделение, на которое «в значительной степени повлияли муллы и особенно главный мулла», снова стабилизировалось^[1239]. СС также пытались использовать имамов для контроля и надзора над военнослужащими. В «Ханджаре» дивизионный имам должен был регулярно представлять Зауберцвейгу отчеты, сообщая ему о моральном духе личного состава, имамов и гражданского населения^[1240]. Летом 1944 года, например, дивизионный имам «Ханджара» переслал в штаб два донесения от имама небольшого подразделения – чтобы показать начальству настроения мусульманских солдат СС, сражавшихся в районе Мостара^[1241]. По крайней мере с весны 1944 года имам каждой части «Ханджара» был обязан готовить ежемесячные отчеты для немецкого командования^[1242].

Вероятно, самой важной обязанностью военных имамов было ведение пропагандистской работы. Как говорил Хайгендорф своим немецким офицерам, муллы, если обращаться с ними должным образом, «станут, несомненно, наилучшей опорой в обучении наших легионеров»^[1243]. В программном заявлении оперативного штаба 162-й пехотной дивизии, адресованном всем легионным и батальонным муллам в мае 1943 года, мулла Джумабаев подчеркивал: «Необходимо, чтобы мы сопровождали нашу молодежь в бою и поощряли ее усилия победить врага, чтобы мы сами осваивали воинские навыки и лично демонстрировали отвагу во всех ситуациях»^[1244].

В своих попытках превратить новобранцев-мусульман в политически мотивированных воинов эсэсовцы надеялись на пропагандистские способности имамов. 19 мая 1943 года Бергер издал директиву об «идейно-духовном воспитании мусульманской дивизии СС», где военные имамы «Ханджара» назывались наиболее важными распространителями политико-религиозной пропаганды^[1245]. Агитаторам предлагалось акцентировать внимание на «общих врагах» немцев и мусульман, в качестве которых перечислялись «иудаизм», «англо-американизм», «коммунизм», «масонство» и «католицизм (Ватикан)», а также на предполагаемых общих идеалах, в том числе на воинственности, моральности и традиционализме. В документе Бергер также касался природы взаимоотношений между исламом и национал-социализмом, опираясь на понятие «народности» (*völkisch*). «У нас нет

намерения найти синтез ислама и национал-социализма или навязать национал-социализм мусульманам», – подчеркивал он. Вместо этого, согласно Бергеру, национал-социализм следовало рассматривать как «подлинно народное (*völkisch*) германское мировоззрение», в то время как ислам нужно было воспринимать как «подлинно народное (*völkisch*) арабское мировоззрение». Мусульмане Балкан с «народно-расовой точки зрения» являются частью германского мира, оставаясь идеологически частью арабского мира. «Благодаря развертыванию мусульманской дивизии СС, таким образом, впервые устанавливается открытая и честная связь между исламом и национал-социализмом, или, точнее, между арабским и германским миром: в смысле крови и расы на эту дивизию влияет Север, а в смысле идеологии, напротив, Восток», – утверждал Бергер^[1246].

Пропагандистской работой имамов «Ханджара» управлял специальный отдел политического и идеологического воспитания. Руководил им офицер «Ханджара» Генрих Гезе, бывший школьный учитель, а затем, когда дивизия вернулась на Балканы – Эккехард Вангеман, мекленбургский пастор. Это учреждение занималось всеми политическими и культурными вопросами, включая ислам^[1247]. Вангеман, старый партиец, относился к своей работе особенно серьезно. 8 апреля он вызвал всех имамов и командиров дивизии в школу, находившуюся рядом с джума-мечетью города Брчко^[1248]. Речь, с которой Вангеман выступил перед аудиторией, не оставляла никаких сомнений в той ключевой роли, которую ислам играл в пропагандистской работе в дивизии^[1249]. «Абсолютно ясно, что политические интересы национал-социализма и ислама в значительной степени совпадают и, более того, их идейные основы зиждятся на одном и том же фундаменте». Дивизия, недвусмысленно заявлял Вангеман, не просто военная часть на Балканах: у нее есть «высшее политическое предназначение – ей предстоит выстроить мост, соединяющий Европу с мировым исламом (*Weltislam*)». Каждый имам получил подробные инструкции по поводу этой высшей цели. Абсолютно необходимо, подчеркивал Вангеман, чтобы немецкие офицеры поддерживали имамов в их стремлении «воспитывать из солдат добрых мусульман». Аналогичным образом дивизионная «Служебная инструкция для имамов» 1944 года объясняла духовным лицам, что «национал-социализм и ислам близки в своих

идеологических основах»^[1250]. «Имам – попечитель ислама в дивизии. Он должен раскрывать сильные стороны религии, тем самым побуждая личный состав становиться хорошими эсэсовцами и образцовыми солдатами». Командование «Ханджара» держало пропагандистскую деятельность имамов под жестким контролем. За духовное попечение отвечал дивизионный имам, а пропагандистскую работу среди личного состава контролировали Зауберцвейг и Вангеман. Они постоянно инструктировали имамов по идеологическим вопросам^[1251].

На практике имамы беспрестанно использовали религиозные обряды для распространения политической информации. Во время празднования Ураза-байрама на полигоне Нойхаммера в 1943 году, например, дивизионный имам Мухасилович выступил с речью, в которой неразрывно переплелись политика и религия. «Мусульмане всего мира сражаются не на жизнь, а на смерть», – заявил имам, вписывая миссию дивизии в более широкий, панисламский контекст^[1252]. Воспроизводя привычную дихотомию и ссылаясь на священные тексты, Мухасилович рассуждал о том, что весь мир разделился на два лагеря:

Один под началом евреев, о которых Аллах говорит в Коране: они враги Божьи и ваши. Там англичане, американцы и большевики, которые борются против веры и Бога, нравственности и справедливого порядка. В другом – национал-социалистическая Германия и ее союзники под руководством Адольфа Гитлера, которые сражаются за Бога, веру, нравственность, лучший миропорядок и справедливое распределение всех благ, которые Бог создал для людей».

Немцы хорошо понимали, что отсутствие у них самих подлинной религиозной аутентичности затрудняет ведение исламской пропаганды в армии – и поэтому они нуждались в имамах. «Не делайте ошибки и воздерживайтесь от собственного участия в религиозной пропаганде», – предупреждала немецких офицеров брошюра, выпущенная летом 1943 года. В тексте подчеркивалось, что это дело исключительно имамов^[1253]. Несколько месяцев спустя в другой инструкции столь же четко говорилось: «Никакой религиозной пропаганды с нашей стороны!». Ее авторы опять настаивали на том, что это дело нужно оставить «муллам»^[1254]. Естественно, авторитету имамов при этом уделялось повышенное внимание. Так, командир одного из северокавказских батальонов попросил сменить батальонного имама,

объясняя, что, «если исходить из того значения, которое религиозная жизнь имеет для исламских народов, нынешний имам не соответствует должности, так как не пользуется авторитетом среди легионеров»^[1255]. В «Ханджаре» Вангеман даже попросил заменить дивизионного имама, упоминавшегося выше Мухасиловича. Хотя Вангеман признавал, что Мухасилович – хороший оратор, он тем не менее «потерпел полное фиаско в качестве лидера имамов»^[1256]. Никакой реакции не последовало, и несколько месяцев спустя Мухасилович дезертировал, а на его место пришлось поставить Малкоча^[1257].

Мухасилович был не единственным имамом, дезертировавшим в последние месяцы войны. Ганс-Гюнтер Серафим, командир из Восточного легиона, сообщал, что во время развертывания его подразделения, одной из частей 162-й пехотной дивизии, в Италии в конце войны дезертировал только один человек – это был мулла^[1258]. Батальонный мулла из пехотного полка сбежал, взяв с собой все благотворительные пожертвования и, предположительно, перебрался в Сан-Марино, «чтобы открыть там бар». Однако во время боевых действий критические отзывы о военных муллах были редкостью. В целом они вполне соответствовали требованиям немцев, которые, похоже, убедились в их полезности. Спустя несколько месяцев после появления имамов в войсках офицер пропагандистского отдела армии сообщал, что они показывают себя «особенно непримиримыми врагами большевизма»^[1259]. Год спустя, в инструкции, адресованной немецким офицерам восточных легионов, подчеркивалось, что муллы регулярно участвуют в боях, хотя и не обязаны делать это, и с оружием в руках подают «блистательный пример» своим подопечным^[1260].

Школы имамов

Немногие из мулл в немецких частях работали имамами до войны. Особенно слабым богословское образование было у священнослужителей из Советского Союза, поскольку Москва сильно ограничивала религиозную жизнь. Большинство мулл были просто уважаемыми людьми, лишь в общих чертах знакомыми с религиозными обрядами и вероучением. Чтобы дать военным имамам минимальное духовное образование, немцы открывали специальные курсы имамов и школы мулл^[1261]. Еще более важной задачей этих образовательных инициатив было обеспечение идеологической благонадежности военного духовенства.

План создать школу для обучения имамов – первоначально нацеленный на использование ее выпускников для агитационной работы в лагерях для пленных солдат-мусульман Красной Армии, – обсуждался с осени 1941 года^[1262]. В июне 1944 года вермахт, наконец, воплотил эту идею в жизнь, открыв курсы для мулл (*Mullahlehrgänge*), которые начали работать в армейских казармах в Гёттингене. Курсы организовал молодой и амбициозный востоковед Бертольд Шпулер, член нацистской партии, только что назначенный профессором Мюнхенского университета. (После войны он стал одним из ведущих немецких исламоведов^[1263].) Хотя Шпулер хорошо знал историю и практику ислама, владел различными восточными языками и мог читать Коран на арабском, сам факт того, что не-мусульманин выступает в роли религиозного авторитета и наставляет правоверных в вопросах ислама, вызвал определенный протест^[1264]. Шпулер, впрочем, заручился поддержкой главного имама Туркестанского легиона, муллы Иноятова, занимавшего должность официального инспектора курсов. Вскоре его поддержал и муфтий Остланда Якуб Шинкевич^[1265], который покинул свою резиденцию в Вильнюсе в начале июля, накануне взятия города красноармейцами, и прибыл в Гёттинген в конце августа. Он пользовался репутацией общепризнанного авторитета в исламском богословии, а его докторская диссертация по средневековому исламскому письму считалась классической работой по теме^[1266]. Еще более важным было то, что Шинкевич имел опыт

организации религиозного образования, поскольку создавал курсы по обучению имамов в межвоенной Польше^[1267].

К концу 1944 года курсы Шпулера в Гёттингене прослушали шесть выпусков мулл, в каждом из которых было тридцать-сорок мусульман. Занятия длились не более двух недель^[1268]. Шпулер подготовил для командования восточных войск множество отчетов о своей деятельности в Гёттингене, где подробно описал курсы. С самого начала он уделял повышенное внимание религиозным запросам своих учеников. В меморандуме, который был направлен начальству накануне первого учебного цикла, он призывал уважать религиозные практики мусульман^[1269]. В расписании курсов, настаивал он, необходимо учитывать религиозные обряды и праздники, для молитвенных ритуалов нужно обеспечить обучающихся специальными ковриками, а пищу следует готовить в строгом соответствии с исламскими предписаниями. Действительно, как только курсы открылись, представители вермахта удостоверились, что на их кухню свинина не поставляется, а тюркский повар готовит блюда по исламским обычаям^[1270].

Официально образовательная цель курсов, по словам Шпулера, заключалась в том, чтобы преподать будущим военным имамам основные принципы богословия и ознакомить их с некоторыми базовыми ритуалами^[1271]. В первой части курса Шпулер преподавал Коран и обсуждал некоторые из его наиболее важных фрагментов. Он читал лекции о жизни пророка Мухаммада, общих аспектах истории ислама, истории тюркских народов и – что было важнее всего – о политической роли ислама в войне. Ежедневное чтение и декламация Корана также входили в учебную программу. Шпулер считал, что для военных имамов подходит исключительно строгое толкование ислама: «Бесспорно, в основе [обучения] должна лежать ортодоксальная концепция ислама, избавленная от какой-либо современной критики»^[1272]. Во второй части преподавались практические вопросы. Слушатели учились вести молитвы и религиозные службы, а также проводить похороны и организовывать праздники годового цикла^[1273]. Для ведения этой части учебной программы Шпулер предлагал привлечь «надежного мусульманского священнослужителя»^[1274]. Первоначально эту задачу должен был взять на себя главный имам Туркестанского легиона Иноятов, но он не появился в Гёттингене к

запуску первого цикла^[1275]. Наконец, к началу обучения третьего потока приехал Шинкевич, который и взял на себя практическую часть. Этот полиглот и космополит, хорошо понимающий интересы Германии, произвел на Шпулера «отличное впечатление»^[1276]. Иноятов же включался в занятия только один раз, когда прочел студентам второго выпуска гостевую лекцию о роли военных имамов в войне против Сталина и уничтожении большевизма^[1277].

Оканчивающие курсы слушатели были обязаны сдать письменные экзамены, состоявшие из двух частей – богословской и практической. Языком обучения выступал турецкий и другие тюркские языки, прежде всего узбекский^[1278], но иногда занятия велись на таджикском и русском языках. Порой Шпулеру приходилось импровизировать: так, на пятых по счету курсах для двух студентов-аварцев лекции пришлось переводить с русского языка на аварский^[1279].

Серьезной проблемой для курсов Шпулера стало совместное обучение суннитов и шиитов. Уже на первом наборе, где были туркестанцы-сунниты и азербайджанцы-шииты, обнаружилась, по словам Шпулера, напряженность между двумя группами^[1280]. Он отметил, что «конфессиональные различия серьезнее, чем национальные» – два азербайджанца-суннита общались в основном с туркестанцами-суннитами, а не с азербайджанцами-шиитами^[1281]. Новая попытка организовать совместные занятия для суннитов и шиитов во время третьего набора также не удалась^[1282]. Согласно Шпулеру, различия между группами оказались слишком глубокими. Между тем догматические и религиозно-исторические вопросы невозможно было освещать, игнорируя разницу между суннитами и шиитами. Сам Шпулер, который с самого начала скептически относился к смешиванию этих групп, в конечном итоге посоветовал обособить суннитов и шиитов друг от друга^[1283]. Ссылаясь на присущие шиитам «глубину религиозного чувства и силу конфессиональной убежденности», а также на их «религиозный пыл», он предостерегал командование вермахта от того, чтобы «пропагандировать искусственное единство, которого нет и которое отвергается самими мусульманами»^[1284]. Критика Шпулера была также направлена против СС, у которых продвижение исламского единства не вызывало особых вопросов.

Эсэсовцы организовали несколько собственных программ для религиозного обучения военных имамов. Уже летом 1943 года Главное управление СС подготовило короткие курсы для первых имамов дивизии «Ханджар». Координировал их дивизионный отдел пропаганды. Имамы обучались в течение трех недель на вилле в Бабельсберге, недалеко от Берлина. Переводчик Звонимир Бернвальд, который участвовал в организации мероприятия, позднее вспоминал о недоумении немецких офицеров СС, которым поручили писать учебный план^[1285]. Поскольку все участники – в том числе Абдулла Мухасилович, Хусейн Дзёзо и Халим Малкоч – получили до начала войны серьезное богословское образование, религиозное обучение в данном случае считалось менее важным, и в этом состояло главное отличие данной программы от курсов, организованных для военных имамов из Советского Союза^[1286]. Цель бабельсбергских курсов состояла, скорее, в том, чтобы обучить имамов национал-социалистической идеологии и превратить их в мотивированных офицеров СС. Как только все студенты прибыли в Бабельсберг, немцы направили к ним аль-Хусейни – чтобы изложить общий замысел курса. В своем выступлении перед имамами муфтий продвигал идею глубинной связи между национал-социализмом и исламом^[1287]. Его реплики в основном повторили тезисы из директивы Бергера об «идейно-духовном воспитании мусульманской дивизии СС», подготовленной двумя месяцами ранее. Муфтий, впрочем, пошел дальше, предприняв наиболее изощренную, по-видимому, попытку связать национал-социалистические идеи с исламом. Для начала Аль-Хусейни выделил четыре основные области, выступающие основой союза между Третьим рейхом и мусульманским миром. Во-первых, заявил он, на протяжении всей своей истории Германия никогда не нападала на исламские страны и не проявляла к ним враждебности. Затем он упомянул о трех, ставших уже привычными, общих недругах. Германия, по его мнению, столкнулась: с «мировым еврейством» (*Weltjudentum*), которое является «наследственным врагом ислама» («*Erbfeind des Islams*»); Англией, которая репрессировала миллионы мусульман, уничтожила мусульманское правление в Индии и сыграла важную роль в упразднении османского халифата; и, наконец, большевизмом, который «тиранит 40 миллионов мусульман» и представляет прямую угрозу для всего исламского мира. Затем

муфтий указал на черты, которые якобы объединяют ислам и нацизм. Национал-социализм, по его словам, «во многих отношениях» пересекается с «исламским мировоззрением». Ислам и национал-социализм высоко ценят принцип лидерства: так, после смерти пророка Мухаммада мусульмане вверили себя авторитету одного человека, халифа, а нацисты подчиняются абсолютной власти фюрера. Ислам, объяснял муфтий, приучил мусульман к «порядку, послушанию и дисциплине», а национал-социализм делает то же самое в отношении немцев. Одной из главных обязанностей каждого мусульманина выступает постоянная борьба с врагами ислама; пасть в такой битве считается божественной честью. В принципе, мусульмане готовы жертвовать всем ради своего учения, как национал-социалисты – ради своей идеологии. Кроме того, продолжал муфтий, отношение мусульман и национал-социалистов к идеалам общины, семьи, продолжения рода, материнства и воспитания детей было очень схожим, равно как и их трудовая этика. С начала и до конца речь аль-Хусейни изобиловала риторикой набожности, перемежалась стихами из Корана и примерами из ранней истории ислама, что придавало ей характер проповеди. Коран призывает «всех мусульман» сражаться против евреев, объяснял аль-Хусейни, вспоминая историю о евреях Хайбара, которые пытались убить пророка Мухаммада. Аяты Корана также использовались в защиту идеала единого лидера, чтобы изобразить ислам великой силой и, что самое главное, доказать «воинственный дух ислама». Коран, по утверждению муфтия, требует «борьбы до окончательной победы». «Задача и долг всех мусульман – объединиться для защиты от этой надвигающейся угрозы и действовать со своими единомышленниками рука об руку. Подлинное сотрудничество 400 миллионов мусульман с их истинными друзьями, немцами, окажет большое влияние на ход войны и будет выгодным для обеих сторон», – заключил муфтий. В свете сказанного, утверждал богослов, боснийская мусульманская дивизия выполняет «священную миссию» – она идет в авангарде этого союза^[1288].

В следующем году, вскоре после того, как вермахт открыл курсы в Гёттингене, СС также организовали религиозное обучение для военных имамов. В 1944 году Главное управление СС учредило два исламских центра религиозного образования. Первый был открыт в апреле в Бранденбурге, в городке Губен. Так называемый Институт имамов

(*Imamen-Institut*) обосновался в заброшенном отеле, реквизированном СС^[1289]. После того как здание было спешно превращено в учебное заведение, СС 21 апреля 1944 года организовали церемонию открытия, в которой приняли участие Бергер, имам Хусейн Дзёзо и аль-Хусейни. В своем вступительном слове, зачитанном по-арабски и переведенном на боснийский язык, муфтий выразил восхищение основанием института – он видел в этом доказательство «процветания союза между мусульманами и великим германским рейхом»^[1290]. Этот союз, отметил аль-Хусейни, имеет прочную основу в виде «общих интересов и целей». Со второй речью выступил имам Дзёзо, который поблагодарил Гиммлера и Бергера за их «искреннюю дружбу» с «нами и всеми мусульманами»^[1291]. Дзёзо подчеркнул исторический характер войны, которая преобразит мир: «В этой трансформации встретились, узнали друг друга и сплотились две великие идеологические силы: исламский взгляд на жизнь и национал-социалистическое политическое мировоззрение». Институт, объявил имам, призван укрепить «дружбу между исламским миром и национал-социалистической Германией». «Мы готовы приложить все усилия для реализации нового мира и нового порядка», – заверял он аудиторию^[1292]. Вели курсы арабские ученые из свиты муфтия и несколько боснийцев – соратников Дзёзо^[1293]. В учебный план входили также тактические занятия и обучение стрельбе.

СС создали институт в Губене, в первую очередь для подготовки имамов балканских подразделений. Для мусульман с восточных территорий вскоре было учреждено еще одно, более масштабное, учебное заведение в Дрездене, формально связанное с *Arbeitsgemeinschaft Turkestan*. 26 ноября 1944 года там открылась так называемая школа мулл СС (*SS-Mulla Schule*). Как и в Губене, СС использовали церемонию открытия для восхваления германо-мусульманского союза. На этот раз вступительную речь прочел Вальтер Шелленберг, повторивший обычную для таких случаев риторику^[1294]. Ссылаясь на исторические свидетельства, он подчеркивал традиционные связи Германии с исламом и давнюю поддержку, которую она оказывала мусульманскому миру, подвергавшемуся беспощадной эксплуатации со стороны имперских держав. Германия, напомнил аудитории руководитель службы внешней разведки РСХА, покровительствовала мусульманским военнопленным в лагере

Вюнсдорф во время Первой мировой войны. «Вторая мировая война началась в тот момент, – продолжал Шелленберг, – когда народные (*völkisch*) силы в Советском Союзе еще не были сломлены, однако упадок культурных и религиозных традиций усилился самым угрожающим образом». Шелленберг приветствовал готовность нерусских народов Советского Союза сражаться вместе с Германией против большевизма и назвал ислам «самым важным оплотом, препятствующим национальному, народному (*völkisch*) и культурному искоренению восточных тюрков», а также средством, эффективно предотвращающим «заражение их большевизмом». В этом отношении ислам воспринимался как «хранитель биологического субстрата» восточных тюрков. Шелленберг призвал мусульман «учить молодое поколение традициям прошлого, чтобы оно могло смотреть в будущее самостоятельно», «отбрасывая костыли большевистской идеологии» и «русского – то есть расово неполноценного – мировоззрения». Речь демонстрировала поистине сюрреалистическое самодовольство. Фактически Шелленберг объявил об освобождении ислама от колониального гнета в тот момент, когда большая часть оккупированных немцами восточных территорий уже была отвоевана Красной армией. Тем не менее он не оставлял у слушателей никаких сомнений в пропагандистском уклоне школы, где передача религиозных знаний становилась второстепенной задачей.

Школа располагалась в особняке по адресу Лотрингервег, 2, в богатом дрезденском районе Блазевиц. Здание ранее принадлежало еврейской семье, а затем использовалось нацистами в качестве «еврейского дома» (*Judenhaus*), предназначенного для компактного расселения евреев, о чем неоднократно упоминал Виктор Клемперер, автор знаменитого дневника^[1295]. В начале ноября 1944 года он отметил присутствие в доме «загадочной учебной группы мусульман»^[1296]. Райнер Ольша, которому было поручено наладить работу школы, после войны написал отчет, где подробно рассказал о работе учреждения^[1297]. Интерьер здания разрабатывался с учетом исламских архитектурных стилей. Главный вестибюль был украшен мозаикой, выполненной по образцу мечетей Средней Азии и украшенной стихами Корана. Другая комната, декорированная сходным образом, располагала также молитвенной нишей (михрабом) и коврами. Она стала молитвенным залом школы. СС также приобрели различные исламские культурные

артефакты, вроде ваз и картин, чтобы создать аутентичную, с эсэсовской точки зрения, исламскую среду. Отвечал за внутреннее убранство особняка Курт Эрдман, эксперт по исламской культуре и истории искусства азиатского отдела Пергамского музея в Берлине. На реконструкцию и ремонт здания, которые он курировал вместе с архитекторами из Берлина и Дрездена, ушло полгода. «Внешний облик должен был напоминать исламские религиозные здания, для создания нужной атмосферы»,— объяснял Ольша после войны. Этот нацист приобрел для открывающегося заведения различные исламские книги во Франции, в Боснии и Нидерландах, а в Сараево им были куплены редкие древние тексты. Экземплярами Корана, очевидно, школу бесплатно снабжало министерство пропаганды^[1298].

Большой проблемой оказался поиск компетентного директора нового учреждения. Руководство СС отстаивало назначение на этот пост Алимджана Идриса, однако тот все еще находился в подчинении министерства пропаганды и министерства иностранных дел, где он был одним из ответственных за немецкую агитационную работу в исламском мире, особенно среди тюркских народов. По этой причине, когда Ольша в ноябре 1944 года предложил ему работу в Дрездене, Идрис был вынужден отказаться^[1299]. Впрочем, он согласился приезжать в Дрезден один или два раза в неделю, курировать занятия и преподавать — до тех пор пока не найдется постоянный директор. Министерство пропаганды было недовольно планами Главного управления СС нанять Идриса, поскольку, по словам госсекретаря министерства Наумана, тот был «душой программы вещания на тюркских языках»^[1300]. Впрочем, в конце концов министерство пропаганды согласилось отпускать Идриса на три дня в неделю, что позволило ему стать неофициальным директором школы мулл^[1301]. «Он казался убежденным магометанином <...> и с учетом своих знаний и своего опыта идеально подходил для школы»,— вспоминал Ольша^[1302]. Идрис привез с собой сына Ильдара, который работал переводчиком и помощником отца, пока его не призвали в Восточномусульманское соединение СС^[1303].

В отличие от организованных вермахтом курсов в Гёттингене, СС стремилась нанимать в качестве преподавателей одних лишь мусульман^[1304]. Подбирая сотрудников, Ольша консультировался с профессором Рихардом Хартманом. Первым он нанял некоего доктора

Мурада. Этот татарин, родившийся в Мекке, утверждал, что до приезда в Германию, где он изучал медицину, ему довелось руководить медресе в Турпане, в мусульманском уйгурском районе Синьцзяна. Он впечатлил Ольшу своим знанием Корана и владением несколькими языками. Мурад с самого начала включился в планирование работы школы, но конфликты с Ольшей и Идрисом заставили его уехать до ее открытия. Найти преподавателей тоже было нелегко. В итоге наняли двух пожилых мулл из Крыма. Кроме того, в школу пришел Шакир Эрисс, имам Риги, бежавший со своей женой от наступающей Красной армии. Хотя Идрис вскоре признал рижского имама неподходящим учителем, ему было разрешено остаться в школе в качестве гостя. Штат преподавателей также включал араба, болгарина-мусульманина и майора Киллингера, немецкого армейского офицера в отставке, перешедшего в ислам. Учитывая странный состав этой группы, не приходится удивляться замечанию Ольши о том, что «до самого конца единственным квалифицированным преподавателем в школе оставался Идрис». В последние месяцы войны успели выпустить только три группы студентов. Первый выпуск закончил обучение в январе 1945 года (16 слушателей), а за ним последовали второй и третий выпуски (21 и 23 слушателя соответственно)^[1305].

Богословская программа школы мулл, созданной эсэсовцами, пыталась преодолеть антагонизм между суннитами и шиитами. В своих дрезденских лекциях и выступлениях перед солдатами мусульманских частей на фронте Идрис постоянно выступал против религиозного сектантства^[1306]. Для немцев такая стратегия имела очевидные организационные преимущества. Только Шпулер, отделив суннитов от шиитов в школе вермахта, выступал против антисектантской политики СС, а также в целом против учебной программы Идриса^[1307]. Однако последний, утверждавший, что исторический раскол между суннитами и шиитами был создан искусственно, оказался сильнее^[1308]. Образовательную программу школы он разработал совместно с Хартманом^[1309]. Программа включала чтение Корана и уроки по экзегетике, занятия по исламской истории и обучение арабскому языку. В последние месяцы войны Идрис также читал лекции по таким политическим вопросам, как «империалистическая и антиисламская политика Англии, Америки и Советской России и дружественная исламу политика Германии, преобладавшая в последние 200 лет»^[1310].

Используя примеры из истории, он предупреждал своих учеников, что англоамериканско-советская победа будет означать рабство, навязанное «международным еврейством». Политическое послание Идриса было вполне четким.

В последние месяцы войны командование восточных войск решило использовать новую школу СС, направив имамов вермахта для обучения в Дрезден^[1311]. Шпулеру было поручено курировать курсы для вермахта, однако Идрис консультировался с ним только эпизодически^[1312]. Муфтия Шинкевича также приказали перевести из Гёттингена в Дрезден^[1313]. Вскоре школу захлестнула война. Особняк, со всей исламской литературой и артефактами, сгорел до основания во время разрушительных бомбардировок Дрездена союзниками с 13 по 15 февраля 1945 года, а оставшиеся мусульмане и сотрудники были эвакуированы в небольшой город Вайсенфельс^[1314]. Дальнейшая судьба преподавателей и учеников неизвестна.

После окончания Второй мировой войны генерал фон Хайгендорф составил список из десяти пунктов, где подвел итог мерам, принятым для поддержки исламской веры в мусульманских подразделениях вермахта^[1315]. Исламу, писал он, создавались благоприятные условия:

1) подбором подходящих людей и их обучением в школах мулл в Гёттингене и Дрездене-Блаузевице;

2) созданием должностей мулл и главных мулл в полевом командовании дивизий, батальонов и рот;

3) украшением мулл специальными значками с эмблемами, такими как тюрбан и полумесяц;

4) распространением копий Корана и других религиозных публикаций среди легионеров;

5) регулированием времени молитвы;

6) освобождением от службы по пятницам и во время религиозных праздников;

7) принятием во внимание обычаев поста и пищевых ограничений;

8) приобретением баранины и риса для праздничных дней;

9) ориентированием могил павших добровольцев на Мекку с помощью компасов и маркировкой надгробий полумесяцами вместо крестов;

10) вдумчивым и тактичным поведением в отношении иностранной религии и ее обрядов.

Хайгендорф объяснял эти усилия достаточно просто: «Многие из наших тюркских добровольцев были благочестивыми мусульманами. Убежденные приверженцы ислама не могут быть большевиками. Поэтому казалось весьма разумным поощрять ислам в наших добровольческих частях всеми возможными способами»^[1316].

Ислам и военная пропаганда

ЕЩЕ со времен кампании кайзеровской Германии по мобилизации исламского мира в Первую мировую войну генерал Оскар Риттер фон Нидермайер был убежден в пользе религии для активизации мусульман. 15 января 1943 года, когда немецкие войска отступали с Кавказа, а военная ситуация в Сталинграде стала безнадежной, Нидермайер подготовил для своих мусульманских полевых батальонов «Предложения по политическому воспитанию в тюркских подразделениях» (*Anhaltspunkte für den Politischen Unterricht in turkvölkischen Einheiten*)^[1317]. Неудивительно, что ислам затрагивался в этом документе не раз. Немецкой пропаганде в мусульманских частях предстояло выстроить историческую традицию дружбы между Германией и исламским миром. Пропагандистам предписывалось напоминать мусульманским солдатам о торжественной декларации Вильгельма II у гробницы Саладина в Дамаске в 1898 году. Кайзеровскую прокламацию рекомендовалось представлять как фундамент дружбы Германии с исламом, продолжением которой стали немецко-османский союз в Первой мировой войне и прочные отношения Германии с Ираком, Ираном и Афганистаном в межвоенный период. Через несколько месяцев аналогичный документ был подготовлен и СС – им стал меморандум Готлоба Бергера «Идеологически-духовное образование мусульманской дивизии СС», предназначенный для «Ханджара»^[1318]. За этими документами последовали дальнейшие инструкции по военной пропаганде в мусульманских частях.

Инструкции вермахта и СС были адресованы всем офицерам, которые участвовали в пропагандистской работе в мусульманских подразделениях. Армия запустила широкомасштабную пропагандистскую программу, привлекая специалистов по идеологическому воспитанию и учреждая многочисленные военные журналы и газеты. Эта агитационная работа была религиозно нагруженной, а ее цели заключались в том, чтобы придать войне легитимность, радикализировать мусульманских солдат и вдохновить

их на бой. Но прежде всего, немецкие пропагандисты стремились предложить исламскую интерпретацию войны. Религиозные императивы и лозунги использовались для того, чтобы представить войну священным долгом – превратить ее в «справедливую». Более того, новобранцам-мусульманам нужно было показать, что они не наемники в армии неверных, а солдаты, сражающиеся за собственное правое дело.

Политработники и религиозная пропаганда

С лета 1942 года вермахт привлекал немецких и мусульманских офицеров-политработников (*weltanschauliche Schulungsoffiziere*), которые должны были тесно сотрудничать с имамами в идеологической обработке мусульманских частей. В тот же период аналогичные должности были введены и в обычных подразделениях вермахта^[1319]. Идеология, по мнению армейского командования, была самым эффективным инструментом для укрепления боевого духа. Задачи так называемых офицеров идеологического воспитания напоминали задачи советских политруков, которые произвели серьезное впечатление на руководство рейха – хотя оно избегало сравнения своих идеологических кадров с советскими. По мнению историков, офицеры-воспитатели из вермахта сыграли значительную роль в варваризации немецкой практики ведения боевых действий. Миссия немецких политработников в мусульманских подразделениях, как правило, почти не отличалась от миссии их коллег в немецких частях: просто их пропаганда делала больший акцент на исламской риторике и лозунгах. Пропагандист, работавший в восточных легионах, однажды подытожил свою деятельность в заявлении о том, что он просто мобилизует все имеющиеся силы «для священной войны»^[1320]. Легионеров, выбранных в качестве пропагандистов в своих подразделениях, отправляли в Берлин на короткие учебные курсы^[1321]. Офицеры по идеологической работе не только осматривали достопримечательности столицы и слушали политические лекции по таким предметам, как «Национал-социалистическая Германия», но и посещали пятничные молитвы в мечети Вильмерсдорфа. Экскурсии на мусульманское кладбище в Берлине, построенное на деньги османской дипломатической миссии, также включались в расписание – чтобы подчеркнуть глубинную связь между Германией и исламом. Когда пропагандисты начинали свою работу в частях, они оставались под строгим контролем немецких офицеров в собственных подразделениях.

В Крыму 11-я армия также открыла специальные курсы для крымскотатарских пропагандистов. Там мусульманским офицерам объясняли, что «национал-социализм воспринимает нацию как священный институт» и что «Германия предоставляет полную свободу

вероисповедания»^[1322]. Официальный представитель вермахта, который весной 1942 года участвовал в подготовке восьми потоков, обучив в общей сложности более восьмидесяти крымскотатарских пропагандистов, отмечал, что участники были «приятно удивлены» новостью о том, что «в Берлине есть большая мечеть»^[1323].

СС работали в том же русле. Бергер, убежденный в тесной связи между идеологией и военной дисциплиной, первоначально ввел должность офицеров по идеологическому воспитанию в немецких подразделениях войск СС, а вскоре после этого и в мусульманских частях^[1324]. В марте 1944 года политический отдел под руководством Вангемана организовал для пропагандистов «Ханджара» (*Einsatzredner*) курсы, включавшие лекции по таким темам, как «Цель и миссия дивизии», «Благочестивый мусульманин и иноверцы в Боснии» и «Почему мусульмане сражаются на стороне Германии». Последние два предмета преподавались дивизионным имамом Абдуллой Мухасиловичем^[1325]. Чуть позже в том же месяце «Ханджар» организовал более углубленный курс для будущих немецких и мусульманских пропагандистов. В предметных программах отражался синтез национал-социализма и ислама, продвигаемый Бергером. Будущие политработники посещали лекции по таким темам, как «Национал-социализм и ислам», «Жизнь нашего фюрера» и «Смысл этой войны»^[1326]. Похожие курсы были организованы эсэсовцами для своих новобранцев-мусульман с Востока. В сентябре 1944 года СС направили в Берлин запрос о наборе офицеров, имеющих опыт «в области политико-религиозного образования», которые могли бы преподавать в числе прочих тем «Историю ислама», «Краткий курс истории и географии исламских государств» и, конечно же, «Жизнь Шамиля»^[1327].

Ислам, военные журналы и печатная пропаганда

И вермахт, и СС печатали и распространяли среди своих рекрутов многочисленные пропагандистские публикации, которые часто опирались на религиозные лозунги, идеи и риторику. Берлин распространял брошюры – например, антиеврейский буклет «Ислам и иудейство», который раздавался не только гражданскому населению Боснии и Герцеговины, но и призывникам «Ханджара» (фото 8.1)^[1328]. Авторы текста стремились вписать ненависть к евреям в религиозный контекст, чтобы побудить мусульман сражаться в немецкой *Weltanschauungskrieg*^[1329]. Более того, Зауберцвейг регулярно писал открытые пропагандистские письма своим мусульманским солдатам; эти послания имамы вслух зачитывали в своих частях^[1330]. СС также распространяли религиозную пропаганду среди мусульманских новобранцев с восточных территорий.

ФОТО 8.1. Солдаты дивизии СС «Ханджар» читают пропагандистскую брошюру «Ислам и иудейство». 1943 (источник: ВАК, Image 101III–Mielke-036–23, Mielke)

Вермахт тоже занимался «религиозно заряженной» пропагандой, где использовалась религиозная тематика. «Остро ощущается потребность в статьях о жизни фюрера и в экземплярах Корана», – отмечал Бройтигам, заказывая пропагандистские материалы для восточномусульманских подразделений в конце 1942 года^[1331]. Религиозные тексты, как полагали в вермахте, были особенно важны для поддержания боевого духа. Как вспоминал позднее Ганс фон Херварт, «Коран печатался в гигантских количествах»^[1332]. В частности, его миниатюрные копии, которые также раздавались в Крыму, получили широкое распространение среди солдат восточных легионов, которые носили их в стальных капсулах на шее^[1333]. Воины-мусульмане на протяжении веков брали в бой медальоны-амулеты и кожаные мешочки с аятами Корана, и теперь немцы охотно эксплуатировали эту практику^[1334]. Представители вермахта неоднократно заказывали такие коранические талисманы. Шпулер, организуя курсы в Гёттингене, тоже заказывал их для своих имамов^[1335]. В 1944 году, после консультаций с азербайджанскими лидерами, подчиненные Хайгендорфа также проинформировали его о «неотложной нужде в экземплярах Корана, заключенных в металлические банки»^[1336]. Такие книжечки, утверждали их заказчики, имеют большое значение как талисманы.

Наиболее типичными пропагандистскими публикациями, распространяемыми в войсках, были военные журналы и газеты. Вскоре после развертывания «Ханджара» в 1943 году СС начали издавать для солдат дивизии журнал *SS-Handžar*^[1337]. Пропагандистский отдел дивизии отвечал за его содержание. *SS-Handžar* печатался на немецком и боснийском языках, сначала – раз в две недели, но по мере ухудшения ситуации на фронтах всё реже и реже. В журнале публиковали отдельные цитаты из Гитлера, пророка Мухаммада и Корана^[1338]. Немецкое командование открыто побуждало имамов дивизии писать для *SS-Handžar*^[1339]. В конце 1943 года имам Хусейн Дзёзо написал статью «О задачах эсэсовца», в которой он агитировал против «большевизма, капитализма и еврейства».

Множество статей призывали к оружию против предполагаемых врагов правоверных. «Звероподобные большевистские орды и преступники на содержании у Лондона гадят в святилищах гордой Боснии», – метал громы и молнии один из авторов^[1340]. Наиболее злобная пропаганда, нацеленная против врагов нацистской Германии, содержалась в последнем выпуске, опубликованном летом 1944 года, когда дивизия вела тяжелые бои. Туда попали статьи, осуждавшие «мечтателя» Тито и «боснийских евреев» как самых ярых врагов мусульман^[1341]. Кроме того, *SS-Handžar* рассказывал о том, как отмечаются религиозные праздники. Один номер был посвящен празднованию Ураза-байрама в Нойхаммере, причем в нем опубликовали не только речи Зауберцвейга и дивизионного имама, но и многочисленные фотографии события^[1342]. По случаю Мавлида в *SS-Handžar* напечатали фрагменты речи, с которой аль-Хусейни выступил в Берлине^[1343]. В другом номере освещался визит муфтия в Нойхаммер^[1344]. В иллюстрированном приложении опубликовали много фотографий визита^[1345]. Обилие визуальной пропаганды было важной характеристикой журнала *SS-Handžar*. В СС отлично осознавали силу изображений и в каждом номере печатали более десятка фотографий, которые показывали жизнь солдат, их деревень и, чаще всего, мечетей. Возможно, наиболее поразительной в этом визуальном массиве стала фотография девушки в купальном костюме под Мостарским мостом, напечатанная рядом с фотографией полностью укутанной женщины в традиционном облачении, – такая комбинация могла смутить набожных читателей^[1346].

В конце 1944 года очень недолго выходила газета Восточно-тюркского соединения СС – *Türk Birliği* («Тюркское единство»)^[1347]. В первом выпуске, опубликованном 25 ноября 1944 года, в качестве темы номера фигурировал Курбан-байрам; здесь же были напечатаны статьи об исламе и битве против большевизма^[1348]. Пропагандистские газеты, распространявшиеся в Восточных легионах вермахта – *Ghazavat* («Священная война») для Северокавказского легиона, *Idel-Ural* («Волга-Урал») для Волжско-татарского легиона и *Azerbaijan* («Азербайджан») для Азербайджанского легиона – продержались чуть дольше. Информация о газетах, распространявшихся в четвертом мусульманском легионе (Туркестанском), сейчас недоступна, но, скорее всего, в них печатались

материалы, похожие на те, что выходили в газетах трех других мусульманских легионов^[1349]. Кроме того, штаб 162-й пехотной дивизии Нидермайера раздавал своим новобранцам газету *Свобода*. Большинство легионных периодических изданий выходило еженедельно или два раза в месяц. За всю войну было выпущено около ста номеров каждой газеты. Статьи туда писали в основном коллаборационисты-мусульмане из Берлина, а материалы тщательно контролировались и цензурировались Восточным министерством и пропагандистским отделом вермахта, где составляли резюме каждого номера^[1350].

По содержанию все эти издания были похожими; по сути, они напоминали типичные фронтовые газеты, которые печатались для немецких солдат. Заметное место занимали переводы статей, выходивших в германской прессе, например в *Völkischer Beobachter*, *Deutsche Allgemeine Zeitung* и *Das Reich*. Большая часть материалов была посвящена ситуации на фронте, а политические и идеологические вопросы затрагивались гораздо реже.

Значительную роль в этой пропаганде играл национализм, что отразилось и в названиях газет. Столь же повсеместной была и религиозная тематика. Действительно, название *Ghazavat* («Священная война») несло в себе бесспорно религиозный смысл, поскольку отсылало к северокавказской традиции исламского сопротивления и джихада. Многие статьи были нацелены на обучение легионеров исламу и пестование исламской идентичности. «Религия – краеугольный камень нашего национального самосознания», – провозглашалось на страницах *Idel-Ural* в начале 1944 года^[1351]. Через несколько месяцев *Azerbaijan* заверяла читателей, что нация может быть основана только на чистом учении пророка Мухаммада и Корана^[1352]. В одном из заголовков *Ghazavat* утверждалось, что «жизнь нашего Пророка должна служить примером для нас»^[1353]. Среди статей, напечатанных с образовательной целью, попадались тексты о мусульманском вероучении и исламской истории, нередко написанные религиозными деятелями. Некий мулла Филанкиас, например, представил читателям *Azerbaijan* «ретроспективу развития ислама», а азербайджанский майор Абдул Фаталибейли опубликовал в *Idel-Ural* серию исторических эссе «Пророк и ислам»^[1354]. Месяцем ранее он же написал два исторических обзора о «Пророке и его истинном

кредо» в *Azerbaijan*^[1355]. Фаталибейли, бывший офицер Красной армии, произвел впечатление на немцев своими боевыми качествами в битве за Кавказ и вскоре стал признанным защитником азербайджанского дела и горячим сторонником панисламского единства^[1356].

Большинство статей, посвященных религии, изображали Третий рейх другом ислама. В некоторых материалах выражалась идея о более масштабной мобилизации мусульман в поддержку стран Оси. И *Ghazavat*, и *Idel-Ural* подробно писали об арабских подразделениях вермахта^[1357]. *Azerbaijan* публиковала статьи о мусульманских добровольцах с Балкан рядом с фотографиями боснийских мусульман^[1358]. Дополнительная серия фотографий показывала быт в мусульманских деревнях Хорватии. Жизнь под защитой стран Оси вообще была популярной темой. Так, опубликовав фоторепортаж «Мусульманская жизнь в Сербии», *Idel-Ural* отмечала: «Под защитой Германии мусульмане могут жить свободнее»^[1359]. Неудивительно, что поддержка Германией ислама на востоке оставалась ключевой темой во всех газетах, издаваемых для восточных легионов. «Мусульмане убеждены, что с победой Германии свобода религии станет реальностью», – гласил заголовок *Ghazavat* осенью 1943 года^[1360]. Под властью Советов, писала газета, отправление религиозных обрядов было полностью запрещено. «Но когда немецкие войска пришли на Кавказ, они немедленно открыли все церкви и мечети и предоставили полную свободу вероисповедания». Мусульмане возлагали все свои надежды на немецкую победу, поскольку только Германия способна принести свободу исламу. Подобные заявления подкреплялись многочисленными статьями о жизни мусульман под защитой рейха, прежде всего – о проведении ими религиозных праздников. Религиозные торжества регулярно попадали в заголовки, о них писались репортажи, причем затрагивались празднества не только в легионах, но и на оккупированных территориях. Однако еще более важным было использование религиозных праздников как маркера, противопоставляющего сталинскую и гитлеровскую власть. Например, в 1943 году *Azerbaijan* писала о «мулле Сулеймане», который якобы становился «счастливее день ото дня» благодаря вновь обретенной свободе отправлять религиозные обряды без ограничений, «свободе, в которой в Советском Союзе было отказано на протяжении 25 лет»^[1361]. В то же время мусульманский легионер писал в *Idel-Ural*: «Сегодня

весь мусульманский мир отпраздновал Ураза-байрам, закончив пост. Но 30 миллионов мусульман, которые живут в Советском Союзе, не могут достойно отмечать праздник. Уже 25 лет угнетаемые большевиками последователи ислама могут исповедовать свою религию только втайне»^[1362]. Статья в *Ghazavat* обещала, что «не за горами день», когда и на советских территориях мусульмане смогут снова отмечать свои праздники^[1363].

Действительно, одной из целей множества статей по религиозной тематике было представить Советский Союз атеистическим угнетателем ислама. «Во всех странах, на которые нападает СССР, мусульмане свободно исповедуют свою веру,— писала *Ghazavat*^[1364].— Только в Советском Союзе, где верховный безбожник-еврей Ярославский-Губельман позволил закрыть или снести все мечети, это не так. 40 миллионов мусульман вынуждены жить, без возможности отправлять культ, потому что мулл изгнали или убили». Миней Израилевич Губельман, более известный как Емельян Михайлович Ярославский, был председателем «Союза безбожников» до того, как Сталин свернул деятельность этой организации в 1941 году^[1365]. Разумеется, факт ее роспуска был проигнорирован немецкой пропагандой, которая утверждала, что ситуация только ухудшается. «Москва усиливает свою борьбу с религией»,— писала *Idel-Ural*^[1366]. В газетах печатали подробные, эмоциональные истории об угнетении ислама при советской власти. Так, в статье «Большевизм на Северном Кавказе» *Ghazavat* описывала, как мусульмане пережили приход Советов: «Их первым „делом“ стало закрытие всех мечетей, а также арест и депортация священнослужителей»^[1367].

Ислам изображался как оплот против русского и советского господства. В *Idel-Ural* напечатали статью о прославленном исламском богослове Ризаитдине Фахретдинове, последнем независимом муфтии Уфы. Когда его привезли в Москву в 1931 году, он отказался подписать документ, подтверждающий, что мусульмане СССР живут в свободе. «Он ответил, что не может лгать исламскому народу»,— сообщала *Idel-Ural*, не искажив, кстати, фактов и восхваляя Фахретдинова как «хранителя исламской веры»^[1368]. Лозунг «За религию, за ислам!» всегда сопровождал восстания на Кавказе,— провозглашалось на страницах *Ghazavat* в сентябре 1943 года^[1369]. Вспоминая об антисоветских бунтах на Кавказе в 1930-е годы, газета утверждала, что

они были не чем иным, как «религиозной революцией против большевизма». Большевики пытались сломить любое религиозное сопротивление. Они стремились «отравить» молодежь коммунизмом, следуя своему лозунгу, согласно которому «религия есть опиум народа». Но, по словам газеты, им это не удалось: исламская молодежь сохранила свои убеждения и теперь готова сражаться вместе с немцами за «свободу родины и будущее нашей мусульманской религии»^[1370].

Материалы о религиозном характере сопротивления также опирались на исторические нарративы исламского протеста в эпоху царизма. Пропагандистами выстраивалась историческая линия, в которой призыв к оружию со стороны немцев выглядел самоочевидным поступком, а война против Москвы казалась благочестивым делом. Под русским гнетом, писала в октябре 1943 года *Idel-Ural*, только ислам мог быть движущей силой сопротивления. Хорошо осознавая, что «мусульманская вера укрепляет духовную силу народа», царская империя не раз пыталась ослабить ислам^[1371]. Газета вспоминала «русских миссионеров», «преследования исламских лидеров», «насильственное крещение татар и башкир» и «закрытие мечетей». Ко всем этим темам в прессе обращались многократно. «Русский империализм, – заявляла *Idel-Ural*, – желал «убить нашу веру»: он уничтожал «мечети, которые строились столетиями», а русские церкви на исламской земле, наоборот, росли «как деревья в лесу»^[1372]. Год спустя *Azerbaijan* и *Ghazavat* отметили 85-летнюю годовщину пленения имама Шамиля царскими войсками^[1373]. «Сегодня добровольцы, вдохновляясь примером Шамиля, сражаются за свободу, которую больше не удастся уничтожить»^[1374]. В следующем номере *Ghazavat* напечатала еще один материал о Шамиле, а также вспомнила о других исламских движениях в горах Северного Кавказа в конце XVIII века, направленных против царизма^[1375]. В другом номере, в феврале 1944 года, газета провозгласила: «Сегодня мы слышим призыв к „газавату“. Газават – священная война, которая пока идет далеко от дома, но скоро развернется и в горах нашей родины»^[1376].

По мере того как борьба за умы мусульман разгоралась, появлялось все больше статей, которые были направлены против сталинской кампании по мобилизации мусульман. Материалы о попытках Кремля использовать ислам обычно писались в насмешливом и злобном тоне, обнажая противоречия советской религиозной

политики. «Теперь большевики намереваются обмануть религиозные чувства народа», – гласил заголовок *Idel-Ural* в октябре 1943 года^[1377]. «Тот самый большевизм, который громил религию 25 лет подряд, сегодня призывает людей к продолжению войны во имя религии», – писала газета. От сообщений о том, что «еврей Губельман-Ярославский» теперь выступает за более либеральное отношение к религии, отмахивались как от «фарса»; при этом газета предупреждала читателей о «советском муфтии» Расулеве. «Советский Союз часто совершал подобные трюки, хотя никогда они не были столь лживыми», – писала *Idel-Ural*, добавляя, что народ обязательно распознает это «надувательство». «Наши люди никогда не забудут беззаконие, которое большевики творили в отношении верующих». Месяц спустя газета опять развенчивала новую советскую политику в отношении ислама, видя в ней «ложь и мошенничество»^[1378]. В начале 1944 года *Idel-Ural* осуждала ее как «новый сталинский обман»^[1379]: «Верующие, которые до сих пор были против Сталина, теперь должны благодарить его за предоставленную свободу вероисповедания в мечетях». Газета четко давала понять, что «сталинские муллы» – «всего лишь орудие в руках Кремля», а вся эта кампания – «не более чем грандиозная афера». Аналогичным образом *Ghazavat* осудила «советское церковное жульничество»^[1380]. *Azerbaijan* указывала на то же противоречие. «Четверть века Сталин мучил и преследовал мусульман, убивая их тысячами, но во время войны он внезапно открыл свое сердце для приверженцев ислама», – глумился автор, напоминая новобранцам-мусульманам, что Сталин всегда придерживался марксистского взгляда, согласно которому «религия есть опиум народа»^[1381]. Солдатам напомнили, что мечети закрывали и превращали в «гаражи, театры и клубы». Над советским муфтием Расулевым в газете надсмехались как над «агентом НКВД». «Этот красный муфтий теперь будет сидеть рядом со Сталиным, выступая с речами об освобождении мусульман. Но этим никого не обманешь, мы все в курсе». «Внезапно обнаружившаяся любовь к религии» со стороны Москвы – «коварный обман». Мусульмане никогда не станут приспешниками «агента Коминтерна, который любит называть себя „муфтием“». Несколько месяцев спустя газета издевалась над тем, что люди, которые, борясь с религией, неизменно пользовались в Советском Союзе уважением, теперь вдруг стали «муллами»^[1382]. Еще

одна статья в том же номере предупредила читателей: «болтовня» о том, что мусульмане в Советском Союзе теперь могут свободно посещать мечети, – «чистая ложь»^[1383]. Летом 1943 года *Ghazavat* опубликовала статью под заголовком «Советы хотят создать Советскую Аравию»^[1384]. Два номера спустя, в статье под названием «Сталин вспоминает Коран», разоблачали советскую пропаганду на Ближнем Востоке^[1385]. Сталин тогда направил муфтия Расулева в Сирию, Палестину и Египет, поручив ему убедить мусульманское население в том, что «коммунизм вовсе не является несовместимым с Кораном». *Azerbaijan* также предупреждала правоверных о том, что «большевистские муфтии» сейчас пересекают границы и едут на Ближний Восток^[1386]. Наконец, советскую кампанию по мобилизации ислама атаковали и по более широким основаниям, упирая на якобы непреодолимый идеологический конфликт между коммунизмом и исламом. В материале под заголовком «Коммунизм и ислам несовместимы» и *Ghazavat*, и *Azerbaijan* в начале 1944 года писали, что Москва и дальше будет придерживаться идеи о том, что религия есть опиум народа^[1387]. Коммунизм, предостерегали газеты своих читателей, означает «гибель ислама». Два месяца спустя *Ghazavat* объясняла, что «коммунизм и ислам – вечные противоположности», и осуждала попытки Кремля «доказать», будто благочестивые мусульмане могут одновременно быть и верными коммунистами^[1388].

Советский Союз был не единственной силой, которую изображали вечным врагом ислама. В начале 1944 года *Ghazavat* напечатала серию статей о столкновениях между англо-американскими войсками и местным мусульманским населением во французском Марокко. В феврале газета сообщила о беспорядках, в результате которых двадцать четыре мусульманина были убиты «сенегальскими неграми» из состава англо-американской армии^[1389]. В последующие месяцы *Ghazavat* дала еще более яркую картину резни, которая произошла в мечети в Марокко – это происшествие описывалось как «кровавая баня, погубившая верующих».

Среди западных союзников Великобритания изображалась как особо рьяный угнетатель мусульман. Незадолго до начала хаджа в 1943 году *Ghazavat* затронула классическую тему антибританской исламской пропаганды, поставив материал под заголовком «Англичане запрещают

паломничество в Мекку»^[1390]. В следующем году в газете писали о недовольстве арабских новобранцев в британской армии, утверждая, что «мусульмане не хотят проливать кровь за Англию»^[1391]. Кроме того, британцев обвиняли в разжигании религиозного конфликта в Индии. В конце 1944 года *Свобода* противопоставила Индийский легион вермахта, который объединил мусульман, сикхов и индусов, британской политике «разделяй и властвуй»^[1392].

Наконец, газеты занимались активной антиеврейской пропагандой. В данном отношении своими злобными текстами выделялась *Idel Ural*. В серии статей «Евреи: злейшие враги мусульман» ненависть к евреям связывали с Кораном и жизнью пророка Мухаммада^[1393]. На мусульманских территориях Советского Союза, сообщали читателям, большевики специально отдавали власть евреям, чтобы те могли угнетать мусульман. Образы евреев как врагов ислама часто сочетались с призывами к исламской солидарности с палестинцами и осуждением якобы имевшей место поддержки сионизма Великобританией и США. Летом 1943 года, например, *Ghazavat* сообщила об англо-американских планах по созданию еврейского государства на Ближнем Востоке^[1394]. Месяц спустя в газете писали о столкновениях между мусульманами и евреями во время празднования Рамадана в 1943 году, сочетая антиеврейскую агитацию с исламской темой^[1395]. О беспорядках в Палестине, якобы раздуваемых Лондоном и Вашингтоном, писали часто и с преувеличениями; их изображали важной составляющей глобального конфликта, в котором участвовал весь мусульманский мир.

Мысль о глобальной солидарности мусульман вообще повторялась многократно. Выступая от имени *уммы*, авторы газет регулярно информировали своих читателей о «большом» мусульманском мире. Вместо того чтобы сосредоточиться на местах, откуда были родом мусульманские солдаты рейха, газеты писали о мечети аль-Азхар в Каире или Ибн Сауде в Саудовской Аравии. Отстаивая панисламскую мобилизацию в поддержку Германии, тексты рассказывали об арабских подразделениях вермахта или мусульманских добровольцах с Балкан. Авторы представляли Германию защитником ислама не только на восточных территориях, но и в мусульманских деревнях на Балканах. Они нападали на советскую исламскую пропаганду на Ближнем Востоке, британскую конфессиональную политику в Индии, якобы введенный англичанами запрет на хадж, еврейскую миграцию в

Палестину. В одной из статей *Azerbaijan* повествовала о том, как татарский легионер, прогуливаясь по улицам оккупированного Германией Парижа, наткнулся на Парижскую соборную мечеть, где его благодаря исламской солидарности и защите со стороны держав Оси тепло встретили находившиеся там мусульмане, «индийцы, персы и арабы»^[1396]. Идея «мирового ислама» (*Weltislam*) вообще развивалась повсеместно. Солдаты принимают участие в борьбе, затрагивающей весь мусульманский мир – такую мысль внушала *Azerbaijan*. Кроме того, немецкая пропаганда использовала исторические нарративы и различные формы религиозной памяти (прежде всего, вспоминая о таких фигурах, как имам Шамиль).

Статьи были религиозными не только по содержанию, но и по стилю. Например, тексты, написанные военными имамами и другими религиозными деятелями, отличались характерной религиозной риторикой и изобиловали такими выражениями, как «во имя Аллаха», «священная война» и «Аллах с нами». Как и в случае с нацистской пропагандой на Ближнем Востоке, Балканах и восточных территориях, этот язык использовался не для проповеди религиозного конфликта в узком смысле (чтобы разжечь насилие между представителями разных религий), а для поощрения священной войны против секулярных идеологий и сил, подобных советскому коммунизму и британскому империализму. В целом влияние газетных публикаций не следует недооценивать. Ральф фон Хайгендорф, например, был убежден, что газета *Ghazavat* играла центральную роль в жизни его легионеров^[1397].

Дискриминация и пределы верности

С точки зрения немецких офицеров, использование ислама неизбежно должно было увенчаться успехом в поддержании дисциплины и укреплении боевого духа. Тем не менее их работа в частях сталкивалась с многочисленными препятствиями, прежде всего – с недостаточной восприимчивостью к религиозной политике и пропаганде, а также с общим дефицитом набожности. Кроме того, отдельным препятствием выступала сохранявшаяся в вермахте и СС религиозная и расовая дискриминация.

Что касается религиозности, то информация о благочестии мусульман была в целом довольно неоднозначной. Религиозная политика в воинских подразделениях реализовывалась на протяжении всей войны; это означает, что немцы отнюдь не считали ее бесполезным делом. Действительно, ряд армейских отчетов свидетельствует, что усилия Германии по использованию ислама давали определенную отдачу. Так, в докладе 1943 года, посвященном моральному духу в мусульманском батальоне, говорилось: «магометанская религия в сочетании с хорошим питанием выступает важной опорой» боевого духа и дисциплины^[1398]. Новобранец с Кавказа, 42-летний Иса Мусаев, рассказывал допрашивавшим его немцам не только о том, что большевизм создал изоциренную систему репрессий и экономической эксплуатации, но и жаловался на то, что «мечети ограбили и используют как склады, конюшни и гаражи»^[1399]. О том, что такие слова были не просто пустой риторикой, призванной потакать ожиданиям немцев, свидетельствуют и письма полевой почты, посылаемые добровольцами-мусульманами домой.

Так, послания, написанные крымскими татарами после их привлечения 11-й армией, обнаруживают поразительную остроту религиозных чувств^[1400]. Вернер Отто фон Хентиг, отслеживавший солдатскую корреспонденцию весной 1942 года, подчеркивал, что в ней, наряду с «глубокой признательностью» мусульман и их «готовностью сражаться и трудиться», раскрывается также «крепко укоренившаяся религиозность»^[1401]. «Аллах и Адольф-эфенди были в письмах нераздельными понятиями», – сообщал фон Хентиг^[1402].

Например, солдат Маджид Хабилов писал своей семье: «Слава Аллаху и Адольфу-эфенди! Мы в порядке! Если Аллах защитит нас, мы выдержим не один год, а десять лет войны». Его товарищ Ибрагим Саид желал, чтобы «Аллах и Адольф-эфенди дали силу немецкой армии, позволяющую ей победить». Читая письма, фон Хентиг также отметил, что многие мусульманские военнослужащие упоминали о своих молитвах за Гитлера^[1403]. «День и ночь мы молимся Аллаху о здоровье Адольфа-эфенди», – сообщал один солдат. Другой рассказывал родным об участии в коллективной молитве в мечети вместе с 120-ю боевыми товарищами, с радостью добавляя: «С этого момента мы можем вместе ходить в мечеть каждую пятницу». «По пятницам, – писал новобранец Васим Куртамелов, – мы идем в мечеть, чтобы сотворить молитву». При этом он пояснял: «Я сражаюсь за освобождение татар и исламской религии от большевистского ига». Глубокая и религиозно мотивированная ненависть к Москве раскрывается во многих письмах. «20 лет мы были узниками безбожных Советов, голодали и работали день и ночь, – заявлял новобранец Мамбет Алиев. – Но в скором времени Аллах Всемогущий даст нам силу уничтожить нечестивого врага». Другой доброволец высказывался более жестко: «Слава Аллаху, мы скоро освободимся от преступных большевиков, мы будем гнать их из нашей страны, как паршивых псов». Солдат-мусульманин Ибрагим Бакиров уверял друга, который также сражался в немецком подразделении: «Аллах защитит нас и отважных немецких солдат, чтобы мы истребили неверных раз и навсегда». В свою очередь, их товарищ Рустам Асанов объяснял отцу: «Я ушел, чтобы присоединиться к недругам безбожников и бороться до их полного уничтожения. Да поможет нам Аллах истребить их! Мы покажем этим безбожным коммунистам, что Бог есть». Неминуемость скорой смерти чувствуется в строках почти всех писем. Рассуждая о перспективах мученичества, доброволец Башид Челдов писал другу: «Если я погибну, то погибну за Мухаммада». Некоторые из писем, просмотренных немцами, обнаруживают беспокойство и недовольство, особенно в отношении плохого снабжения продовольствием и партизанских атак возмездия на мусульманские деревни. «Свобода народа означает смерть для нас, теперь наша удача немногого стоит», – писал один из солдат. Впрочем, большинство писем демонстрирует большие надежды, которые крымскотатарские новобранцы испытывали

летом 1942 года. Точно так же и письма, полученные солдатами от друзей и близких, были в основном оптимистичными. Женщина-мусульманка из татарской деревни писала на фронт, что жизнь под властью Германии стала лучше. «Пусть Аллах даст вам и немецкой армии, вместе с фюрером Адольфом Гитлером, здоровье и успех»,— желала она. «Мечеть снова открыли, и все идут на молитву»,— писал Маджид Абламид, подтверждая отрядные, по его мнению, перемены в мусульманских деревнях и кварталах Крыма.

В конечном счете самое значительное влияние на общий настрой писем оказывала ситуация на фронте. После падения Керчи весной 1942 года Хасан Ахмедов написал домой, ликую: «Мы завоевали Керчь и разбили русскую Красную армию так, что она никогда не оправится». Победу он объяснил, ссылаясь на ислам: «Мы побеждаем потому, что идем в бой во имя Аллаха, и он дает нам победу. Аллах также дал нам Адольфа-эфенди, поэтому мы всегда будем победителями». Фон Хентиг, полный энтузиазма, сообщал: «Керчь вернула им уверенность в себе, наполнила их гордостью, так что теперь они с глубокой религиозной преданностью надеются на знамя фюрера»^[1404]. На севастопольском фронте наблюдалась аналогичная картина. Офицер, который читал письма новобранцев-мусульман, штурмовавших Севастополь летом 1942 года, сообщал, что в его работе не было ни единого дня, когда он, в процессе перлюстрации, усомнился бы в «глубокой признательности этих людей фюреру». Тот же офицер отмечал и значительную религиозность мусульман^[1405]. Один из легионеров писал из Севастополя: «Даже не знаю, как можно отблагодарить фюрера немецкого народа и армии Адольфа Гитлера!». Его товарищ в письме к матери восторгался вновь обретенной свободой религии. «Пусть Аллах укрепит нас, и скоро мы окончательно разобьем этих атеистических дьяволов». Татарин Ахмед Ибрагимов отправил домой фотографию Гитлера, а другой татарин, Шевкет Керимов, перевозил «нашего освободителя Адольфа Гитлера» и его армию. Мусульманин Яхья Умаров писал брату, который сражался в вермахте: «Пусть Аллах даст вам энергию и победу под Севастополем». Солдат Бакир Осман желал, чтобы «великий Аллах дал нам и нашим друзьям быструю победу над врагами». Немецкие офицеры, читающие все это, были довольны: «Благодаря чуткой заботе начальства и дружескому отношению их товарищей татары испытывают физическое и душевное

благополучие, о чем свидетельствуют их письма». Однако крымскую полевую почту следует читать с осторожностью. Разумеется, солдаты-татары, привыкшие к слежке полицейского государства, не могли обходиться без самоцензуры. Более того, массив переживших войну писем солдат-мусульман весьма невелик. Те письма, которые цитировались выше, были написаны крымскотатарскими бойцами исключительно в период военных успехов. Следовательно, провести взвешенную оценку религиозности солдат на основе этой корреспонденции нельзя, как невозможно и экстраполировать взгляды ее авторов на всех мусульман, сражавшихся в германских армиях. Тем не менее они показывают, что религия, по крайней мере для некоторых мусульманских рекрутов, была серьезным фактором, не сводимым к пустой повседневной риторике.

Что касается Восточномусульманских частей СС, то Гарун аль-Рашид тоже давал положительную оценку религиозности своих солдат. В одном из первых отчетов для Бергера аль-Рашид писал, что, прибыв в исламский полк, он предполагал, что мусульмане «из-за большевистской антирелигиозной пропаганды» уже не будут «убежденными магометанами»^[1406]. Однако, к его «радости», верным оказалось обратное. «Магометанская идея» в их рядах была сильна и служила хорошим подспорьем для «использования восточного тюркизма в немецких интересах»^[1407]. Действительно, некоторые новобранцы, общаясь с аль-Рашидом, всячески подчеркивали свою религиозность. Например, набожность вышла на первый план в письме добровольца из Восточнотюркского соединения, который, обращаясь к своему командиру, сетовал на «советские зверства и уничтожение веры»^[1408]. Это письмо перекликалось с утверждениями немецкой пропаганды о том, что мусульмане Советского Союза всегда воспринимали Германию в качестве «друга ислама». Похожим образом представитель азербайджанцев, который писал аль-Рашиду как к «собрату по нашей священной вере», подчеркивал сильную набожность, свою собственную и своих товарищей, повторяя немецкий лозунг о якобы общих идеалах ислама и нацизма. «Немецкий народ начал свою борьбу против еврейства в 1933 году, а мусульмане впервые выступили против евреев 1363 года назад», – писал он^[1409]. Однако аль-Рашид в скором времени понял, что в целом картина куда более сложна. Через несколько месяцев он чувствовал себя достаточно уверенно,

чтобы классифицировать в рядах своих бойцов разные уровни религиозности, которые, с его точки зрения, были обусловлены этнической принадлежностью и происхождением. Туркестанцы, на которых «в значительной степени влияют муллы, особенно главный мулла, а также немецкий личный состав», показали себя добросовестными и преданными солдатами. Сходным образом немецкий командир оценивал и азербайджанцев. По его словам, только поволжские татары были ненадежными. Кроме того, у аль-Рашида еще не было уверенности, необходимой для оценки «магометанско-религиозных свойств» крымских татар. «Общеисламская связь может дать хорошие результаты среди туркестанцев, азербайджанцев и, по моим впечатлениям, крымских татар, хотя я не ожидаю каких-либо успехов в этом отношении для значительной части волжско-уральских татар», – отмечал он^[1410]. Правоту подобного восприятия поволжских татар подтверждает письмо, направленное в Центральный исламский институт солдатом-мусульманином Волжско-татарского легиона:

До 1918 года мы все были религиозными и признавали нашу исламскую веру, но, из-за того, что мы находимся под советской властью в течение 25 лет, многие из нас теперь безбожники. В настоящий момент мы в рядах немецкого вермахта. Мы хотели бы снова стать религиозными, что также отвечает интересам наших военачальников. Среди нас много людей, которые знают, как надо молиться, но никто не признает за ними полного авторитета, потому что они не владеют теоретическими основами исламской религии. Мой призыв в том, чтобы кто-то помог нам: научил бы нас теоретическим принципам собственной религии и более глубокому проникновению в ее природу. Особенно важно это для тех, кто все еще далек от веры. Мы можем писать и говорить на татарском и русском языках. На арабском же мы можем только читать. С моей точки зрения, ислам должен стать организующей силой для нашего народа и нашей нации»^[1411].

Более того, хотя материалы вермахта и СС в целом дают более позитивную оценку религиозности солдат-мусульман, некоторые армейские отчеты указывают на то, что мусульмане из Советского Союза иногда оказывались менее религиозными, чем хотелось бы армейскому руководству. Так, хотя в июле 1943 года Хайгендорф писал, что «пробуждение религии» «воспринимается легионерами, как правило, с оптимизмом», несколько месяцев спустя он отметил:

«Религиозная жизнь легионеров требует особой заботы, поскольку участие в ней очень слабое. Если бы присутствие на проповеди не было обязательным, на нее приходили бы лишь несколько легионеров»^[1412]. Сходным образом командир азербайджанского легиона докладывал начальству, что «не слишком многие представители младших возрастных групп посещают занятия по религиозному обучению»^[1413], а те, кто делает это, часто подвергаются дискриминации со стороны своих товарищей, которые уничижительно называют их «муллами». Этот офицер также рекомендовал германским военнослужащим осторожно относиться к религиозным вопросам, так как немецких солдат, участвующих в дискуссиях об исламе и благожелательно о нем высказывающихся, нередко спрашивают, почему же они сами не мусульмане. И в самом деле, немцам, занимавшимся организацией исламской пропаганды в военных частях, не хватало погружения в среду и знакомства с контекстом. Рихард Хартман, эксперт-исламовед Ольши, предупреждал, что бывшие солдаты Красной армии, которых уже «хорошо научила» советская власть, «быстро раскусят весь этот театр»^[1414]. Однако СС пропустили эти предостережения мимо ушей. Только после войны Ольша признал, что его политика основывалась на «ошибочном предположении» о том, что все солдаты были «набожными магометанами»^[1415].

Неоднозначные оценки религиозности мусульман получала и на Балканах. Если Гиммлер и Бергер постоянно выказывали свою уверенность в набожности солдат «Ханджара», то сообщения с мест были не такими безальтернативными. Например, имелись свидетельства того, что посещение молитв мусульманами «Ханджара» было не очень активным^[1416]. В апреле 1944 года Карл-Густав Зауберцвейг сообщал из Боснии, что его люди «счастливы» принять «национал-социалистическое учение»^[1417]. Во многих отношениях национал-социализм, по его словам, оказался сильнее ислама; впрочем, командир сразу же добавлял, что религия по-прежнему остается основным элементом сплоченности подразделения: «Мы хотим сохранить исламский стержень в наших людях, и я об этом забочусь». Но такое покровительственное отношение с легкостью вело к дискриминирующим действиям. Действительно, самым большим препятствием на пути успеха исламской политики и пропаганды

Германии в военных частях, и вообще для всего военного проекта, была именно дискриминация.

С самого начала вербовка мусульман вызвала в Берлине озабоченность, связанную с расовой и религиозной дискриминацией. 6 августа 1943 года Гиммлер прямо призвал германских офицеров СС «Ханджара» терпимо относиться к своим боевым товарищам-мусульманам^[1418]. «Они последовали призыву исламского руководства и воодушевились ненавистью к общему еврейско-английско-большевистскому врагу и преданностью фюреру Адольфу Гитлеру», – провозгласил он. Исходя из этого немцам предписывалось проявлять к мусульманам всяческое уважение: «Я не хочу, чтобы из-за глупости или узколобого фанатизма даже одного человека десятки тысяч храбрых добровольцев и членов их семей перестали доверять нам и разочаровались в правах, которыми их наделили». Кроме того, «шутки и подначки, обычные среди боевых товарищей», строго запрещались в отношении мусульманских добровольцев. «Не должно быть никаких дискуссий, особенно в кругу воинского братства, по поводу особых привилегий, предоставленных мусульманам»^[1419]. Руководство вермахта разделяло опасения СС. Хайгендорф после войны подчеркивал, что всегда ожидал от своих офицеров тактичного поведения в отношении ислама и мусульман^[1420]. Он советовал им в присутствии мусульман не проявлять излишнего любопытства, не пить алкоголь и не позволять грубых разговоров о женщинах. Заявление Хайгендорфа было не просто частью его послевоенной апологии; он действительно отдавал такие приказы во время войны^[1421]. В директиве от 22 марта 1944 года он увещевал немцев, которые несли службу в легионах, «уважать религиозные чувства добровольцев», и предупреждал, что любые «насмешки над незнакомыми религиозными обрядами», или «презрительные замечания» по религиозным темам строго запрещены^[1422]. Аналогичные инструкции издавал и штаб Нидермайера^[1423]. Летом 1942 года, после развертывания мусульманских подразделений, вермахт дал указание их немецкому персоналу «уважать и не высмеивать» религиозные обычаи добровольцев, «даже если они кажутся странными»^[1424]. Однако сама необходимость многократно повторять подобные призывы может указывать на то, что религиозная и расовая дискриминация на самом деле оставалась проблемой.

Несмотря на все усилия, направленные на то, чтобы внушить немецкому персоналу уважение к исламу, некоторые источники дают яркую картину религиозного притеснения в мусульманских подразделениях. Так, невзирая на авторитет и достоинство главного имама одного из батальонов, некий немецкий офицер приказал мулле, опоздавшему на парад, в порядке наказания отжиматься от пола^[1425]. Такому же взысканию военный врач подверг другого имама, который из-за молитвы опоздал на медосмотр. Еще одному мулле, на короткое время потерявшему сознание в кабинете стоматолога, сбрили бороду, несмотря на большое религиозное и символическое значение, которое волосы на лице имеют для авторитета духовного звания. В каждом из этих случаев Хайгендорф наказал и отстранил немецких офицеров, предупредив, что такая «враждебность по отношению к религиозным установкам» ослабляет положительные элементы в военных частях и усиливает отрицательные. Аналогичные инциденты происходили и в СС. Например, Гарун аль-Рашид жаловался на поведение немецкого офицера, который избивал мусульман, кидал в них камни и называл их «свиньями» – то есть «оскорблял наихудшим для последователя ислама образом»^[1426]. Зауберцвейг докладывал Бергеру с Балкан, что ему каждый день приходится тратить «много сил», чтобы «внушить немецким командирам важность и ценность имамов»^[1427]. «Лично я всегда поддерживаю имамов и отстаиваю параллели между исламом и национал-социализмом», – самодовольно добавлял он.

Помимо неуважения, проявляемого к религиозным чувствам, серьезной проблемой в повседневном взаимодействии добровольцев с немцами оставался расизм, который нацистский режим поощрял на протяжении десяти лет. После войны Менде вспоминал, что немецкий персонал восточных легионов часто считал новобранцев из Советского Союза второразрядными солдатами и называл их «арапами» (*Mohren*), «чурками» (*Kanaken*) и даже «изменниками» (*Landesverräter*)^[1428]. Употреблялись и другие оскорбительные прозвища: «готтентоты» (*Hottentotten*), «дикари» (*Wilde*), «бушмены» (*Buschmänner*), «монголы» (*Mongolen*), «большевики» (*Bolschewiken*), «партизанский резерв» (*Partisanenersatz*) и «трофейные товарищи» (*Beutekameraden*)^[1429]. Хайгендорф пришел в ярость, когда увидел в Варшаве намалеванную на железнодорожном составе надпись: «Поляки, евреи и легионеры – в последний вагон»^[1430]. Мусульмане из Советского Союза старались не

брать отпуска во время службы в рейхе, чтобы избежать оскорблений и травли со стороны немцев. Хайгендорф писал о кавказском лейтенанте, который раньше срока вернулся в часть из поездки к своей сестре, которая работала в Австрии. Когда его спросили, почему он не отбыл отпуск до конца, тот ответил, что их просто вытолкали из венского трамвая: эсэсовец сказал кондуктору, что не войдет в вагон, пока «этот скот» (*Viehzeug*) не выйдет^[1431]. Подобные инциденты особенно участились в последние месяцы войны, когда мусульманские подразделения восточных легионов были развернуты в Западной Европе и на территории рейха. «В метро парижане с удивлением рассматривают монголов в немецкой форме», – отметил в своем дневнике в мае 1944 года Эрнст Юнгер, скандально известный ветеран Первой мировой войны, рассказывая о своих встречах с тюркскими легионерами во Франции^[1432]. Исламская природа этих подразделений взбудоражила литератора, он даже описал в дневнике их нашивки: «Мечеть с двумя минаретами и надписью „Биз Алла Билен. Туркестан“». Негативное восприятие мусульман и восточных территорий все-таки преобладало. Немецкий личный состав получал инструкции и брошюры, целью которых было преодоление существующих стереотипов азиатского недочеловека (*Untermensch*), но они не меняли сути дела. Германские офицеры на Балканах часто вели себя по отношению к рекрутам-мусульманам столь же высокомерно и пренебрежительно. Боснийцев, служивших в войсках СС, немецкие сослуживцы иногда называли унижительным прозвищем «муджо»^[1433]. Командир «Скандербега» сетовал на «примитивную Албанию», которая, по его мнению, оставалась «более турецкой», чем сама Турция, «начиная с женских хиджабов»^[1434]. Мнимая «доблесть албанца» – не более чем миф, насмеялся офицер. «Даже легкий гранатомет заставляет его бежать без оглядки, а в атаку он идет лишь до того момента, пока не найдет, что можно украсть или стащить». В конечном счете стремление Берлина вывести мусульман – будь то арабы, боснийцы, албанцы или турки – за рамки бытового расизма не производило впечатления на рядовых немецких солдат на местах. Годы нацистской идеологической обработки и расистской пропаганды не прошли даром.

Хотя военное руководство с трудом контролировало повседневное поведение немецких военнослужащих, снизить уровень

институциональной дискриминации ему в какой-то мере удалось. В первые месяцы вербовки немецкие офицеры занимали в военной иерархии более высокие позиции, чем легионеры, причем независимо от звания. Иначе говоря, немецких солдат могли подвергать дисциплинарным взысканиям только немецкие командиры, но не иностранцы, даже если последние были выше по званию^[1435]. Но позже ситуация изменилась. Со временем немецких солдат даже обязали первыми отдавать честь военнослужащему-мусульманину, если тот был выше по званию. Более того, легионерам достаточно быстро – с мая 1943 года – начали выплачивать такое же жалованье, как и немецким солдатам вермахта^[1436]. По-видимому, компромиссы были невозможны только в одной сфере, ярко раскрывающей пределы в работе нацистского режима с восточными новобранцами: власти Германии всеми силами старались не допускать контактов между мусульманами из Советского Союза и немецкими женщинами, с которыми они встречались во время отпусков в рейхе. Немок, забеременевших от восточных добровольцев, Расово-политическое управление НСДАП вынуждало делать аборты^[1437]. Даже контакты мусульман с русскими или украинскими женщинами-«остарбайтерами» (*Ostarbeiterinnen*) властями не одобрялись, хотя такие «восточные браки» (*Ostehen*) в конечном итоге разрешили, чтобы минимизировать отношения с немками^[1438]. Подобные ограничения проистекали из расовых, а не религиозных мотивов. Несмотря на определенный идеологический прагматизм, расовый вопрос оставался мощным препятствием для религиозной политики Германии в отношении мусульман.

Поражение

На всех фронтах мусульманские солдаты сражались до самого конца. Только в хаосе последних месяцев войны, когда все надежды на победу Германии померкли, стало трудно поддерживать боевой дух и дисциплину в частях. И вермахту, и СС пришлось иметь дело с нарастающим числом дезертирств. На Балканах «Ханджар» однозначно начал распадаться осенью 1944 года^[1439]. Некоторые мусульмане дезертировали, чтобы сражаться в «зеленых кадрах»^[1440]. Солдаты уходили поодиночке и группами или просто не возвращались из отпусков^[1441]. Кто-то занимался членовредительством, чтобы добиться увольнения со службы^[1442]. К концу сентября дезертировали около 2000 мусульман; 17 октября еще 140 новобранцев отказались сражаться с Красной армией; 21 октября в окрестностях Загреба сбежали почти 600 человек^[1443]. Из-за повального дезертирства СС в конечном итоге были вынуждены демобилизовать дивизию. 29 октября 1944 года Каше сообщил, что 2000 человек разоружили и перевели в трудовые батальоны^[1444]. Еще 10000 человек предстояло разоружить в ближайшие дни^[1445]. В конце концов Гиммлер поставил мусульманских новобранцев перед выбором: или сражаться в подразделениях СС и усташей, или работать на рейх в трудовых батальонах^[1446]. Дивизия «Скандербег» также не оправдала ожиданий СС^[1447]. Когда ситуация на фронте вышла из-под контроля, албанские новобранцы начали массово дезертировать, и СС пришлось распустить дивизию. Среди добровольцев-мусульман из Советского Союза дезертиров было меньше^[1448]. Однако по мере того, как Германия разваливалась, кое-кто пытался перейти на сторону противника. Джулиана Эмери, одного из британских офицеров связи с албанскими партизанами, поразили перебежчики из туркестанских частей вермахта, воевавших на Балканах: группа солдат-мусульман перешла к партизанам, принеся с собой не только оружие, но и уши своих немецких офицеров, завернутые в большой зеленый платок^[1449]. В Восточнотюркском соединении единственным значимым случаем дезертирства стал переход Гуляма Алимова и его товарищей к словацким партизанам в конце декабря 1944 года^[1450]. Азербайджанцы, во главе с Фаталибейли,

немедленно дистанцировались от Алимова и его людей. В конечном счете новобранцы из Советского Союза в большинстве своем оказались более дисциплинированными, чем можно было ожидать, учитывая плачевную ситуацию на фронтах. Именно безнадежность заставляла их продолжать борьбу, пути назад для них не было. Мусульмане в германской армии прекрасно понимали, что поражение означает для них возмездие и, возможно, смерть.

После окончания войны мусульманских солдат Германии ждала суровая судьба. На Балканах их настигли кары Тито^[1451]. Религиозные лидеры эсэсовских частей были наказаны первыми. Халима Малкоча, последнего дивизионного имама «Ханджара», казнили в 1948 году^[1452]. Судьба его предшественника Мухасиловича остается неясной. Имама Хусейна Дзэзо приговорили к пяти годам тюремного заключения и принудительных работ, а также к пятилетнему поражению в правах, однако позже он смог приспособиться к новым условиям и стал влиятельным функционером в коммунистической Югославии^[1453].

Что касается восточных территорий, то власти СССР, уже депортировавшие мусульман Кавказа и Крыма, считали всех, кто сражался в германских частях, изменниками Родины. Солдат-мусульман из Советского Союза, рассеянных в подразделениях СС и вермахта по Западной Европе, никто не спас. На Ялтинской конференции «большая тройка» договорилась о репатриации всех бывших советских граждан. Соответственно, англичане и американцы разоружили всех солдат восточных легионов и Восточнотюркского соединения СС и держали их в специальных лагерях. Затем западные союзники передали легионеров, а также гражданских беженцев с Кавказа, которые ушли вместе с вермахтом, в руки Красной армии^[1454]. Выдавать их начали летом 1945 года. Например, мусульманских солдат 162-й тюркской дивизии, содержавшихся в большом лагере под Моденой в Италии, передали Советскому Союзу в Таранто. Некоторым удалось сбежать из плохо охраняемого лагеря^[1455]. Выдача остальных сопровождалась драматическими сценами. Люди десятками прыгали с идущих поездов. Когда суда с депортированными бросали якорь в Одессе, кто-то прыгал в Черное море, а некоторые кончали жизнь самоубийством. Один из имамов совершил самоожжение. В Советском Союзе многих расстреляли или отправили в лагеря. «Весь 1945 и 1946 год продвигался на Архипелаг большой поток истинных наконец

противников власти (власовцев, казаков-красновцев, мусульман из национальных частей, созданных при Гитлере)»,– вспоминал позже Александр Солженицын^[1456]. Протесты со стороны Красного Креста не произвели на британские и американские власти никакого впечатления. Международная пресса также не слишком интересовалась этим сюжетом. Джордж Оруэлл, работавший тогда военным корреспондентом, был одним из немногих, кто публично критиковал депортации. «Эти факты, сразу же ставшие известными многим журналистам, британская пресса почти полностью обошла молчанием»,– отметил он в 1946 году, осудив явное равнодушие общества к насильственной репатриации^[1457]. Только когда бесспорным фактом стало то, что экстрадиции заканчиваются казнями и рабским трудом, союзники отказались от своей политики репатриации. Мусульмане в лагерях начали получать статус «перемещенных лиц» и несколько тысяч из них остались на Западе.

Заключение

В ПОСЛЕДНИЕ месяцы войны, уже находясь в берлинском бункере, Гитлер сетовал на то, что усилия Третьего рейха по мобилизации мусульманского мира оказались недостаточно энергичными^[1458]. «Весь ислам трепетал от известий о наших победах», а мусульмане были «готовы поднять восстание», – говорил он Борману^[1459]. «Мы должны были сделать всё, чтобы помочь им, укрепить их доблесть, и это было бы и нашим долгом, и нашей выгодой!». Однако Германия слишком долго уважала итальянские интересы в мусульманском мире, что, по словам Гитлера, мешало «блистательной политике в отношении ислама». Между тем «итальянцев в этих регионах ненавидят куда больше, чем французов и англичан». Немецко-итальянский союз «был неприятен для наших исламских друзей, которые неизбежно начали видеть в нас сообщников своих угнетателей, вольных или невольных», – сокрушался фюрер. Отказавшись от обязательств перед Италией, Германия могла бы освободить мусульман Северной Африки от власти режима Виши и итальянцев, что впоследствии получило бы сильный отклик в мусульманских землях, подчиненных британцам. С североафриканских земель дух освобождения перекинулся бы и на остальные территории мусульманского мира. «Такая политика вызвала бы общеисламское воодушевление. Ведь это типично для мусульманского мира, от Атлантики до Тихого океана: то, что затрагивает одного мусульманина, к счастью или к несчастью, затрагивает всех»^[1460]. В последние недели нацистского режима в бункере часто рассуждали о немецко-мусульманском альянсе^[1461]. А немногим ранее, размышляя о своем видении европейского «нового порядка», Гитлер утверждал, что его «Новая Европа» проводила бы «смелую политику дружбы с исламом»^[1462]. С его точки зрения, исламская политика немцев была недостаточно решительной.

На страницах этой книги впервые подробно рассматриваются вопросы взаимодействия Германии с исламом во время Второй мировой войны. Из предпринятого мной исследования видно, что усилия рейха по использованию ислама в своей военной стратегии

были необычайно масштабными и повлияли на политику в Сараево, Нальчике, Симферополе, Тунисе и даже провинциальной Швабии. Превращая ислам в инструмент собственной политики и пропаганды, немецкие функционеры пытались придать легитимность и авторитет войне, умиротворить тыловые районы, поднять мусульман на борьбу на стороне Третьего рейха, а также разжечь недовольство и спровоцировать религиозное насилие в тылу врага.

Превращение ислама в политический инструмент проводилось немцами с поразительной последовательностью – даже если рассматривать его в трансрегиональном разрезе. Несмотря на хаос военного времени и постоянную межведомственную конкуренцию, в годы войны немецкие функционеры – от карьерного дипломата старой выучки из министерства иностранных дел или интеллектуала-бюрократа из Восточного министерства до идеолога-технократа из Главного управления СС – опирались на одни и те же представления об исламе и его роли. В целом мусульман рассматривали не как источник угроз или как врагов, но как сильных союзников. Имея дело с мусульманами на фронтах войны, немецкие официальные лица указывали на политическое значение ислама. Идея исламского единства (*Weltislam* или *Weltmuselmanentum*) была вездесущей.

Причины, стоящие за усилиями Германии по выстраиванию союза с мусульманским миром, были обусловлены ходом войны, которая в 1941–1942 годах затронула мусульманские территории и переориентировала политику рейха на краткосрочное планирование и мобилизацию всех доступных ресурсов. Ислам в этом контексте рассматривался как политическая сила, которую можно применить против стран антигитлеровской коалиции. Идеологические соображения играли лишь второстепенную роль. Хотя некоторые нацистские идеологи, функционеры и даже представители нацистской элиты идеологически позитивно оценивали ислам, именно ситуация на фронтах обусловила «запуск» германской кампании по мобилизации мусульман.

В целом эта кампания потерпела неудачу. В Северной Африке и на Ближнем Востоке реакция на нее оказалась неоднозначной. В таких областях, как Балканы или оккупированные восточные территории, где мусульмане зачастую жили в жутких условиях, заигрывания немцев с исламом поначалу вселяли определенные надежды. В итоге многие

тысячи мусульман из этих районов вступили в немецкую армию. Религиозная политика и пропаганда, безусловно, работали в нужном направлении. Тем не менее остается открытым вопрос о том, можно ли считать политику и пропаганду основными стимулами, побуждавшими мусульман к сотрудничеству с рейхом. Во многих случаях сильнее оказывалась другая мотивация. В конечном счете немецкая пропаганда не смогла разжечь серьезные восстания за линией фронта. Политика Германии в мусульманском мире была менее успешной, чем надеялись функционеры в Берлине. Она стартовала слишком поздно, и слишком часто сталкивалась с жестокими реалиями войны. Но важнее всего то, что она была основана на слишком многочисленных ложных представлениях относительно мусульман и ислама.

Главным препятствием, мешавшим Германии применить ислам в ее политике относительно мусульман, будь то под властью рейха, в тылу врага или в немецких военных частях, стала нехватка искренности. Было слишком очевидно, что немцы хотят использовать мусульман в своих интересах, ради нужд войны, а не ради подлинно религиозных целей. Берлин пытался решить эту проблему, привлекая посредников-мусульман, среди которых числились многочисленные имамы, служившие в немецких частях, а также крупные религиозные деятели – такие как Амин аль-Хусейни, Якуб Шинкевич и Мухамед Панджа. Надежные коллаборационисты-мусульмане должны были подкреплять директивы и пропаганду режима своим религиозным авторитетом, одновременно символизируя отеческую заботу Германии об исламе. Добиваясь более эффективного управления и укрепления дисциплины среди мусульман в своих воинских частях, а также в населенных мусульманами оккупированных пограничных районах Советского Союза, власти рейха выстраивали исламские иерархии. Улемы использовались ими и на других территориях. Тем не менее, несмотря на усилия посредников, заявлениям немцев о том, что они защищают правоверных, недоставало убедительности; практические – военные – мотивы нелегко было скрыть. Другая проблема заключалась в том, что исламский мир никогда не представлял собой единого целого. Воспринимая мусульман как нерасчлененную массу, которой можно манипулировать при наличии верного подхода, немецкие официальные лица недооценивали религиозную, этническую, языковую, социальную и политическую сложность и неоднородность

мусульманского мира. Проще говоря, они переоценили значение панисламского единства. В исламе не было иерархических, «церковных» структур, которые могли бы централизованно выступать от лица верующих. Кроме того, был еще и вопрос о религиозности. Немцы, обращаясь к исламу, исходили из того, что мусульмане больше прислушаются к призыву на вооруженную борьбу, если тот получит религиозное обоснование. Конечно, хотя верность мусульман своей вере и имела пределы, ее нельзя недооценивать. На Балканах, на оккупированных восточных территориях, в Северной Африке, на Ближнем Востоке и за их пределами религия играла важную роль в жизни людей. За конфликтами на Балканах часто стояла религия. Сопrotивление Москве тоже нередко носило религиозный характер. Начиная с XIX века в Северной Африке и на Ближнем Востоке громко заявили о себе панисламизм и исламский антиимпериализм, которые пережили новый подъем после Первой мировой войны. Но, с другой стороны, необходимо задаться вопросом: не оказались ли другие формы лояльности сильнее чисто религиозных обязательств? Ведь племенные, этнические и национальные связи также имели немалое значение. В конце концов, все мусульманские народы от Северной Африки до Средней Азии разделяли сильные национальные чаяния, которые Берлин был не способен признать. Наконец, заигрывая с мусульманами и исламом, Германия столкнулась с соперничеством со стороны стран антигитлеровской коалиции, также занимавшихся этим делом. Лондон и даже Москва могли опираться на проверенную временем верность своих мусульманских подданных. В конце концов, сотни тысяч мусульман сражались в рядах Красной армии, британских войск и «Сражающейся Франции».

В этой книге невозможно дать окончательный ответ на вопрос, какое влияние религиозная политика и пропаганда Германии оказала на мусульман во всем мире, – восприятие немецкой политики верующими не было предметом моего исследования. Всестороннее рассмотрение реакции на немецкую политику и пропаганду во всем мусульманском мире вообще неосуществимо в рамках одной книги: в будущем такую работу целесообразно проводить в рамках отдельных исследований – локальных, региональных и национальных^[1463].

Немцы, безусловно, нашли добровольных помощников среди исламских лидеров – муфтий Якуб Шинкевич в Вильнюсе, имам

Шакир Эрисс в Риге, мулла Алимсеит Джамилев в Симферополе, Мухамед Панджа в Сараево, а также берлинские священнослужители Алимджан Идрис, Такиаддин аль-Хилали и Амин аль-Хусейни. Однако мои изыскания показали, что история зачастую намного сложнее, чем кажется, и потому делать обобщающие выводы о роли мусульман, впутанных в войну, которую вела Германия, практически невозможно. Это отнюдь не примитивная история палачей и жертв, поскольку мусульмане имели шанс попасть в любую из этих групп – или в обе сразу. Кто-то сотрудничал с военными властями и оккупационной администрацией. Тысячи, сражаясь в рядах гитлеровских армий, участвовали в ужасающих зверствах и массовых убийствах, но другие тысячи, наоборот, воевали против немецкого порядка. В зонах боевых действий грань между мусульманами и жертвами нацистской политики истребления по расовым признакам бывала порой весьма тонкой – это хорошо видно на примерах караимов и крымчаков в Крыму, иудеотатов на Кавказе, цыган-мусульман на Балканах и на оккупированных восточных территориях, а также иудеев, перешедших в ислам. В подобных случаях принадлежность к исламу становилась вопросом жизни и смерти. В конце концов, Вторая мировая война и ее непосредственные итоги стоили жизни многим тысячам мусульман.

Главные архитекторы германской политики в отношении ислама в основном пережили войну без ущерба для себя. Макс фон Оппенгейм умер в Южной Германии в 1946 году, в возрасте 86 лет. В последние месяцы войны он переехал из Берлина в Дрезден, где наблюдал за созданием школы мулл СС, не принимая в этом прямого участия, а потом скрылся в Ландсхуте^[1464],^[1465]. Его протее, сыгравшие столь важную роль в исламском курсе Германии во время Второй мировой войны, в основном продолжили работу и в послевоенный период. Фрица Гроббу арестовали советские власти, он провел десять лет в тюрьме, а затем в качестве пенсионера обосновался в ФРГ. Отто Вернер фон Хентиг остался в министерстве иностранных дел, а после ухода на пенсию консультировал правительство Саудовской Аравии. Курт Прюфер ушел в отставку и жил в Швейцарии. Эрнст Верман предстал перед судом в Нюрнберге, был приговорен к пяти годам лишения свободы и не вернулся в министерство иностранных дел. Судьба Оскара фон Нидермайера была более мрачной. Его посадили в 1944 году за критические замечания в адрес нацистского режима, он

пережил войну, но в 1945 году был арестован советскими властями, приговорен к 25 годам лишения свободы и в конце концов умер в тюрьме под Москвой в 1948 году. Пожилой Эрнст-Август Кёстринг был взят в плен, интернирован США и выпущен на свободу в 1947 году. Отто фон Бройтигам также был интернирован американцами, однако вскоре вышел на свободу и продолжил карьеру в министерстве иностранных дел. Герхард фон Менде стал руководителем «Исследовательской службы Восточной Европы», которая получала государственное финансирование и занималась бывшими восточными коллаборационистами, избежавшими репатриации в СССР. Кроме того, он возглавлял научно-исследовательский институт при западногерманском министерстве по делам беженцев, переселенцев и пострадавших от войны, которым, кстати, руководил не кто иной, как Теодор Оберлендер, бывший командир одной из первых мусульманских частей вермахта. Что же касается ведущих функционеров СС, принимавших участие в мусульманской кампании, то никто из них после войны не преуспел в продвижении по служебной лестнице. Готлоба Бергера судили в Нюрнберге и приговорили к 25 годам заключения, однако в 1951 году выпустили на свободу. Он нашел работу в немецкой промышленности, но сохранил некоторый интерес к исламскому миру и посещал Ближний Восток в 1950-х годах. Райнера Ольшу сначала арестовали, а потом освободили американцы, но, когда он вернулся к своей семье в советскую зону оккупации, его схватили и увезли в СССР, где казнили в 1947 году. Пожилой Гарун аль-Рашид избежал тюремного заключения и поселился в ФРГ, став автором многочисленных книг. Карла-Густава Зауберцвейга взяли в плен англичане; в 1946 году, чтобы избежать выдачи югославским властям, он принял цианистый калий.

Главные коллаборационисты-мусульмане ускользнули из гибнущего рейха, оставшись целыми и невредимыми. В последние недели войны, когда Германия погружалась в хаос, а Гитлер, сидя в бункере, сокрушался об ошибках своей исламской политики, аль-Хусейни паковал чемоданы^[1466]. Вместе с Отто фон Хентигом, которому было приказано перевезти его на юг, он отправился в Бад-Гастайн^[1467], где спутники расстались^[1468]. 7 мая 1945 года, за несколько часов до капитуляции Германии, самолет Siebel Si 204 без опознавательных знаков с аль-Хусейни на борту приземлился в

аэропорту близерна. Стремясь избежать неприятностей, швейцарцы быстро передали его французам, которые привезли муфтия в Сен-Мор, недалеко от Парижа, где ему была предоставлена вилла^[1469]. Во французской столице аль-Хусейни тепло встретил Си Каддур Бенгабрит. По случаю Ураза-байрама 1945 года он устроил в честь муфтия грандиозный ужин, который посетили многочисленные дипломаты из мусульманских стран^[1470]. Союзники получили много ходатайств со всего исламского мира с просьбами вернуть аль-Хусейни на Ближний Восток. Одно из прошений подал Хасан аль-Банна, обратившись к Майлсу Лэмпсону^[1471]. Союзники, озабоченные тем, что попытка судить муфтия как военного преступника может спровоцировать волнения среди мусульман, в итоге отпустили его. 28 мая 1946 года самолет доставил муфтия из Парижа в Каир, где его с энтузиазмом приветствовали некоторые из его последователей. Вернувшись на Ближний Восток, аль-Хусейни поддержал усилия по транспортировке в ближневосточные страны части солдат-мусульман из Советского Союза, которые служили в немецких частях и избежали принудительной репатриации^[1472]. Некоторые из них и вправду обосновались на Ближнем Востоке. Даже спустя годы муфтий восхищался бывшими новобранцами рейха в своих мемуарах, восхваляя «арабских, боснийских, азербайджанских и других солдат в землях Оси», которые были «готовы сражаться против колониальных государств»^[1473]. Он также утверждал, что многие из этих новобранцев с восточных территорий «сгорали от желания присоединиться к джихаду на святой земле Палестины», точно так же, как «жаждали джихада» и воины с Балкан^[1474]. Некоторые бывшие солдаты «Ханджара» действительно сражались против Израиля в войне 1948 года, и муфтий вспоминал о них как о «мучениках» и «героях»^[1475]. В 1947 году Симон Визенталь и Морис Перлман опубликовали книги, в которых излагались подробности сотрудничества аль-Хусейни с нацистами^[1476]. На Ближнем Востоке муфтий так и не смог вернуть себе былого влияния, которым пользовался до войны. Его дискредитации способствовало не только поведение военной поры, но и тот факт, что он олицетворял прошлое – и это было гораздо важнее. В Германии, впрочем, кое-кто по-прежнему ценил его как партнера. В журнале *Zeitschrift für Geopolitik* за декабрь 1951 года вышло интервью с аль-Хусейни, посвященное германо-арабским отношениям^[1477].

Министерство иностранных дел ФРГ также поддерживало с ним контакт. В начале 1950-х годов этим занимался не кто иной, как Хентиг, вернувшийся на дипломатическую службу и снова искавший сотрудничества с аль-Хусейни^[1478].

Среди тех, кому удалось сбежать, был и вильнюсский муфтий Якуб Шинкевич, который после эвакуации дрезденской школы военных мулл скрывался в Наумбурге и в конце концов сумел вырваться в Каир^[1479]. Алимджан Идрис, встретивший конец войны в Баварии, остался в Мюнхене^[1480]. Во времена правления Гитлера в Германии находилось больше мусульман, чем когда-либо, а некоторые из них оставались в стране и после падения Третьего рейха. Многие мусульманские солдаты и беженцы из Советского Союза, которым удалось избежать репатриации, были сосланы в лагеря для перемещенных лиц в южной части страны^[1481]. Вплоть до 1950-х годов некоторые из них оставались во временных лагерях, расположенных в окрестностях крупных городов, например Мюнхена, Аугсбурга и Нюрнберга. Эти мусульмане основали в столице Баварии первую исламскую общину ФРГ. Ее возглавили бывшие фронтовые товарищи Алимджана Идриса^[1482]. В 1953 году несколько мюнхенских мусульман официально зарегистрировали «Религиозную исламскую общину», возглавленную Ибрагимом Гачаоглу, ранее служившим в вермахте^[1483]. В качестве временной мечети они использовали барак в мюнхенском районе Людвигсфельд. Членами общины по большей части были бывшие добровольцы вермахта и СС из Советского Союза и Югославии. Баварское правительство конфиденциально отмечало: «Известно, что большинство мусульман, состоящих в вышеупомянутой организации, в прошлом служили в вермахте, а ее главный руководитель занимал в вооруженных силах видную духовную должность»^[1484]. Глава общины, Ибрагим Гачаоглу, родился на Кавказе и в 1942 году добровольцем вступил в ряды вермахта. Конец войны он в составе своего подразделения встретил в Северной Италии. Каким-то счастливым образом ему удалось избежать репатриации и обосноваться в Баварии, на территории американской оккупационной зоны. Имамом общины был Салих Сабанович, родившийся в 1920 году в Югославии. Сабанович получил теологическое образование в Загребе, а во время войны служил имамом дивизии «Ханджар».

С самого начала Вашингтон выказывал интерес к мусульманским ветеранам^[1485]. На ранних этапах холодной войны бывшие добровольцы оказались выгодными партнерами для американцев: власти США видели в мусульманском населении СССР средство дестабилизации коммунистической державы. Некоторые из советских мусульман вскоре были завербованы американскими секретными службами.

Чтобы одержать политическую победу над СССР, власти США основали две организации: в 1951 году был учрежден Американский комитет по освобождению от большевизма (*American Committee for Liberation from Bolshevism*), частью которого стала радиостанция «Радио Освобождение» (позже «Радио Свобода»), целью которого была политическая мобилизация советских этнических меньшинств против Кремля, а в 1949 году был основан «Национальный комитет свободной Европы» (*National Committee for a Free Europe*), включавший в себя радиостанцию «Свободная Европа» (*Radio Free Europe*) и ориентированный на подрывную работу в социалистических странах. Обе организации находились под контролем ЦРУ и управлялись из Мюнхена. Американский комитет по освобождению от большевизма уже на ранних этапах существования был весьма заинтересован в мюнхенских мусульманах. Вскоре некоторые из них уже работали на «Радио Освобождение», где снова занялись антикремлевской исламской пропагандой. Среди мусульман, трудившихся на американских радиостанциях, были Саид Шамиль, Эдиге Кырымал, Абдурахман Фаталибейли – позже убитый ударом молотка в собственной квартире в Мюнхене агентами КГБ – и многие другие мусульмане, во время войны служившие в немецких войсках^[1486]. Помимо этого, ветераны-мусульмане работали в Институте по изучению культуры и истории СССР, издававшем антисоветские журналы.

США поддерживали и работу упомянутой выше «Религиозной исламской общины», снабжая ее всем необходимым. Американский комитет по освобождению от большевизма финансировал проводимые общиной мероприятия. Например, на средства Комитета был организован прием по поводу одного из религиозных праздников в 1955 году, на котором присутствовало 250 гостей. «Из Мюнхена они смотрят в сторону Мекки», – писала тогда *Süddeutsche Zeitung*^[1487]. Община, в свою очередь, открыто атаковала Москву и осуждала угнетение ислама

в Советском Союзе. В роли самого яростного обвинителя, как правило, выступал татарин Гариф Султан. Американский комитет по освобождению от большевизма передавал Султану информационные сводки и обозначал важные темы, которые тот должен был освещать от имени общины. Так, после легендарного XX съезда, на котором Никита Хрущев отрекся от наследия Сталина, Султан организовал большую пресс-конференцию, на которой осудил депортации и угнетение чеченцев.

Американские спецслужбы даже отправляли некоторых членов мюнхенской общины за границу для участия в секретных операциях и пропагандистской работе. Во время хаджа 1953 года Рузи Назар и Хамид Рашид – ветераны войны, находившиеся на службе у Вашингтона, – были отправлены в Мекку, где занимались антикоммунистической пропагандой среди паломников из СССР и других государств^[1488]. Они снова и снова публично нападали на советских хаджи с обвинениями: «Вы не паломники, вы коммунистические агитаторы, вы служите московским атеистам»^[1489]. Однажды на улицах Мекки их даже закидали помидорами. Надо сказать, что в священном городе часто случались ожесточенные словесные перепалки. Во время одного из таких конфликтов в Заповедной мечети Рашид обвинил советских паломников в том, что те оправдывают преследования мусульман со стороны Москвы. Когда один из пожилых хаджи, не впечатлившись, сказал, что гонимых наказывает сам Бог, Рашид разгневанно ответил: «И не стыдно тебе говорить такое перед священным порогом Каабы, ведь ты одной ногой уже стоишь в могиле и совсем скоро предстанешь перед Аллахом!»^[1490]. Назар и Рашид нанимали местных пособников, которые помогали им в агитационной работе. Помимо прочего, они распространяли и антисоветские плакаты. Западная пресса – в том числе журнал *Time* и газета *New York Times* – называли эту работу «спонтанным исламским антисоветским восстанием».

Два года спустя Гариф Султан в сопровождении еще одного ветерана, Вели Зуннуна, по поручению американцев тоже отправился в Мекку^[1491]. После их возвращения было опубликовано «Обращение мусульманских беженцев из СССР к братьям-мусульманам в свободном мире», в котором осуждалось преследование ислама со стороны Кремля. Официальное заявление на этот счет было сделано в

мюнхенской гостинице *Bayerischer Hof*. Ради этой цели один из ее залов был специально декорирован американским комитетом по освобождению от большевизма: на стенах появились среднеазиатские ковры, декоративные пивные кружки заменили на фарфоровые блюда с исламскими орнаментами, на покрытых зелеными скатертями столах расставили вазы с экзотическими фруктами. После небольшой вступительной речи, с которой выступил Гачаоглу, только что прибывший из Мекки Гариф Султан в присутствии более чем 40 журналистов набросился с обвинениями на политику Советского Союза в отношении ислама. Москва, по его словам, отправляет своих оплачиваемых агентов на хадж, чтобы подорвать исламский мир. «Чаевые для красных паломников Мекки» – так озаглавила свой репортаж газета *Münchner Merkur*^[1492]. Об этом событии писала и международная пресса. Власти США были вполне удовлетворены и выразили письменную благодарность Султану: «Ваша деятельность во время паломнической поездки внесла неоценимый вклад в борьбу с большевизмом»^[1493].

Рузи Назар, дважды раненный ветеран вермахта, в 1955 году принимал участие в Бандунгской конференции, положившей начало Движению неприсоединения^[1494]. Его кандидатура была предложена американскими властями. Один из сотрудников администрации Эйзенхауэра детально описал план действий в специально подготовленном накануне форума меморандуме: «Мы заинтересованы в том, чтобы в папках наших друзей из Бандунга появились документы, посвященные планам „колониальной“ работы Восточного блока по утверждению своей власти над мусульманским населением Средней Азии». «Как мне докладывают, – добавлял тот же чиновник, – у нас есть разрушительной силы письменные свидетельства того, что русские ссылали и уничтожали представителей этих „несговорчивых“ народов в годы войны и сразу после нее»^[1495]. Назар успешно справился с заданием – в Вашингтоне остались довольны. Советская пресса заклеила его как «агента США», который превратил конференцию в трибуну для распространения «лживых антисоветских сказок»^[1496].

Вскоре немецкие власти снова начали интересоваться мусульманами^[1497]. Ведущую роль здесь играло федеральное Министерство по делам перемещенных лиц, беженцев и жертв войны под руководством Теодора Оберлендера – бывшего руководителя

одного из первых мусульманских подразделений вермахта. Поддерживал Оберлендера не кто иной, как Герхард фон Менде, возглавлявший Управление по делам переселенцев в Дюссельдорфе. Прежде всего, немецким властям хотелось ограничить влияние американцев на исламские общины и самостоятельно контролировать деятельность ветеранов-мусульман. «Мне больно видеть, – говорил своему баварскому коллеге один из представителей министерства, – как бездомных скитальцев из исламских регионов сегодня в своих целях используют новостные службы и политические интриганы, причем все это происходит на территории Германии, нанося ущерб ее репутации»^[1498]. Как полагали в Бонне, чтобы установить контроль над мусульманами, требовалось создать новое исламское объединение: «Если нам удастся сформировать настоящую религиозную общину, то мы сможем завоевать и политическое влияние среди мусульман».

«Главным имамом» новой общины – то есть первым имамом, официально признанным федеральным правительством, – предстояло стать Нурредину Намангани, бывшему военному имаму Восточномусульманского подразделения СС. В письме от 21 июля 1956 года, адресованном Менде федеральному министерству внутренних дел, Намангани был назван «другом немцев», прекрасно знакомым с «положением дел в ФРГ»^[1499]. Там сообщалось, что Намангани прошел войну и награжден орденом «Железный крест» и II степени, всеми наградами для восточных народов и множеством других орденов. Впрочем, впоследствии один молодой узбекский солдат рассказывал, что Намангани пользовался недостаточным уважением среди соратников, так как его «религиозный фанатизм» считался слишком «радикальным»^[1500]. В 1945 году, находясь в Северной Италии, Намангани попал в американский плен. По невыясненным причинам ему удалось избежать экстрадиции в Советский Союз. Проведя два года в заключении, в 1947 году Намангани был освобожден и поселился в Мюнхене. В 1950-м он переехал в Турцию, где, по собственным словам, получал теологическое образование, вернувшись в Мюнхен в 1956-м. Как говорилось в протоколе заседания боннского Министерства по делам иностранцев от 17 апреля 1957 года, «господину Намангани предписывается объединить в одной религиозной общине бездомных мусульман-иностранцев и беженцев не-немецкого происхождения, чтобы избавиться от нежелательного американского влияния, которое

могло бы повредить Германии, а после этого привлечь в ряды общины и мусульманских граждан других государств»^[1501].

Осенью 1957 года Намангани был официально назначен «главным имамом мусульманских беженцев». 9 марта 1958 года по инициативе 71 человека из ближайшего мюнхенского окружения Намангани была учреждена общественная некоммерческая организация «Духовное управление по делам мусульманских беженцев ФРГ». Работу организации финансировало государство. Новое объединение с самого начала столкнулось с противостоянием со стороны Ибрагима Гачаоглу и его «Религиозной исламской общины». Но вскоре протесты утихли. Намангани поддержал его бывший командир Вильгельм Хинтерзатц – он продолжал называть себя Гарун Аль-Рашид, – назвавший его «верным другом Германии» в письме федеральному президенту Теодору Хойсу^[1502]. В конце концов сторону сменили и балканские мусульмане, на которых прежде опирался Гачаоглу, – например, Ахмет Джемаль Ибрагимович, бывший имам дивизии «Ханджар», в 1959 году стал председателем «Духовного управления». «Религиозная исламская община» теряла свой авторитет – а вместе с ней утрачивали влияние и американские власти.

Бонн пытался использовать новое «Духовное управление по делам мусульманских беженцев ФРГ» в собственных политических целях – прежде всего, для борьбы с Восточным блоком^[1503]. Летом 1959 года Нурредин Намангани отправился в паломническую поездку по Саудовской Аравии и Египту. Миссию контролировали министерство иностранных дел и правительственный отдел печати. Цели поездки предполагали «встречи с идеологическими противниками Восточного блока в афро-азиатском регионе»^[1504]. Во время своего путешествия Намангани восхвалял ФРГ. В своем официальном отчете он хвастался тем, какое «небывалое воодушевление у мусульман» вызывали его рассказы о дружественном отношении Западной Германии к исламскому миру; его собеседников «приятно удивляло» то, «что христианское правительство столь расположено к исламу»^[1505]. Но западногерманское доминирование над мюнхенскими мусульманами длилось недолго. Времена менялись.

К концу 1950-х годов деятельность мюнхенской исламской общины подрывалась новым объединением молодых арабских студентов – в первую очередь, египтян, сирийцев, иорданцев и

палестинцев^[1506]. Многие из них симпатизировали ассоциации «Братья-мусульмане» и ее строгому, пуританскому, толкованию ислама. Во главе этой группы стоял молодой египтянин Саид Рамадан, одна из важнейших фигур в глобальной сети «братьев». Рамадан, зять основателя ассоциации Хасана Аль-Банни, был вынужден покинуть Египет из-за своей революционной деятельности и вскоре стал одним из самых выдающихся деятелей международного исламского движения. В Женеве он основал исламский центр, координирующий работу ассоциации во всем мире. В 1958 году Рамадан получил докторскую степень по исламскому праву в Кельнском университете. В исламской общине Мюнхена он смог занять лидерские позиции. Весной 1960 года Рамадан был избран председателем мюнхенской комиссии по строительству мечетей. И хотя идея этого учреждения принадлежала «Духовному управлению по делам мусульманских беженцев» Намангани, занимались ее реализацией в основном арабы из окружения Рамадана.

Вскоре между ветеранами-сторонниками Намангани и молодыми арабами Рамадана произошел раскол. Ветераны чувствовали снисходительное отношение арабов, которые, в свою очередь, считали поведение мусульман Советского Союза и Балканских регионов – например, свободное употребление алкоголя – антиисламским. Рамадан оскорблял Намангани, в том числе и лично. Постепенно арабы завоевали всеобщее признание. В распоряжении Рамадана было больше ресурсов: он привлекал в Мюнхен международные средства. В итоге осенью 1961 года ветераны-мусульмане вышли из состава комиссии по строительству мечетей, а сам Намангани эмигрировал в Турцию. «Духовное управление по делам мусульманских беженцев» стало политически несостоятельным. Довольно скоро подконтрольная арабам комиссия по строительству мечетей превратилась в новое исламское объединение: в 1963 году ее переименовали в Южно-Немецкое исламское общество, а в 1982 году – в Исламское общество Германии. Среди молодых арабских студентов, основавших комиссию по строительству мечетей, был и Али Галеп Химмат, впоследствии президент «Исламского общества Германии», после 11 сентября 2001 года включенный ООН в список подозреваемых в связях с Аль-Каидой^[1507].

Власти США увидели в таком развитии событий возможность вернуть влияние среди мюнхенских мусульман^[1508]. Интерес Соединенных Штатов к старым ветеранам так или иначе снизился. Американскому правительству постепенно становилось понятно, что в работе с ними проблемой может стать не только темное прошлое национал-социализма – ветераны нередко становились мишенью советской пропаганды, обвинявшей их в коллаборационизме, – но и их недостаточная образованность и начитанность в религиозных вопросах. Арабы, более радикальные в вопросах ислама, теперь выглядели более надежными союзниками. Отношения между самим Саидом Рамаданом и секретными службами США до сих пор остаются неясными. Соответствующие американские документы все еще засекречены, но некоторые свидетельства можно найти в других архивных источниках. Так, Герхард фон Менде 8 мая 1961 года отмечал, что Рамадан «продолжает сотрудничество» с американскими службами^[1509]. Документы Федеральной разведывательной службы Германии также свидетельствуют о том, что Рамадан получал поддержку от Вашингтона^[1510]. В 1966 году власти Швейцарии обращали внимание на то, что «продолжению его деятельности способствовали как англичане, так и [sic], вероятно, американцы», поскольку «Рамадан, без сомнения, противник коммунизма и ведет борьбу против проникновения большевизма в арабский мир»^[1511]. Первый доказанный контакт между Рамаданом и американцами произошел во время коллоквиума «Исламская культура и современность», организованного в Принстоне и Вашингтоне, на котором Рамадан выступил с лекцией на тему «Факты о „Братьях-мусульманах“»^[1512]. Несмотря на кажущуюся научность, это было политическое мероприятие, финансируемое Государственным департаментом США. Среди американских участников был, в частности, и Карлтон Кун, составитель листовки, в которой провозглашался джихад против армии Роммеля в Северной Африке. Меморандум Государственного департамента объявлял целью мероприятия «содействие дальнейшему взаимопониманию между исламскими народами и Соединенными Штатами»^[1513]. В Вашингтоне надеялись, что встреча поможет повлиять непосредственно на «импульсы и направление» «исламского реформистского движения»^[1514]. Кандидатуру Рамадана в качестве спикера выдвинул Джефферсон Кэффри, посол США в Каире, заявивший, что этот

деятель «признан одним из самых выдающихся знатоков исламской культуры» в ассоциации «Братья-мусульмане». «Его положение в этом объединении требует внимательного отношения к его желанию участвовать в конференции,— писал дипломат.— Нам нужно учитывать возможные последствия, к которым может привести недостаточно уважительное отношение к этой серьезной организации»^[1515]. Во время своего визита в Америку, утром 23 сентября 1953 года, Рамадан вместе с другими участниками форума был принят президентом Эйзенхауэром в Белом доме (фото 9.1). В календаре президента перечислены гости, среди которых упомянут и «уважаемый Саид Рамадан, представитель организации „Братья-мусульмане“»^[1516].

Связи США с мусульманами Германии были, безусловно, частью масштабной политической стратегии Вашингтона, принятой во время холодной войны^[1517]. Вашингтонские власти рассматривали мусульманский «коридор» между Северной Африкой и Восточной Азией как «зеленую защитную зону» в борьбе с коммунизмом. Уже в годы Второй мировой войны легендарный офицер американской секретной службы Арчибальд Рузвельт-младший пророчески отмечал: «В будущих войнах США станут признанными сторонниками мусульман и смогут заручиться их поддержкой в стратегически важных регионах»^[1518]. В разгар холодной войны, охватившей весь мир, ислам воспринимался как одна из важнейших сил в борьбе с коммунизмом. В президентство Дуайта Эйзенхауэра, избранного на высший пост в начале 1953 года, поддержка исламского блока в борьбе с Советским Союзом (а позже и в борьбе с арабским национализмом, который становился все опаснее) уже превратилась в часть официальной политики США.

ФОТО 9.1. Саïд Рамадан в Белом доме (из открытых источников)

Сам Эйзенхауэр был сторонником решительной инструментализации ислама. В 1957 году на встрече с офицером ЦРУ Фрэнком Уизнером и членами Генерального штаба, согласно протоколу, он предложил использовать против Советского Союза идею джихада: «Президент заявил, что считает необходимым сделать все возможное, чтобы подчеркнуть аспект „священной войны“»^[1519]. Эйзенхауэр отверг осторожное возражение госсекретаря Джона Фостера Даллеса о том, что «священная война» может быть опасной и для Израиля. В следующем году в послании своему доверенному лицу президент писал, что на всех встречах с мусульманскими лидерами он подчеркивал важность ислама: «Я [всегда] заявлял, что вера в Бога должна объединить нас в наших устремлениях – в желании дать отпор атеистическому коммунизму»^[1520].

В целом же мусульманская политика Вашингтона оставалась весьма противоречивой. У некоторых чиновников еще оставались предубеждения в отношении ислама. С одной стороны, под влиянием

теорий модернизации и секуляризации многие воспринимали религию как пережиток ушедших времен и помеху на пути экономического прогресса. Они требовали, чтобы власти США по всему миру продвигали светскую и модернизационную политику. С другой стороны, однако, сохранялось влияние патерналистской идеи о том, что религия глубоко укоренена в мусульманской культуре и потому ее необходимо учитывать в вопросах политики, а также использовать в собственных интересах. В 1951 году Филип Айрленд, опытный дипломат из Государственного департамента, заявлял, что «примитивный и суровый характер ислама» в таких государствах, как Саудовская Аравия и Йемен, оказался серьезным «препятствием на пути коммунизма»^[1521]. Через год его коллега, посол США в Саудовской Аравии Рэймонд Хэр, высоко оценивал «выдающиеся перспективы» мобилизации «сторонников ислама и других религиозных групп» в противостоянии «коммунистическому нигилизму»^[1522]. Подобные идеи отражены во многих официальных документах США.

Эта политическая линия вполне вписывалась в более широкие попытки атаковать Советский Союз средствами религиозной политики. Данная стратегия была впервые изложена в начале 1953 года членом Совета национальной безопасности (СНБ) Эдвардом Лилли в меморандуме, озаглавленном «Религиозный фактор» и вызвавшем большой резонанс. В этом документе Лилли описал религиозное возрождение исламского мира как новую политическую возможность^[1523]. В 1957 году Координационный комитет СНБ создал рабочую группу «Ислам», в состав которой вошли эксперты различных правительственных ведомств, в том числе Государственного департамента и разведывательных служб^[1524]. В меморандуме от 3 мая 1957 года рабочая группа определила основные направления исламской политики и пропаганды США: мусульманская вера изображалась естественным союзником Штатов, коммунисты объявлялись противниками ислама, а сам ислам провозглашался мощной силой на мировой политической арене. Было установлено, что Соединенные Штаты и мусульманский мир разделяют «общие ценности»^[1525]. Меморандум вносил множество практических предложений по укреплению сотрудничества США и исламских движений и государств. В нем приводился и список группировок, на которые необходимо было

оказать пропагандистское влияние. Конкретные меры, однако, не предавались огласке: «Программы непрямого воздействия, которые не могут быть отнесены к непосредственной работе государства, будут более эффективны и избавят нас от обвинений в попытках использовать религию в политических целях»^[1526]. «Следует избегать открытой эксплуатации исламских организаций для распространения грубой пропаганды».

Власти США – Государственный департамент или секретные службы – все чаще поручали своим сотрудникам напрямую заниматься вопросами ислама. Такая задача была поставлена, например, перед Дональдом Уилбером, ответственным за политику в отношении ислама в ЦРУ в годы правления Эйзенхауэра. «Я написал несколько исследований: „Ислам в Иране“, „Ислам в Пакистане“, „Ислам в Афганистане“» – рассказывал он в своих мемуарах, – которые должны были стать путеводной нитью в работе с мусульманскими группировками»^[1527]. Среди прочего Уилбер исследовал и то, какими путями и средствами можно было бы поднять мусульманское население СССР против Кремля. На практике он вскоре возглавил пропагандистскую работу, которая, по его словам, «разоблачала советско-коммунистическое отношение к исламу».

Важную роль в геостратегических дебатах об исламской политике во время холодной войны снова играли ориенталисты. Одной из важнейших фигур здесь был британский исламовед Бернард Льюис. В 1953 году в своем революционном эссе «Коммунизм и ислам» этот ученый заявил, что ислам является основной причиной «мусульманского противостояния коммунистическим идеям»^[1528]. «Исламские народы все еще глубоко религиозны, причем в самом прямом смысле этого слова», и «благочестивые мусульмане» не станут «выслушивать атеистические увещевания», – пояснял он. Льюис оказал непосредственное влияние на внутренние дискуссии в американских кабинетах власти. Позднее в программном докладе для СНБ он отметил, что представителей братства Накшбанди на Северном Кавказе – группы, членом которой был и имам Шамиль, – можно использовать в политической борьбе против Советского Союза^[1529]. Целый ряд западных востоковедов-советологов, среди которых такие выдающиеся ученые, как Александр Беннигсен, Мари Беннигсен-Броксап и Эндерс Уимбуш, в своих исследованиях рассматривали политическое значение

мусульманских меньшинств для Москвы. Власти и правительственные службы США регулярно консультировались с учеными-востоковедами.

Геополитическая инструментализация ислама, направленная на борьбу с Советским Союзом, проявилась в пропагандистских усилиях США. Для достижения своих целей Вашингтон использовал как радио-, так и листовочную пропаганду. Так, кампания, организованная в Ираке в 1951 году, была построена на сравнении религиозной свободы Соединенных Штатов с религиозным угнетением коммунистического режима^[1530]. На одном из плакатов Советский Союз был изображен в образе тирана, жестоко издевавшегося над человеком с табличкой «Религия». Другой плакат рассказывал историю жадного красного поросенка – свиньи с красной звездой на лбу и хвостом в форме маленьких серпа и молота. В Египте распространялись антиисламские памфлеты – в том числе тексты под заголовками «Мухаммада никогда не существовало», «Вредные последствия соблюдения поста в Рамадан» и «Против хиджаба», – издателем которых значилось советское посольство в Каире^[1531].

Но на деле американская политика выходила за рамки чистой пропаганды. Особенно ярко это проявилось в поддержке исламистских движений и государств. После 1945 года Вашингтон стал поддерживать исламские политические группировки по всему миру. Даже «Братьев-мусульман» приветствовали как радикальное антикоммунистическое движение. Согласно внутреннему документу министерства государственной безопасности ГДР, Вашингтон и Бонн видели в «антикоммунизме «Братьев-мусульман» оплот антисоциалистических движений в регионе»^[1532].

После раздела Британской Индии американские дипломаты все больше сосредоточивались не на Индии, а на Пакистане, исламская и антикоммунистическая политика которого казалась им более перспективной^[1533]. Об этом было объявлено в официальном докладе Государственного департамента США в 1952 году, в котором особо подчеркивалось, что руководство Пакистана привержено государственности на исламских началах, а потому непреложно противостоит «безбожной идеологии коммунизма»^[1534]. После визита в Пакистан, состоявшегося в следующем году, государственный секретарь Джон Фостер Даллес – сам человек глубоко верующий – конфиденциально отметил, что был «невероятно впечатлен

воинственным и религиозным характером» пакистанцев – «надежной опорой в борьбе с коммунизмом»^[1535]. США активно вооружали это молодое государство, превращая его в мощную исламскую державу.

В 1950-е годы правительство Эйзенхауэра сделало все возможное, чтобы поддержать Саудовскую Аравию в качестве религиозного противовеса как влиянию СССР, так и внеблоковому, светскому, панарабскому режиму Насера в Египте^[1536]. В своих мемуарах Эйзенхауэр рассказывал, что саудовского короля хотели политически противопоставить Советам и Насеру не только из-за его «явного антикоммунизма», но и из-за «его позиции в вопросах религии»^[1537]. Особое внимание при этом уделялось политической мощи ригористичного исламизма ваххабитов, распространение которого по всему миру было сочтено весьма желательным. Уильям Эдди, генеральный консул США в Дахране, после встречи с саудовским королем и другими высокопоставленными политическими деятелями ислама летом 1951 года отметил, что у ваххабитов и Вашингтона есть «общий враг» – коммунизм^[1538]. Саудовский король, по его мнению, был «самым влиятельным мусульманином мира», «главой пуританского движения ваххабитов», стремящегося к установлению «чистого» ислама. Под покровительством Вашингтона Эр-Рияд сделал все возможное для создания международного исламского блока. Важнейшую роль в этом деле сыграли учреждение Всемирной исламской лиги в 1962 году и создание Организации исламского сотрудничества в 1969 году. Среди основателей Лиги были такие деятели, как Саид Рамадан, Амин аль-Хусейни и верховный муфтий Саудовской Аравии Мухаммад ибн Ибрахим Аль аш-Шейх. Эр-Рияд занимался и собственной пропагандой. Король Фейсал в 1965 году, посещая исламские государства, осуждал марксизм, как «подрывное учение, основанное жалким евреем»; он заявлял, что коммунисты сражаются против мусульман, поскольку «исламское движение разрушает все, за что борется коммунизм» – более того, они боятся, что подъем ислама скоро затронет и «исламские территории, которые оказались под их жестокой властью»^[1539]. Чтобы укрепить авторитет саудовского королевского дома как главного защитника святынь, Вашингтон финансово способствовал развитию паломнической инфраструктуры. Причем США непосредственно поддерживали хадж: в 1950-е годы транспортные самолеты американских ВВС

осуществляли перевозку паломников в Джидду^[1540]. Результатом именно этой политики стал расцвет семьи бен Ладенов: в те же 1950-е шейху Мухаммеду бен Ладену было поручено строительство дорог и реставрация религиозных сооружений в Мекке и Медине – это были первые крупные заказы семейства^[1541].

Стратегия США по использованию ислама против Советского Союза в холодной войне в конечном итоге привела к тому, что Вашингтон стал спонсором моджахедов в Афганистане^[1542]. Эта поддержка началась во время президентства Джимми Картера и закончилась при Рональде Рейгане. Важнейшей фигурой, отстаивающей проведение такой политики, стал советник Картера по национальной безопасности Збигнев Бжезинский.

В Вашингтоне некоторые надеялись, что продвижение джихада не только обеспечит поражение Советского Союза в афганской войне, но и сможет дестабилизировать мусульманский юг СССР. В то время Министерство обороны США не раз обращалось к старым немецким документам, касающимся исламской политики в отношении Советского Союза, – как к наработкам национал-социалистов, так и к американским исследованиям гитлеровской политики, подготовленным в ранние послевоенные годы^[1543]. Историки выделяют этот эпизод в качестве второго этапа американской политики в отношении исламских движений времен холодной войны^[1544]. Но если в 1950–1960-е годы – особенно в правление Эйзенхауэра – ислам в первую очередь воспринимался как орудие противостояния советским коммунистам и арабским националистам, то с конца 1970-х исламские движения, которые становились все сильнее, начали превращаться в наступательную силу в борьбе против Советского Союза.

Еще до ввода советских войск в Афганистан США внимательно наблюдали за местными исламскими движениями и оказывали им прямую поддержку. Уже в 1970 году, в правление Захир-шаха, американское посольство в Кабуле видело в религиозных группировках серьезную политическую силу страны. Агитация мулл и исламских лидеров вредила «левому делу» и поэтому энергично поддерживалась американской стороной. «Муллы должны продолжать праведную борьбу и в афганских провинциях, – гласило обращение посольства. – Здесь, в Кабуле, были предприняты серьезные усилия, чтобы поддержать пламя религиозного рвения». Тем не менее тогда

дальнейшее развитие событий казалось американским дипломатам туманным: «Вероятно, потенциал воинственной религиозности можно будет оценить лишь через какое-то время». Но десять лет спустя, в 1978 году, после установления коммунистического и просоветского режима в Кабуле и ввода советской армии в 1979-м, начался джихад.

Уже весной 1979 года, когда социалисты пришли к власти в Кабуле, ЦРУ опубликовало первый меморандум с предложением поддержать афганских моджахедов. По словам Роберта Гейтса, в те годы еще офицера разведки, а в последствии – директора ЦРУ и министра обороны США, вашингтонские секретные службы полагали, что советское вторжение в Афганистан приведет к «радикализации мусульманских настроений в отношении СССР»^[1545]. Летом 1979 года президент Картер санкционировал поддержку исламских боевиков. В последующие годы она непрерывно расширялась. В целом США потратили миллионы на поддержку джихада в Афганистане. При этом Вашингтон не только поставлял боевикам оружие и боеприпасы, но и содействовал в пропагандистской работе. В начале 1980 года, через несколько недель после советского вторжения, советник президента Картера по национальной безопасности Збигнев Бжезинский лично встретился с моджахедами на афгано-пакистанской границе, чтобы призвать их к борьбе с советскими неверными. «Эта страна,– заявил Бжезинский, указывая в сторону Афганистана,– принадлежит вам. Однажды вы вернетесь туда, потому что ваша борьба завершится победой, и вновь обретете свои дома и мечети. Потому что ваше дело праведное, и Бог на вашей стороне!»^[1546]. На западе моджахедов называли «борцами за свободу». В 1983 году Рейган принимал делегацию моджахедов в Овальном кабинете (фото 9.2)^[1547]. А премьер-министры немецких земель Франц-Йозеф Штраус и Лотар Шпет принимали у себя лидера Исламской партии Афганистана Гульбеддина Хекматияра^[1548].

ФОТО 9.2. Афганские моджахеды в Белом доме (из открытых источников)

В середине 1980-х годов Вашингтон на протяжении недолгого времени поддерживал атаки исламистов, осуществлявшиеся по ту сторону Амударьи, на территории СССР^[1549]. Сначала через афганскую границу были незаконно перевезены тысячи экземпляров Корана, что привело к религиозным беспорядкам. Эти книги были напечатаны по прямому распоряжению ЦРУ, а перевод священного текста на узбекский язык был осуществлен эмигрантом из Германии. Затем начались военные операции моджахедов на советских землях, которые вскоре были прерваны, так как оказались слишком рискованными. Поддерживая исламистских повстанцев, Вашингтон тесно сотрудничал с Пакистаном и Саудовской Аравией – в своих мемуарах Збигнев Бжезинский говорит об «антисоветской исламской коалиции»^[1550]. В свою очередь, различные группировки моджахедов всеми силами стремились получить поддержку из-за рубежа. В то время как Пакистан

делал ставку на Гульбеддина Хекматияра и его Исламскую партию, Саудовская Аравия отдавала предпочтение боевикам его соперника Абдула Расула Сайяфа и Исламскому союзу освобождения Афганистана. И Эр-Рияд, и Исламабад активно содействовали иностранным боевикам, прибывшим в Афганистан.

В 1980-е годы исламисты со всего мира отправились в Афганистан ради антисоветского джихада. В 1982–1992 годах на стороне моджахедов сражались около 35 тысяч экстремистов из 43 стран^[1551]. Десятки тысяч из них получили образование в медресе, построенных президентом Пакистана, генералом Мухаммедом Зия-уль-Хаком вдоль афгано-пакистанской границы. Некоторым предлагали получить религиозное образование в Пакистане^[1552]; за этими курсами, как правило, следовала военная подготовка. Важным покровителем иностранных добровольцев стал сын саудовского миллионера Усама бен Ладен, известный в Афганистане под боевым именем Абу Абд-Аллах. Вместе со своим палестинским наставником Абдуллой Аззамом он основал Мактаб аль-Хидадат («Бюро услуг»), центр вербовки и главный штаб иностранных джихадистов. Служба бен Ладена, помимо прочего, издавала журнал *Al-Jihad*, в одном из номеров которого летом 1985 года был опубликован призыв верховного муфтия Саудовской Аравии, шейха Абда аль-Азиз ибн База и других радикальных исламских религиозных деятелей оказать финансовую и любую иную поддержку в ведении священной войны^[1553]. В 1980-е из организации бен Ладена возникла «Аль-Каида».

С самого прихода большевиков к власти ислам был ахиллесовой пятой Москвы, заставляя Кремль все активнее развивать собственную исламскую политику в отношении мусульман Кавказа, Центральной Азии, а также за их пределами^[1554]. Но в конце концов поддерживаемый Вашингтоном афганский джихад привел к распаду Советского Союза и всего Восточного блока. После вывода советских войск Афганистан погрузился в кровопролитную гражданскую войну. В 1990-е годы к власти в стране пришли талибы. Когда в 1998 году Бжезинского спросили, не была ли поддержка, оказанная в 1980-е целому поколению афганских фундаменталистов, ошибкой, он сдержанно ответил: «Что важнее для мировой истории? Подъем Талибана или распад Советской империи? Несколько возбужденных

мусульман или освобождение Центральной Европы и окончание холодной войны?»^[1555].

После завершения холодной войны Вашингтон уже не проявлял интереса к исламистским движениям и не придерживался какой-то конкретной политической линии в работе с ними. Кстати, советские власти предупреждали американцев о возможной опасности, исходящей от моджахедов, еще до вывода войск из Афганистана. Министр иностранных дел СССР Эдуард Шеварднадзе даже пытался убедить государственного секретаря США Джорджа Шульца скоординировать завершение афганской войны, чтобы предотвратить распространение «исламского фундаментализма». Но правительство Рейгана не отреагировало на это^[1556]. Никто тогда не воспринимал исламизм как серьезную угрозу. США видели в исламских движениях в первую очередь союзников по холодной войне и игнорировали тот факт, что, кроме неприязни к коммунизму, их мало что с ними объединяло. При этом известные исламистские идеологи никогда не скрывали своего презрения к «Западу» – либеральный материализм, с их точки зрения, был почти так же опасен, как и советский материализм. Сейид Кутб, главный идеолог «Братьев-мусульман», как-то насмеялся над исламской политикой США времен холодной войны: «Ислам, о распространении которого на Ближнем Востоке мечтают США и их союзники, противостоит не колониализму и тирании, а только коммунизму»^[1557].

Афганский джихад привел к появлению целого поколения исламских экстремистов, организованных в международную сеть и прошедших военную подготовку. Многие иностранные боевики после афганской войны переместились на другие поля сражений: в Боснию, Чечню, на Филиппины. Когда Пакистан в 1991 году призвал иностранных фанатиков покинуть регион, бен Ладен и его последователи отправились в Судан, а в 1996 году вернулись в Афганистан, захваченный талибами^[1558]. В 1990-е «Аль-Каида» начала борьбу с новыми противниками. Сначала это были «нечестивые» и «корруптированные» режимы арабского мира, затем – прежде всего, после войны с Ираком 1990 года, которая привела на священную землю Аравийского полуострова американские войска, – США и Запад в целом. В 1996 году бен Ладен призвал к джихаду против США, в знаменитом обращении обвинив Вашингтон в империализме,

коррупции и ведении кровопролитных антимусульманских войн по всему миру^[1559]. Впрочем, эволюция шла зигзагами: в 1990-е годы «Аль-Каида» уделяла основное внимание ненавистным арабским режимам Персидского залива, но при этом время от времени обращалась и к борьбе против Запада. Вскоре последовали прямые атаки – в их ряду были американские посольства в Кении и Танзании, американский боевой корабль «Коул», территории, наконец, 11 сентября 2001 года. Лишь после нападения на саму Америку 11 сентября ислам снова стал значимой темой для внешней политики и политики безопасности США^[1560].

На протяжении всего новейшего времени, начиная с эпохи империализма и заканчивая холодной войной и далее, ислам играл значительную роль в политике и стратегиях немусульманских великих держав. Всякий раз, когда последние начинали действовать на мусульманских территориях, их стратеги, функционеры и руководители считали, что ислам имеет большое значение для их политики. Они не только принимали во внимание «чувства мусульман», но и стремились активно использовать ислам – либо ради контроля над правоверными и их умиротворения, либо же в целях мобилизации против своих врагов. За такой политикой стоял целый ряд концепций, которые воодушевляли (немусульманских) политических деятелей и стратегов, военный и административный персонал. Религиозная принадлежность часто выступала важной классификационной категорией. Ислам воспринимался как организованная религия, которая поддается изучению и пониманию. Со стороны казалось, будто мусульманскими общинами управляет слаженная система правил, ценностей, норм и обычаев. Представлялось также, что ислам предлагает четкую систему верований, которую немусульманские государства способны расшифровать и эксплуатировать в политических целях. Более того, возникло ощущение, что требования ислама, которым мусульмане следовали и которые воспринимались как понятные, представляют собой идеальную основу для легитимации власти. Фактически особая религиозная политика представлялась единственным способом контролировать и мобилизовать мусульман, поскольку, с точки зрения немусульманских функционеров, благочестивый мусульманин признавал только один законный авторитет, а именно ислам.

Немецкие попытки использовать ислам во время Второй мировой войны можно рассматривать как эпизод более длительной истории стратегического применения ислама (немусульманскими) великими державами в современную эпоху. По сравнению с другими кампаниями по мобилизации ислама кампания Германии стала одной из наиболее краткосрочных и импровизационных. Однако исходя из географического охвата и интенсивности ее можно считать одной из самых радикальных попыток политизировать и эксплуатировать ислам за всю современную историю.

notes

Примечания

1

Mark Mazower, *Hitler's Empire: Nazi Rule in Occupied Europe* (London, 2008), особенно 454–460.

Программа закрепления господства Третьего рейха в Восточной Европе. План предусматривал принудительное выселение с территории Польши и оккупированных областей СССР до 75–85% населения. План был рассчитан на 30 лет. К его реализации предполагалось приступить после победы в войне против СССР.– *Прим. пер.*

Эссенциализм – теоретическая установка, характеризующаяся приписыванием некоторой сущности неизменного набора качеств и свойств.– *Прим. пер.*

Тут прослеживаются явные параллели с другими религиями, которые также воспринимались как глобальные и политически ангажированные – «мировое иудейство» (*Weltjudentum*) или «мировой католицизм» (*Weltkatholizismus*), каждая из которых несла за собой шлейф специфических смыслов.

В книге в качестве синонимичного названия этой структуры используется «Восточное министерство». Кроме того, словом «восток» (*Ost*) обычно обозначаются, в соответствии с употреблением этого слова в Третьем рейхе, не восточные страны, а оккупированные восточные территории, то есть районы СССР.– *Прим. пер.*

Clifford Geertz, *Islam Observed: Religious Development in Morocco and Indonesia* (New Haven, CT, 1968) – известнейшая работа о многообразии культурных форм ислама. О возникновении современных концепций «исламского мира» см.: Cemil Aydin, «Globalizing the Intellectual History of the Idea of the „Muslim World“», in Samuel Moyn and Andrew Sartori (eds.), *Global Intellectual History* (New York, 2013), 159–186. Мое исследование следует очень базовому определению «мусульманского мира», или «исламского мира», как территорий, населенных мусульманами (где они составляют или большинство, или значимое меньшинство), но не подразумевает однородности, единства или каких-либо общих характеристик.

Подробные указания на литературу по теме можно найти в соответствующих главах этой книги. Среди наиболее известных исследований Ближнего Востока см.: Bernd Philipp Schröder, *Deutschland und der Mittlere Osten im Zweiten Weltkrieg* (Göttingen, 1975); по арабскому миру: Heinz Tillmann, *Deutschlands Araberpolitik im Zweiten Weltkrieg* (East Berlin, 1965); Łukasz Hirszowicz, *The Third Reich and the Arab East* (London, 1966); и Jeffrey Herf, *Nazi Propaganda to the Arab World* (New Haven, CT, 2009). О Балканах см.: Jozo Tomasevich, *War and Revolution in Yugoslavia, 1941–1945: Occupation and Collaboration* (Stanford, CA, 2001); Enver Redžić, *Bosnia and Herzegovina in the Second World War* (New York, 2005); Marko Attila Hoare, *Genocide and Resistance in Hitler's Bosnia: The Partisans and the Chetniks, 1941–1943* (Oxford, 2006); и Marko Attila Hoare, *The Bosnian Muslims in the Second World War: A History* (London, 2013). О советском пограничье см.: Patrik von zur Mühlen, *Zwischen Hakenkreuz und Sowjetstern: Der Nationalismus der sowjetischen Orientvölker im Zweiten Weltkrieg* (Düsseldorf, 1971) и Andrej Angrick, *Besatzungspolitik und Massenmord: Die Einsatzgruppe D in der Südlichen Sowjetunion 1941–1943* (Hamburg, 2003); конкретно по Крыму см.: Michel Luther, «Die Krim unter deutscher Besatzung im Zweiten Weltkrieg», *Forschungen zur osteuropäischen Geschichte* 3 (1956), 28–98; и Norbert Kunz, *Die Krim unter deutscher Herrschaft 1941–1944: Germanisierungstheorie und Besatzungsrealität* (Darmstadt, 2005); по Кавказу: Joachim Hoffmann, *Kaukasien 1942/43: Das deutsche Heer und Orientvoelker der Sowjetunion* (Freiburg, 1991); Joachim Hoffmann, *Die Ostlegionen 1941–1943: Turkotataren, Kaukasier und Wolgafinnen im deutschen Heer* (Freiburg, 1976).

Интерес к сотрудничеству муфтия с национал-социалистами так же стар, как и само это сотрудничество. Среди наиболее важных исследований см.: Joseph B. Schechtman, *The Mufti and the Fuehrer: The Rise and Fall of Haj Amin el-Husseini* (London, 1965); Jennie Lebel, *The Mufti of Jerusalem: Haj-Amin el-Husseini and National-Socialism* (Belgrade, 2007); и Klaus Gensicke, *The Mufti of Jerusalem and the Nazis: The Berlin Years, 1941–1945* (London, 2011).

Gerhard Höpp, «Der Koran als „Geheime Reichssache“: Bruchstücke deutscher Islampolitik zwischen 1938 und 1945», in Holger Preißler and Hubert Seiwert (eds.), *Gnosisforschung und Religionsgeschichte: Festschrift für Kurt Rudolph zum 65. Geburtstag* (Marburg, 1994), 435–446. Эта работа коротко сообщает о разнообразных формах сотрудничества рейха с мусульманами во время войны. См. также более подробное исследование: Volker Koop, *Hitler's Muslime: Die Geschichte einer unheiligen Allianz* (Berlin, 2012).

John L. Wright, «Mussolini, Libya, and the Sword of Islam», in Ruth Ben-Ghiat and Mia Fuller (eds.), *Italian Colonialism* (New York, 2005), 121–130, 123–125; более общая работа по теме: Manuela A. Williams, *Mussolini's Propaganda Abroad: Subversion in the Mediterranean and the Middle East, 1935–1940* (London, 2006), особенно 205; и Nir Arielli, *Fascist Italy and the Middle East, 1933–40* (New York, 2010), особенно 1 и 97–98.

Die Tagebücher von Joseph Goebbels, ed. Elke Fröhlich et al, часть I (9 томов), часть II (15 томов) и часть III (3 тома) (Munich, 1993–2008), часть I, т. 4, 50–51 (14 March 1937), 50. В этой работе рассматриваются проблемы использования дневников Геббельса в качестве исторического источника: Bernd Sösemann, «Propaganda – Macht – Geschichte: Eine Zwischenbilanz der Dokumentation der Niederschriften und Diktate von Joseph Goebbels», *Das Historische Buch* 50, 2 (2002), 117–125.

Harry J. Benda, *The Crescent and the Rising Sun: Indonesian Islam under the Japanese Occupation, 1942–1945* (The Hague, 1958), об оккупации Голландской Ост-Индии; и Abu Talib Ahmad, *Malay-Muslims, Islam and the Rising Sun 1941–1945* (Selangor, 2003); Abu Talib Ahmad, «Research on Islam and Malay-Muslims during the Japanese Occupation of Malaya, 1942–45», *Asian Research Trends* 9 (1999), 81–119, и Abu Talib Ahmad, «Japanese Policy towards Islam in Malaya during the Occupation: A Reassessment», *Journal of Southeast Asian Studies* 33, 1 (2002), 107–122. Краткий обзор оккупации Малайи см.: в: Yoji Akashi, «Japanese Military Administration in Malaya: Its Formation and Evolution with Reference to the Sultans, the Islamic Religion and Malay-Muslims, 1941–45», *Asian Studies (University of the Philippines)* 7, 1 (1969), 81–110. Yoichi Itagaki and Koichi Kishi, «Japanese Islamic Policy – Sumatra/Malaya», *Intisari* 2, 2 (1966), 11–23. Здесь рассказывается об истоках политики Японии в отношении ислама: Selçuk Esenbel, «Japan's Global Claim to Asia and the World of Islam: Transnational Nationalism and World Power, 1900– 1945», *American Historical Review* 109, 4 (2004), 1140–1170.

Аноним, «Japan Muslims Confident of Nippon Victory: 94-Year-Old Patriarch of Tokyo Mosque Visions Emancipation of Millions from Servitude», *Shanghai Times* (14 June 1942). Об Абдурашиде Ибрагимове см: Komatsu Hisao, «Muslim Intellectuals and Japan: A Pan-Islamist Mediator, Abdurreshid Ibrahim», in Stéphanie A. Dudoignon, Komatsu Hisao, and Kosugi Yasushi (eds.), *Intellectuals in the Modern Islamic World* (London, 2006), 273–288.

Северо-западная пограничная провинция— бывшая провинция Британской Индии, а затем Пакистана. Располагалась на границе с Афганистаном, и англичане нередко усмиряли населявших ее пуштунов. Черчилль участвовал в одной из таких кампаний в 1897 году.
—Прим. пер.

Армия так называемого махдистского государства (Махдийя), просуществовавшего на территории Судана с 1882 по 1898 год теократического и националистического режима. Его первый лидер объявил себя мусульманским мессией, или Махди (отсюда и название государства).– *Прим. пер.*

Winston S.Churchill, *The Story of the Malakand Field Force: An Episode of Frontier War* (London, 1898); and Winston S. Churchill, *The River War: A Historical Account of the Reconquest of the Soudan* (London, 1899).

Winston S.Churchill, *The Second World War*, 6 vols. (London, 1948–1954), vol. 4 (*The Hinge of Fate*), 185–186, где цитируется письмо Черчилля Рузвельту от 4 марта 1942 г.

В главе 3 дается детальное описание британской политики по отношению к исламу во время войны.

Humayun Ansari, *The Infidel Within: Muslims in Britain since 1800* (London, 2004), 134 и 342 (мечеть в Ист-Энде), 134 и 341 (центральная мечеть); о центральной мечети более подробно см: A. L. Tibawi, «History of the London Central Mosque and the Islamic Cultural Centre 1910–1980», *Die Welt des Islams* 21, 1–4 (1981), 193–208.

R. H. Markham, «Islam: Pathway to Mastery of the Middle East», *Christian Science Monitor* (16 November 1940). Спустя несколько месяцев газета (G. H. Archambault, «Moslem Influence Held with Britain: Islam's Opposition to Axis Is Seen as Vital Factor in North African Events», *New York Times* (8 February 1941), убеждала своих читателей в «оппозиционности ислама по отношению к странам Оси».

Управление стратегических служб (Office of Strategic Services, OSS) – первая объединенная разведывательная служба США, созданная во время Второй мировой войны. На ее основе после войны организовали ЦРУ.– *Прим. пер.*

В главе 3 дается подробное описание политики США по отношению к исламу во время войны.

О советской политике рассказывается в главе 4.

Orlando Figes, *Crimea* (London, 2010), *passim*. О страхах царского правительства, связанных с исламом, см.: Mara Kozelsky, «Casualties of Conflict: Crimean Tatars during the Crimean War», *Slavic Review* 67, 4 (2008), 862–891.

Основные работы, посвященные роли ислама в Первой мировой войне: Herbert Landolin Müller, *Islam, Gihâd («Heiliger Krieg») und Deutsches Reich: Ein Nachspiel zur wilhelminischen Weltpolitik im Maghreb 1914–1918* (Frankfurt, 1992); Peter Hop-kirk, *On Secret Service East of Constantinople: The Plot to Bring Down the British Empire* (London, 1994); Donald M. McKale, *War by Revolution: Germany and Great Britain in the Middle East in the Era of World War I* (Kent, OH, 1998); Tilman Lüdke, *Jihad Made in Germany: Ottoman and German Propaganda and Intelligence Operations in the First World War* (Münster, 2005); Salvador Oberhaus, «Zum wilden Aufstande entflammen:» *Die deutsche Propagandastrategie für den Orient im Ersten Weltkrieg am Beispiel Ägypten* (Saarbrücken, 2007); и Sean McMeekin, *The Berlin-Baghdad Express: The Ottoman Empire and Germany's Bid for World Power, 1898–1918* (London, 2010).

Цит. по: Fritz Fischer, *Germany's Aims in the First World War* (New York, 1967), 121.

William L. Cleveland, «The Role of Islam as Political Ideology in the First World War», in Edward Ingram (ed.), *National and International Politics in the Middle East: Essays in Honour of Elie Kedourie* (London, 1986), 84–101.

Dwight E. Lee, «The Origins of Pan-Islamism», *American Historical Review* 47, 2 (1942), 278–287, 286.

Matthew F. Jacobs, «The Perils and Promises of Islam: The United States and the Muslim Middle East in the Early Cold War», *Diplomatic History* 30, 4 (2006), 705–739; Matthew F. Jacobs, *Imagining the Middle East: The Building of an American Foreign Policy, 1918–1967* (Chapel Hill, NC, 2011), 55–94; по холодной войне см.: Steve Coll, *Ghost Wars: The Secret History of the CIA, Afghanistan, and Bin Laden, from the Soviet Invasion to September 10, 2001* (London, 2004).

Наиболее значимые работы перечислены в сноске 25.

Fischer, *Germany's Aims in the First World War*, 120–131; Hew Strachan, *The First World War* (London, 2003), 95–123; and David Stevenson, *1914–1918: The History of the First World War* (London, 2004), 115 и 125.

Jacob M.Landau, *The Politics of Pan-Islam: Ideology and Organization* (Oxford, 1990), 105– 142; Martin S. Kramer, *Islam Assembled: The Advent of the Muslim Congresses* (New York, 1986), 55–68; Rudolph Peters, *Jihad in Classical and Modern Islam* (Princeton, NJ, 2005), 55–57; и Cemil Aydin, *The Politics of Anti-Westernism in Asia: Visions of World Order in Pan-Islamic and Pan-Asian Thought* (New York, 2007), 106–111.

Marshall G.S.Hodgson, *The Venture of Islam: Conscience and History in a World Civilization*, 3 vols. (Chicago, 1974), vol. 3, 414–415: эта работа представляет собой поразительное исключение.

Landau, *Politics of Pan-Islam*, 248. Хотя мобилизации ислама во время Первой мировой войны Ландау уделяет много страниц (73–142), Вторая мировая освещена куда более скудно (245–247).

Eric D. Weitz, «From Vienna to the Paris System: International Politics and the Entangled Histories of Human Rights, Forced Deportations, and Civilizing Missions», *American Historical Review* 113, 5 (2008), 1313–1343, особенно 1314–1315.

Michael A.Reynolds, *Shattering Empires: The Clash and Collapse of the Ottoman and Russian Empires, 1908–1918* (Cambridge, 2011) – это отличное исследование геополитики этнических групп в конфликтах великих держав. Среди других важных работ по теме стоит упомянуть Seppo Zetterberg, *Die Liga der Fremdvölker Russ-lands 1916–1918: Ein Beitrag zu Deutschlands antirussischem Propagandakrieg unter den Fremdvölkern Russlands im Ersten Weltkrieg* (Helsinki, 1978); Reinhard R. Doerries, *Prelude to the Easter Rising: Sir Roger Casement in Imperial Germany* (London, 2000), 1–31; и труды по восстанию арабов против Османской империи, о которых я скажу в главе 1.

Среди важных работ на тему еврейского населения в политике великих держав см.: Egmont Zechlin, *Die deutsche Politik und die Juden im Ersten Weltkrieg* (Göttingen, 1969); Isaiah Friedman, *Germany, Turkey, and Zionism 1914–1918* (Oxford, 1977); Carole Fink, *Defending the Rights of Others: The Great Powers, the Jews, and International Minority Protection, 1878–1938* (Cambridge, 2004); и Abigail Green, «Intervening in the Jewish Question, 1840–1878», in Brendan Simms and D. J. B. Trim (eds.), *Humanitarian Intervention: A History* (Cambridge, 2011), 139–158.

Оппенгейм, меморандум, 25 июля 1940 г., Берлин, Политический архив министерства иностранных дел Германии (*Politisches Archiv des Auswärtigen Amtes*), Берлин (РА), Nachlass Hentig, vol. 84; приложение к письму, отправленному Оппенгеймом Хабихту, 25 июля 1940 г., Берлин, РА, Nachlass Hentig, vol. 84. О меморандуме см.: Wolfgang G. Schwanitz, «Max von Oppenheim und der Heilige Krieg: Zwei Denkschriften zur Revolutionierung islamischer Gebiete 1914 und 1940», *Sozial. Geschichte* 19 (2004), 79–102.

Шакиб Арслан (1869–1946) – друзский принц (амир) из Ливана, политик, писатель, поэт и историк. Был одним из наиболее красноречивых и влиятельных сторонников панисламистской политики султана Абдул-Хамида II. Жил в изгнании в Швейцарии после французской оккупации Сирии в 1920-е годы.– *Прим. пер.*

Мухаммад Абдо (Абду, 1849–1905) – египетский общественный и религиозный деятель, либеральный реформатор, считающийся основателем исламского модернизма. Главный муфтий Египта (1899–1905). Автор работ о реформах шариата, системы образования и т. д.–
Прим. пер.

Об исламе в германских колониях в Восточной и Западной Африке см.: Holger Weiss, «German Images of Islam in West Africa», *Sudanic Africa* 11 (2000), 53–93; Michael Pesek, «Islam und Politik in Deutsch-Ostafrika», in Albert Wirz, Andreas Eckert, and Katrin Bromber (eds.), *Alles unter Kontrolle: Disziplinierungsverfahren im kolonialen Tanzania (1850–1960)* (Hamburg, 2003), 99–140; Michael Pesek, «Für Kaiser und Allah: Ostafrikas Muslime im Großen Krieg für die Zivilisation, 1914–1919», *Bulletin der Schweizerischen Gesellschaften Mittlerer Osten und Islamische Kulturen* 19 (2005), 9–18; Rebekka Habermas, «Islam Debates around 1900: Colonies in Africa, Muslims in Berlin, and the Role of Missionaries and Orientalists», *Chloe: Beihefte zum Daphnis* 46 (2012), 123–154. Per Hassing, «Islam at the German Colonial Congresses», *Muslim World* 67, 3 (1977), 165–174, обсуждает роль миссионеров в дебатах об исламе в немецких колониях. Holger Weiss, «European Images of Islam in the Northern Hinterlands of the Gold Coast through the Early Colonial Period», *Sudanic Africa*, 12 (2001), 83–110, сравнивает восприятие ислама германскими, британскими и французскими колонизаторами.

Вакуф (вакф) – в мусульманском праве имущество, переданное государством или отдельным лицом на религиозные или благотворительные цели. В вакуф может входить как недвижимое, так и движимое неотчуждаемое имущество. Возникновение этого института объясняется в том числе стремлением собственников оградить имущество от захватов, конфискации и произвола властей.– *Прим. пер.*

О сопротивлении мусульман в немецких колониях см.: В. Г. Martin, «Muslim Politics and Resistance to Colonial Rule: Shaykh Uways B. Muhammed Al-Barawi and the Qadiriya Brotherhood in East Africa», *Journal of African History* 10, 3 (1969), 471– 486; Thea Büttner, «Die Mahdi-Erhebungen 1907 in Nordkamerun im Vergleich mit antikolonialen islamischen Bewegungen in anderen Regionen West- und Zentralafrikas», in Peter Heine and Ulrich van der Heyden (eds.), *Studien zur Geschichte des deutschen Kolonialismus in Afrika* (Pfaffenweiler, 1995), 147–159; и в целом указанную в сноске 3 литературу.

Ludmilla Hanisch, *Die Nachfolger der Exegeten: Deutschsprachige Erforschung des Vorderen Orients in der ersten Hälfte des 20. Jahrhunderts* (Wiesbaden, 2003), 1–85; Sabine Mangold, *Eine «weltbürgerliche Wissenschaft»: Die deutsche Orientalistik im 19. Jahrhundert* (Stuttgart, 2004); Suzanne L. Marchand, *German Orientalism in the Age of Empire: Religion, Race, and Scholarship* (Cambridge, 2009); Ursula Wokoeck, *German Orientalism: The Study of the Middle East and Islam from 1800 to 1945* (London, 2009), 1–184. Эти работы показывают общую картину немецкого востоковедения в эпоху Второго рейха.

Беккер так и не опубликовал результаты своего исследования, но некоторые предварительные выводы можно найти в С. Н. Becker, «Vorbericht über die islamkundlichen Ergebnisse der Innerafrika-Expedition des Herzogs Adolf Friedrich zu Mecklenburg», *Der Islam* 3, 3 (1912), 258–272; и перепечатка в С. Н. Becker, *Islamstudien: Vom Werden und Wesen der Islamischen Welt*, vol. 2 (Leipzig, 1932), 127–148. Исправленный вариант опросника (1910) представлен в приложении к изданию 1932 г. См.: *ibid.*, 143–148. Первая, менее подробная, версия опросника (1908) опубликована в: Weiss, «German Images of Islam in West Africa», 92–93.

Хартман также не опубликовал свои результаты, однако его опросник был напечатан в: Martin Hartmann, «Zur Islamausbreitung in Afrika: Mit einem Frageblatt», *Mitteilungen des Seminar für orientalische Sprachen* 14 (1911), 159–162; предварительный отчет о ходе работы представлен в: Martin Hartmann, «Fragebogen über den Islam in Afrika», *Die Welt des Islams* 1, 1 (1913), 42–44.

Опросник Вестермана был опубликован в: Diedrich Westermann, «Fragebogen», 44–47; результаты исследования в: Diedrich Westermann, «Die Verbreitung des Islam in Togo und Kamerun: Ergebnisse einer Umfrage», *Die Welt des Islams* 2, 2/4 (1914), 188–276.

Беккер был крайне плодовитым автором. Он напечатал множество статей, посвященных исламу и колониальной империи Германии. См., например, С. Н. Becker, «Ist der Islam eine Gefahr für unsere Kolonien?», *Koloniale Rundschau* 1, 5 (1909), 266–293; С. Н. Becker, «Der Islam und die Kolonisierung Afrikas», *Internationale Wochenschrift* 4 (1910), 227–252; С. Н. Becker, «Materialien zur Kenntnis des Islam in Deutsch-Ostafrika», *Der Islam* 2, 1 (1911), 1–48; и С. Н. Becker, «Islamisches und modernes Recht in der kolonialen Praxis», *Der Islam* 4, 1/2 (1913), 169–172. Спор Беккера с антиисламски настроенными миссионерами на немецком Колониальном конгрессе в 1910 году стал достаточно известным событием. См.: С. Н. Becker, «Staat und Mission in der Islampolitik», *Verhandlungen des deutschen Kolonialkongresses 1910* (Berlin, 1910), 638–651; и С. Н. Becker, «Die Islamfrage auf dem Kolonialkongreß 1910», *Der Islam* 1, 1 (1910), 390–391. Наконец, Беккер написал посвященную исламу статью в немецкий «Колониальный словарь»: С. Н. Becker, «Islam», in Heinrich Schnee (ed.), *Deutsches Kolonial-Lexikon*, 3 vols. (Leipzig, 1920), vol. 2, 106–114. Большинство его работ по исламу и колониализму было перепечатано в: С. Н. Becker, *Islamstudien*, vol. 2.

Diedrich Westermann, «Die Edinburger Weltmissionskonferenz in ihrer Bedeutung für die Mission in den deutschen Kolonien», in Karl Schneider (ed.), *Jahrbuch über die deutschen Kolonien* 4 (Essen, 1911), 130–131; о его взглядах на ислам в колониальной Африке см. также: Diedrich Westermann, «Der Islam in West- und Zentral-Sudan», *Die Welt des Islams* 1, 2 (1913), 85–108.

Мартин Хартман был одним из немногочисленных экспертов, утверждавших никчемность ислама с точки зрения культуры, морали и политики. См.: Martin Hartmann, *Islam, Mission, Politik* (Leipzig, 1912); он критически отозвался о происламской речи кайзера в 1898 году. См.: Martin Hartmann, «Deutschland und der Islam», *Der Islam* 1, 1 (1910), 72–92, 74. Однако потом Хартман изменил свою точку зрения и поддержал германско-османскую кампанию за джихад во время Первой мировой войны. См. ниже литературу, перечисленную в сноске 20.

О взглядах миссионеров на ислам в немецких колониях и их критике колониальной политики Германии см., например, труды первого Колониального конгресса 1902 года: P. W. Schmidt, «Die Behandlung der Polygamie in unseren Kolonien», in *Verhandlungen des deutschen Kolonialkongresses 1902* (Berlin, 1903), 467–479; а также материалы второго конгресса 1905 года: Julius Richter, «Der Islam eine Gefahr für unsere afrikanischen Kolonien», in *Verhandlungen des deutschen Kolonialkongresses 1905* (Berlin, 1906), 510–527; Jos. Froberger, «Welches ist der Kulturwert des Islam für koloniale Entwicklung?», in *Verhandlungen des deutschen Kolonialkongresses 1905*, 527–538; труды третьего конгресса 1910 года: Hubert Hansen, «Welche Aufgaben stellt die Ausbreitung des Islam den Missionen und Ansiedlern in den deutschen Kolonien?», in *Verhandlungen des deutschen Kolonialkongresses 1910*, 652–673; Josef Froberger, «Die Polygamie und deren kulturelle Schäden», in *Verhandlungen des deutschen Kolonialkongresses 1910*, 717–732; Karl Axenfeld, «Die Ausbreitung des Islam in Afrika und ihre Bedeutung für die deutschen Kolonien», in *Verhandlungen des deutschen Kolonialkongresses 1910*, 629–638; а также Karl Axenfeld, «Geistige Kämpfe in der Eingeborenen-Bevölkerung an der Küste Ostafrikas», *Koloniale Rundschau* 4, 11 (1913), 647–673; Pater Amandus Acker, «Der Islam und die Kolonisierung Afrikas», *Jahrbuch der deutschen Kolonien* 4 (1911), 113–127; F. O. Karstedt, «Zur Beurteilung des Islam in Deutsch-Ostafrika», *Koloniale Rundschau* 4, 4 (1913), 728–736; Carl Mirbt, *Mission und Kolonialpolitik in den deutschen Schutzgebieten* (Tübingen, 1910); Martin Klamroth, *Der Islam in Deutsch-Ostafrika* (Berlin, 1912); Erich Schultze, *Soll Deutsch-Ostafrika christlich oder mohammedanisch werden?* (Berlin, 1913).

О немецких дискуссиях по поводу панисламизма можно составить себе представление по J. T. von Eckardt, «Panislamismus und die islamitische Mission», *Deutsche Rundschau* 25, 4 (1899), 61–81; С. Н. Becker, «Panislamismus», *Archiv für Religionswissenschaft* 7 (1904), 169–192, перепечатано в С. Н. Becker, *Islamstudien*, vol. 2, 231–251; и ответ: К. Vollers, «Ueber Panislamismus», *Preußische Jahrbücher* 117 (1904), 18–40; in A. Tavilet, «Über den Panislamismus», *Das freie Wort: Frankfurter Halbmonatsschrift für Fortschritt auf allen Gebieten des geistigen Lebens* 11, 6 (1911), 218–221; Martin Hartmann, «Das Ultimatum des Panislamismus», *Das freie Wort: Frankfurter Halbmonatsschrift für Fortschritt auf allen Gebieten des geistigen Lebens* 11 (1911), 605–610.

Об османском вояже Вильгельма II в 1898 году см.: Jan Stefan Richter, *Die Orientreise Kaiser Wilhelms II. 1898: Eine Studie zur deutschen Außenpolitik an der Wende zum 20. Jahrhundert* (Hamburg, 1997); см. также статьи, напечатанные в: Klaus Jaschinski and Julius Waldschmidt (eds.), *Des Kaisers Reise in den Orient 1898* (Berlin, 2002); особенно Günter Wirth, «Protestantischer Pilger und Protektor von Weltreligionen: Zu Zielen und Folgen der Orient-Reise von Kaiser Wilhelm II. in kirchengeschichtlicher Perspektive», in Jaschinski and Waldschmidt (eds.), *Des Kaisers Reise*, 133–153; Friedrich Scherer, *Adler und Halbmond: Bismarck und der Orient, 1878–1890* (Paderborn, 2001), 319–332. Речь кайзера опубликована в: Johannes Penzler (ed.), *Die Reden Kaiser Wilhelms II.*, vol. 2 (1896–1900) (Leipzig, б.д.), 126–127; и в Michael A. Obst (ed.), *Die politischen Reden Kaiser Wilhelms II.* (Paderborn, 2011), 179. Анализ речи и того, как она была воспринята, дается в работе: Michael A. Obst, «*Einer nur ist Herr im Reiche*»: *Kaiser Wilhelm II. als politischer Redner* (Paderborn, 2010), 216–223.

О панисламизме см.: Jacob Landau, *The Politics of Pan-Islam*; Nikki R. Keddie, «Pan-Islam as Proto-Nationalism», *Journal of Modern History* 41, 1 (1969), 17–28; Naimur Rahman Farooqi, «Pan-Islamism in the Nineteenth Century», *Islamic Culture* 57, 4 (1983), 283–296; Adeeb Khalid, «Pan-Islamism in Practice: The Rhetoric of Muslim Unity and Its Uses», in Elisabeth Özdalga (ed.), *Late Ottoman Society: The Intellectual Legacy* (Abingdon, 2005), 201–224. Об «угрозе» панисламизма для европейских империй и их политике относительно данного движения см.: Azmi Özcan, *Pan-Islamism: Indian Muslims, the Ottomans and Britain (1877–1924)* (Leiden, 1997); John Darwin, *The Empire Project: The Rise and Fall of the British World System 1830–1970* (Cambridge, 2009), 295–297.

Обзор различных исламских антиколониальных движений дается в: Rudolph Peters, *Islam and Colonialism: The Doctrine of Jihad in Modern History* (The Hague, 1979), 39–104; Nikki R. Keddie, «The Revolt of Islam, 1700 to 1993: Comparative Considerations and Relations to Imperialism», *Comparative Studies in Society and History* 36, 3 (1994), 463–487, особенно 481–485.

Османский текст фетв и немецкий перевод см. в: «Die Fetwas des Scheich-ül-Islâm über die Erklärung des Heiligen Krieges, nach dem Ṭanîn, Nummer 2119 vom 15. November 1914», *Der Islam* 5, 4 (1914), 391–393. Другой перевод был чуть позже опубликован в: Martin Hartmann, «Kriegsurkunden», *Die Welt des Islams* 3, 1 (1915), 2–23, 2–3. О провозглашении фетв в других регионах Османской империи см.: Martin Hartmann, «Verlesung der heiligen Fetwas in den Provinzen», *Die Welt des Islams* 3, 1 (1915), 31–65, 36.

Заявления уважаемых османских улемов на тему джихада были опубликованы (в переводе на немецкий) в Martin Hartmann, «Kriegsurkunden», *Die Welt des Islams* 3, 1 (1915), 2–23, 10–18. Декларация улемов, адресованная арабским солдатам в армии султана, представлена в: Martin Hartmann, «Kriegsurkunden», *Die Welt des Islams* 3, 2 (1915), 121–133, 121–125. Фетвы шиитских улемов Наджафа и Кербелы опубликованы в: Martin Hartmann, «Auszüge aus der Zeitschrift „Chāwer“», *Die Welt des Islams* 3, 1 (1915), 48–56, 51–56; Martin Hartmann, «Kriegsurkunden», *Die Welt des Islams* 3, 2 (1915), 121–133, 131–133; Martin Hartmann, «Kriegsurkunden», *Die Welt des Islams* 3, 3–4 (1916), 205–213; Helmut Ritter, «Kriegsurkunden», *Die Welt des Islams* 4, 3/4 (1917), 217–225. Анализ шиитских фетв см. в: Werner Ende, «Iraq in World War I: The Turks, the Germans, and the Shi‘ite Mujtahids’ Call for Jihad», in Rudolph Peters (ed.), *Proceedings of the Ninth Congress of the Union Européenne des Arabisants et Islamisants* (Leiden, 1981), 57–71; Nasrollah Salehi, «Les fatwas des ulémas persans de Najaf et Kerbala», in Oliver Bast (ed.), *La Perse et la Grande Guerre* (Tehran, 2002), 157–176.

О понятии «джихад» см. например: Peters, *Jihad in Classical and Modern Islam*; David Cook, *Understanding Jihad* (Berkeley, CA, 2005); David Cook, *Martyrdom in Islam* (Cambridge, 2007); Richard Bonney, *Jihād: From Qu'rān to Bin Laden* (New York, 2007); Michael Bonner, *Jihad in Islamic History: Doctrines and Practice* (Princeton, NJ, 2008).

О поддержке панисламизма со стороны Османской империи см.: Hasan Kayalı, *Arabs and Young Turks: Ottomanism, Arabism, and Islamism in the Ottoman Empire, 1908–1918* (Berkeley, CA, 1997); Kemal H. Karpat, *The Politicization of Islam: Reconstructing Identity, State, Faith, and Community in the Late Ottoman State* (Oxford, 2001); и более общую работу Frederick F. Anscombe, «Islam and the Age of Ottoman Reform», *Past and Present* 208, 1 (2010), 159–189.

Fischer, *Germany's Aims in the First World War*, 120–131, заявление Вильгельма II: с. 121; позиция Мольтке: с. 126. Подробно об исламской стратегии кайзеровской Германии во время Первой мировой войны рассказывается в: Müller, *Islam, Gihâd («Heiliger Krieg») und Deutsches Reich*; Hopkirk, *On Secret Service East of Constantinople*; McKale, *War by Revolution*; Lüdke, *Jihad Made in Germany*; Oberhaus, «*Zum wilden Aufstande entflammen*»; McMeekin, *The Berlin-Baghdad Express*.

Оппенгейм, меморандум («Denkschrift betreffend die Revolutionierung der islamischen Gebiete unserer Feinde»), 1914, Берлин, РА, R20938. Сам меморандум и комментарий к нему был также опубликован в: Tim Erkenhans, «Geld darf keine Rolle spielen», *Archivum Ottomanicum* 18 (2000), 247–250; 19 (2001), 121–163.

Эти замечания были сделаны в исправленном издании (1916 год) работы Ernst Jäckh, *Der aufsteigende Halbmond: Auf dem Weg zum deutsch-türkischen Bündnis* (Stuttgart, 1916 [1909]), 237.

Martin Hartmann, «Islampolitik», *Koloniale Rundschau* 5, 11–12 (1914), 580–603; Martin Hartmann, «Deutschland und der Heilige Krieg», *Das neue Deutschland* (29 May 1915), 268–273; Martin Hartmann, «Die weltwirtschaftlichen Wirkungen des Heiligen Krieges», *Weltwirtschaft* (January–February 1915), 255.

C. H. Becker, *Deutschland und der Islam* (Stuttgart, 1914).

Ibid., 6.

C. Snouck Hurgronje, «Heilige Oorlog Made in Germany», *De Gids* 79, 1 (1915), 1–33.

С. Н. Becker, «Deutschland und der Heilige Krieg», *Internationale Monatsschrift für Wissenschaft, Kunst und Technik* 9, 7 (1915), 631–662; и ответ Снука-Хюргронье: С. Snouck Hurgronje, «Deutschland und der Heilige Krieg: Erwiderung», *Internationale Monatsschrift für Wissenschaft, Kunst und Technik* 9, 10 (1915), 1025–1034; и новый ответ Беккера: С. Н. Becker, «Deutschland und der Heilige Krieg: Schlußwort», *Internationale Monatsschrift für Wissenschaft, Kunst und Technik* 9, 10 (1915), 1033–1042. О дискуссии в целом см.: Peter Heine, «С. Snouck Hurgronje versus С. Н. Becker: Ein Beitrag zur Geschichte der Angewandten Orientalistik», *Die Welt des Islams* 23/24 (1984), 378–387. Другие публикации Беккера на тему ислама и военной политики: С. Н. Becker, «England und der Islam», *Das größere Deutschland: Wochenschrift für deutsche Welt- und Kolonialpolitik* 28 (1914), 841–848; С. Н. Becker, «Die Türkei», in Otto Hintze, Friedrich Meinecke, Hermann Oncken, and Hermann Schumacher (eds.), *Deutschland und der Weltkrieg* (Leipzig, 1915), 285–309; С. Н. Becker, «Islampolitik», *Die Welt des Islams* 3, 2 (1915), 101–120; С.Н.Беккер, «Die Senussi», *Deutsche Kolonialzeitung* 32, 2 (1915), 25–26. За исключением статьи о сенуситах, все эти тексты были перепечатаны в: С. Н. Becker, *Islamstudien*, vol. 2.

Gottfried Simon, *Die Welt des Islam und die neue Zeit* (Wernigerode, 1925), 12: эта работа рисует яркую картину исламизации в Германии; см. также раздел «Zeitungsschau» в номерах *Die Welt des Islams* военного времени. Вот характерные примеры брошюр: Hubert Grimme, *Islam und Weltkrieg* (Münster, 1914); Hugo Grothe, *Deutschland, die Türkei und der Islam: Ein Beitrag zu den Grundlinien der deutschen Weltpolitik im islamischen Orient* (Leipzig, 1914); Eugen Mittwoch, *Deutschland, die Türkei und der Heilige Krieg* (Berlin, 1914); Rudolf Tschudi, *Der Islam und der Krieg* (Hamburg, 1914); Joseph Froberger, *Weltkrieg und Islam* (Mönchen Gladbach, 1915); Gottfried Galli, *Dschihad: Der Heilige Krieg des Islams und seine Bedeutung im Weltkriege unter besonderer Berücksichtigung der Interessen Deutschlands* (Freiburg, 1915); Richard Schäfer, *Islam und Weltkrieg* (Leipzig, 1915); Kurt L. Walter van der Bleek (ed.), *Die Vernichtung der englischen Weltmacht und des russischen Zarismus durch den Dreibund und den Islam* (Berlin, 1915). В работе Marchand, *German Orientalism in the Age of Empire*, 436–454 рассказывается о роли немецких писателей и востоковедов во время кампании джихада.

Maren Bragulla, *Die Nachrichtenstelle für den Orient: Fallstudie einer Propagandainstitution im Ersten Weltkrieg* (Saarbrücken, 2007).

Gerhard Höpp, *Muslime in der Mark: Als Kriegsgefangene und Internierte in Wünsdorf und Zossen, 1914–1924* (Berlin, 1997); краткий обзор можно найти в: Gerhard Höpp, «*Muslime in Märkischer Heide: Die Wünsdorfer Moschee, 1915 bis 1924*», *Moslemische Revue* 1 (1989), 21–28; Gerhard Höpp, «Die Wünsdorfer Moschee: Eine Episode islamischen Lebens in Deutschland, 1915–1930», *Die Welt des Islams* 36, 2 (1996), 204–218; Gerhard Höpp, «Die Privilegien der Verlierer: Über Status und Schicksalmuslimischer Kriegsgefangener und Deserteure in Deutschland während des Ersten Weltkrieges und der Zwischenkriegszeit», in Gerhard Höpp (ed.), *Fremde Erfahrungen: Asiaten und Afrikaner in Deutschland, Österreich und in der Schweiz bis 1945* (Berlin, 1996), 185–210; Margot Kahleyss, «Muslimische Kriegsgefangene in Deutschland im Ersten Weltkrieg: Ansichten und Absichten», in Gerhard Höpp and Brigitte Reinwald (eds.), *Fremdeinsätze: Afrikaner und Asiaten in Europäischen Kriegen 1914–1945* (Berlin, 2000), 79–117.

Peter Heine, «Al-Ĝihād: Eine deutsche Propagandazeitung im 1. Weltkrieg», *Die Welt des Islams* 20, 3–4 (1980), 197–199.

Идрис, Curriculum Vitae, б. д. (после 1933 г.), б. м. (Берлин), РА,
R60740.

Armin T. Wegner, «Beiram der Verbannten», *Der Neue Orient* 4, 1 (1918), 41–43, 42.

О немецких миссиях в целом см.: Müller, *Islam, Gihâd* («*Heiliger Krieg*») *und Deutsches Reich*; Hopkirk, *On Secret Service East of Constantinople*; McKale, *War by Revolution*; Lüdke, *Jihad Made in Germany*; Oberhaus, «*Zum wilden Aufstande entflammen;*» and McMeekin, *The Berlin-Baghdad Express*. Потрясающую подборку пропагандистских материалов, которые немцы и османы распространяли в исламском мире, можно найти в: Gottfried Hagen, *Die Türkei im Ersten Weltkrieg: Flugblätter und Flugschriften in arabischen, persischer und osmanisch-türkischer Sprache aus einer Sammlung der Universitätsbibliothek Heidelberg eingeleitet, übersetzt und kommentiert* (Frankfurt, 1990). Абзац выше опирается на данную работу. В тех случаях, когда доступны исследования по конкретным регионам, они упоминаются отдельно.

Peter Heine, «Leo Frobenius als politischer Agent: Ein Beitrag zu seiner Biographie», *Paideuma* 26 (1980), 1–5.

Donald M. McKale, *Curt Prüfer: German Diplomat from the Kaiser to Hitler* (Kent, OH, 1987), 25–56; и Hans Werner Neulen, *Feldgrau in Jerusalem: Das Levantekorps des kaiserlichen Deutschland* (Munich, 1991).

Russell McGuirk *The Sanusi's Little War: The Amazing Story of a Forgotten Conflict in the Western Desert, 1915–1917* (London, 2007).

Edmund Burke, «Moroccan Resistance, Pan-Islam and German War Strategy, 1914–1918», *Francia* 3 (1975) 434–464; Jide Osuntokun, «Nigeria's Colonial Government and the Islamic Insurgency in French West Africa, 1914–1918», *Cahiers d'Études Africaines* 15, 57 (1975), 85–93; и более общий обзор ситуации в африканских колониях Британии и Франции: William Deakin, «Imperial Germany and the 'Holy War' in Africa, 1914–1918», *University of Leeds Review* 28 (1985), 75–95.

Ende, «Iraq in World War I».

Firoozeh Kashani-Sabet, *Frontier Fictions: Shaping the Iranian Nation, 1840–1946* (Princeton, NJ, 1999), 145–148; сборник иранских фетв в поддержку войны против Антанты – Мохаммад Хассан Каввуси и Насролла Салехи (ред.), *Джихадийе: Фатвайиджахадийе ‘оламавамарадже’-йи ‘езамдарджанг-иджахани-йиаавваль* («Джихадийе: фетвы священной войны великих улемов и муджтахидов Первой мировой войны»), Тегеран, 1375/1996.

Christopher Sykes, *Wassmuss: The German Lawrence* (London, 1936);
Dagobert von Mikusch, *Wassmuss, der deutsche Lawrence* (Leipzig, 1937);
Ulrich Gehrke, *Persien in der deutschen Orientpolitik während des Ersten Weltkrieges*, 2 vols. (Stuttgart, 1960); и Oliver Bast, *Les Allemands en Perse pendant la Première Guerre mondiale* (Paris, 1997).

Renate Vogel, *Die Persien- und Afghanistanexpeditionen von Oskar Ritter v. Niedermayers, 1915/1916* (Osnabrück, 1976); Hans-Ulrich Seidt, *Berlin, Kabul, Moskau: Oskar Ritter von Niedermayer und Deutschlands Geopolitik* (Munich, 2002), 43–119; and Thomas L. Hughes, «The German Mission to Afghanistan, 1915–1916», *German Studies Review* 25, 3 (2002), 447–476.

Winfried Baumgart, *Deutsche Ostpolitik 1918: Von Brest-Litowsk bis zum Ende des Ersten Weltkrieges* (Munich, 1966), 151–155 (Крым) и 174–207 (Кавказ); Wolfdieter Bihl, *Die Kaukasus-Politik der Mittelmächte*, 2 vols. (Vienna, 1975–1992); и Hans-Ulrich Seidt, «From Palestine to the Caucasus: Oskar Niedermayer and Germany's Middle Eastern Strategy in 1918», *German Studies Review* 24, 1 (2001), 1–18.

Миссии немецких агентов дали обильную пищу фантазиям и страхам британцев относительно джихада, что отразилось в ряде книг и романов. Наиболее известным стал классический John Buchan, *Greenmantle* (London, 1916); и менее известная книга E. F. Benson, *Deutschland über Allah?* (London, 1917).

Jacques Frémeaux, *La France et l'Islam depuis 1789* (Paris, 1991), 139–157; Pascal Le Pautremat, *La politique musulmane de la France au XXe siècle: De l'hexagone aux terres d'Islam* (Paris, 2003), 75–87; Sadek Sellam, *La France et ses Musulmans: Un siècle de politique musulmane (1895–2005)* (Paris, 2006), 171–184; Belkacem Recham, «Les Musulmans dans l'armée française, 1900–1945», in Mohammed Arkoun (ed.), *Histoire de l'Islam et des Musulmans en France du Moyen Âge à nos jours* (Paris, 2006), 742–761, 744–747; и, с упором на Алжир, Charles-Robert Ageron, *Les Algériens musulmans et la France (1871–1919)*, 2 vols. (Paris, 1968), vol. 2, 1139–1227.

Cleveland, «The Role of Islam as Political Ideology in the First World War».

Eliezer Tauber, «Rashīd Riḍā's Political Attitudes during World War I», *Muslim World* 85, 1/2 (1995), 107–121; об индийских улемах: Özcan, *Pan-Islamism*, 179–183.

John Fisher, «British Responses to Mahdist and Other Unrest in North and West Africa, 1919–1930», *Australian Journal of Politics and History* 52, 3 (2006), 347–361, 351.

Robert D.Crews, *For Prophet and Tsar: Islam and Empire in Russia and Central Asia* (Cambridge, MA, 2006), 351–352.

Об Арабском восстании написано множество книг. См., например: Eliezer Tauber, *The Arab Movements in World War I* (London, 1993); Joshua Teitelbaum, *The Rise and Fall of the Hashimite Kingdom of Arabia* (London, 2001); James Barr, *Setting the Desert on Fire: T. E. Lawrence and Britain's Secret War in Arabia, 1916–1918* (New York, 2008); и более обзорный труд David Fromkin, *A Peace to End All Peace: The Fall of the Ottoman Empire and the Creation of the Modern Middle East* (New York, 1989). О роли ислама в Арабском восстании и проблеме халифата см.: Cleveland, «Role of Islam as Political Ideology in the First World War»; Elie Kedourie, «Egypt and the Caliphate, 1915–52», in Elie Kedourie (ed.), *Chatham House Version and Other Middle Eastern Studies* (London, 1970), 177–207, 179–182.

T. E. Lawrence, *Seven Pillars of Wisdom* (Hertfordshire, 1997 [Oxford, 1922]), 35.

Albert Christiaan Niemeijer, *The Khilafat Movement in India, 1919–1924* (The Hague, 1972); Gail Minault, *The Khilafat Movement: Religious Symbolism and Political Mobilisation in India* (New York, 1982); Özcan, *Pan-Islamism*, 184–204; M. Naeem Qureshi, *Pan-Islam in British Indian Politics: A Study of the Khilafat Movement, 1918–1924* (Leiden, 1999).

Gary Troeller, *The Birth of Saudi Arabia: Britain and the Rise of the House of Sa'ud* (London, 1976), 216–235; Haifa Alangari, *The Struggle for Power in Arabia: Ibn Saud, Hussein, and Great Britain, 1914–1924* (Reading, 1998), 191–246; и Timothy J. Paris, *Britain, the Hashemites, and Arab Rule, 1920–1925: The Sherifian Solution* (London, 2003), 341–362.

Bernard Lewis, *The Emergence of Modern Turkey* (London, 1961), 395–436; Ali M. Ansari, *Modern Iran since 1921: The Pahlavis and After* (London, 2003), 46–47; и Bernd J.Fischer, *King Zog and the Struggle for Stability in Albania* (Boulder, CO, 1984), 170 and 247–250.

Leon B.Poullada, *Reform and Rebellion in Afghanistan, 1919–1929: King Amanullah's Failure to Modernize a Tribal Society* (Ithaca, NY, 1973).

Richard P.Mitchell, *The Society of the Muslim Brothers* (London, 1969); Brynjar Lia, *The Society of the Muslim Brothers in Egypt: The Rise of an Islamic Mass Movement 1928–1942* (Reading, UK, 1998); Abd Al-Fattah Muhammad El-Awaisi, *The Muslim Brothers and the Palestine Question 1928–1947* (London, 1998); конкретно об аль-Банне см.: Gudrun Krämer, *Hasan al-Banna* (New York, 2010).

Kramer, *Islam Assembled*.

Erez Manela, *The Wilsonian Moment: Self-Determination and the International Origins of Anticolonial Nationalism* (New York, 2007).

Martin Thomas, *Empires of Intelligence: Security Services and Colonial Disorder after 1914* (Berkeley, CA, 2008), особенно 73–90 (в этой работе дается очерк проблем с исламом, который европейские империи испытывали в межвоенный период).

Johannes H. Voigt, «Hitler und Indien», *Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte* 19 (1971), 33–63, 50; Milan Hauner, «Das Nationalsozialistische Deutschland und Indien», in Manfred Funke (ed.), *Hitler, Deutschland und die Mächte: Materialien zur Außenpolitik des dritten Reiches* (Düsseldorf, 1976), 430–453, 436; и Milan Hauner, *India in Axis Strategy: Germany, Japan, and Indian Nationalists in the Second World War* (Stuttgart, 1981), 33. Фильм был снят по мотивам романа, написанного Френсисом Йейтсом-Брауном, британским офицером индийской армии: Yeats-Brown, *Lives of a Bengal Lancer* (London, 1930).

В межвоенный период германское министерство иностранных дел внимательно следило за положением дел на исламских территориях и за исламскими движениями: см.: документы в PA, R78240 (*Religions- und Kirchenwesen: Islam, 1924– 1928*); PA, R78241 (*Religions- und Kirchenwesen: Islam, 1928–1931*); PA, R78242 (*Religions- und Kirchenwesen: Islam, 1932–1936*); PA, R104801 (*Religions- und Kirchenwesen: Islam, 1936–1939*).

О геополитике см.: Frank Ebeling, *Geopolitik: Karl Haushofer und seine Raumwissenschaft, 1919–1945* (Berlin, 1994); конкретно о Хаусхофере: Hans-Adolf Jacobsen, *Karl Haushofer: Leben und Werk*, 2 vols. (Boppard, 1979); Bruno Hipler, *Hitlers Lehrmeister: Karl Haushofer als Vater der NS-Ideologie* (St. Ottilien, 1996).

Karl Haushofer, «Historische Belege zur Religionsgeopolitik», *Zeitschrift für Geopolitik* 20, 8 (1943), 278–280. В том же номере Генрих Фрик опубликовал свои «георелигиозные соображения по поводу связи между почвой и религией». См.: Heinrich Frick, «Regionale Religionskunde», *Zeitschrift für Geopolitik* 20, 8 (1943), 281–290.

Главным трудом Хаусхофера о «панидеях» является Karl Haushofer, *Geopolitik der Pan-Ideen* (Berlin, 1931); отсылки к исламу можно найти на страницах 8, 11, 15, 23, 37–39, 47, 63, и 81. В панисламе Хаусхофер видел идею и движение, которое может сдержать остальные движения, простираясь по «пан-Азии, пан-Европе и пан-Африке» (*ibid.*, 39, и 81).

Hans Rabl, «Über das Kalifat», *Zeitschrift für Geopolitik* 15, 11 (1938), 848–857. Ранее Рабль выдвигал некоторые из этих идей о халифате в: Hans Rabl, «Der Nahe Osten auf dem Weg zur Einigung», *Zeitschrift für Geopolitik* 13, 5 (1936), 293–302; Hans Rabl, «Nah-Ost Nachtrag», *Zeitschrift für Geopolitik* 13, 6 (1936), 402–404.

Ibid., 849.

Hans Lindemann, «Der Islam im Aufbruch und Angriff», *Zeitschrift für Geopolitik* 16, 11 (1939), 784–789.

Ibid., 786.

Ibid., 787.

Ibid., 785.

Hans Lindemann, *Der Islam im Aufbruch, in Abwehr und Angriff* (Leipzig, 1941).

Ibid., 84.

Аноним, «Die britische Islampolitik I», *Zeitschrift für Geopolitik* 19, 3 (1942), 133–143; Аноним, «Die britische Islampolitik II», *Zeitschrift für Geopolitik* 19, 4 (1942), 187–196.

Аноним, «Die britische Islampolitik I», 133.

Ibid., 143.

Аноним, «Die britische Islampolitik II», 191.

Pandit K. A. Bhatta, «Innenpolitische Probleme Indiens», *Zeitschrift für Geopolitik* 16, 12 (1939), 837–850, особенно 837–838, 843; Pandit K. A. Bhatta, «Britische Wehrpolitik in Indien», *Zeitschrift für Geopolitik* 17, 4 (1940), 172–181.

Herbert Hörhager, «Die Haltung der indo-afghanischen Grenzstämme zur indischen Krise», *Zeitschrift für Geopolitik* 17, 3 (1940), 119–124; и Habibur Rahman, «Die Stellung Afghanistans in Zentralasien», *Zeitschrift für Geopolitik* 17, 4 (1940), 182–184.

Walter Leifer, «Der Freiheitskampf der Araber», *Zeitschrift für Geopolitik* 17, 2 (1940), 65–70.

Ibid., 65.

Rudolf Friedmann, «Frankreich und der Islam», *Zeitschrift für Geopolitik* 4, 1 (1927), 58–68, 58.

Djamal Udin, «Zur Kulturpolitik Indonesiens II», *Zeitschrift für Geopolitik* 5, 3 (1928), 258–264; and Djamal Udin, «Zur Kulturpolitik Indonesiens II», *Zeitschrift für Geopolitik* 5, 4 (1928), 317–325, цитата на с. 320.

Willmar Freischütz, «Die indisch-englische Auseinandersetzung», *Zeitschrift für Geopolitik* 7, 4 (1930), 308–318, 309.

Heinrich Eck, «Russisch-Asien am Scheidewege», *Zeitschrift für Geopolitik*, 13, 2 (1936), 76–86, 85. Говоря о «русской Азии», автор включает в это понятие также Крым и Кавказ.

Ibid., 85; и, о роли панислама, с. 85–86.

Thomas Reichardt, *Der Islam vor den Toren* (Leipzig, 1939).

Ibid., 241–244, цитата на с. 241.

Ibid., 245–317.

Ibid., 297–298.

Ibid., 299.

Ibid., 326.

Ibid., 277. О идее подлинной антибольшевистской сущности ислама см.: с. 9 и сл.

Об использовании Японией ислама в борьбе за гегемонию в Азии см.: *ibid.*, 272– 276; о политике Италии и претензиях Муссолини на роль защитника ислама см.: *ibid.*, 300–308.

Ibid., 328.

Zaki Ali, «Großdeutschland und der Islam», in Reichardt, *Der Islam vor den Toren*, 329– 340. Годом ранее Заки Али уже опубликовал панисламистский трактат: Zaki Ali, *Islam in the World* (Lahore, 1938)

Ali, «Großdeutschland und der Islam», 331–332.

Ibid., 330.

Paul Schmitz, *All-Islam! Weltmacht von morgen?* (Leipzig, 1937). Это книга также привлекла внимание в других странах, см.: Robert Gale Woolbert, «Recent Books on International Relations», *Foreign Affairs* 16, 4 (1938), 728–744, 729. Ее перевели на японский: Paul Schmitz, *Kaikyô no Zenbô: Ashita no Sekai Seiryoku* (Токуо, 1938). Шмиц работал корреспондентом *Völkischer Beobachter* в Каире, пока в 1939 году власти Египта не выгнали его под давлением англичан: Шмиц – Боле (иностранный организация НСДАП), 21 мая 1939 г., Оберурсель, РА, R29533; Боле – Вайцеккеру (МИД), 26 мая 1939 г., Берлин, РА, R29533; и Мильденштейн (МИД), отчет, б. д. (1939), б. м. (Берлин), Федеральный архив Германии (*Bundesarchiv*), Берлин-Лихтерфельде (ВАВ), R58/783.

Он пользовался выражениями «Lebensraum», «Raumbedeutung», или «Islamische Schicksalsgemeinschaft», см.: Schmitz, *All-Islam!*, passim.

Ibid., 131.

Richard Hartmann, «Paul Schmitz, *All-Islam: Neubau der Arabischen Welt*» (Review), *Der Islam* 26 (1942), 67–71.

Ibid., 67–68.

Richard Hartmann, *Die Religion des Islam: Eine Einführung* (Berlin, 1944); и Richard Hartmann, «Nationalismus und Islam: Ein Vortrag von Prof. Dr. Hartmann», *Deutsche Zeitung in den Niederlanden* (29 July 1942).

Thomas Duve, «Die Gründung der Zeitschrift für Politik: Symbol und Symptom für die Entstehung einer Politikwissenschaft um 1900?», *Zeitschrift für Politik* 45 (1998), 405–426.

Erich Müller, «Mekka: Der Kraftpol des Nahen Orients», *Zeitschrift für Politik* (Mai 1938), 312–315, 313.

Ibid., 312.

Walter Hagemann, «Das französische Kolonialreich in Afrika», *Zeitschrift für Politik* 17, 7 (1928), 612–633; Edgar Pröbster, «Die kolonialpolitische Literatur Frankreichs (Seit 1922)», *Zeitschrift für Politik* 17, 1 (1927), 64–76; Edgar Pröbster, «Die kolonialen Probleme Frankreichs auf Grund der neuesten kolonialpolitischen Literatur», *Zeitschrift für Politik* 18, 1 (1928), 52–57; Edgar Pröbster, «Die Entwicklung von Frankreichs Islampolitik 1830–1930», *Zeitschrift für Politik* 20, 7/8 (1930), 477–486; Edgar Pröbster, «Die Entislamisierung der marokkanischen Berbern und ihre Folgen», *Zeitschrift für Politik* 23, 3 (1933), 201–204; A. Grabowsky, «Niederländisch-Indien im weltpolitischen Rahmen: Vorbemerkung», *Zeitschrift für Politik* 23, 5 (1933), 307–309; Karl Helbig, «Niederländisch-Indien gestern, heute und morgen», *Zeitschrift für Politik* 23, 5 (1933), 309–320; Habibur Rahman, «‘Dschihadistan’: Die friedlose Nordwestgrenze Indiens», *Zeitschrift für Politik* 28, 2 (1938), 121–125.

Sophie Freifrau v. Wangenheim, «Auf verlorenem Posten», *Zeitschrift für Politik* 26, 8/9 (1936), 498–508; и Sophie Freifrau v. Wangenheim, «Oberst Lawrence und der Auf-stand der Araber im Weltkrieg (Auf Grund der ‘Seven Pillars of Wisdom’)», *Zeitschrift für Politik* 27, 7/8 (1937), 417–437.

I. Jorda, «Die Westmächte und die Araber», *Zeitschrift für Politik* 31, 5 (1941), 294–302.

Richard Hartmann, «Der Mufti Amīn el-Ḥusainī», *Zeitschrift für Politik* 31, 7 (1941), 430–439; Ernst Klingmüller, «Hadj Emin el-Huseini: Großmufti von Jerusalem», *Zeitschrift für Politik* 33, 8/9 (1943), 413–417; довоенный материал, посвященный аль-Хусейни: Walther Björkman, «Der Mufti von Jerusalem», *Zeitschrift für Politik* 28, 5 (1938), 306–311. Еще одним коллаборационистом-мусульманином, удостоившимся статьи в *Zeitschrift für Politik*, стал сирийский повстанец Фавзи аль-Кавукджи, см.: I. Jorda, «Fauzi el-Kawukschi— der Held der Wüste: Das Leben eines arabischen Freiheitskämpfers», *Zeitschrift für Politik* 32, 4 (1942), 261–265.

Paschasius: «Europa und die islamische Welt des Nahen Ostens», *Militärwissenschaftliche Rundschau* 7, 2 (1942), 192–204, 197.

Johannes Benzing, «Bolschewismus, Turkvölker und Islam: Ein Beitrag zur Nationalitätenpolitik des Bolschewismus», *Osteuropa* 13, 3 (1937), 187–194. Бенцинг также писал о важности ислама и «священной войны» в сопротивлении мусульманских народов российскому господству еще во времена царизма, в статье Johannes Benzing, «Das turkestanische Volk im Kampf um seine Selbstständigkeit», *Die Welt des Islams* 19 (1937), 94–137, особенно 101–102, 105.

Benzing, «Bolschewismus, Turkvölker und Islam», 194.

Ibid., 194.

Ibid., 193.

Johannes Benzing, *Turkestan* (Berlin, 1943); и Johannes Benzing, «Die Türkvölker der Sowjetunion», in Hans Heinrich Schaeder (ed.), *Der Orient in deutscher Forschung* (Leipzig, 1944), 18–26.

Gerhard von Mende, *Der nationale Kampf der Russlandtürken: Ein Beitrag zur nationalen Frage in der Sowjetunion* (Berlin, 1936), о исламе и национализме в СССР см.: 180– 182. Через три года Менде снова высказал эти идеи в работе: Gerhard von Mende, *Die Völker der Sowjetunion* (Reichenau, 1939).

G. J., «Gerhard von Mende, Der nationale Kampf der Russlandtürken» (Review), *Die Welt des Islams* 18 (1936), 146–147.

Ibid., 146.

Gotthardt Jäschke, «Kommunismus und Islam im Türkischen Befreiungskriege», *Die Welt des Islam* 20 (1938), 110–117.

Paul Schmitz, *Moskau und die islamische Welt* (Munich, 1938),
quotation on 15.

Ibid., 21.

Ibid., 22.

Ibid., 58.

J. Benzing, «Paul Schmitz, Moskau und die islamische Welt» (Review), *Die Welt des Islams* 20 (1938), 151–152, 152.

Karl Krüger, «Der Islam als Wirtschaftsfaktor in Mittelasien», *Organ des Deutschen Orient Vereins* 2, 8 (1941), 48–53. Ранние размышления Крюгера о «душе» «исламского человека» см. в: Karl Krüger, «Der neue Wirtschaftsgeist im Islamischen Orient», *Zeitschrift für Politik* (1923), 248–263.

Franz Ronneberger, «Der Islam im Antlitz Europas», *Völkischer Beobachter* (19 October 1942).

Аноним, «Zum Mohammedanerproblem in Bosnien und der Herzegowina», *Volkstum im Südosten* 7 (1943), 103–112.

Что любопытно, авторы считали кемалистскую Турцию (и ее светский режим) исключением в исламском мире – или же утверждали, что ислам все еще играет важную роль в стране. Для Линдемана турецкая ситуация была исключительной, см.: Lindemann, «Der Islam im Aufbruch und Angriff», 788. Райхардт дошел даже до того, что заявил, что светской политике кемализма большинство мусульман противостоят как еретической, см.: Reichardt, *Der Islam vor den Toren*, 321–322. Его позицию разделял Шмиц. По мнению последнего, внимательное изучение Турции показывает, что религию нельзя полностью упразднить: Schmitz, *All-Islam!*, 106. Во время войны *Militärwissenschaftliche Rundschau* также объясняло, что кемалистская Турция «все равно» осталась мусульманской, см.: W. Paschasius, «Europa und die islamische Welt», 197.

Наверное, лучшим примером может служить работа Rolf Beckh, *Der Islam und die überstaatlichen Mächte* (Munich, 1937). Ее автор описывает ислам как отсталую, антинационалистическую и «семитскую» религию и сравнивает ее с коммунизмом; однако и Бек признавал факт исламского возрождения.

Robert L. Baker, *Oil, Blood and Sand* (New York, 1942), 39. Во Франции также отслеживали политику Германии относительно исламского мира. Наиболее значимая работа: Bernard Vernier, *La politique islamique de l'Allemagne* (Paris, 1939).

Baker, *Oil, Blood and Sand*, 42–44.

Ibid., 42.

Ibid.

Ibid., 45.

Ibid., 44.

Ebeling, *Geopolitik*; о Хаусхофере и его влиянии на Гитлера см.: Jacobsen, *Karl Haushofer*; и Hipler, *Hitlers Lehrmeister*. Хотя Якобсен аргументированно утверждает, что влияние Хаусхофера не следует преувеличивать, Хиплер доказывает обратное.

О том, какие работы по исламу читали в СС, см.: документы в ВАВ, NS31/29 и NS31/30; в вермахте, см. документы в федеральных военных архивах ФРГ (*Bundesarchiv, Militärarchiv*), Фрайбург (ВА–МА), RH 2/1764; в Министерстве оккупированных восточных территорий, см. документы в ВАВ, R6/510, R6/512 и R6/555.

Оппенгейм, меморандум, 25 июля 1940 г., Берлин, PA, Nachlass Hentig, vol. 84.

Хабихт – Оппенгейму, 27 июля 1940 г., Берлин, PA, Nachlass
Hentig, vol. 84.

Шторер, записка, 18 ноября 1941 г., Берлин, РА, R29533.

Ibid.

О Шрумпе-Пьероне см.: André-Paul Weber, *Conseiller du grand mufti: L'odyssée du Docteur Pierre Schrumpf-Pierron 1882–1952* (Paris, 2005).

Шрумф-Пьеррон, меморандум, 12 мая 1941 г., Каир, ВА-МА, RH
2/1765.

Правительственная улица в Берлине, где, помимо других министерств и ведомств Третьего рейха, располагался МИД.– *Прим. пер.*

Верман, записка («Aufzeichnung zur arabischen Frage»), 7 марта 1941 года, Берлин, PA, R261123.

Верман, записка, 23 января 1942 г., Берлин, РА, R27501.

Верман, записка, 11 февраля 1942 г., Берлин, РА, R27501 (также в: РА, R60670).

Верман – Вайцзеккеру, 3 марта 1942 г., Берлин, РА, R30005.

В этих дискуссиях индийские мусульмане считались особым случаем, так как Германия пыталась избежать поддержки мусульманского сепаратизма в этой британской колонии. Основные меморандумы на темы ислама и политики в Британской Индии: Альсдорф (МИД), записка («Die indischen Mohammedaner, der Pakistan-Plan und die deutsche Orientpolitik»), б. д. (1941), Берлин, PA, R27501; Кепплер, записка («Propagandistische Erfassung der indischen Moslems»), 8 марта 1943 г., Берлин, PA, R67660; а также Кепплер, записка («Sprachregelung über das Problem der Moslem-Liga»), 3 апреля 1943 г., Берлин, PA, R60677.

О политике германского МИДа в Северной Африке и на Ближнем Востоке см.: Tillmann, *Deutschlands Araberpolitik im Zweiten Weltkrieg*; Hirszowicz, *The Third Reich and the Arab East*; и Schröder, *Deutschland und der Mittlere Osten im Zweiten Weltkrieg*.

О Гроббе см.: Francis R. Nicosia, «Fritz Grobba and the Middle East Policy of the Third Reich», in Edward Ingram (ed.), *National and International Politics in the Middle East: Essays in Honour of Elie Kedourie* (London, 1986), 206–228; Edgar Flacker, «Fritz Grobba and Nazi Germany's Middle Eastern Policy, 1933–1942» (PhD diss., University of London, 1998); и Wolfgang G. Schwanitz, «‘The Jinn and the Magic Bottle’: Fritz Grobba and the German Middle Eastern Policy 1900–1945», in Wolfgang G. Schwanitz (ed.), *Germany and the Middle East 1871–1945* (Princeton, NJ, 2004), 86–117; его мемуары: Fritz Grobba, *Männer und Mächte im Orient: 25 Jahre diplomatische Tätigkeit im Orient* (Göttingen, 1967). Цитата из журнала: Albert Viton, «Britain and the Axis in the Near East», *Foreign Affairs* 2 (January 1941), 370–384, 380.

О Прюфере см.: Paul Kahle, «Curt Prüfer», *Zeitschrift der deutschen Morgenländischen Gesellschaft* 111 (1961), 1–3; McKale, *Curt Prüfer*; военные дневники Прюфера (исходная и исправленная версия): Donald M. McKale (ed.), *Rewriting History: The Original and Revised World War II Diaries of Curt Prüfer, Nazi Diplomat* (Kent, OH, 1988).

Ilan Pappé, *The Rise and Fall of a Palestinian Dynasty: The Husaynis 1700–1948* (London, 2010).

Uri M.Kupferschmidt, *The Supreme Muslim Council: Islam under the British Mandate for Palestine* (Leiden, 1987), особенно 19–28.

О пребывании Амина аль-Хусейни в Берлине см.: Schechtman, *The Mufti and the Fuehrer*; Lebel, *The Mufti of Jerusalem*; Gensicke, *The Mufti of Jerusalem and the Nazis*; сборник документов о действиях муфтия в Германии: Gerhard Höpp (ed.), *Mufti-Papiere: Briefe, Memoranden, Reden und Aufrufe Amin al-Husainis aus dem Exil, 1940–1945* (Berlin, 2002). Обзор историографии можно найти в: Höpp, «Der Gefangene im Dreieck».

О встрече Гитлера с аль-Хусейни см.: Schechtman, *The Mufti and the Fuehrer*, 122–124; Lebel, *The Mufti of Jerusalem*, 110–116; Gensicke, *The Mufti of Jerusalem and the Nazis*, 66–69. «Немецкое еженедельное обозрение» (пропагандистский киножурнал) показало прием, и, по данным СС, эта хроника была воспринята немцами «с большим интересом». См.: Heinz Boberach (ed.), *Meldungen aus dem Reich, 1938–1945: Die geheimen Lageberichte des Sicherheitsdienstes der SS*, vol. 9 (Berlin, 1984), 3101–3119 (18 декабря 1941 г.), 3106.

Музаккират аль-Хадж Мухаммад Амин аль-Хусейни («Воспоминания Хадж Мухаммада Амина аль-Хусейни»), под ред. Абдалькарима аль-Умара (Дамаск, 1999), 108. Воспоминания частично опираются на дневник аль-Хусейни и ярко отражают страстное желание муфтия показать себя великим государственным деятелем.

Пауль Шмидт, официальный переводчик Гроббы и Гитлера, написал для министерства иностранных дел ряд отчетов о встрече, где подробно рассказал о содержании разговора. См.: Шмидт, записка «Aufzeichnung über die Unterredung zwischen dem Führer und dem Grossmufti von Jerusalem in Anwesenheit des Reichsaussenministers u. des Gesandten Grobba in Berlin am 28. November 1941», 30 ноября 1941 г., Берлин, РА, R35475; Grobba, записка «Empfang des Großmufti durch den Führer», 1 декабря 1941 г., Берлин, РА, R261123. Еще один рассказ о встрече, якобы опирающийся на послевоенные воспоминания Йоханнеса Эпплера, который также переводил на приеме, см. в: Leonard Mosley, *The Cat and the Mice* (London, 1958), 26–29. Заявления Мосли о скованности Гитлера при встрече с аль-Хусейни (фюрер якобы даже отказался обменяться с муфтием рукопожатием) однозначно опровергаются в мемуарах Эпплера, см.: John Eppler, *Operation Condor: Rommel's Spy* (London, 1977), 193–197 (о Мосли – р. 241–243); в немецкое издание мемуаров рассказ об этой встрече не вошел: John W. Eppler, «*Rommel ruft Kairo*»: *Aus dem Tagebuch eines Spions* (Gütersloh, 1959); John W. Eppler, *Geheimagent im Zweiten Weltkrieg: Zwischen Berlin, Kabul und Kairo* (Preußisch Oldendorf, 1974).

Эттель (МИД), записка, 16 апреля 1943 г., Берлин, РА, R27322.

Этот конфликт подробно задокументирован, о чем свидетельствуют архивы министерства иностранных дел: PA, R27322–27328. О соперничестве аль-Хусейни и аль-Гайлани см.: Schechtman, *The Mufti and the Fuehrer*; Lebel, *The Mufti of Jerusalem*, passim; Gensicke, *The Mufti of Jerusalem and the Nazis*. После войны Вильгельм Мельхерс дал неплохой отчет о конфликте: Мельхерс, заявление, сделанное при допросе во время Нюрнбергского процесса, («Die Politik des Mufti»), 6 августа 1947 г., Нюрнберг, Archives of the Center for Advanced Holocaust Studies, Washington, DC (USHMA), RG 71, Box 248.

Об Эттеле см.: Frank Bajohr, “‘Im übrigen handle ich so, wie mein Gewissen es mir als Nationalsozialist vorschreibt’: Erwin Ettl – vom SS-Brigadeführer zum außenpolitischen Redakteur der ZEIT, in Jürgen Matthäus and Klaus-Michael Mallmann (eds.), *Deutsche, Juden, Völkermord: Der Holocaust als Geschichte und Gegenwart* (Darmstadt, 2006), 241–255.

Schechtman, *The Mufti and the Fuehrer*; Lebel, *The Mufti of Jerusalem*; и Gensicke, *The Mufti of Jerusalem and the Nazis*.

Общий обзор можно найти в трех книгах, указанных выше, а также в: Gerhard Höpp, «„Nicht ‘Alī zuliebe, sondern aus Hass gegen Mu‘āwiya“: Zum Ringen um die „Arabien-Erklärung“ der Achsenmächte 1940–1942», *Asien, Afrika, Lateinamerika* 27 (1999), 569–587.

Об этих его действиях см.: Raul Hilberg, *The Destruction of the European Jews* (London, 1961), 504–505; Schechtman, *The Mufti and the Fuehrer*, 154–159; Lebel, *The Mufti of Jerusalem*, 246–255; и Gensicke, *The Mufti of Jerusalem and the Nazis*, 117–129.

О жалованье аль-Хусейни см.: Schechtman, *The Mufti and the Fuehrer*, 142–144; Lebel, *The Mufti of Jerusalem*, 136–138; Gensicke, *The Mufti of Jerusalem and the Nazis*, 161–167.

Попытки муфтия представить себя арабским националистом сразу после прибытия в Берлин, в 1941–1942 гг., прослеживаются по всем его письмам в МИД. См. документы в: РА, R27322–27328. В июне 1942 г. он даже заявил Эттелю, что получил плохое богословское образование и было ошибкой воспринимать его просто как религиозного деятеля. Хотя там же муфтий подчеркнул, что в норме мусульмане не разделяют политику и религию. См.: Эттель, записка, 26 июня 1942 г., Берлин, РА, R27324.

Гробба – Верману, 19 октября 1942 г., Берлин, РА, R27322.

Эттель – Риббентропу, 22 сентября 1942 г., Берлин, РА, R27324.

Идрис, биография, б. д. (после 1933 г.), б. м. (Берлин), РА, R60740.

Аноним (Rashid Rida), «Fatawa al-Manar», *Al-Manar* 33 (5 September 1933), 347–351. Тут же на с. 347 приведено письмо Алимджана Идриса. Этот выпуск «аль-Манар» хранится в библиотеке Британского музея.

Об истории института в перспективе исследований мусульман Германии см.: Gerhard Höpp, «Muslime unterm Hakenkreuz: Zur Entstehung des Islamischen Zentralinstituts zu Berlin e.V.», *Moslemische Revue* 1 (1994), 16–27; Bernd Bauknecht, *Muslime in Deutschland von 1920 bis 1945* (Cologne, 2001), 107–117. Официальные документы, посвященные институту, можно найти в Берлинском государственном архиве (*Landesarchiv Berlin*), Берлин (LArchB), A Pr. Br. Rep 030– 04 (*Polizeipräsidium Berlin, Vereine*), no. 2314 (*Islam-Institut, 1939–1940*); LArchB, A Pr.Br.Rep. 030–04 (*Polizeipräsidium Berlin, Vereine*), no. 2840 (*Islamisches Zentral-Institut zu Berlin, 1942–1945*); о церемонии открытия института в 1942 году см.: PA, R27322, R27324, R27327, и R60601.

Прюфер – Верману, 13 декабря 1942 г., Берлин, PA, R27327.

Аль-Хусейни, речь, 18 декабря 1942 г., Берлин, РА, R27327.

Эттель, записка, 11 декабря 1942 г., Берлин, РА, R27327, об одобрении речи Риббентропом и об организации радиотрансляции см.: Прюфер, записка, 10 декабря 1942 г., Берлин, РА, R27327; Эттель, записка, 11 декабря 1942 г., Берлин, РА, R27327; и Эттель, записка, 16 декабря 1942 г., Берлин, РА, R27327.

Аноним, «Dieser Krieg kann dem Islam die Freiheit bringen!», *Völkischer Beobachter* (19 December 1942); двумя месяцами ранее в газете уже выходил аналогичный материал по исламской тематике, см.: Н. Höpfl'1, «Der Islam in der Prüfung», *Völkischer Beobachter* (6 October 1942).

Аноним, «Der Großmufti über den Befreiungskampf des Islams: Eröffnung eines Islamischen Kulturinstitutes in Berlin», *Deutsche Allgemeine Zeitung* (19 December 1942). На следующий день газета напечатала фотографию мероприятия, см.: Аноним, «Der Großmufti von Jerusalem sprach in Berlin», *Deutsche Allgemeine Zeitung* (20 December 1942).

Аноним, «Der Sprecher von 400 Millionen klagt an», *Das 12 Uhr Blatt: Neue Berliner Zeitung* (19 December 1942); фотографии: аноним, «Der Großmufti sprach», *Berliner Illustrierte Nachtausgabe* (19 December 1942); аноним, «Islamische Freiwillige beim Großmufti», *Berliner Illustrierte Nachtausgabe* (19 December 1942).

О возрождении института см. литературу в прим. 34; краткий обзор см. в: Эттель, записка, 11 декабря 1942 г., Берлин, РА, R27327; Эттель, записка, 16 декабря 1942 г., Берлин, РА, R27327.

О мусульманской диаспоре в межвоенной Германии и берлинской мечети см.: Gerhard Höpp, «Zwischen Moschee und Demonstration: Muslime in Berlin, 1920– 1930», *Moslemische Revue* 3 (1990), 135–146; 4 (1990), 230–238; и 1 (1991), 13–19; Gerhard Höpp, «Die Wünsdorfer Moschee»: Britta Richter, «Islam im Deutschland der Zwischenkriegsjahre», *Zeitschrift für Türkeistudien* 2 (1996), 257–266; Bauknecht, *Muslime in Deutschland von 1920 bis 1945*.

Мельхерс – Верману, 16 декабря 1942 г., Берлин, РА, R27327;
Тишмар – Эттелю, 17 декабря 1942 г., Берлин, РА, R27327.

Курт Мунцель, руководитель ближневосточной секции радиополитического отдела МИДа, отвечал за всю бухгалтерию института, см.: «Protokoll der neuen Gründungsversammlung des Islamischen Zentral-Instituts», октябрь 1942 г., Берлин, LArchB, A Pr. Br. Rep. 030–04, no. 2840.

Эттель, записка, 11 декабря 1942 г., Берлин, РА, R27327.

Эттель, записка, 26 февраля 1943 г., Берлин, РА, R27322.

О политике МИДа на Кавказе и в Крыму см.: Alexander Dallin, *German Rule in Russia, 1941–1945: A Study of Occupation Policies* (London, 1957), 235–240, 272, 257–259; Mühlen, *Zwischen Hakenkreuz und Sowjetstern*, 68–81.

О Хентиге и особенно о его действиях в Крыму см.: «‘Nachrichten aus dem Zweiten Krimkrieg’: Werner Otto v. Hentig als Vertreter des Auswärtigen Amts bei der 11. Armee», in Wolfgang Elz and Sönke Neitzel (eds.), *Internationale Beziehungen im 19. und 20. Jahrhundert: Festschrift für Winfried Baumgart zum 65. Geburtstag* (Paderborn, 2003), 361–387; его мемуары: Werner Otto von Hentig, *Mein Leben: Eine Dienstreise* (Göttingen, 1962).

Хентиг, записка («Turanismus»), б. д. (ноябрь 1941 г.), Берлин, РА, R28876 (также в: РА, R261179).

Хентиг, записка («Stand der sog. Turanischen Frage»), 25 февраля 1942 г., Берлин, РА, R60690 (также в: РА, R261175).

Ibid.

О конфликте между МИДом и министерством оккупированных восточных территорий см. литературу в прим. 47.

О политике министерства оккупированных восточных территорий в отношении Кавказа и Крыма, а также национальных комитетов см.: Dallin, *German Rule in Russia*, 228–231, 235–240, 253–257, 264–270; Mühlen, *Zwischen Hakenkreuz und Sowjetstern*, 68–138.

Менде – Даллину, 19 ноября 1953 г., б. м., цит. по: Dallin, *German Rule in Russia*, 267.

Бройтигам, записка («Politische Richtlinien hinsichtlich Turkestan»),
25 ноября 1941 г., Берлин, ВАВ, R6/247.

О политике вермахта в Крыму и на Кавказе см.: Dallin, *German Rule in Russia*, 238–249 and 259–264; Mühlen, *Zwischen Hakenkreuz und Sowjetstern*, 57–68, 183–195.

Швайцер (вермахт), записка («Verbreitung des Islams unter den Kriegsgefangenen»), 18 ноября 1941 г., Берлин, United States National Archives, Maryland (USNA), RG 242, T454, Roll 92. После нападения на СССР армия достаточно быстро столкнулась с тем, что военнопленные-мусульмане предложили сражаться плечом к плечу с немцами против атеистов-большевиков. См., например, письмо узбекских военнопленных Гитлеру (которое подписали 40 человек), б. д. (1941), б. м. (перевод на немецкий с узбекского, 7 сентября 1941 г., Вена), PA, R29900. Авторы письма от лица миллионов мусульман благодарили Гитлера за их освобождение и уверяли его, что Москве не удалось уничтожить ислам и религию.

Швайцер, записка («Verbreitung des Islams unter den Kriegsgefangenen»), 18 ноября 1941 г., Берлин, USNA, RG 242, T454, Roll 92.

Вермахт, записка («UdSSR und Islam»), 15 мая 1942 г., Берлин, ВА–
МА, RH 2/1764.

Там же.

О Нидермайере см.: Franz W. Seidler, «Oskar Ritter von Niedermayer im Zweiten Weltkrieg: Ein Beitrag zur Geschichte der Ostlegionen», *Wehrwissenschaftliche Rundschau* 20, 3 (1970), 168–174 и 20, 4 (1970), 193–208; Seidt, *Berlin, Kabul, Moskau*.

После начала войны Нидермайер обратился в МИД и предложил свои услуги по организации восстаний в арабском мире и в Индии против британцев, ссылаясь на свой опыт времен Первой мировой. См.: Нидермайер, отчет («Politik und Kriegsführung im Vorderen Orient: Eine wehrpolitisch-strategische Studie»), 3 ноября 1939 г., Берлин, РА, R261179.

Гробба – Верману, 19 октября 1942 г., Берлин, РА, R27322. Здесь подчеркивается, что «ОКВ (Верховное командование вермахта) протестовало против кандидатуры аль-Хусейни, считая его ненадежным человеком».

О Бергере см.: Gerhard Rempel, «Gottlob Berger and Waffen-SS Recruitment: 1939– 1945», *Militärgeschichtliche Mitteilungen* 27, 1 (1980), 107–122 (в этой работе рассказывается прежде всего о его роли в мобилизации добровольцев в войска СС); более общая работа: Gerhard Rempel, «Gottlob Berger: ‘Ein Schwabengeneral der Tat,’» in Ronald Smelser and Enrico Syring (eds.), *Die SS: Elite unter dem Totenkopf: 30 Lebensläufe* (Paderborn, 2000), 45–59; Joachim Scholtyseck, «Der „Schwabenherzog“ Gottlob Berger, SS-Obergruppenführer», in Joachim Scholtyseck and Michael Kißener (eds.), *Die Führer der Provinz: NS-Biographien aus Baden und Württemberg* (Konstanz, 1997), 77–110; Alfred Hoffmann, «Der „maßlose Drang, eine Rolle zu spielen“: Gottlob Berger», in Wolfgang Proske (ed.), *Täter, Helfer, Mitläufer: NS-Belastete von der Ostalb* (Münster, 2010), 21–51.

О политике Германии на Балканах см.: Tomasevich, *War and Revolution in Yugoslavia*, особенно 466–510; Redžić, *Bosnia and Herzegovina in the Second World War*; Hoare, *Genocide and Resistance in Hitler's Bosnia*; и Hoare, *The Bosnian Muslims in the Second World War*.

О работе СС с тюркскими народами СССР см.: Dallin, *German Rule in Russia*, 168– 181 and 587–612; Mühlen, *Zwischen Hakenkreuz und Sowjetstern*, 139–165; Sebastian Cwiklinski, «Die Panturkismus-Politik der SS: Angehörige sowjetischer Turkvölker als Objekte und Subjekte der SS Politik», in Höpp and Reinwald (eds.), *Fremdeinsätze*, 149–166.

После окончания войны Ольша написал подробный отчет о своей работе в Главном управлении СС и о частях советских мусульман в войсках СС, см.: Olzscha, Report, 1945, Archives of the Federal Commissioner for the Stasi Documents (*Bundesbeauftragter für die Stasi-Unterlagen*), Берлин (BStU), MfS, HA IX/11, ZR920, A. 54.

Об обществе *Arbeitsgemeinschaft Turkestan* в Дрездене см.: Burchard Brentjes, «Die „Arbeitsgemeinschaft Turkestan im Rahmen der DMG“: Ein Beispiel des Mißbrauchs der Wissenschaften gegen die Völker Mittelasiens», in Burchard Brentjes (ed.), *60 Jahre Nationale Sowjetrepubliken in Mittelasien im Spiegel der Wissenschaften* (Halle an der Saale, 1985), 151–172; и Horst Kießmehl, “Mittelasien: Ziel- und Einsatzgebiet deutscher bürgerlicher Wissenschaften: Bemerkungen zu einigen Aspekten der Organisation und Kontinuität deutscher imperialistischer und faschistischer Mittelasienforschung, in Brentjes (ed.), *60 Jahre Nationale Sowjetrepubliken*, 127–150.

Ольша, записка («Schaffung einer turkotatarischen (osttürkischen) Dachorganisation in Deutschland»), 24 апреля 1944 г., Берлин, ВАВ, NS31/42.

Ольша, записка («Rücksprache mit SS-Standartenführer Spaarmann und SS-Hstuf. Ullrich»), 12 мая 1944 г., Берлин, ВАВ, NS31/42.

Ольша, записка («Unterlagen über Fremdvölker in der Sowjet-Union»), 17 октября 1944 г., Берлин, ВАВ, NS31/28.

Ольша, отчет, 1945, BStU, MfS, HA IX/11, ZR920, A. 54.

Мельхерс, заявление, сделанное при допросе во время Нюрнбергского процесса («Die Politik des Mufti»), 6 августа 1947 г., Нюрнберг, USHMA, RG 71, Box 248.

Ольша, отчет, 1945, BStU, MfS, HA IX/11, ZR920, A. 54.

Херман (Главное управление СС), записка («Mobilisierung des Islam»), 28 февраля 1944 г., Берлин, ВАВ, NS31/42 (также в: ВАВ, NS31/43).

Служба Ольши (DI/4k и DI/5k) подчинялась как «секции добровольцев» под началом Шпармана (DI), так и «юго-восточной секции добровольцев» (DI/4). Вначале это учреждение занималось только кавказскими и туркестанскими частями, но вскоре также стало заниматься другими неевропейскими (в основном мусульманскими) подразделениями. Несколько конструктивных планов по работе службы было разработано в 1944 г. Первоначально она была известна как «Muselmanen-Abteilung». Позднее ее реорганизовали в соответствии с этническими категориями. Наконец, она получила название «DI/4k и DI/5k». DI/5k работал по Туркестану и Кавказу, а DI/4k – по Ближнему Востоку и Азии, но он включал еще и третий подотдел, «исследований, прессы и пропаганды», который был всеобъемлющим и включал службу по работе с исламом («Бюро ислама»). Документы и планы этих учреждений см. в: ВАВ, NS31/170.

«Бюро ислама» (оно же «Referat 11» на протяжении 1944 г. возглавляли различные офицеры. В одном источнике указывается некто Бетке, см.: Ольша, приказ («Besetzung der Referate»), 5 ноября 1944 г., Берлин, ВАВ, NS31/170; в другом упоминается майор Киллингер, см.: план («Aufbau der Dienststelle DI/4k und DI/5k»), б. д., Берлин, ВАВ, NS31/170; в еще одном говорится, что бюро возглавлял лично Ольша, см.: план («Organisationsplan Dienststelle DI/4k u. DI/5k»), б. д., Берлин, ВАВ, NS31/170; и Ольша, записка («Einstufung von Fachführern»), 14 декабря 1944 г., Берлин, ВАВ, NS31/170.

Мельхерс, заявление, сделанное при допросе во время Нюрнбергского процесса («Die Politik des Mufti»), 6 августа 1947 г., Нюрнберг, USHMA, RG 71, Box 248.

Переписка между Оппенгеймом и Хентигом в период с июля 1940 г. по февраль 1942 г. показывает, что они регулярно обсуждали политические проблемы исламского мира, а также часто встречались и что Оппенгейм поддерживал контакты с другими должностными лицами в министерстве иностранных дел, см.: PA, Nachlass Hentig, vol. 84. См. неотредактированные дневники Прюфера, которые охватывают период между ноябрем 1942 г. и сентябрем 1943 г. и показывают, что Прюфер также часто встречался со своим старым другом Оппенгеймом и обсуждал с ним политические дела мусульманского мира: McKale (ed.), *Rewriting History*, passim.

Оппенгейм, воспоминания («Leben im NS-Staat, 1933–1945»), б. д. (1945/1946), б. м. (Ландсхут), Oppenheim Bank Archive (*Hausarchiv Sal. Oppenheim*), Кельн (ОА), Nachlass Max von Oppenheim no. 1/14.

По мнению Марка Мазовера, преемственность идей между кайзеровской и гитлеровской Германией была выражена сильнее, чем кадровая преемственность, см.: Mazower, *Hitler's Empire*, 584.

Adolf Hitler, *Mein Kampf* (Munich, 1942 [1925–1926]), 747.

Alfred Rosenberg, *Der Mythos des 20. Jahrhunderts: Eine Wertung der seelisch-geistigen Gestaltenkämpfe unserer Zeit* (Munich, 1937 [1930]), 662–666. Розенберг фактически был единственным высокопоставленным нацистом, который открыто называл ислам культурно неполноценным: *ibid.*, 365–369.

Документы о споре относительно официальной расовой классификации арабов, турок и иранцев хранятся в двух папках под названием «Принадлежность египтян, иракцев, персов и турок к арийской расе»– РА, R99173 и РА, R99174. Об иных случаях можно узнать по данным в папке «Последствия германской расовой политики расы для отношений с иностранными государствами» – РА, R99182. Она также показывает, что немцы были одинаково прагматичны в случае стран Латинской Америки, Восточной и Южной Азии. Вообще об этих дискуссиях см.: Herf, *Nazi Propaganda for the Arab World*, 17–24; о роли иранцев см.: David Motadel, *Iran and the Aryan Myth*, in Ali M. Ansari (ed.), *Perceptions of Iran: History, Myths and Nationalism from Medieval Persia to the Islamic Republic* (London, 2013), 119–145, 125–135. О расовой дискриминации арабов в Германии см.: Gerhard Höpp, «Der verdrängte Diskurs: Arabische Opfer des Nationalsozialismus», in Gerhard Höpp, Peter Wien, and René Wildangel (eds.), *Blind für die Geschichte? Arabische Begegnungen mit dem Nationalsozialismus* (Berlin, 2004), 215–268, 217–219; Sophie Wagenhofer, «Rassischer» Feind – politischer Freund? *Inszenierung und Instrumentalisierung des Araberbildes im nationalsozialistischen Deutschland* (Berlin, 2010), 32–43.

Хинрихс (МИД) – министерству внутренних дел, министерству пропаганды, управлению расовой политики НСДАП, 17 января 1936 г., Берлин, РА, R99173.

Хинрихс (МИД) – министерству внутренних дел, министерству пропаганды, управлению расовой политики НСДАП, февраль, 30 марта 1936 г., Берлин, РА, R99173, где упоминается прошедшая 12 февраля 1935 года конференция, на которой было принято это решение. Решение одобрили отдельно различные чиновники: Гросс (Управление расовой политики НСДАП) – МИДу, 4 апреля 1936 г., Мюнхен, РА, R99173; Вайсенхоф (министерство пропаганды) – МИДу, 8 апреля 1936 г., Берлин, РА, R99173; Пфундтнер (МВД) – МИДу, 12 мая 1936 г., Берлин, РА, R99173. Наконец, МИД разослал его по всем министерствам 30 апреля 1936 г., РА, R99173 (также в: РА, R99182).

Аноним, «Les Turcs promus „aryens“», *Le Temps* (14 June 1936).

Шторер (посольство Германии в Египте) – МИДу, 15 июня 1936 г., Каир, РА, R99173 (также в: РА, R99174); Келлер (посольство Германии в Турции) – МИДу, 19 июня 1936 г., Тарабья, РА, R99173.

МИД, пресс-релиз («Notiz für die Presse»), 16 июня 1936 г., Берлин, РА, R99173 (также в: РА, R99174).

Пилгер, записка, 16 июня 1936 г., Берлин, РА, R99173; информирование посольств Германии в Египте, Ираке и Иране относительно официального заявления МИДа, беседа послов Египта и Ирана в Берлине см.: Бюлов-Шванте – посольствам Германии в Каире, Багдаде и Тегеране, 18 июня 1936 г., Берлин, РА, R99173 (также в: РА, R99174).

Пилгер, записка, 16 июня 1936 г., Берлин, РА, R99173; посольство Египта в Берлине – МИДу, 22 июня 1936 г., Берлин РА, R99173 (также в: РА, R99174).

Меморандум для консульств и посольств Ирана за границей, Министерство иностранных дел (Document no. 41749), 3/10/1313 (1935), Тегеран, Государственный архив Ирана (*Sazman-i Asnad-i Milli-yi Iran*), Тегеран (SAMI), пленка 22–240, 21/6/214 (Archive no. 297036473). Меморандум был разослан вместе с письмом министра на ту же тему, см.: Бакир Казими – посольствам Ирана за границей (Document no. 41797), 4/10/1313 (1935), Тегеран, SAMI, папка 510006, дело 444 (Archive no. 297036473).

Хинрихс, отчет («Sitzung vom 1. Juli 1936 im Auswärtigen Amt zwecks Beantwortung der ägyptischen und iranischen Anfragen und Klärung des Begriffs „artverwandt“»), 2 июля 1936 г., Берлин, РА, R99174; о приглашении: Бюлов-Шванте (МИД) – различным министерствам рейха, 26 июня 1936 г., Берлин, РА, R99173 (также в: РА, R99174).

МИД – посольству Египта в Берлине, 4 июля 1936 г., Берлин, РА, R99173 (также в: РА, R99174); о реакции египтян: Хинрихс – посольству Германии в Каире, 14 июля 1936 г., Берлин, РА, R99174; и аналогично: Хинрихс – различным министерствам, 15 июля 1936 г., Берлин, РА, R99174.

Хинрихс – посольству Германии в Тегеране, 11 июля 1936 г., Берлин, РА, R99174; об ответе иранцев: Сменд – МИДу, 18 июля 1936 г., Тегеран, РА, R99174.

Гросс – МИДу, 28 апреля 1937 г., Берлин, РА, R99182.

Об официальной отмене термина «антисемитизм» в нацистской Германии см.: Cornelia Berning, *Vom «Abstammungsnachweis» zur «Zuchtwart»: Vokabular des Nationalsozialismus* (Berlin, 1954), 13–14; Cornelia Schmitz-Berning, *Vokabular des Nationalsozialismus* (Berlin, 1998), 34–39; Thomas Nipperdey and Reinhard Rürup, «Antisemitismus», in Otto Brunner, Werner Conze, Reinhart Koselleck (eds.), *Geschichtliche Grundbegriffe: Historisches Lexikon zur politisch-sozialen Sprache in Deutschland*, vol. 1 (Stuttgart, 1972), 129–153, 151–152.

«Anweisung der Pressekonferenz», 22 августа 1935 г., Берлин, Bundesarchiv, Koblenz (BAK), ZSg 101/6; также в: Hans Bohrmann (ed.), *NS-Pressenanweisungen der Vorkriegszeit: Edition und Dokumentation*, vol. 3/II (Munich, 1987), 522.

Zimmermann, «Mohammed als Vorbote der NS-Judenpolitik?», 293;
Herf, *The Jewish Enemy*, 159; и Lebel, *The Mufti of Jerusalem*, 238–239.

Министерство пропаганды, инструкции («Die islamische Welt als Kulturfaktor»), *Zeitschriften-Dienst*, no. 7514 (11 сентября 1942 г.); и сходный документ: Министерство пропаганды, инструкции («Die islamische Welt als Kulturfaktor»), *Deutscher Wochendienst*, no. 7514 (11 сентября 1942 г.). *Zeitschriften-Dienst* давал аналогичные инструкции перед началом войны, см.: Министерство пропаганды, инструкции («Antisemitismus»), *Zeitschriften-Dienst*, no. 222 (13 июня 1939 г.); Министерство пропаганды, инструкции («Antisemitismus»), *Zeitschriften-Dienst*, no. 372 (1 июля 1939 г.). Бюллетень *Zeitschriften-Dienst* снабжал инструкциями относительно пропаганды редакторов немецких журналов, и *Deutscher Wochendienst*, еженедельное приложение к *Zeitschriften-Dienst*, можно найти в Национальной библиотеке Германии (*Deutsche Nationalbibliothek*), Лейпциг (DNB), ZB38957 и ZB38957-Beil; а также в: ВАВ, RD32/1.

Хагемайер (Бюро Розенберга), записка («Aktennotiz für Dr. Коерпен»), 17 мая 1943 г., Берлин, в: Leon Poliakov and Josef Wulf, *Das Dritte Reich und die Juden: Dokumente und Aufsätze* (Berlin, 1955), 369; Шлайер (МИД), указ, 5 июля 1944 г., Берлин, РА, Bern 2833; Ольша, записка («Antisemitismus»), 7 октября 1944 г., Берлин, ВАВ, NS31/170.

Гросс – аль-Гайлани, 17 октября 1942 г., напечатано в:
«Antisemitismus oder Antijudaismus?», *Weltkampf: Die Judenfrage in
Geschichte und Gegenwart* 3, 9–12 (1944), 168.

Ibid.

The Trial of Adolf Eichmann: Record of Proceedings in the District Court of Jerusalem, ed. State of Israel (Ministry of Justice), vol. IV (Jerusalem, 1993), 1805–1823 (Session no. 106, 21 July 1961), 1814–1815.

Главное управление СС, записка («Geschichte und Entstehung der SS-Freiwilligen-b.h.-Geb. Division (13. SS-Division)»), 10 ноября 1943 г., Берлин, архив Института современной истории (Archiv des Instituts für Zeitgeschichte), Мюнхен (IfZ), NO-3577. Бергер уже к тому времени заявлял, что балканские мусульмане с расовой точки зрения – часть германского мира, а духовно они связаны с Востоком, см.: Бергер (Шульте), указ («Weltanschaulich geistige Erziehung der muselmanischen SS-Division»), 19 мая 1943 г., Берлин, ВАВ, NS19/2601. Указ был написан офицером СС Гердом Шульте согласно устному распоряжению Бергера.

Ein General im Zwielight: Die Erinnerungen Edmund Glaises von Horstenau, ed. Peter Broucek, vol. 3 (Vienna, 1988), 239–254 (июль-август 1943 г.), 241 и 394–413 (май 1944 г.), 400.

По вопросу расовой дискриминации и категоризации восточных тюрков см.: Dallin, *German Rule in Russia*, 270–273; и Mühlen, *Zwischen Hakenkreuz und Sowjetstern*, 46–56.

Министерство оккупированных восточных территорий, инструкции («Vorläufige Sprachregelung über Begriffe des Ostens»), 14 марта 1942 г., Берлин, ВАВ, R6/206; министерство оккупированных восточных территорий, инструкции («Erster Nachtrag zur Sprachregelung über Begriffe des Ostens vom 5. März 1942»), 31 марта 1942 г., Берлин, РА, R105165.

Министерство пропаганды, инструкции («Polemische Bemerkungen gegen Turkestaner»), *Zeitschriften-Dienst*, no. 7434 (21 августа 1942 г.); министерство пропаганды, инструкции («Die Verfolgung der Mohammedaner durch die Sowjets»), *Zeitschriften-Dienst*, no. 8577 (26 марта 1943 г.); похожие материалы см. в: министерство пропаганды, инструкции («Die Verfolgung der Mohammedaner durch die Sowjets»), *Deutscher Wochendienst*, no. 8577 (26 марта 1943 г.).

Werner Otto v. Hentig, «Turan – Tatarei», *Zeitschrift für Politik* 32, 3 (1942), 185–188.

«Die rassistische Einheit unserer Stämme», *Gasawat* 32 (75) (1944), перевод на немецкий язык, ОКВ (*Oberkommando der Wehrmacht*), 4 августа 1944 г., Берлин, ВАМА, MSG 2/18238.

«Die deutsche Rassenlehre nicht gegen andere Völker gerichtet», *Gasawat* 36 (1943), перевод на немецкий язык, ОКВ (*Oberkommando der Wehrmacht*), 20 октября 1943 г., Берлин, ВА–МА, MSG 2/18238; также напечатано в: *Idel-Ural* 30 (36) (1943), перевод на немецкий язык, ОКВ (*Oberkommando der Wehrmacht*), 25 июля 1943 г., Берлин, ВА–МА, MSG 2/18231.

Хайгендорф, инструкции («Merkblatt für deutsche Offiziere über wehrgeistige Führung der Legionäre»), 1 июля 1943 г., Радом, ВА–МА, RH 58/62.

Ernest Renan, «L'Islamisme et la Science», *Journal des Débats* (30 March 1883).

Ein General im Zwielight, vol. 3, 182–195 (февраль 1943 г.), 189.

Ibid., 304–325 (ноябрь 1943 г.), 322.

Керстен записывал свои впечатления в дневнике во время войны. После войны он организовал свои записи по темам и опубликовал их. Первая версия вышла на шведском языке в 1947 году и была переведена на английский язык в том же году, см.: *The Memoirs of Doctor Felix Kersten*, ed. Herma Briffault, transl. Ernst Morwitz, intr. Konrad Heiden (New York, 1947). В 1952 году Керстен опубликовал более подробное издание на немецком языке, см.: *Felix Kersten, Totenkopf und Treue: Heinrich Himmler ohne Uniform* (Hamburg, 1952). Этот вариант был переведен на английский язык в 1956 г., см.: *The Kersten Memoirs 1940–1945*, transl. Constantine Fitzgibbon and James Oliver, intr. H. R. Trevor-Roper (London, 1956). Эти мемуары следует читать с некоторой осторожностью. Отдельные фрагменты, особенно о роли Керстена в спасении евреев и других жертв режима, явно искажены автором, но другие оказались точными. Посвященные исламу эпизоды согласуются со сведениями о взглядах Гиммлера на мусульман, полученными из других источников, и могут считаться достоверными. О Керстене см.: Hans-Heinrich Wilhelm, Louis de Jong, *Zwei Legenden aus dem Dritten Reich* (Stuttgart, 1974), 77–142; Raymond Palmer, «Felix Kersten and Count Bernadotte: A Question of Rescue», *Journal of Contemporary History* 29, 1 (1994), 39–51; John H. Waller, *The Devil's Doctor: Felix Kersten and the Secret Plot to Turn Himmler against Hitler* (New York, 2002); и Werner Neuß, *Menschenfreund und Mörder: Himmlers Leibarzt Felix Kersten* (Halle, 2010).

Kersten, *Totenkopf und Treue*, 203–208 (ch. 19, *Begeisterung für den Islam*). В английском переводе немецкого издания мемуаров (1956) исламу посвящены только отдельные фразы.

The Memoirs of Doctor Felix Kersten, 12.

Kersten, *Totenkopf und Treue*, 205 (2 декабря 1942 г.).

Цит. по: *ibid.*, 203 (1 декабря 1942 г.).

Цит. по: *ibid.*, 204 (1 декабря 1942 г.).

Цит. по: *ibid.*, 205 (2 декабря 1942 г.).

Цит. по: *ibid.*, 206–207 (7 декабря 1942 г.).

The Kersten Memoirs, 149 (8 августа 1942 г.).

Ibid., 221 (8 сентября 1944 г.).

The Memoirs of Doctor Felix Kersten, 67.

Музаккират Хадж Мухаммад Амин аль-Хусейни, 123–126 (о встречах с Гиммлером).

Ibid., 125–126.

Ibid., 124.

Эрих фон дем Бах (Зелевски), протокол допроса, вел м-р Петерсен, б. д. (1945– 1947), б. м. (Нюрнберг), USHMA, RG 71, Box 237.

Hitler, *Mein Kampf*, 292–293; в своем берлинском бункере будет высказывать сходные мысли в последние дни нацистского режима, см.: *Hitlers politisches Testament: Die Bormann Diktate vom Februar und April 1945*, intr. H. R.Trevor-Roper, afterw. André François-Poncet (Hamburg, 1981), 54–59 (7 февраля 1945 г.), 56.

Hitler, *Mein Kampf*, 747.

Ильза Браун рассказала это в разговоре с Вернером Мазером в мае 1971 года, см.: Werner Maser, *Adolf Hitler: Legende – Mythos – Wirklichkeit* (Cologne, 1971), 475. Хотя заявления Мазера следует воспринимать с осторожностью, эти слова в контексте общего отношения Гитлера к исламу кажутся вполне правдоподобными.

О взглядах Гитлера на христианство и, в частности, на католичество см. классическую работу: J.S.Conway, *The Nazi Persecution of the Churches 1933–45* (London, 1968), *passim*; альтернативная точка зрения— Richard Steigmann-Gall, *The Holy Reich: Nazi Conceptions of Christianity, 1919–1945* (Cambridge, 2003), *passim*.

Hitler's Table Talk 1941–1944, ed. H. R. Trevor-Roper and transl. Norman Cameron and R.H.Stevens (London, 1953), (14 октября 1941 г., день, особый гость: Гиммлер), 60. Немецкой версии этого эпизода нет. В *Hitlers Tischgespräche im Führerhauptquartier*, ed. by Henry Picker (Stuttgart, 1976) отсутствует запись от 14 октября 1941 г.

Ibid.

Hitlers Tischgespräche im Führerhauptquartier, 80–82 (13 декабря 1941 г., день), 81.

Hitlers Tischgespräche im Führerhauptquartier, 184–189 (4 апреля 1942 г., день), 184.

Hitlers Tischgespräche im Führerhauptquartier, 355–356 (5 июня 1942 г., день), 355.

Hitler's Table Talk, (1 августа 1942 г., вечер), 606. Немецкой версии нет. *Hitlers Tischgespräche im Führerhauptquartier* заканчиваются 31 июля 1942 г.

Ibid., (1 августа 1942 г., вечер), 607.

В отечественной историографии более известна как битва при Пуатье (732 г.). Войска франков под началом майордома Австразии Карла Мартелла разбили войско Омейядского халифата, наступавшее из мусульманской Испании. Считается, что эта битва остановила экспансию ислама на европейские земли.– *Прим. пер.*

Albert Speer, *Inside the Third Reich* (New York, 1970), 96.

Цитируется там же.

Султан Мухаммад-шах Ага-хан III (1877–1957) – духовный лидер, 48-й имам мусульманской шиитской общины исмаилитов. Играл важную роль в политической жизни Индии.– *Прим. пер.*

Nicolaus von Below, *Als Hitlers Adjutant* (Mainz, 1980), 45 [в русском переводе воспоминаний Белова этот фрагмент дан в сокращенном виде.— *Прим. пер.*].

Хентиг, записка («Aufzeichnung über den Empfang des Sondergesandten von König Abdul Aziz Ibn Saud, des Königlichen Rats Khalid Al Hud al Gargani»), 20 июня 1939 г., Берлин, PA, R35504.

Hermann Neubacher, *Sonderauftrag Südost 1940–1945: Bericht eines fliegenden Diplomaten*, (Göttingen, 1956), 33.

Tischgespräche im Führerhauptquartier 1941–1942, ed. Henry Picker and Gerhardt Ritter (Stuttgart, 1951), 16.

Johann von Leers, «Judentum und Islam als Gegensätze», *Die Judenfrage in Politik, Recht, Kultur und Wirtschaft* 6, 24 (1942), 275–278, 278. О Леепсе см.: Gregory Paul Wegner, «A Propagandist of Extermination: Johann von Leers and the Anti-Semitic Formation of Children in Nazi Germany», *Paedagogica Historica* 43, 3 (2007), 299–325, о его взглядах на ислам – 305 и 318–320; Zimmermann, «Mohammed als Vorbote der NS-Judenpolitik?», 301; и Herf, *The Jewish Enemy*, 180–181.

Leers, «Judentum und Islam als Gegensätze», 276.

Ibid., 278.

Ibid.

Johann von Leers, «Islam und Judentum im Laufe der Jahrhunderte», *Der deutsche Erzieher: Reichszeitung des Nationalsozialistischen Lehrerbundes* 5 (1938), 427–429, цитаты на с. 427 и 429.

Else Marquardsen-Kamphövener, «Der Islam und sein Begründer», *Wir und die Welt* 3, 4 (1941), 45–56. Эта статья была перепечатана в двух частях в: *Die Auslese*, часть 1 (сентябрь 1941 г., 612–617) и часть 2 (октябрь 1941 г., 677–682).

Marquardsen-Kamphövener, «Der Islam und sein Begründer», *Die Auslese*, часть 2, 678.

Различные статьи на исламскую тему, опубликованные в немецкой прессе во время войны, цитируются на страницах этой книги.

Инструкция по поводу пресс-конференции («Anweisung der Pressekonferenz»), 18 мая 1938 г., Берлин, ВАК, ZSg 102/10; также в: Hans Bohrmann and Gabriele Toepser-Ziegert (eds.), *NS-Presseanweisungen der Vorkriegszeit: Edition und Dokumentation*, vol. 6/II (Munich, 1999), 1427. Двумя годами ранее министерство пропаганды рекомендовало прессе воздержаться от сообщений о «священной войне», так как ислам был слишком раздроблен, чтобы счесть такую войну реалистичной, см. инструкцию по поводу пресс-конференции («Anweisung der Pressekonferenz»), 2 ноября 1935 г., Берлин, ВАК, ZSg 102/1; также в: Bohrmann (ed.), *NS-Presseanweisungen der Vorkriegszeit*, vol. 3/II, 729.

Министерство пропаганды, инструкции («Die islamische Welt als Kulturfaktor»), *Zeitschriften-Dienst*, no. 7514 (11 сентября 1942 г.). Эти инструкции были подробно обоснованы в: Министерство пропаганды, инструкции («Die islamische Welt als Kulturfaktor»), *Deutscher Wochendienst*, no. 7514 (11 сентября 1942 г.).

Министерство пропаганды, инструкции («Die USA als Feinde des Islam»), *Zeitschriften-Dienst*, no. 7976 (4 декабря 1942 г.).

Министерство пропаганды, инструкции («USA auch in Vorderasien»), *Zeitschriften-Dienst*, no. 8435 (26 февраля 1943 г.).

Министерство пропаганды, инструкции («Die Verfolgung der Mohammedaner durch die Sowjets»), *Zeitschriften-Dienst*, no. 8577 (26 марта 1943 г.). Эти инструкции были доработаны в: Министерство пропаганды, инструкции («Die Verfolgung der Mohammedaner durch die Sowjets»), *Deutscher Wochendienst*, no. 8577 (26 марта 1943 г.).

Ольша – Долецалеку (Главное управление СС), 14 декабря 1944 г., Берлин, ВАВ, NS31/61, где отсылка к: Helmut Sündermann, «Wir klagen an: Krieg als Prinzip der Kremlpolitik», *Völkischer Beobachter* (29 ноября 1944 г.).

Исследователи истории германского востоковедения при нацистском режиме пока еще не рассмотрели системно академические дискуссии на тему ислама. О востоковедении в Третьем рейхе см.: Ludmilla Hanisch, «Akzentverschiebung: Zur Geschichte der Semitistik und Islamwissenschaft während des ‘Dritten Reichs,»» *Berichte zur Wissenschaftsgeschichte* 18 (1995), 217–226; Hanisch, *Die Nachfolger der Exegeten*, 114–173, особенно 159–166; Ekkehard Ellinger, *Deutsche Orientalistik zur Zeit des Nationalsozialismus 1933–1945* (Neckarhausen, 2006), особенно 319–322, 362–367; Suzanne Marchand, «Nazism, Orientalism and Humanism», in Wolfgang Bialas and Anson Rabinbach (eds.), *Nazi Germany and the Humanities* (Oxford, 2007), 267–305, особенно 294–296; и Wokoeck, *German Orientalism*, 185–209, особенно 204.

Ernst Kühnel, «Islamische Kunst», in Hans Heinrich Schaeder (ed.), *Der Orient und Wir: Sechs Vorträge* (Berlin, 1935), 54–68; см. также Ernst Kühnel, «Nordische und islamische Kunst», *Die Welt als Geschichte* 1 (1935), 203–217; и Ernst Kühnel, «Nordische und islamische Kunst», *Westdeutsche Zeitung* 10 (19 и 20 февраля 1935 г.).

Kühnel, «Islamische Kunst», 67.

Hans Heinrich Schaeder, «Bemerkungen zum modernen Islam», *Süddeutsche Monatshefte* 33 (1936), 549–553.

Hans Heinrich Schaeder, «Muhammed», in Hans Heinrich Schaeder, Walther Björkman, Reinhard Hüber, et al (eds.), *Arabische Führergestalten* (Heidelberg, 1944), 1–72; и Franz Taeschner, *Geschichte der arabischen Welt* (Heidelberg, 1944), 45–46.

Johann Fück, «Die Originalität des arabischen Propheten», *Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft* 90 (1936), 509–525, 525.

Felix Wiedemann, «Der doppelte Orient: Zur völkischen Orientromantik des Ludwig Ferdinand Clauß», *Zeitschrift für Religions- und Geistesgeschichte* 1 (2009), 1–24, особенно 16–17.

Клаус, отчет («Erster Bericht über den Sonderauftrag Clauß 'Die Rassen im Kampf'»), 13 ноября 1944 г., Рютник, ВАВ, NS31/171.

351

Клаус – Шпарману, 26 февраля 1945 г., Рютник, ВАВ, NS31/171.

Schmitz, *All-Islam*, 219.

Lindemann, *Islam im Aufbruch*, 3 and 4.

Ibid., 4.

Reichardt, *Der Islam vor den Toren*, 321.

Ibid., 328.

Ibid., 85–92.

Zaki Ali, «Großdeutschland und der Islam», 329–340.

Ibid., 340.

Mohammed Sabry, *Islam, Judentum, Bolschewismus* (Berlin, 1938). Эта книга также повлияла на посвященное исламу творчество Йоганна фон Леерса, см.: Leers, «Judentum und Islam als Gegensätze», 277; кроме того, министерство пропаганды рекомендовало ее редакторам и журналистам, интересующимся исламом, наряду с другими книгами вроде *Der Islam im Aufbruch in Abwehr und Angriff* Линдемана *Der Islam vor den Toren* Райхардта, см.: Министерство пропаганды, инструкции («Die islamische Welt als Kulturfaktor»), *Deutscher Wochendienst*, no. 7514 (11 сентября 1942 г.); и министерство пропаганды, инструкции («Die Verfolgung der Mohammedaner durch die Sowjets»), *Deutscher Wochendienst*, no. 8577 (26 марта 1943 г.).

Об исламе и большевизме см.: Sabry, *Islam, Judentum, Bolschewismus*, 5–21; цитата на с. 20.

О исламе и иудаизме см.: *ibid.*, 22–32.

Ibid., 15.

Saïda Savitri, *L'islam devant le National Socialisme* (Paris, 1943).

О Кираме см.: Umar Ryad, «From an Officer in the Ottoman Army to a Muslim Publicist and Armament Agent in Berlin: Zekî Hishmat Kirâm (1886–1946)», *Bibliotheca Orientalis* 63, 3–4 (2006), 235–268; о связях Кирама с Ридой см.: Umar Ryad, *Islamic Reformism and Christianity: A Critical Reading of the Works of Muhammad Rashid Rida and His Associates* (Leiden, 2009), 14–15 and 49–53; подборка документов о Кираме: Умар Рийад, *Вата'икТиджараталь-Силахаль-Альманиаль-Джазирааль-Арабийа: Кира'афиАрсифЗакиКирам* (Документы о германской торговле оружием на Аравийском полуострове: выписки из архива Зеки Кирама), Каир, 1432/2011.

366

Мартини (МИД), записка, 2 августа 1940 г., Берлин, РА, R60619.

367

Обсуждение рукописи см. в документах в: ВАР, NS21/397.

368

Тишмер (МИД) – Эттелю, 23 декабря 1942 г., Берлин, РА, R27327.

Kurt Fischer-Weth, *Amin Al-Husseini: Großmufti von Palästina* (Berlin, 1943).

Fischer-Weth, *Amin Al-Husseini*, 8.

371

Борман (канцелярия НСДАП), циркуляр («Zugehörigkeit von Parteigenossen zum Islam»), 2 сентября 1943 г., б. м., ВАВ, NS6/342.

John Darwin, «An Undeclared Empire: The British in the Middle East, 1918–39», *Journal of Imperial and Commonwealth History* 27, 2 (1999), 159–176.

Peters, *Islam and Colonialism*, 39–104, и Keddie, «The Revolt of Islam», 481–485, дают хороший общий обзор.

Romain Rainero, «La capture: L'exécution d'Omar El-Mukhtar et la fin de la guérilla libyenne», *Cahiers de Tunisie* 28, 111–112 (1980), 59–74.

Francis R. Nicosia, *The Third Reich and the Palestine Question* (Austin, TX, 1985), 29–49; более широкий взгляд на проблему: Francis R. Nicosia, «Arab Nationalism and National Socialist Germany, 1933–1939: Ideological and Strategic Incompatibility», *International Journal of Middle East Studies* 12, 3 (1980), 351–372.

Собирательное название арабских стран Восточного Средиземноморья: Сирия, Палестина, Ливан, Иордания, Ирак, иногда и Египет.– *Прим. пер.*

Сценарий радиопередачи «Deutsche Rundfunckerklärung vom 5. Dezember 1940», 7 февраля 1942 г., Берлин, РА, R28876 (также в: РА, R261123 and R261179). Höpp, «‘Nicht ‘Alī zuliebe, sondern aus Hass gegen Mu‘āwiya,’» – тут рассказывается о контексте ситуации.

Подробный анализ военных действий в Северной Африке см. в: Martin Kitchen, *Rommel's Desert War: Waging World War II in North Africa, 1941–1943* (Cambridge, 2009).

Об арабском мире и Ближнем Востоке в целом см.: George Kirk, «The Middle East in the War» (Oxford, 1952); Mohamed-Kamal El Dessouki, «Hitler und der Nahe Osten» (PhD diss., Free University of Berlin, 1963); Tillmann, *Deutschlands Araberpolitik im zweiten Weltkrieg*; Hirszowicz, *The Third Reich and the Arab East*; Robert L. Melka, «The Axis and the Arab Middle East 1930–1945» (PhD diss., University of Minnesota, 1966); более общая картина: Schröder, *Deutschland und der Mittlere Osten im Zweiten Weltkrieg*.

Об участии Германии в иранских делах см.: Djalal Madani, *Iranische Politik und Drittes Reich* (Frankfurt, 1986); о секретных разведывательных миссиях в оккупированном союзниками Иране см.: Burkhard Ganzer, «Virtuelle Kombattantenschaft und Cargo-Erwartung: Iranische Stämme und deutsche Agenten 1942–1944», in Höpp and Reinwald (eds.), *Fremdeinsätze*, 189–198.

О вмешательстве Германии в ситуацию в Ираке см.: Geoffrey Warner, *Iraq and Syria 1941* (London, 1974); Bernd Philipp Schröder, *Irak 1941* (Freiburg, 1980); и Majid Khadduri, *Independent Iraq 1932–1958: A Study in Iraqi Politics* (London, 1960), 212–243.

Призыв аль-Хусейни к джихаду против Великобритании, сделанный 9 мая 1941 г., был напечатан в итальянском переводе: Al-Husseini, «Fetwà di Amin el-Huseini per la Guerra santa del maggio», *Oriente Moderno* 21 (1941), 552–553.

Уайтхолл – улица в Лондоне, на которой расположены правительственные учреждения. В переносном смысле это слово обозначает официальные правящие круги Великобритании.– *Прим. пер.*

Die Tagebücher von Joseph Goebbels, ed. Fröhlich et al., part II, vol. 5, 270–278 (8 августа 1942 г.), 274–275.

Viton, «Britain and the Axis in the Near East», 370–384, 376.

Пропаганда, нацеленная на солдат-мусульман во французской армии и мусульман Северной Африки в мае-июне 1940 года, была исследована в работах: Charles-Robert Ageron, «Contribution à l'étude de la propagande allemande au Maghreb pendant la Deuxième Guerre mondiale», *Revue d'Histoire Maghrébine* 7–8 (1977), 16–32, 21–22; Charles-Robert Ageron, «Les populations du Maghreb face à la propagande allemande», *Revue d'Histoire de la Deuxième Guerre Mondiale* 29, 114 (1979), 1–39, 13–18 (эти две работы практически совпадают); Jamaâ Baida, «Le Maroc et la propagande du IIIème Reich», *Hespéris Tamuda*, 28 (1990), 91–106; Wagenhofer, «Rassischer» Feind – politischer Freund?, 72–82.

Листовка «Мусульмане» (в форме звезды), б. д. (1940), ВА–МА, РН 45/28; листовка «Мусульмане» (в форме флага), б. д. (1940), ВА–МА, РН 45/28.

388

Рихтер (офицер связи МИДа в 12-й армии) – Тухеру (МИД), 31 декабря 1939 г., б. м., РА, R60754.

Рихтер – Тухеру, 13 января 1940 г., б. м., РА, R60754. В этом письме и ответе на него (Тухер – Рихтеру, 28 февраля 1940 г., Берлин, РА, R60754) также упоминается листовка в форме «зеленого знамени Пророка», которая вполне может быть той, о которой говорится в прим. 16.

Raffael Scheck, «Nazi Propaganda toward French Muslim Prisoners of War», *Holocaust and Genocide Studies* 26, 3 (2012), 447–477. В этой работе дается наиболее исчерпывающий отчет о мусульманах-военнопленных из французской армии, а также о германской пропаганде и религиозной жизни в лагерях. Среди других работ по теме: Ageron, «Contribution à l'étude de la propagande allemande au Maghreb pendant la Deuxième Guerre mondiale», 23; практически на ту же тему: Ageron, «Les populations du Maghreb face à la propagande allemande», 19; Baida, «Le Maroc et la propagande du IIIème Reich», 103–105; Belkacem Recham, *Les Musulmans algériens dans l'armée française (1919–1945)* (Paris, 1996), 152–153 и 207–228, особенно 226–227; Recham, «Les Musulmans dans l'armée française», 748–750; Belkacem Recham, «Les indigènes nord-africains prisonniers de guerre (1940–1945)», *Guerres mondiales et conflits contemporains* 223, 3 (2006), 109–125; Höpp, «Der verdrängte Diskurs», 223–231; Wagenhofer, «*Rassischer*» *Feind – politischer Freund?*, 82–95; более общая работа: Martin Thomas, «The Vichy Government and French Colonial Prisoners of War, 1940–1944», *French Historical Studies* 25, 4 (2002), 657–692, особенно 670–675; и Armelle Mabon, *Prisonniers de guerre «indigènes»: Visages oubliés* (Paris, 2010).

ОКВ, приказ («Religionsausübung der Kriegsgefangenen»), 12 мая 1941 г., Берлин, ВАМА, РН 49/51; аналогичный случай, со специальным указанием на ислам: Ширбрандт (начальник лагеря Frontstalag 204), инструкции («Merkblatt für die Bewachung franz. farbiger Kriegsgefangener»), 28 декабря 1942 г., Шарлевиль, ВА–МА, РН 49/67.

ОКВ, приказ («Beerdigung verstorbener französischer Kriegsgefangener»), 30 января 1942 г., б. м., РА, R67004.

Командование по северо-западной Франции, приказ («Besondere Anordnungen für die Versorgung»), 18 сентября 1943 г., Сен-Жермен, ВА–МА, RH 49/67.

Regina Clausnitzer, «Eine Moschee in Großbeeren? Kein Hirngespinnst: Es gab sie wirklich!», *Amtsblatt Großbeeren* 11 (10 November 1999), 12; Regina Clausnitzer, «Moschee in Großbeeren: Suche nach einer Fotoaufnahme nun doch noch erfolgreich», *Amtsblatt Großbeeren* 5 (12 April 2000). Об учреждении мечетей и молельных комнат в лагерях военнопленных во Франции см.: отчеты в РА, R40769, R40770, R40988, и R40989.

Об использовании имамов и мурабитов (суфийских отшельников) в различных лагерях военнопленных во Франции и Германии см.: отчеты в РА, R40769, R40770, R40988, R40989, и R67003.

Бран (МИД), записка («Araberzeitung für Nordafrikanische Kriegsgefangene»), 6 мая 1941 г., Берлин, РА, R67003.

Об ужасных условиях содержания в лагерях и жестоком обращении сообщается в литературе, приведенной в прим. 19.

Raffael Scheck, *Hitler's African Victims: The German Army Massacres of Black French Soldiers in 1940* (Cambridge, 2006); короткое резюме книги: Raffael Scheck, «'They Are Just Savages': German Massacres of Black Soldiers from the French Army in 1940», *Journal of Modern History* 77, 2 (2005), 325–344.

О Парижской мечети и Си Каддуре Бенгабрите см.: Alain Boyer, *L'institut musulman de la mosquée de Paris* (Paris, 1992), 19–33; Michel Renard, «Gratitude, contrôle, accompagnement: Le traitement du religieux islamique en métropole (1914– 1950)», *Bulletin de l'Institut d'Histoire du Temps Présent* 83 (2004), 54–69; Michel Renard, «Les débuts de la présence musulmane en France et son encadrement», in Arkoun (ed.), *Histoire de l'Islam et des Musulmans en France du Moyen Age à nos jours*, 712–740, 718–730; а также работы общего характера: Pautremat, *La politique musulmane de la France au XXe siècle*, 333–342; Sellam, *La France et ses Musulmans*, 171–184; Naomi Davidson, *Only Muslim: Embodying Islam in Twentieth-Century France* (Ithaca, NY, 2012), 36–61.

400

Шлейер (парижское посольство) – МИДу, 8 февраля 1941 г.,
Париж, РА, R40747.

Сете (МИД) – парижскому посольству, 6 марта 1942 г., Берлин, РА, R40747; Сете сначала одобрил предложение Бенгабрита (хотя и отметил, что нет нужды посылать имамов в Германию, так как большинство военнопленных-мусульман содержалось в лагерях на территории Франции). Бенгабрит направил более конкретный проект официальным лицам режима Виши, и те обратились по этому поводу к вермахту. См.: Скапини (дипломатический отдел Виши по вопросам военнопленных) – Розенбергу (вермахт), 19 февраля 1941 г., Париж, РА, R40747. Вермахт отверг это предложение, указав, что большинство мусульман содержится во французских лагерях, а не в Германии, а отправка имамов Бенгабрита в Германию создаст угрозу для безопасности. См.: Вермахт – МИДу, 7 марта 1941 г., Берлин, РА, R40747. Затем последовал официальный отказ. См.: Сете – Скапини, 15 марта 1941 г., Берлин, РА, R40747. В другом документе отмечается, что немцы не приняли предложения Бенгабрита, так как не доверяли его имамам. См.: Бюркнер (вермахт), записка («Behandlung der Araberfragen und Vorschläge von arabischer Seite»), Берлин, 13 марта 1942 г., ВА–МА, RH 2/1765, которая опирается на Бийу, меморандум («Denkschrift zur deutschen Nordafrikapropaganda, insbesondere in den Kriegsgefangenenlagern»), б. д. (март 1942 г.), б. м., ВА–МА, RH 2/1765.

Штрак (МИД) – Рану (тунисское консульство Германии), 12 декабря 1942 г., Берлин, РА, R27767; ответ: Ран – МИДу, 13 декабря 1942 г., Тунис, РА, R27766. Здесь, по обсуждению подготовки к празднованию Курбан-байрама, можно составить себе представление о регулярном сотрудничестве между Бенгабритом и немецкими властями.

Дискуссия о роли Парижской соборной мечети в помощи евреям и участникам французского сопротивления началась со статьи Albert Assouline, «Une vocation ignorée de la mosquée de Paris», *Almanach du Combattant* (1983), 123–124. Заявления Ассулина о том, что 1732 бойца сопротивления, многие из которых были евреями, нашли убежище в мечети, не были подтверждены. Однако вероятно, что Бенгабрит и главный имам мечети Си Мухаммед Бензуау иногда помогали отдельным евреям североафриканского происхождения, выдавая им «исламские» удостоверения личности. Об этом сохранились устные свидетельства. Единственный письменный документ по этой теме – письмо властей Виши по поводу подозрений немцев в выдаче таких удостоверений евреям. Однозначных архивных свидетельств до сих пор не найдено. См.: Robert Satloff, *Among the Righteous: Lost Stories from the Holocaust's Long Reach into Arab Lands* (New York, 2006), 139–158; более сложную картину коллаборационизма, сопротивления и приспособления к нацистскому режиму можно найти в работе: Ethan Katz, «Did the Paris Mosque Save Jews? A Mystery and Its Memory», *Jewish Quarterly Review* 102, 2 (2012), 256–287, особенно 270–283. Из популярных работ, описывающих Парижскую соборную мечеть в качестве убежища для евреев, больше всего заслуживает внимания: Mohammed Aïssaoui, *L'étoile jaune et le croissant* (Paris, 2012).

Йост (РСХА) – Альтенбургу (МИД), 13 апреля 1940 г., Берлин, РА, R60652, советовал распространять печатную пропаганду во французском Марокко. В МИДе согласились и обратились к Эберхарду фон Штореру, в то время занимавшему должность посла в Мадриде, с просьбой о помощи в транспортировке агитационных материалов в Марокко через территорию Испании. См.: Альтенбург – Штореру, 23 апреля 1940 г., Берлин, РА, R60652; ответ: Шторер – МИДу, 25 апреля 1940 г., Мадрид, РА, R60652.

Памфлет «Die Gelegenheit, die nie wiederkommt!» (перевод на немецкий), б. д. (1940), РА, R60652; арабский оригинал – *Аль-фурса, аль-фурса, аль-фурса аллати ла т'ауд* («Шанс, шанс, шанс, который не повторится»), б. д. (1940), РА, R60652.

Альтенбург, записка, 6 мая 1940 г., Берлин, РА, R60652; и аналогично Симон (МИД), записка, 14 мая 1940 г., Берлин, РА, R60652, подтверждение отпечатки тиража: Симон, записка, 18 мая 1940 г., Берлин, РА, R60652, о донесении: Симон, записка, 20 мая 1940 г., Берлин, РА, R60652.

Работа Herf, *Nazi Propaganda for the Arab World*, включает описание некоторых немецких пропагандистских брошюр, которые распространяли в Северной Африке и на Ближнем Востоке. Важные работы на эту тему, выпущенные ранее: Ageron, «Contribution à l'étude de la propagande allemande au Maghreb pendant la Deuxième Guerre mondiale», 21–32; Ageron, «Les populations du Maghreb face à la propagande allemande», 13–39; Baida, «Le Maroc et la propagande du IIIème Reich», 95–97.

Здесь и далее цитаты из Корана даются в переводе Эльмира Кулиева.– *Прим. пер.*

409

Брошюра «O Ihr, die Ihr glaubt» (немецкий черновик, б. д. (1941), PA, R60747.

Нейрат – МИДу, 17 ноября 1941 г., б. м., РА, R60747. Тут показано, что обе брошюры были напечатаны за несколько дней до начала контрнаступления британской армии 18 ноября 1941 года.

Нейрат – МИДу, 8 мая 1942 г., б. м., РА, R29533 (ссылается на запрос вермахта от 8 апреля 1942 г. и просит МИД принять меры); реакция на это напоминание: Мегерле (МИД), записка, 19 мая 1942 г., б. м., РА, R60649 (от имени Риббентропа Мегерле просил советов о том, что включить в будущие пропагандистские брошюры); Шмиден (МИД), записка, 29 мая 1942 г., Берлин, РА, R29533 (тут приводится официальный приказ министра, требующий усилить немецкую пропаганду в Египте). Капп (МИД), записка, 20 мая 1942 г., Берлин, РА, R60649 (здесь сообщается о росте тиража предназначенных для Египта брошюр). Нейрат, видимо, не проинформированный об этой деятельности, через месяц снова запросил пропагандистские материалы для Египта, на этот раз от имени Роммеля: Нейрат – МИДу, 25 июня 1942 г., б. м., РА, R29537 (также в: РА, R60748).

412

Вюстер (МИД) – Нейрату, 25 июня 1942 г., Берлин, РА, R60748.

413

Вюстер – Нейрату, 29 июня 1942 г., Берлин, РА, R60748.

Ibid.

415

Вюстер – Нейрату, 30 июня 1942 г., Берлин, РА, R60650.

416

Вюстер, записка, 2 июля 1942 г., Берлин, РА, R60651.

417

Вюстер – Нейрату, 13 июля 1942 г., Берлин, РА, R60748.

418

Вюстер, записка, 12 августа 1942 г., Берлин, РА, R60650.

Брошюра «О Ägypten» (перевод на немецкий), б. д. (1942), РА, R60650; арабский оригинал: брошюра *Йа миср!* («О Египет!»), б. д. (1942), РА, R60650.

420

Капп, записка, 28 августа 1942 г., Берлин, РА, R60678.

421

Капп, записка, 7 января 1943 г., Берлин, РА, R27332.

Брошюра «England und die Araber» (перевод на немецкий), б. д., ВА–МА, РН 21–5/27; арабский оригинал: брошюра *Инкильтара ва ‘ль-‘Араб* («Англия и арабы»), б.д., ВА–МА, РН 21–5/27.

Открытка «Gewiss wirst Du finden...». (перевод на немецкий), б. д., ВА–МА, RH 21–5/26; арабский оригинал: *Тадкира барид*, б. д., ВА–МА, RH 21–5/26. Номер этого аята (стиха) разный в зависимости от издания Корана. В официальном каирском издании (1925) это аят 82, а в североафриканском издании, получившем популярность среди европейских ученых благодаря переводу Густава Флюгеля (1834), это аят 85. Германские официальные лица во время Второй мировой войны обычно использовали нумерацию флюгелевского перевода.

Лютер (МИД) – Рану, 21 ноября 1942 г., Берлин, РА, R27767.

425

Ран – Вюстеру, 4 января 1943 г., Тунис, РА, R27766.

426

Ран – Вюстеру, 8 апреля 1943 г., Тунис, РА, R27767.

J. M. Storch de Gracia, «Die Abwehr und das deutsche Generalkonsulat in Tanger», *Die Nachhut* 2 (1967), 7–15; об оккупации Испанией: Claire Spencer, «The Spanish Protectorate and the Occupation of Tangier in 1940», in George Joffé (ed.), *North Africa: Nation, State, and Region* (London, 1993), 91–107.

Пёрцген (консульство в Танжере), отчет («Tanger: Propagandazelle für Nordafrika»), б. д. (август 1942 г.), Танжер, РА, R60690.

Брошюра «O moslemische Freunde!» (перевод на немецкий), б. д. (1942), РА, R60660; арабский оригинал: брошюра *Ид мубарак са'ид* («Счастливого Курбан-байрама!»), б. д. (1942), РА, R60660.

Брошюра «O marokkanische Brueder!» (перевод на немецкий), б. д. (1943), РА, R60649; арабский оригинал: брошюра *Аййуха аль-ихван аль-мугарба!* («О марокканские братья!»), б. д. (1943), РА, R60649.

Битва при Бадре (624 г.) – первое крупное сражение между мусульманами и курайшитами (правлящее племя древней Мекки, не принимавшее послание Мухаммада). Мусульмане одержали там крупную победу, что способствовало распространению ислама. Битва при Ухуде (625 г.) – реванш курайшитов за битву при Бадре.– *Прим. пер.*

432

Дуб (Управление военной информации США) – Уэннеру
(Управление военной информации США), 17 апреля 1944 г., USNA, RG
208, Entry 374, Box 434.

433

Ранцгау (МИД) – консульству в Танжере, 3 февраля 1943 г., Берлин, РА, R60650; аналогичный документ: Ранцгау – Рану, 4 февраля 1943 г., Берлин, РА, R27768.

Винклер (МИД), записка, 16 февраля 1943 г., Берлин, РА, R102974; аналогичный список отправленных брошюр: Лангман (МИД), записка («Aufzeichnung über die Propaganda nach Nordafrika»), 18 февраля 1943 г., Берлин, РА, R102974.

Винклер, записка, 16 февраля 1943 г., Берлин, РА, R102974;
сходный документ: Лангман, записка («Aufzeichnung über die
Propaganda nach Nordafrika»), 18 февраля 1943 г., Берлин, РА, R102974.

436

Лангман, записка («Aufzeichnung über die Besprechungen betreffend die Koordination der Propaganda nach Nordafrika»), 11 марта 1943 г., Берлин, РА, R102974.

Ibid.

Аноним, «3 Reich plotters try to win Syria: Following gains in Iraq, Nazis seek support for Hitler as „Protector of Islam“», *New York Times* (7 April 1941). Автор текста имеет в виду поездку Отто фон Хентига в Сирию в 1941 году.

Eve Curie, *Journey among Warriors* (London, 1943), 79.

Наиболее представительную коллекцию номеров *Баридаш-Шарк* можно найти в: DNB, ZB47105; некоторые номера хранятся в Государственной библиотеке Берлина (*Staatsbibliothek zu Berlin*), Берлин (SBB), 4 Stabi 670; общую информацию см.: в Gerhard Höpp, *Arabische und islamische Periodika in Berlin und Brandenburg, 1915 bis 1945: Geschichtlicher Abriss und Bibliographie* (Berlin, 1994), 66; и Gerhard Höpp, *Texte aus der Fremde: Arabische politische Publizistik in Deutschland, 1896– 1945: Eine Bibliographie* (Berlin, 2000), 43. Хорошее описание публикуемых в журнале материалов можно найти в: Munir Hamida, «Amīn al-Ḥusaynī in der deutschen Kriegspropaganda des Zweiten Weltkrieges: Eine Studie zur arabischsprachigen Zeitschrift „Barīd aš-Šarq“» (MA thesis, Free University of Berlin, 2007).

О содержании *Баридаш-Шарк* см.: Munir Hamida, «Amīn al-Ḥusaynī in der deutschen Kriegspropaganda des Zweiten Weltkrieges», 23–33, 35–42.

442

Шторер, записка, 18 ноября 1941 г., Берлин, РА, R29533.

Гиммлер – руководителю РСХА, 14 мая 1943 г., б. м., ВАР, NS19/3544. Об этом эпизоде см.: также: Höpp, «Der Koran als „geheime Reichssache“», 443–446; и Herf, *Nazi Propaganda for the Arab World*, 202–204.

444

Кальтенбруннер – Гиммлеру, 3 сентября 1943 г., Берлин, ВАВ,
NS19/3544.

445

Кальтенбруннер – Гиммлеру, 13 сентября 1943 г., Берлин, ВАВ,
NS19/3544.

Наиболее подробное исследование восстания Махди в Судане: P. M. Holt, *Mahdist State in the Sudan, 1881–98: A Study of Its Origins, Development and Overthrow* (Oxford, 1972). Махдизм также оставался влиятельной силой в антиколониальной борьбе между двумя мировыми войнами. См., например: C. N. Ubah, «British Measures against Mahdism in Dumbulwa in Northern Nigeria, 1923: A Case of Colonial Overreaction», *Islamic Culture* 50, 3 (1976), 196–283; Asma’u G. Saeed, «The British Policy towards the Mahdiyya in Northern Nigeria: A Study of the Arrest, Detention and Deportation of Shaykh Sa’id b. Hayat, 1923–1959», *Kano Studies* 2, 3 (1982–1985), 95–119; и Fisher, «British Responses to Mahdist and Other Unrest in North and West Africa». В целом о мессианстве в антиколониальных движениях см.: Michael Adas, *Prophets of Rebellion: Millenarian Protest Movements against the European Colonial Order* (Chapel Hill, NC, 1979).

Брандт – Бергеру, 11 сентября 1943 г., б. м., ВАВ, NS19/3544;
Брандт – Зиверсу («Аненербе»), 11 сентября 1943 г., б. м., ВАВ,
NS19/3544.

Бергер – Брандту, 10 октября 1943 г., Берлин, ВАВ, NS19/3544. К документу был приложен список цитат из Корана на тему войны, а также несколько мессианских фрагментов из средневековых иранских текстов на языке пехлеви.

Зиверс – Вюсту, 28 сентября 1943 г., Берлин, ВАВ, NS19/3544; отчет см. в: Вюст – Брандту, 31 января 1944 г., Мюнхен, ВАВ, NS19/3544; промежуточный отчет: Вюст – Брандту, 14 декабря 1943 г., Мюнхен, ВАВ, NS19/3544; реакция после подачи окончательной версии отчета: Брандт – Вюсту, 8 марта 1944 г., б. м., ВАВ, NS19/3544.

Кальтенбруннер – Гиммлеру, 6 декабря 1943 г., Берлин, ВАВ, NS19/3544. К этому письму приложен отчет Отто Рёсслера и Вальтера Лорха (исследовательский отдел «Восток»), а также пропагандистская брошюра на арабском и в немецком переводе (также созданная в отделе «Восток»). Отчет и брошюры также были обнаружены Вальтером Вюстом, который затем предоставил их в качестве приложения к окончательному докладу. См.: приложения к письму Вюста Брандту, 31 января 1944 г., Мюнхен, ВАВ, NS19/3544.

Брошюра (немецкий перевод), б. д. (1943), ВАВ, NS19/3544;
арабский оригинал: брошюра *Ва-иннаху ла-'ильм ли'л-са'а* («Истинно,
сие есть знание часа»), б. д. (1943), ВАВ, R55/20712.

452

Брандт – Кальтенбруннеру, 28 декабря 1943 г., б. м., ВАВ,
NS19/3544.

Цейшка (Министерство пропаганды), записка («Druck und Verbreitung von Flugblättern in arabischen Ländern»), 26 января 1944 г., Берлин, ВАВ, R55/20712 (письменный запрос от СС); Цейшка, записка («Druck und Verbreitung von Flugblättern in arabischen Ländern»), 17 марта 1944 г., Берлин, ВАВ, R55/20712 (одобрение со стороны Геббельса и пожелание напечатать миллион экземпляров); Шмидт-Дюмонт, записка («Antijüdisches Flugzettel für den arabischen Raum»), 6 апреля 1944 г., Берлин (одобрение со стороны МИДа; см: также документы в ВАВ, R55/20712 (о подробностях выпуска миллиона экземпляров брошюры).

Хентиг – Кноте (министерство пропаганды), 28 марта 1938 г., Берлин, PA, R104800. Споры о переводах «Майн кампф» на арабский см. в: Stefan Wild, «National Socialism in the Arab Near East between 1933 and 1939», *Die Welt des Islams* 25, 1/4 (1985), 126–173, 147–170.

Первый полный перевод «Майн кампф» на арабский вышел лишь в 1960 году в Бейруте. Критический отзыв о нем см. в: Stefan Wild, «„Mein Kampf“ in arabischer Übersetzung», *Die Welt des Islams* 9, 1–4 (1964), 207–211.

Wild, «National Socialism in the Arab Near East between 1933 and 1939», 147–170. Шакиб Арслан поддерживал контакты с германскими властями в министерстве иностранных дел на протяжении всей войны, пытаясь повлиять на политику Берлина в отношении исламского мира; большая часть переписки фактически шла через его старого друга Макса фон Оппенгейма, см.: документы в: PA, Nachlass Hentig, vol. 84, а также в: PA, R104812 и R104813; о планах СС относительно официального визита Арслана в Германию в 1938 г. см.: ВАР, NS19/391. Об Арслане см.: William L. Cleveland, *Islam against the West: Shakib Arslan and the Campaign for Islamic Nationalism* (Austin, TX, 1985).

Callum A. MacDonald, «Radio Bari: Italian Wireless Propaganda in the Middle East and British Countermeasures 1934–38», *Middle Eastern Studies* 13, 2 (1977), 195–207.

C. L. Sulzberger, «Axis Radio Blankets Islam: American Aid Needed to Fight Propaganda Aimed at Lands of the Middle East», *New York Times* (1 February 1942).

О радиопропаганде нацистской Германии за границу см.: Werner Schwipps, «Wortschlacht im Äther», in Deutsche Welle (ed.), *Wortschlacht im Äther: Der deutsche Auslandsrundfunk im Zweiten Weltkrieg* (Berlin, 1971), 13–97, особенно 56–57 (зона Британской империи), 58–62 (зона Востока); Willi A. Boelcke, *Die Macht des Radios: Weltpolitik und Auslandsrundfunk 1924–1976* (Frankfurt, 1977), 405–416 (арабский мир), 416–430 (Иран, Афганистан, Индия); Horst J. P. Bergmeier and Rainer E. Lotz, *Hitler's Airwaves: The Inside Story of Nazi Radio Broadcasting and Propaganda Swing* (New Haven, CT, 1997), 42–43, 222–223.

О «Восточном отделе» Цеезена см.: Schwipps, «Wortschlacht im Äther», 58–62; Boelcke, *Die Macht des Radios*, 405–430; Bergmeier and Lotz, *Hitler's Airwaves*, 42–43 and 222–223; Bernd Trentow and Werner Kranhold, «Im Dienst imperialistischer Weltherrschaftspläne: Zum Orient-Einsatz des faschistischen Rundfunks im Zweiten Weltkrieg», *Beiträge zur Geschichte des Rundfunks* 7, 4 (1973), 22–51. После войны Бофингер написал четырехстраничный отчет о работе его «Восточного отдела», см.: Gustav Bofinger, отчет («Entstehung und Geschichte der Zone Orient KWS»), б. д. (post-1945), б. м., Архив немецкого радио (*Deutsches Rundfunkarchiv*), Франкфурт (DRA), A18/1.

461

Бофингер, отчет («Entstehung und Geschichte der Zone Orient KWS»), б. д. (после 1945 г.), б. м., DRA, A18/1.

О Юнусе Бахри см.: Lebel, *The Mufti of Jerusalem*, 138, 151–154 and 225. После войны Бахри сбежал в Ливан и опубликовал там мемуары о своем пребывании в Берлине, в пяти томах. Воспоминания содержат многочисленные ошибки и искаженные факты, и читать их следует с большой осторожностью. См.: Юнус Бахри, *Хуна Берлин! Хаййа аль-‘араб!* («Это Берлин! Да здравствуют арабы!»), 5 т. (Бейрут, б. д.).

463

Досье на Юнуса Бахри, б. д. (июль 1939 г.), отправлено Лэмпсоном (каирское посольство) Галифаксу (МИД), 6 июля 1939 г., Александрия, British National Archives, Kew (NA), FO 395/664.

Оппенгейм, мемуары («Leben im NS-Staat, 1933–1945»), б. д. (1945/1946), б. м. (Ландсхут), ОА, Nachlass Max von Oppenheim, no. 1/14.

Об аль-Хилали см.: Muhlīs al-Sabti, *Al-salafiyya al-wahhabiyya bi-l-maghrib: Taqī al-Dīn al-Hilālī ra'idan* («Ваххабитский салафизм в Марокко: лидер Такиаддин аль-Хилали») (Касабланка, 1993); и Henri Lauzière, «The Evolution of the Salafiyya in the Twentieth Century through the Life and Thought of Taqī al-Dīn al-Hilālī» (PhD diss., Georgetown University, 2008).

466

Мильденштейн, отчет, б. д. (1939), б. м. (Берлин), ВАВ, R58/783.

Ibid.

Бахри, Хуна Бирлин!, т. 2 (*Зу'ама аль-назийя ка ма 'арафтухум* [«Нацистские лидеры, какими я их знал]) (Бейрут, б. д.), 31; об Идрисе: Бахри, Хуна Бирлин!, т. 3 (*Хитлир ва'ль-шуйу'ийя* [Гитлер и коммунизм]) (Бейрут, б. д.), 78.

Тексты радиопередач на арабском, выходивших в эфир с декабря 1940 г. по февраль 1941 г. можно найти в ВАР, R901/73039. Начиная с 1942 г. американские дипломаты в Каире записывали немецкие пропагандистские передачи на арабском, переводили на английский и отправляли в Вашингтон. Эти тексты можно найти в: USNA, RG 84, Entry UD2410, Box 77 (1942), Box 93 (1943), Box 112 (1944). Несколько сценариев передач 1945 г. хранятся в USNA, RG 208, Entry 373, Box 417. Другие тексты и краткие пересказы программ арабского вещания держав Оси можно найти в: USNA, RG 262, Entry 3, Box 9; USNA, RG 208, Entry 362, Box 133; USNA, RG 208, Entry 373, Box 421; USNA, RG 208, Entry 374, Box 430; and USNA, RG 208, Entry 387, Box 622. Британцы также вели записи текстов этих радиопередач. Они использовались в работе различных лондонских министерств и сейчас хранятся в архивах «BBC» в Рединге. Несколько оригинальных записей пропагандистских радиопередач на арабском пережили войну и сейчас хранятся в DRA.

Herf, *Nazi Propaganda for the Arab World*, дает хронологический обзор содержания германской радиопропаганды на арабском, с акцентом на антисемитских темах. Vera Henssler, «‘Für die Propaganda nach dem Orient ist bei weitem die wirksamste Waffe der Rundfunk’: NS-Auslandspropaganda in den Nahen Osten und Nordafrika», *Zeitschrift für Geschichtswissenschaft* 59, 11 (2011), 920–937 (эта работа опирается на инструкции немецкого радио). Среди ранних, но важных в контексте этой работы исследований радиопропаганды рейха в Северной Африке и на Ближнем Востоке см.: Ageron, «Contribution à l’étude de la propagande allemande au Maghreb pendant la Deuxième Guerre mondiale», 21–32; и почти идентичная работа: Ageron, «Les populations du Maghreb face à la propagande allemande», 13–39; Baida, «Le Maroc et la propagande du IIIème Reich», 93–95.

471

Бофингер, отчет («Entstehung und Geschichte der Zone Orient KWS»), DRA, A18/1; и аналогично Швиппс, «Wortschlacht im Äther», 60.

472

Рюле – Рану, 13 марта 1943 г., Берлин, РА, R27768; ответ: Ран – Рюле, 4 апреля 1943 г., Тунис, РА, R27766.

473

Текст радиопередачи (служба мониторинга союзников) «Berlin in Arabic», 29 июля 1942 г. (записан), USNA, RG 84, Entry UD2410, Box 77.

474

Текст радиопередачи «Der Freiheitsheld Jusuf Abu Durra» (немецкий перевод), 8 февраля 1941 г. (отправлен), ВАР, R901/73039.

475

Текст радиопередачи (служба мониторинга союзников) «Voice of Free Arabism: Britain and Islam», 6 августа 1942 г. (записан), USNA, RG 84, Entry UD2410, Box 77.

476

Текст радиопередачи (служба мониторинга союзников) «Voice of Free Arabism: Al Azhar University and the Moslem Cause», 3 сентября 1943 г. (записан), USNA, RG 84, Entry UD2410, Box 93.

О Египте и Индии см.: текст радиопередачи (служба мониторинга союзников) «The Arab Nation: The Pilgrimage», 4 декабря 1942 г. (записан), USNA, RG 84, Entry UD2410, Box 77; по Индии см. также: текст радиопередачи (служба мониторинга союзников) «Berlin in Arabic: Pilgrims», 12 января 1943 г. (записан), USNA, RG 84, Entry UD2410, Box 93.

478

Текст радиопередачи (служба мониторинга союзников) «Voice of Free Arabism: British Obstacles for Arab Palestinian Pilgrims», 30 сентября 1943 г. (записан), USNA, RG 84, Entry UD2410, Box 93.

По Сирии и Индии см.: текст радиопередачи (служба мониторинга союзников) «Athens in Arabic: The Pilgrimage», 12 августа 1943 г. (записан), USNA, RG 84, Entry UD2410, Box 93; по Индии см.: текст радиопередачи (служба мониторинга союзников) «Voice of Free Arabism: India», 12 августа 1943 г. (записан), USNA, RG 84, Entry UD2410, Box 93; и текст радиопередачи (служба мониторинга союзников) «Athens in Arabic: Indian Pilgrims», 15 августа 1943 г. (записан), USNA, RG 84, Entry UD2410, Box 93.

480

Текст радиопередачи (служба мониторинга союзников) «Voice of Free Arabism», 1 июля 1942 г. (записан), USNA, RG 84, Entry UD2410, Box 77.

481

Текст радиопередачи (служба мониторинга союзников) «Voice of Free Arabism: The London Mosque», 16 июля 1942 г. (записан), USNA, RG 84, Entry UD2410, Box 77.

. Hirszowicz, *The Third Reich and the Arab East*, 311.

483

Текст радиопередачи (служба мониторинга союзников) «Berlin in Arabic: An American Paradise», 4 июня 1943 г. (записан), USNA, RG 84, Entry UD2410, Box 93.

484

Текст радиопередачи (служба мониторинга союзников) «Voice of Free Arabism: Bolshevism and Islam», 7 сентября 1942 г. (записан), USNA, RG 84, Entry UD2410, Box 77.

485

Текст радиопередачи (служба мониторинга союзников) «Berlin in Arabic: Stalin's Ambitions in the Near East and Arab Countries», 10 декабря 1943 г. (записан), USNA, RG 84, Entry UD2410, Box 112.

486

Текст радиопередачи (служба мониторинга союзников) «Berlin in Arabic: Talk: Bolshevism and Its Dangers», 22 августа 1944 г. (записан), RG 84, Entry UD2410, Box 112.

Текст радиопередачи «Zur Regierungserklärung für die Araber» (перевод на немецкий), 12 декабря 1940 г. (отправлен), ВАВ, R901/73039. Эта декларация была отправлена всего несколько дней после «Арабской прокламации». Текст радиопередачи «Deutsche Rundfunckerklärung vom 5. Dezember 1940», 7 февраля 1942 г., Берлин, РА, R28876 (также в: РА, R261123 и R261179).

488

Текст радиопередачи (служба мониторинга союзников) «Berlin in Arabic: Islam and National-Socialism», 22 мая 1943 г. (записан), USNA, RG 84, Entry UD2410, Box 93.

489

Рюле, записка («Aufzeichnung betr. die Rundfunkpropaganda in dem arabischen Raum»), 5 мая 1941 г., Берлин, РА, R67482.

Текст радиопередачи «Religiöser Wochentalk: Die Frömmigkeit» (перевод на немецкий), 5 декабря 1940 г. (отправлен), ВАВ, R901/73039; текст радиопередачи «Religiöser Wochentalk: Die Wahrhaftigkeit» (перевод на немецкий), 26 декабря 1940 г. (отправлен), ВАВ, R901/73039; текст радиопередачи «Talk: Die gute Behandlung des Dieners, Sklaven und Tieres» (перевод на немецкий), 23 января 1941 г. (отправлен), ВАВ, R901/73039; текст радиопередачи «Kultureller Talk: Die Wahrhaftigkeit und die Stärke des Glaubens» (перевод на немецкий), 31 декабря 1940 г. (отправлен), ВАВ, R901/73039; текст радиопередачи «Religiöser Talk: Die Pilgerfahrt» (перевод на немецкий), 2 января 1941 г. (отправлен), ВАВ, R901/73039; и текст радиопередачи «Religiöser Wochentalk» (перевод на немецкий), 19 декабря 1940 г. (отправлен), ВАВ, R901/73039.

491

Текст радиопередачи «Talk: Die Wissenschaft und der Unterricht»
(перевод на немецкий), 13 февраля 1941 (отправлен), ВАВ, R901/73039.

492

Управление военной информации, особый ежедневный отчет о пропаганде, 11 марта 1942 г., USNA, RG 208, Entry UD577, Box 4.

Управление военной информации – ведомство, создано в 1942 году с целью вести пропаганду военной политики американской администрации как внутри страны, так и за рубежом по каналам прессы, радио, кино и любыми другими средствами. Закрыто в августе 1945 года.– *Прим. пер.*

494

Текст радиопередачи «Talk: Glückwünsche zum Beiram-Fest»
(перевод на немецкий), 8 января 1941 г. (отправлен), ВАВ, R901/73039.

495

Текст радиопередачи (служба мониторинга союзников) «Berlin in Arabic: Celebration of This Holy Occasion in the Mosque in Berlin», 7 марта 1944 г. (записан), USNA, RG 84, Entry UD2410, Box 112.

Швипс, «Wortschlacht im Äther», 59; и аналогично: Boelcke, *Die Macht des Radios*, 405.

Ширмер (МИД) – в парижское посольство, 1 января 1942 г., Берлин, РА, Paris 1116С. Автор донесения сообщает посольству в Париже об этом предложении, поступившем из консульства Германии в Танжере. Шлейер – МИДу, 15 января 1943 г., Париж, РА, Париж 1116С (положительная реакция на это предложение). Вицихл (парижское посольство), записка («Reportage in arabischen Arbeitslagern der Organisation Todt»), 21 января 1943 г., Париж, РА, Париж 1116С (здесь оценивается передача и подтверждается, что она была отправлена 17 января 1943 г.).

О политике рейха относительно Турции см.: Lothar Kreckler, *Deutschland und die Türkei im Zweiten Weltkrieg* (Frankfurt, 1964); Johannes Glasneck and Inge Kircheisen, *Türkei und Afghanistan: Brennpunkte der Orientpolitik im Zweiten Weltkrieg* (Berlin, 1968); более общий очерк: Zehra Önder, *Die türkische Außenpolitik im Zweiten Weltkrieg* (Munich, 1977); и Selim Deringil, *Turkish Foreign Policy during the Second World War: An «Active» Neutrality* (Cambridge, 2004); об идеологическом аспекте отношений двух стран см.: Stefan Ihrig, *Atatürk in the Nazi Imagination* (Cambridge, MA, 2014).

499

Папен – МИДу, 26 апреля 1940 г., Анкара, РА, R67484;
и аналогично: Папен – МИДу, 3 мая 1940 г., Анкара, РА, R67484 (к
обоим письмам были приложены обзоры прессы).

500

Папен – МИДу, 3 мая 1940 г., Анкара, РА, R67484.

501

Рюле, записка («Deutsche Sendungen in türkischer Sprache»), 18
апреля 1941 г., Берлин, PA, R67483.

МИД, инструкции («Standardthesen für die Propaganda nach dem Iran»), б. д. (4 января 1942 г.), б. м. (Берлин), РА, R27329; и аналогично: МИД, инструкции («Standardthesen für die Propaganda nach dem Iran»), 4 января 1942 г., напечатано в: МИД, инструкции («Zusammenfassung der vom Herrn RAM angeordneten Standardthesen für die deutsche Auslandspropaganda in laufender Nummernfolge»), 1942 г., Берлин, РА, R101400; и аналогично: МИД, инструкции («Standardthesen für die Propaganda nach dem Iran»), 27 марта 1942 г., напечатано в: МИД, инструкции («Zusammenfassung der vom Herrn RAM angeordneten Standardthesen für die deutsche Auslandspropaganda in laufender Nummernfolge»), 1942 г., Берлин, РА, R27330.

Эттель, инструкции («Richtlinien für die deutsche Propaganda nach dem Iran»), 24 августа 1942 г., Берлин, РА, R27329 (также в: РА, R27330).

Эттель, записка («Rundfunkpropaganda nach Iran»), 21 декабря 1942 г., Берлин, РА, R27329. Текстов немецких радиопередач, нацеленных на Иран, сохранилось очень мало, и они не дают составить представление о религиозном измерении германского вещания на Иран. См.: тексты в ВАВ, R901/73039.

По представлениям шиитов-двунадесятников (основное направление в шиитском исламе), Мухаммед ибн аль-Хасан аль-Махди (869–941), двенадцатый имам (или наследник пророка Мухаммеда в качестве лидера правоверных) не умер, а скрылся от глаз людей. В конце времен имам аль-Махди должен открыться по приказу Аллаха и объявиться в Мекке, где к нему присоединятся его сторонники, а праведники одновременно с этим восстанут из могил. Все они пойдут воевать с Дадждалем и установят на земле царство справедливости.—
Прим. пер.

506

Эттель – МИДу, 2 февраля 1941 г., Тегеран, РА, R60690.

Ibid.

Винклер, записка («Erfahrungen aus der deutschen Propagandaarbeit in Iran vom November 1939 bis September 1941»), 10 января 1942 г., Берлин, РА, R60690. О Винклере см. главу 5 этой книги.

George Lenczowski, *Russia and the West in Iran 1918–1948: A Study in Big-Power Rivalry* (Ithaca, NY, 1949), 159.

Sulzberger, «Axis Radio blankets Islam», и аналогично: С. Л. Sulzberger, *A Long Row of Candles: Memoirs and Diaries, 1934–1954* (London, 1969), 191.

О политике Германии в отношении Индии см.: Reimund Schnabel, *Tiger und Schakal: Deutsche Indienpolitik 1941–1943* (Vienna, 1968); Milan Hauner, *India in Axis Strategy: Germany, Japan, and Indian Nationalists in the Second World War* (Stuttgart, 1981); Hans-Bernd Zöllner, «*Der Feind meines Feindes ist mein Freund*»: *Subhas Chandra Bose und das zeitgenössische Deutschland unter dem Nationalsozialismus 1933–1943* (Hamburg, 2000); и Jan Kuhlmann, *Netaji in Europe* (New Delhi, 2012). Эти работы помогут составить общее представление о роли Индии во Второй мировой войне: Johannes H. Voigt, *India in the Second World War* (New Delhi, 1987); Manzoor Ahmad, *Indian Response to the Second World War: A Political Study* (New Delhi, 1987).

Эту речь организовали вместе немцы и итальянцы во время пребывания муфтия в Риме. О речи и участии Германии в этом действе см.: документы в РА, R27326 и РА, R60675.

Радиополитический отдел (МИД), текст службы мониторинга, 25 августа 1942 г., Берлин, РА, R60675; и аналогично: Германское агентство новостей (Deutsches Nachrichtenbüro), секретный отчет («DNB-Radioaufnahme»), 25 августа 1942 г., Берлин, РА, R27326.

Макензен (римское посольство) – МИДу, 30 сентября 1942 г., Рим, РА, R27326 (также в: РА, R60675 и в: ВА–МА, РН 2/1785); текст речи см. в: «Mirza Ali Khan», речь, 2 октября 1942 г., РА, R27326.

515

Макензен – МИДу, 30 сентября 1942 г., Рим, РА, R27326 (также в: РА, R60675 и в: ВА–МА, RH 2/1785).

Milan Hauner, «One Man against the Empire: The Faqir of Ipi and the British in Central Asia on the Eve of and during the Second World War», *Journal of Contemporary History* 16, 1 (1981), 183–212 (в этой статье хорошо рассказывается о факире из Ипи во время Второй мировой войны и о помощи, которую его люди получали от немцев и итальянцев).

517

Ленц (МИД), отчет («Die Indische Nord-West-Grenzprovinz»), август
1941 г., Берлин, РА, R27501.

Документы в архивах германского МИДа указывают на постоянные контакты между немцами и Мирзой Али-ханом, а также на выплаты денег последнему начиная с первой половины 1941 г. см.: РА, R27326, R27772, R29534 и индийские папки R60667–77, R67660.

Передача оружия, боеприпасов, денег и сообщений из германского дипломатического представительства в Кабуле зафиксирована в еженедельных отчетах генштаба Индии: General Headquarters India, Report («Weekly Intelligence Summary of the North-West Frontier and Afghanistan of 1941 and 1942»), NA, WO 208/773. «Ежемесячный отчет разведки» из штаб-квартиры британской индийской армии дает схожую картину.

General Headquarters India, Report («Weekly Intelligence Summary of the North-West Frontier and Afghanistan»), 15 июля 1941 г., 29 июля 1941 г., 13 февраля 1942 г., 6 марта 1942 г. и 19 июня 1942 г., NA, WO 208/773.

521

Пильгер – МИДу, 10 сентября 1942 г., Кабул, РА, R27326; подробнее о содержании см.: Пильгер – МИДу, 28 сентября 1942 г., Кабул, РА, R27326; о реакции немцев см.: документы в РА, R27326.

Erhard Tewes, *Der Freiheitsheld von Waziristan: Von England gefürchtet, von Indien geliebt* (Aalen, 1940).

Stanley Wolpert, *Jinnah of Pakistan* (New York, 1984), 171–246.

Н. Н. the Nawab of Bhopal, «Islamic Support in the War», *Asiatic Review* 37, 130 (1941), 281–286, где война называется «битвой ислама», представляет собой характерный пример.

Пильгер – МИДу, 24 августа 1942 г., Кабул, РА, R27326. Пильгер поднял вопрос об установлении контакта с Кифайатуллой и спрашивал мнение аль-Хусейни по этому вопросу; Эттель – римскому посольству, 1 сентября 1942 г., Берлин, РА, R27326 (Эттель обратился к аль-Хусейни, который тогда находился в Риме); Макензен – МИДу, 9 сентября 1942 г., Рим, РА, R27326 (тут объясняется, что муфтий выразил полное доверие Кифайатулле и описал его как «бескомпромиссно антианглийски настроенного»). Кепплер, записка, 3 сентября 1942 г., Берлин, РА, R27326. Тут высказываются сомнения в целесообразности подобных контактов, однако тот же сотрудник спрашивал о практических шагах (Кепплер – кабульской дипмиссии, 5 сентября 1942 г., Берлин, РА, R67660). Наконец, немцы обнаружили, что Кифайатуллу посадили в тюрьму, и вопрос был закрыт (Пильгер – МИДу, 10 сентября 1942 г., Кабул, РА, R27326).

526

Фуллер, меморандум («Memorandum on Radio Reception in the Near East and India»), 18 августа 1941 г., б. м., USNA, RG 208, Entry 373, Box 418.

527

Нейрат – МИДу, 3 апреля 1942 г., б. м., РА, R60747.

Ньютон (багдадское посольство) – МИДу, 17 июня 1939 г., Багдад, NA, FO 395/664. Это сообщение вызвало в британском министерстве иностранных дел дискуссию о том, как кофейни можно подтолкнуть настроиться на волну арабской службы «ВВС», см.: МИД, описание дискуссий, 17 June – 12 July 1939, Лондон, NA, FO 395/664. На предмет успешности усилий Гроббы см.: Ньютон – МИДу, 5 июля 1939 г., Багдад, NA, FO 395/664; и Ньютон – МИДу, 21 июля 1939 г., Багдад, NA, FO 395/664.

529

Лэмпсон – Галифаксу (МИД), 6 июля 1939 г., Александрия, НА, FO
395/664.

530

Чарльз (римское посольство) – Кавендишу-Бентинку (МИД), 1 июня 1939 г., Рим, НА, FO 395/664.

531

Макерет (дипмиссия в Дамаске) – МИДу, 10 мая 1939 г., Дамаск,
НА, FO 395/663.

Галлоуэй (британское политическое агентство в Кувейте) – резидентству Персидского залива (Бушир), 23 июня 1939 г., Кувейт, НА, FO 395/664; затем это письмо переслали в министерство по делам Индии и в министерство иностранных дел.

533

Найт (генеральное консульство в Тунисе) – МИДу, 14 июня 1939 г., Тунис, NA, FO 395/664 (этот документ демонстрирует ярость, вызванную эксплуатацией Корана в целях пропаганды).

Gerhard Höpp, «Frontwechsel: Muslimische Deserteure im Ersten und Zweiten Weltkrieg und in der Zwischenkriegszeit», in Höpp and Reinwald (eds.), *Fremdeinsätze*, 129–141.

Отношение к нацизму в арабском мире – очень хорошо исследованный сюжет. Эти работы показали, что популярность национал-социализма в 1930–1940-е годы не следует переоценивать. По Ираку см.: Peter Wien, *Iraqi Arab Nationalism: Authoritarian, Totalitarian and Pro-Fascist Inclinations, 1932–1941* (London, 2006). По Палестине см.: Nezam Al-Abbasi, «Die palästinensische Freiheitsbewegung im Spiegel ihrer Presse von 1929 bis 1945» (PhD diss., University of Freiburg, 1981); и René Wildangel, *Zwischen Achse und Mandatsmacht: Palästina und der Nationalsozialismus* (Berlin, 2007). О Ливане и Сирии см.: Götz Nordbruch, *Nazism in Syria and Lebanon: The Ambivalence of the German Option, 1933–1945* (London, 2009). По Египту см.: Edmond Cao-Van-Hoa, «Der Feind meines Feindes...»: *Darstellungen des nationalsozialistischen Deutschland in ägyptischen Schriften* (Frankfurt, 1990); Israel Gershoni and James Jankowski, *Confronting Fascism and Egypt: Dictatorship versus Democracy in the 1930s* (Stanford, CA, 2010); и Israel Gershoni, Götz Nordbruch, *Sympathie und Schrecken: Begegnungen mit Faschismus und Nationalsozialismus in Ägypten, 1922–1937* (Berlin, 2011). По Магрибу см.: Mahfoud Kaddache, «L'opinion politique musulmane en Algérie et l'administration française (1939–1942)», *Revue D'histoire de la Deuxième Guerre mondiale* 29, 114 (1979), 95–115; Jamaâ Baida, «Die Wahrnehmung der Nazi-Periode in Marokko: Indizien für den Einfluß der deutschen Propaganda auf die Geisteshaltung der Marokkaner», in Herbert Popp (ed.), *Die Sicht des Anderen: Das Marokkobild der Deutschen, das Deutschlandbild der Marokkaner* (Passau, 1994), 193–196; Mokhtar El Harras, «Die Printmedien und das Deutschlandbild in der spanischen Protektoratszone von Nordmarokko (1934–1945)», in Popp (ed.), *Die Sicht des Anderen*, 197–207. Более общие работы на тему отношения к германскому нацизму в арабском мире: Fritz Steppart, «Das Jahr 1933 und seine Folgen für die arabischen Länder des Vorderen Orients», in Gerhard Schulz (ed.), *Die große Krise der dreißiger Jahre: Vom Niedergang der Weltwirtschaft zum Zweiten Weltkrieg* (Göttingen, 1985), 261–278; Wild, «National Socialism in the Arab Near East between 1933 and 1939»; Gerhard Höpp, «Araber im Zweiten Weltkrieg: Kollaboration oder Patriotismus?», in Wolfgang Schwanitz (ed.), *Jenseits der Legenden:*

Araber, Juden, Deutsche (Berlin, 1994), 86–92. Некоторые ученые утверждают, что пропаганда немцев (особенно антиеврейские выпады) имела долгосрочное влияние на Ближнем Востоке. См.: Matthias Küntzel, *Jihad und Judenhass: Über den neuen antijüdischen Krieg* (Freiburg, 2002); David Patterson, *A Genealogy of Evil: Anti-Semitism from Nazism to Islamic Jihad* (New York, 2011); и Barry Rubin and Wolfgang G. Schwanitz, *Nazis, Islamists, and the Making of the Modern Middle East* (New Haven, CT, 2014). Восприятие нацизма в Иране, Турции, среди мусульман Британской Индии и других стран Азии остается малоизученным сюжетом.

Amir Taheri, *The Spirit of Allah: Khomeini and the Islamic Revolution* (London, 1985), 97–100 (тут высказывается эта мысль, однако никаких доказывающих ее фактов не приводится).

Рухолла Хомейни, *Кашф аль-асраф* («Раскрытие тайн») (б. м., б. д. (1399/1979 [1361/1942]), 222; нападки на гитлеровскую Германию можно найти еще на с. 272 и 302. Вагер Моин, *Khomeini: Life of the Ayatollah* (London, 1999), 57–64 (здесь рассказывается о деятельности Хомейни во время Второй мировой войны); Vanessa Martin, *Creating an Islamic State: Khomeini and the Making of a New Iran* (London, 2000), 103–112 (здесь можно найти хороший анализ «Раскрытия тайн»). Стоит заметить, что более поздний трактат Хомейни «Исламское правление» изобилует антисемитскими выпадами, см.: Рухолла Хомейни, *Хокумат-и эсломи* («Исламское правление») (Наджаф, 1391/1971).

Yann Richard, «Ayatollah Kashani: Precursor of the Islamic Republic?», in Nikki R. Keddie (ed.), *Religion and Politics in Iran: Shi'ism from Quietism to Revolution* (New Haven, CT, 1983), 101–124, 107–108.

Shahrough Akhavi, *Religion and Politics in Contemporary Iran: Clergy-State Relations in the Pahlavi Period* (Albany, 1980), 60–90; Azar Tabari, «The Role of the Clergy in Modern Iranian Politics», in Keddie (ed.), *Religion and Politics in Iran*, 47–72, 59–64; и Majid Yazdi, «Patterns of Clerical Political Behavior in Postwar Iran, 1941–53», *Middle Eastern Studies* 26, 3 (1990), 281–307, 285–288.

Али Давани, Аятолла Боружерди (Тегеран, 1371/1992).

Yitzhak Nakash, *The Shi'is of Iraq* (Princeton, NJ, 1994), 127 and 133.

542

МИД, отчет («Activities of the Mufti»), 18 января 1940 г., Лондон,
NA, KV 2/2085.

543

МИД, отчет («The Mufti's Activities»), 21 февраля 1940 г., Лондон,
NA, KV 2/2085.

544

Швендеман (парижское посольство)– МИДу, 27 апреля 1942 г.,
Париж, РА, R29533.

Sultan bin Muhammad al-Qasimi, *My Early Life* (London, 2011), 10–11.

Nordbruch, *Nazism in Syria and Lebanon*, 120–122. Такие популярные реформаторские движения, как «Братья-мусульмане» в Сирии, не принимали колониального господства Франции ни от вишистского режима, ни от «Свободной Франции». См.: Johannes Reissner, *Ideologie und Politik der Muslimbrüder Syriens* (Freiburg, 1980).

Anwar El Sadat, *Unterwegs zur Gerechtigkeit: Die Geschichte meines Lebens* (Graz, 1979), 43, эти фрагменты были также перепечатаны в: Anwar el-Sadat, «Rommel at El-Alamain: An Egyptian View (1942)», in Bernard Lewis (ed.), *A Middle East Mosaic: Fragments of Life, Letters and History* (New York, 2000), 314–316, 314, 315.

Лэмпсон – МИДу, 7 апреля 1941 г., Каир, НА, FO 371/27429;
Лэмпсон – МИДу, 12 апреля 1941 г., Каир, НА, FO 371/27429; спустя
несколько месяцев: Лэмпсон – МИДу, 7 июля 1941 г., Каир, НА, FO
371/27431.

549

Рюле, записка («Aufzeichnung betr. die Rundfunkpropaganda in dem arabischen Raum»), 5 мая 1941 г., Берлин, РА, R67482.

Charles D. Smith, «4 February 1942: Its Causes and Its Influence on Egyptian Politics and on the Future of Anglo-Egyptian Relations, 1937–45», *International Journal of Middle East Studies* 10, 4 (1979), 453–479, 468 (о прогерманских демонстрациях).

The Killearn Diaries 1934–1946, ed. Trefor E. Evans (London, 1972), 197–201 (1 февраля 1942 г.), 206–217 (4 февраля 1942 г.), 209 (о лозунге «Хайль Роммель!»). Спустя несколько месяцев Лэмпсон написал об этих лозунгах в своем отчете, см.: Лэмпсон – МИДу, 28 июня 1942 г., Каир, НА, FO 371/31573. Швендеман – МИДу, 27 апреля 1942 г., Париж, РА, R29533 (рассказ немца о криках «Хайль Роммель»).

552

Лэмпсон – МИДу, 28 июня 1942 г., Каир, НА, FO 371/31573.

553

Лэмпсон – МИДу, 29 июня 1942 г., Каир, НА, FO 371/31573.

554

Лэмпсон – МИДу, 4 июля 1942 г., Каир, НА, FO 371/31573.

555

Лэмпсон – МИДу, 11 июля 1942 г., Каир, НА, FO 371/31573.

556

Лэмпсон – МИДу, 1 февраля 1943 г., Каир, НА, FO 371/35528.

Jakob Skovgaard-Petersen, *Defining Islam for the Egyptian State: Muftis and Fatwas of the Dār Al-Iftā* (Leiden, 1997), 159–170.

Francine Costet-Tardieu, *Un réformiste à l'Université al-Azhar: Œuvre et pensée de Mustafâ al-Marâghi (1881–1945)* (Paris, 2005), 169–175.

Список влиятельных лиц Египта (1941), переданный Лэмпсоном Идену (в МИД), 22 июля 1941 г., Каир, NA, FO 371/27431. Обновленный список 1943 г. см. в: Лэмпсон – Идену, 5 января 1943 г., Каир, NA, FO 371/35528.

Richard Capell, «Egypt Has Her Ambitions in the Post-War World», *Daily Telegraph* (3 February 1944).

Деятельность «Братьев-мусульман» во время Второй мировой войны обсуждается в: Mitchell, *The Society of the Muslim Brothers*, 19–34; Lia, *The Society of the Muslim Brothers in Egypt*, 256–269; конкретно об аль-Банне см.: Krämer, *Hasan al-Banna*, 61–65.

О финансовой помощи, которую Германия оказывала «Братьям-мусульманам» до войны см.: записки британской военной разведки, записка («Note on Wilhelm Stellbogen»), 23 октября 1939 г., б. м., NA, WO 208/502; записка («Correspondence and Notes of Mr. Wilhelm Stellbogen»), б. д. (1939), б. м., NA, WO 208/502; записка («Found among Stellbogen's Papers»), б. д. (1939), б. м., NA, WO 208/502; а также отчет генштаба Средневосточного командования («The Ikhwan al Muslimin Reconsidered»), 10 декабря 1942 г., Каир, NA, FO 141/838.

563

Нэлдретт-Джейс (городская полиция Александрии), записка («Pro-Axis Propaganda»), 31 октября 1942 г., Alexandria, NA, FO 141/838.

Генштаб Средневосточного командования, отчет («The Ikhwan al Muslimin Reconsidered»), 10 декабря 1942 г., Каир, NA, FO 141/838.

Ibid.

566

Центр политической разведки по Ближнему Востоку (PICME), отчет («The Ikhwan El Muslimeen»), 25 февраля 1944 г., Каир, NA, WO 201/2647 (также в: NA, FO 371/41329).

Нейрат – МИДу, 1 июня 1941 г., б. м., РА, R60747; о наступлении в 1942 г. см.: Нейрат – МИДу, 3 апреля 1942 г., б. м., РА, R60747, Нейрат – МИДу, 14 октября 1941 г., б.м., РА, R60747; Херман, отчет («Reiseeindruecke in Libyen Oktober 1941»), 14 октября 1941 г., б. м., РА, R60747; по наступлению в 1942 г.: Нейрат – МИДу, 21 марта 1942 г., б. м., РА, R60747 (о неоднозначной реакции и враждебности).

Claudio G.Segrè, *Fourth Shore: The Italian Colonization of Libya* (Chicago, 1974); о зверствах итальянцев в Ливии военного времени: Patrick Bernhard, «Behind the Battle Lines: Italian Atrocities and the Persecution of Arabs, Berbers, and Jews in North Africa during World War II», *Holocaust and Genocide Studies* 26, 3 (2012), 425–446.

Об отношениях британцев с сенуситами см.: Saul Kelly, *War and Politics in the Desert: Britain and Libya during the Second World War* (London, 2010).

570

Текст радиопередачи (служба мониторинга союзников), «Voice of Free Arabism: The Mufti of Tripoli», 14 февраля 1943 г. (записан), USNA, RG 84, Entry UD2410, Box 93.

Hayyim J. Cohen, «The Anti-Jewish Farhūd in Baghdad, 1941», *Middle Eastern Studies* 3, 1 (1996), 2–17.

Michel Abitbol, *The Jews of North Africa during the Second World War* (Detroit, 1989); Michael M. Laskier, *North African Jewry in the Twentieth Century: The Jews of Morocco, Tunisia and Algeria* (New York, 1994), 55–83; Satloff, *Among the Righteous* (эти работы рассказывают о судьбе евреев Северной Африки во время Второй мировой войны). В этой книге говорится о планах немцев убить евреев Северной Африки и Ближнего Востока: Klaus-Michael Mallmann and Martin Cüppers, *Halbmond und Hakenkreuz. Das «Dritte Reich», die Araber und Palästina* (Darmstadt, 2006).

Robert Assaraf, Mohammed V et les Juifs du Maroc à l'époque de Vichy (Paris, 1997).

Yves C. Aouate, «Les Algériens musulmans et les mesures antijuives du gouvernement de Vichy (1940–1942)», *Pardès* 16 (1992), 189–202, особенно 195–198; более общий обзор темы: Henri Msellati, *Le Juifs d'Algérie sous le régime de Vichy* (Paris, 1999).

Jacques Sabille, *Les Juifs de Tunisie sous Vichy et l'occupation* (Paris, 1954); и Claude Nataf, «Les Juifs de Tunisie face à Vichy et aux persécutions allemandes», *Pardès* 16 (1992), 203–231.

Renzo de Felice, *Jews in an Arab Land: Libya, 1835–1970* (Austin, TX, 1985), 168–184; and Rachel Simon, «It Could Have Happened There: The Jews of Libya during the Second World War», *African Journal* 16 (1994), 391–422; и, с акцентом на бунты 1945 года: Harvey E. Goldberg, *Jewish Life in Muslim Libya: Rivals and Relatives* (Chicago, 1990), 97–122.

См.: Gudrun Krämer, *Minderheit, Millet, Nation? Die Juden in Ägypten, 1914–1952* (Wiesbaden 1982).

О мусульманах в британской армии времен Второй мировой войны нет подробных работ. Об Индийской армии см.: Philip Mason, *A Matter of Honour: An Account of the Indian Army: Its Officers and Men* (London, 1974), 471–527; и тексты в сборнике: Alan Jeffreys and Patrick Rose (eds.), *The Indian Army, 1939–47: Experience and Development* (Farnham, VT, 2012). По Арабскому легиону см.: Godfrey Lias, *Glubb's Legion* (London, 1956).

История солдат-мусульман во французской армии во Второй мировой войне хорошо исследована. См.: Recham, «Les Musulmans dans l'armée française», 748–753, особенно о Свободных французских силах: 750–751; об алжирских солдатах: Belkacem Recham, *Les Musulmans algériens dans l'armée française (1919– 1945)* (Paris, 1996), 175–274, особенно о Свободных французских силах: 229– 274; о марокканских солдатах: Moshe Gershovich, «Scherifenstern und Hakenkreuz: Marokkanische Soldaten im Zweiten Weltkrieg», in Höpp, Wien, and Wildangel (eds.), *Blind für die Geschichte*, 335–364.

Crabitès, «Britain's Debt to King Farouk», 860.

Аноним, «Die arabische Welt sammelt ihre Kräfte: Strömungen und Gegenströmungen im ersten Kriegsjahr», *Frankfurter Zeitung* (25 мая 1941 г.).

Липер (МИД), протокол заседания, 6 января 1939 г., Лондон, NA, FO 395/650 – здесь говорится о первой встрече чиновников министерств иностранных дел, по делам Индии, по делам колоний, военного министерства, «ВВС» и Британского совета. Целью встречи было обсуждение пропаганды на тему «Что Британия сделала для ислама». Сотрудниками министерства информации был составлен один из первых общих меморандумов на эту тему. Там обсуждались ключевые вопросы: британский империализм на исламских территориях, вопрос Палестины, действия христианских миссионеров и вопрос халифата (его роль в будущей войне). См.: Гибб (министерство информации), меморандум («The General Principles of Publicity among Moslems»), 16 августа 1939 г., London, NA, INF 1/407.

Nevill Barbour, «Broadcasting to the Arab World: Arabic Transmissions from the B.B.C. and other Non-Arab Stations», *Middle East Journal* 5, 1 (1951), 57–69. Сравнение всех иностранных радиостанций, ведущих пропаганду на Ближнем Востоке, можно найти в: Seth Arsenian, «Wartime Propaganda in the Middle East», *Middle East Journal* 2, 4 (1948), 417–429.

Пероун («ВВС») – Биггу (министерство по делам колоний), 13 июля 1939 г., Лондон, НА, СО 323/1651/9.

585

Пероун – Бауэну (МИД), 16 мая 1939 г., Лондон, НА, FO 395/664. О переговорах между Уайтхоллом и посольством Великобритании в Египте по поводу чтения Корана см. документы в: НА, FO 395/663 и НА, FO 395/664.

Gary Leiser, «Bombs and Leaflets: Allied Propaganda and the Tunisians during the Winter Campaign of 1942–43», *Maghreb Review* 19, 3–4 (1994), 284–318; и Richard Pennell, «Propaganda and its Target: The Venom Campaign in Tangier during World War II», in Driss Maghraoui (ed.), *Revisiting the Colonial Past in Morocco* (London, 2013), 157–183.

Брошюра «By Order of Hitler the Khanzir Mosques Are Bombed» (английский перевод), б. д. (1941), NA, HS6/945; арабский оригинал: брошюра *Гитлираль-ханзира'тааль-айдинли-тийаратмата'ахубашаль-вахуаль-бумб'алааль-джувама* («Гитлер-свинья приказал самолетам сбрасывать бомбы на мечети»), б. д. (1941), NA, HS6/945. Номер аята различается в зависимости от перевода Корана: 114-й по каирскому изданию и 108-й согласно изданию Густава Флюгеля.

Брошюра «Truth» (английский перевод), б. д. (1941), NA, HS6/945;
арабский оригинал: брошюра *Аль-хакк* («Истина»), б. д. (1941), NA,
HS6/945.

Хадис – предание о словах и действиях пророка Мухаммеда, затрагивающее разнообразные религиозно-правовые стороны жизни мусульманской общины.– *Прим. пер.*

590

Абулафия (уполномоченный по информационной войне), записка, 25 августа 1942 г., London, NA, FO 898/128.

Ibid.

Брошюра «Ten of the Reasons Why Great Britain Will Win this War» (английский перевод), б. д. (1941), NA, HS6/945; арабский оригинал: брошюра *Эшра альхаджат 'лаш аль-инглиз у-ашабу арджуху аль-харб* («Десять причин, почему англичане и их друзья выигрывают войну»), б. д. (1941), NA, HS6/945.

593

Брошюра *Сатва кувват британийя аль-мусаллаха* («Мощь вооруженных сил Британии»), б. д. (1942), NA, FO 898/128.

John P.Slight, *The British Empire and the Hajj, 1865–1956* (Cambridge, MA, 2015), 303–306.

Открытка «Friendship for the Arabs» (английский перевод), б. д. (1941), NA, HS6/945; арабский оригинал: пропагандистская открытка *Кувва Инглитир фи-ль-бахр* («Сила Англии на море»), б. д. (1941), NA, HS6/945.

Брошюра «London Mosque and Месса» (английский перевод), б. д. (1942), NA, FO 898/128; арабский оригинал: брошюра *Аль-бавабир инглиз хамлу аль-муминин ли-ль-хадж* («Английские корабли отвезли правоверных на хадж»), б. д. (1942), NA, FO 898/128.

Сувенирная брошюра по случаю хаджа, 1942, НА, СО 732/87/18;
о ней см.: правительство Палестины, отчет («Hajj Souvenir Brochure»),
декабрь 1942 г., Иерусалим, НА, СО 732/87/18.

598

Неринг – МИДу, 6 мая 1942 г., Танжер, РА, R60660 (к письму было приложено резюме первого номера *Ахбар аль-усбуа*, от 1 мая 1942 г.).

Вицихль, записка («Die englische Druckschriftenpropaganda in den islamischen Ländern»), 3 октября 1942 г., Париж, РА, Paris 1116С.

600

Макмайл – Министерству по делам колоний, 8 сентября 1942 г.,
Палестина, NA, CO 733/439/12.

601

Макмайл – Министерству по делам колоний, 13 марта 1942 г.,
Палестина, NA, CO 733/439/12.

Фильм «Courban Bairam Celebration in Benghazi», 19 ноября 1942 г., архив Имперского военного музея, Лондон (IWM), Reel AYY286/5–1; следует отметить, что этот фрагмент, хотя и учтен в каталоге, вырезан и больше не присутствует в этом фильме. Также неверно указана дата – Курбан-байрам наступил месяц спустя.

603

Разведка США (USAFIME) отчет («Annex no. 3 to Report no. 5»), 19 декабря 1942 г., Нью-Йорк, USNA, RG 84, Entry UD2412, Box 5.

Текст хранится в папке Donovan Operation Torch, US Army War College, Fort Carlisle, Carlisle, PA; цит. по: Anthony C. Brown, *Oil, God, and Gold: The Story of Aramco and the Saudi Kings* (Boston, 1999), 104–105.

605

Хадсон (Управление военной информации, бейрутская миссия) –
Управлению военной информации, 5 сентября 1943 г., Бейрут, USNA,
RG 208, Entry 362, Box 133.

606

Бадю (Управление военной информации), записка («Comments on Lt. Siblini's proposed memo of September 28th»), 30 сентября 1943 г., Вашингтон, USNA, RG 208, Entry 387, Box 614.

607

Управление военной информации, записка («Weekly Program near East Station for Arabic Broadcast from Sunday 6th February 1944 to Saturday 12th»), USNA, RG 208, Entry 387, Box 641.

О теме германского расизма в британской и американской пропаганде см., например: Винклер, записка («Erfahrungen aus der deutschen Propagandaarbeit in Iran vom November 1939 bis September 1941»), 10 января 1942 г., Берлин, PA, R60690; об американской пропаганде на арабском языке, которая работала как с враждебностью нацистов по отношению к религии, так и с германским расизмом, см., например: Индекс материалов прессы и брошюр, подготовлен службой пресс-атташе, дипмиссия Великобритании в Бейруте, ноябрь 1942 г., USNA, RG 208, Entry 387, Box 625.

Driss Maghraoui, «‘Den Marokkanern den Krieg verkaufen’: Französische Anti-Nazi Propaganda während des Zweiten Weltkrieges», in Höpp, Wien, and Wildangel (eds.), *Blind für die Geschichte*, 191–213.

Тут можно найти карикатуры, в том числе ту, где Гитлер наступает сапогом на книги с надписями «Ислам» и «Коран»: E. Rubin, *Le racisme et l'Islam* (Paris, 1939).

Maurice Muret, «Le monde musulman pour la France», *Gazette de Lausanne* (30 апреля 1940 г.) – тут упоминается празднование мавлида в Бейруте, на котором присутствовал Максим Вейган [в то время командующий на восточном театре военных действий в Сирии.– *Прим. пер.*]; тут можно найти фотографии празднования мавлида во французской Северной Африке: Аноним, «Les grandioses fêtes du 'Mouloud' ont eu lieu à Fez malgré les assertions de la propagande nazie», *Le Petit Marseillais* (5 May 1940).

Charles de Gaulle, *Lettres, notes et carnets, Juillet 1941–Mai 1943* (Paris, 1982), 499–500.

Yaacov Ro'i, *Islam in the Soviet Union: From the Second World War to Gorbachev* (New York, 2000), 113–114, о настойчивых попытках СССР завоевать на свою сторону шиитских богословов Ирана: Lenczowski, *Russia and the West in Iran*, 213–215.

614

Текст радиопередачи (служба мониторинга союзников) «Voice of Free Arabism: Kill the Jews before They Kill You», 7 июля 1942 г. (записан), USNA, RG 84, Entry UD2410, Box 77.

615

Текст радиопередачи (служба мониторинга союзников) «Berlin in Arabic: Talk: The V. V.C. and the Qoran», 5 августа 1944 г. (записан), USNA, RG 84, Entry UD2410, Box 112.

Ibid.

Оккупация Туниса немцами достаточно хорошо исследована историками. Среди наиболее заслуживающих упоминания работ: Waldis Greiselis, *Das Ringen um den Brückenkopf Tunesien 1942/43: Strategie der «Achse» und Innenpolitik im Protektorat* (Bern, 1976).

Der Islam, Tornisterschrift des Oberkommandos der Wehrmacht (Ernst Rodenwaldt), Heft 52 (1941); брошюра хранится в ВА–МА, RH 53–18/292. Олыша, отчет, 1945, BStU, MfS, HA IX/11, ZR920, A. 54 (тут также можно найти сведения о брошюре).

Der Islam, Tornisterschrift des Oberkommandos der Wehrmacht (Ernst Rodenwaldt), Heft 52 (1941), 5.

Ibid., 45–46.

Ibid., 63–64.

Ibid., 6.

Ibid.

Ibid.

Ibid., 63 (пункт 3).

626

Ibid. (пункт 9).

Современные подходы к этой проблеме: C. Christine Fair and Sumit Ganguly (eds.), *Treading on Hallowed Ground: Counterinsurgency Operations in Sacred Spaces* (Oxford, 2008).

Der Islam, Tornisterschrift des Oberkommandos der Wehrmacht (Ernst Rodenwaldt), Heft 52 (1941), 63 (пункт 6).

Ibid., 64 (пункт 16).

Ibid., 63 (пункт 4).

Ibid., 52–54.

Ibid., 64 (пункт 19).

Ibid., 47.

Ibid., 64 (пункты 14 и 15).

Richard J.Evans, *The Third Reich at War* (London, 2008), 477–478, 745; более подробно см.: в Frank Snowden, «Latina Province 1944–1950», *Journal of Contemporary History* 43, 3 (2008), 509–526.

Der Islam, Tornisterschrift des Oberkommandos der Wehrmacht (Ernst Rodenwaldt), Heft 52 (1941), 65; точное библиографическое описание: Martin Hartmann, *Der Islam* (Leipzig, 1909); Th. W. Juynboll, *Handbuch des islamischen Gesetzes* (Leipzig, 1910); C. Snouck Hurgronje, *Mekka* (The Hague, 1888–1889); Ignaz Goldziher, *Muhammedanische Studien* (Halle an der Saale, 1889–1890); Traugott Mann, *Der Islam einst und jetzt* (Leipzig, 1914).

Аноним, «Muhammed und der Islam I» (15 July 1941), in *Handbuch der Wehrbetreuung*, ed. Luftfahrtführungsstab, 8 vols. (Stuttgart, 1939–1942), vol. 3a, 1–11; Аноним, «Muhammed und der Islam II» (15 August 1941), in *Handbuch der Wehrbetreuung*, ed. Luftfahrtführungsstab, vol. 3a, 13–33.

Про первую фронтовую газету см.: Фишер (*Panzer-Propaganda-Kompanie*), отчет («Tätigkeitsbericht über die geistige Betreuung der Truppe durch die P. K. Afrika im Monat Mai 1942»), 19 сентября 1942 г., б. м., ВА–МА, RH 19VIII/78; и Фишер, отчет («Tätigkeitsbericht über die geistige Betreuung der Truppe durch die Propaganda-Kompanie Afrika für den Monat April 1942»), 1 мая 1942 г., б. м., ВАМА, RH 19VIII/78. Про вторую см.: Мэнерт, отчет, б. д. (декабрь 1942 г.), б.м. (Тунис), РА, R60660. Примеры инструкций вермахта, требующих относиться с уважением к исламским обычаям и правилам быта: «Merkblatt über das Verhalten gegenüber der nordafrikanischen Bevölkerung»), б. д., ВА–МА, RH 21–5/27; по Тунису: «Merkblatt für die deutschen Soldaten in Französisch Nordafrika», б.д., ВА–МА, RH 21–5/26.

639

Кремис (Объединенное агентство по сбору разведывательной информации, Алжир), отчет («Summary of General Conditions in Tunisia»), 27 декабря 1944 г., Алжир, USNA RG 226, Entry 16, Box 1258.

Бассевиц (армия), отчет («Bericht über meine Reise zur Oase Siwa vom 9.—20.8.42»), 22 августа 1942 г., б. м., РА, R60748 (тут приводятся примеры такого рода контактов с местными уважаемыми религиозными деятелями).

641

Ран – МИДу, 9 апреля 1943 г., Тунис, РА, R27767.

Муфтий предлагал свои услуги вермахту, см.: Канарис, записка, 9 декабря 1942 г., Берлин, РА, R27332; а также и министерству иностранных дел, см.: Вайцеккер, записи, 10 декабря 1942 г., Берлин, РА, R261124. Документы, посвященные обсуждению этого предложения, можно найти в самых разных папках, прежде всего в: РА, R27332, R27766, и R27767.

643

Ран, отчет («Besuch beim Bey von Tunis»), 19 декабря 1942 г.,
Тунис, ВА–МА, RH 19VIII/359.

644

Ран – МИДу, 22 декабря 1942 г., Тунис, РА, R27766.

В. Wundshammer, «Empfang bei Seiner Kgl. Hoheit», *Signal* (март 1943 г., второй выпуск), 15 (там же приведены фотографии визита).

Нейрат – МИДу, 14 октября 1941 г., б. м., РА, R60747; вторая цитата взята из Херман, отчет («Reiseindruecke in Libyen Oktober 1941»), 14 октября 1941 г., б. м., РА, R60747.

647

Бийу, меморандум («Denkschrift zur deutschen Nordafrikapropaganda, insbesondere in den Kriegsgefangenenlagern»), б. д. (март 1942 г.), б. м., ВА–МА, RH 2/1765.

Ibid.

Бюркнер, отчет («Behandlung der Araberfragen und Vorschläge von arabischer Seite»), 13 марта 1942 г., Берлин, ВА–МА, RH 2/1765.

Christian Koller, «Von Wilden aller Rassen niedergemetzelt»: Die Diskussion um die Verwendung von Kolonialtruppen in Europa zwischen Rassismus, Kolonial- und Militärpolitik (1914–1930) (Stuttgart, 2001); и Jean-Yves Le Naour, La honte noir: L'Allemagne et les troupes coloniales françaises, 1914–1945 (Paris, 2003).

Klaus Mann, *Der Wendepunkt: Ein Lebensbericht* (Frankfurt M., 1963 [1952]), 76.

О негативных стереотипах восприятия североафриканских солдат (из колоний) в немецкой пропаганде во время войны с Францией в 1940 году см.: Koller, «*Von Wilden aller Rassen niedergemetzelt*», 350–361; Naour, *La honte noir*, 236–244; and Wagenhofer, «*Rassischer*» *Feind – politischer Freund?*, 21–24 and 43–61.

Alexander Werth, *Russia at War, 1941–1945* (London, 1964), 573.

О политике царизма в отношении ислама см.: Crews, *For Prophet and Tsar*; по Кавказу см.: Firouzeh Mostashari, *On the Religious Frontier: Tsarist Russia and Islam in the Caucasus* (London, 2006); по Крыму см.: Kelly O'Neill, «Between Subversion and Submission: The Integration of the Crimean Khanate into the Russian Empire, 1783–1853» (PhD diss., Harvard University, 2006); по Центральной Азии см.: Allen J. Frank, *Muslim Religious Institutions in Imperial Russia: The Islamic World of Novouzensk District and the Kazakh Inner Horde, 1780–1910* (Leiden, 2001); и A. S. Morrison, *Russian Rule in Samarkand 1868–1910: A Comparison with British India* (Oxford, 2008), особенно 51–87.

О сопротивлении мусульман царской России на Кавказе см.: Moshe Gammer, *Muslim Resistance to the Tsar: Shamil and the Conquest of Chechnia and Daghestan* (London, 1994) [русский перевод: М. Гаммер. Шамиль. Исламское сопротивление царизму. Завоевание Чечни и Дагестана. М., 1998]; Anna Zelkina, *In Quest of God and Freedom: Sufi Responses to the Russian Advance in the North Caucasus* (London, 2000); Michael Kemper, *Herrschaft, Recht und Islam in Daghestan: Von den Khanaten und Gemeindebünden zum ġihād-Staat* (Wiesbaden, 2005); и Clemens P. Sidorko, *Dschihad im Kaukasus: Antikolonialer Widerstand der Dagestaner und Tschetschenen gegen das Zarenreich (18. Jahrhundert bis 1859)* (Wiesbaden, 2007).

О советской политике в отношении ислама в межвоенный период см. обзорные труды: Galina M. Yemelianova, *Russia and Islam: A Historical Survey* (New York, 2002), 99–120; и Alexandre Bennigsen and Chantal Lemercier-Quelquejay, *Islam in the Soviet Union* (London, 1967), 19–163; труды общего характера на тему религии в Советском Союзе: Walter Kolarz, *Russia and Her Colonies* (London, 1952), 186–188; Walter Kolarz, *Religion in the Soviet Union* (London, 1961), 406–425; и Hans Bräker, *Kommunismus und Weltreligionen Asiens: Zur Religions- und Asienpolitik der Sowjetunion*, vol. 1 (*Kommunismus und Islam: Religionsdiskussion und Islam in der Sowjetunion*) (Tübingen, 1969), 91–121.

Религиозных лидеров называли агентами Турции и Британии, а потом – Японии и Германии. См.: Alexandre Bennigsen, «The Qādirīyah (Kunta Hājjī) Tarīqah in North-East Caucasus: 1850–1987», *Islamic Culture* 62, 2–3 (1988), 69–71, 70–71; и Alexandre Bennigsen and S. Enders Wimbush, *Mystics and Commissars: Sufism in the Soviet Union* (London, 1985), 28–29.

О нападках советской власти на мечети см.: Yemelianova, *Russia and Islam*, 114; Jörg Baberowski, «Stalinismus als imperiales Phänomen: Die islamischen Territorien der Sowjetunion 1920–1941», in Stefan Plaggenborg (ed.), *Stalinismus: Neue Forschungen und Konzepte* (Berlin, 1998), 113–150, 128; Jörg Baberowski, «Stalinismus an der Peripherie: Das Beispiel Azerbaidzan 1920–1941», in Manfred Hildermeier (ed.), *Stalinismus vor dem Zweiten Weltkrieg: Neue Wege der Forschung* (Munich, 1998), 307–335, 319–320; Jörg Baberowski, «Verschleierte Feinde: Die kulturellen Ursprünge des Stalinismus im sowjetischen Orient», *Geschichte und Gesellschaft* 30 (2004), 10–36, 24–25; конкретные цифры см. в: Ro'i, *Islam in the Soviet Union*, 58.

Пределы советской репрессивной политики в отношении религии в межвоенный период обсуждаются в литературе, отмеченной в прим. 4. О выживании шариатских судов и религиозного образования см. прежде всего: Kolarz, *Russia and Her Colonies*, 186–188; и Robert Conquest, *The Nation Killers: The Soviet Deportation of Nationalities* (London, 1970), 38, 98. О провале кампании за снятие чадры см. прежде всего: Kolarz, *Religion in the Soviet Union*, 416–419; Jörg Baberowski, *Der Feind ist überall: Stalinismus im Kaukasus* (Munich, 2003), 442–478 [русский перевод: Й. Баберовски. Враг есть везде. Сталинизм на Кавказе. М., 2010]; Baberowski, «Stalinismus als imperiales Phänomen», 128–134; Baberowski, «Stalinismus in der Peripherie», 320–323; Baberowski, «Verschleierte Feinde», 17 and 27–36. О конфликтах во время процессий ашуры см.: Baberowski, *Der Feind ist überall*, 427–435; Baberowski, «Stalinismus an der Peripherie», 319; и Baberowski, «Verschleierte Feinde», 17–18 and 25–27. О конфликте в чеченском свиноводческом хозяйстве см.: Abdurahman Avtorkhanov, «The Chechens and the Ingush during the Soviet Period and Its Antecedents», in Marie Bennigsen Broxup (ed.), *The North Caucasus Barrier: The Russian Advance towards the Muslim World* (London, 1992), 146–194, 166.

Ашура у шиитов – особо почитаемый день, приходящийся на десятое число месяца мухаррам. В этот день происходит поминовение шиитских мучеников, погибших в битве при Кербеле (680 г.), прежде всего, Хусейна ибн Али.– *Прим. пер.*

О восстаниях на Кавказе в межвоенный период см.: Kolarz, *Russia and Her Colonies*, 186–188; Kolarz, *Religion in the Soviet Union*, 414–416; Conquest, *The Nation Killers*, 38, 45–46, 96; Chantal Lemercier-Quelquejay, «Sufi Brotherhoods in the USSR: A Historical Survey», *Central Asian Survey* 2, 4 (1983), 1–35, 12–16; Alexandre Bennigsen, «Muslim Guerilla Warfare in the Caucasus (1918–1928)», *Central Asian Survey* 2, 1 (1983), 45–56; Bennigsen, «The Qādirīyah (Kunta Hājjī) Tarīqah in North-East Caucasus», 69–71; Bennigsen and Wimbush, *Mystics and Commissars*, 24–29; Avtorkhanov, «The Chechens and the Ingush during the Soviet Period and Its Antecedents», 152–179; и Marie Bennigsen Broxup, «The Last Ghazawat: The 1920–21 Uprising», in Marie Bennigsen Broxup (ed.), *The North Caucasus Barrier*, 112–145.

О восстаниях на Кавказе во время Второй мировой войны см.: Conquest, *The Nation Killers*, 98; Lemerrier-Quelquejay, «Sufi Brotherhoods in the USSR», 16; Bennigsen, «The Qādirīyah (Kunta Hājjī) Tarīqah in North-East Caucasus», 71; Bennigsen and Wimbush, *Mystics and Commissars*, 29; Avtorkhanov, «Chechens and the Ingush during the Soviet Period and Its Antecedents», 181–184; J. Otto Pohl, *Ethnic Cleansing in the USSR, 1937–1949* (Westport, CT, 1999), 73, 75–76, 79, 81–83, 89; Alexander Statiev, «The Nature of Anti-Soviet Armed Resistance, 1942–1944: The North Caucasus, the Kalmyk Autonomous Republic, and Crimea», *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History* 6, 2 (2005), 281–314, 284–299; Jeffrey Burds, «The Soviet War against „Fifth Columnists“: The Case of Chechnya, 1942–4», *Journal of Contemporary History* 42, 2 (2007), 267–314.

Erich v. Manstein, *Verlorene Siege* (Bonn, 1955), 233 [Э. Манштейн. Утерянные победы. М., 1999. С. 237].

R. Konrad, *Kampf um den Kaukasus* (Munich, 1954), 22–23; Гельмут Блуме – родителям, 28 октября 1942 г., б. м., in Helmut Blume, *Zum Kaukasus 1941–1942: Aus Tagebuch und Briefen eines jungen Artilleristen* (Tübingen, 1993), 138–139, 139 (примеры).

665

Руководство зипо (полиции безопасности) и СД, отчет («Meldungen aus den besetzten Ostgebieten»), 6 ноября 1942 г., Берлин, ВАВ, R58/699; сходные оценки давались в большинстве отчетов с мест.

Страхи по поводу Кавказа разделяли также западные союзники Москвы, см.: Симпсон (Среднеазиатское бюро, генеральный штаб Средневосточного командования), отчет («Separatism in the Caucasus»), 23 августа 1942 г., Каир, NA, FO 371/32931; и Симпсон, отчет («The Caucasus: Probable Consequences of a German Occupation»), 6 октября 1942 г., Каир, NA, WO 208/1814.

667

Engelbert Graf, «Die Freiheitskämpfe der Kaukasusvölker», *Deutsche Allgemeine Zeitung* (1 ноября 1942 г.).

О военных действиях и оккупационной политике немцев на Кавказе и в Крыму см. общие работы: Dallin, *German Rule in Russia*, 226–252 (Кавказ), 253–275 (Крым); Gerald Reitlinger, *The House Built on Sand: The Conflicts of German Policy in Russia, 1939–1945* (New York, 1960), 287–308 (Кавказ) и 185–187 (Крым); Mühlen, *Zwischen Hakenkreuz und Sowjetstern*, 189–193 (Кавказ) и 183–187 (Крым); Angrick, *Besatzungspolitik und Massenmord*, 545–715 (Кавказ) и 323–361, 452–544 (Крым); и Manfred Oldenburg, *Ideologie und militärisches Kalkül: Die Besatzungspolitik der Wehrmacht in der Sowjetunion 1942* (Cologne, 2004), 259–306 (Кавказ) и 57–224 (Крым). Специально о Кавказе см.: Hoffmann, *Kaukasien*; Manfred Zeidler, «Das „kaukasische Experiment“: Gab es eine Weisung Hitlers zur deutschen Besatzungspolitik im Kaukasus?», *Vierteljahreshefte für Zeitgeschichte* 53 (2005), 475–500; Dieter Pohl, *Die Herrschaft der Wehrmacht: Deutsche Militärbesatzung und einheimische Bevölkerung in der Sowjetunion 1941–1944* (Munich, 2008), 299–304; и Hermann Frank Meyer, *Blutiges Edelweiß: Die 1. Gebirgs-Division im Zweiten Weltkrieg* (Berlin, 2008), 82–111. Специально по Крыму см.: Luther, «Die Krim unter deutscher Besatzung im Zweiten Weltkrieg»; Kunz, *Die Krim unter deutscher Herrschaft*; и О.В.Романько, *Крым под пятой Гитлера: немецкая оккупационная политика в Крыму 1941–1944 гг.* (М., 2011). За важным исключением (Iskander Giljazov, «Die Muslime Rußlands in Deutschland während der Weltkriege als Subjekte und Objekte der Großmachtspolitik», in Höpp and Reinwald (eds.), *Fremdeinsätze*, 143–148) исследования религиозной политики Германии на Востоке во время Второй мировой войны были посвящены православной церкви и игнорировали ислам.

669

Шуленбург – Риббентропу, 15 мая 1942 г., Берлин, ВАВ, R6/22.

О «прагматичном» подходе вермахта в Кавказе и Крыму см. литературу в прим. 16.

671

О тюркском населении как союзнике немцев см. там же.

672

Об уступках см. там же.

Kunz, *Die Krim unter deutscher Herrschaft*, 213–217.

По истории битвы за Кавказ см. литературу в прим. 16.

Otto Bräutigam, *So hat es sich zugetragen: Ein Leben als Soldat und Diplomat* (Würzburg, 1968), 510. Хотя Бройтигам сообщает интересные факты о политике немцев, его книга печально известна тем, что он пытается скрыть свое участие в осуществленном нацистами геноциде. См.: H. D. Heilmann, «Aus dem Kriegstagebuch des Diplomaten Otto Bräutigam», in H. D. Heilmann et al. (eds.), *Biedermann und Schreibtischtäter: Materialien zur deutschen Täter-Biographie* (Berlin, 1987), 123–187.

Теодор Оберлендер, «Dritte Denkschrift», осень 1942 г., напечатано в: Theodor Oberländer, *Der Osten und die deutsche Wehrmacht: Sechs Denkschriften aus den Jahren 1941– 1943 gegen die NS-Kolonialthese* (Sendorf, 1987), 67–84, 69. Об Оберлендере см.: Philipp-Christian Wachs, *Der Fall Theodor Oberländer (1905–1998): Ein Lehrstück deutscher Geschichte* (Frankfurt, 2000).

677

Лист, приказ («Befehl an alle im Kaukasus eingesetzten Truppen [Bekanntzugeben bis zu den Kompanien]»), б. д. (лето 1942 г.), б. м., ВАВ, R6/65.

678

Листок с инструкциями вермахта («Merkblatt für das Verhalten gegenüber kaukasischen Völkern»), б. д. (11 августа 1942 г.), ВА–МА, RW 41/7 (также в: ВА–МА, RH 22/211а).

Клейст, речь, согласно отчету («Schlussbemerkungen des Herrn Oberbefehlshabers, Generaloberst v. Kleist, im Anschluss an den Vortrag des Stabsoffiziers für Propagandaeinsatz»), 15 декабря 1942 г., ВАВ, R6/65.

Министерство оккупированных восточных территорий, отчет («Grundsätzliche Gedanken aus der Aussprache des Reichsministers für die besetzten Ostgebiete mit den Befehlshabern der Heeresgebiete im Osten»), 22 декабря 1942 г., б. м. (Берлин), ВАВ, R58/225.

681

Министерство оккупированных восточных территорий,
руководство («Richtlinien für die Behandlung der Völker Kaukasiens»), 26
августа 1942 г., Берлин, ВАВ, R6/143.

Министерство оккупированных восточных территорий, приказ («Anweisung für den Bevollmächtigten des Reichsministers für die besetzten Ostgebiete beim Oberkommando der Heeresgruppe A»), октябрь 1942 г., Берлин, ВАВ, R6/66.

Менде, руководство («Richtlinien für die Behandlung der Ostvölker: Kaukasien»), 11 декабря 1942 г., Берлин, ВАВ, R6/66.

684

Руководство зипо (полиции безопасности) и СД, отчет («Meldungen aus den besetzten Ostgebieten»), 6 ноября 1942 г., Берлин, ВАВ, R58/699.

Листок с инструкциями вермахта («Merkblatt für das Verhalten gegenüber kaukasischen Völkern»), б. д. (11 августа 1942 г.), ВА–МА, RW 41/7 (также в: ВАМА, RH 22/211а). Открытие ранее закрытых культовых сооружений предписывалось более ранним приказом Листа, см.: Лист, приказ («Befehl an alle im Kaukasus eingesetzten Truppen»), б. д. (сентябрь 1942 г.), б. м., ВАВ, R6/65.

Комендатура I/920, отчет («Monatsmeldung über die politische und wirtschaftliche Lage sowie Stand der Propaganda»), 27 ноября 1942 г., Черкесск, ВА–МА, РН 20–17/709; и, аналогично: полевая комендатура 538, отчет («Lagebericht für die Zeit vom 16.10. bis 15.11.1942»), 16 ноября 1942 г., Майкоп, ВА–МА, РН 20–17/709.

687

Полевая комендатура 538, отчет («Lagebericht für die Zeit vom 16.10. bis 15.11.1942»), 16 ноября 1942 г., Майкоп, ВА–МА, RH 20–17/709.

688

Шютте – Бройтигаму, 13 октября 1942 г., б. м., ВАВ, R6/65.

Полевая комендатура 538, отчет («Lagebericht für die Zeit vom 16.10. bis 15.11.1942»), 16 ноября 1942 г., Майкоп, ВА–МА, RH 20–17/709.

690

Мерк (штаб группы армий «А»), отчет («Schulwesen im Bereich der Heeresgruppe A»), 21 октября 1942 г., б. м., ВАВ, R6/65.

691

Химпель (министерство оккупированных восточных территорий),
руководство («Richtlinien für die Behandlung der Völker Kaukasiens»), 20
августа 1942 г., Берлин, ВАВ, R6/66.

692

Руководство зипо (полиции безопасности) и СД, отчет («Meldungen aus den besetzten Ostgebieten»), 18 декабря 1942 г., Берлин, ВАВ, R58/699.

Изображения «Ueberreichung des Koran» и «Efendi Mullah spricht zu den Legionären», *Ghazavat* 29 (1943), перевод на немецкий, ОКВ, 1 сентября 1943 г., Берлин, ВА–МА, MSG 2/18238.

В министерстве оккупированных восточных территорий достаточно рано решили избегать упоминаний о будущем политическом устройстве Кавказа и вместо этого сделать акцент на религиозной и особенно исламской пропаганде, см. инструкции для пропагандистов в: РА, R105165; ВАВ, R6/66; и ВА–МА, RH 19 III/481. О германской пропаганде на Кавказе в целом см.: Ortwin Buchbender, *Das tönende Erz: Deutsche Propaganda gegen die Rote Armee im zweiten Weltkrieg* (Stuttgart, 1978), 191–198.

695

Брошюра «Völker Kaukasiens!» (перевод на немецкий язык), б. д. (1942), ВАВ, R6/36 (также в: ВАВ, R6/66 and R6/277).

696

Брошюра «An die Völker des Ostens!» (перевод на немецкий язык),
4 августа 1942 г., ВАВ, R6/36.

Городская комендатура I/920, отчет («Monatsmeldung über die politische und wirtschaftliche Lage sowie Stand der Propaganda»), 27 ноября 1942 г., Черкесск, ВАМА, РН 20–17/709; и аналогично: полевая комендатура 538, отчет («Lagebericht für die Zeit vom 16.10. bis 15.11.1942»), 16 ноября 1942 г., Майкоп, ВА–МА, РН 20–17/709.

698

Полевая комендатура 538, отчет («Lagebericht für die Zeit vom 16.10. bis 15.11.1942»), 16 ноября 1942 г., Майкоп, ВА–МА, RH 20–17/709.

699

Руководство зипо (полиции безопасности) и СД, отчет («Meldungen aus den besetzten Ostgebieten»), 18 декабря 1942 г., Берлин, ВАВ, R58/699.

О торжествах упоминается в: Dallin, *German Rule in Russia*, 246–247; Mühlen, *Zwischen Hakenkreuz und Sowjetstern*, 191; Aleksandr M. Nekrich, *The Punished Peoples: The Deportation and Fate of Soviet Minorities at the end of the Second World War* (New York, 1978), 61–62; Александр Некрич, *Наказанные народы* (Нью-Йорк, 1978), 60; Angrick, *Besatzungspolitik und Massenmord*, 634; Hoffmann, *Kaukasien*, 443–444; и Wachs, *Der Fall Theodor Oberländer*, 117–118.

701

Шиллер, отчет («Besuch des Uraza Bairam Festes in Kislowodsk»), 11 октября 1942 г., б.м., ВАВ, R6/65. Нижеследующее описание праздника основывается на этом отчете (если не указан иной источник).

702

Руководство зипо (полиции безопасности) и СД, отчет («Meldungen aus den besetzten Ostgebieten»), 18 декабря 1942 г., Берлин, ВАВ, R58/699.

703

Шиллер, отчет («Besuch des Uraza Bairam Festes in Kislowodsk»), 11 октября 1942 г., б.м., ВАВ, R6/65.

Фото 4.1; также описано в: Шиллер, отчет («Besuch des Uraza Bairam Festes in Kislowodsk»), 11 октября 1942 г., б. м., ВАВ, R6/65.

О языковых реформах в СССР см.: Guy Imart, «Le mouvement de 'latinisation' en URSS», *Cahiers du Monde Russe et Soviétique* 8 (1967), 223–239; и Ingeborg Baldauf, *Schriftreform und Schriftwechsel bei den muslimischen Russland- und Sowjettürken (1850– 1937): Ein Symptom ideengeschichtlicher und kulturpolitischer Entwicklungen* (Budapest, 1993). О сожжении книг с арабской графикой см.: Shoshana Keller, «Islam in Soviet Central Asia, 1917–1930: Soviet Policy and the Struggle for Control», *Central Asian Survey* 11, 1 (1992), 25–50, 45; о противодействии мулл см.: Conquest, *The Nation Killers*, 38.

706

Шиллер, отчет («Besuch des Uraza Bairam Festes in Kislowodsk»), 11 октября 1942 г., б.м., ВАВ, R6/65.

Кёстринг, отчет («Berater für die das Operationsgebiet der Heeresgruppe A betreffenden Fragen»), б. д. (после 1945 г.), б. м., IfZ, ZS85.

Hans von Herwarth, *Zwischen Hitler und Stalin: Erlebte Zeitgeschichte 1931 bis 1945* (Frankfurt, 1982), 270.

Бройтигам написал два отчета о празднестве, см.: Бройтигам, короткий отчет («Über das mohammedanische Kurmanfest in Naltschik 1942»), 22 декабря 1942 г., б.м., ВАВ, R6/65; и Бройтигам, длинный отчет («Über das mohammedanische Kurmanfest in Naltschik 1942»), 22 декабря 1942 г., Ставрополь, ВАВ, R6/65; см. также официальную программу торжества: программа («Befreiungsfeier von Kabardino-Balkarien am Kurman-Fest: 18.–20. Dezember 42»), 1942, ВАВ, R6/65. Бройтигам подробно писал о празднике в Нальчике в мемуарах, см.: Bräutigam, *So hat es sich zugetragen*, 537–541; и Бройтигам, отчет («Als Bevollmächtigter des Ostministeriums bei der Heeresgruppe Süd»), б. д. (после 1945 г.), б.м., IfZ, ZS400. Нижеследующее описание торжества опирается на отчеты Бройтигама (если не указан иной источник).

Nekrich, *The Punished Peoples*, 61, 63; Некрич, *Наказанные народы*, 60, 62.

711

Bräutigam, *So hat es sich zugetragen*, 539.

712

Оберлендер – Эрике Оберлендер, 20 декабря 1942 г., FAO.

О празднике в Гунделене см.: Бройтигам, длинный отчет («Über das mohammedanische Kurmanfest in Naltschik 1942»), 22 декабря 1942 г., Ставрополь, ВАВ, R6/65; и Bräutigam, *So hat es sich zugetragen*, 543–544.

Bräutigam, *So hat es sich zugetragen*, 523. Бройтигам лично не присутствовал на празднике в Кисловодске (он тогда еще находился в Берлине).

Об истории оккупации Крыма см. литературу в прим. 16.

Nekrich, *The Punished Peoples*, 13–14; Некрич, *Наказанные народы*, 24; Mühlen, *Zwischen Hakenkreuz und Sowjetstern*, 184.

Manstein, приказ, 20 ноября 1941 г., перепечатано в: *Der Prozeß gegen die Hauptkriegsverbrecher vor dem Internationalen Militärgerichtshof*, 42 vols. (Nuremberg, 1947–1949), vol. 34, 129–132, 130 (о «еврейско-большевистской системе»), 131 (о татарах); а также в: Gerd R. Ueberschär and Wolfram Wette (eds.), «*Unernehmen Barbarossa*»: *Der deutsche Überfall auf die Sowjetunion 1941* (Paderborn, 1984), 343–344, 344. На тему приказа см. также: Oliver von Wrochem, *Erich von Manstein: Vernichtungskrieg und Geschichtspolitik* (Paderborn, 2006), 58–63; и Mungo Melvin, *Man-stein* (London, 2010), 240–245. Манштейн, что неудивительно, не упоминает приказ и ничего не пишет об истреблении еврейского населения в своих мемуарах: Manstein, *Verlorene Siege*, [Манштейн, *Утерянные победы*].

718

Командование 11-й армии, инструкции («Merkblatt für die Behandlung der Tataren»), 9 января 1942 г., б. м., ВА–МА, WF-03/10433.

Hürter, «Nachrichten aus dem Zweiten Krimkrieg», особенно 375–377, 381, 386; см. также мемуары Хентига: Hentig, *Mein Leben*, 349–357.

Хентиг – Оппенгейму, 11 октября 1941 г., б. м., РА, Nachlass Hentig, vol. 84; и ответ: Оппенгейм – Хентигу, 31 октября 1941 г., Берлин, РА, Nachlass Hentig, vol. 84.

Хентиг, отчет («Tataren auf der Krim»), 10 апреля 1942 г., б. м. (Симферополь), РА, R60739 (также в: РА, R261175). На самом деле Хентиг постоянно подчеркивал, как политика немцев в отношении крымских татар влияет на мусульман за пределами полуострова. См.: Хентиг, записка («Turanismus»), б. д. (ноябрь 1941 г.), Берлин, РА, R28876 (также в: РА, R261179); и, аналогично, Хентиг, записка («Stand der sog. Turanischen Frage»), 25 февраля 1942 г., Берлин, РА, R60690 (также в: РА, R261175).

W. K., «Beim Sieger von Sewastopol», *National-Zeitung* (20 августа 1942 г.). Он высказал ту же точку зрения в своих мемуарах, см.: Manstein, *Verlorene Siege*, 233, 247 [Манштейн, *Утерянные победы*, 237, 251].

723

Хуфнагель (армия), отчет («Verwaltungsbericht für Monat Februar 1943»), 6 марта 1943 г., б. м., ВА-МА, RH 24-42/225.

Зиферс (армия), отчет («Aufstellung von Tataren- und Kaukasierformationen im Bereich des A.O.K. 11»), 20 марта 1942 г., б. м., ВА–МА, RH 19V/108 (также в: РА, R60739); эта оценка основывалась на инструкциях командования 11-й армии («Merkblatt für die Behandlung der Tataren»), 9 января 1942 г., б. м., ВА–МА, WF-03/10433.

725

Аппарат фюрера СС и полиции по Крыму, отчет («Lagebericht der SS- und Polizeiführer auf der Krim»), б. д. (август 1943 г.), ВА–МА, RH 19V/113.

726

Военная комендатура Крыма – городским и полевым комендатурам
Крыма, 30 марта 1943 г., б. м., ВА–МА, РН 20–17/713.

Штаб группы армий «А», отчет («Verwaltungsbericht für den Monat Juli 1943»), 14 августа 1943 г., б. м., ВА–МА, RH 20–17/710.

Айнзацгруппа D, отчет («Die Rekrutierung der Krimtataren»), 15 февраля 1942 г., б.м., ВА–МА, РН 20–11/433 (также ВА–МА, WF-03/10435); и Цинклер, (городская комендатура Карасубазара [Белогорска]), отчет («Bericht über die Zeit v. 22.—27.4.4»), 28 апреля 1942 г., Зейтлер, ВА–МА, РН 23/90— примеры таких фактов.

Бухгольц (полевая комендатура 751), отчет («Lagebericht für die Zeit vom 15.5.—31.5.1942»), 31 мая 1942 г., б. м., ВА–МА, RH 23/90.

730

Комендатура тылового армейского района 553, отчет («Tatarenspenden»), 7 мая 1942 г., б. м., ВА–МА, РН 23/95.

См., например, Симферопольский мусульманский комитет, отчет: («Die Frage der mohammedanischen Religion in der Krim»), б. д. (1943), Симферополь, ВА–МА, РН 20–17/713.

Herwarth, *Zwischen Hitler und Stalin*, 275.

Die Tagebücher von Joseph Goebbels, ed. Fröhlich et al., part II, vol. 3, 214–223 (30 января 1942 г.), 214.

Edige Kirimal, *Der nationale Kampf der Krimtürken* (Emstetten, 1952), 303–322, 307.

Симферопольский мусульманский комитет, отчет («Die Frage der mohammedanischen Religion in der Krim»), б. д. (1943), Симферополь, ВА–МА, РН 20–17/713.

Ibid.

Симферопольский мусульманский комитет, отчет («Historische Denkmäler, Museen und Archive der Krim»), б. д., Симферополь, ВА-МА, РН 20–17/713.

О мусульманских комитетах см.: Dallin, *German Rule in Russia*, 261; Mühlen, *Zwischen Hakenkreuz und Sowjetstern*, 185; Nekrich, *The Punished Peoples*, 19–21; Некрич, *Наказанные народы*, 29–31; Angrick, *Besatzungspolitik und Massenmord*, 469–471, 473; Oldenburg, *Ideologie und militärisches Kalkül*, 120, 125; Luther, «Die Krim unter deutscher Besatzung im Zweiten Weltkrieg», 51, 62, 65, 74, 77–78; Kunz, *Die Krim unter deutscher Herrschaft*, 214; и Романько, *Крым под пятой Гитлера*, 137–149 и 195–205.

Nekrich, *The Punished Peoples*, 19; Некрич, *Наказанные народы*, 29.

Устав Симферопольского мусульманского комитета («Statuten des Tatarischen Komitees Simferopol»), б. д. (1942), Симферополь, ВА–МА, РН 2017/713. О церемонии открытия см.: Зиферс, отчет («Aufstellung von Tataren- und Kaukasierformationen im Bereich des A.O.K. 11»), 20 марта 1942 г., б. м., ВА–МА, РН 19V/108 (также в: РА, R60739). По сведениям Кырымала, комитет был учрежден в ноябре 1941 г., см.: Kirimal, *Der nationale Kampf der Krimtürken*, 307.

741

Кырымал – Куркчи, 19 декабря 1943 г., б. м., ВА–МА, РН 19V/96.

Цапп (аппарат фюрера СС и полиции по Крыму) – военному коменданту Крыма, 31 марта 1943 г., б. м., ВА–МА, РН 20–17/713. В письме содержится резюме инструкций для отдела религии Симферопольского мусульманского комитета.

Временный устав мусульманских религиозных комитетов («Zeitweise Statuten für muslimische Religionsgemeinden»), б. д. (1942), Симферополь, ВА–МА, РН 20–17/713.

Crews, *For Prophet and Tsar*, 31–91.

Устав Симферопольского мусульманского комитета. («Statuten des Tatarischen Komitees Simferopol»), б. д. (1942), Симферополь, ВА–МА, РН 20–17/713.

746

Хентиг, отчет («Tataren auf der Krim»), 10 апреля 1942 г., б. м.
(Симферополь), РА, R60739 (также в: РА, R261175).

Устав Симферопольского мусульманского комитета («Statuten des Tatarischen Komitees Simferopol»), б. д. (1942), Симферополь, ВА–МА, РН 20–17/713.

748

Цапп – аппарату командующего войсками вермахта в Крыму, 31 марта 1943 г., б. м., ВА–МА, РН 20–17/713.

Об этих конфликтах между немецкими властями и татарскими националистами см.: Dallin, *German Rule in Russia*, 261–262; Mühlen, *Zwischen Hakenkreuz und Sowjetstern*, 185–187; Nekrich, *The Punished Peoples*, 21; Некрич, *Наказанные народы*, 31; Luther, «Die Krim unter deutscher Besatzung im Zweiten Weltkrieg», 77–78, 81; и Романько, *Крым под пятой Гитлера*, 140–148.

Устав Симферопольского мусульманского комитета («Statuten des Tatarischen Komitees Simferopol»), б. д. (1942), Симферополь, ВА–МА, РН 20–17/713.

751

Циферс, отчет («Aufstellung von Tataren- und Kaukasierformationen im Bereich des A.O.K. 11»), 20 марта 1942 г., б. м., ВА–МА, RH 19V/108 (также в: РА, R60739).

Симферопольский мусульманский комитет, отчет («Die Frage der mohammedanischen Religion in der Krim»), б. д. (1943), Симферополь, ВА–МА, РН 20–17/713.

Ibid.

На тему *Azat Kirim* см.: Dallin, *German Rule in Russia*, 261; Mühlen, *Zwischen Hakenkreuz und Sowjetstern*, 184, Luther, «Die Krim unter deutscher Besatzung im Zweiten Weltkrieg», 51; Романько, *Крымподнятой Гитлера*, 196–197; Mikhail Tyaglyy, «The Role of Antisemitic Doctrine in German Propaganda in the Crimea, 1941–1944», *Holocaust and Genocide Studies* 18, 3 (2004), 421–459, 439–440; и Mikhail Tyaglyy, «Antisemitic Doctrine in Crimean Tatar Newspaper ‘Azat Kirim’ (1942–1944)», *Darim: Studies on the Holocaust* 25, 1 (2011), 161–182.

Симферопольский мусульманский комитет, отчет («Die Partisanen und die mohammedanischen Freiwilligenformationen der Krim»), б. д. (1943), Симферополь, ВАМА, РН 20–17/713.

Куртиев – военному коменданту Крыма, 3 января 1943 г., Симферополь, включено в документ: Симферопольский мусульманский комитет, отчет («Die Partisanen und die mohammedanischen Freiwilligenformationen der Krim»), б. д. (1943), Симферополь, ВА–МА, РН 20–17/713.

Ibid.

Аноним, «Yeşil cami» («Зеленая мечеть»), *Azat Kirim* (22 марта 1943 г.). Выпуски статьи хранятся в Государственном архиве Республики Крым, Симферополь [на момент написания книги назывался Державний архів в Автономній Республіці Крим, ДААРК.— *Прим. пер.*].

М. Қ., «Din ve medeniyet yolunda vazifelerimiz» («Наши обязательства на пути религии и цивилизации»), *Azat Kirim* (17 ноябрь 1942 г.).

А. Zeni, «Bayramdan maqsadımız» («Цели, с которыми мы празднуем байрам»), *Azat Kirim* (18 декабря 1942 г.).

Наберсі, «Кефеді қурбан байрамı» («Курбан-байрам в Кефе»), *Azat Kırım* (19 января 1943 г.).

Abdulla (oca), «Bayram künlerinde» («В дни байрама»), *Azat Kirim* (22 декабрь 1942 г.).

Аноним, «Musulmanlar azatlıq oğrında küreşeler» («Мусульмане сражаются за свободу»), *Azat Kirim* (29 декабря 1942 г.).

Аноним, «Şarkın kurtuluşu» («Освобождение Востока»), *Azat Kırım* (16 января 1943 г.).

Sandıqçı, «Qurban bayramı nasıl olmalı?» («Каким должен быть Курбан-байрам?»), *Azat Kirim* (12 декабря 1942 г.).

766

Sudaqlı, «Kendi asradığıñ yüzümden şarap yapmaq arammı?» («Является ли запретным делать вино из выращенного собственноручно винограда?»), *Azat Kirim* (27 августа 1943 г.).

Qırım merkezi diniye idaresi (Центральное религиозное управление Крыма), «Самі семаат (малле) şuraları için muvaqqat nizamname» («Временные инструкции для общинных [мечетных] советов»), *Azat Kırım* (25 июня 1943 г.) – пример такого рода объявлений.

Аноним, «Qırım merkezi diniye idaresinde» («В центральной религиозной администрации Крыма»), *Azat Kirim* (25 июля 1942 г.); о благотворительности: Ziya (Efendi), «Müsülman Komitesi ve onıñ vazifesi» («Мусульманский комитет и его обязанности»), *Azat Kirim* (17 апреля 1942 г.).

Аноним, «Хuddamlarnin vazifeleri» («Обязанности религиозных деятелей»), *Azat Kirim* (29 сентября 1942 г.); и, аналогично: Qımlı, «Bizge medeni, zemanе huddamları kerek» («Нам нужны современные религиозные деятели»), *Azat Kirim* (16 октября 1942 г.).

Симферопольский мусульманский комитет, отчет («Die Partisanen und die mohammedanischen Freiwilligenformationen der Krim»), б. д. (1943), Симферополь, ВАМА, РН 20–17/713.

Министерство оккупированных восточных территорий, инструкции («Vorläufige Richtlinien für die Propaganda unter den Tataren»), (22) ноября 1941 г., Берлин, PA, R105165. Этот текст также распространялся среди сотрудников МИДа, см.: Конради, записка, 22 ноября 1941 г., Берлин, PA, R105165; и Баум, записка, 29 ноября 1941 г., Берлин, PA, R105165. Через месяц это руководство по пропаганде уже применялось в работе со всеми мусульманами восточных территорий, см.: Восточное министерство, инструкции («Richtlinien für die Propaganda unter den Turkvölkern»), 5 декабря 1941 г., Берлин, PA, R105165 (также в: PA, R261174).

Аппарат фюрера СС и полиции по Крыму, отчет («Lagebericht der SS- und Polizeiführer auf der Krim»), б. д. (август 1943 г.), ВА–МА, RH 19V/113.

Ibid.

Симферопольский мусульманский комитет, отчет («Die Frage der mohammedanischen Religion in der Krim»), б. д. (1943), Симферополь, ВА–МА, РН 20–17/713.

Ibid.

Симферопольский мусульманский комитет, отчет («Die Frage der mohammedanischen Religion in der Krim»), б. д. (1943), Симферополь, ВА–МА, РН 20–17/713; см. также: Симферопольский мусульманский комитет, отчет («Die Partisanen und die mohammedanischen Freiwilligenformationen der Krim»), б. д. (1943), Симферополь, ВА–МА, РН 20–17/713; и Симферопольский мусульманский комитет, отчет («Bedürfnisse und Gesuche der Mohammedaner-Komitees»), б. д. (1943), Симферополь, ВА–МА, РН 20–17/713.

Ibid.; см. также: Симферопольский мусульманский комитет, отчет («Die Partisanen und die mohammedanischen Freiwilligenformationen der Krim»), б. д. (1943), Симферополь, ВА–МА, РН 20–17/713.

Симферопольский мусульманский комитет, отчет («Die Frage der mohammedanischen Religion in der Krim»), б. д. (1943), Симферополь, ВА–МА, РН 20–17/713.

Ibid.

Об институте вакуфа см.: Murat Çizakça, *A History of Philanthropic Foundations: The Islamic World from the Seventh Century to the Present* (Istanbul, 2000); Shaik Abdul Kader, *The Law of Wakfs: An Analytical and Critical Study* (Calcutta, 1999); Jan-Peter Hartung, *Die fromme Stiftung (waqf): Eine islamische Analogie zur Körperschaft?*, in Hans Gerhard Kippenberg and Gunnar Folke Schuppert (eds.), *Die verrechtlichte Religion: Der Öffentlichkeitsstatus von Religionsgemeinschaften* (Tübingen, 2005), 287–313; R. Peters et al., «Wakf», in *The Encyclopaedia of Islam*, vol. 11, ed. P. J. Bearman, Th. Bianquis, C. E. Bosworth, E. van Donzel, and W. P. Heinrichs (Leiden, 2002), 59–99.

Джамилев, меморандум («Memorandum der religiösen Abteilung der Krim des Mohamedanerkomitees der Stadt Simferopol über die Wakufe und das Muftiat in der Krim»), 13 декабря 1942 г., Симферополь, включено в: Симферопольский мусульманский комитет, отчет («Die Frage der mohammedanischen Religion in der Krim»), б. д. (1943), Симферополь, ВА–МА, РН 20–17/713.

Симферопольский мусульманский комитет, отчет («Die Frage der mohammedanischen Religion in der Krim»), б. д. (1943), Симферополь, ВА–МА, РН 20–17/713.

Временные уставы для мусульманских религиозных общин («Zeitweise Statuten für muslimische Religionsgemeinden»), б. д. (1942), Симферополь, ВА–МА, РН 20–17/713.

784

Цапп – военному коменданту Крыма, 31 марта 1943 г., б. м., ВА–
МА, РН 20–17/713.

785

Рике (Восточный штаб экономического руководства), приказ, 22 мая 1942 г., Берлин, РА, R27358.

Джамилев, меморандум («Memorandum der religiösen Abteilung der Krim des Mohamedanerkomitees der Stadt Simferopol über die Wakufe und das Muftiat in der Krim»), 13 декабря 1942 г., Симферополь, включено в: Симферопольский мусульманский комитет, отчет («Die Frage der mohammedanischen Religion in der Krim»), б. д. (1943), Симферополь, ВА–МА, РН 20–17/713.

Симферопольский мусульманский комитет, отчет («Die Frage der mohammedanischen Religion in der Krim»), б. д. (1943), Симферополь, ВА–МА, РН 20–17/713.

Аппарат фюрера СС и полиции по Крыму, отчет («Lagebericht der SS- und Polizeiführer auf der Krim»), б. д. (август 1943 г.), ВА–МА, РН 19V/113.

О крымском муфтияте см.: Dallin, *German Rule in Russia*, 267–270; Mühlen, *Zwischen Hakenkreuz und Sowjetstern*, 186; Luther, «Die Krim unter deutscher Besatzung im Zweiten Weltkrieg», 91–93; и Романько, *Крым под пятой Гитлера*, 149–153.

Корнельсен, записка («Einberufung eines Kongresses der von der Sowjetunion unterdrückten mohammedanischen Völker nach Berlin»), 11 ноября 1943 г., Берлин, IfZ, NO-3112.

Ibid.; виза Бергера датируется 17 ноября 1943 г.

Корнельсен – Дрейзингу, (Верховное командование сухопутных войск, ОКХ [*Oberkommando des Heeres*]), декабрь 1943 г., Берлин, IfZ, NO-3113. Копии письма были направлены представителю Восточного министерства в Крыму, руководителю зипо и СД, а также в канцелярию НСДАП в Мюнхен.

Адамович, отчет («Agenturbericht [sic] über den moralisch-politischen Stand der Krimtataren in Rumänien»), 30 июня 1944 г., Берлин, ВАВ, NS31/32 1 – здесь сообщается о биографии Озенбашлы. О его конфликтах с немцами и побеге из Крыма см.: Dallin, *German Rule in Russia*, 261–262, 269–270; Mühlen, *Zwischen Hakenkreuz und Sowjetstern*, 127–128, 185–187; Luther, «Die Krim unter deutscher Besatzung im Zweiten Weltkrieg», 78, 81; и Романько, *Крым под пятой Гитлера*, 143–145, 151–153, 420–421.

794

ОКХ – Восточному министерству, 28 февраля 1944 г., Берлин, IfZ,
NO-3114.

По этому вопросу ОКХ связалось со штабом группы армий «А», который затем советовался с военным комиссаром Симферополя, см.: Деллингхаузен (штаб группы армий «А» – Шуману (военный комиссар Симферополя), 27 февраля 1944 г., б.м., ВА–МА, РН 19V/96. Шуман ответил только после того, как вермахт официально отклонил проект Восточного министерства, см.: Шуман – Деллингхаузену, 7 марта 1944 г., Симферополь, ВА–МА, РН 19V/96; и Деллингхаузен – Яни (штаб ОКХ), 12 марта 1944 г., б. м., ВА–МА, РН 19V/96.

796

Деллингхаузен – Шуману, 27 февраля 1944 г., б. м., ВА–МА, РН
19V/96.

797

Аппарат фюрера СС и полиции по Крыму – аппарату фюрера СС и полиции «Черное море», 2 февраля 1944 г., б. м., ВА–МА, РН 19V/96.

798

Шуман – Деллингхаузену, 7 марта 1944 г., Симферополь, ВА–МА, РН 19V/96; и Деллингхаузен – Яни, 12 марта 1944 г., б. м., ВА–МА, РН 19V/96.

799

Ольша, отчет («Errichtung eines Muftiats für die Osttürken»), 6 ноября 1944 г., Берлин, ВАВ, NS31/28.

Менде, записка («Gespräch mit dem Großmufti von Jerusalem»), 28 июля 1944 г., Берлин, IfZ, PS-1111.

Адамович, отчет («Agenturbericht [*sic*] über den moralisch-politischen Stand der Krimtataren in Rumänien»), 30 июня 1944 г., Берлин, ВАВ, NS31/32; см. также литературу в прим. 141.

802

Трампедах (министерство оккупированных восточных территорий)
– Менде, 14 октября 1944 г., Берлин, ВАВ, R6/179.

803

Министерство оккупированных восточных территорий, бюллетень («Mitteilungen zur Ostpolitik»), 15 ноября 1944 г., Берлин, ВАВ, R6/65.

Стамати (министерство оккупированных восточных территорий), отчет («Religiöse Einstellung der Wolgatataren»), 22 марта 1945 г., Берлин, ВАВ, NS31/56 (также в: ВАВ, NS31/60).

805

Идрис, отчет («Die Frage des Muftiats für die Russlandtürken»), 25 марта 1945 г., Берлин, ВАВ, NS31/60.

806

Аппарат фюрера СС и полиции по Крыму – аппарату фюрера СС и полиции «Черное море», 2 февраля 1944 г., б. м., ВА–МА, РН 19V/96.

По истории мусульман в Северо-Восточной Европе см.: Harry Norris, *Islam in the Baltic: Europe's Early Muslim Community* (London, 2009). Интересные обзоры, написанные в годы войны: L. Sternbach, «The Muhammedans in Poland», *Islamic Culture* 16, 4 (1942), 371–379; C. Bohdanowicz, «The Muslims in Poland», *Asiatic Review* 37, 131 (1941), 646–656; Arsalan Bohdanowicz, «Cultural Movements of Muslims in Poland», *Islamic Review* 31 (November 1942), 372–381; Leon Bohdanowicz, «Muslims in Poland», *Islamic Review* 23 (March 1935), 94–105; (April 1935), 125–131; (May 1935), 164–170; Leon Bohdanowicz, «The Muslims in Poland: Their Origin, History, and Cultural Life», *Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland* 3 (1942), 163–180; и Leon Bohdanowicz, «The Polish Tatars», *Man* 44 (1944), 116–121.

Татарские деревни в Польше (Подляское воеводство, Сокульский повят).– *Прим. пер.*

Sternbach, «The Muhammedans in Poland», 379; C. Bohdanowicz, «The Muslims in Poland», 656; A. Bohdanowicz, «Cultural Movements of Muslims in Poland», 379– 381; и L. Bohdanowicz, «The Polish Tatars», 120.

Фактически это была единственная область татар-мусульман на Востоке, за которую отвечало министерство оккупированных восточных территорий. См., например: Хентиг, отчет («Stand der sog. Turanischen Frage»), 25 февраля 1942 г., Берлин, РА, R60690 (также в: РА, R261175).

811

Розенберг – Лозе (Остланд) и Коху (Украина), 13 мая 1942 г.,
Берлин, ВАВ, R6/206 (также в: ВАВ, R6/22 and R6/18).

Розенберг, указ «Erlaß des Reichsministers für die besetzten Ostgebiete über die mohammedanischen Feiertage im Jahre 1943», в: «SD-Mitteilungsblatt no. 20», 18 августа 1943 г., Берлин, ВАВ, R58/225.

813

Хентиг, отчет («Stand der sog. Turanischen Frage»), 25 февраля 1942 г., Берлин, РА, R60690 (также в: РА, R261175).

Кырымал, отчет («Bericht über die vom 28.1. bis 8.2.1942 nach dem Ostland (Litauen) gemachte Reise»), 16 февраля 1942 г., Берлин, РА, R261175 (также в: BStU, MfS, HA IX/11, RHE28/88/SU, A. 3).

Эрисс – Каппу (рейхскомиссариат Остланд), б. д. (лето 1943 г.), Рига, Государственный исторический архив Латвии (*Latvijas Valsts Vēstures Arhīvs*), Рига (LVVA), получено через USHMA, RG 18, Reel 1; об Эриссе см.: Norris, *Islam in the Baltic*, 112–113.

816

Капп, записка, 12 октября 1943 г., Рига, LVVA, получено через USHMA, RG 18, Reel 1.

817

Эрисс – Каппу, б. д. (лето 1943 г.), Рига, LVVA, получено через USHMA, RG 18, Reel 1.

Ibid.

819

Шинкевич – Идрису, 21 января 1942 г., Вильнюс, РА, R261175.

Ibid.

Ibid.

Рейтенбах (министерство оккупированных восточных территорий), записка («Die „Nationale Partei“ der Krimtataren „Milli Firka“ und die Krimtataren Akcar, Bekir Bey, Yakub, Suleyman Schinkewitsch, Balic Halim Soysal Abdullah und Ortay Selim»), 14 марта 1942 г., Берлин, ВАВ, R6/18.

О Шинкевиче см.: Norris, *Islam in the Baltic*, 78–80; Lucyna Antonowicz-Bauer, «The Tatars in Poland», *Journal of Muslim Minority Affairs* 5, 2 (1984), 345–359, 351, 356; György Lederer, «Islam in Lithuania», *Central Asian Survey* 14, 3 (1995), 425–448, 433–434; György Lederer and Ibolya Takacs, «Among the Muslims of Poland», *Central Asian Survey* 9, 2 (1990), 119–131, 123–125; Maciej Konopacki, «Les Musulmans en Pologne», *Revue des Études islamiques* 36 (1968), 115–130, 119, 122; Agata S. Nalborczyk, «Islam in Poland: The Past and the Present», *Islamochristiana* 32 (2006), 225–238, 228–229;

824

Кырымал – Куркчи, 19 декабря 1943 г., б. м., ВА–МА, РН 19V/96.

825

Аппарат фюрера СС и полиции по Крыму – аппарату фюрера СС и полиции «Черное море», 2 февраля 1944 г., б. м., ВА–МА, РН 19V/96.

Ibid.

827

Корнельсен – Менде, 11 ноября 1943 г., Берлин, USNA, RG 242,
T454/Roll 109.

Генерал-губернаторство— административно-территориальное образование на территории оккупированной в 1939 году нацистской Германией Польши.— *Прим. пер.*

829

Абвер, отчет («Syrien: Volk und Staat»), 7 июля 1942 г., б. м., ВА-
МА, RH 2/1790.

Об этих убийствах и спорах внутри структур рейха по их поводу см.: Hilberg, *The Destruction of the European Jews*, 222–223; Hans-Adolf Jacobsen, «The Kommissarbefehl and Mass Executions of Soviet Russian Prisoners of War», in Martin Broszat et al. (eds.), *Anatomy of the SS State* (London, 1968), 505–535, 529–530; Christian Streit, *Keine Kameraden: Die Wehrmacht und die sowjetischen Kriegsgefangenen 1941–1945* (Stuttgart, 1978), 98; также мемуары Бройтигама: Bräutigam, *So hat es sich zugetragen*, 390–393; и Herwarth, *Zwischen Hitler und Stalin*, 233.

831

Цит. по: Streit, *Keine Kameraden*, 98.

832

Министерство оккупированных восточных территорий, указ («Erlass betr. Bestimmung des Begriffs 'Jude' in den besetzten Ostgebieten»), май 1942 г., Берлин, ВАВ, R6/634.

Об этих группах см.: Mühlen, *Zwischen Hakenkreuz und Sowjetstern*, 49–51; Angrick, *Besatzungspolitik und Massenmord*, 326–331, 612; конкретно о караимах и крымчаках см.: Kunz, *Die Krim unter deutscher Herrschaft*, 187–194; Kiril Feferman, «Nazi Germany and the Karaites in 1938–1944: Between Racial Theory and Realpolitik», *Nationalities Papers* 39, 2 (2011), 277–294; о татарах-иудеях: Dallin, *German Rule in Russia*, 247; Hoffmann, *Kaukasien*, 439; Wachs, *Der Fall Theodor Oberländer*, 119–121; Rudolf Loewenthal, «The Judeo-Tats in the Caucasus», *Historia Judaica* 14 (1952), 61–82, 79.

Доннер и Зейферт, отчет («Bericht über die Erkundung der Siedlungsmöglichkeiten in der Nogaischen Steppe (Taurien) und der Halbinsel Krim»), 10 марта 1942 г., Берлин, ВА–МА, МFB4/44423.

835

Клопфер (канцелярия НСДАП) – Брандту, 27 сентября 1944 г.,
Мюнхен, ВАВ, NS31/33.

Ibid.

837

Орган самоуправления местных мусульманских
коллорационистов.– *Прим. пер.*

Бройтигам – министерству оккупированных восточных территорий, 26 декабря 1942 г., б.м., ВАВ, R6/65; и Бройтигам, отчет («Als Bevollmächtigter des Ostministeriums bei der Heeresgruppe Süd»), б. д. (после 1945 г.), б. м., IfZ, ZS400.

Ibid.

Martin Holler, *Der nationalsozialistische Völkermord an den Roma in der besetzten Sowjetunion (1941–1944)* (Heidelberg, 2009), 78–101 (Крым), 101–107 (Северный Кавказ); Mikhail Tyaglyy, «Were the „Chingené“ Victims of the Holocaust? Nazi Policy toward the Crimean Roma, 1941–1944», *Holocaust and Genocide Studies* 23, 1 (2009), 26–53.

Holler, *Der nationalsozialistische Völkermord an den Roma in der besetzten Sowjetunion*, 91–101; Tyaglyy, «Were the „Chingené“ Victims of the Holocaust?», 37–39, 41, 43–44. Эти работы дают обзор истории рома-мусульман в Крыму и рассказывают о роли татарского населения во время их преследования нацистами.

Цит. по: Holler, *Der nationalsozialistische Völkermord an den Roma in der besetzten Sowjetunion*, 92; и в: Tyaglyu, «Were the „Chingené“ Victims of the Holocaust?», 37 (в немного ином переводе).

Цит. по: Holler, *Der nationalsozialistische Völkermord an den Roma in der besetzten Sowjetunion*, 92. [Хрисанф Лашкевич. Из дневника. Симферополь, осень 1941 года. Запись от 7.XII.1941. <http://www.vilavi.ru/raz/simfi-41/simfi-41a.shtml>]

Показания Олендорфа («Extracts from the Testimony of Defendant Ohlendorf»), in *Trials of War Criminals before the Nuernberg Military Tribunals under Control Council Law no. 10*, 15 vols. (Washington, DC, 1949–1953), vol. 4 (*The Einsatzgruppen Case*), 223–312, 290.

845

Батальон «Бергманн», отчет («Bericht vom 25.8.—17.9.42»), 17 сентября 1942 г., б. м., ВАВ, R6/65.

846

Вагнер (ОКХ), записка («Notiz für Führer-Vortrag»), 23 сентября 1942 г., Берлин, РА, R27358.

847

Хуфнагель (армия), отчет («Verwaltungsbericht für die Zeit vom 21.9.1942 bis zum 20.11.1942»), 23 октября 1942 г., б. м., ВА–МА, РН 23/101.

Об жестокостях в Крыму см.: Dallin, *German Rule in Russia*, 259–264; Nekrich, *The Punished Peoples*, 23–24; Некрич, *Наказанные народы*, 31–32; Angrick, *Besatzungspolitik und Massenmord*, 323–361, 452–544; Angrick, «Die Einsatzgruppe D», in Peter Klein (ed.), *Die Einsatzgruppen in der besetzten Sowjetunion 1941/42: Die Tätigkeits- und Lageberichte des Chefs der Sicherheitspolizei und des SD* (Berlin, 1997), 88–110, 101–102; Oldenburg, *Ideologie und militärisches Kalkül*, 57–224; Luther, «Die Krim unter deutscher Besatzung im Zweiten Weltkrieg», 45–46, 90; и Kunz, *Die Krim unter deutscher Herrschaft*, 109–178, 210–211.

Kirimal, *Der nationale Kampf der Krimtürken*, 316.

О жестокостях на Кавказе см.: Dallin, *German Rule in Russia*, 248–249; Nekrich, *The Punished Peoples*, 41–42, 62; Некрич, Наказанные народы, 45, 60; Angrick, *Besatzungspolitik und Massenmord*, 545–715, особенно 601–602; Angrick, «Die Einsatzgruppe D», 88–110, 102–103; Oldenburg, *Ideologie und militärisches Kalkül*, 259–306; Pohl, *Die Herrschaft der Wehrmacht*, 301–304; и Dieter Pohl, «Deutsche Militärverwaltung: Die bessere Besatzung? Das Beispiel Kaukasus 1942/43», *Mitteilungen der Gemeinsamen Kommission für die Erforschung der jüngeren Geschichte der deutsch-russischen Beziehungen* 2 (2005), 51–59.

По данным Некрича, во время немецкой оккупации в Карачаево-Черкессии было убито более 9000 гражданских лиц, а в балкарских селениях – 500, см.: Nek-rich, *The Punished Peoples*, 41–42; Некрич, *Наказанные народы*, 45, 60. По сравнению с другими оккупированными восточными территориями, деятельность партизан была незначительной, см.: Alexander Dallin, «The North Caucasus», in Paul A. Armstrong (ed.), *Soviet Partisans in World War II* (Madison, WI, 1964), 557–632, особенно 628.

Новая политика Москвы в отношении ислама, начатая в ходе войны, выступала одним из элементов изменившегося отношения советских властей к религии. О кампании по мобилизации ислама в СССР см.: Yemelianova, *Russia and Islam*, 120–124; Bennigsen and Lemercier-Quelquejey, *Islam in the Soviet Union*, 165–174; Kolarz, *Religion in the Soviet Union*, 425–428; Bräker, *Kommunismus und Weltreligionen Asiens*, vol. 1, 121–135; Ro'i, *Islam in the Soviet Union*, 100–107, 113–114, 167, 171–172, 574; Mühlen, *Zwischen Hakenkreuz und Sowjetstern*, 220–221; и Lenczowski, *Russia and the West in Iran 1918–1948*, 213–215.

Pohl, *Ethnic Cleansing in the USSR*, 75, 82 (уроженцы Северного Кавказа в Красной армии), 113 (крымские татары в Красной армии).

Расулев (ЦДУМ), воззвание, 18 июля 1941 г., напечатано в: Stanley Evans, *The Churches of the USSR* (London, 1943), 158.

Расулев, воззвание, 7 августа 1941 г., напечатано в: *ibid.*, 159.

Расулев, воззвание, 2 сентября 1941 г., напечатано в: *ibid.*, 158–159.

Mikhail Dolgoplov, «Soviet Mufti exposes Hitler Mufti», *Soviet War News* (24 October 1942).

27 октября 1943 года арабская служба советского радио также сообщила о ташкентском съезде, см.: запись службы слежения за радиовещанием «Moscow in Arabic: Internal News», 27 октября 1943 г. (записано), USNA, RG 84, Entry UD2410, Box 93; см. также: аноним, «Soviet Moslem Congress Elects Administration», *Soviet War News* (28 October 1943); Mikhail Dolgoplov, «Interview with Moslem Leader of Tashkent», *Soviet War News* (24 May 1943).

Y. Gik, «Interview with Sheikh ul Islam of Transcaucasia», *Soviet War News* (11 October 1944), перепечатано в: *Soviet War News Weekly* (12 October 1944); и аноним, «Mohammedans Greet Marshall Stalin», *Soviet War News* (31 May 1944).

Jean Richard Bloch, «Interview with Soviet Mufti», *Soviet War News* (20 May 1942), перепечатано в: *Soviet War News Weekly* (28 May 1942).

861

Цит. по: Werth, *Russia at War*, 575.

Conquest, *The Nation Killers*, 85–86; и о изменении отношения к Шамилю в СССР в целом см.: *ibid.*, 84–94, 164–178; Bülent Gökaç, «The Longstanding Russian and Soviet Debate over Sheikh Shamil: Anti-Imperialist Hero or Counter-Revolutionary Cleric?», in Ben Fowkes (ed.), *Russia and Chechnia: The Permanent Crisis: Essays on Russo-Chechen Relations* (London, 1998), 25–64.

Цит. по: Bräker, *Kommunismus und Weltreligionen Asiens*, vol. 1, 127–128.

864

Корнельсен, записка («Evakuierung der Krimtataren») 11 ноября 1943 г., Берлин, ВАВ, R6/143.

865

Управление стратегических служб, отчет («German activity in connection with Caucasian groups»), 3 ноября 1943 г., Вашингтон, округ Колумбия, USNA, получен через: USHMA, RG 6, Reel 15.

Кырымал, Абдулла и Лойсал – Бергеру, 29 октября 1943 г., Берлин, ВАВ, NS31/32; Шульте (главное управление СС), записка («Zurücknahme der Krimtataren bei Aufgabe der Krim durch die deutsche Wehrmacht»), 30 октября 1943 г., ВАВ, NS31/32 – об обращениях к СС; Корнельсен, записка («Evakuierung der Krimtataren»), 11 ноября 1943 г., Берлин, ВАВ, R6/143, об обращениях к вермахту и министерству оккупированных восточных территорий и о просьбе эвакуировать как минимум наиболее важных лидеров мусульман.

Кырымал, Абдулла, Лойсал – аль-Хусейни, 30 сентября 1943 г., Берлин, ВАВ, NS31/32; и Шульте, записка («Zukünftiges Schicksal der Krim-Mohammedaner»), 2 октября 1943 г., Берлин, ВАВ, NS31/32.

868

Кырымал – Куркчи, 19 декабря 1943 г., б. м., ВА–МА, РН 19V/96.

869

Аль-Хусейни – Бергеру, 20 октября 1944 г., Ойбин, ВАВ, NS31/32.

О депортациях на Кавказе и в Крыму см.: Nekrich, *The Punished Peoples*, 36–65, 13–35; Некрич, *Наказанные народы*, 45–63, 37–40; Pohl, *Ethnic Cleansing in the USSR*, 73–77 (карачаевцы), 87–92 (балкарцы), 79–86 (чеченцы и ингуши), и 109–118 (крымские татары); в более широком контексте см. классическую работу: Conquest, *The Nation Killers*; также см.: Vera Tolz, «New Information about the Deportation of Ethnic Groups in the USSR during World War 2», in Carol Garrard and John Garrard (eds.), *World War 2 and the Soviet People* (London, 1993), 161–179; конкретно о Кавказе см.: Alf Grannes, «The Soviet Deportation in 1943 of the Karachays: A Turkic Muslim People of North Caucasus», *Journal of Muslim Minority Affairs* 12, 1 (1991), 55–68; William Flemming, «The Deportation of the Chechen and Ingush Peoples: A Critical Examination», in Fowkes (ed.), *Russia and Chechnia*, 65–86; Daniel Bohse, «Ahndung einer „zweiten Front“ im Kaukasus? Die Deportation der Tschetschenen und Inguschen in den Jahren 1942–1945 und die Mär von der kollektiven Kollaboration mit dem deutschen Aggressor», *Hal-lische Beiträge zur Zeitgeschichte* 9 (2001), 37–55; конкретно по Крыму см.: Brian G. Williams, «The Hidden Ethnic Cleansing of Muslims in the Soviet Union: The Exile and Repatriation of the Crimean Tatars», *Journal of Contemporary History* 37, 3 (2002), 323–347; Brian G. Williams, «Hidden Ethnocide in the Soviet Muslim Borderlands: The Ethnic Cleansing of the Crimean Tatars», *Journal of Genocide Research* 4, 3 (2002), 357–373.

Nekrich, *The Punished Peoples*, 61–62 [Некрич, *Наказанные народы*, 60].

Ibid., 58 (перевод у Некрича некорректен); Некрич, *Наказанные народы*, 57.

873

Федриготти – Министерству иностранных дел, 27 апреля 1941 г.,
Белград, PA, R60681.

874

Федриготти – МИДу, 21 апреля 1941 г., Сараево, РА, R60681 (также в: РА, R27363).

875

Река в Боснии и Герцеговине, приток реки Босны. Протекает через Сараево, столицу Боснии и Герцеговины.– *Прим. пер.*

876

Федриготти – МИДу, 19 апреля 1941 г., Ключ, РА, R60681 (также в: РА, R27363); и Федриготти – МИДу, 27 апреля 1941 г., Белград, РА, R60681.

По исламу на Балканах в эпоху Османской империи: Peter F. Sugar, *Southeastern Europe under Ottoman Rule, 1354–1804* (Seattle, WA, 1977); по последним десятилетиям османского правления: Fikret Karčić, *The Bosniaks and the Challenge of Modernity: Late Ottoman and Hapsburg Times* (Sarajevo, 1999). В этой книге также дается хороший обзор положения ислама под властью Габсбургов. В целом по исламу в эпоху Габсбургов см.: Robert J. Donia, *Islam under the Double Eagle: The Muslims of Bosnia and Hercegovina, 1878–1914* (New York, 1981); Ferdinand Hauptmann, «Die Mohammedaner in Bosnien-Hercegovina», in Adam Wandruszka and Peter Urbanitsch (eds.), *Die Habsburgermonarchie 1848–1918, vol. 4 (Die Konfessionen)* (Vienna, 1985), 670–701; Muhamed Mufaku al-Arnaut, «Islam and Muslims in Bosnia 1878–1918: Two Hijras and Two Fatwās», *Journal of Islamic Studies* 5, 2 (1994), 242–253; Rupert Klieber, *Jüdische–Christliche–Muslimische Lebenswelten der Donaumonarchie, 1848–1918* (Vienna, 2010), 157–168; Zlatko Hasanbegović, *Muslimani u Zagrebu, 1878–1945 (Muslims in Zagreb, 1878–1945)* (Zagreb, 2007), 29–51; Alexandre Popovic, *L’Islam balkanique: Les Musulmans du Sud-Est européen dans la période post-ottomane* (Berlin, 1986), 269–310. По исламу в межвоенной Югославии см.: Sabina Ferhadbegović, «Fes oder Hut? Der Islam in Bosnien zwischen den Weltkriegen», *Wiener Zeitschrift zur Geschichte der Neuzeit* 5, 2 (2005), 69–85; Xavier Bougarel, «Farewell to the Ottoman Legacy? Islamic Reformism and Revivalism in Inter-War Bosnia-Herzegovina», in Clayer and Germain (eds.), *Islam in Inter-War Europe*, 313–343; Muhammed Aruçi, «The Muslim Minority in Macedonia and Its Educational Institutions during the Inter-War Period», in Clayer and Germain (eds.), *Islam in Inter-War Europe*, 344–361; Fikret Karčić, «The Reform of Shari‘a Courts and Islamic Law in Bosnia and Herzegovina, 1918–1941», in Clayer and Germain (eds.), *Islam in Inter-War Europe*, 253–270; Hasanbegović, *Muslimani u Zagrebu*, 53–166; и Popovic, *L’Islam balkanique*, 310–336.

Ученые, исследовавшие военные действия Германии на территории бывшего Королевства Югославия, писали о мусульманском населении, однако не рассматривали политику немцев в отношении ислама систематически. Наиболее глубокой работой остается труд Томасевича: Tomasevich, *War and Revolution in Yugoslavia*, особенно 466–510. Непосредственно о Боснии см.: Redžić, *Bosnia and Herzegovina in the Second World War*, особенно 4–62, 164–196; Enver Redžić, *Muslimansko Autonomastvo i 13. SS Divizija: Autonomija Bosne i Hercegovine i Hitlerov Treći Rajh* («Мусульманское автономистское движение и 13-я дивизия СС: Автономия Боснии и Герцеговины и Третий рейх Гитлера») (Sarajevo, 1987), особенно 81–90, 149–153; Hoare, *Genocide and Resistance in Hitler's Bosnia*; Hoare, *The Bosnian Muslims in the Second World War*; и Emily Greble, *Sarajevo, 1941–1945: Muslims, Christians, and Jews in Hitler's Europe* (Ithaca, NY, 2011).

По исламу в усташском государстве см. литературу в прим. 6, прежде всего: Tomasevich, *War and Revolution in Yugoslavia*, 488–494; Redžić, *Bosnia and Herzegovina in the Second World War*, 68, 85–87, 166–169, 172; Redžić, *Muslimansko Autonomastvo i 13. SS Divizija*, 9–20; Hoare, *The Bosnian Muslims in the Second World War*; Greble, *Sarajevo*, особенно 58, 76–81, 84–85, 120–129, 192–195, 213–217, 253; Hasanbegović, *Muslimani u Zagrebu*, 167–386; и Popović, *L'Islam balkanique*, 336–342.

О мусульманском населении в гражданской войне см. литературу в прим. 6, прежде всего: Tomasevich, *War and Revolution in Yugoslavia*, 491–494; Redžić, *Bosnia and Herzegovina in the Second World War*, 63–118, 169–177; Redžić, *Muslimansko Autonomaštvo i 13. SS Divizija*, 29–62; и Hoare, *The Bosnian Muslims in the Second World War*.

18 февраля 1942 года Зигфрид Каше, посол Германии в Загребе, передал мусульманам-усташам несколько обращений от местных мусульманских общин, где те жаловались на религиозные преследования. См.: Каше – МИДу, 18 февраля 1942 г., Загреб, РА, R60608. К письму приложены: меморандум («Beschwerde der muselmanischen Bezirksbeauftragten von Prijedor an einige angesehene Muselmanen»), 23 сентября 1941 г., Приедор, РА, R60608; меморандум («Denkschrift des Sarajevo Ulema-Verein „El Hidaja“»), 12 октября 1941 г., РА, R60608; меморандум («Denkschrift der muselmanischen Vertreter aus Banja Luka»), 12 ноября 1941 г., Баня-Лука, РА, R60608.

882

Народный комитет («Volkskomitee»), меморандум, 1 ноября 1942 г., Сараево, РА, R261144.

883

Народный комитет («Volkskomitee»), меморандум, 1 ноября 1942 г.,
Сараево, РА, R261144.

Ibid.

Каше – МИДу, 18 февраля 1942 г., Загреб, РА, R60608; Каше – МИДу, 22 апреля 1942 г., Загреб, РА, R60607; и Каше, отчет («Politische Gesichtspunkte für Propagandaarbeit in Kroatien»), б. д. (1943), Загреб, РА, R27795. Эти документы раскрывают политические представления Каше об исламе и исламском мире.

О все более активном участии немцев в вооруженных действиях на Балканах см. литературу в прим. 6.

887

Лютерс, отчет («Aufstandsbewegung der Cetniks»), 5 мая 1943 г., б.
м., ВА-МА, RS3-7/16.

Вурянек (армия), отчет («Bericht über Bosnien»), 10 июля 1943 г., Грац, ВА–МА, RH 31III/5; и Вурянек, речь («Vortrag vor der Mannschaft der Kampftruppe Ost-und West-Bosnien»), 10 июля 1943 г., Грац, ВА–МА, RH 31III/5.

РСХА, отчет разведки («Muselmanenproblem») б. д., б. м., ВАВ, R58/92; о мнениях других наблюдателей на местах см.: отделение НСДАП в Хорватии, отчет («Monatsbericht»), 31 декабря 1942 г., Сараево, ВА–МА, RH 31III/5 (этот документ ландесгруппенляйтер хорватского отделения НСДАП Рудольф Эмптинг переслал Глейзе фон Хорстенау, 13 января 1943 г., Загреб, ВА–МА, RH 31III/5); и Хилле (Оперативный штаб рейхсляйтера Розенберга), отчет, 19 августа 1942 г., Загреб, Российский государственный военный архив (РГВА), особый архив, получено через USHMA, RG 11/Reel 131.

Meyer, *Blutiges Edelweiß*, 119. Кроме того, представители СС и МИДа согласились использовать мусульман для восстановления порядка в Санджаке. См.: Гредлер (МИД), записка, («Bericht des Ustascha-Kommissars Murat Bayrović über die Lage im Sandschak»), 12 апреля 1943 г., Берлин, PA, R100998. В своих мемуарах Карл Вильгельм Тило (Karl Wilhelm Thilo, «Der Einsatz auf dem Balkan», in Hubert Lanz (ed.), *Gebirgsjäger: Die 1. Gebirgsdivision 1935–1945* (Bad Nauheim, 1954), 242–277, особенно 253, 245–246) описывает сотрудничество с мусульманами на местах.

Об Албании под контролем немцев см.: Bernd J. Fischer, *Albania at War 1939–1945* (London, 1999), 157–256; Bernd J. Fischer, «German Political Policy in Albania, 1943–1944», in Richard B. Spence and Linda Nelson (eds.), *Scholar, Patriot, Mentor: Historical Essays in Honor of Dimitrije Djordjević* (Boulder, CO, 1992), 219–233; Hubert Neuwirth, *Widerstand und Kollaboration in Albanien 1939–1944* (Wiesbaden, 2008); Christoph Stamm, «Zur deutschen Besetzung Albaniens 1943–1944», *Militärgeschichtliche Mitteilungen* 30, 2 (1981), 99–120. О религии в Албании военного времени см.: Popovic, *L’Islam balkanique*, 36–42; Roberto Morozzo della Rocca, *Nazione e religione in Albania (1920–1944)* (Bologna, 1990), 167–246 (автор этой работы указывает на невмешательство немцев в работу исламских учреждений и улемов в этой стране).

О мусульманах Эпира см.: Mark Mazower, «Three Forms of Political Justice: Greece, 1944–1945», in Mark Mazower (ed.), *After the War Was over: Reconstructing the Family, Nation and State in Greece, 1943–1960* (Princeton, NJ, 2000), 24–41, 24–26; Meyer, *Blutiges Edelweiß*, 151–152, 204, 463–476, 539, and 620–621; и Fischer, *Albania at War*, 70–76, 85, 168–169.

893

Neubacher, *Sonderauftrag Südost*, 32–33, и, аналогично, 160.

Ibid., 32.

О пересечении религии и политики в мусульманских областях Балкан см.: Marco Dogo, «The Balkan Nation-States and the Muslim Question», in Marco Dogo and Stefano Bianchini (eds.), *Balkans: National Identities in a Historical Perspective* (Ravenna, 1998), 61–74; Pedro Ramet, «Religion and Nationalism in Yugoslavia», in Pedro Ramet (ed.), *Religion and Nationalism in Soviet and East European Politics* (Durham, NC, 1984), 149–169, 156–158; Ivo Banac, *The National Question in Yugoslavia: Origins, History, Politics* (Ithaca, NY, 1984), 359–378; и, более конкретно: Ivo Banac, «Bosnian Muslims: From Religious Community to Socialist Nationhood and Post-Communist Statehood, 1918–1992», in Mark Pinson (ed.), *The Muslims of Bosnia and Herzegovina: Their Historical Development from the Middle Ages to the Dissolution of Yugoslavia* (Cambridge, MA, 1994), 129–153; и Mitja Velikonja, *Religious Separation and Political Intolerance in Bosnia-Herzegovina* (College Station, TX, 2003).

О балканском турне муфтия см.: Schechtman, *The Mufti and the Fuehrer*, 139; Lebel, *The Mufti of Jerusalem*, 181–189; Gensicke, *The Mufti of Jerusalem and the Nazis*, 132–135; Tomasevich, *War and Revolution in Yugoslavia*, 498; Redžić, *Bosnia and Herzegovina in the Second World War*, 34, 39, 182; Tomasevich, *Muslimansko Autonomastvo i 13. SS Divizija*, 91–102; Greble, *Sarajevo*, 170–171; Hasanbegović, *Muslimani u Zagrebu*, 192–195, 208, 411, 506–507 (отчет усташской службы безопасности о визите).

897

Бергер – Гиммлеру, 27 марта 1943 г., Берлин, ВАВ, R19/2255.

898

Аль-Хусейни – МИДу, 30 апреля 1943 г., Берлин, РА, R27322
(также в: РА, R100998).

Kramer, *Islam Assembled*, 132 and 162; и, о личной оценке, которую муфтий дал значимости этих связей во время войны: *Музаккират Хадж Мухаммад Амин аль-Хусейни*, под ред. аль-Умара, 137.

900

Каше – МИДу, 13 августа 1942 г., Загреб, РА, R27327.

901

Цит. по: *ibid.*

Аноним, «Der Großmufti von Jerusalem», *Völkischer Beobachter* (27 ноября 1942 г.).

903

Бергер – Гиммлеру, 27 марта 1943 г., Берлин, ВАВ, NS19/2255.

Ibid.

905

Бергер – Гиммлеру, 19 апреля 1943 г., Берлин, ВАВ, NS19/2255.

906

Расписание турне см.: ibid.

Ibid.; о встречах см. также: Каше – МИДу, 12 апреля 1943 г., Загреб, РА, R27322; Эттель, записка, 16 апреля 1943 г., Берлин, R27322; рассказ самого аль-Хусейни о его поездке и встречах со священнослужителями см.: *Музаккират Хадж Мухаммад Амин аль-Хусейни*, под ред. аль-Умара, 138–140 и 143.

Музаккират Хадж Мухаммад Амин аль-Хусейни, под ред. аль-Умара, 143.

Винклер, отчет («Die politische Lage der Mohammedaner Bosniens»),
4 мая 1943 г., Берлин, РА, R67675 (также в: РА, R261144).

910

Немецкое информационное бюро, закрытый доклад («Vertrauliches Rohmaterial»), 16 апреля 1943 г., Загреб, РА, R27327.

911

Винклер, отчет («Die politische Lage der Mohammedaner Bosniens»),
4 мая 1943 г., Берлин, РА, R67675 (также в: РА, R261144).

912

Немецкое информационное бюро, закрытый доклад («Vertrauliches Rohmaterial»), 16 апреля 1943 г., Загреб, РА, R27327.

913

Немецкое информационное бюро, закрытый доклад («Vertrauliches Rohmaterial»), 21 апреля 1943 г., Zagreb, PA, R27322.

914

Разведка США (Информационная служба зарубежного вещания, FBIS), отчет, 22 апреля 1943 г., USNA, получено через USHMA, RG 6, Reel 22.

915

Аль-Хусейни – МИДу, 30 апреля 1943 г., Берлин, РА, R27322.

916

Бергер – Гиммлеру, 19 апреля 1943 г., Берлин, ВАВ, NS19/2255; и, аналогично, десять дней спустя: Бергер – Гиммлеру, 29 апреля 1943 г., Берлин, ВАВ, NS19/2601.

917

Бергер – Гиммлеру, 19 апреля 1943 г., Берлин, ВАВ, NS19/2255.

Лютерс, отчет («Aufstandsbewegung der Cetniks»), 5 мая 1943 г., б.
м., ВА-МА, RS3-7/16.

Музаккират Хадж Мухаммад Амин аль-Хусейни, под ред. аль-Умара, 139. После своего возвращения в Берлин пожаловался на то же самое Эттелю: записка, 16 апреля 1943 г., Берлин, РА, R27322.

920

Верман, записка, 29 апреля 1943 г., Берлин, USHMA, RG 71, Box 91.

921

Бергер – Гиммлеру, 19 апреля 1943 г., Берлин, ВАВ, NS19/2255.

Ibid.

923

Флепс (командир 7-й добровольческой горной дивизии СС «Принц Ойген») – Ютнеру (начальник Главного оперативного управления СС), 19 апреля 1943 г., б.м., ВАВ, NS19/2601.

Аноним, «Der Großmufti in Agram», *Deutsche Allgemeine Zeitung* (3 апреля 1943 г.).

925

Бергер – Гиммлеру, 19 апреля 1943 г., Berlin, ВАВ, NS19/2255.

926

Каше – МИДу, 28 апреля 1943 г., Zagreb, PA, R100998.

927

Винклер, отчет («Die politische Lage der Mohammedaner Bosniens»),
4 мая 1943 г., Берлин, РА, R67675 (также в: РА, R261144).

Винклер, отчет («Die politische Lage der Mohammedaner Bosniens»),
4 мая 1943 г., Берлин, РА, R67675 (также в: РА, R261144).

Ibid.

О Винклере см.: Horst Junginger, «Ein Kapitel Religionswissenschaft während der NS-Zeit: Hans Alexander Winkler (1900–1945)», *Zeitschrift für Religionswissenschaft* 3 (1995), 137–161; и Horst Junginger, «Das tragische Leben von Hans Alexander Winkler (1900–1945) und seiner armenischen Frau Hayastan (1901–1937)», *Bausteine zur Tübinger Universitätsgeschichte* 7 (1995), 83–110.

931

О визите аль-Хусейни в Вену см.: Бергер – Гиммлеру, 19 апреля 1943 г., Берлин, ВАВ, NS19/2255; и Эттель, записка, 16 апреля 1943 г., Берлин, РА, R27322.

Об отношениях между немецкими властями и мусульманами Вены и об институционализации исламской общины города во время войны см. документы в Венском городском и государственном архиве (*Wiener Stadt- und Landesarchiv*, WstLArch), М. Abt. 119, А 32, 196/1943, а также в: PA, R269669.

О мусульманской общине протектората Богемия и Моравия во время войны см. документы в Государственном архиве Чешской Республики, Прага (*Národní Archiv České Republiky, NAČR*), получено через Центр современного Востока, Берлин (*Zentrum Moderner Orient, ZMO*), Höpp Papers, Box 1.20.

934

Управление пропаганды «Юго-восток», отчет («Lage- und Tätigkeitsbericht für den Monat August 1942»), 4 сентября 1942 г., Белград, ВА–МА, RW 4/232.

935

Пропагандистская брошюра «Život Muslimana u Njemačkoj» («Жизнь мусульман в Германии»), б. д. (февраль 1943 г.), ВА–МА, RH 45/73.

Таблица данных по «Islam i Židovstvo» («Ислам и иудейство»), б. д. (февраль 1943 г.), ВА–МА, RH 45/76; и, о контексте брошюры, см.: Thomas Casagrande, *Die volksdeutsche SS-Division «Prinz Eugen»: Die Banater Schwaben und die nationalsozialistischen Kriegsverbrechen* (Frankfurt, 2003), 333; Lebel, *The Mufti of Jerusalem*, 311–319.

Хайбар – оазис в Саудовской Аравии, расположен севернее Медины. В VI— начале VII века там проживали иудеи. Затем там же нашли приют иудеи, изгнанные Мухаммадом из Медины. Они стремились объединить окрестные арабские племена против него.—
Прим. пер.

В 1943 году солдаты дивизия совершили многочисленные убийства мирных жителей на территории Греции.– *Прим. пер.*

Брошюра «Muslimani!» («Мусульмане!»), б. д., ВА–МА, РН 45/51; перевод на немецкий язык – брошюра «Muselmanen!», июнь 1943 г., ВА–МА, РН 45/51; подробную информацию об этой брошюре и распространении см. таблицу данных по «Muslimani!», июнь 1943 г., ВА–МА, РН 45/51.

940

Брошюра «Kämpfer des NOV!» (перевод на немецкий язык), б. д.,
ВА–МА, RH 45/49.

941

Брошюра «Braćo muslimani!» («Братья мусульмане!»), б. д., ВА–
МА, РН 45/51.

Брошюра «Muslimani Bosne i Hercegovine!» («Мусульмане Боснии и Герцеговины!»), б.д., ВА–МА, RH 45/59.

Брошюра «Treba li Staljinov plan da bude stvarnost?» («Должен ли план Сталина стать реальностью?»), б. д., ВА–МА, RH 45/53.

Брошюра «Borci bosanskih i muslimanskih brigada!» («Бойцы боснийских и мусульманских бригад!»), б. д., ВА–МА, RH 45/61.

Брошюра «353 ubijenih Muslimana optužuju Titu u području Vlasenice» («353 убитых мусульманина обвиняют Тито в районе Власеницы»), б. д., ВА–МА, РН 45/53.

946

Брошюра «Пуцај са топом и дџамију!» («Огонь из пушки по мечети!»), б. д., ВАМА, RH 45/59.

947

Брошюра «Borci Muslimani» («Бойцы-мусульмане!»), б. д., ВА–
МА, RH 45/59.

948

Брошюра «Braço Muslimani!» («Братя-мусульмане!»), б. д., ВА–
МА, RH 45/59.

Плакат, б.д., ВА–МА, РН 45/54; этот плакат был напечатан в количестве 8000 экземпляров 7 февраля 1944 г., а 9 февраля его разместили в Сараево, Баня-Луке, Дубровнике и других городах. См. таблицу данных в: ВА–МА, РН 45/54; о плакате с изображением Рузвельта см.: плакат, б. д., ВА–МА, РН 45/54; 1 марта 1944 г. 10 000 экземпляров этого плаката были напечатаны. 8 марта их разместили в Сараево, Баня-Луке, Дубровнике и других городах, см. таблицу данных в: ВА–МА, РН 45/54.

О Куленовиче и Хаджиче см. литературу в прим. 6 и 7.

Рекар (немецкая дипмиссия в Загребе), отчет («Bericht über Dienstreise nach Sarajevo»), 2 июня 1943 г., Загреб, РА, R261144 (также в: USHMA, RG 71, Box 237). В своих оценках Рекар опирается на консультации с лидерами мусульман, особенно с Али Агановичем.

952

Качинка (немецкая дипмиссия в Загребе), отчет («Muselmannen»), 27 марта 1943 г., Загреб, РА, R261144 (также в: USHMA, RG 71, Box 237).

По истории исламских институций см.: Donia, *Islam under the Double Eagle*, 19–22; Hauptmann, «Die Mohammedaner in Bosnien-Herzegovina», 685–690; Al-Arnaut, «Islam and Muslims in Bosnia 1878–1918», 250–251; Klieber, *Jüdische–Christliche–Muslimische Lebenswelten der Donaumonarchie*, 159–63; Karčić, *Bosniaks and the Challenge of Modernity*, 124–139; Fikret Karčić, «The Office of Ra’īs al-„Ulamā“ among the Bosniaks (Bosnian Muslims)», *Intellectual Discourse* 5, 2 (1997), 109–120; Karčić, «The Reform of Shari‘a Courts and Islamic Law»; Bougarel, «Farewell to the Ottoman Legacy?», 317; Popovic, *L’Islam balkanique*, 273–278, 316–319, 339; общий обзор см. в: Ferhat Šeta, *Reis-ul-Uleme u Bosni i Herzegovini i Jugoslaviji od 1882 do 1991 Godine (The Reis-ul-Ulema in Bosnia and Herzegovina and Yugoslavia from 1882 to 1991)* (Sarajevo, 1991).

О Спахо см.: Tomasevich, *War and Revolution in Yugoslavia*, 467, 490; Redžić, *Bosnia and Herzegovina in the Second World War*, 78, 86–87; Bougarel, «Farewell to the Ottoman Legacy?», *passim*; Greble, *Sarajevo*, особенно 30–37, 64–65, 76–81, 85, 96, 99, 101, 112–113, 115, 124, 126, 166; Hasanbegović, *Muslimani u Zagrebu*, *passim*; and Popovic, *L'Islam balkanique*, 339.

О Башиче см.: Redžić, *Bosnia and Herzegovina in the Second World War*, 174; Redžić, *Muslimansko Autonomaštvo i 13. SS Divizija*, 91; Greble, *Sarajevo*, 161–162, 217; Hasanbegović, *Muslimani u Zagrebu*, 293; Popovic, *L'Islam balkanique*, 339.

956

Greble, *Sarajevo*, 32, 166.

О Ханджиче см.: Redžić, *Bosnia and Herzegovina in the Second World War*, 189; Bougarel, «Farewell to the Ottoman Legacy?», *passim*; Greble, *Sarajevo*, 34, 78, 126, 214; Hasanbegović, *Muslimani u Zagrebu*, 119, 205–207, 210, 261.

Библиотека Гази Хусрев-бега была построена в XVI веке и содержит огромную коллекцию исламских рукописей.– *Прим. пер.*

По *El-Hidaje* и «Молодым мусульманам» см.: Redžić, *Bosnia and Herzegovina in the Second World War*, 103, 105, 169; Redžić, *Muslimansko Autonomaštvo i 13. SS Divizija*, 16, 123, 142–143, 205–206; Karčić, «Reform of Shari‘a Courts and Islamic Law», 268; Bougarel, «Farewell to the Ottoman Legacy?», *passim*; Fikret Karčić, «From Young Muslims to Party of Democratic Action: The Emergence of a Pan-Islamist Trend in Bosnia-Herzegovina», *Islamic Studies* 36, 2/3 (1997), 533–549; Greble, *Sarajevo*, особенно 33–34, 78, 160–163, 175–176, 184–185, 200–201, 214, 217, 235; Hasanbegović, *Muslimani u Zagrebu*, *passim*; Popovic, *L’Islam balkanique*, 321, 328, 340; и. по Изетбеговичу, см.: Noel Malcolm, *Bosnia: A Short History* (London, 1994), 208.

Mehmed Handžić, «Palestinski veliki muftija u Sarajevu» («Палестинский великий муфтий в Сараево»), *El-Hidaje* 6, 9 (5 мая 1943 г.), 250–252. Выпуски *El-Hidaje* хранятся в библиотеке Гази Хусрев-бега (*Gazi Husrev-Begova Biblioteka*), Сараево (ГНБ).

961

Немецкая дипмиссия в Загребе, отчет («Unterredungen in Sarajevo»), б. д. (28 апреля 1943 г.), Загреб, РА, R100998.

Об Агановиче см.: Tomasevich, *War and Revolution in Yugoslavia*, 491; Greble, *Sarajevo*, 128; Hasanbegović, *Muslimani u Zagrebu*, 293, 341, 519–520 (о его речи при открытии загребской мечети).

963

Рекар, отчет («Bericht über Dienstreise nach Sarajevo»), 2 июня 1943 г., Загреб, РА, R261144 (также в: USHMA, RG 71, Box 237).

Немецкая дипмиссия в Загребе, отчет («Unterredungen in Sarajevo»), б. д. (28 апреля 1943 г.), Загреб, РА, R100998.

965

Британская служба безопасности, доклад разведки, 19 декабря 1942 г., Лондон, NA, KV 2/2085.

О Пандже см.: Tomasevich, *War and Revolution in Yugoslavia*, 411, 495, 503–504; Redžić, *Bosnia and Herzegovina in the Second World War*, 103, 174, 184–185, 224; Redžić, *Muslimansko Autonomaštvo i 13. SS Divizija*, 22–23, 139–143, 147; Bougarel, «Farewell to the Ottoman Legacy?», 324–325; Greble, *Sarajevo*, 173–174, 184–186, 192, 237; Hasanbegović, *Muslimani u Zagrebu*, 79–81, 205–210, 345–346.

Об организации *Merhamet* см.: Tomasevich, *War and Revolution in Yugoslavia*, 409, 411, 495; Redžić, *Bosnia and Herzegovina in the Second World War*, 174; Redžić, *Muslimansko Autonomaštvo i 13. SS Divizija*, 123, 142–143; Greble, *Sarajevo*, особенно 34, 106, 139–141, 173–176, 213–217, 235, 245–246; Popović, *L’Islam balkanique*, 285, 287, 321, 340.

Greble, *Sarajevo*, 174.

Лангенбергер (штаб 369-й пехотной дивизии), отчет («Niederschrift über eine Besprechung am 17.9.43 mit dem 2. Sekretär der „Muslimansko Dobrotvorno Društvo: Merhamet Sarajevo“ namens Mechmed Tokitsch»), 17 сентября 1943 г., б. м., ВАВ, NS19/3893 (также в: in ВА–МА, N756/183b).

970

Бергер – Гиммлеру, б. д. (январь 1944 г.), Берлин, ВАВ, NS19/319;
и аналогично: Бергер – Гиммлеру, 12 января 1944 г., Берлин, ВАВ,
NS19/2601.

971

Мейне (штаб Гимmlера) – Бергеру, б. д. (январь 1944 г.), б. м.,
ВAB, NS19/319.

Лангенбергер, отчет («Niederschrift über eine Besprechung am 17.9.43 mit dem 2. Sekretär der „Muslimansko Dobrotvorno Društvo: Merhamet Sarajevo“ namens Mechmed Tokitsch»), 17 сентября 1943 г., б. м., ВАВ, NS19/3893 (также в: ВАМА, N756/183b); этот отчет Флепс (командир 5-го горного корпуса СС) переслал Гиммлеру, 5 ноября 1943 г., б. м., ВАВ, NS19/3893.

973

Шульте – Брандту, 11 января 1944 г., Берлин, ВАВ, NS19/3893
(также в: ВА–МА, N756/183b).

О «Движении освобождения мусульман» см.: Tomasevich, *War and Revolution in Yugoslavia*, 503–504; Redžić, *Bosnia and Herzegovina in the Second World War*, 103, 184–185, 224; Redžić, *Muslimansko Autonomaštvo i 13. SS Divizija*, 139–143; Greble, *Sarajevo*, 184–186, 192; и Hasanbegović, *Muslimani u Zagrebu*, 208–210.

975

Панджа, брошюра (перевод на немецкий язык), б. д. (10 января 1944 г.), ВА–МА, РН 19ХІ/10а (также в: ВАВ, NS19/2601).

976

Штаб 2-й танковой армии – штабу группы армий «F», 8 января 1944 г., б. м., ВАМА, RH 19XI/10a; аналогичную оценку см. в: Байрактаревич—Флепсу, 15 ноября 1943 г., Мостар, ВAB, NS19/2601.

977

Каше, записка («Unterhaltung mit dem Führer am 29.10.1943 im Hauptquartier»), 11 ноября 1943 г., Загреб, РА, Nachlass Kasche, vol. 23.

Партизанские формирования монархической и националистической ориентации, действовавшие на территории бывшего королевства Югославия в 1941– 1944 годах.– *Прим. пер.*

Пош (войска СС), отчет («Abschlussbericht über die Tätigkeit als F.O. in Kroatien vom 10.3.1943–1.1.1944»), 30 декабря 1943 г., Загреб, ВАР, NS19/319.

Мустафа Наххас-паша (1879–1965) – египетский государственный деятель, в 1942– 1944 гг. занимавший должность премьер-министра страны.– *Прим. пер.*

981

Каммерхофер – Гиммлеру, 11 января 1944 г., Загреб, ВАВ,
NS19/319.

982

Зауберцвейг – Бергеру, 5 ноября 1943 г., б. м., ВАВ, NS19/2601;
о втором сборе средств см.: Гиммлер – Бергеру и Юттнеру, 16 ноября
1943 г., б. м., ВАВ, NS19/2601.

983

Бергер – Гиммлеру, 12 января 1944 г., Берлин, ВАВ, NS19/2601.

984

Брандт – Бергеру, 31 января 1944 г., б. м., ВАВ, NS19/2601;
непосредственно о переводе средств см. документы в: ВАВ, NS19/2601.

985

Бергер – Гиммлеру, б. д. (январь 1944 г.), Берлин, ВАВ, NS19/319.

986

Вангеман, отчет («Tätigkeitsbericht der Abt. VI»), 4 апреля 1944 г., б.
м., ВАВ, NS19/2601.

987

Кремплер – Нойбахеру и Берендсу (высший руководитель СС и полиции в Сербии), 20 апреля 1944 г., б. м., ВАР, NS19/3630.

Представители мусульман Санджака (*Landesausschuss der Muselmanischen Volksvereinigung Sandschak*) – Гитлеру (перевод на немецкий язык), б. д. (весна 1944 г.), б.м., ВАР, NS19/3630.

989

Брандт – Берендсу, 7 июля 1944 г., б. м., ВАВ, NS19/3630.

990

Берендс – Гиммлеру, 31 июля 1944 г., Белград, ВАВ, NS19/3630.

991

Брандт – Берендсу, 18 сентября 1944 г., б. м., ВАВ, NS19/3630;
и Венн (штаб Гимmlера) – отделу пропаганды (полк СС «Курт Эггерс»),
18 сентября 1944 г., б. м., ВАВ, NS19/3630.

Зауберцвейг, инструкции («Richtlinien für die Sicherung des Landfriedens in Bosnien»), 9 марта 1944 г., б. м., ВАР, NS19/2145 (также в: РА, R100998).

Die Tagebücher von Joseph Goebbels, ed. Fröhlich, part II, vol. 12, 184–191 (26 апреля 1944 г.), 188.

Брандт – Флепсу, 20 ноября 1943 г., б. м., ВАВ, NS19/3893.
Гиммлер сделал это заявление в ответ на письмо Флепса от 5 ноября 1943 г., о Токиче и автономистах (см. прим. 97).

995

Нойбахер – МИДу, 9 апреля 1944 г., Белград, РА, R101101.

996

Винкельбрандт (штаб 373-й пехотной дивизии), отчет («Feindnachrichtenblatt Nr. 7»), 16 июля 1944 г., б. м., ВА–МА, РН 37/6931.

О мусульманских отрядах самообороны и «зеленых кадрах» см.: Tomasevich, *War and Revolution in Yugoslavia*, 504; Redžić, *Bosnia and Herzegovina in the Second World War*, особенно 105–110, 183–191; Redžić, *Muslimansko Autonomastvo i 13. SS Divizija*, особенно 120–123, 147–149, 185–186, 207.

Винкельбрандт, отчет («Feindnachrichtenblatt Nr. 6»), 17 июня 1944 г., б. м., ВА–МА, РН 37/6931; по военной оценке мусульманского ополчения в целом см. все отчеты Винкельбрандта в: ВА–МА, РН 37/6931.

О привлечении мусульман четниками см.: Tomasevich, *War and Revolution in Yugoslavia*, 494, 501; Jozo Tomasevich, *The Chetniks* (Stanford, CA, 1975), 105, 240; Redžić, *Bosnia and Herzegovina in the Second World War*, особенно 97–98, 143–146, 174; Redžić, *Muslimansko Autonomastvo i 13. SS Divizija*, особенно 105–108, 168–169, 207–211.

1000

Ein General im Zwielight, vol. 3, 284–303 (October 1943). 294.

1001

Цит. по: Vladimir Dedijer, *The War Diaries of Vladimir Dedijer*, vol. 3 (from September 11, 1943, to November 7, 1944) (Ann Arbor, MI, 1990), 131 (запись от 6 ноября 1943 г.).

О привлечении мусульман партизанами Тито см.: Tomasevich, *War and Revolution in Yugoslavia*, 502–504, 506–510; Redžić, *Bosnia and Herzegovina in the Second World War*, особенно 170, 183–191, 206–209; Redžić, *Muslimansko Autonomastvo i 13. SS Divizija*, особенно 108–110, 127–128, 157–159, 211–212; об этой пропагандистской брошюре см.: Popovic, *L'Islam balkanique*, 341–342.

О зверствах немцев в отношении мусульман и нападках на исламские учреждения см.: Tomasevich, *War and Revolution in Yugoslavia*, 503–504; Redžić, *Bosnia and Herzegovina in the Second World War*, 35, 188; Greble, *Sarajevo*, 183, 213–214.

Цит. по: Klaus Latzel, «Tourismus und Gewalt: Kriegswahrnehmung in Feldpostbriefen», in Hannes Heer and Klaus Naumann (eds.), *Vernichtungskrieg: Verbrechen der Wehrmacht, 1941–1944* (Hamburg, 1995), 447–459, 450.

О переходе евреев в ислам см.: Tomasevich, *War and Revolution in Yugoslavia*, 543–544; Redžić, *Bosnia and Herzegovina in the Second World War*, 78, 172; Redžić, *Muslimansko Autonomaštvo i 13. SS Divizija*, 20; и Greble, *Sarajevo*, особенно 17, 93–97, 112–113, 115, 117–118, 120–121, 124–125, 243.

1006

Robert J. Donia, *Sarajevo: A Biography* (London, 2006), 178–179.

1007

Федриготти – МИДу, 21 апреля 1941 г., Сараево, РА, R60681 (также в: РА, R27363).

1008

Greble, *Sarajevo*, 106, 140–141.

Martin Gilbert, *The Righteous: The Unsung Heroes of the Holocaust* (London, 2002), 204– 205; Greble, *Sarajevo*, 37–38, 132; о рукописи см.: Cecil Roth (ed.), *The Sarajevo Haggadah* (London, 1963).

Gilbert, *The Righteous*, 208–209; Norman Gershman, *Besa: Muslims Who Saved Jews in World War II* (Syracuse, NY, 2008).

О цыганах-мусульманах в усташском государстве см.: Tomasevich, *War and Revolution in Yugoslavia*, 609; Narcis Lengel-Krizman, «Prilog proucavanju terora u tzv. NDH: Sudbina Roma 1941–1945» («Вклад в изучение террора в так называемом Независимом государстве Хорватия: судьба цыган, 1941–1945»), *Casopis za suvremenu povijest* 1 (1986), 29–42, 33–34; Michael Zimmermann, *Rassenutopie und Genozid: Die nationalsozialistische «Lösung der Zigeunerfrage»* (Hamburg, 1996), 285; Karola Fings, Cordula Lissner, and Frank Sparing, «...einziges Land, in dem Judenfrage und Zigeunerfrage gelöst»: *Die Verfolgung der Roma im faschistisch besetzten Jugoslawien 1941–1945* (Cologne, 1992), 20; Donald Kenrick and Grattan Puxon, *Gypsies under the Swastika* (Hatfield, 2009), 99, 101; Mark Biondich, «Persecution of Roma-Sinti in Croatia, 1941–1945», in Paul A. Shapiro and Robert M. Ehrenreich (eds.), *Roma and Sinti: Under-Studied Victims of Nazism* (Washington, DC, 2002), 33–47, 37–38; Greble, *Sarajevo*, 17, 90–93, 95, 117–118, 121, 125; и, о взглядах немцев на «белых цыган», см.: Sevasti Trubeta, «„Gypsiness“, Racial Discourse and Persecution: Balkan Roma during the Second World War», *Nationalities Papers* 31, 4 (2003), 495–514, 505–506.

О цыганах-мусульманах в Сербии см.: Zimmermann, *Rassenutopie und Genozid*, 249; Fings, Lissner and Sparing, «...*einziges Land, in dem Judenfrage und Zigeunerfrage gelöst*», 46, 116–117 (документы).

О цыганах-мусульманах в Албании и Македонии см.: Fings, Lissner, and Sparing, «...*einziges Land, in dem Judenfrage und Zigeunerfrage gelöst*», 43–46; Donald Kenrick and Grattan Puxon, *The Destiny of Europe's Gypsies* (London, 1972), 119–123; Kenrick and Puxon, *Gypsies under the Swastika*, 74–77, 97.

О мусульманах в Македонии военного времени: Fings, Lissner, and Sparing, «...*einziges Land, in dem Judenfrage und Zigeunerfrage gelöst*», 46, 114–115 (документы); в целом о политике Софии в отношении болгарских мусульман во время войны см.: Mary C. Neuburger, *The Orient Within: Muslim Minorities and the Negotiation of Nationhood in Modern Bulgaria* (Ithaca, NY, 2004), 48–54, 183–184. Болгарские военные также управляли мусульманами Западной Фракии в оккупированной Греции, см.: Kevin Featherstone, Dimitris Papadimitriou, Argyris Mamarelis, and Georgios Niarchos, *The Last Ottomans: The Muslim Minority Of Greece, 1940–1949* (London, 2011), особенно 91–157.

Об исламе в Югославии при Тито см.: Ванас, «Bosnian Muslims», 144–146; Popovic, *L'Islam balkanique*, 343–365; Greble, *Sarajevo*, 234–235, 237, 244; Zachary T. Irwin, «The Fate of Islam in the Balkans: A Comparison of Four State Policies», in Ramet (ed.), *Religion and Nationalism in Soviet and East European Politics*, 207–225, 216; Smail Balić, «Der bosnisch-herzegowinische Islam», *Der Islam* 44, 1 (1968), 115–137, особенно 121–122; об арестах мусульманских священнослужителей за коллаборационизм во время войны см.: Isma'il Balić, «The Present Position of the Muslims of Bosnia and Herzegovina», *Islamic Review* 37 (July 1949), 22–25, 24.

Об исламе в Албании при Ходже см.: James S. O'Donnell, *A Coming of Age: Albania under Enver Hoxha* (Boulder, CO, 1999), 137–144; Raymond Zickel and Walter R. Iwaskiw (eds.), *Albania: A Country Study* (Washington, DC, 1992), 85–87; Popovic, *L'Islam balkanique*, 42–65; об арестах (или казнях) муфтиев Тираны, Дурреса и Шкодера и других мест за коллаборационизм во время войны, см.: Irwin, «The Fate of Islam in the Balkans», 212; Peter Prifti, «Albania: Towards an Atheist Society», in Bohdan R. Wocjurkiw and John W. Strong (eds.), *Religion and Atheism in the USSR and Eastern Europe* (Toronto, 1975), 388–404, 391.

Об изгнании албанских чамов-мусульман см.: Mazower, «Three Forms of Political Justice», 24–26; Meyer, *Blutiges Edelweiß*, 620–621.

Гиммлер, речь («Rede des Reichsführers-SS Heinrich Himmler vor den Führern der 13. SS-Freiw. b. h. Gebirgs-Division (Kroatien) im Führerheim Westlager, Truppenübungsplatz Neuhammer am 11. Januar 1944»), 11 января 1944 г., Нойхаммер, ВАВ, NS19/4012 (также в: ВА-МА, SF-01/16263).

Наиболее подробной общей работой является: Hans Werner Neulen, *An deutscher Seite: Internationale Freiwillige von Wehrmacht und Waffen-SS* (Munich, 1992 [1985]). Компактные обзоры можно найти в: Burkhart Müller-Hildebrand, *Das Heer 1933–1945*, vol. 3 (*Der Zweifrontenkrieg: Das Heer vom Beginn des Feldzuges gegen die Sowjetunion bis zum Kriegsende*) (Frankfurt, 1969), 68–71, 114–115, 140–142, 183–184; Mazower, *Hitler's Empire*, 454–470. О представителях других народов (кроме немцев) в вермахте см.: Rolf-Dieter Müller, *An der Seite der Wehrmacht: Hitlers ausländische Helfer beim «Kreuzzug gegen den Bolschewismus» 1941–1945* (Berlin, 2007). О них же в войсках СС см.: Gerald Reitlinger, *The SS: Alibi of a Nation, 1922–1945* (London, 1956), 147–166, 196–206; George H. Stein, *The Waffen-SS: Hitler's Elite Guard at War, 1939–1945* (Ithaca, NY, 1966), 137–196. Ниже я не рассматриваю индийское подразделение вермахта, несмотря на то что в нем состояло немало мусульман.

Franz Halder, *Kriegstagebuch: Tägliche Aufzeichnungen des Chefs des Generalstabes des Heeres 1939–1942*, 3 vols. (Stuttgart, 1964), vol. 3, 318. По словам Оверманса, потери немцев были даже выше, чем зафиксированные немецким командованием, см.: Rüdiger Overmans, *Deutsche militärische Verluste im Zweiten Weltkrieg* (Munich, 1999), 276–284, особенно 283.

1021

О представителях других народов (кроме немцев) в вермахте см. литературу в прим. 2.

О численности восточных войск см.: Müller-Hildebrand, *Das Heer*, vol. 3, 70, 114, 141; Müller, *An der Seite der Wehrmacht*, 155; Dallin, *German Rule in Russia*, 536; Mühlen, *Zwischen Hakenkreuz und Sowjetstern*, 60.

Один из лидеров Индийского движения за независимость. Для борьбы с английскими колонизаторами пошел на сотрудничество с немецкими нацистами, а затем с японцами. Возглавлял коллаборационистскую прояпонскую администрацию «Азад Хинд» («Свободная Индия»).– *Прим. пер.*

1024

О представителях других народов (кроме немцев) в войсках СС см. литературу в прим. 2.

1025

О численности представителей других народов (кроме немцев) в
СС см. литературу в прим. 2.

Зимой 1941–1942 годов условия в лагерях для попавших в плен военнослужащих Красной армии были особенно суровыми, см.: Streit, *Keine Kameraden*, 128–190.

1027

Hitlers Lagebesprechungen: Die Protokollfragmente seiner militärischen Konferenzen 1942–1945, ed. by Helmut Heiber (Stuttgart, 1962), 71–119 ('Mittagslage vom 12. Dezember 1942 in der Wolfsschanze'), 73–4.

Ibid.

Об этих первых отрядах и их командирах см. обзорные материалы в: Neulen, *An deutscher Seite*, 323–324; Müller, *An der Seite der Wehrmacht*, 230–232; подробный рассказ в: Hoffmann, *Die Ostlegionen*, 25–30; а также работы более общего характера: Hoffmann, *Kaukasien*, 50, 102–159; Dallin, *German Rule in Russia*, 533–538; Mühlen, *Zwischen Hakenkreuz und Sowjetstern*, 58. О батальоне особого назначения «Бергманн» см.: Wachs, *Der Fall Theodor Oberländer*, 96–135.

1030

О Майере-Мадере см.: Neulen, *An deutscher Seite*, 323–324; Müller, *An der Seite der Wehrmacht*, 232; Hoffmann, *Die Ostlegionen*, 27; Hoffmann, *Kaukasien*, 139; Mühlen, *Zwischen Hakenkreuz und Sowjetstern*, 58.

О восточных легионах см. обзоры в: Neulen, *An deutscher Seite*, 322–334; Müller, *An der Seite der Wehrmacht*, 227–241; подробное исследование: Hoffmann, *Die Ostlegionen*; а также более общие работы: Hoffmann, *Kaukasien*, 42–58, 82–429; Dallin, *German Rule in Russia*, 538–541; Mühlen, *Zwischen Hakenkreuz und Sowjetstern*, 57–68.

Азербайджанский легион включал азербайджанцев, Северокавказский – кавказских добровольцев-мусульман, например даргинцев, чеченцев, ингушей, кумыков, черкесов, кабардинцев, балкарцев, карачаевцев, лезгин и осетин. Туркестанский легион состоял из новобранцев-мусульман из Центральной Азии – каракалпаков, казахов, киргизов, таджиков, туркмен и узбеков. Волжско-татарский легион состоял из уфимских и казанских татар, башкиров, мари, мордовцев и татароязычных чувашей и удмуртов. Об этническом составе легионов см., например: Нидермайер, приказ («Grundlegender Befehl über die Aufstellung von Turk-Btlnen»), приложение к дополнению 8 от 30 июня 1942 г. («Zusammensetzung der Legionäre nach Volksstämmen»), 4 июля 1942 г., б. м., ВА–МА, RH 19V/79 (также в: ВА–МА, RH 26–162/16); Хайгендорф, инструкции («Merkblatt über Personalangelegenheiten der Legionäre»), 1 ноября 1943 г., б. м., ВА–МА, RH 58/62. О религиозной принадлежности легионеров см.: Нидермайер, приказ («Grundlegender Befehl über die Aufstellung von Turk-Btlnen»), дополнение 8 («Die Turk-Völker und ihre Behandlung»), 4 июля 1942 г., б.м., ВА–МА, RH 19V/79 (также в: ВА–МА, RH 26–162/16).

1033

Hoffmann, *Kaukasien*, 51–52, 55–56; Hoffmann, *Die Ostlegionen*, 39, 76, 171–172.

О численности восточных легионов см.: Neulen, *An deutscher Seite*, 342; Müller, *An der Seite der Wehrmacht*, 237; Hoffmann, *Die Ostlegionen*, 172; Hoffmann, *Kaukasien*, 56–57, 136–137, 191, 220, 264, 323; Mühlen, *Zwischen Hakenkreuz und Sowjetstern*, 60; Gerhard von Mende, «Erfahrungen mit Ostfreiwilligen in der deutschen Wehrmacht während des Zweiten Weltkrieges», *Vielvölkerheere und Koalitionskriege 1* (1952), 24–33, 25. Хотя цифры, представленные этими авторами, совпадают друг с другом (или показывают незначительные расхождения), к ним следует относиться с осторожностью.

Потери всех шести легионов оцениваются в 100000 человек, см.: Neulen, *An deutscher Seite*, 333; Müller, *An der Seite der Wehrmacht*, 241; Mühlen, *Zwischen Hakenkreuz und Sowjetstern*, 68. О потерях четырех кавказских легионов см. также: Mende, «Erfahrungen mit Ostfreiwilligen in der deutschen Wehrmacht während des Zweiten Weltkrieges», 32.

1036

О мусульманских трудовых батальонах см.: Hoffmann, *Die Ostlegionen*, 39,76; Hoffmann, *Kaukasien*, 51–52, 56.

О частях крымских татар см. обзоры в: Neulen, *An deutscher Seite*, 325; Müller, *An der Seite der Wehrmacht*, 237; более общие работы: Hoffmann, *Die Ostlegionen*, 39–50; Hoffmann, *Kaukasien*, 56; Dallin, *German Rule in Russia*, 258; Mühlen, *Zwischen Hakenkreuz und Sowjetstern*, 60, 184; Angrick, *Besatzungspolitik und Massenmord*, 466–477, 482–485; Oldenburg, *Ideologie und militärisches Kalkül*, 121–123; а также исследования по Крыму: Luther, «Die Krim unter deutscher Besatzung im Zweiten Weltkrieg», 60–62; Kunz, *Die Krim unter Deutscher Herrschaft*, 207–210; Романько, *Крым под пятой Гитлера*, 165–239.

1038

Аблаев – Гитлеру (перевод на немецкий язык), б. д. (December 1941), Simferopol, PA, R60738 (также в: PA, R261174).

1039

Кейтель – Бройтигаму, 6 января 1942 г., б. м., РА, R261174.

1040

По поводу численности отрядов см. литературу в прим. 20, а также: Зиферс, отчет («Aufstellung von Tataren- und Kaukasierformationen im Bereich des A.O.K. 11»), 20 марта 1942 г., б. м., ВА–МА, RH 19V/108 (также в: РА, R60739).

Зиферс, отчет («Aufstellung von Tataren- und Kaukasierformationen im Bereich des A.O.K. 11»), 20 марта 1942 г., б. м., ВА–МА, РН 19V/108 (также в: РА, R60739); а также: командование 11-й армии, отчет («Bericht für die Zeit vom 1.3. bis 31.3.1942»), 31 марта 1942 г., б. м., ВА–МА, РН 21–11/415. Сходная оценка дается в: Хентиг, отчет («Erfahrungen mit Tatarischen Kompanien»), 25 апреля 1942 г., б. м. (Симферополь), РА, R60740; и в: Хентиг, отчет, 27 апреля 1942 г., б.м. (Симферополь), РА, R60740.

Об «Особом штабе Фельми» и Немецко-арабском учебном дивизионе см. обзор в: Neulen, *An deutscher Seite*, 365–367, 370–374; подробное исследование: Carlos Caballero Jurado, *La espada del Islam: Voluntarios árabes en el ejército alemán 1941–1945* (Madrid, 1990); а также более общие работы: Tillmann, *Deutschlands Araberpolitik im Zweiten Weltkrieg*, 353–446; Hirszowicz, *The Third Reich and the Arab East*, 250–259, 298–300; Schröder, *Deutschland und der Mittlere Osten im Zweiten Weltkrieg*, 215–231; Greiselis, *Das Ringen um den Brückenkopf Tunesien*, 148–153.

1043

Командование «Особого штаба Фельми» – службе продовольственного снабжения 12-й армии, 8 июля 1941 г., б. д., ВА–МА, РН 24–68/2.

1044

Гробба, записка («Die politische Vorbereitung des deutschen Vormarsches nach den arabischen Ländern»), 30 мая 1942 г., РА, R27332 (также в: РА, R261124).

1045

Фельми, отчет («Zusammenfassender Bericht über die Tätigkeit des Sonderstabes F in der arabischen Frage»), 15 августа 1942 г., б. м., РА, R27325 (также в: РА, R261124).

1046

Музаккират Хадж Мухаммад Амин аль-Хусейни, под ред. аль-Умара, 121–122, 145.

1047

Шнурре (МИД), записка («Aufzeichnung betreffend deutsch-arabische Lehrabteilung»), 20 ноября 1942 г., Берлин, РА, R27827 (также в: РА, R261125).

Ibid.

Аль-Хусейни жаловался на то, что арабов направляют на Кавказ, и просил использовать их в Северной Африке, см.: аль-Хусейни, меморандум («Denkschrift über die Verlegung des Lagers Sunion»), 29 августа 1942 г., Рим, РА, R27325 (также в: РА, R27827 и R27828), отправлен аль-Хусейни Кейтелю, 30 августа 1942 г., Рим, РА, R27325 (также в: РА, R27827 и R27828).

1050

Гроте (МИД) – Рану, 12 декабря 1942 г., Берлин, РА, R27767; Риттер (МИД), записка, 14 декабря 1942 г., РА, R27827 – здесь дается подробный отчет об этом слиянии частей. Арним, приказ («Arabereinsatz»), 9 января 1943 г., б. м., РА, R27770 – по этому документу можно узнать о привлечении арабов в трудовые и военные части и о слиянии с «Особым штабом Фельми».

1051

Ран, отчет («Aufzeichnung über die politischen Vorgänge in Tunesien vom 21. November 1942 bis zum 10. Februar 1943»), 10 февраля 1943 г., Тунис, ВА–МА, RH 19VIII/358.

По «Африканской фаланге» см.: Neulen, *An deutscher Seite*, 368–370; Jurado, *La espada del Islam*, 177–178; Hirszowicz, *The Third Reich and the Arab East*, 300; Satloff, *Among the Righteous*, 86.

По частям в Северной Африке см.: Neulen, *An deutscher Seite*, 365–367, 373; Jurado, *La espada del Islam*, 171–182; Hirszowicz, *The Third Reich and the Arab East*, 298–300; Greiselis, *Das Ringen um den Brückenkopf Tunesien*, 148–153.

1054

Шнурре (МИД), записка («Aufzeichnung betreffend arabischer Lehrabteilung»), 26 июня 1943 г., Зальцбург, РА, R27332 – здесь военные качества арабских частей оцениваются очень критически.

Хорстенау – Лёру (главнокомандующему войсками на юго-востоке), 2 марта 1943 г., Загреб, IfZ, МА 515. Также в своих мемуарах генерал Эдмунд Глейзе фон Хорстенау вспоминает, что Гиммлер был «одержим» созданием «Ханджара» и что он с энтузиазмом одобрил идею принимать во внимание «религиозные соображения» при использовании этой дивизии. Кроме того, Хорстенау отмечает, что Гиммлер где-то видел изображение босняков в габсбургской Вене и верил, что все, кто носит феску, – мусульмане. См.: *Ein General im Zwielight*, Vol. 3, 182–195 (февраль 1943 г.), 189–190 и об ошибочном представлении Гитлера и Гиммлера об исключительно мусульманском характере старых австро-венгерских частей см.: 304–325 (ноябрь 1943 г.), 308. Каше также отметил эти ошибочные представления о боснийских частях в империи Габсбургов в разговоре с Гитлером, см.: Каше, записка («Unterhaltung mit dem Führer am 29.10.1943 im Hauptquartier»), Загреб, 11 ноября 1943 г., РА, Nachlass Kasche, vol. 23.

1056

Цит. по: *The Kersten Memoirs*, 263 (19 марта 1945 г.); см. также: Kersten, *Totenkopf und Treue*, 328 (19 марта 1945 г.).

1057

Бергер – Каше, 24 июля 1943 г., Берлин, PA, R100999.

Главное управление СС, записка («Geschichte und Entstehung der SS-Freiwilligen-b.h.-Geb. Division (13. SS-Division)»), 10 ноября 1943 г., Берлин, IfZ, NO-3577; см. также: Франье, заявление, сделанное во время допроса («Vernehmungsprotokoll»), 6 августа 1947 г., Белград, IfZ, NO-4951.

О «Ханджаре» см. обзор в: Neulen, *An deutscher Seite*, 215–218; Reitlinger, *The SS*, 199–200; Stein, *The Waffen-SS*, 179–184; подробные исследования: George Lephre, *Himmler's Bosnian Division: The Waffen-SS Handschar Division 1943–1944* (Atglen, PA, 1997); Redžić, *Muslimansko Autonomastvo i 13. SS Divizija*; Sulejmanpašić, *13. SS Divizija «Handžar»*; а также более общие работы: Redžić, *Bosnia and Herzegovina in the Second World War*, особенно 34–35, 46–50, 180–184; Tomasevich, *War and Revolution in Yugoslavia*, 496–501; Casagrande, *Die volksdeutsche SS-Division «Prinz Eugen»*, 331–335; Holm Sundhausen, «Zur Geschichte der Waffen-SS in Kroatien 1941–1945», *Südostforschungen* 30 (1971), 176–196, 192–196.

1060

Народный комитет («Volkskomitee»), меморандум, 1 ноября 1942 г., Сараево, РА, R261144.

1061

Бергер – Гиммлеру, 19 апреля 1943 г., Берлин, ВАВ, R19/2255.

1062

Флепс – Юттнеру, 19 апреля 1943 г., б. м., ВАВ, NS19/2601; этот отчет Юттнер переслал Гиммлеру, 27 апреля 1943 г., Берлин, ВАВ, NS19/2601.

1063

Глейзе – Гиммлеру, 25 февраля 1943 г., б. м., ВАВ, NS19/3523;
и Гиммлер – Глейзе, 3 марта 1943 г., б. м., ВАВ, NS19/3523.

1064

Бергер – Гиммлеру, 25 сентября 1943 г., Берлин, ВАВ, NS19/2601 – тут указывается, что в конечном итоге было завербовано около 2800 католиков.

Винклер, отчет («Die politische Lage der Mohammedaner Bosniens»), 4 мая 1943 г., Берлин, РА, R67675 (также в: РА, R261144). Винклер опирается в своих оценках на жалобы усташей на мусульманский характер дивизии, см.: Германская дипмиссия в Загребе, отчет («Unterredungen in Sarajevo»), б. д. (28 апреля 1943 г.), Загреб, РА, R100998. СС изолировали небольшой христианский контингент, чтоб создать «чисто магометанскую» дивизию, см.: Флепс – Юттнеру, 19 апреля 1943 г., ВАВ, NS19/2601; этот отчет Юттнер переслал Гиммлеру, 27 апреля 1943 г., Берлин, ВАВ, NS19/2601.

1066

Флепс – Юттнеру, 19 апреля 1943 г., б. м., ВАВ, NS19/2601; этот отчет Юттнер переслал Гиммлеру, 27 апреля 1943 г., Берлин, ВАВ, NS19/2601. О жалобах Каше на то, что Шуляка оттесняют, см.: Каше – МИДу, 28 апреля 1943 г., Загреб, РА, R100998; о его отчетах на тему изначального назначения Шуляка см.: Каше – МИДу, 23 марта 1943 г., Загреб, РА, R27322 (также в: РА, R100998), Каше – МИДу, 2 апреля 1943 г., Загреб, РА, R100998.

1067

Флепс – Юттнеру, 19 апреля 1943 г., б. м., ВАВ, NS19/2601 (это письмо Юттнер переслал Гиммлеру, 27 апреля 1943 г., Берлин, ВАВ, NS19/2601).

1068

Кальтенбруннер – Гиммлеру, 24 апреля 1943 г., Берлин, ВАВ,
NS19/2601.

Гиммлер – Каммерхоферу, 1 июля 1943 г., б. м., ВАВ, NS19/3523. Неделей раньше СС сообщили МИДу об арестах новобранцев-мусульман режимом усташей, см.: Ридвег (Главное управление СС) – Рейхелю (МИД), 25 июня 1943 г., Берлин, РА, R100998. Усташи, что неудивительно, отказались принимать эту информацию, см.: Каше – Риббентропу, 8 июля 1943 г., Загреб, РА, R100997 (также в: РА, R100998).

Mirko D. Grmek and Louise L. Lambrichs, *Les révoltés de Villefranche: Mutinerie d'un bataillon de Waffen-SS à Villefranche-de-Rouergue, Septembre 1943* (Paris, 1998); см. также литературу в прим. 42.

1071

Бергер – Гиммлеру, 25 сентября 1943 г., Берлин, ВАВ, NS19/2601;
см. также: Бергер – Рейхелю, 11 октября 1943 г., Берлин, РА, R100998.

1072

Каше, записка («Unterhaltung mit dem Führer am 29.10.1943 im Hauptquartier»), Загреб, 11 ноября 1943 г., РА, Nachlass Kasche, vol. 23.

1073

Брошюра (черновик) «Die große Stunde is gekommen!» (перевод на немецкий язык), б. д. (февраль 1944 г.), ВАР, NS19/2601.

1074

Брошюра (черновик) «Väter und Mütter! Brüder und Schwestern! Und Ihr, unsere lieben Kinder, Männer und Frauen aus Bosnien und der Herzegowina!» (перевод на немецкий язык), б. д. (февраль 1944), ВАР, NS19/2601.

1075

Гиммлер – Зауберцвейгу, 11 февраля 1944 г., б. м., ВАВ, NS19/2601 (одобрение со стороны Гиммлера); Главное управление СС, записка, 5 марта 1944 г., б. м., ВАВ, NS19/2601 (одобрение со стороны Гитлера).

1076

Сборник документов того периода, в том числе списки личного состава, материалы дел о нарушениях дисциплины, приказы на марш и другие приказы по «Ханджару» можно найти в Центральном военном архиве Чехии (*Vojenský Ústřední Archiv*), Прага (VÚA), Box: N13. SS-Fr. Geb. Div. «H». 1.

1077

Уилсон, отчет («General Report on Situation in Area of 3 Corps between Jan and Sep 1944»), б. д. (сентябрь 1944 г.), б. м., NA, WO 202/298.

1078

Франье, заявление, сделанное во время допроса («Vernehmungprotokoll») (перевод на английский язык), 6 августа 1947 г., Белград, IfZ, NO-4951.

1079

Hitlers Lagebesprechungen, 560.

1080

Отчет вермахта («Reisenotizen von der Reise des Chefs Generalstab O. B. Südost vom 12.8.—17.8.44 im Bereich 2. Panzer-Armee und nach Skopije»), б. д. (август 1944 г.), б. м., ВА–МА, RH 19XI/17.

О «Скандербеге» и «Каме» см. короткие обзоры в: Neulen, *An deutscher Seite*, 217–218, 239–240; Reitlinger, *The SS*, 199; Stein, *The Waffen-SS*, 184–185; подробное исследование о «Скандербеге»: Laurent Latruwe and Gordana Kostic, *La division Skanderbeg: Histoire des Waffen-SS Albanais des origines idéologiques aux débuts de la Guerre Froide* (Paris, 2004); в работах более общего порядка: Tomasevich, *War and Revolution in Yugoslavia*, 154, 500; Casagrande, *Die volksdeutsche SS-Division «Prinz Eugen»*, 336–337; Sundhaussen, «Waffen-SS», 193; об Албании см. в: Fischer, *Albania at War*, 185–187; Fischer, «German Political Policy in Albania, 1943–1944», 227–228; Neuwirth, *Widerstand und Kollaboration in Albanien*, 125–128 and 134; Stamm, «Zur deutschen Besetzung Albaniens 1943–1944», 111. Имеется также отчет о формировании и использовании албанской дивизии «Скандербег», написанный ее командиром, Августом Шмидхубером, см.: Шмидхубер, отчет («Zusammenfassender Bericht über die Aufstellung und den Zustand der 21. Waffen-Gebirgsdivision der SS „Skanderbeg“»), 2 октября 1944 г., б. м., BA–MA, RS3–21/1.

1082

Документы о вербовке албанских гражданских лиц в дивизию «Скандербег» можно найти в Центральном государственном архиве Албании (*Arkivi Qendror Shtetëror*), Тирана (AQSH), в папках F. 158, V. 1944, D. 32; и F. 195, V. 1944, D. 34.

1083

Кейтель, приказ («Freilassung albanischer Kriegsgefangener für die Waffen-SS»), 12 февраля 1944 г., б. м., РА, R100984; сообщение Нойбахеру об этом приказе: Риттер – Нойбахеру, 17 февраля 1944 г., б. м., РА, R100984.

1084

Бергер – Рейхелю (МИД), 5 февраля 1944 г., РА, R100984. К написанию этого письма подтолкнула просьба Нойбахера, который с осени 1943 года пытался вернуть албанцев «Ханджара» обратно в Албанию, см. документы в: РА, R100984 и R100998.

1085

Вагнер – Риббентропу, 14 апреля 1944 г., Зальцбург, РА, R100679.

1086

Martin Maller, *Die Fahrt gegen das Ende: Erlebnisse aus den Partisanenkämpfen im Balkan*, vol. 2 (Bonn, 1962), 221.

Ibid., 216.

1088

Шмидхубер, отчет («Lagebericht»), 7 июля 1944 г., б. м., ВАР,
NS19/2071.

Ibid.

1090

О «Каме» см. литературу в прим. 64.

1091

О крымскотатарских частях СС см. литературу в прим. 20.

1092

Айнзацгруппа D, отчет («Die Rekrutierung der Krimtataren»), 15 февраля 1942 г., б. м., ВА–МА, RH 20–11/433 (также в: ВА–МА, WF-03/10435).

1093

Зейберт – командованию 11-й армии, 14 апреля 1942 г., б. м., ВА–
МА, РН 20–11/488.

1094

Херман (Главное управление СС), записка («Turkmuselmanen-Division»), 14 декабря 1943 г., Берлин, ВА-МА, RS3-39/1 (также в: ВАВ, NS31/44).

1095

Шелленберг – Бергеру, 14 октября 1943 г., Берлин, ВАВ, NS31/43.

1096

Шелленберг, отчет («Aufstellung einer mohammedanischen Legion der Waffen-SS aus Angehörigen der Fremdvölker der Sowjetunion»), 14 октября 1943 г., Берлин, ВАВ, NS31/43, включено в: Шелленберг – Бергеру, 14 октября 1943 г., Берлин, ВАВ, NS31/43.

1097

Бергер – Гиммлеру, 15 октября 1943 г., Берлин, ВАВ, NS31/43.

О Восточномусульманской дивизии СС см. обзорные работы: Neulen, *An deutscher Seite*, 332–323; Stein, *The Waffen-SS*, 188; и общие работы: Hoffmann, *Kaukasien*, 146–155; Dallin, *German Rule in Russia*, 600–602; Mühlen, *Zwischen Hakenkreuz und Sowjetstern*, 147–157. Название дивизии неоднократно менялось. Ниже я буду называть ее «Восточномусульманская дивизия СС».

1099

Об интеграции батальонов см.: Главное управление СС, отчет («Niederschrift über Absprechung der Aufstellung einer muselmanischen SS-Division Neu-Turkestan»), 4 января 1944 г., Берлин, ВА–МА, RS3–39/1; Шелленберг предложил передать части уже в своем первоначальном меморандуме, см.: Шелленберг, отчет («Aufstellung einer mohammedanischen Legion der Waffen-SS aus Angehörigen der Fremdvölker der Sowjetunion»), 14 октября 1943 г., Берлин, ВАВ, NS31/43.

1100

Бергер, приказ («Aufstellung der muslimischen SS-Division „Neu Turkestan“»), 14 января 1944 г., Берлин, ВАВ, NS31/44. О привлечении майора Майера-Мадера см. также документы в: ВАВ, NS31/43, NS31/45, NS31/297 и ВА-МА, RS3-39/1.

1101

О планах Майера-Мадера перейти в ислам см.: Mühlen, *Zwischen Hakenkreuz und Sowjetstern*, 148.

1102

Аноним, отчет («1. Ostmuselmannisches SS-Regiment»), б. д. (после 1945 г.), б. м., ВАМА, N756/242b.

О проверке и вербовке рабочих-мусульман с восточных территорий, которую СС осуществляли по всему рейху в 1944 и начале 1945 года, см. документы в: ВАВ, NS31/27 and NS31/58. Приказ о проверке и вербовке см. в: Тримм (Управление генерального уполномоченного по использованию рабочей силы в системе четырехлетнего плана) – всем президентам региональных управлений по труду и доверенным лицам на предприятиях, 8 мая 1944 г., Берлин, ВАВ, NS31/27 (также в: ВАВ, R6/143). Этот приказ был подтвержден осенью 1944 года, см.: Заукель – всем президентам региональных управлений по труду и доверенным лицам на предприятиях, 16 сентября 1944 г., Берлин, ВАВ, NS31/27. Шелленберг предложил договариваться с Заукелем о переводе рабочих-мусульман уже в своем первоначальном меморандуме, см.: Шелленберг, отчет («Aufstellung einer mohammedanischen Legion der Waffen-SS aus Angehörigen der Fremdvölker der Sowjetunion»), 14 октября 1943 г., Берлин, ВАВ, NS31/43.

О проверке и вербовке советских военнопленных-мусульман со стороны СС см. документы в: ВАВ, NS31/57. Шелленберг предложил набирать советских военнопленных-мусульман уже в своем первоначальном меморандуме, см.: Шелленберг, отчет («Aufstellung einer mohammedanischen Legion der Waffen-SS aus Angehörigen der Fremdvölker der Sowjetunion»), 14 октября 1943 г., Берлин, ВАВ, NS31/43.

1105

Бергер – Кейтелю, 17 марта 1944 г., Берлин, ВАВ, NS31/57; и, о помощи Тербовена, см.: Бергер – Тербовену, 27 марта 1944 г., Берлин, ВАВ, NS31/57.

Об усиливающемся конфликте между вермахтом и СС по поводу вербовки мусульман с восточных территорий см.: Фюрст, отчет («Zersetzung der Wehrkraft durch unzulässige Werbung von Turk-Legionären durch SS Sturmbannführer Mayer-Mader»), 25 июня 1944 г., Берлин, ВАВ, NS31/44. Пример такого рода конфликтов на местах см. в: Командование 790-го Туркестанского пехотного батальона – командованию восточными легионами, 11 декабря 1943 г., Радзынь, ВА–МА, RS3–39/1; ОКХ – Гитлеру, 4 января 1944 г., Берлин, ВАМА, RS3–39/1.

О бунте против Майера-Мадера см. три совершенно разных изложения событий: Майер-Мадер, отчет, 21 февраля 1944 г., Берлин, ВАВ, NS31/45; Херман, отчет («Meuterei im Ostmuselmanischen SS-Rgt.»), 24 марта 1944 г., Берлин, ВАВ, NS31/43; и Фюрст, отчет («Vorgänge beim 1. Ostmuselmanischen Regiment»), 11 мая 1944 г., Берлин, ВАВ, NS31/43. О садистских методах управления Биллига см.: Херман, записка («1. Ostm. SS-Rgt.»), 26 апреля 1944 г., Берлин, ВАВ, NS31/45; Фюрст, отчет («Vorgänge beim 1. Ostmuselmanischen Regiment»), 11 мая 1944 г., Берлин, ВАВ, NS31/43; Брюкер (1-й Восточномусульманский полк), отчет («Beleumdung des Hauptmann Billig»), 14 декабря 1944 г., б. м., ВАВ, NS31/45.

Зондеркоманда СС под командованием Дирлевангера – карательное подразделение, комплектовалось из заключенных немецких тюрем, концлагерей и военных тюрем СС. Первоначально сформировано как Команда браконьеров «Ораниенбург», затем переименовано в «Зондеркоманду доктора Дирлевангера», потом, с ростом штатной численности, переводилось на штат батальона, полка и, наконец, бригады.– *Прим. пер.*

1109

В пропагандистском листке Азербайджанского легиона об этом сообщалось во всех подробностях, см.: «Tapfere Freiwillige aus dem Osten», *Idel-Ural* 40 (97) (1943), перевод на немецкий язык, ОКВ, 7 октября 1944 г., Берлин, ВАМА, MSG 2/18231.

2 мая 1944 г. Гиммлер приказал, чтобы уже развернутый Восточномусульманский полк СС использовался в качестве основы для формирования Восточномусульманской дивизии в течение года, см.: Гиммлер, приказ, 2 мая 1944 г., б.м., ВАВ, NS31/44, и, аналогично: Бергер, приказ, 24 сентября 1944 г., ВАВ, NS31/27. О развертывании Восточномусульманского соединения см.: Клумм (Главное управление СС), записка, 20 июля 1944 г., Берлин, ВАВ, NS31/44; а также приказ Гиммлера о создании дивизии: приказ, 20 октября 1944 г., б.м., ВАВ, NS31/44.

1111

Фюрст, записка («Osttürkisches SS-Korps»), 12 мая 1944 г., Берлин, ВАВ, NS31/44.

Бергер – Гиммлеру, 14 июля 1944 г., Берлин, ВАВ, NS31/44, на основе документа: Ольша, записка («Osttürkisches (muselmanisches) Korps»), 13 июля 1944 г., Берлин, ВАВ, NS31/44. Первым кандидатуру аль-Рашида предложил Ольша – записка, («Politische Zusammenfassung der mohammedanischen Turkstämmigen aus der Sowjetunion. Aufstellung eines Osttürksichen Korps im Rahmen der SS»), 7 июня 1944 г., Берлин, ВАВ, NS31/29 (также в: ВАВ, NS31/43); и снова Ольша: записка («Osttürkisches Korps»), 23 июня 1944 г., Берлин, ВАВ, NS31/44. О решении Гиммлера использовать аль-Рашида см.: Клумм, записка, 20 июля 1944 г., ВАВ, NS31/44.

1113

Аль-Рашид, автобиография, 7 июня 1944 г., Фюрстенберг, ВАВ, NS31/45; см. также: Гарун аль-Рашид-бей, *Aus Orient und Occident: Ein Mosaik aus buntem Erleben* (Bielefeld, 1954).

После Первой мировой войны аль-Рашид написал о «льве Галлиполи» книгу в жанре жития святых, см.: Н.е.Р., *Marschall Liman von Sanders und sein Werk* (Berlin, 1932).

Аль-Рашид, автобиография, 7 июня 1944 г., Фюрстенберг, ВАВ, NS31/45. Аль-Рашид также написал книгу о своих приключениях в Африке, см.: Harun El-Rashid Bey, *Schwarz oder Weiß? Roman nach eigenem Erleben im Afrikanischen Kriege* (Berlin, 1940). Небольшое историческое исследование о работе аль-Рашида, опирающееся на его автобиографию, представлено в: Burchard Brentjes, «Der faschistische Agent 'Harun al-Raschid' im äthiopisch-italienischen Krieg», *Zeitschrift für Geschichtswissenschaft* 18, 5 (1970), 660–661.

1116

Аль-Рашид, автобиография, 7 июня 1944 г., Фюрстенберг, ВАВ,
NS31/45.

1117

Ibid.

1118

Бергер – Гиммлеру, 14 июля 1944 г., ВАВ, NS19/2838.

1119

О приказе Гиммлера сформировать Восточнотюркское соединение, в качестве «резервуара» для всех частей СС из мусульман восточных территорий, см.: Клумм, записка, Берлин, 20 июля 1944 г., ВАВ, NS31/44; Гиммлер, приказ, 20 октября 1944 г., б. м., ВАВ, NS31/44.

Мансур Дауд сам предложил записать себя добровольцем, см.: Аль-Рашид – Ольше, 5 июня 1944 г., Фюрстенберг, ВАВ, NS31/44; о привлечении Дауда см: Бергер – Гиммлеру, 14 июля 1944 г., Берлин, ВАВ, NS31/44, основывается на: Ольша, записка («Osttürkisches (muselmanisches) Korps»), 13 июля 1944 г., Берлин, ВАВ, NS31/44; Ольша, записка («Osttürkisches Korps»), 23 июня 1944 г., Берлин, ВАВ, NS31/44; и Ольша, записка («Politische Zusammenfassung der mohammedanischen Turkstämmigen aus der Sowjetunion. Aufstellung eines Osttürksichen Korps im Rahmen der SS»), 7 июня 1944 г., Берлин, ВАВ, NS31/29 (также в: ВАВ, NS31/43).

1121

О численности Восточнотюркского соединения см. литературу в прим. 82.

1122

О Татарской горной бригаде войск СС см.: аноним, отчет («58. Waffen-Gebirgs-Brigade der SS (tatarische Nr. 1)»), б. д. (после 1945 г.), б. м., ВА–МА, N756/242b.

1123

Пило (Главное управление СС) – Шинкевичу, 21 марта 1944 г.,
Берлин, ВАВ, NS31/43.

1124

Руководитель СС и полиции в Данциге – Главному управлению СС, 21 ноября 1944 г., Данциг, ВАВ, NS31/45; о тех же (предположительно) двух мусульманах см.: Кырымал – Ольше, 30 ноября 1944 г., Франкфурт-на-Одере, ВАВ, NS31/45.

Гиммлер, приказ, 11 декабря 1944 г., б. м., ВАВ, NS31/50 (также в: ВАВ, NS31/53 и NS31/327). СС также советовались с Оберлендером по поводу создания Кавказского соединения, см.: Арльт (Главное управление СС) – Оберлендеру, 20 января 1945 г., Берлин, ВАВ, NS31/37. О первых этапах организации этой части см. документы в: ВАВ, NS31/34, NS31/37, NS31/50 и NS31/53.

1126

Алекберли – аль-Рашиду, 9 ноября 1944 г., б. м., ВАВ, NS31/34. О решении оставить азербайджанцев в Восточнотюркском соединении СС см.: Арльт, записка, 1 февраля 1945 г. Берлин, ВАВ, NS31/51.

О бунте Алимова см.: аль-Рашид, отчет («Überlauf des Kommandeurs des Waffen-Rgts. der SS Turkistan Nr. 1, Waffen-Obersturmführer Gulam Alimow, mit etwa 500 Männern seines Regiments zu den Partisanen»), 26 декабря 1944 г., ВАВ, NS31/29 (также в: ВАВ, NS31/44); и аль-Рашид, отчет («Bericht über die Entwicklung des Osttürkischen Waffen-Verbandes der SS von Warschau bis Überlauf Alimow und über die aus dieser sich ergebenden Folgerungen»), б. д. (декабрь 1944 г.), ВАВ, NS31/29 (также в: ВАВ, NS31/44). Очень подробную информацию о бунте дают протоколы допросов, см.: протокол допроса Кулиева, б. д. (декабрь 1944 г.), ВА–МА, RS3–39/2; протокол допроса Абугатирова, 1 января 1945 г., б.м., ВАВ, NS31/29 (также в: ВАВ, NS31/44); протокол допроса Абрединова, 5 января 1945 г., б. м., ВАВ, NS31/29; протокол допроса Рахманова и Исмаилова, 8 января 1945 г., б. м., ВАВ, NS31/29; протокол допроса Хасанова, 10 января 1945 г., б. м., ВАВ, NS31/29 (также в: ВАВ, NS31/44); протокол допроса Атабаева, 10 января 1945 г., б. м., ВАВ, NS31/29; протокол допроса Нагибходжиева (главного муллы), 10 января 1945 г., б. м., ВАВ, NS31/29 (также в: ВАВ, NS31/44).

1128

Ольша, отчет, 1945, BStU, MfS, HA IX/11, ZR920, A. 54.

1129

Херман, записка («Turkmuselmanen-Division»), 14 декабря 1943 г., Берлин, ВА–МА, RS3–39/1 (также в: ВАВ, NS31/44).

Ibid.

1131

Шульте, отчет («Turkmuselmanische SS-Division»), 11 декабря 1943
г., Берлин, ВАМА, RS3-39/1.

1132

Майер-Мадер, отчет, 15 декабря 1943 г., Берлин, ВАВ, NS31/43.

1133

Главное управление СС, отчет («Absprechung der Aufstellung einer muslimischen SS-Division Neu-Turkestan»), 4 января 1944 г., Берлин, ВА–МА, RS3–39/1.

1134

Аль-Рашид, отчет («Grundsätzliches»), б. д., (1944), б. м., ВАР,
NS31/44.

1135

Ольша, записка («1. National-Turkestanischen Kongress Wien»), 23 мая 1944 г., Берлин, ВАВ, NS31/44.

1136

Ibid.; а также: Олыша, записка («Rücksprache mit SS-Standartenführer Spaarmann und SS-Hstuf. Ullrich»), 12 мая 1944 г., Берлин, ВАВ, NS31/42; и Главное управление СС, записка («Besprechung im Auswärtigen Amt mit Sachbearbeiter Idris am 14.11»), 15 ноября 1944 г., Берлин, ВАВ, NS31/30.

1137

Менде, записка («Politische Richtlinien für die Turkverbände und die Ostmuselmanische SS-Division»), 12 февраля 1944 г., Берлин, ВАВ, NS31/42.

1138

Херман, записка («Mobilisierung des Islam»), 28 февраля 1944 г., Берлин, ВАВ, NS31/42 (также в: ВАВ, NS31/43).

Ibid.

1140

Бергер – Гиммлеру, 13 ноября 1943 г., Берлин, ВАВ, NS19/2601.

Ibid.

1142

Бергер – Гиммлеру, 4 декабря 1943 г., Берлин, ВАВ, NS19/1896.

О «Североафриканской бригаде» см.: Neulen, *An deutscher Seite*, 374–375; Jurado, *La espada del Islam*, 183–188; Satloff, *Among the Righteous*, 86–87; Pascal Ory, *Les Collaborateurs 1940–1945* (Paris, 1976), 258–259; Marcel Hasquenoph, *La Gestapo en France* (Paris, 1987 [1975]), 351–359.

1144

Брандт – Вагнеру (МИД), 18 октября 1944 г., б. м., ВАВ,
NS19/2637.

1145

Брандт – Вагнеру, 23 октября 1944 г., б. м., ВАВ, NS19/2637.

1146

Бергер – Гиммлеру, 13 апреля 1944 г., Берлин, ВАВ, NS19/3560.

1147

О проверке и вербовке эсэсовцами мусульман среди заключенных концлагерей в 1944 году см. документы в: ВАР, NS31/59.

1148

Брандт – Бергеру, 31 мая 1944 г., б. м., ВАВ, NS31/59.

1149

Главное административно-хозяйственное управление СС, список («Aufstellung über Häftlinge islamitischen Glaubens»), 1944 г., ВАР, NS31/59.

Gerhard Höpp, «„Gefährdungen der Erinnerung“: Arabische Häftlinge in nationalsozialistischen Konzentrationslagern», *Asien, Afrika, Lateinamerika* 30 (2002), 373–386; практически идентичный материал в: Gerhard Höpp, «In the Shadow of the Moon: Arab Inmates in Nazi Concentration Camps», in Schwanitz (ed.), *Germany and the Middle East*, 216–240; и, в более общем контексте: Höpp, «Der verdrängte Diskurs», 246–252.

1151

Ольша, записка («Häftlinge islamischen Glaubens»), 16 ноября 1944 г., Берлин, ВАВ, NS31/59.

1152

Бергер – Гиммлеру, 10 декабря 1944 г., Берлин, ВАВ, NS31/59 (этот документ основан на черновике письма Ольши, ВАВ, NS31/59).

Гиммлер, речь («Rede des Reichsführers SS Reichsinnenminister Himmler auf der Tagung der RPA-Leiter am 28. Januar 1944»), 28 января 1944 г., б. м., ВАВ, NS19/4012 (также в: ВА–МА, SF-01/16263). Гиммлер сделал похожие заявления в одной из своих познаньских речей [две речи, с которыми руководитель СС выступил перед высшими чинами СС и партии в 1943 году – именно в них нацистский функционер столь высокого ранга впервые открыто сказал о проводившемся в лагерях смерти уничтожении евреев.– *Прим. пер.*], см.: Гиммлер, речь («Rede vor den Reichs- und Gauleitern in Posen am 6.10.1943»), в: Bradley F. Smith and Agnes F. Peterson (eds.), *Heinrich Himmler: Geheimreden 1933 bis 1945 und andere Ansprachen* (Frankfurt, 1974), 162–183, 181.

О приспособлении британской индийской армии к местным религиям и обычаям см.: David Omissi, *The Sepoy and the Raj: The Indian Army, 1860–1940* (London, 1994), 76–112; John A. Lynn, *Battle: A History of Combat and Culture* (Oxford, 2003), 145–177; Tarak Barkawi, «Culture and Combat in the Colonies: The Indian Army in the Second World War», *Journal of Contemporary History* 41, 2 (2006), 325–355; конкретно об исламе см.: Nile Green, *Islam and the Army in Colonial India: Sepoy Religion in the Service of Empire* (Cambridge, 2009).

Айнзацгруппа D, отчет («Die Rekrutierung der Krimtataren»), 15 февраля 1942 г., б. м., ВА–МА, RH 20–11/433 (также в: ВА–МА, WF-03/10435); и практически то же самое в: Зиферс, отчет («Aufstellung von Tataren- und Kaukasierformationen im Bereich des A.O.K. 11»), 20 марта 1942 г., б. м., ВА–МА, RH 19V/108 (также в: РА, R60739).

1156

Айнзацгруппа D, отчет («Die Rekrutierung der Krimtataren»), 15 февраля 1942 г., б. м., ВА–МА, RH 20–11/433 (также в: ВА–МА, WF-03/10435); и практически то же самое в: Зиферс, отчет («Aufstellung von Tataren- und Kaukasierformationen im Bereich des A.O.K. 11»), 20 марта 1942 г., б. м., ВА–МА, RH 19V/108 (также в: РА, R60739).

1157

Зиферс, отчет («Aufstellung von Tataren- und Kaukasierformationen im Bereich des A.O.K. 11»), 20 марта 1942 г., б. м., ВА–МА, RH 19V/108 (также в: РА, R60739).

1158

Брошюра «Hrvati Herceg-Bosne!» («Хорваты Герцег-Босны!»), б. д. (1943), PA, R67675 (также в: PA, R100998); перевод на немецкий язык см. в: брошюра «Kroaten Herzeg-Bosnas!», б. д. (1943), PA, R67675 (также в: PA, R100998).

Винклер, отчет («Die politische Lage der Mohammedaner Bosniens»), 4 мая 1943 г., Берлин, РА, R67675 (также в: РА, R261144). В своих оценках Винклер опирался на жалобу усташей по поводу роли имамов в кампании по привлечению добровольцев, см.: Германская дипмиссия в Загребе, отчет («Unterredungen in Sarajevo»), б. д. (28 апреля 1943 г.), Загреб, РА, R100998.

1160

О роли Панджи в вербовке см.: Каше – МИДу, 28 апреля 1943 г., Загреб, РА, R100998; Байрактаревич – Флепсу, 15 ноября 1943 г., Мостар, ВАВ, NS19/2601.

1161

Байрактаревич – Флепсу, 15 ноября 1943 г., Мостар, ВАР,
NS19/2601.

Ibid.

1163

Зауберцвейг – Бергеру, 30 сентября 1943 г., б. м., ВАВ, NS19/2601.

1164

Байрактаревич – Флепсу, 15 ноября 1943 г., Мостар, ВАВ,
NS19/2601.

Ibid.

1166

Главное управление СС, записка («Geschichte und Entstehung der SS-Freiwilligen-b.h.-Geb. Division (13. SS-Division)»), 10 ноября 1943 г., Берлин, IfZ, NO-3577.

1167

Каше – МИДу, 2 апреля 1943 г., Загреб, РА, R100998; более того, зеленое знамя, знамя пророка Мухаммада, также использовалось для привлечения новобранцев, см.: *Ein General im Zwielicht*, Vol. 3, 239–254 (July/August 1943), 241.

Рейхскомиссариат Остланд – единица гражданского оккупационного режима в Прибалтике (Эстонии, Латвии и Литве), северо-восточной части Польши и западной части Белорусской ССР во время Второй мировой войны. *Прим. пер.*

1169

Аноним, «Turkmenen werden deutsche Soldaten», *Brünner Tageblatt* (12 января 1944 г.).

1170

Идрис – Шуленбургу, 8 июня 1942 г., Берлин, РА, R261175.

1171

Бройтигам – Шуленбургу, 18 марта 1942 г., Берлин, PA, R261175.

1172

Брошюра «Muselmannen» (перевод на немецкий язык), б. д. (1944),
ВА-МА, RS3-39/1.

1173

Нидермайер, отчет («Auswertungsergebnis der Fragebogen für Legionäre»), 21 ноября 1942 г., б. м., ВА–МА, RH 26–162/20.

1174

Kunz, *Die Krim unter Deutscher Herrschaft*, 213.

1175

Салихбегович (дивизионный имам), отчет («Bericht zur Lage»), 25 сентября 1943 г., б.м., ВАВ, NS19/2601.

В главе 3 рассказывается об этих уступках, предоставленных мусульманским военнопленным из французской армии.

1177

ОКХ, инструкции («Merkblatt für das deutsche Personal der Turk-Stammlager und Turk-Btlne.»), 2 июня 1942 г., б. м., ВА–МА, RH 19V/109.

1178

Нидермайер, инструкции («Vereinbarung über islamisch-religiöse Fragen»), 27 августа 1942 г., Миргород, ВАВ, R6/247 (также в: МА, ВА–РН 26–162/16).

Нидермайер, приказ («Grundlegender Befehl über die Aufstellung von Turk-Btlnen»), 4 июля 1942 г., б. м., ВА–МА, RH 19V/79 (также в: ВА–МА, RH 26–162/16); и, по поводу уважения к религиозным обычаям, см.: Нидермайер, приказ («Grundlegender Befehl über die Aufstellung von Turk-Btlnen»), дополнение 8 («Die Turk-Völker und ihre Behandlung»), 4 июля 1942 г., б. м., ВА–МА, RH 19V/79 (также в: ВА–МА, RH 26–162/16); и аналогичный документ, выпущенный спустя год: Нидермайер, приказ («Grundlegender Befehl über die geistige Betreuung der 162. (Turk) Inf. Div.»), 15 июня 1943 г., б. м., ВА–МА, RH 26–162/20.

Хофман (армия), отчет («Tätigkeitsbericht der Abteilung Ic/A.O. der 162. Inf. Division: 1. Oktober 1942 bis 31. März 1943»), 20 апреля 1943 г., б. м., ВА–МА, RH 26–162/19; а также: Нидермайер, приказ («Grundlegender Befehl über die geistige Betreuung der 162. (Turk) Inf. Div.»), 15 июня 1943 г., б. м., ВА–МА, RH 26–162/20.

1181

Гиммлер – Флепсу, 13 февраля 1943 г., ВАВ, NS19/2601; Брандт –
Ютгнеру, 16 февраля 1943 г., б. м., ВАВ, NS19/2601.

Шелленберг, меморандум («Aufstellung einer mohammedanischen Legion der Waffen-SS aus Angehörigen der Fremdvölker der Sowjetunion»), 14 октября 1943 г., Берлин, ВАВ, NS31/43, приложено к письму: Шелленберг – Бергеру, 14 октября 1943 г., Берлин, ВАВ, NS31/43. В этом документе уже подчеркивалась роль ислама в восточномусульманских частях СС и необходимость использования военных имамов. Офицеры Восточномусульманского соединения потребовали, чтобы им оказывалась такая же религиозная поддержка, как и солдатам «Ханджара», см.: аль-Хусейни – Бергеру, 15 декабря 1943 г., Берлин, ВАВ, NS31/43.

1183

Нидермайер, инструкции («Vereinbarung über islamisch-religiöse Fragen»), 27 августа 1942 г., Миргород, ВАВ, R6/247 (также в: ВА–МА, RH 26–62/16).

1184

Хайгендорф, инструкции («Merkblatt für deutsches Rahmenpersonal in ostvölkischen Einheiten über Behandlung der Legionäre»), 1 июля 1943 г., Радом, ВА–МА, RH 58/62.

1185

«Die Urasa-Feier im Erholungsheim», *Idel-Ural* 42 (48) (1943), перевод на немецкий язык, ОКВ, 17 октября 1943 г., Берлин, ВА–МА, MSG 2/18231.

1186

«Der Festtag Bairam», *Ghazavat* 36 (1943), перевод на немецкий язык, ОКВ, 20 октября 1943 г., Берлин, ВА–МА, MSG 2/18238.

О празднествах в Карлсбаде см.: «Asarytürkische Einheit im Ort „T“, *Azerbaijan* 51 (130) (1944), перевод на немецкий язык, ОКВ, 25 декабря 1944 г., Берлин, ВА–МА, MSG 2/18239; о празднествах в Берлине см.: «Kurban-Bajram in Berlin», *Azerbaijan* 49 (128) (1944), перевод на немецкий язык, ОКВ, 11 декабря 1944 г., Берлин, ВА–МА, MSG 2/18239.

1188

Отдел политического и идеологического воспитания 13-й дивизии СС, инструкции («Dienstanweisung für Imame der 13. SS-Freiwilligen b. h. Geb. Div. [Kroatien]»), 15 марта 1944 г., б. м., ВАВ, NS19/2601. Ниже эти инструкции обсуждаются более подробно.

Bruce M. Borthwick, «The Islamic Sermon as a Channel of Political Communication», *Middle East Journal* 21, 3 (1967), 299–313; Asghar Fathi, «The Islamic Pulpit as a Medium of Political Communication», *Journal for the Scientific Study of Religion* 20, 2 (1981), 163–172; более общий обзор: A. J. Wensinck, «Khutba», in *The Encyclopaedia of Islam*, vol. 5, ed. C. E. Bosworth, E. van Donzel, B. Lewis, and Ch. Pellat (Leiden, 1986), 74–75.

M. N., «Eine Gemeinschaft auf Gedeih und Verderb: Ansprachen des Kommandeurs und des Divisionsimams zum Bajramfest» («Zakleta zajednica: Govor zapovjednika i divizijskog imama prilikom bajramske svečanosti»), *SS-Handžar* 7 (б. д. [1943 г.]).

Zvonimir Bernwald, *Muslime in der Waffen-SS: Erinnerungen an die bosnische Division Handžar (1943–1945)* (Graz, 2012), 64, его воспоминания о других праздниках в Ной-хаммере см. на с. 62–64, 175–177.

1192

Отдел политического и идеологического воспитания 13-й дивизии СС, инструкция («Dienstanweisung für Imame der 13. SS-Freiwilligen b. h. Geb. Div. [Kroatien]»), 15 марта 1944 г., б. м., ВАР, NS19/2601.

Аль-Рашид, отчет («Behandlung der Ostmuselmanen»), 20 сентября 1944 г., Варшава, ВАВ, NS31/44, приложено к письму: аль-Рашид – Шпаарману, 2 сентября 1944 г., Берлин, ВАВ, NS31/44; об этом отчете см.: Ольша, записка («Bericht des SS-Standartenführers Harun el Raschid über seinen Besuch beim 1. Ostmuselmanischen Regiment»), 24 сентября 1944 г., Берлин, ВАВ, NS31/44.

1194

Нидермайер, инструкции («Vereinbarung über islamisch-religiöse Fragen»), 27 августа 1942 г., Миргород, ВАВ, R6/247 (также в: МА, ВА–РН 26–162/16).

1195

Гиммлер – Бергеру, 22 июля 1943 г., б. м., ВАВ, NS19/2601; копия этого запроса была отправлена Освальду Полю, начальнику Главного административно-хозяйственного управления СС.

1196

Бергер – Гиммлеру, 26 июля 1943 г., Берлин, ВАВ, NS19/2601.

1197

Гиммлер, приказ, 6 августа 1943 г., б. м., ВАВ, NS19/3285.

1198

Гиммлер – Бергеру, 22 июля 1943 г., б. м., ВАВ, NS19/2601.

1199

Maller, *Die Fahrt gegen das Ende*, vol. 2, 216.

Речь идет о забхе – предписанном шариате способе ритуального убоя скота. Главным условием при резке животного является произнесение режущим мусульманином слова «Бисмиллях» (во имя Аллаха). Нож должен быть острым для того, чтобы не причинять боль. При убое режутся крупные шейные артерии, а также пищевод и трахея, оставляя неповрежденной нервную систему. Животное не разделяется до того, пока оно не умрет. Необходимо, чтобы как можно больше крови вытекло из тела.– *Прим. пер.*

Boria Sax, *Animals in the Third Reich: Pets, Scapegoats, and the Holocaust* (New York, 2000), 139–150; перевод закона на английский язык см. на с. 175–179; Martin F. Brumme, «„Mit dem Blutkult der Juden ist endgültig in Deutschland Schluß zu machen“: Anmerkungen zur Entwicklung der Anti-Schächt-Bewegung», in Michael Hubenstorf et al. (eds.), *Medizingeschichte und Gesellschaftskritik: Festschrift für Gerhard Baa-der* (Husum, 1997), 378–397; Shai Lavi, «Unequal Rites: Jews, Muslims and the History of Ritual Slaughter in Germany», *Tel Aviv Yearbook for German History* 37 (2009), 164–184, 173.

1202

Аноним, «Gefangene, in Frankreich gemacht», *Signal* (15 июля 1940 г.), 9–10.

1203

Хайгендорф, инструкции («Merkblatt für deutsches Rahmenpersonal in ostvölkischen Einheiten über Behandlung der Legionäre»), 1 июля 1943 г., Радом, ВА–МА, RH 58/62.

1204

Бутлар (ОКВ) – Кёстрингу, 6 февраля 1944 г., б. м., ВАВ, NS31/29.

1205

Штаб Гимmlера – ОКВ, 2 февраля 1944 г., б. м., ВАВ, NS31/29.

1206

Шниткер (управление главного фюрера СС и полиции – Восток) –
Главному управлению СС, 14 января 1944 г., Краков, ВА–МА, RS3–
39/1.

1207

Ibid.

1208

Шульте – Шниткеру, 19 января 1944 г., Берлин, ВА–МА, RS3–39/1.

1209

По эмблематике восточных легионов см.: Hoffmann, *Die Ostlegionen*, 35–36.

1210

О присвоении названия дивизии см.: Гитлер, приказ, 15 мая 1944 г., б. м., ВАР, NS19/2601.

1211

Херман, записка («Ostmuselmanische SS-Division»), 13 ноября 1944 г., Берлин, ВАМА, RS3–39/1; а также: Майер-Мадер – Шульте, 9 января 1944 г., б. м., ВАМА, RS3–39/1.

1212

Ютнер, записка («Aufstellung der Kroatische SS-Freiwilligen-Division»), 30 апрель 1943 г., Берлин, ВАВ, NS19/3523.

О феске см.: Houchang Chehabi, «Dress Codes for Men in Turkey and Iran», in Touraj Atabaki and Erik J. Züricher (eds.), *Men of Order: Authoritarian Modernization under Atatürk and Reza Shah* (London, 2004), 209–237, 210–211; Margrit Pernau, *Bürger mit Turban: Muslime in Delhi im 19. Jahrhundert* (Göttingen, 2008), 349–355; о значении фески на Балканах см.: Ferhadbegović, «Fes oder Hut?» и Bougarel, «Farewell to the Ottoman Legacy?», 338–339.

1214

Гиммлер – Полю, 26 ноября 1943 г., б. м., ВАР, NS19/2601.

1215

Нидермайер, инструкции («Vereinbarung über islamisch-religiöse Fragen»), 27 августа 1942 г., Миргород, ВАВ, R6/247 (также в: ВА–МА, RH 26–162/16).

1216

Хайгендорф, инструкции («Merkblatt für den deutschen Truppenarzt in ostvölkischen Einheiten»), 1 сентября 1943 г., Радом, ВА–МА, RH 58/62.

Нидермайер, инструкции («Vereinbarung über islamisch-religiöse Fragen»), 27 августа 1942 г., Миргород, ВАВ, R6/247 (также в: ВА–МА, RH 26–162/16). О военных званиях см.: Хофман, отчет («Tätigkeitsbericht der Abteilung Ic/A.O. der 162. Inf. Division: 15. Mai 1942 bis 1. Oktober 1942»), 20 октября 1942 г., б. м., ВА–МА, RH 26–162/19; и, о позднейшем упразднении должности дивизионного муллы, см.: Хофман, отчет («Tätigkeitsbericht der Abt. Ic/A.O. für die Zeit vom 1. April bis 31. Mai 1943»), 5 июня 1943 г., б. м., ВА–МА, RH 26–162/19.

Юттнер – Гиммлеру, 10 мая 1943 г., Берлин, ВАВ, NS19/2601;
Брандт – Юттнеру, 13 мая 1943 г., б. м., ВАВ, NS19/2601. О имамах
«Ханджара» см.: Redžić, *Muslimansko Autonomaštvo i 13. SS
Divizija*, 119–120; Lepre, *Himmler's Bosnian Division*, 71–80 (этот автор
опирается в основном на интервью с современниками).

1219

Отдел политического и идеологического воспитания 13-й дивизии СС, инструкция («Dienstanweisung für Imame der 13. SS-Freiwilligen b. h. Geb. Div. [Kroatien]»), 15 марта 1944 г., б. м., ВАВ, NS19/2601; о более ранних инструкциях см.: Вангеман, отчет («Tätigkeitsbericht der Abt. VI»), 4 апреля 1944 г., б. м., ВАВ, NS19/2601.

1220

Зауберцвейг, приказ («Stellung der Imame innerhalb der Division»), 8 марта 1944 г., б.м., ВАВ, NS19/2601.

1221

Отдел политического и идеологического воспитания 13-й дивизии СС, инструкция («Dienstanweisung für Imame der 13. SS-Freiwilligen b. h. Geb. Div. [Kroatien]»), 15 марта 1944 г., б. м., ВАР, NS19/2601.

1222

О Мухасиловиче см.: Lepre, *Himmler's Bosnian Division*, 71–72, 120–123, 184, 266–267.

О Дзэзо см.: *ibid.*, 72, 77–79, 124, 185–186; Bougarel, «From Young Muslims to Party of Democratic Action», 541–542.

О Малкоче см.: Redžić, *Muslimansko Autonomaštvo i 13. SS Divizija*, 119–120; Lepre, *Himmler's Bosnian Division*, 72, 85–90, 267.

1225

Музаккират Хадж Мухаммад Амин аль-Хусейни, под ред. аль-Умара, 149.

1226

Главное управление СС, план структуры («Gliederung des Stabes einer Waffengruppe, osttürkischer Waffenverband»), б. д., б. м., ВАВ, NS31/44; Главное управление СС, служебная инструкция («Dienstanweisung für den Stab des osttürkischen Verbandes»), б. д. (1944), ВАВ, NS31/44.

1227

Восточномусульманский полк СС— Главному управлению СС, 4 июня 1944 г., б. м., ВА–МА, RS3–39/1.

1228

Аль-Рашид – Ольше, 7 августа 1944 г., Фюрстенберг, ВАВ,
NS31/45.

Ibid.; Олыша, записка («Rücksprache mit Abdul-Gani-Osman»), 15 августа 1944 г., Берлин, ВАВ, NS31/31. В 1944 г. Осман писал о значении Курбан-байрама, см.: «Die Kurban-Bairam-Feier», *Idel-Ural* 47 (104) (1944), перевод на немецкий язык, ОКВ, 14 октября 1944 г., Берлин, ВА–МА, MSG 2/18231.

1230

Аль-Рашид – Ольше, 21 октября 1944 г., б. м., ВАВ, NS31/44.

1231

Протокол допроса Намангани, 10 января 1945 г., б. м., ВАВ, NS31/29 (также в: ВАВ, NS31/44), где Намангани называется «главным имамом» (хотя в качестве фамилии тут названо его второе имя).

1232

Хайгендорф, инструкции («Strafrechtsfälle»), 15 мая 1943 г., Радом,
ВА–МА, RH 58/62.

1233

Хайгендорф, инструкции («Behandlung der Legionäre»), 15 августа 1943 г., Радом, ВА–МА, RH 58/62.

1234

Хайгендорф, инструкции («Behandlung der Legionäre»), 15 июля 1943 г., Радом, ВАМА, RH 58/62.

1235

Фюрст, отчет («Osttürkisches SS-Korps»), 12 мая 1944 г., Берлин,
BAB, NS31/44.

1236

Зауберцвейг, приказ («Stellung der Imame innerhalb der Division»), 8 марта 1944 г., б.м., ВАВ, NS19/2601.

Lepre, *Himmler's Bosnian Division*, 86–94; Grmek and Lambrichs, *Les Révoltés de Villefranche*, 177–195.

1238

Протокол допроса Намангани, 10 января 1945 г., б. м., ВАВ, NS31/29 (также в: ВАВ, NS31/44).

1239

Аль-Рашид, отчет («Bericht über die Entwicklung des osttürkischen Waffen-Verbandes der SS von Warschau bis Überlauf Alimow und über die aus dieser sich ergebenden Folgerungen»), б. д. (декабрь 1944 г.), ВАВ, NS31/44 (также в: ВАВ, NS31/29).

См., например, отчет дивизионного имама от сентября 1943 года, к которому было приложено два письма, которые имам получил от боснийцев: Зауберцвейг – Бергеру, 30 сентября 1943 г., б. м., ВАВ, NS19/2601; Салихбегович, отчет («Bericht zur Lage»), 25 сентября 1943 г., б. м., ВАВ, NS19/2601; и два пересланных письма от боснийцев (гражданского населения): аноним – Мухасиловичу, б. д. (осень 1943 г.), б. м., ВАВ, NS19/2601; аноним – Кадии, б. д. (осень 1943 г.), б. м., ВАВ, NS19/2601.

1241

Масиц (имам) – Мухасиловичу, 20 мая 1944 г., Илияш, ВА–МА, RS3–7/16; Масиц – Мухасиловичу, 16 июня 1944 г., Илияш, ВА–МА, RS3–7/16.

Отдел политического и идеологического воспитания 13-й дивизии СС, инструкция («Dienstanweisung für Imame der 13. SS-Freiwilligen b. h. Geb. Div. [Kroatien]»), 15 марта 1944 г., б. м., ВАВ, NS19/2601; см. также: Отдел политического и идеологического воспитания 13-й дивизии СС, план структуры, 2 марта 1944 г., б.м., ВАВ, NS19/2601; Вангеман, отчет («Auszüge aus den Div.-Tagesbefehlen»), 1 апреля 1944 г., б. м., ВАВ, NS19/2601.

Хайгендорф, инструкции («Behandlung der Legionäre»), 15 июля 1943 г., Радом, ВАМА, RH 58/62; и, аналогично: Хайгендорф, инструкции («Merkblatt für deutsche Offiziere über wehrgeistige Führung der Legionäre»), 1 июля 1943 г., Радом, ВА–МА, RH 58/62.

1244

Джумабаев, инструкции («An die Legions- und Bataillonsmullahs»),
5 мая 1943 г., б. м., ВА–МА, RH 26–162/19.

1245

Бергер (Шульте), указ («Weltanschaulich geistige Erziehung der muslimischen SS-Division»), 19 мая 1943 г., Берлин, ВАВ, NS19/2601.

Ibid.

1247

Отдел политического и идеологического воспитания 13-й дивизии
СС, план структуры, 2 марта 1944 г., б. м., ВАВ, NS19/2601.

1248

Зауберцвейг, приказ, 4 апреля 1944 г., б. м., ВАВ, NS19/2601.

1249

Вангеман, речь («Dienstbesprechung der Kommandeure und Imame am 8.4.1944 in Brčko»), 8 апреля 1944 г., Брчко, ВАР, NS19/2601.

1250

Отдел политического и идеологического воспитания 13-й дивизии СС, инструкция («Dienstanweisung für Imame der 13. SS-Freiwilligen b. h. Geb. Div. [Kroatien]»), 15 марта 1944 г., б. м., ВАР, NS19/2601.

1251

Отдел политического и идеологического воспитания 13-й дивизии СС, план структуры, 2 марта 1944 г., б. м., ВАВ, NS19/2601; Зауберцвейг, приказ («Stellung der Imame innerhalb der Division»), 8 марта 1944 г., б. м., ВАВ, NS19/2601; Отдел политического и идеологического воспитания 13-й дивизии СС, инструкция («Dienstanweisung für Imame der 13. SS-Freiwilligen b. h. Geb. Div. [Kroatien]»), 15 марта 1944 г., б. м., ВАВ, NS19/2601.

1252

M. N., «Eine Gemeinschaft auf Gedeih und Verderb».

Хайгендорф, инструкции («Merkblatt für deutsche Offiziere über wehrgeistige Führung der Legionäre»), 1 июля 1943 г., Радом, ВА–МА, RH 58/62; и, в то же самое время, аналогичный документ: Нидермайер, приказ («Grundlegender Befehl über die Aufstellung von Turk-Btlnen»), Annex 8 («Die Turk-Völker und ihre Behandlung»), 4 июля 1942 г., б. м., ВА–МА, RH 19V/79 (также в: ВА–МА, RH 26–162/16); Нидермайер, приказ («Grundlegender Befehl über die geistige Betreuung der 162. (Turk) Inf. Div.»), 15 июня 1943 г., б. м., МА, RH 26–162/20.

1254

Хайгендорф, инструкции («Behandlung der Legionäre»), 15 сентября 1943 г., б. д., ВА–МА, RH 58/62.

1255

Отчет вермахта («Beurteilung des Nordkaukasus Batl. 801»), 13 ноября 1942 г., б. м., ВА–МА, RH 19V/110.

1256

Вангеман, отчет («Tätigkeitsbericht der Abt. VI»), 4 апреля 1944 г., б.
м., ВАВ, NS19/2601.

Lepre, *Himmler's Bosnian Division*, 266–267.

1258

Серафим, отчет («Kaukasische und turkvölkische Freiwillige im deutschen Heer»), 1948, Нюрнберг, МА, MSG 2/18298.

Хофман, отчет («Tätigkeitsbericht der Abteilung Ic/A.O. der 162. Inf. Division: 15. Mai 1942 bis 1. Oktober 1942»), 20 октября 1942 г., б. м., ВА–МА, RH 26–162/19; и аналогично: Хофман, отчет («Tätigkeitsbericht der Abteilung Ic/A.O. der 162. Inf. Division: 1. Oktober 1942 bis 31. März 1943»), 20 апреля 1943 г., б. м., ВАМА, RH 26–162/19.

1260

Хайгендорф, инструкции («Merkblatt für deutsche Offiziere über wehrgeistige Führung der Legionäre»), 1 июля 1943 г., Радом, ВА–МА, RH 58/62.

О курсах вермахта в Гёттингене см.: Hoffmann, *Die Ostlegionen*, 139–142; Peter Heine, «Die Imam-Kurse der deutschen Wehrmacht im Jahre 1944», in Höpp (ed.), *Fremde Erfahrungen*, 229–238; Hanisch, *Exegeten*, 162–163. О курсах СС в Бабельсберге и Губене см.: Heine, «Mullah-Kurse»; Lepre, *Himmler's Bosnian Division*, 71–77, 185–186. О курсах СС в Дрездене см.: Brentjes, «Die „Arbeitsgemeinschaft Turkestan im Rahmen der DMG“, 157–158; Peter Heine, «Die Mullah-Kurse der Waffen-SS», in Höpp and Reinwald (eds.), *Fremdeinsätze*, 181–188; Pieter Sjoerd van Koningsveld, «The Training of Imams by the Third Reich», in Willem B. Drees and Pieter Sjoerd van Koningsveld (eds.), *The Study of Religion and the Training of Muslim Clergy in Europe: Academic and Religious Freedom in the 21st Century* (Leiden, 2008), 333–347.

1262

Бройтигам, записка («Politische Richtlinien hinsichtlich Turkestan»),
25 ноября 1941 г., Берлин, ВАВ, R6/247.

О Шпулере см.: Heribert Busse, «Bertold Spuler (1911–1990)», *Der Islam* 67, 2 (1990), 199–205; Werner Ende, «Bertold Spuler», in Hans Günter Hockerts (ed.), *Neue deutsche Biographie*, vol. 24 (Berlin, 2010), 769–770; Werner Ende, Bert Fragner, and Dagmar Riedel, «Spuler, Bertold», in *Encyclopaedia Iranica* (2010), online; Ellinger, *Deutsche Orientalistik*, passim, особенно 37, 254–256, 531.

Немецкий востоковед Рихард Хартман, который принимал участие в создании школы мулл в Дрездене, критиковал то, что курсы в Гёттингене читает преподаватель, не являющийся мусульманином, см.: Ольша, отчет, 1945, BStU, MfS, HA IX/11, ZR920, A. 54. Фрагмент отчета был опубликован в: Drees and Koningsveld, *Study of Religion*, 348–368. Шпулер ответил на эту критику в своем отчете о пятом выпуске курсов, см.: Spuler, отчет («5. Mulla-Lehrgang»), 21 ноября 1944 г., Гёттинген, BA–MA, MSG 2/18298.

1265

Шпулер, отчет («Die Freiwilligen-Einheiten»), б. д. (после 1945 г.), б. м. (Гёттинген), ВА–МА, MSG 2/18284; Spuler, «Muslime in Rußland», 298.

Диссертация Шинкевича была опубликована на немецком языке, см.: Jakob Schinkewitsch, «Rabyūzis Syntax», in *Mitteilungen des Seminars für orientalitsche Sprachen zu Berlin* 29 (1926), 130–172; 30 (1927), 1–57.

A. Bohdanowicz, «Cultural Movements of Muslims in Poland», 375–376; L. Bohdanowicz, «The Muslims in Poland», 175; Norris, *Islam in the Baltic*, 79.

Сначала Шпулер рекомендовал, чтобы курсы продолжались «не менее четырех недель», см.: Шпулер, отчет («Mullakurse»), 11 апреля 1944 г., Гёттинген, ВАМА, MSG 2/18298. Первые курсы продолжались всего две недели, и Шпулер попросил продлить их на три-четыре недели, см.: Шпулер, отчет («1. Mulla-Lehrgang»), 19 июня 1944 г., Гёттинген, ВА–МА, MSG 2/18298. Кажется, командование армии так и не одобрило это продление.

1269

Шпулер, отчет («Mullakurse»), 11 апреля 1944 г., Гёттинген ВА-
МА, MSG 2/18298.

1270

Шпулер, отчет («1. Mulla-Lehrgang»), 19 июня 1944 г., Гёттинген, ВА–МА, MSG 2/18298; Шпулер, отчет («2. Mulla-Lehrgang»), 5 августа 1944 г., Гёттинген, ВА–МА, MSG 2/18298.

1271

Шпулер, отчет («Mullakurse»), 11 апреля 1944 г., Гёттинген, ВА–МА, MSG 2/18298; и Шпулер, отчет («1. Mulla-Lehrgang»), 19 июня 1944 г., Гёттинген, ВА–МА, MSG 2/18298.

1272

Шпулер, отчет («Mullakurse»), 11 апреля 1944 г., Гёттинген, ВА-
МА, MSG 2/18298.

Ibid.

1274

Ibid.

1275

Шпулер, отчет («1. Mulla-Lehrgang»), 19 июня 1944 г., Гёттинген,
ВА-МА, MSG 2/18298.

Шпулер, отчет («3. Mulla-Lehrgang»), 4 сентября 1944 г., Гёттинген, ВА–МА, MSG 2/18298; эту оценку он повторил в четвертом и пятом выпуске курсов, см.: Шпулер, отчет («4. Mulla-Lehrgang»), 21 октября 1944 г., Гёттинген, ВАМА, MSG 2/18298; Шпулер, отчет («5. Mulla-Lehrgang»), 21 ноября 1944 г., Гёттинген, ВА–МА, MSG 2/18298.

Шпулер, отчет («2. Mulla-Lehrgang»), 5 августа 1944 г., Гёттинген, ВА–МА, MSG 2/18298. Шпулер планировал организовать гостевые лекции «заслуживающих доверия мусульман», см.: Шпулер, отчет («Mullakurse»), 11 апреля 1944 г., Гёттинген, ВА–МА, MSG 2/18298. В итоге единственной гостевой лекцией оказалась речь Иноятова.

Шпулер, отчет («1. Mulla-Lehrgang»), 19 июня 1944 г., Гёттинген, ВА–МА, MSG 2/18298; Шпулер, отчет («2. Mulla-Lehrgang»), 5 августа 1944 г., Гёттинген, ВА–МА, MSG 2/18298; Шпулер, отчет («5. Mulla-Lehrgang»), 21 ноября 1944 г., Гёттинген, ВА–МА, MSG 2/18298; Шпулер, отчет («6. Mulla-Lehrgang»), 20 декабря 1944 г., Гёттинген, ВА–МА, MSG 2/18298.

1279

Шпулер, отчет («5. Mulla-Lehrgang»), 21 ноября 1944 г., Гёттинген,
ВА-МА, MSG 2/18298.

1280

Ibid.

1281

Ibid.

1282

Шпулер, отчет («3. Mulla-Lehrgang»), 4 сентября 1944 г., Гёттинген,
ВА–МА, MSG 2/18298.

1283

Шпулер, отчет («Mullakurse»), 11 апреля 1944 г., Гёттинген, ВА-
МА, MSG 2/18298.

1284

Шпулер, отчет («3. Mulla-Lehrgang»), 4 сентября 1944 г., Гёттинген,
ВА–МА, MSG 2/18298.

1285

Bernwald, *Muslime in der Waffen-SS*, 47; 46–54, 71–84 (в целом о бабельсбергских курсах).

Ibid., 73–84 (короткие биографические справки о слушателях курсов).

1287

Аль-Хусейни, речь (перевод на немецкий язык), б. д. (июль 1943 г.), б. м. (Берлин), РА, R27327.

Ibid.

1289

Бергер – Гиммлеру, 22 апреля 1944 г., Берлин, ВАВ, NS19/2637.

1290

Аль-Хусейни, речь (перевод на немецкий язык), 21 апреля 1944 г.,
Губен, ВАВ, NS19/2637.

1291

Дзёзо, речь (перевод на немецкий язык), 21 апреля 1944 г., Губен, ВАР, NS19/2637; о роли Дзёзо в Губене см.: Lepre, *Himmler's Bosnian Division*, 185–186.

1292

Дзёзо, речь (перевод на немецкий язык), 21 апреля 1944 г., Губен, ВАР, NS19/2637.

1293

Ольша, отчет, 1945, BStU, MfS, HA IX/11, ZR920, A. 54; и, более подробно, см. в: *Музаккират Хадж Мухаммад Амин аль-Хусейни*, под ред. аль-Умара, 142, 149.

Шелленберг, речь (черновик) («Entwurf für Ansprache zur Eröffnung der osttürkischen Mullah-Schule in Dresden am 26. November 1944»), 26 ноября 1944 г., ВАВ, NS31/60. Резюме речи Шелленберга можно найти в: Главное управление СС, записка («Zusammenfassung der Ansprache von SS-Brigadeführer Schellenberg»), 29 ноября 1944 г., Берлин, ВАВ, NS31/60.

С момента прихода нацистов к власти Клемперер вел подробные дневники, уделяя особое внимание особенностям языка рейха. Книга об этом «новоязе» была издана в 1947 году, а дневник публиковался частями с 1968 года, став мировой сенсацией.— *Прим. пер.*

1296

Victor Klemperer, *Ich will Zeugnis ablegen bis zum letzten: Tagebücher 1941–1945*, ed. Walter Nowojski (Berlin, 1995), 610 (запись от 12 ноября 1944 года), о доме см. также: с. 230, 354, 406.

1297

Ольша, отчет, 1945, BStU, MfS, HA IX/11, ZR920, A. 54.

Ibid.

1299

Главное управление СС, отчет («Bericht über Besprechung im Auswärtigen Amt mit Sachbearbeiter Idris am 14.11»), 15 ноября 1944 г., Берлин, ВАВ, NS31/30.

Науман (статс-секретарь министерства пропаганды) – Бергеру, Берлин, 9 января 1945 г., ВАВ, NS31/40. О переговорах между министерством пропаганды и СС см. также: Олыша, записка («Prof. Idris und Prof. Steuerwald»), 24 января 1945 г., Берлин, ВАВ, NS31/40; Бергер – Науману, 24 января 1943 г., Берлин, ВАВ, NS31/40; Науман – Бергеру, Берлин, 21 февраля 1945 г., ВАВ, NS31/40.

1301

Науман – Бергеру, Берлин, 21 февраля 1945 г., ВАВ, NS31/40.

1302

Ольша, отчет, 1945, BStU, MfS, HA IX/11, ZR920, A. 54.

Ibid.

1304

Ольша, отчет, 1945, BStU, MfS, HA IX/11, ZR920, A. 54.

Список учащихся первого выпуска курсов, б. д. (1945), Дрезден, ВАВ, NS31/60; Список учащихся второго выпуска курсов, б. д. (1945), Дрезден, ВАВ, NS31/60; Список учащихся третьего выпуска курсов, б. д. (1945), Дрезден, ВАВ, NS31/60; см. также свидетельство об окончании школы мулл СС (проспект), 1945, Дрезден, ВАВ, NS31/40. После войны Ольша утверждал, что курсы окончил только один выпуск – сорок мусульман с восточных территорий. Они закончили обучение в декабре 1944 года. См.: Ольша, отчет, 1945, ВStU, MfS, HA IX/11, ZR920, A. 54.

1306

Идрис – Михелю, 19 января 1945 г., Берлин, ВАВ, NS31/40.

1307

Ольша, отчет, 1945, ВStU, МfS, НА IX/11, ZR920, А. 54.

Ibid. В данном случае даже Восточное министерство поддержало антисектантскую линию СС, см.: Ольша, записка («Besprechung zwischen Professor v. Mende, Dr. Arlt und Dr. Olzscha»), 29 сентября 1944 г., Берлин, ВАВ, NS31/27.

1309

Ольша, отчет, 1945, BStU, MfS, HA IX/11, ZR920, A. 54.

1310

Идрис – Михелю, 19 января 1945 г., Берлин, ВАВ, NS31/40.

1311

Ольша – аль-Рашиду, 1 декабря 1944 г., Берлин, ВАВ, NS31/45;
Шия, записка («Sachbearbeiter bei DI/5k für islamreligiöse Betreuung den
muselmanischen Verbänden»), 23 декабря 1944 г., Берлин, ВАВ, NS31/40;
Ольша, отчет, 1945, ВStU, MfS, HA IX/11, ZR920, А. 54.

1312

Кёстринг – Ольше, 13 сентября 1944 г., б. м., ВАВ, NS31/31; Ольша – Кёстрингу, 22 сентября 1944 г., Берлин, ВАВ, NS31/31; Ольша, отчет, 1945, ВStU, MfS, HA IX/11, ZR920, А. 54.

Ольша, записка («Rücksprache mit Herrn Müller»), 26 сентября 1944 г., Берлин, ВАВ, NS31/32; Ольша, записка («Rücksprache mit Professor von Mende»), 12 октября 1944 г., Берлин, ВАВ, NS31/62; Ольша, отчет, 1945, ВStU, МfS, НА IX/11, ZR920, А. 54; Spuler, «Muslime in Rußland seit 1942», 298.

1314

Ольша, отчет, 1945, BStU, MfS, HA IX/11, ZR920, A. 54; и, аналогично: Forschungsgruppe des Dokumentationszentrum des Ministeriums des Inneren der DDR, отчет («Arbeitsgemeinschaft Turkestan and Mullahschule in Dresden»), 1 августа 1968 г., BStU, MfS, HA IX, No. 21976.

1315

Хайгендорф, отчет («Führung fremden Volkstumes»), б. д. (после 1945 г.), б. м., IfZ, ZS407.

Ibid.

Нидермайер, руководящие указания («Anhaltspunkte für den politischen Unterricht in turkvölkischen Einheiten»), 15 января 1943 г., б. м., ВА–МА, RH 26–162/19; об этих указаниях см.: Нидермайер, записка («Anhaltspunkte für den politischen Unterricht in turkvölkischen Einheiten»), 15 января 1943 г., б. м., ВА–МА, N122/3.

1318

Бергер (Шульте), указ («Weltanschaulich geistige Erziehung der muselmanischen SS-Division»), 19 мая 1943 г., Берлин, ВАВ, NS19/2601.

Об офицерах идеологического воспитания в германской армии см.: Jürgen Förster, «Ideological Warfare in Germany, 1919 to 1945», in Ralf Blank, Jörg Echternkamp, Karola Fings et al. (eds.), *Germany and the Second World War*, vol. 9/1 (*German Wartime Society 1939–1945: Politicization, Disintegration, and the Struggle for Survival*) (Oxford, 2008), 485–669, особенно 563–569, 614–626; Frank Vossler, *Propaganda in die eigene Truppe: Die Truppenbetreuung in der Wehrmacht 1939–1945* (Paderborn, 2005), 154–190; Omer Bartov, *The Eastern Front, 1941–1945: German Troops and the Barbarisation of Warfare* (London, 1985), 75–76.

1320

«Für den heiligen Krieg!», *Ghazavat* 37 (80) (1944), перевод на немецкий язык, ОКВ, 8 сентября 1944 г., Берлин, ВА–МА, MSG 2/18238.

1321

Отдел пропаганды ОКВ организовал короткие курсы для тюркских легионеров в Берлине и Потсдаме. По учебным программам и отчетам по некоторым из этих курсов см. документы в: ВА–МА, RW 4V/237.

1322

Зиферс, отчет («Aufstellung von Tataren- und Kaukasierformationen im Bereich des A.O.K. 11»), 20 марта 1942 г., б. м., ВА–МА, RH 19V/108 (также в: РА, R60739).

1323

Аноним (местный пропагандист), отчет («Bericht über Beobachtungen und Erfahrungen über den Lehrgängen für Propagandisten unter den freiwilligen Tataren, Kaukasiern und Kriegsgefangenen, Russen und Ukrainern»), приложено к: Хентиг, отчет, 6 мая 1942 г., б. м. (Симферополь), РА, R60740.

Об офицерах идеологического воспитания в войсках СС см.: Förster, «Ideological Warfare», 485–669, особенно 568–569.

1325

«Ханджар», учебный план («Lehrplan für den Kurzlehrgang der Einsatzredner»), 5 марта 1944 г., б. м., ВАВ, NS19/2601.

1326

«Ханджар», расписание занятий («Dienstplan für den Pol.-Kurslehrgang vom 29.3– 1.4.44»), 29 марта 1944 г., б. м., ВАВ, NS19/2601.

1327

Фюрст – Ольше, 27 сентября 1944 г., Берлин, ВАВ, NS31/44.

1328

Об этой брошюре см. главу 5.

1329

Буквально «война мировоззрений» – термин, придуманный нацистами для обозначения психологической войны.– *Прим. пер.*

Вангеман, отчет («Auszüge aus den Div.-Tagesbefehlen»), 1 апреля 1944 г., б. м., ВАВ, NS19/2601; примеры см. в: Зауберцвейг, пропагандистское письмо «Moji dragi tomsi!» («Мои дорогие парни!»), 28 февраля 1944 г., б. м., ВАВ, NS19/2601; перевод на немецкий язык см. в: Зауберцвейг, пропагандистское письмо «Meine lieben Männer», 25 февраля 1944 г., б. м., ВАВ, NS19/2601; а также в: Зауберцвейг, пропагандистское письмо «Moji dragi tomsi!» («Мои дорогие парни!»), 27 марта 1944 г., б. м., ВАВ, NS19/2601; перевод на немецкий язык см. в: Зауберцвейг, пропагандистское письмо «Meine lieben Männer», 27 марта 1944 г., б. м., ВАВ, NS19/2601.

1331

Бройтигам – министерству оккупированных восточных территорий, 3 декабря 1942 г., б. м., ВАВ, R6/65.

1332

Herwarth, *Zwischen Hitler und Stalin*, 310.

1333

Арлыт, отчет («Fürsorge für die Ostverbände bzw. deren Angehörigen»), б. д. (после 1945 г.), б. м., IfZ, ZS399.

О коранических талисманах см.: Kathleen Malone O'Connor, «Popular and Talismanic Uses of the Qur'ān», in *Encyclopaedia of the Qur'ān*, ed. Jane Dammen McAuliffe, vol. 4 (Leiden, 2004), 163–182; Kathleen Malone O'Connor, «Amulets», in *ibid.*, vol. 1 (Leiden, 2001), 77–79; Robert Hoyland and Venetia Porter, «Epigraphy», in *ibid.*, vol. 2 (Leiden, 2002), 25–43, особенно 35–39; Gabriel Mandel Khān, «Magic», in *ibid.*, vol. 3 (Leiden, 2003), 245–252, особенно 248–249; Priscilla P. Soucek, «Material Culture and the Qur'ān», in *ibid.*, 296–330; Venetia Porter, «Talismans and Talismanic Objects», in *Medieval Islamic Civilization: An Encyclopaedia*, ed. Josef W. Meri (London, 2006), 794–796; Constant Hamès, «Le Coran talismanique», in A. de Surgy (ed.), *Religion et pratiques de puissance* (Paris, 1997), 129–160; J. Ruska, B. Carra de Vaux, and C. E. Bosworth, «Tilsam», in *The Encyclopaedia of Islam*, vol. 10, ed. P. J. Bearman et al. (Leiden, 2000), 500–502.

1335

Шпулер, отчет («Mullakurse»), 11 апреля 1944 г., Гёттинген, ВА-
МА, MSG 2/18298.

1336

Министерство оккупированных восточных территорий, отчет («Besuch von General von Heyendorff beim Aserbeidschanischen Verbindungsstab»), 29 февраля 1944 г., Берлин, ВАВ, R6/165.

1337

Копии журнала *SS-Handžar* хранятся в Национальной и университетской библиотеке Загреба (*Nacionalna i Sveučilišna Knjižnica*), Загреб (NSK).

По цитатам из Гитлера см.: «Führerworte» («Rieči Vodje»), *SS-Handžar* 2 (1 августа 1943 г.); «Worte des Führers» («Führero ve rieči»), *SS-Handžar* 3 (б. д. [1943]); «Adolf Hitler» («Adolf Hitler»), *SS-Handžar* 7 (б. д. [1943 г.]); «Der Führer» («Der Führer»), *SS-Handžar* 8 (б. д. [1943 г.]); «Adolf Hitler» («Adolf Hitler»), *SS-Handžar* 9 (б. д. [1943 г.]); еще несколько цитат из Гитлера с отсылками к религии: А. В. (Albert Bauer), «Der Sieg wird unser sein» («Pobjeda će nama pripasti»), *SS-Handžar* 9 (б. д. [1943 г.]). По цитатам из пророка Мухаммеда и Корана см.: «Worte Muhammeds» («Rieči Muhameda»), *SS-Handžar* 1 (15 июля 1943 г.); «Worte Muhammeds» («Rieči Muhameda»), *SS-Handžar* 1 (15 июля 1943 г.); «Ku'ran» («Quran»), *SS-Handžar* 11 (б. д. [1944 г.]).

1339

Отдел политического и идеологического воспитания 13-й дивизии СС, инструкция («Dienstanweisung für Imame der 13. SS-Freiwilligen b. h. Geb. Div. (Kroatien)»), 15 марта 1944 г., б. м., ВАР, NS19/2601 – здесь имамам открытым текстом предписывается писать в *SS-Handžar*.

Omer Zukić, «Bosnien, du unser Leben» («Moja Bosno, moje živovanje»), *SS-Handžar* 6 (б. д. [1943 г.]).

1341

Аноним, «Bosna plaća hirove jednog zanešenjaka» («Босния платит за чудачества одного мечтателя»), *SS-Handžar* 11 (б. д. [1944 г.]); аноним, «Židovi u Bosni» («Евреи в Боснии»), *SS-Handžar* 11 (б. д. [1944 г.]).

M. N., «Eine Gemeinschaft auf Gedeih und Verderb».

Amin al-Husayni, «Aus der Rede seiner Eminenz des Großmufti von Palästina anlässlich des Geburtstags Muhammeds» («Iz govora Njegove Preuzvišenosti Velikog Palestinskog Muftije Emin El Husseinia povodom dana rođenja Božijeg Poslanika Muhameda»), *SS-Handžar* 4 (б. д. [1943 г.]).

Horst Mauersberger, «Der Grossmufti bei der Division» («Veliki Muftija posjećuje diviziju»), *SS-Handžar* 8 (б. д. [1943 г.]); Omer Zuhrić, «Meine erste Begegnung mit dem Grossmufti» («Moj prvi susret sa Velikim Muftijom»), *SS-Handžar* 8 (б. д. [1943 г.]); Himmler, «Telegramm des Reichsministers des Inneren und Reichsführers-SS Heinrich Himmler an den Grossmufti Amin El-Husseini» («Brozovjavka državnog ministra unutarnjih poslova i Reichsführera-SS Heinricha Himmlera»), *SS-Handžar* 8 (б. д. [1943 г.]); Amin al-Husayni, «Der Großmufti an die Division: Männer der SS-Frw. b. h. Geb. Division (Kroatien)!» («Rieči Velikog Muftije diviziji: Vojnici SS-Drug. b. h. gorske divizije (Hrvatska)!»), *SS-Handžar* 8 (б. д. [1943 г.]).

1345

Титульная фотография «Der Grossmufti schreitete die Front der Ehrenkompanie ab» («Veliki Muftija obilazi počastnu satniju»), *SS-Handžar* 8 (б. д. [1943 г.]); серия фотографий «Drei festliche Tage» («Tri svečana dana»), *SS-Handžar* 8 (б. д. [1943 г.]).

1346

Серия фотографий «Bosnische Heimat» («Bosanski zavičaj»), *SS-Handžar* 1 (15 July 1943 г.); это наблюдение сделано в: Greble, *Sarajevo*, 173.

О *Türk Birliği* см.: Мühlen, *Zwischen Hakenkreuz und Sowjetstern*, 103; Cwiklinski, «Panturkismus-Politik», 154–158; Sebastian Cwiklinski, *Wolgatataren im Deutschland des Zweiten Weltkriegs: Deutsche Ostpolitik und tatarischer Nationalismus* (Berlin, 2002), 31–32, 65–67. Документы по *Türk Birliği* хранятся в: ВАВ, NS31/47, NS31/61, NS31/62. Короткое изложение его истории также дается в: Олыша, отчет 1945 г., BStU, MfS, HA IX/11, ZR920, A. 54.

Ольша, записка («Zeitung für den osttürkischen Waffenverband der SS»), 2 декабря 1944, ВАВ, NS31/62. Подготовлена была и статья о речи Шелленберга в школе мулл в Дрездене, однако неизвестно, была ли она опубликована, см.: Аноним, статья для *Türk Birliği*, б. д. (декабрь 1944 г.), ВАВ, NS31/62. Двадцать пять штатных сотрудников *Türk Birliği* отпраздновали в редакции и Курбан-байрам, и выход первого номера газеты, попросив у СС алкоголь и сигареты, см.: Винанд (немецкий штат *Türk Birliği*) – Ольше, 21 ноября 1944 г., ВАВ, NS31/62; Главное управление СС, записка («Tabak- und Spirituosen-Sonderzuteilung für die Redaktion der osttürkischen Zeitung»), 13 декабря 1944 г., ВАВ, NS31/62.

Таким образом, газеты Туркестанского легиона, *Milli Turkistan* («Национальный Туркестан»), которую издавало Восточное министерство, и *Yeni Turkistan* («Новый Туркестан»), которую делал пропагандистский отдел вермахта, в данной книге не рассматриваются.

О газетах легионов см.: Hoffmann, *Die Ostlegionen*, 128–130; Mühlen, *Zwischen Hakenkreuz und Sowjetstern*, 59–60, 78–79, 95–96, 98, 125–126; Cwiklinski, «Panturkismus-Politik», 151, 158; Cwiklinski, *Wolgatataren im Deutschland des Zweiten Weltkriegs*, 78–104.

1351

«Die Religion ist ein Grundpfeiler unserer nationalen Moral: Rede des Herrn Gabdullan», *Idel-Ural* 10/11 (67/68) (1943), перевод на немецкий язык, ОКВ, 19 марта 1944 г., Берлин, ВА–МА, MSG 2/18231.

1352

«Das Volk muß seine religiöse Ueberzeugung behalten», *Azerbaijan* 27 (106) (1944), перевод на немецкий язык, ОКВ, 10 июля 1944 г., Берлин, ВА-МА, MSG 2/18239.

1353

«Das Leben unseres Propheten diene uns als Beispiel», *Ghazavat* 39 (82) (1944), перевод на немецкий язык, ОКВ, 22 сентября 1944 г., Берлин, ВА–МА, MSG 2/18238.

«Ueber unsere Religion», *Azerbaijan* 34 (113) (1944), перевод на немецкий язык, ОКВ, 28 августа 1944 г., Берлин, ВА–МА, MSG 2/18239; «Der Prophet und der Islam» (часть 1), *Idel-Ural* 40 (97) (1943), перевод на немецкий язык, ОКВ, 7 октября 1944 г., Берлин, ВА–МА, MSG 2/18231; «Der Prophet und der Islam» (часть 2), *Idel-Ural* 41 (98) (1943), перевод на немецкий язык, ОКВ, 14 октября 1944 г., Берлин, ВА–МА, MSG 2/18231.

«Der Prophet und sein richtiges Glaubensbekenntnis» (часть 1), *Azerbaijan* 35 (114) (1944), перевод на немецкий язык, ОКВ, 4 сентября 1944 г., Берлин, ВА–МА, MSG 2/18239, «Der Prophet und sein richtiges Glaubensbekenntnis» (часть 2), *Azerbaijan* 36 (115) (1944), перевод на немецкий язык, ОКВ, 11 сентября 1944 г., Берлин, ВА–МА, MSG 2/18239.

1356

О Фаталибейли см.: Hoffmann, *Kaukasien*, 215–221, 227, 252, 320;
Hoffman, *Die Ostlegionen*, 142.

«Kampfgruppe „Freies Arabien“», *Ghazavat* 35 (78) (1944), перевод на немецкий язык, ОКВ, 25 августа 1944 г., Берлин, ВА–МА, MSG 2/18238; «Kampfgruppe „Freies Arabien“», *Idel-Ural* 34 (91) (1943), перевод на немецкий язык, ОКВ, 26 августа 1944 г., Берлин, ВА–МА, MSG 2/18231.

1358

«Unter kroatischen Muselmanen», *Azerbaijan* 33 (112) (1944), перевод на немецкий язык, ОКВ, 21 августа 1944 г., Берлин, ВА–МА, MSG 2/18239.

1359

Изображения: «Muselmanisches Leben in Serbien», *Idel-Ural* 33 (39) (1943), перевод на немецкий язык, ОКВ, 15 августа 1943 г., Берлин, ВА–МА, MSG 2/18231.

1360

«Die Muselmanen sind überzeugt, daß im Sieg Deutschlands die Religionsfreiheit wahr wird», *Ghazavat* 37 (1943), перевод на немецкий язык, ОКВ, 27 октября 1943 г., Берлин, ВА-МА, MSG 2/18238.

1361

«Die Freude des Mullah Suleiman», *Azerbaijan* 45 (73) (1943), перевод на немецкий язык, ОКВ, 7 ноября 1943 г., Берлин, ВА–МА, MSG 2/18239.

1362

«Das Urasa-Fest verlief schön», *Idel-Ural* 40 (46) (1943), перевод на немецкий язык, ОКВ, 3 октября 1943 г., Берлин, ВА–МА, MSG 2/18231.

1363

«Muselmanische Festtage», *Ghazavat* 29 (1943), перевод на немецкий язык, ОКВ, 1 сентября 1943 г., Берлин, ВА–МА, MSG 2/18238.

Ibid.

Yemelianova, *Russia and Islam*, 114.

1366

«Moskau verschärft den Kampf gegen die Religion», *Idel-Ural* 47 (104) (1943), перевод на немецкий язык, ОКВ, 14 октября 1944 г., Берлин, ВА–МА, MSG 2/18231.

1367

«Der Bolschewismus im Nordkaukasus», *Ghazavat* 15 (58) (1944), перевод на немецкий язык, ОКВ, 7 апреля 1944 г., Берлин, ВА–МА, MSG 2/18238.

«Mufti Risaetdin bin Fachretdin», *Idel-Ural* 16 (73) (1943), перевод на немецкий язык, ОКВ, 22 апреля 1944 г., Берлин, ВА–МА, MSG 2/18231. О Фахретдинове см.: Mahmud Tahir, «Rizaeddin Fahreddin», *Central Asian Survey* 8, 1 (1989), 111–115; A.Battal-Taymas, *Rizaeddin Fahreddinoğlu* (Istanbul, 1958); Ro'i, *Islam in the Soviet Union*, 101–102, 172.

1369

«Brüder Legionäre!», *Ghazavat* 29 (1943), перевод на немецкий язык, ОКВ, 1 сентября 1943 г., Берлин, ВА–МА, MSG 2/18238.

1370

Ibid.

1371

«Wodurch kennzeichnet sich der Beginn der russischen Herrschaft in unserem Lande?», *Idel-Ural* 42 (48) (1943), перевод на немецкий язык, ОКВ, 17 октября 1943 г., Берлин, ВА–МА, MSG 2/18231.

1372

«Offener Brief an die Legionäre», *Idel-Ural* 35 (41) (1943), перевод на немецкий язык, ОКВ, 29 августа 1943 г., Берлин, ВА–МА, MSG 2/18231.

«Vor 85 Jahren fiel Imam Schamil in Gefangenschaft», *Azerbaijan* 36 (115) (1944), перевод на немецкий язык, ОКВ, 11 сентября 1944 г., Берлин, ВА–МА, MSG 2/18239; «Vor 85 Jahren geriet Iman Schamil in Gefangenschaft», *Ghazavat* 36 (79) (1944), перевод на немецкий язык, ОКВ, 1 сентября 1944 г., Берлин, ВА–МА, MSG 2/18238.

1374

Ibid.

«Die Jugend Schamils», *Ghazavat* 37 (80) (1944), перевод на немецкий язык, ОКВ, 8 сентября 1944 г., Берлин, ВА–МА, MSG 2/18238; «Die Tarichat-Lehre im Nordkaukasus», *Ghazavat* 37 (1943), перевод на немецкий язык, ОКВ, 27 октября 1943 г., Берлин, ВА–МА, MSG 2/18238.

1376

«Unsere heutige Aufgabe», *Ghazavat* 7 (51) (1944), перевод на немецкий язык, ОКВ, 16 февраля 1944 г., Берлин, ВА–МА, MSG 2/18238.

1377

«Nun wollen die Bolschewiken das Volk im Namen der Religion betrügen», *Idel-Ural* 40 (46) (1943), перевод на немецкий язык, ОКВ, 3 октября 1943 г., Берлин, ВАМА, MSG 2/18231.

1378

«Krieg und Politik», *Idel-Ural* 44 (50) (1943), перевод на немецкий язык, ОКВ, 31 октября 1943 г., Берлин, ВА–МА, MSG 2/18231.

1379

«Der alte Betrug», *Idel-Ural* 7 (64) (1944), перевод на немецкий язык, ОКВ, 20 февраля 1944 г., Берлин, ВА–МА, MSG 2/18231.

1380

«Jenseits der Front», *Ghazavat* 36 (1943), перевод на немецкий язык, ОКВ, 20 октября 1943 г., Берлин, ВА–МА, MSG 2/18238.

1381

«Die bolschewistischen Winkelzüge werden sich nicht erfüllen», *Azerbaijan* 44 (72) (1943), перевод на немецкий язык, ОКВ, 31 октября 1943 г., Берлин, ВА–МА, MSG 2/18239.

1382

«Das englische Blut und der bolschewistische Mullah», *Azerbaijan* 12 (91) (1944), перевод на немецкий язык, ОКВ, 27 марта 1944 г., Берлин, ВА–МА, MSG 2/18239.

1383

«Sind in Aserbaidshan Moscheen eröffnet worden?», *Azerbaijan* 12 (91) (1944), перевод на немецкий язык, ОКВ, 27 марта 1944 г., Берлин, ВА–МА, MSG 2/18239.

1384

«Die Sowjets möchten ein Sowjetarabien schaffen», *Ghazavat* 28 (1943), перевод на немецкий язык, ОКВ, 25 августа 1943 г., Берлин, ВА–МА, MSG 2/18238.

«Stalin entsinnt sich des Koran», *Ghazavat* 30 (1943), перевод на немецкий язык, ОКВ, 8 сентября 1943 г., Берлин, ВА–МА, MSG 2/18238; а также: «Das englische Blut und der bolschewistische Mullah», *Azerbaijan* 12 (91) (1944), перевод на немецкий язык, ОКВ, 27 марта 1944 г., Берлин, ВА–МА, MSG 2/18239.

1386

«Der rote Imperialismus und der Nahe Osten», *Azerbaijan* 48 (127) (1944), перевод на немецкий язык, ОКВ, 4 декабря 1944 г., Берлин, ВА-МА, MSG 2/18239.

1387

«Kommunismus und Islam unvereinbar», *Ghazavat* 9 (52) (1944), перевод на немецкий язык, ОКВ, 23 февраля 1944 г., Берлин, ВА–МА, MSG 2/18238; «Kommunismus und Islam unvereinbar», *Azerbaijan* 7 (86) (1944), перевод на немецкий язык, ОКВ, 19 февраля 1944 г., Берлин, ВА–МА, MSG 2/18239.

1388

«Kommunismus und Islam sind ewige Gegensätze», *Ghazavat* 15 (58) (1944), перевод на немецкий язык, ОКВ, 7 апреля 1944 г., Берлин, ВА-МА, MSG 2/18238.

1389

«Es gärt in Französisch-Marokko», *Ghazavat* 9 (52) (1944), перевод на немецкий язык, ОКВ, 23 февраля 1944 г., Берлин, ВА–МА, MSG 2/18238.

1390

«Engländer verbieten Reise nach Mekka», *Ghazavat* 28 (1943), перевод на немецкий язык, ОКВ, 25 августа 1943 г., Берлин, ВА–МА, MSG 2/18238; см. также главу 3.

1391

«Die Araber wollen nicht Kanonenfutter werden: Die Muselmanen wollen nicht für England bluten», *Ghazavat* 13 (56) (1944), перевод на немецкий язык, ОКВ, 22 марта 1944 г., Берлин, ВА–МА, MSG 2/18238.

1392

«Moslems, Sikhs und Hindus – gute Kameraden», *Svoboda* 9 (1944), перевод на немецкий язык, ОКВ, 1 ноября 1944 г., Берлин, ВА–МА, MSG 2/18235.

Cwiklinski, *Wolgatataren im Deutschland des Zweiten Weltkriegs*, 99–100, где он ссылается на статью, опубликованную в трех частях в: *Idel-Ural* 50 (56) (1943); 1 (58) (1944); и 8 (65) (1944); ее резюме можно найти в отчетах службы наблюдения вермахта, см.: ВА–МА, MSG 2/18231.

1394

«Unruhen im Nahen Osten», *Ghazavat* 26 (1943), перевод на немецкий язык, ОКВ, 11 августа 1943 г., Берлин, ВА–МА, MSG 2/18238.

1395

«Chronik: Zusammenstöße in Palästina zwischen Arabern und Juden während des Ramadsan-Fastens», *Ghazavat* 31 (1943), перевод на немецкий язык, ОКВ, 15 сентября 1943 г., Берлин, ВА–МА, MSG 2/18238.

1396

«Die Moschee in Paris», *Azerbaijan* 10 (89) (1944), перевод на немецкий язык, ОКВ, 13 марта 1944 г., Берлин, ВА–МА, MSG 2/18239, изображение: «Teilansicht der Moschee in Paris», *Azerbaijan* 10 (89) (1944), перевод на немецкий язык, ОКВ, 13 марта 1944 г., Берлин, ВА–МА, MSG 2/18239.

1397

См.: *Ghazavat* 11/12 (54/55) (1944), перевод на немецкий язык, ОКВ, 15 марта 1944 г., Берлин, ВА–МА, MSG 2/18238.

1398

Полевое командование 372, отчет («Bericht über Leistung und Verhalten der Turk.Inf. Batl. 782 und 790 für die Zeit vom 16.10. bis 15.11.43»), приложено к: Полевое командование 372, отчет («Monatsbericht für die Zeit vom 16.10. bis 15.11.1943»), 21 ноября 1943 г., Люблин, ВА–МА, РН 53–23/43.

1399

ОКХ, отчет («Aussagen eines neu hinzugekommenen Legionärs»), б.
д. (2 июля 1942 г.), б.м., ВА–МА, RH 19V/109.

1400

Военно-почтовая служба 11-й армии (отдел цензуры), отчет («Tataren: Briefe aus den Monatsberichten der F.P.P.»), 24 июля 1942 г., б. м., РА, R60741. Все образцы писем военных в тексте можно найти в этом отчете.

1401

Хентиг, отчет («Tatarische Freiwillige»), 22 мая 1942 г., б. м. (Симферополь), РА, R60740. В основу этого отчета Хентига легли выдержки из писем военных, включенных в: Военно-почтовая служба 11-й армии (отдел цензуры), отчет («Tataren: Briefe aus den Monatsberichten der F.R.P.»), 24 июля 1942 г., б. м., РА, R60741.

Ibid.

Ibid.

Хентиг, отчет («Auszüge aus der Tatarenpost»), 21 июля 1942 г., б. м. (Симферополь), РА, R60741. В основу этого отчета Хентига легли выдержки из писем военных, включенных в: Военно-почтовая служба 11-й армии (отдел цензуры), отчет («Tataren: Briefe aus den Monatsberichten der F.R.P.»), 24 июля 1942 г., б.м., РА, R60741.

1405

Военно-почтовая служба 11-й армии (отдел цензуры), отчет («Auszug aus dem Tätigkeitsbericht der Feldpostprüfstelle beim A.O.K. 11: Tatarische Soldaten im deutschen Heer»), июль 1942 г., б. м., ВА–МА, RW 4v/237. Этот отчет службы надзора был переслан в отдел пропаганды ОКВ, см.: ОКХ – Эленбеку (отдел пропаганды ОКВ), 16 августа 1942 г., б. м., ВА–МА, RW 4v/237. В этой папке хранится несколько примеров писем, которые мусульмане послали домой.

Аль-Рашид, отчет («Behandlung der Ostmuselmanen»), 20 сентября 1944 г., Варшава, ВАВ, NS31/44, приложено к: аль-Рашид – Шпаарману, 22 сентября 1944 г., Берлин, ВАВ, NS31/44; и, об этом отчете: Олыша, записка («Bericht des SS-Standartenführers Harun el Raschid über seinen Besuch beim 1. Ostmuselmanischen Regiment»), 24 сентября 1944 г., Берлин, ВАВ, NS31/44.

1407

Аль-Рашид, отчет («Behandlung der Ostmuselmanen»), 20 сентября
1944 г., Варшава, ВАВ, NS31/44.

1408

Насаров – аль-Рашиду, б. д. (конец 1944 г.), б. м., ВАВ, NS31/44.

1409

Алекберли – аль-Рашиду, 9 ноября 1944 г., б. м., ВАВ, NS31/34.

1410

Аль-Рашид – отчет («Bericht über die Entwicklung des osttürkischen Waffen-Verbandes der SS von Warschau bis Überlauf Alimow und über die aus dieser sich ergebenden Folgerungen»), б. д. (декабрь 1944 г.), б. м., ВАР, NS31/29 (также в: ВАР, NS31/44).

1411

Габдуллан – Центральному исламскому институту (перевод на немецкий язык), 22 февраля 1944 г., б. м., ВАВ, NS31/44.

Хайгендорф, инструкции («Merkblatt für deutsche Offiziere über wehrgeistige Führung der Legionäre»), 1 июля 1943 г., Радом, ВА–МА, РН 58/62; вторая цитата в: Хайгендорф, инструкции («Behandlung der Legionäre»), 15 сентября 1943 г., б.м., ВА–МА, РН 58/62.

1413

Бёме, отчет («Psychologische Erfahrungen in der Legion, Nr. 2»), 7 декабря 1943 г., б.м., ВА–МА, RH 58/62.

1414

Ольша, отчет, 1945, BStU, MfS, HA IX/11, ZR920, A. 54.

1415

Ibid.

1416

Вангеман, речь («Dienstbesprechung der Kommandeure und Imame am 8.4.1944 in Brčko»), 8 апреля 1944 г., Брчко, ВАР, NS19/2601.

1417

Зауберцвейг – Бергеру, 16 апреля 1944 г., б. м., ВАВ, NS19/2601.

1418

Гиммлер, приказ, 6 августа 1943 г., б. м., ВАВ, NS19/3285.

Ibid.

1420

Хайгендорф, отчет («Der Kampf gegen Windmühlenflügel»), б. д.
(после 1945 г.), б.м., IfZ, ZS407.

. По указам Хайгендорфа о религиозной терпимости см. главу 7.

1422

Хайгендорф, информационный бюллетень («Mitteilungen für die Kommandeure der Osttruppen z. b.V. und Stabsoffiziere für landeseigene Hilfskräfte»), 22 мая 1944 г., б.м., ВА–МА, RH 19XI/86.

По указам Нидермайера о религиозной терпимости см. главу 7.

1424

ОКХ, инструкции («Merkblatt für das deutsche Personal der Turk-Stammlager und Turk-Btlne.»), 2 июня 1942 г., б. м., ВА–МА, RH 19V/109.

1425

Хайгендорф, инструкции («Behandlung der Legionäre»), 15 июля 1943 г., Радом, ВАМА, RH 58/62.

Аль-Рашид, отчет («Behandlung der Ostmuselmanen»), 20 сентября 1944 г., Варшава, ВАВ, NS31/44, приложено к: Аль-Рашид – Шпаарману, 22 сентября 1944 г., Берлин, ВАВ, NS31/44; об отчете, см.: Ольша, записка («Bericht des SS-Standartenführers Harun el Raschid über seinen Besuch beim 1. Ostmuselmanischen Regiment»), 24 сентября 1944 г., Берлин, ВАВ, NS31/44.

1427

Зауберцвейг – Бергеру, 16 апреля 1944 г., б. м., ВАВ, NS19/2601.

Mende, «Erfahrungen mit Ostfreiwilligen in der deutschen Wehrmacht während des Zweiten Weltkrieges», 27, 30.

Аноним, «Erfahrungen eines Betreuungsoffiziers für Freiwillige aus den Völkern der Sowjetunion in der deutschen Wehrmacht», *Vielvölkerheere und Koalitionskriege* (1952), 34–39, 35.

1430

Хайгендорф, отчет («Der Kampf gegen Windmühlenflügel»), б. д.
(после 1945 г.), б.м., IfZ, ZS407.

1431

Ibid.

1432

Ernst Jünger, *Das zweite Pariser Tagebuch*, Werke, Tagebücher, vol. 3 (*Strahlungen, Zweiter Teil*) (Stuttgart, 1962 [1949]), 272 [Русский перевод: Юнгер Э. Излучения (февраль 1941 – апрель 1945)]. СПб.: Владимир Даль, 2002. С. 580, 589 (записи от 12 и 26 мая 1944 г.).

1433

Paul Hausser, *Waffen-SS im Einsatz* (Göttingen, 1953), 106–107.

1434

Шмидхубер, отчет («Zusammenfassender Bericht über die Aufstellung und den Zustand der 21. Waffen-Gebirgsdivision der SS „Skanderbeg“»), 2 октября 1944 г., б.м., ВА–МА, RS3–21/1.

1435

Хофман, *Die Ostlegionen*, 37.

Ibid., 57–58.

О контактах и браках с немецкими женщинами см. документы в: ВАВ, NS31/28; о проблемах «расы» см. также главу 2. О принудительных абортах см.: Хорстман (Главное управление СС), записка («Verbindungen zwischen deutschen Mädchen und fremdstämmigen SS-Angehörigen»), 18 ноября 1944 г., Берлин, ВАВ, NS31/28. Официальные инструкции, предписывающие избегать контактов между немками и добровольцами давались часто, см., например: Хайгендорф, инструкции («Merkblatt für deutsche Offiziere über wehrgeistige Führung der Legionäre»), 1 июля 1943 г., Радом, ВА–МА, RH 58/62; ОКВ, информационный бюллетень («Mitteilungen für den deutschen Soldaten in Freiwilligen-Verbänden»), ноябрь 1944 г., ВА–МА, MSG 2/18262.

1438

О браках с восточными работницами см. документы в: ВАР,
R6/129.

О последних днях «Ханджара» см. литературу в главе 6, прим. 42.

1440

Финк (немецкий штаб «Ханджара»), отчет о допросе Абдуллы Мемисевича, 21 августа 1944 г., б. м., VÚA, Box: N13. SS-Fr. Geb. Div. H. 1; Финк, отчет, 22 августа 1944 г., б. м., VÚA, Box: N13. SS-Fr. Geb. Div. H. 1.

1441

Различные отдельные доклады о случаях дезертирства можно найти в: VÚA, Box: N13. SS-Fr. Geb. Div. H. 1.

1442

Медицинский отчет СС по Омечевичу Мухамеду, 9 августа 1944 г.,
б. м., VÚA, Вох: N13. SS-Fr. Geb. Div. H. 1.

1443

Каше – МИДу, 28 октября 1944 г., Загреб, РА, R27796 (также в: РА, R100998).

1444

Каше – МИДу, 29 октября 1944 г., РА, R27796.

Ibid.

1446

Вагнер – Каше, 14 декабря 1944 г., Берлин, РА, R100998.

О последних днях «Скандербега» см. литературу в главе 6, прим. 64.

По поводу небольшого числа дезертиров среди добровольцев-мусульман с востока, см.: Neulen, *An deutscher Seite*, 329–334; об их дисциплине в целом см.: Hoffmann, *Die Ostlegionen*, 146–162, особенно 157.

Julian Amery, *Sons of the Eagle: A Study in Guerilla War* (London, 1948), 139–142, 271–329, особенно 274; и, аналогично: Julian Amery, *Approach March: A Venture in Autobiography* (London, 1973), 376–383, особенно 382.

1450

Аль-Рашид, отчет («Überlauf des Kommandeurs des Waffen-Rgts. der SS Turkistan Nr. 1, Waffen-Obersturmführer Gulam Alimow, mit etwa 500 Männern seines Regiments zu den Partisanen»), 26 декабря 1944 г., б. м., ВАР, NS31/29 (также в: ВАР, NS31/44).

Nikolai Tolstoy, «The Klagenfurt Conspiracy: War Crimes and Diplomatic Secrets», *Encounter* 60, 5 (1983), 24–37 (в целом о возмездии со стороны Тито).

Srećko M. Džaja, Die politische Realität des Jugoslawismus 1918–1991: Mit besonderer Berücksichtigung Bosnien-Herzegowinas (Munich, 2002), 228.

Ibid., 229.

О насильственной репатриации см.: Neulen, *An deutscher Seite*, 333–334; Mühlen, *Zwischen Hakenkreuz und Sowjetstern*, 226–229; Jürgen Thorwald, *Wen sie verderben wollen: Bericht des großen Verrats* (Stuttgart, 1952), особенно 572–574; с упором на репатриацию казаков: Peter J. Huxley-Blythe, *The East Came West* (Caldwell, ID, 1964); Nicholas Bethell, *The Last Secret: Forcible Repatriation to Russia 1944–7* (London, 1974); о роли Великобритании: Nikolai Tolstoy, *The Victims of Yalta* (London, 1977), особенно 381–386; более спорно и с акцентом на казаках: Nikolai Tolstoy, *The Minister and the Massacres* (London, 1986); о роли США см.: Julius Epstein, *Operation Keelhaul: The Story of Forced Repatriation from 1944 to the Present* (Old Greenwich, CT, 1973); Julius Epstein, «Die Zwangsrepatrierung von antikommunistischen Kriegsgefangenen in die Sowjetunion», *Politische Studien* 196 (1971), 149–156; Mark R. Elliott, *Pawns of Yalta: Soviet Refugees and America's Role in Their Repatriation* (Urbana, IL, 1982).

1455

Хайгендорф, отчет («Das Schicksal der 162. (Turk.) Inf. Div.»), б. д.
(после 1945 г.), б.м., IfZ, ZS407.

1456

Александр Солженицын. Архипелаг ГУЛag. Том 1 (части 1-я и 2-я).
(<http://www.lib.ru/PROZA/SOLZHENICYN/gulag.txt>)

George Orwell, «The Prevention of Literature», *Polemic* 2 (January 1946), 4–14, 6 [Русский перевод: Джордж Оруэлл. Подавление литературы // Джордж Оруэлл. «1984» и эссе разных лет. М., 1989.].

В последние недели войны Гитлер надиктовал Борману свои окончательные мнения о мировой политике, идеологии и войне. Эти записи стали известны как *Hitlers politisches Testament* («Политическое завещание Гитлера»), см. главу 2, прим. 132.

Hitlers politisches Testament, 84–90 (17 февраля 1945 г.), 85–86.

Ibid.

Hitlers politisches Testament, 42–49 (4 февраля 1945 г.), 46; 54–59 (7 февраля 1945 г.), 56; 84–90 (17 февраля 1945 г.), 85–86; 120–127 (2 апреля 1945 г.), 123.

Hitlers politisches Testament, 42–49 (4 февраля 1945 г.), 46; об этом фрагменте см. также: Joachim C.Fest, *Hitler: Eine Biographie* (Berlin, 1973), 1013.

Большинство исследований на эту тему сделано в области истории арабских стран, см. главу 3.

1464

Оппенгейм, воспоминания («Leben im NS-Staat, 1933–1945»), б. д. (1945/1946), б. м. (Ландсхут), ОА, Nachlass Max von Oppenheim No. 1/14.

1465

Оппенгейм, воспоминания («Leben im NS-Staat, 1933–1945»), б. д. (1945/1946), б. м. (Ландсхут), ОА, Nachlass Max von Oppenheim No. 1/14.

О бегстве аль-Хусейни из Германии см.: Schechtman, *The Mufti and the Fuehrer*, 164–190; Lebel, *The Mufti of Jerusalem Haj-Amin el-Husseini and National-Socialism*, 268–276, 277–310; Gensicke, *The Mufti of Jerusalem and the Nazis*, 181–204.

1467

Известный горнолыжный курорт в Австрии. – *Прим. пер.*

1468

Хенти́г, отчет («Eidesstattliche Erklärung»), 6 августа 1947 г., PA, NL Hentig 84; об этом отчете см.: Хенти́г, отчет («Aufzeichnung über meine Vernehmung durch Dr. Robert Kempner»), б. д. (1947), PA, NL Hentig 84.

Tsilla Hershco, «Le grand mufti de Jérusalem en France: Histoire d'une évasion», *Controverses: Revue d'idées* 1 (2006), 244–273.

1470

Янг (бейрутская дипмиссия) – МИДу, 25 сентября 1945 г., Бейрут, НА, FO 226/300. Этот документ опирается на письмо Даука (ливанского дипломата из парижской дипмиссии) ас-Сольху (премьер-министру Ливана), перевод на английский язык, 13 сентября 1945 г., Париж, НА, FO 226/300.

1471

Аль-Банна – Лэмпсону, 3 апреля 1946 г., Каир, NA, KV 2/2087.

1472

Аноним, «Arabs Seek to Aid Soviet Deserters: British-U.S. Captors Said to Agree to Settlement of Caucasian Soldiers», *New York Times* (15 декабря 1946 г.).

Музаккират Хадж Мухаммад Амин аль-Хусейни, под ред. аль-Умара, 142–143.

Ibid., 144 (первая цитата), 142 (вторая цитата).

Ibid., 144. Об участии этих солдат в войне 1948 года см.: Seth J. Frantzman and Jovan Čulibrk, «Strange Bedfellows: The Bosnians and Yugoslav Volunteers in the 1948 War in Israel/Palestine», *Istorija 20. Veka* 1 (2009), 189–200.

1476

Simon Wiesenthal, *Großmufti: Großagent der Achse* (Vienna, 1947);
Maurice Pearlman, *Mufti of Jerusalem: The Story of Haj Amin El
Husseini* (London, 1947).

1477

Аноним, «Gespräch mit dem Großmufti von Jerusalem», *Zeitschrift für Geopolitik* 22, 12 (1951), 761.

Eckart Conze et al., *Das Amt und die Vergangenheit: Deutsche Diplomaten im Dritten Reich und in der Bundesrepublik* (Munich, 2010), 548.

1479

Spuler, „Muslime in Rußland“, 298; также Olzscha, Bericht, 1945, BStU, MfS, HA IX/11, ZR920, A. 54.

1480

Olzscha, Bericht, 1945, BStU, MfS, HA IX/11, ZR920, A. 54.

Mohammad Aman Hobohm, „Neuanfänge muslimischen Gemeindelebens in Berlin nach 1945“, *Moslemische Revue* 1 (1994), 28–40. Об общей истории «перемещенных лиц» [*Displaced Persons*] см.: Wolfgang Jacobmeyer, *Vom Zwangsarbeiter zum heimatlosen Ausländer: Die Displaced Persons in Westdeutschland 1945–1951* (Göttingen, 1985) и Gerard Daniel Cohen, *In War's Wake: Europe's Displaced Persons in the Postwar Order* (Oxford, 2011).

Mühlen, *Zwischen Hakenkreuz und Sowjetstern*, 226–233; Ian Johnson, *A Mosque in Munich: Nazis, the CIA, and the Rise of the Muslim Brotherhood in the West* (Boston, 2010); и Stefan Meining, *Eine Moschee in Deutschland: Nazis, Geheimdienste und der Aufstieg des politischen Islam im Westen* (München, 2011) – в этих трудах подробно описан процесс основания первых исламских общин мусульманскими военными ветеранами Германии и особенности их работы в период холодной войны.

О «Религиозной исламской общине» см.: Johnson, *A Mosque in Munich*, 76–8; и Meining, *Eine Moschee in Deutschland*, 60–4.

1484

Цит. по: Meining, *Eine Moschee in Deutschland*, 64.

О политике США в отношении «Религиозной исламской общины»
см.: Johnson, *A Mosque in Munich*, 48–52; 65–66, 70–90, 130;
и Meining, *Eine Moschee in Deutschland*, 64–78.

1486

John Barron, *KGB: The Secret Work of the Soviet Secret Agents* (London, 1974), 312.

M. v. Conta, «Sie schauen von München nach Mekka: Opferfest der mohammedanischen Gemeinde – Gebetsteppiche im Deutschen Museum», *Süddeutsche Zeitung* (30 июля 1955 г.).

1488

О первой поездке в Мекку см.: Johnson, *A Mosque in Munich*, 65–6, 70, 74.

1489

Цит. по: Johnson, *A Mosque in Munich*, 66.

1490

Цит. по: Johnson, *A Mosque in Munich*, 66.

О второй поездке в Мекку см.: Johnson, *A Mosque in Munich*, 88–90;
и Meining, *Eine Moschee in Deutschland*, 75–6.

F.W., „Die Trinkgelder der roten Pilger in Mekka: In Moskau startet ein Flugzeug mit ‚Wallfahrern‘ zur Stadt des Propheten – Dollars im Koffer der ‚Delegation‘“, *Münchener Merkur* (13. August 1956).

1493

Цит. по: Meining, *Eine Moschee in Deutschland*, 76.

О поездке в Бандунг см.: Johnson, *A Mosque in Munich*, 70–5. Назар и Саид Шамиль занимались антисоветской пропагандой и на второй Бандунгской конференции в 1958 г. См.: Ibid., 130.

1495

Цит. по: Johnson, *A Mosque in Munich*, 72.

1496

Там же.

О «Духовном управлении делами мусульманских беженцев в ФРГ» и поддержке, оказанной ему со стороны немецкого правительства см.: Johnson, *A Mosque in Munich*, 91–103; и Meining, *Eine Moschee in Deutschland*, 79–145.

1498

Цит. по: Meining, *Eine Moschee in Deutschland*, 95.

1499

Цит. по: Meining, *Eine Moschee in Deutschland*, 90.

1500

Цит. по: Johnson, *A Mosque in Munich*, 98.

1501

Цит. по: Meining, *Eine Moschee in Deutschland*, 94.

1502

Цит. по: Meining, *Eine Moschee in Deutschland*, 100.

О немецкой инструментализации «Духовного управления делами мусульманских беженцев в ФРГ» см.: Johnson, *A Mosque in Munich*, 132–3; и Meining, *Eine Moschee in Deutschland*, 121–122.

1504

Цит. по: Meining, *Eine Moschee in Deutschland*, 121.

1505

Цит. по: Meining, *Eine Moschee in Deutschland*, 122.

О новой арабской группировке под руководством Саида Рамадана и Комиссии по строительству мечетей см.: Johnson, *A Mosque in Munich*, 104–78; и Meining, *Eine Moschee in Deutschland*, 110–117 и 123–124. О Саиде Рамадане см.: Robert Dreyfuss, *Devil's Game: How the United States helped unleash Fundamentalist Islam* (New York, 2005), passim.

О связях Мюнхенской общины с Аль-Кайдой см.: Johnson, A *Mosque in Munich*, 188; и Meining, *Eine Moschee in Deutschland*, 241–254.

Об американской политике в отношении арабов Мюнхена см.: Johnson, *A Mosque in Munich*, 104–78; и Meining, *Eine Moschee in Deutschland*, 127–136. О проблемах, к которым привел прием ветеранов, см.: Johnson, *A Mosque in Munich*, 50–1 и 99.

1509

Цит. по: Meining, *Eine Moschee in Deutschland*, 131.

1510

Johnson, *A Mosque in Munich*, 131; и Meining, *Eine Moschee in Deutschland*, 131.

Цит. по: Meining, *Eine Moschee in Deutschland*, 156; см.: также Sylvain Besson, 'Quand la Suisse protégeait l'islam radical au nom de la raison d'Etat', *Le Temps* (26 октября 2004 г.).

О Вашингтонской конференции по вопросам ислама см.: Dreyfuss, *Devil's Game*, 72–9; Johnson, *A Mosque in Munich*, 116–8; и Meining, *Eine Moschee in Deutschland*, 132–6.

1513

Цит. по: Meining, *Eine Moschee in Deutschland*, 132.

1514

Цит. по: Dreyfuss, *Devil's Game*, 77.

1515

Цит. по: Dreyfuss, *Devil's Game*, 78–9.

1516

Цит. по: Johnson, *A Mosque in Munich*, 117.

Об американской политике в отношении ислама во время холодной войны см.: Matthew F. Jacobs, «The Perils and Promise of Islam: The United States and the Muslim Middle East in the Early Cold War», *Diplomatic History* 30, 4 (2006), 705–739; а также Matthew F. Jacobs, *Imagining the Middle East: The Building of an American Foreign Policy, 1918–1967* (Chapel Hill, NC, 2011), 55–94; о финальном этапе холодной войны Steve Coll, *Ghost Wars: The Secret History of the CIA, Afghanistan, and Bin Laden, from the Soviet Invasion to September 10, 2001* (London, 2004). Научно-популярный обзор американской политики в отношении ислама времен холодной войны приводит Robert Dreyfuss, *Devil's Game*. Научно-популярный обзор британской политики в отношении ислама времен холодной войны см.: Mark Curtis, *Secret Affairs: Britain's Collusion with Radical Islam* (London, 2010). О политике США в отношении арабского национализма и эксплуатации ислама см. также: Malcolm H. Kerr, *The Arab Cold War, Gamal Abd al-Nasir and His Rivals, 1958–1970* (London, 1971); Nathan J. Citino, *From Arab Nationalism to OPEC: Eisenhower, King Sa'ud, and the Making of U.S.-Saudi Relations* (Bloomington, IN, 2002); и Salim Yaqub, *Containing Arab Nationalism: The Eisenhower Doctrine and the Middle East* (Chapel Hill, NC, 2004).

1518

Roosevelt Jr., Доклад („Arab Situation in Morocco“), 29 апреля 1943
г., о.О., NA, WO 204/6235.

Цит. по: Johnson, *A Mosque in Munich*, 127.

1520

Цит. по: Johnson, *A Mosque in Munich*, 127.

Philip W. Ireland, «Islam, Democracy, and Communism», в Dorothea Seelye Franck (Hrsg.), *Islam in the Modern World: A Series of Addresses presented at the Fifth Annual Conference on Middle East Affairs, sponsored by the Middle East Institute, March 9–10, 1951* (Washington, DC, 1951), 65–76, 72.

Цит. по: Jacobs, *The Perils and Promise of Islam*, 726.

Johnson, *A Mosque in Munich*, 69–70.

Citino, *From Arab Nationalism to OPEC*, 126; и Johnson, *A Mosque in Munich*, 127–8.

1525

Цит. по: Citino, *From Arab Nationalism to OPEC*, 126.

1526

Цит. по: Johnson, *A Mosque in Munich*, 128.

1527

Donald N.Wilber, *Adventures in the Middle East: Excursions and Incursions* (Princeton, NJ, 1986), 195.

Bernard Lewis, «Communism and Islam», *International Affairs* 30, 1 (1954), 1–12, 12; Nachdruck in Walter Z. Laqueur (ed.), *The Middle East in Transition* (New York, 1958), 311–24, 324.

Citino, *From Arab Nationalism to OPEC*, 96.

1530

Dreyfuss, *Devil's Game*, 86.

1531

Miles Copeland, *The Game of Nations: The Amoral of Power Politics* (London, 1969), 156.

1532

Цит. по: Meining, *Eine Moschee in Deutschland*, 182.

О политике США в отношении Пакистана во время холодной войны см.: Robert J. McMahon, *The Cold War on the Periphery: The United States, India, and Pakistan* (New York, 1994); а также изложение основных идей в: Robert J. McMahon, «United States Cold War Strategy in South Asia: Making a Military Commitment to Pakistan, 1947–1954», *Journal of American History* 75, 3 (1988), 812–40. О роли ислама в частности см.: Andrew Rotter, «Christians, Muslims, and Hindus: Religion and U.S.-South Asian Relations, 1947–1954», *Diplomatic History* 24, 4 (2000), 593–613, а также: Andrew J. Rotter, *Comrades at Odds: The United States and India, 1947–1964* (Ithaca, NY, 2000), 220–48; классическое исследование по теме также: Harold R. Isaacs, *Scratches on Our Minds: American Views of China and India* (New York, 1980 [1958]), 274–9; см. также обсуждение книги: Andrew J. Rotter, «In Retrospect: Harold A. Isaac's *Scratches on Our Minds*», *Reviews in American History* 24 (1996), 177–88 und v. a. 187–8.

Цит. по: Rotter, «Christians, Muslims, and Hindus», 608.

Цит. по: Rotter, «Christians, Muslims, and Hindus», 611–2.

О политике США в отношении Саудовской Аравии во время холодной войны см.: Jacobs, «The Perils and Promises of Islam»; а также Jacobs, *Imagining the Middle East*, 55–94.

Dwight D.Eisenhower, *The White House Years*, 2 Vols. (London, 1963–1966), vol. 2 (*Waging Peace 1956–1961*), 115–6.

1538

Цит. по: Dreyfuss, *Devil's Game*, 88–9.

1539

Цит. по: Dreyfuss, *Devil's Game*, 142–3.

1540

Meining, *Eine Moschee in Deutschland*, 75.

Steve Coll, *The Bin Ladens: The Story of a Family and its Fortune* (London, 2008), 53–7 и 80–92.

О политике США в афганской войне см.: Olivier Roy, *Islam and Resistance in Afghanistan* (Cambridge, 1986); John K. Cooley, *Unholy Wars: Afghanistan, America and International Terrorism* (London, 1999); George Crile, *Charlie Wilson's War* (New York, 2003); A.Z.Hilali, *US-Pakistan Relationship: Soviet Invasion of Afghanistan* (Burlington, VT, 2005); и Coll, *Ghost Wars*. Хороший обзор с позиции СССР изложен в: Rodric Braithwaite, *Afgantsy: The Russians in Afghanistan 1979–89* (London, 2011). Об афганской войне как колыбели Аль-Каиды см.: R. Kim Cragin, «Early History of Al-Qa'ida», *Historical Journal* 51, 4 (2008), 1047–1067. О расцвете Талибана как следствии афганской войны см.: Ahmed Rashid, *Taliban, Militant Islam, Oil and Fundamentalism in Central Asia* (New Haven, CT, 2000).

Meining, *Eine Moschee in Deutschland*, 191–2. Данные были частично опубликованы в: Alex Alexiev, *Soviet Nationalities in German Wartime Strategy, 1941–1945*, Rand Report (Santa Monica, CA, 1982).

Fawaz A. Gerges, *America and Political Islam: Clash of Cultures of Clash of Interests?* (Cambridge, 1999), 68 и 71.

Robert M.Gates, *From the Shadows: The Ultimate Insider's Story of Five Presidents and how they won the Cold War* (New York, 1996), 132.

Цит. по: Patrick Vaughan, «Zbigniew Brzezinski and Afghanistan», in: Anna Kasten Nelson (ed.), *The Policy Makers: Shaping American Foreign Policy from 1947 to the Present* (Lanham, MD, 2009), 107–130, 109–110.

Odd Arne Westad, *The Global Cold War: Third World Interventions and the Making of Our Times* (Cambridge 2005), 333.

1548

Аноним («rum»), «Guerillaführer bei Baden-Württembergs Ministerpräsident Späth – Afghanistan: Westen darf uns nicht vergessen», *Sonntag Aktuell* (8 февраля 1981 г.).

1549

О событиях в советских республиках Центральной Азии см.:
Coll, *Ghost Wars*, 104–6.

Zbigniew Brzezinski, *Power and Principle: Memoirs of the National Security Adviser 1977–1981* (London, 1983), 489.

Rashid, *Taliban, Militant Islam, Oil and Fundamentalism in Central Asia*, 130.

1552

Об этих курсах см.: Cooley, *Unholy Wars*, 85.

1553

Подробнее об *Al-Jihad* см.: Cragin, *Early History of Al-Qa'ida*, 1052.

О советской политике в отношении ислама во время холодной войны см.: Ro'i, *Islam in the Soviet Union*, и Yemelianova, *Russia and Islam*. Bennigsen и Lemercier-Quelquejay, *Islam in the Soviet Union*; Michael Rywkin, *Moscow's Muslim Challenge: Soviet Central Asia* (London, 1982); Karen Dawisha и H el ene Carr ere d'Encausse, «Islam in the Foreign Policy of the Soviet Union: A Double-Edged Sword?», в: Adeed Dawisha (ed.), *Islam in Foreign Policy* (Cambridge, 1983), 160–177; Alexandre Bennigsen и Marie Broxup, *The Islamic Threat to the Soviet State* (London, 1983); а также работы, опубликованные в: Alexandre Bennigsen et al. (Hrsg.), *Soviet Strategy and Islam* (London, 1989); и Timothy Nunan, «Getting Reacquainted with the „Muslims of the USSR“: Staging Soviet Islam in Turkey and Iran, 1978–1982», *Ab Imperio* 4 (2011), 133–71. О ее развитии после холодной войны см.: Ahmed Rashid, *Jihad: The Rise of Militant Islam in Central Asia* (New Haven, CT, 2002); и Adeeb Khalid, *Islam after Communism: Religion and Politics in Central Asia* (Berkeley, CA, 2007).

Vincent Javert, «Les Révélations d'un Ancien Conseiller de Carter: „Oui, la CIA est Entrée en Afghanistan avant les Russes...“», *Le Nouvel Observateur* (15–21 января 1998), 76.

1556

Цит. по: Coll, *Ghost Wars*, 168.

1557

Цит. по: Meining, *Eine Moschee in Deutschland*, 135.

1558

О ранней истории «Аль-Каиды» см.: Cragin, *Early History of Al-Qa'ida*.

Usama bin Laden, «Declaration of Jihad», in Bruce Lawrence (Hrsg.), *Messages to the World: The Statements of Osama bin Laden* (London, 2005), 25.

David Motadel, «America: Uneasy Engagement», *The World Today* 67, 1 (2011), 27–29.